

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

BRASSOWITZ
AGENT
ZIG

C 1862.115

Harvard College Library

FROM THE BEQUEST OF

JAMES WALKER, D.D., LL.D.

(Class of 1814)

FORMER PRESIDENT OF HARVARD COLLEGE

“Preference being given to works in the
Intellectual and Moral Sciences”

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

СОСТОЯНІЯ

ВИЗАНТІЙСКО-ВОСТОЧНОЙ ЦЕРКВИ

отъ конца XI-го до половины XV-го вѣка.

(Отъ начала Крестовыхъ походовъ до паденія Константинополя
въ 1453 г.).

Заслуженнаго профессора Московскаго Университета

А. П. Лебедева.

Лебедев

VII

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ ПЕРЕСМОТРѢННОЕ.

МОСКВА.

Печатня А. И. Снегиревой.

Остоженка, Саведовскій пер., соб. д.

1902.

СОБРАНІЕ
ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКИХЪ СОЧИНЕНІЙ

ПРОФЕССОРА

МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА ПО КАФЕДРѢ ИСТОРИИ ЦЕРКВИ

Алексыя Лебедева.

Томъ VII.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ
СОСТОЯНІЯ
ВИЗАНТІЙСКО-ВОСТОЧНОЙ ЦЕРКВИ

отъ конца XI-го до половины XV-го вѣка.

(Отъ начала Крестовыхъ походовъ до паденія Константинополя
въ 1453 г.).

Заслуженнаго профессора Московскаго Университета

Н. П. Лебедева.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ ПЕРЕСМОТРѢННОЕ.

МОСКВА.
Печатня А. И. Снегиревой.
Остоженка, Савеловскій пер., соб. д.
1902.

2825.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Москва, 10 января 1902 года.

Цензоръ Протоіерей *Іоаннъ Петропавловскій*.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стран.

I. Взглядъ на взаимныя отношенія церкви Греческой и Латинской.—Общія замѣчанія. Крестовые походы и ихъ значеніе въ вопросѣ объ отношеніи Латинянъ къ Грекамъ (разграбленіе и опустошеніе крестоносцами Фессалоники и Константинополя). Враждебныя отношенія Грековъ къ крестоносцамъ и латинскимъ жителямъ на Востоку. Главнѣйшіе церковно-историческіе факты, въ которыхъ выражалась взаимная непріязнь церквей Латинской и Греческой: презрительныя отзывы папъ и королей о Греческой церкви; чѣмъ отвѣчали на это Греки (разсужденія Анны Комн., Вальсамона о превышемъ авторитетѣ К—польскаго патріарха и проч.)? Твердость Грековъ въ своей вѣрѣ.—Полемика между Латинянами и Греками: западный писатель Гугонъ и его обвиненія противъ Грековъ—по части догматики, таинствъ, разныхъ сторонъ богослуженія, нападки его на духовенство и монашество, исчисленіе имъ недостатковъ въ религіозномъ положеніи народа; обвиненія, возводимыя Греками на Латинянъ въ богослужебномъ отношеніи, нападки ихъ на поведеніе латинскаго духовенства, порицанія имъ обыденной жизни латинскихъ христіанъ.—Факты и воззрѣнія свидѣтельствующіе, что союзъ Восточной и Западной церкви въ XI—XV в. еще не совсѣмъ былъ порванъ. . . .

1—44

II. Религіозно-нравственный характеръ Византійской имперіи.—Почему трудно описывать эту сторону исторической жизни? Общая характеристика Византійскихъ императоровъ разсматриваемаго періода. Черты религіозно-нравственной жизни императоровъ: Алексѣя Комнина и царственнаго его дома, Іоанна, Мануила и Андроника Комниныхъ, императоровъ изъ фамиліи Ангеловъ, Іоанна Ватацы и нѣкоторыхъ императоровъ изъ дома Палеологовъ.—Черты нравственной жизни Византійскаго общества или всего народа вообще: недостатокъ сохраненія собственнаго достоинства; нарушенія заповѣди о цѣломудріи, неравномѣрно-строгое отношеніе въ этомъ случаѣ закона къ преступности мужа и жены,—пьянство,—„скоромное зло“; хищничество и казнокрадство; вѣроподданничество, „окаченѣвшее на маскѣ“, и склонность къ анархіи. — Черты религіозной жизни народа вообще: неурядки въ отправленіи богослуженія; суевѣрія: страсть къ

гаданьямъ — гаданья на предметахъ священныхъ, на зервахъ и проч., слѣпая вѣра въ предсказанія, непросвѣщенный взглядъ на кометы; талисманы. — Свѣтлыя стороны въ религиозно-нравственной жизни народа: преданность Православію, храненіе церковныхъ уставовъ и проч. Преобладаніе темныхъ сторонъ надъ свѣтлыми. 45—105

III. Отношенія государственной власти къ церкви. — На чемъ Византійскіе императоры основывали свое вмѣшательство въ дѣла церкви? Мысли свѣтскихъ и высшихъ духовныхъ лицъ, клонящіеся въ пользу подобнаго вмѣшательства. Въ чемъ вообще выражалось такое вмѣшательство? Мысли преимущественно высшихъ іерарховъ противъ вмѣшательства императоровъ въ дѣла церкви. — Описанія отношеній къ церкви императоровъ: Алексѣя Комнина (борьба его съ павликіанами и богомилами. Новеллы его), Мануила Комнина (различные отзывы объ отношеніяхъ Мануила къ церкви; богословскіе споры при немъ: 1) объ Евхаристіи, какъ жертвѣ, 2) по поводу изреченія „Отецъ болій Мене есть“, 3) о богѣ Магометовомъ; новеллы Мануила касательно церкви, духовенства и монашества, его же новелла о большихъ и малыхъ праздникахъ); отношенія къ церкви — Андроника Комнина, Исаака Ангела, Алексѣя III (споръ при немъ о „нетлѣнности и тлѣнности“ Евхаристіи), Михаила Палеолога, Андроника Старшаго и проч. . . . . 106—167

IV. Іерархи, преимущественно Константинопольскіе и ихъ церковно-общественная дѣятельность. — Идеаль папства (мысли Григоры и Пахимера).

Патріархи отъ кон. XI вѣка до завоеванія Константинополя Латинянами: Николай Грамматикъ, Михаилъ Оксійскій, Коосма Аттикъ, Николай Музалонъ (экскурсъ ко вопросу — о соединеніи архіерейства и монашества въ одномъ и томъ-же лицѣ), Лука Хризвергъ, Михаилъ Анхіальскій, Θεодосій I, Василій Каматиръ (въ примѣч.), Георгій Ксифилинъ (ibid.), Іоаннъ Каматиръ (нѣкоторыя подробности касательно спора о „нетлѣнности и тлѣнности“ Евхаристіи, Михаилъ Сикидитъ — представитель заблужденія, вопросъ о тождествѣ Михаила Сикидита и Михаила Глика — судьба патріарха). . . . . 168 - 194

Болѣ замѣчательные патріархи Константинопольскіе, правившіе церковію изъ Никеи, по перенесеніи сюда столицы изъ Византіи, завоеванной Латинянами: Германъ II, Мануилъ II, Никифоръ II (экскурсъ о двухъ Никифорахъ: патріархъ и Влеммидъ), Арсеній. 194—215

Патріархи, занимавшіе кафедру со времени отпаденія Греками столицы у Латинянъ и до окончательнаго подпаденія ея подъ власть Турокъ: Германъ III, Іосифъ I, Іоаннъ Веккъ, Григорій Кипрскій, Аванасій, Іоаннъ Созопольскій, Аванасій (вторично), Нифонтъ, Іоаннъ Гликисъ, Исаія, Іоаннъ Калекасъ, Исидоръ, Каллистъ I,

Филофей, Нилъ, Матей, Евфимій, Іосифъ II, Митрофанъ, Григорій Мамма; нѣкто Аванасій былъ ли (последнимъ) Византійскимъ патріархомъ? Общія замѣчанія о патріархахъ эпохи Палеологовъ . . . . . 215—296

Зилоты и Политики въ духовенствѣ, общія характеристическія черты тѣхъ и другихъ, причины появленія Зилотовъ и Политиковъ.

Зилоты въ умственномъ, научномъ и нравственномъ отношеніи, притязательность и самоувѣренность Зилотовъ. Отношенія ихъ къ свѣтскому правительству. Демогическій характеръ Зилотовъ. Отношенія Зилотовъ къ архіереямъ и клирикамъ.

Политики въ ихъ умственномъ, научномъ и нравственномъ отношеніи. Идеалъ монаха у Политиковъ. Отношенія ихъ къ свѣтской власти (ихъ теорія „экономіи“). Примѣры. Отношенія Политиковъ къ архіереямъ и клирикамъ.

Эпоха господства Зилотовъ и Политиковъ и конецъ этого господства . . . . . 296—341

Матеріальное положеніе духовенства (Прибавленіе къ отдѣлу о Константинопольскихъ іерархахъ). Неодинаковое положеніе въ XI, XII вѣкахъ, въ большую часть XIII вѣка, и въ концѣ XIII и началѣ XIV вѣка. Быстрый поворотъ къ худшему въ XIV вѣкѣ. Бѣдственное положеніе въ XV вѣкѣ. . . . . 342—354

Краткое обозрѣніе патріархатовъ: Александрійскаго, Антиохійскаго и Іерусалимскаго . . . . . 354—366

V. Духовное просвѣщеніе и богословская наука.

Духовное просвѣщеніе: фамилія Комнинныхъ и ея любовь къ просвѣщенію. Состояніе школъ въ эпоху Комнинныхъ. Увлеченіе платонизмомъ въ XII вѣкѣ. Перечисленіе главнѣйшихъ представителей богословской науки, принадлежавшихъ ко временамъ Комнинныхъ.—Положеніе духовнаго просвѣщенія во времена перенесенія столицы въ Никеею.—Улучшеніе дѣла съ возшествіемъ Палеологовъ на Византійскій тронъ. Любовь вообще Палеологовъ къ образованію. Школы при нихъ. Увлеченіе платонизмомъ въ періодъ Палеологовъ (Плитовъ), характеристика ученія Плитона, борьба съ нимъ. Перечисленіе замѣчательнѣйшихъ представителей богословской науки въ періодъ Палеологовъ. . . . . 367—394

Обработка отдѣльныхъ богословскихъ наукъ:

1) Свящ. экзегетика: Евфимій Зигавинъ и его толкованія на Четвероевангеліе, Соборныя посланія, Павловы посланія и проч. (исторія открытія нѣкоторыхъ изъ этихъ комментариевъ) . . . 384—394

2) Догматико-полемическія произведенія: „Догматическая Папалія Православной вѣры“ Зигавина; „Сокровище вѣры“ Никиты Хоніата; краткій обзоръ догматико-полемическихъ сочиненій Николая Метовскаго, написанныхъ по поводу современныхъ ему заблужденій (XII в.). . . . . 394—415

- 3) Исторія церкви: Никифоръ Каллистъ и оvědѣнія о его жизни; характеристика его „Церковной Исторіи“; каталоги его. 415—426
- 4) Сочиненія богословскія церковно-практическаго характера: „О лицезрѣніи“ Евстаѣя Θεσσαλονικскаго, „Обозрѣніе жизни монашеской съ точки зрѣнія требующихся въ ней улучшеній“ его же, другія сочиненія Евстаѣя.—„Семь словъ о жизни во Христѣ“, сочин. Николая Кавасилы. . . . . 426—445
- VI. Паденіе Константинополя, въ 1453 г. . . . . 446—458
- VII. Приложение. — Общество любителей духовнаго просвѣщенія въ Византіи давняго времени . . . . . 459—489.

Взглядъ на взаимныя отношенія церкви Греческой и Латинской.

Времена византійскихъ патріарховъ Фотія (въ IX в.) и Михаила Керуларія (въ XI) совершенно справедливо считаются эпохой, когда случилось дѣйствительное раздѣленіе церкви на Восточную и Западную. Но нѣтъ сомнѣнія, эта взаимная вражда двухъ сестеръ-церквей улеглась-бы, сгладилась-бы, — съ теченіемъ времени между ними возникло-бы если не единеніе, полное и всецѣлое, то по крайней мѣрѣ установились-бы болѣе или менѣе миролюбивыя отношенія. Но этому не суждено было послѣдовать. Причиной этого были все новыя и новыя столкновенія, какія имѣли мѣсто во взаимныхъ отношеніяхъ между Греками и Латинянами въ остальное время существованія Греческой имперіи въ XII, XIII, XIV и XV вѣкахъ. Обстоятельства эти не только не способствовали къ умиротворенію вражды между двумя названными церквами, но еще болѣе усиливали взаимный антагонизмъ.

При обзорѣ исторіи Восточной церкви отъ XII по XV вѣкъ, т. е. до паденія Византіи, — поэтому мы хотимъ прежде всего объяснить: чѣмъ обуславливалось это прогрессивное возрастаніе нерасположенія церкви Восточной и Западной одной къ другой, и въ какихъ замѣчательныхъ фактахъ выразилось оно.

Однимъ изъ значительныхъ факторовъ, содѣйствовавшихъ такому отчужденію двухъ родственныхъ по своей вѣрѣ народовъ — Грековъ и Латинянъ — были крестовые походы, начавшіеся съ конца XI вѣка и продолжавшіеся до исхода XIII вѣка. Западные крестовые походы довели нерасположеніе Грековъ къ Латинянамъ до высшей степени нап्रा-

женія. Прежде всего, эти походы имѣли то слѣдствіе, что они наводнили Греческую имперію разнаго рода предпринимателями съ экономическими задачами, выходцами съ запада, повредившими экономическому благосостоянію Греціи. Намъ нѣтъ дѣла разслѣдовать, отчего это зависѣло, только несомнѣнно, что съ этого времени промышленность, торговля и капиталы переходятъ въ Греческой имперіи къ иностранцамъ. Правда, и до этого времени, въ особенности Венеціанцы, замѣтно забираютъ въ свои руки коммерческія дѣла въ Греціи; но съ XII вѣка это стало какимъ-то роковымъ закономъ для Грековъ. Латиняне появились во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ Византійской имперіи; въ Константинополѣ они заняли цѣлые кварталы. Но что всего хуже: это были люди все денежныя, въ сознаніи своего богатства смотрѣвшіе съ презрѣніемъ на Грековъ. Одинъ Греческій историкъ XII вѣка (Киннама) замѣчаетъ о Венеціанцахъ: имѣя право вести торговлю безданно, безпошлинно, они, „скоро и безъ мѣры разбогатѣвъ, сдѣлались заносчивыми, стали обращаться съ (нашими) гражданами будто съ рабами, и обращались такъ не только съ людьми изъ нисшихъ сословій, но и съ тѣми, которые пользовались у Грековъ большими почестями“. ¹⁾ Другой Греческій историкъ XII—XIII вѣка (Никита Хониатъ) говоритъ вообще о тѣхъ-же Венеціанцахъ: „они цѣлыми толпами и семьями промѣняли свой отечественный городъ на Константинополь; размножились здѣсь и усилились, пріобрѣли огромное богатство и стали выказывать дерзость и гордость, такъ что не только враждовали къ Грекамъ, но не обращали вниманія на царскія угрозы и предписанія. Ихъ наглости преважили всякое терпѣніе“. ²⁾ Разумѣется, Греческій народъ не могъ питать любви и сочувствія къ разбогатѣвшимъ на его счетъ и при томъ крайне зазнавшимся Латинянамъ. Это чувство легко могло примѣшиваться къ тому чувству нерасположенія, какое

¹⁾ Киннама. Обзоръ царствованія Іоанна и Мануила Комнинныхъ. Кн. VI, гл. 10. Русск. перев. Спб., 1859.

²⁾ Никиты Хониата. Исторія.—Царствованіе Мануила. Кн. V, гл. 9. Русскій переводъ *Исторіи* Никиты Хониата изданъ въ двухъ томахъ. Спб. 1860 и 1862 гг.

уже существовало у Грековъ вслѣдствіе недавно происшедшаго религіознаго разрыва между Восточной и Западной церквами. По обычаямъ того времени, при учрежденіи каждой иноземной торговой факторіи, прежде всего воздвигали церковь, потомъ уже вымощивали площадь, строили дома, лавки и магазины. Факторія представляла изъ себя нѣчто обособленное, замкнутое, имѣвшее въ центрѣ у себя храмъ, гдѣ совершалась служба по обычаямъ и обрядамъ Западной церкви, гдѣ совершали литургію на опрѣснокахъ, пѣли и читали въ символѣ: *filioque* и пр. ¹⁾ Какъ было не чувствовать къ этимъ богатымъ и гордымъ Латинянамъ тѣмъ сильнѣйшей ненависти, что, имѣя свои церкви, своихъ священниковъ, они безъ сомнѣнія смотрѣли на себя какъ на единственныхъ истинныхъ христіанъ среди общества еретиковъ? Съ другой стороны и Латинянамъ въ данномъ случаѣ открывался поводъ еще болѣе презирать Грековъ, такъ какъ Греки на презрѣніе отвѣчали презрѣніемъ и избѣгали латинскаго богослуженія. Такимъ образомъ, наплывъ иностранцевъ—Латинянъ на Востокъ въ эпоху крестовыхъ походовъ былъ однимъ, хотя и изъ некрупныхъ, но все-же камнемъ преткнанія, о который все больше и больше разбивалось религіозное единеніе Грековъ съ Латинянами.—Главная причина, почему крестовые походы служили къ возрастанію вражды между данными церквами, заключалась впрочемъ не въ этомъ, а въ варварствѣ, грабежѣ и убійствахъ, какими сопровождались для Грековъ эти походы рыцарей креста. Самый первый-же крестовый походъ наводитъ ужасъ и оцѣпѣніе на Грековъ. Неужели это наши братья-христіане? Вотъ вопросъ, который невольно приходилъ на мысль каждому Греку, когда онъ видѣлъ крестовыя полчища, предводимыя Петромъ пустынноикомъ, Готшалкомъ. Эти передовыя толпы крестоносцевъ уже съ перваго раза прудубѣждали православныхъ противъ Западной набожности и благочестія. Ихъ путь означенъ былъ такимъ варварствомъ, какого

¹⁾ Проф. А. Л. Катанскаго. Исторія попытокъ къ соединенію церквей Греческой и Латинской въ первые 4 вѣка по ихъ раздѣленіи. Стр. 36. Спб. 1868.

никакъ не ожидали Греки. Первые крестоносцы—это были люди, принадлежавшіе къ низшему, грубому и испорченному классу общества. Конечно, Грекамъ, выносившимъ на своихъ плечахъ всю тяжесть этого похода, было не до вопроса: были-ли это лучшіе люди Запада или же подонки общества? Въ нихъ видѣли они лишь злодѣевъ, пришедшихъ съ Запада съ цѣлями однакожъ самыми священными; ненависть съ этихъ крестоносцевъ переносилась на весь христіанскій Западъ. Отъ первыхъ крестовыхъ дружинъ подданные Греческой имперіи потерпѣли, по мнѣнію историка крестовыхъ походовъ Мишо, болѣе, чѣмъ сами Турки отъ ихъ первыхъ подвиговъ. ¹⁾ Правда, дальнѣйшія дружины крестоносцевъ вели себя несравненно лучше своихъ предшественниковъ, но ужъ нельзя было истребить изъ умовъ православныхъ людей предубѣжденій противъ Латинянъ, представляемыхъ первыми крестоносцами. Съ другой стороны, вождямъ и позднѣйшихъ крестовыхъ дружинъ нельзя было удержать буйную толпу и самимъ удержаться въ предѣлахъ умѣренности. Возникло множество мелкихъ ссоръ и стычекъ, и въ результатѣ выходило то, что Греки въ Латинянахъ видѣли только людей, преданныхъ дѣламъ тьмы, богохульно прикрывающихъ знаменіемъ креста величайшія преступленія. ²⁾ Неудивительно послѣ этого, если крестовые походы были въ глазахъ Грековъ величайшимъ зломъ, какимъ только когда-либо заявили себя Латиняне. По мѣткому выраженію одного новаго Греческаго историка (Досиеея Іерусалимскаго), „крестовые походы были войною священной въ томъ-же смыслѣ, въ какомъ проказа называется *священною болѣзнію*“. Греки ничего такъ не желали, какъ того, чтобы скорѣе наступилъ конецъ этимъ по имени крестовымъ, а по дѣлу—варварскимъ походамъ. Вскорѣ послѣ того какъ Латиняне наводнили Востокъ, Греки это свое желаніе, эти надежды облекли даже въ форму религіозной легенды, записанной однимъ историкомъ, современникомъ первыхъ крестовыхъ походовъ. „При императорѣ Алексѣѣ Комнинѣ въ 1106 году явилась на небѣ

¹⁾ Мишо. Исторія крестовыхъ походовъ. Т. I, стр. 447. Переводъ.

²⁾ Проф. Катанскаго. Исторія попытокъ, 38—39.

комета, идущая съ запада къ востоку, показывалась она въ продолженіе сорока сутокъ и потомъ скрылась. Царь потребовалъ отъ одного изъ своихъ царедворцевъ (префекта Василя), считавшагося умнымъ, разяснить: что значитъ появленіе и исчезновеніе этой кометы. Царедворецъ, по разсказу историка, находясь въ недоумѣніи, испросилъ себѣ сроку на размышленіе и по дорогѣ зашелъ въ храмъ Іоанна Богослова и молился. И когда напала на него дремота, то онъ увидѣлъ во снѣ святого, одѣтаго въ священную одежду, и на предложенный вопросъ о кометѣ отвѣчавшаго, что появленіе кометы указываетъ на нападеніе Латинянъ (Кельтовъ) на Востокъ, а что она пропала, это указываетъ, что Латиняне будутъ истреблены¹⁾. Очевидно, Греки этого времени вездѣ, гдѣ ни случится, видѣли такое или другое указаніе на ненавистныхъ Латинянъ.

Однимъ изъ очень крупныхъ фактовъ, относящихся къ эпохѣ перваго столѣтія крестовыхъ походовъ, — фактовъ, произведшихъ сильное, неизгладимое впечатлѣніе на Грековъ, и подбавившихъ еще и еще нѣсколько желчи въ ту чашу, какую теперь пили Греки отъ Латинянъ,—это было плачевное событіе разоренія, опустошенія и поруганія латинскими выходцами съ Запада главнѣйшаго между греческими городами—Θεσσαλονικι, считавшейся „вторымъ окомъ имперіи“²⁾. Случай этотъ былъ въ 1185 году. При взятіи Θεσσαλονικι Латиняне выразили въ ужасныхъ размѣрахъ ту ненависть, какою они были исполнены въ отношеніи къ Грекамъ. Послѣдніе встрѣтились здѣсь не съ братьями во Христѣ, а съ какими-то исчадіями преисподней. Латиняне смотрѣли на θεσσαλονικίτες, какъ на людей, отверженныхъ Богомъ и осужденныхъ отъ него на наказаніе. Греческій историкъ Никита Хониатъ представляетъ намъ разительное описаніе злодѣйствъ иноземцевъ въ Θεσσαλονικί, Послушаемъ, что говоритъ онъ: „не то изумляетъ насъ, что они грабили вещи, а то, что они повергали на землю св.

---

¹⁾ Annae Comnenae. Alexiadis lib. XII, p. 892—893 (Migne, Patrologiae tom. 131).

²⁾ Cantacuseri. Histor. Tom. III, p. 613. Edit. Bonn.

иконы Христа и его угодниковъ, попирали ихъ ногами, и если находили на нихъ какое-либо украшеніе, срывали его какъ попало, а самыя иконы выносили на перекрестки для попраіія прохожихъ или же употребляли вмѣсто топлива при варкѣ пищи. Всего же нестерпимѣе и нечестивѣе то, что нѣкоторые изъ нихъ, вскакивая на престолъ, плясали на немъ, безчинно прыгали, распѣвая какія-то варварскія отвратительнѣйшія народныя пѣсни и совершали срамное на мѣстѣ святѣ. Одинъ изъ вождей, сидя на конѣ, вѣхалъ въ храмъ мученика Димитрія. Мѣро. истекавшее изъ гроба этого мученика, Латиняне черпали кувшинами и кастрюлями, вливали въ рыбныя жаровни, смазывали мѣромъ сапоги и безо всякаго уваженія употребляли на другія потребности, для которыхъ обыкновенно употребляется масло. Когда православные собирались въ храмъ для богослуженія, то грубые и наглые солдаты — Латиняне не оставляли собравшихся въ покоѣ. Они приходили въ храмъ въ это время и, дѣлая видъ, что будто совершаютъ молитву, безчинно разговаривали между собою и безобразно кричали; насильственно хватали кого-либо изъ молящихся за горло, давили ихъ и тѣмъ прерывали пѣніе. Мало того: нѣкоторые изъ нихъ, показывая видъ, что они подпѣваютъ, выкрикивали пѣсни срамныя или же лаяли по собачьи¹⁾. Что же касается до житейскихъ отношеній побѣдителей къ побѣжденнымъ, то историкъ Никита Хоніатъ рассказываетъ такія вещи, что о нихъ остается только умолчать²⁾. Описывая занятіе Θεσσαλονики Латинянами, много самыхъ жестокыхъ выраженій, самыхъ энергическихъ восклицаній расточаетъ пораженный этимъ событіемъ Греческій историкъ и заключаетъ свою рѣчь знаменательными, полного глубокаго убѣжденія и силы словами, вполне выясняющими тѣ отношенія, въ какихъ очутились Латиняне и Греки къ концу XII вѣка. Онъ говоритъ: „такимъ образомъ между ними и нами утвердилась величайшая пропасть вражды; мы не можемъ соединиться душами, хотя и бываемъ во внѣшнихъ сношеніяхъ

1) Никиты Хоніата. Царствованіе Андроника Комнина, кн. I, гл. 7 и 9.

2) Ibidem, гл. 9.

и часто живемъ въ одномъ и томъ же домѣ“. Историкъ обзываетъ Латинянъ „проклятыми“ ¹⁾).

Неизгладимо сильно было впечатлѣніе на Грековъ отъ занятія Θεσσαλονικι Латинянами, позволявшими себѣ при этомъ неожиданное варварство. Это впечатлѣніе, кромѣ греческаго историка, прекрасно изображено тогдашнимъ греческимъ писателемъ митрополитомъ Евстаѣемъ Θεσσαλονικійскимъ, современникомъ, описавшимъ это горестное событіе въ сочиненіи: „о завоеваніи Θεσσαλονικι Латинянами“ ²⁾. Къ тому, что нами сказано о завоеваніи Θεσσαλονικι, на основаніи историка Никиты, можно прибавить еще слѣдующія характеристическія черты, встрѣчаемыя у Евстаѣя: улицы покрылись трупами, которые всѣ, благодаря хищничеству завоевателей, оставались въ обнаженномъ положеніи. Мало того: Латиняне позволили себѣ самое наглое поруганіе надъ трупами побѣжденных Грековъ. Человѣческія тѣла умышленно были расположены рядомъ съ палыми ослами, убитыми собаками и кошками, и притомъ имъ даны были такія позы, какъ будто они хотятъ обняться и удовлетворить чувственной похоти (сар. 98). Трупы умершихъ долгое время оставались непогребенными, и когда завоевателей просили исполнить этотъ общечеловѣческій долгъ, они съ насмѣшкой отвѣчали: „мы привыкли къ этому; притомъ же такое зрѣ-

¹⁾ Ibid., гл. 8.

²⁾ Eustathii. Narratio de Thessalonica urbe a Normannis capta. Это сочиненіе сначала издано въ XIX-мъ столѣтіи Тафелемъ, и затѣмъ перепечатано въ Патрологіи Миня (Gr. ser., tom. 136). Тотъ же Тафель сдѣлалъ нѣмецкій переводъ этого сочиненія (снабдивъ его примѣчаніями) въ своей книгѣ: *Komnenen und Normannen* (s. 73—202), Ulm. 1852. Произведеніе Евстаѣя, при изданіи его Тафелемъ, раздѣлено на множество мелкихъ главъ, которыя и будемъ цитировать въ нашей дальнѣйшей рѣчи. Нужно сказать, что Никита Хоніатъ несомнѣнно имѣлъ подъ руками разсматриваемое произведеніе Евстаѣя при составленіи своей Исторіи, какъ это доказано учеными (проф. Успенскій: „Византійскій писатель Никита Акминатъ изъ Хонъ“, стр. 150—151. Спб., 1874; Tafel, *Komnenen*, s. 232—234), да и притомъ тоже самое нетрудно замѣтить при сличеніи извѣстій Никиты съ извѣстіями Евстаѣя. (Такъ вышеприведенныя извѣстія Никиты о занятіи Θεσσαλονικι Латинянами, для указанной цѣли, лучше всего сравнить со слѣдующими главами: *De Thessalonica urbe* 99, 101, 103, 109, 115, 121). Впрочемъ, нужно сказать, что у Никиты есть и такія свѣдѣнія, какихъ нѣтъ у Евстаѣя (такъ его замѣчаніе о томъ низкомъ употребленіи, какое дѣлали Латиняне изъ мѣра св. Димитрія, взяты не изъ Евстаѣя).

лище и такой запах доставляютъ намъ наслажденіе“. Наконецъ тѣла погибшихъ были сожжены, но вмѣстѣ съ трупами разныхъ животныхъ (сар. 107). Греческіе храмы не только не останавливали неистовства побѣдителей, но кажется еще болѣе разжигали его. Многіе изъ побѣжденныхъ, въ виду тяжести бѣдствій, искали себѣ, если не защиты, то утѣшенія въ храмахъ, и возглашали: *χὀριε ἐλέησον*, но Латиняне врывались въ храмы и, нисколько не уважая святости мѣста, рѣзали богомольцевъ, приговаривая: „что это значитъ: *χὀριε ἐλέησον*“ и безумно хохотали при этомъ (сар. 99). Женщины и дѣвы дѣлались добычей скотской страсти солдатъ, причемъ цинизмъ не зналъ себѣ границъ (*ibid*). Многіе мужчины и женщины изъ числа *Θεσσαλονικίαι*-цевъ, не имѣя силъ перенести несчастіе, бросались съ крышъ и разбивались или тонули въ колодцахъ (сар. 104). Кто остался живъ послѣ завоеванія города Латинянами, для тѣхъ началась ужасная жизнь: носы у побѣжденныхъ были или разбиты или отрѣзаны побѣдителями, такъ что пріятель не могъ узнать въ лицо своего пріятеля и долженъ былъ спрашивать: да кто онъ (сар. 111); одежды почти ни у кого не было: многіе считали себя счастливыми, что имѣли обрывокъ рогожки, которымъ могли прикрыть свои чресла (сар. 108); хлѣба не было, и если Грекъ обращался къ Латинянину съ просьбой о хлѣбѣ, то получалъ въ отвѣтъ названіе: „чорта“—и удары (сар. 113).

Но взятіе *Θεσσαλονικίαι* было не единственнымъ случаемъ проявленія неистовства Латинянъ надъ Греками. Что было при занятіи Латинянами *Θεσσαλονικίαι*, тоже позднѣе повторилось при нашествіи тѣхъ же Латинянъ на Византію. Событіе это, совершившееся въ началѣ XIII вѣка и имѣвшее печальное слѣдствіе для столицы, переполнило чашу страданій, какую пришлось выпить до дна Грекамъ, по винѣ своихъ западныхъ братій по вѣрѣ. Завоеваніе Константинополя латинскими крестоносцами, обратившими свой мечъ, вмѣсто неврѣнныхъ, на такихъ же христіанъ, какъ и они сами, произошло 1204 года 13-го апрѣля. Нужно знать, съ какою гордостью и восторгомъ смотрѣли на свою столицу—Константинополь Греки, съ ея священнымъ памятни-

ками древности, съ ея замѣчательнѣйшими произведеніями искусствъ, чтобы повѣсть, какою непримиримою ненавистью должны были дышать они на Латинявъ послѣ указаннаго событія. Греки любили называть Византію „общей столицей всей вселенной и всеобщимъ пританеємъ“¹⁾. Но гордость Грековъ — Византія не только завоевана Латинянами, но и разграблена, но и поругана; могли ли когда-либо Греки простить это Латинянамъ? Никита Хоніатъ, современникъ и очевидецъ событія, оставилъ намъ какъ живое изображеніе той скорби, какою проликутъ былъ каждый Грекъ при видѣ несчастія, такъ и описаніе самаго неистовства Латинявъ въ Византіи. Никита пишетъ: „вотъ разметаны по нечистымъ мѣстамъ останки мучениковъ! О чемъ и слышать страшно, это самое можно было видѣть тогда: именно, какъ божественная Кровь и Тѣло Христова повергались и проливались на землю. Расхищая драгоцѣнные сосуды, Латиняне одни изъ нихъ разбивали, прача за пазуху бывшія на нихъ украшенія, а другіе обращали для обыкновеннаго употребленія за своимъ столомъ, вмѣсто корзинокъ для хлѣба и кубковъ для вина, какъ истинные предтечи антихриста“, замѣчаетъ историкъ. „Драгоцѣнный престолъ Софійскаго храма, состоящій изъ разнообразныхъ веществъ, при посредствѣ огня слитыхъ въ одно прекрасное цѣлое, крестоносцы изрубили на части и раздѣлили между собою. Всѣ украшенія, золото, серебро, драгоцѣнные камни были сорваны съ своихъ мѣстъ. Въ храмъ вводили вьючныхъ животныхъ, на которыхъ вывозились сокровища церковныя, доводили ихъ до самаго алтаря, и такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ поскользывались и не могли подняться на ноги по гладкости полировки каменнаго пола, то здѣсь же и закалывали ихъ кинжалами, оскверняя такимъ образомъ ихъ пометомъ и разлившеюся кровью священный церковный пометъ. Вотъ какая-то женщина, — продолжаетъ живописать историкъ, — исполненная грѣхами, гудокъ неприличныхъ, соблазнительныхъ и срамныхъ напѣвовъ, усѣлась на патриаршемъ мѣстѣ (сопрестоли), распѣвая свою визгливую мело-

¹⁾ Gregorae. Byzant. Historia, tom. II, p. 678. Edit. Bonn.

дію, а потім бросилась въ пляску, быстро кружась и потрясая ногами ¹⁾. И не эти только беззаконія совершались, а другія нѣтъ,—или эти болѣе, а другія менѣе; но всякаго рода преступленія съ одинаковымъ рвеніемъ совершались всѣми“ (т. е. побѣдителями). „И вотъ мы видѣли—замѣчаетъ историкъ — много такого, что совершенно противоположно было тому, что у христіанъ называется благочестивымъ и сообразнымъ съ словомъ вѣры“ ²⁾. Замѣчательно: въ грабежѣ участвовали не одни солдаты, но и духовныя лица изъ Латинянъ. Константинополь издревле славился не однимъ богатствомъ, но и обиліемъ святыни. Императоры Греціи отовсюду собирали сюда священные и досточтимые предметы христіанской древности ³⁾. И вотъ, въ то время, какъ солдаты расхищали золото и серебро и драгоценности ⁴⁾, Латинскіе монахи и аббаты хищнически устремились на драгоценныя сокровища святыни, и для достиженія цѣли не пренебрегали никакими насильственными средствами. Одинъ изъ таковыхъ, парижскій аббатъ Мартинъ Литцъ, получивъ известность своею наглостію въ грабежѣ святыни, и однакъ западными хроникерами этотъ человекъ именуется за все это хотя и хищникомъ, но святымъ хищникомъ — *praedosa sanctus* ⁵⁾. Такимъ способомъ многія изъ священныхъ сокро-

¹⁾ Одинъ неизвѣстный по имени греческій полемистъ XIII вѣка говоритъ о Латинянахъ, завоевателяхъ Константинополя слѣдующее: одни изъ нихъ „отдавали блудницамъ неприкосновенныя плащаницы (*συνδόνας*) тѣмъ владычнаго и непотребная женщина засыпала на нихъ“. *Три статьи греческаго писателя XIII в.*, стр. 85. См. объ этой книгѣ нѣсколько ниже.

²⁾ Никиты Хоніата. Царствованіе Алексѣя Мурпуфла, гл. 3—4.

³⁾ Сами Латиняне приходили въ изумленіе отъ обилія святынь въ Константинополѣ. Такъ Виллегардуинъ, современникъ и очевидецъ сознается: что насаетъ святынь, то „въ одномъ этомъ городѣ ихъ столько, сколько въ остальномъ мірѣ“. Извлеченіе изъ сочиненія его: „О завоеваніи К—поля“, у Стасюлевича: „Исторія среднихъ вѣковъ“. Томъ III, стр. 596. Изд. 2-е.

⁴⁾ Тотъ же Виллегардуинъ свидѣтельствуетъ, что говоря „по совѣсти и по истинѣ, въ теченіе многихъ вѣковъ никогда не находили столько добычи въ одномъ городѣ“, сколько нашли въ Константинополѣ: „золота, серебра, драгоценныхъ камней“ и пр. *Ibid.*, стр. 600.

⁵⁾ Мецовикова. Латинскіе императоры въ Константинополѣ, стр. 20. М. 1849.—Самъ тогдашній папа Иннокентій осуждалъ свое духовенство за то, что оно выражало необыкновенную страсть къ наживѣ при раззореніи Константинополя. Когда папскій легатъ, кардиналъ Петръ, безъ позволенія папы переплылъ изъ Іерусалима въ Константинополь, чтобы участвовать здѣсь при раздѣлѣ добычи, папа сильно обличаетъ его за его ненасытное корыстолюбіе и забвеніе своихъ духовныхъ обязанностей. *Innocentii epistola Petro legato*. Migne, Lat. tom. 215, p. 699—700.

вищъ греческой церкви перешли на Западъ; особенно обогатились ими церкви въ Римѣ, Парижѣ и Венеціи¹⁾. Что могъ чувствовать, кромѣ крайней ненависти, народъ Греческій, видя все это? Общественное положеніе Грековъ въ Константинополѣ доходитъ до невыносимой крайности. Никита Хоніатъ замѣчаетъ: „Латинскіе солдаты не давали пощады никому и ничему; они не хотѣли имѣть общенія съ покоренными даже въ пищѣ и содержаніи, держали себя въ отношеніи къ нимъ высокомерно и несообщительно, обращали ихъ въ рабство или выгоняли изъ дому“. Жены и монахини разсматривались грубыми завоевателями, какъ естественная добыча для ихъ чувственности²⁾. — Приведенный нами рассказъ о завоеваніи Константинополя могъ бы пожалуй подвергаться сомнѣнію, такъ какъ онъ заимствуется отъ свидѣтеля Грека, если бы сама современная церковь западная съ своей стороны не давала намъ свидѣтельства, что рассказанное греческимъ писателемъ не напраслина, не клевета на Латинянъ. Папа Иннокентій III писалъ на Востоку къ кардиналу Петру слѣдующее письмо, направляя рѣчь противъ крестоносцевъ, забывшихъ свои обѣты: „Вы дали обѣтъ употребить старанія для освобожденія св. земли изъ рукъ невѣрныхъ, а вмѣсто того безразсудно уклонились отъ чистоты вашего обѣта. Вы подняли оружіе не противъ невѣрныхъ, но противъ христіанъ, возжелали не возвращенія Св. Земли, но обладанія Константинополемъ, предпочитая земныя богатства небеснымъ благамъ. А всего хуже то, что нѣкоторые изъ васъ не пощадили ни религіи, ни возраста, ни пола, но совершая въ глазахъ всѣхъ блудодѣянія и прелюбодѣянія, предавали насилію не только простыхъ женъ, но и дѣвъ, посватившихъ себя Богу. Недостаточно вамъ было императорскихъ сокровищъ и имущества

---

¹⁾ П. А. Смирнова. Состояніе церкви въ имперіи Греческой во время владычества Латинянъ въ Константинополѣ. Прибавл. къ Твор. св. отц. XVI, 555. Съ вопросомъ о бѣдствіяхъ Константинопольской церкви во время господства Латинянъ можно знакомиться также по сочиненію Зенкевича: „состояніе Константинопольской церкви въ XIII вѣкѣ“. Душеполезн. Чтеніе, 1875, т. II и III).

²⁾ Никиты Хоніата. О событіяхъ по завоеваніи Константинополя, гл. 2. Приложено къ его исторіи (Русск. пер.).

людей знатныхъ и простыхъ, вы простерли свои руки на богатства церковныя и, что всего преступнѣе, — на предметы священные, ибо вы похищали священныя одежды и уносили иконы, кресты и мощи, такъ что греческая церковь при всѣхъ своихъ страданіяхъ не пожелаетъ возвратиться къ апостольскому престолу, и видя въ Латинянахъ пагубные примѣры и дѣла тьмы, по справедливости возненавидитъ ихъ болѣе, чѣмъ псовъ“ ¹⁾). Иннокентій, какъ видимъ, въ описаніи разграбленія Константинополя Латинянами почти буквально повторяетъ свидѣтельство Никиты Хоніата о томъ же событіи, и тѣмъ поставляетъ вѣсь всякаго сомнѣнія разсказъ греческаго историка. Папа не ошибался, когда говорилъ, что за эти поступки Греки возненавидятъ Латинянъ, какъ псовъ. Греки глубоко были возмущены насиліями и неуваженіемъ къ ихъ религіознымъ убѣжденіемъ со стороны Латинянъ! И въ самомъ дѣлѣ, какъ было не возмущаться? По мнѣнію одного новѣйшаго историка, „это завоеваніе Константинополя Латинянами вело за собою величайшія измѣненія въ положеніи Греческаго народа, какъ никакое другое событіе. Господство римскаго права и гражданскихъ учрежденій теперь подорвано на Востокѣ, и отсюда-то, по нему, должно производить всѣ позднѣйшія печальныя и неблагопріятныя явленія въ отношеніи Византійскаго царства, православной церкви и Греческой націи“ ²⁾). Видя странное поведеніе своихъ западныхъ собратьевъ о Христѣ, Никита Хоніатъ восклицалъ, обращая вниманіе своихъ современниковъ на событія въ Константинополѣ: смотрите, таковы-то Латиняне, „этотъ народъ, который считаетъ себя болѣе благочестивымъ и праведнымъ, болѣе точнымъ блюстителемъ Христовыхъ заповѣдей, чѣмъ Греки; вотъ эти ревнители, поднявшіе на рамена свой крестъ; они — замѣчаетъ Хоніатъ — оказались полнѣйшими лицемерами“ ³⁾). Безъ сомнѣнія, подъ влияніемъ сознанія тяжести бѣдствій, какимъ подвергли Латиняне Византійцевъ,

¹⁾ Innocentii epistola Petro. Migne, tom. 215, p. 700—701.

²⁾ Finlay. Die Geschichte Griechelands (1204—1461), s. 95. Übersetzt von Reiching. Tübingen. 1853.

³⁾ Никиты Хоніата. Исторія, — царствованіе Алексѣя Мурцуфла, гл. 4.

подъ предлогомъ освобожденія Св. земли, этотъ историкъ прямо и рѣшительно заявляетъ: „непомѣрная ненависть къ намъ Латинянь и крайнее несогласіе наше съ ними не допускаютъ между нами ни на одну минуту мысли о дружесколюбіи“¹⁾. Отъ Латинянь Греки стали ожидать только одного худого и при томъ въ высшей степени: „какого самаго ужаснаго зла не сдѣлаютъ люди—говорятъ Никита о Латинянахъ, которые собрали въ своемъ сердцѣ такую злобу къ Грекамъ, —какой никогда не имѣлъ самъ древній змѣй, врагъ рода человѣческаго“²⁾? Послѣ этого, можно ли было ожидать, чтобы разъединеніе церкви христіанской, совершившееся въ XI вѣкѣ, пришло снова къ цѣлости, уврачевалось въ вѣка, послѣдующіе за этимъ печальнымъ событіемъ. И не Греки тому виною!

Лишь только совершился фактъ завоеванія Константинополя Латинянами, какъ начался рядъ мѣръ, направленныхъ къ стѣсненію и подавленію православной вѣры и церкви; и это продолжалось во все, болѣе чѣмъ пятидесятилѣтнее правленіе латинскихъ императоровъ въ Константинополѣ. Оказалось, что самъ папа Иннокентій лишь исполнялъ пустую формальность, когда порицалъ крестоносцевъ за взятіе Византіи; въ душѣ же онъ былъ радъ такому событію и восхищался возможностью важныхъ религіозныхъ послѣдствій. Эти свои душевные мысли Иннокентій выразилъ въ письмѣ на имя епископовъ и аббатовъ, бывшихъ въ средѣ крестоносцевъ въ Константинополѣ. Папа патетически писалъ: „въ Писаніи сказано, Богъ премѣняетъ времена и поставляетъ царства: въ наше время, къ нашей радости, это видимо исполняется на царствѣ Греческомъ. Богъ передалъ Византійскую имперію отъ гордыхъ смиреннымъ, отъ неповинующихъ послушнымъ, отъ отдѣлившихся—вѣрнымъ сынамъ церкви, т. е. отъ Грековъ Латинянамъ“³⁾. Въ другомъ письмѣ на Востокъ папа выражаетъ надежду, что съ

¹⁾ Ibid. гл. 2.

²⁾ Ibid. Царствованіе Андроника Комнина, кн. I, гл. 8.

³⁾ Innocentii epistola episcopis, abbatibus in exercitu cruce signatorum apud Constantinopolim existentibus. Migne. T. 215, p. 456.

завоеваніемъ Константинополя обратятся къ римской вѣрѣ не только Византійцы, но и Іерусалимъ съ Александрійскою церковію ¹⁾. Съ этой цѣлю Иннокентій дѣлаетъ распоряженія, которыя грозили опасностью и вѣрѣ и церкви Греческой. Еще въ томъ же году, когда совершилось занятіе Константинополя западными, папа предписывалъ поставить въ Константинополѣ священниковъ и клириковъ для исполненія латинскаго богослуженія; при этомъ папа внушительно замѣчалъ, что было бы достойно порицанія оставаться безъ богослуженія по римскому обряду тамъ, гдѣ, быть можетъ, латинскому народу навсегда суждено оставаться властителемъ ²⁾. Подъ вліяніемъ такихъ идей, латинскій патріархъ въ Константинополѣ, котораго послѣдними поставили западные, приходитъ скоро къ вопросу: ужь не слѣдуетъ-ли насильственно обратить Грековъ къ латинству? Съ этимъ вопросомъ патріархъ адресуется къ Иннокентію. На первый разъ папа отвѣчаетъ на этотъ вопросъ не со-всѣмъ опредѣленно, но во всякомъ случаѣ съ явнымъ наклоненіемъ въ пользу положительнаго рѣшенія предложеннаго ему вопроса. Иннокентій писалъ патріарху: „если Греки не могутъ быть отклонены тобою отъ ихъ богослуженія и отъ ихъ совершенія таинствъ, то оставь имъ и то и другое, — пока я по зрѣломъ размысленіи не положу относительно этого дѣла что-либо другое“ ³⁾. Этого зрѣлаго размысленія недолго ждали Греки со стороны папы. Въ 1213 году возгорѣлось сильное гоненіе на греческихъ христіанъ со стороны Латинянъ. Это гоненіе получило особенную напряженность по прибытіи въ Константинополь папскаго легата Целагія (кардинала, епископа Албанскаго), поразившаго Грековъ какъ своею надменностью, такъ и пышностью свиты, блиставшей пурпуровымъ лѣвтомъ одежды, на который, по понятію туземцевъ, имѣли исключительное право только императоры. Онъ началъ свою дѣятельность угрозами и преслѣдованіемъ всѣхъ, отказавшихся повиноваться

¹⁾ Innocentii epistola съ тѣмъ же адресомъ, *ibid.*, p. 514.

²⁾ Innocentii epist. съ тѣмъ же адресомъ, *ibid.* p. 471.

³⁾ Innocentii epist. Constantinopolitano patriarchae, (конечно — латинскому) *ibid.* p. 965.

устанамъ Римской церкви; запретилъ греческое богослуженіе, ввергнувъ въ темницу православныхъ священниковъ и монаховъ, грозя упорнымъ даже смертною казнью. Многіе изъ нихъ искали спасенія въ бѣгствѣ, между тѣмъ какъ знатнѣйшіе Византійцы, встревоженные жестокими мѣрами, требовали отъ тогдашняго латинскаго императора въ Константинополѣ Генриха (Эрика, по греческому произношенію), — отвращенія гоненія. Они прямо говорили императору: — „мы признаемъ твою власть, но во внѣшнихъ только дѣлахъ, а не въ духовныхъ и дѣлахъ совѣсти. Мы не можемъ отказаться отъ своихъ обрядовъ и отъ того, что считаемъ священнымъ для себя“. Опасаясь возмущенія въ самыхъ стѣнахъ столицы, императоръ Генрихъ велѣлъ отпереть греческія церкви и освободить изъ темницы монаховъ и священниковъ, пострадавшихъ за приверженность къ православію ¹⁾. Но конечно, эта мѣра не изгладила того тяжелаго, мучительнаго впечатлѣнія, какое должны были производить и производили на Грековъ самоуправство и нетерпимость Латинянъ.

Въ такихъ-то чертахъ изображается историками отношеніе Латинянъ къ Грекамъ въ XII и XIII вѣкахъ. Что, кромѣ чувства глубочайшаго нерасположенія, могли въ себѣ воспитывать Греки въ отношеніи къ западнымъ христіанамъ? Рознь, которая все болѣе и болѣе устанавливалась между двумя христіанскими народами, дѣлалась еще рѣзче, рѣшительнѣе, когда и Греки съ своей стороны въ разсматриваемое время не упускали также случая вредить Латинянамъ на Востокѣ. Они пользовались представлявшимся случаемъ, чтобы на заносчивость и грубость Латинянъ отвѣчать причиненіемъ имъ непріятностей. Ихъ терпѣніе, въ особенности съ теченіемъ времени, истощалось и жестокость являлась возмездіемъ этому народу за его дѣянія. Если прочтемъ у Никиты Хоніата рассказъ объ отношеніи Грековъ при императорѣ Мануилѣ къ арміи одного вождя крестоносцевъ, Конрада III, то увидимъ, что еще до разграбленія Константинополя Греки подозрительно и не дружественно смотрѣли

¹⁾ Георгія Акрополита. Лѣтопись, гл. 17. Русскій переводъ. Спб., 1863.

на полчища Латинянъ, пугавшія первыхъ своими передвиженіями чрезъ области восточной имперіи. Жители греческихъ городовъ затворяли ворота, когда приближались къ нимъ крестоносцы; продажу съѣстныхъ припасовъ вели особымъ образомъ: Греки спускали веревки со стѣны и требовали, чтобы крестоносцы привязывали къ нимъ монеты, слѣдующія за продаваемыя вещи, а затѣмъ уже спускали на тѣхъ же веревкахъ хлѣбъ и прочіе съѣстные припасы, при чемъ продавцы не только обвѣшивали и обмѣривали покупателей, но даже и вовсе ничего не давали, получивъ деньги впередъ, или же примѣшивали къ проданной мукѣ известь, вредную для здоровья. Самъ императоръ не оставался въ сторонѣ отъ этихъ дѣйствій. Онъ или приказывалъ дѣлать тайныя засады противъ проходившихъ войскъ, или же подговаривалъ Турокъ напасть врасплохъ на крестоносцевъ ¹⁾. Такъ относились Греки къ крестоносцамъ, временнымъ гостямъ своихъ странъ, такъ же или даже хуже относились они къ Латинянамъ, еще ранѣе того осѣвшимъ въ Византійской имперіи. Достоинъ историческаго вниманія слѣдующій случай взрыва народнаго негодованія со стороны Грековъ противъ Латинянъ во второй половинѣ XII вѣка. На престолъ Византійскій вступаетъ Андроникъ I, имѣвшій поводъ къ неудовольствію на Латинянъ. Этого достаточно для Византійцевъ, чтобы произвести избіеніе Латинянъ въ Константинополѣ. По словамъ Никиты Хоніата, „жители Византіи поднялись противъ Латинянъ, согласившись между собою на дружное нападеніе, — началась битва на сушѣ и морѣ. Латиняне бросились спасать себя, кто какъ могъ, оставивъ на произволъ грабителей свои дома, полныя богатства. Одни изъ нихъ разсѣялись по городу, другіе укрылись въ знатныхъ домахъ, иные искали спасенія на корабляхъ единоплеменниковъ. А кто былъ пойманъ, тѣ всѣ были осуждены на смерть, и всѣ безъ исключенія лишились имущества“ ²⁾. Западный историкъ того времени Вильгельмъ Тирскій передаетъ рассказы объ ужасныхъ вещахъ, слу-

¹⁾ Никиты Хоніата. Исторія Царствованіе Мануила, кн. I, гл. 5—6.

²⁾ Никиты Хоніата. Исторія.—Царствованіе Алексія, сына Мануилова, гл. 11.

чившихся въ это возстаніе Грековъ на Латинянь. „Цѣлая часть города, населенная Латинянами—говоритъ онъ—была выжжена. Также церкви, въ которыхъ многіе изъ нихъ искали себѣ убѣжища, были преданы огню. Въ латинскомъ госпиталѣ больные были посброшены съ своихъ кроватей. Даже кости умершихъ Латинянь были вырыты изъ могилъ и влачimy по улицамъ и переулкамъ. Папскій легатъ, кардиналъ Іоаннъ, былъ обезглавленъ, и голова его была привязана къ хвосту собаки, которая и разгуливала по городу. Греческіе священники и монахи, по словамъ Вильгельма, показывали при этомъ самое дѣятельное участіе. Они награждали деньгами убійцъ, ходили по домамъ и отыскивали скрывшихся въ нихъ Латинянь и отдавали ихъ палачамъ. Болѣе 4,000 Латинянь, въ качествѣ рабовъ, было продано Туркамъ и другимъ варварамъ. Латиняне съ своей стороны, убѣгая на корабляхъ изъ Константинополя, грабили всѣ греческіе города, какіе только встрѣчались на пути, а жителей избивали мечемъ“ ¹⁾).

Вотъ тѣ факты глубокой національной вражды, въ какихъ въ XII и XIII вѣкахъ выражалось взаимное нерасположеніе Латинянь и Грековъ. Эти факты имѣли мѣсто собственно въ политическихъ и общественныхъ отношеніяхъ двухъ христіанскихъ народовъ; но они совершенно естественно въ то же время полагали новыя неодолимыя препятствія къ братолюбивому сближенію Востока съ Западомъ и въ области религіозной. Заклятые враги въ жизни не могли быть друзьями по убѣжденіямъ. Латиняне видѣли въ Грекахъ людей негодныхъ во всѣхъ отношеніяхъ, и слѣдовательно низко цѣнили и религіозные обряды и убѣжденія ихъ; въ свою очередь Греки видѣли въ Латинянахъ варваровъ во всѣхъ отношеніяхъ, не исключая религіи.

Теперь, въ какихъ церковно-историческихъ фактахъ выражалась все болѣе и болѣе возрастающая неприязнь латинской церкви къ греческой и наоборотъ въ разсматриваемое время,—неприязнь, которая и до этого времени была сильна,

---

¹⁾ Guillelmus (Willh.) Tyrensis archiep. Historia rerum in partibus transmarinis gestarum, lib. XXII, cap. 12—13 (Migne, lat. tom. 201, p. 859—861).

а вслѣдствіе разсказанныхъ нами обстоятельствъ еще удесатерилась?

Уже при самомъ началѣ крестовыхъ походовъ находимъ, что религиозная рознь между Латинянами и Греками была глубока и рѣшительна. Одинъ изъ первыхъ вождей крестоносцевъ писалъ другому вождю (Бозмундъ Готффриду): „знай, мой возлюбленный, что ты имѣешь дѣло съ самыми опасными звѣрями и съ самыми недостойными людьми — такъ называлъ онъ Грековъ, — всѣ ихъ помыслы обращены лишь къ тому, чтобы погублять весь народъ латинскій. Я знаю злобу и непримиримую ненависть Грековъ къ Латинянамъ“. Въ отвѣтъ на это письмо было получено увѣдомленіе такого рода: „обо всемъ этомъ я зналъ и раньше на основаніи общественныхъ толковъ, а теперь въ этомъ же убѣдился самымъ дѣломъ“. Слѣдовательно, съ слѣпою ненавистью къ Грекамъ Латиняне и приходили съ Запада на Востокъ. Неудивительно послѣ этого, если латинскіе хронисты съ постыднымъ равнодушіемъ разсказываютъ о соженіи Латинянами греческихъ городовъ, съ ихъ, какъ они называли, *еретическими* жителями ¹⁾. Съ своей стороны Греки считали и называли Латинянъ прямыми еретиками и отступниками отъ церкви.

Исторія взаимныхъ отношеній церкви римской и византійской въ дальнѣйшія времена ясно указываетъ, что подобныя непріязненныя чувства двухъ родственныхъ по духу вѣры церквей не только не ослабѣвали, но и сильно возросли. Римскіе первосвященники не упускали никакого случая выразить свое пренебреженіе, свое презрѣніе, свое горделивое и враждебное отношеніе къ церкви греческой. Въ этомъ смыслѣ чрезвычайно любопытно посланіе папы Адріана IV отъ середины XII вѣка, которое этотъ отсылаетъ къ Θεσσαλονикійскому архіепископу Василю. Здѣсь папа сравниваетъ себя съ Сыномъ Божиимъ, благоволившимъ снизойти отъ неба на землю, а Грековъ уподобляетъ евангельской потерянной драхмѣ, заблудшей овцѣ, сравниваетъ съ смер-

¹⁾ Guillelmus Tyr. Historia, lib. II, cap. 10. Ibid. p. 260. cf. Pichler. Geschichte der Kirchlich. Trennung. B. I, s. 282.

дающимъ Лазаремъ, котораго онъ, папа, по своему милосердію хочеть воскресить ¹⁾). Само по себѣ понятно, что такой тонъ въ высшей степени долженъ былъ оскорблять религиозное чувство Грековъ. Въ такихъ же оскорбительныхъ для православнаго чувства Грека чертахъ позволяетъ себѣ описывать Восточную церковь и знаменитый папа Иннокентій III, въ концѣ XII вѣка. Этотъ папа, въ письмѣ къ греческому императору Алексію III, представляетъ греческую церковь глубоко падшей и нераскаянной грѣшницей ²⁾. Еще съ большею горделивостью сталъ относиться къ той же греческой церкви Иннокентій по завоеваніи Латинянами Константинополя. Онъ называетъ ее—въ посланіи къ латинскому духовенству на Востокъ—Самарією, отступившею отъ Іерусалима, Даномъ и Вееилемъ, чуждающимися Сіона ³⁾. Въ томъ же посланіи къ тому же духовенству папа, рассматривая апостольскую дѣятельность Петра и Іоанна, и унижая дѣятельность второго предъ дѣятельностью перваго, конечно съ цѣлю представить Римскую церковь, основанную Петромъ, выше, чѣмъ церкви азійскія, основанныя Ап. Іоанномъ,—писалъ: „Петръ основалъ одну только церковь, но за то вѣдь это глава всѣхъ церквей, а Іоаннъ основалъ многія церкви въ Азіи, какъ бы многіе члены единой главы. Марія Магдалина возвѣстила воскресеніе Господа Петру и Іоанну, но этотъ, т. е. Іоаннъ, хотя и пришелъ прежде ко гробу (Христа), но только посмотрѣлъ, а не вошелъ въ него; подобнымъ образомъ и Греческій народъ, хотя принялъ проповѣдь Евангелія ранѣе, чѣмъ народъ Латинскій, но онъ не усвоилъ ея, потому что учителя греческіе ни прежде, ни теперь не достигли полного пониманія Ветхаго и Новаго Завѣта, не постигли глубокихъ тайнъ Божества; исключеніе представляли развѣ очень немногія лица въ Греціи, между тѣмъ какъ Латинскій народъ—самохвалствуется папа—проникъ до внутреннѣйшихъ

¹⁾ Mansi. Consilia, tom. XXI, p. 797 (Pichler. B. I, s. 290).

²⁾ Innocentii epistola Constantinopolitano imperatori. Migne. Lat. tom. 214, p. 327.

³⁾ Innocentii epistola episcopis, abbatibus in exercitu cruce signatorum apud Constantinopolim existentibus. Migne, tom. 215, p. 456.

и глубочайшихъ тайнъ“ (по аналогіи съ Петромъ, который вошелъ во внутренность гроба Христова). „Не себѣ—въ осужденіе, а именно-де имѣя въ виду Грековъ, Евангелистъ Іоаннъ говоритъ, что онъ (?) еще не *зналъ Писанія* (20, 9). Латинскій народъ есть—въ духѣ самомнѣнія писалъ папа—есть образъ самого Христа, Господа неба и земли, а Греческая церковь есть образъ Св. Духа; и какъ Духъ Святой исходитъ отъ Сына, такъ и Греческая церковь должна поучаться отъ Латинской“ ¹⁾). Латиняне готовы были считать Греческую церковь даже какимъ-то царствомъ сатаны, разрушить которое есть священное назначеніе Западныхъ. Первый Латинскій императоръ въ Константинополѣ Балдуинъ писалъ папѣ въ 1204 г.: „мы напередъ убѣждены, что все, что мы ни сдѣлаемъ съ Греками—это есть дѣло Божіе, все же, что по своей коварности предпримутъ Греки, нужно считать дѣлами діавола“ (даемонум орега). Затѣмъ, выставивъ пункты разногласій Грековъ съ Латинянами, какъ величайшія преступленія восточнаго христіанскаго народа, Балдуинъ замѣчалъ: „эти преступленія переполнили всякую мѣру, и Богъ содѣлался отмстителемъ для Грековъ; а служителями Божескаго мщенія сдѣлались мы, будучи призваны изгнать враговъ Божіихъ изъ земли, которая отъ нихъ отъемлется и передается намъ“ ²⁾). При такой религіозной ненависти къ Грекамъ, Латиняне не хотѣли имѣть никакого общенія съ первыми въ общественномъ богослуженіи. Присутствованіе Латинянъ при богослуженіи вмѣстѣ съ Греками представлялось дѣломъ соблазнительнымъ. Лица, славившіяся ученостью между Латинянами, разсуждали такъ: неприлично Латинянамъ (Франкамъ) входить въ богослужебное общеніе съ Греками, отлученными отъ церкви ³⁾).

Такое частію притязательное, частію презрительное, частію горделивое, частію враждебное отношеніе церкви Рим-

¹⁾ Ibidem, p. 457—9.

²⁾ Epistola Balduini imperatoris ad papam. Помѣщено между письмами Иннокентія. Migne, ibid. tom. 215, p. 447. 452.

³⁾ Pichler, B. I, s. 289. Anmerk. (на основаніи одной древнефранцузской хроники).

ской къ церкви Восточной вело за собой, какъ естественное слѣдствіе, то именно, что приверженцы Восточной церкви не оставались безотвѣтны при видѣ такого глумленія надъ ними. Приверженцы Греческой церкви со всею ревностію доказывали полныя права ихъ церкви на уваженіе и почтеніе въ мірѣ христіанскомъ; иногда при этомъ они заходили такъ далеко, что безъ должныхъ основаній унижали церковь Римскую и весьма нерѣдко за явное нерасположеніе, какое выказывала церковь Латинская къ Греческой, платила ей тою же монетой. Приводимъ нѣсколько фактовъ. Порфирородный историкъ Анна Комнина, писавшая свою исторію въ XII вѣкѣ, конечно—руководясь тою рознью, которая установилась между церквами Греческою и Латинскою вводитъ въ свою исторію разсужденія, въ которыхъ выражается желаніе принизить столь высоко поднявшійся тогда авторитетъ папы и перенести на лицо и власть Константинопольскаго патріарха то, что самоувѣренно присвоивали себѣ папы. Вотъ эти разсужденія историка: „Латиняне думаютъ и говорятъ, что римскій первосвященникъ есть глава и владыка всей вселенной; это не болѣе, какъ выраженіе ихъ высокомѣрія. Знайте, что когда царскій престолъ, сенатъ и всѣ государственныя учрежденія перенесены были изъ Рима въ Константинополь, сюда также перенесено было и іерархическое преимущество. Съ того времени было предоставлено первенство каедрѣ Константинопольской, а особенно Халкидонскій соборъ (разумѣется 28 правило) возвысилъ эту каедру на первую степень, подчинивъ ей діоцезы во всей землѣ“ ¹⁾. Т. е. Комнина хочетъ сказать, что, не смотря на всѣ папскіе происки Константинопольскій патріархъ въ глазахъ Греціи остается не только выше всѣхъ патріаршихъ каедръ Востока, но и выше „апостольскаго“ папскаго престола. Мысль притязательная, но она возникла подъ вліяніемъ распри между церквами Греческою и Латинскою. Это воззрѣніе историка мы встрѣчаемъ часто повторяющимся у разныхъ

¹⁾ Анны Комниной. Сказаніе о дѣлахъ царя Алексѣя Комнина, кн. I, гл. 13, стр. 60. Переводъ. Томъ I (Спб., 1859). Содержаніе же 2-го тома мы будемъ цитировать по изданію Миня.

греческихъ церковныхъ писателей изучаемаго періода. Такъ поступаетъ въ срединѣ XII вѣка греческій писатель Ниль Доксопатръ. Онъ развиваетъ мысль, что съ тѣхъ поръ, какъ Римъ отпалъ отъ Восточной имперіи, этотъ послѣдній пересталъ быть столицею и съ тѣмъ вмѣстѣ первенствующею каедрю въ христіанскомъ мірѣ. Доксопатръ говоритъ: „каждое живое тѣло управляется пятью чувствами, и если хоть одного изъ этихъ чувствъ недостаетъ, то организмъ чуждъ совершенства; такъ и церковь Христова, образуя изъ себя единое тѣло Его, управляется пятью патріархами, какъ бы пятью чувствами. Поэтому, такъ какъ для церкви необходимы были пять патріарховъ, то второй вселенскій соборъ въ присутствіи четырехъ (?) патріарховъ опредѣлилъ, чтобы Константинополь имѣлъ равныя права съ древнимъ Римомъ“. Затѣмъ, приводя 28 правило Халкидонскаго собора, которое усиливаетъ предыдущее узаконеніе II-го вселенскаго собора, Доксопатръ замѣчаетъ: „видишь, какъ этимъ правиломъ опровергается нелѣпое утвержденіе тѣхъ, кто настаиваетъ на мысли, что Римъ ради апостола Петра получилъ свое преимущество. Здѣсь ясно говорится, что преимущество Рима основывалось на томъ, что этотъ городъ былъ императорскою столицею. И конечно, послѣ того, какъ Римъ пересталъ быть столицею, онъ вмѣстѣ съ лишеніемъ императорскаго престола лишился и привилегій, съ этимъ престоломъ соединенныхъ“. Заключение Доксопатра: Константинополь теперь сталъ тѣмъ, чѣмъ раньше былъ Римъ въ іерархическомъ отношеніи ¹⁾.—Немного позднѣе Доксопатра Василій, архіепископъ Θεσσαλονικійскій, съ цѣлю уколоть папу, доказывалъ, что существуетъ два высшихъ первосвященника въ христіанскомъ мірѣ,—это папа Римскій на Западѣ и Константинопольскій патріархъ (то же своего рода папа, по мысли Василя) на Востокѣ ²⁾.—Знаменитый греческій канонистъ Вальсамонъ не безъ явнаго намѣренія принизить достоинство Римской церкви въ сравненіи съ Константинопольскою, слѣдующимъ образомъ высказывается

¹⁾ Pichler. B. I. s. 268.

²⁾ Mansi. Consilia. Tom. XXI, p. 801 (Pichler, ibid. s. 290).

о значеніи Римской церкви въ христіанскомъ мірѣ. „Пять патріаршихъ каедръ остаются и до днесь въ почитаніи, какъ верховныя главы церкви во всей землѣ; и самовольное исключеніе себя папою древняго Рима изъ числа патріарховъ не испразднило подобнаго каноническаго порядка“. Тѣмъ не менѣе, по разсужденію Вальсамона, Римъ теперь занимаетъ не первое мѣсто въ ряду патріаршихъ каедръ; это первенство принадлежитъ Константинопольскому патріарху. Приводимъ доказательство, которымъ пользуется этотъ канонистъ для подтвержденія своего воззрѣнія; напередъ должны сказать, что аргументъ Вальсамона очень искусственъ и страненъ. Вальсамонъ разсуждаетъ такъ: верховная власть церкви, патріархи называются греческимъ словомъ: *хараі* (множественное отъ слова: *хара*—голова). Въ этомъ словѣ *хараі* Константинополь обозначается первою буквою (каппа), а Римъ—третьею (*ρ*). Отсюда Вальсамонъ заключаетъ, что Римъ уступилъ теперь іерархическое первенство Константинополю, занявъ третье мѣсто въ ряду патріаршихъ каедръ. Прочія буквы въ словѣ *хараі* канонистъ считаетъ инициалами названій прочихъ патріаршихъ каедръ, при чемъ онъ замѣчаетъ, что патріархи Александріи и Антіохіи не спорятъ о томъ, кому изъ нихъ принадлежитъ первая и кому вторая изъ двухъ альфъ, имѣющихся въ словѣ *хараі*, такъ какъ, по словамъ Вальсамона, какъ пять чувствъ у человѣка мирно уживаются въ совмѣстности, такъ нѣтъ никакого спора о равгѣ и между патріархами. Въ заключеніе своихъ разсужденій Вальсамонъ даетъ понимать, что хотя римскую каедру онъ и не выдѣляетъ изъ ряда прочихъ, но тѣмъ не менѣе смотритъ на нее какъ на уклонившуюся съ праваго пути. Эту мысль Вальсамонъ выражаетъ въ слѣдующихъ словахъ „какъ какое-нибудь ползущее растеніе, напр. плющъ, обвивается вокругъ древеснаго ствола такъ и я крѣпко держусь за римскаго папу, и надрываюсь мое сердце объ отпаденіи его, страстно ожидая дня его обращенія“ ¹⁾. Изъ этихъ разсужденій Вальсамона

---

¹⁾ Βαλασμίωνος. Μελετή χάριν τῶν πατριαρχικῶν προνομίων. Rahilly et Potly. Syntagma canonum. Tom. IV, p. 543—4. 547. Athenae. 1854.

видно, что въ XII вѣкѣ вопросъ о раздѣленіи церквей понимали какъ-то странно: папа въ одно и то-же время занималъ опредѣленное мѣсто въ ряду прочихъ патріарховъ: на него смотрѣли какъ на одну изъ главъ церкви, и въ то же время выражали сожалѣніе объ его отпаденіи отъ общаго союза съ церковію. Во всякомъ случаѣ этотъ канонистъ, желая принизить авторитетъ римской церкви или точнѣе— ея первосвященника, отводитъ ему совершенно незаконно третье мѣсто въ ряду патріарховъ: каноническое право требовало или признавать папу первымъ патріархомъ, или— какъ скоро считаютъ его отдѣлившимся отъ церкви— не признавать его совсѣмъ патріархомъ вселенской церкви. Одно ясно видно въ сужденіяхъ Вальсамона: на притязанія, какія позволялъ себѣ Римъ въ отношеніи къ церкви Константинопольской, восточный писатель хочетъ отвѣчать тѣмъ же епископу римскому. Еще сильнѣе и рѣшительнѣе дѣлаетъ нападеніе на римскую церковь въ лицѣ ея первосвященника Византійскій патріархъ того-же XII вѣка Михаилъ Анхіаль. Этотъ патріархъ — позволимъ себѣ выразиться такъ—хочетъ втоптать въ грязь церковное значеніе римской кафедры; онъ вопліявъ отрицаетъ у ней такое значеніе. Именно онъ доказывалъ императору Мануилу Комнину, что папа потерялъ свое епископское достоинство, что онъ сталъ теперь міряниномъ и самъ нуждается въ благодатномъ освященіи отъ другихъ (посредствомъ таинствъ), что онъ не можетъ преподавать освященіе другимъ, что онъ не можетъ рукополагать во священники, діаконы, возводить на высшія степени іерархическія и быть судіею священниковъ. При этомъ Анхіаль прибавляетъ: „что священники, поставленные папою, имѣютъ право разрѣшать грѣхи, я считаю это мнѣніе по крайней мѣрѣ за величайшую нелѣпость. Отсюда слѣдуетъ, по словамъ этого восточнаго патріарха, что римскій епископъ не пастырь, но овца, и притомъ паршивая овца (πρόξυτον φειρόν), которая нуждается въ излеченіи, овца, во многомъ худшая всѣхъ прочихъ, остающихся здоровыми, овецъ стада Христова“ ¹⁾. Замѣча-

¹⁾ Свидѣтельство патріарха Михаила сохранилось у Льва Азияці: Pichler, s. 270—271.

тельные черты, въ которыхъ выражается степень нерасположенія Грековъ къ Латинской церкви, можно находить также въ одномъ анонимномъ фрагментѣ, относящемся къ XII вѣку, съ такимъ заглавіемъ: „къ тѣмъ, кто утверждаютъ, что Римъ есть первая катедра“. Здѣсь у неизвѣстнаго автора встрѣчаемъ такіа разсужденія: если папскую власть производить отъ апостола Петра, бывшаго епископомъ римскимъ, то съ этой точки зрѣнія Антиохія будетъ выше Рима, ибо Петръ сначала епископствовалъ въ Антиохіи, а потомъ уже въ Римѣ. Если Латиняне скажутъ, что Римъ потому получилъ первенство, что здѣсь умеръ мученически Петръ, то Іерусалимъ выше Рима, ибо здѣсь пострадалъ самъ Господь. И во всякомъ случаѣ Византія выше Рима, потому что здѣсь епископствовалъ старшій братъ Петра Андрей, ¹⁾ первозванный апостолъ, епископствовалъ раньше, чѣмъ Петръ отправился въ Римъ. Происхожденіе папской власти авторъ производитъ отъ языческаго императора III вѣка Авреліана, который поручилъ римскому епископу рѣшить споръ, изъ-за обладанія Антиохійскою церковію, между еретикомъ Павломъ Самосатскимъ, лишеннымъ епископской катедры, но не оставившимъ ея, и Домномъ, по соборному опредѣленію назначеннымъ во епископа Антиохіи вмѣсто Павла. „Отсюда мы видимъ, заявляетъ авторъ, что ни кто другой, а именно языческій императоръ дарствовалъ первенство епископу своей столицы и поставилъ его тираномъ надъ всѣми“. ²⁾

Разсмотримъ теперь другіе факты, изъ которыхъ видно, какъ далеко простиралось нерасположеніе приверженцевъ церкви Восточной и церкви Латинской въ изучаемое нами время. Отчужденіе Восточной церкви отъ церкви Западной между прочимъ начало выражаться въ томъ, что восточные христіане стали устранять Латинскихъ христіанъ отъ своего богослуженія. Θεодоръ Вальсамонъ на вопросъ Марка, па-

¹⁾ Конечно, недостоверное преданіе. См. статью проф. И. И. Малышевскаго: „Спутники и ученики св. Андрея“. Труды К. Д. Ак. 1889, декабрь, стр. 564.

²⁾ Фрагментъ находится въ Синописи Алексѣя Аристина (ок. 1150 г.). Pichler, s. 274—5. Точный разсказъ объ отношеніи Авреліана къ папѣ см. въ Церковн. Исторіи Евсевія, VII, 30 ad fin.

тріарха Александрійскаго: можно-ли Латинянамъ дозволить присутствовать при греческомъ богослуженіи и причащаться св. даровъ, отвѣчалъ отрицательно, ссылаясь на евангельское изреченіе: „кто не со Мною, тотъ противъ Меня“ (Мѡ. 12, 30). ¹⁾ Съ другой стороны, патріархъ Константинопольскій Германъ II (XIII в.) считалъ достойными отлученія тѣхъ Грековъ, которые примуть просфору изъ рукъ греческихъ-же священниковъ, но изъявившихъ покорность папѣ во время обладанія Латинянь Константинополемъ. ²⁾ Вообще, касательно отношеній Грековъ къ Латинянамъ можно было встрѣчать такіа разсужденія: „такъ какъ римская церковь уже давно отпала отъ общенія съ четырьмя святѣйшими патріархами и уклонилась къ ученію и обычаямъ, далекимъ отъ православной церкви, то Латиняне не могутъ принимать святыхъ тайнъ отъ греческихъ священниковъ, если напередъ не обѣщаются отказаться отъ Латинскихъ догматовъ и обрядовъ“ ³⁾. Одинъ западный хронистъ—Одонъ, упоминаетъ, что въ разсматриваемое время Греки омывали тѣ алтари, на которыхъ совершали богослуженіе Латиняне; онъ увѣряетъ, что Греки уже перекрещивали Латинянь (въ случаѣ перехода въ греческую церковь) ⁴⁾. Канонистъ Вальсамонъ запрещаетъ отдавать гречанокъ въ замужество за Латинянь, и считаетъ непозволительнымъ, чтобы Латиняне были воспріемниками дѣтей у православныхъ, уравнивая въ настоящемъ случаѣ Латинянь съ монофизитами (Армянами), моноелитами и несторіанами ⁵⁾. Если вѣрить латинскимъ писателямъ, которые жили въ это именно время, то уже въ XII вѣкѣ антипатія Грековъ къ Латинянамъ доходитъ до рѣшительной вражды первыхъ къ послѣднимъ. Епископъ Мюнстерскій, въ качествѣ посла отъ

¹⁾ Balsamon. Quaest. 16 ad Marc. patr. alexandr. Rhally et Potly. Syntagma, t. IV, 460.

²⁾ Allatii. De libris ecclesiasticis graecis, p. 182 (Игумена Арсенія объ отношеніяхъ церквей Латинской и Греческой въ періодъ крестовыхъ походовъ: журналъ Минист. Нар. Просвѣщ. 1867, т. 133, стр. 520).

³⁾ Balsamon. Quaest. 16 ad Marc. Alexandr.: Rhally. Synt., IV, 460.

⁴⁾ Pichler. B. I, s. 238 Anmerk.

⁵⁾ Правила съ толкованіями (изд. Общ. Любит. Дух. Просвѣщ.), стр. 368 (толкованіе на 14-е пр. Халкидонскаго собора); Quaest. 35 ad Marc. Alexandr.: Rhally. Synt., tom IV, p. 476.

императора Фридриха I-го, прибывшій въ Константинополь къ императору Исааку Ангелу, извѣщалъ Фридриха, что Византійскій патріархъ Никита Мунтанъ въ Софійской церкви, въ присутствіи его, епископа Мюнстерскаго, и другихъ пословъ, слѣдующее говорилъ въ своей проповѣди: „если Грекъ убьетъ сотню латинскихъ пилигримовъ, то получить отпущеніе своего грѣха, хотя бы онъ въ то же время запятналъ себя убійствомъ десяти Грековъ“ ¹⁾). Разсказъ о такой проповѣди, нужно сказать, представляется невѣроятнымъ ²⁾), но онъ все-таки очень характеристиченъ.

Къ нашему утѣшенію, нужно сказать, что во всѣхъ приведенныхъ фактахъ религіознаго нерасположенія Грековъ къ Латинянамъ выражается не какой-нибудь слѣпой фанатизмъ, но глубочайшая приверженность къ вѣрѣ ихъ отцевъ, къ вѣрѣ Греческой. Нѣтъ спору, у Византійцевъ было много недостатковъ въ религіозномъ отношеніи, но съ другой стороны должно признать: не было въ то время народа, привязаннаго столь тѣсными узами къ своей религіи, къ своей церкви, какъ именно Византійцы. Эта-то ревность къ своей вѣрѣ и церкви и руководила ими, когда они чуждались Латинянъ и обнаруживали къ нимъ враждебныя чувства. Объ такой ревности свидѣлствуютъ многіе факты, которые встрѣчались при столкновеніяхъ Грековъ съ Латинянами. Были безъ сомнѣнія и между Греками люди, которые, прельщаясь мірскими выгодами, отпадали къ религіи Латинянъ, временныхъ завоевателей Византійскаго царства, но большая часть народонаселенія твердо стояла за православіе, и, уступая все прочее, не измѣняла ему. Раньше мы имѣли случай отмѣтить такой фактъ: Византійцы, по завоеваніи Константинополя Латинянами, говорили здѣсь одному изъ латинскихъ императоровъ (Генриху), что ему принадлежитъ владычество надъ тѣломъ, а не надъ душою и совѣстію ихъ, и прибавляли, что они готовы умереть за него съ оружіемъ въ рукахъ, но объявляли о рѣшительной невозмож-

---

¹⁾ Pichler. B. I, s. 297.

²⁾ Сами Латиняне убійство схизматика-Грека считали дѣйствительно за ничто. Pichler, *ibidem*.

ности огречься отъ вѣры предковъ“ ¹⁾. Или еще фактъ: лучшіе жители Мореи (т. е. собственной Греціи), соглашаясь содѣйствовать Готфриду Виллегардуэну въ завоеваніи укрѣпленныхъ мѣстъ страны, первымъ дѣломъ потребовали отъ него клятвеннаго письменнаго обѣщанія, которое они могли бы передать дѣтямъ своимъ, что ни одинъ Франкъ не будетъ принуждать ихъ къ перемѣнѣ вѣры, не потребуетъ, чтобы они сдѣлались Латинянами ²⁾. Далѣе, когда на островѣ Кипрѣ утвердились Латиняне и латинскій митрополитъ началъ требовать отъ греческихъ кипрскихъ епископовъ, чтобы они давали ему клятву въ послушаніи, въ родѣ того, какъ это дѣлаютъ вассалы, киприяне обратились къ патріарху Византійскому, жившему тогда въ Никее, съ просьбой объяснить имъ, какъ поступить въ подобномъ случаѣ. Патріархъ, Германъ (II), отвѣчалъ кипрянамъ, что подобнаго рода клятва была бы отступничествомъ отъ вѣры. Онъ увѣщавалъ кипрскую церковь соревновать собратіямъ въ Константинополѣ (тогда уже завоеванномъ Латинянами), которые, будучи разлучены отъ своихъ пастырей, однакожь твердо сохраняютъ свою вѣру ³⁾. По сужденію одного новѣйшаго нѣмецкаго историка, католика по вѣрѣ, „въ этомъ отвѣтѣ греческаго патріарха выразилась высокая нравственная сила и достоинство. Пренебреженіе земнымъ ради религіи есть, по замѣчанію этого же историка, существенное отличіе церкви Греческой отъ Латинской“ ⁴⁾. И дѣйствительно, киприяне оказались достойными того увѣщанія, какое далъ имъ Византійскій патріархъ. Самая исторія латинскаго владычества въ Греческой имперіи показываетъ, что оно было прочнѣе и долговѣчнѣе тамъ, гдѣ не было вовсе или по крайней мѣрѣ было менѣе притѣсненій въ религіозномъ отношеніи. Однако, нужно замѣтить, что и мѣры кротости, какія папы и католическіе государи употребляли для обращенія Грековъ, оставались тоже безплодными ⁵⁾.

¹⁾ Георгія Акрополита. Лѣтопись, гл. 17.

²⁾ Медовикова. Латинскіе императоры въ Константинополѣ, стр. 70—71.

³⁾ *Germani patriarchae epistola missa in insulam Cyprum: Cotelierii. Monumenta ecclesiae Graecae. Tom. II, p. 462—472.*

⁴⁾ Pichler. B. I, s. 320.

⁵⁾ Медовикова. Латинскіе императоры въ Константинополѣ, стр. 71—72.

Но продолжаемъ разсказывать: въ чемъ, въ какихъ явленіяхъ въ изучаемую нами эпоху выражалась все болѣе и болѣе увеличивавшаяся взаимная религіозная непріязнь между Греками и Латинянами.

Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ выраженій взаимнаго отчужденія Латинской и Греческой церкви, взаимной религіозной непріязни было изобличеніе писателями, принадлежащими къ одной церкви, въ различныхъ религіозныхъ отступленіяхъ отъ нормы вѣры и церковныхъ обычаевъ, приверженцевъ другой. Только слишкомъ скептическое отношеніе одной церкви къ другой могло породить у писателей латинскихъ и греческихъ ту скрупулезность, съ какою писатели Латинской церкви выискивали поводы къ обличенію неправильностей въ строѣ Греческой церкви, и наоборотъ. Обвиненія часто притомъ же переходятъ въ напраслину, клевету. Каждый писатель-полемистъ Латинской или Греческой церкви предъявлялъ другой длинный до безконечности списокъ ея религіозныхъ погрѣшностей. Соперничество на этомъ полѣ между писателями было очень усердное, но лучше было бы, еслибы такого соперничества вовсе не было. Латинскій писатель XII вѣка Гугонъ Этеріанъ, родомъ италіянецъ, но долго жившій въ Константинополѣ, находившійся въ близкихъ отношеніяхъ къ императору Мануилу, ведшій не разъ диспуты какъ съ этимъ императоромъ, такъ и знаменитѣйшими Греками, искусный богословъ, съ трудолюбіемъ пчелы (по его выраженію) изучившій греческую и латинскую церковную литературу ¹⁾, въ приписываемомъ ему сочиненіи: *Graecorum malae consuetudines*, получившемъ извѣстность въ XIII вѣкѣ ²⁾, возводитъ многочисленныя обвиненія на церковь Греческую. Мы не будемъ критически разбирать, при какихъ условіяхъ могло появиться то или другое обвиненіе, насколько оно вѣрно или невѣрно, — это увлекло бы насъ слишкомъ далеко; да и нерѣдко наши поиски въ подобномъ родѣ должны были бы имѣть въ результатъ болѣе или менѣе вѣроятныя гипотезы, а не какія-либо точныя разъясне-

¹⁾ Hergenröther. Photius Patriarch von Constantinopel. B. III. s. 791.

²⁾ Ibidem, s. 175 833.

ніи. Ограничимся однимъ объективнымъ изложеніемъ Гугоновыхъ обвиненій. Для большей ясности дѣла раздѣлимъ эти обвиненія на нѣсколько классовъ. Къ первому классу относятся обвиненія касательно догматическаго ученія Грековъ. Такъ, Гугонъ объявлялъ, что Греки, отрицая исхожденіе Духа Святаго отъ Сына, тѣмъ самымъ признають Сына меньшимъ Отца, подобно Арію дѣлать божественную сущность, уничтожаютъ различіе между рожденіемъ и исхожденіемъ. По части таинствъ Греческой церкви обвиненія Гугона такъ же немногочисленны, какъ и въ отношеніи къ догматикѣ. Обвиненія эти касаются таинствъ крещенія и евхаристіи. О крещеніи по греческому обряду Гугонъ пишетъ: при крещеніи у Грековъ соблюдается два весьма суевѣрныхъ обычая: священники мажутъ все тѣло крещаемого масломъ, чтобы къ нему не приставала вода, потому что они нагрѣваютъ воду, чтобы сдѣлать чистымъ младенца, чего ни Христосъ, ни ученики Его не дѣлали. Касательно евхаристіи, кромѣ упрека въ совершеніи ея на квасномъ хлѣбѣ, Гугонъ ставитъ въ вину Грекамъ, что они освящающую силу приписываютъ въ этомъ таинствѣ самому хлѣбу квасному (и одушевляемому закваской), а не словамъ благословенія. При этомъ случаѣ Гугонъ упрекаетъ восточныхъ христіанъ за то, что они при совершеніи евхаристіи не ставятъ своимъ образцомъ Христа, вливаютъ въ чашу не холодную, а теплую воду, какъ будто бы благословеніе само по себѣ недостаточно, чтобы вино содѣлать кровію Христовою; далѣе, по словамъ Гугона, во дни Пасхи, по причащеніи народа, остатки евхаристическаго хлѣба Греки зарываютъ въ землю, потому что онъ не можетъ сохраняться неповрежденнымъ; причащающимся они преподають намоченный хлѣбъ и раздаютъ кусочки ложечкой, — чего Христосъ не дѣлалъ. — Вообще, въ богослуженіи Греческомъ латинскій полемистъ находитъ для себя множество случаевъ къ нападкамъ на греческую церковь, — нападкамъ, часто страннымъ и нелѣпымъ. Исчислимъ нѣкоторые изъ этихъ нападокъ. По сужденію Гугона, Греки думаютъ, что имя *Господь* значитъ болѣе, чѣмъ имя Христосъ, почему они никогда за службами не поютъ: Христе помилуй, но Господи

помилуй — весьма часто. Тотъ же полемистъ ставитъ въ упрекъ Грекамъ, что будто бы они изъ всѣхъ субботъ постанутъ лишь въ одну великую субботу, а во всѣ прочія дозволяютъ себѣ пиршества, удовольствія и баню; что Греки въ нѣкоторыя изъ пятницъ безъ зазрѣнія совѣсти ѣдятъ даже мясо; что они только семь дней постанутъ въ продолженіе года: пять дней вмѣсто всей четырехдесятницы, въ великую субботу да еще наканунѣ Богоявленія. Ибо въ продолженіе четырехдесятницы они никогда не постанутъ до вечера, притомъ четырехдесятница у нихъ состоитъ изъ 30 дней, или лучше сказать — пишетъ полемистъ: у нихъ совсѣмъ нѣтъ четырехдесятницы. Много и другихъ сторонъ, заслуживающихъ порицанія, усматриваетъ полемистъ въ богослужебной практикѣ Грековъ. Греки, объявляетъ Гугонъ, мажутъ свое чело бумагой, пропитанной масломъ отъ лампадъ, горящихъ предъ образами, и окропляются водой, которой они омывають мощи святыхъ; притомъ, въ первый день каждого мѣсяца (*in singulis calendis* — указаніе на языческое происхожденіе обычая) съ большимъ тщаніемъ они святятъ воду. Эту освященную воду они разносятъ по домамъ и не только окропляются ею, но и моются въ ней. Греки, по словамъ Гугона, допускаютъ себѣ еще слѣдующее: они молятся предъ образами Богоматери, когда желаютъ имѣть потомство мужскаго пола, и дѣлаютъ Ее при посредствѣ того же образа своей кумой, именно они вѣшаютъ полотно на ея образъ, чтобы Она, подобно дѣйствительной воспріемницѣ, приняла крещаемаго ребенка изъ рукъ священника. Къ разряду такого же рода профанаціи Гугонъ причисляетъ нѣкоторые религиозные греческіе обряды, относящіеся до святыхъ угодниковъ. Между тѣмъ какъ Греки, пишетъ полемистъ, живыхъ братьевъ ненавидятъ, они дѣлаютъ своими братьями святыхъ угодниковъ, вопреки ихъ волѣ. Это происходитъ такъ: они даютъ деньги священнику, и этотъ во время литургіи возноситъ молитву за побратимство между живымъ грѣшникомъ и святымъ небожителемъ. Для того, чтобы святой угодникъ вступилъ въ это родство, желающій побрататься зажигаетъ предъ образомъ святого по крайней мѣрѣ двѣ свѣчки, помазывается масломъ отъ иконы его, и обнимаетъ икону, на

которой изображенъ святой, избираемый въ братья. Продолжая свои нападки на богослужебную практику Грековъ, латинскій полемистъ порицаетъ Грековъ за ихъ обычаи при погребеніи умершихъ. „Когда они собираются на похороны—говорить полемистъ—то родственники и знакомые цѣлуютъ трупъ, въ чемъ они поступаютъ какъ язычники, которые говорили умершимъ: „иди, куда призвала тебя природа, и мы за тобой послѣдуемъ“. (Т. е. полемистъ послѣднее цѣлованіе истолковываетъ въ смыслѣ невѣрія въ будущую загробную жизнь). Полемистъ находитъ непристойнымъ обыкновеніе совершать службу въ будни, когда мало народу въ церкви и глумится надъ этимъ обыкновеніемъ. Вотъ слова полемиста: „у Грековъ священники совершаютъ службу безъ слушателей, и что всего страннѣе—будучи окружены женою и сыномъ. говорятъ, привѣтствуя отсутствующихъ вѣрующихъ: „миръ вамъ“. Жены священниковъ у Грековъ, по увѣренію Гугона, вступаютъ на алтарное возвышеніе (*chorum*), берутъ хлѣбъ съ жертвенника (*de altari*), исполняютъ діаконское служеніе и готовятъ все необходимое для литургіи.—Въ заключеніе своихъ нападокъ на богослужебную практику Грековъ Гугонъ упрекаетъ послѣднихъ въ нетерпимости къ Латинянамъ. Онъ указываетъ, во-первыхъ, на то, что если латинскій священникъ совершилъ евхаристію на ихъ престолѣ, то греческій священникъ не прежде будетъ литургисать на немъ, какъ по омовленіи его; во-вторыхъ—на то, что если Латинянинъ переходитъ въ Греческую церковь, то онъ или тайно или публично напередъ долженъ быть снова крещенъ.

Весьма обширный и богатый матеріалъ для упрековъ въ отношеніи Греческой церкви и для издѣвательства надъ нею даютъ Гугону факты дѣйствительные или же перетолкованные вкось и вкривъ—изъ жизни духовенства и монашества. Гугонъ неистощимъ во всякаго рода обвиненіяхъ на греческое духовенство и монашество. Епископы греческіе, по словамъ полемиста, принадлежатъ къ послѣдователямъ Симона волхва, такъ какъ они даромъ никому не отворятъ храма, безъ платы не совершатъ ни одной службы, не отправятъ погребенія. Духовенство греческое, по мнѣнію по-

лемиста, вполне зависитъ отъ мірянъ, ибо ихъ патріархи, епископы и архимандриты возводятся въ свое достоинство мірянами (здѣсь безъ сомнѣнія разумѣется византійское отношеніе государства къ церкви). По замѣчанію полемиста, Греки только монаховъ считаютъ обладающими священствомъ по преимуществу, такъ какъ у нихъ только монахи даютъ разрѣшеніе грѣховъ. Полемистъ порицаетъ греческое духовенство за рощеніе волосъ. Онъ пишетъ: „вопреки заповѣди апостола, изрекшаго: если мужъ растить волосы, то это безчестіе для него (1 Коринѳ. 11, 14), Греки заботятся объ отращиваніи волосъ, въ особенности клирики и монахи; эти послѣдніе (клирики и монахи) не подстригаютъ волосъ въ формѣ круга на темени, но дѣлаютъ проборъ на челѣ, подобно женщинѣ. Въ томъ же родѣ порицаніе Гугономъ греческаго духовенства и за рашеніе бороды. Греческіе священники, по мнѣнію его, отращиваютъ бороду, которую они смачиваютъ (по неосторожности) въ крови Господней при вкушеніи ея. Полемистъ не оставляетъ безъ вниманія и брачнаго состоянія духовенства; онъ утверждаетъ, что діаконы у Грековъ женятся, для того, чтобы достигнуть высшихъ церковныхъ степеней и не потерять своего сана. Гугонъ ставитъ въ упрекъ Греческой церкви ея неразборчивость въ поставленіи священниковъ; по его словамъ, во многихъ мѣстахъ у Грековъ ихъ священники суть мужи крови, они своими руками наносятъ раны другимъ. Гугонъ рисуетъ, наконецъ, самую жалкую картину состоянія греческаго монашества. Монахи у нихъ, жалуется Гугонъ, ночуютъ внѣ монастырей, подобно звѣрямъ, и ѣдятъ каждую минуту на улицѣ; у нихъ во рту и рукахъ постоянно какіе-нибудь плоды и что-нибудь съѣстное. Они заходятъ въ харчевни. Монахи у нихъ не имѣютъ общей кассы, но каждый имѣетъ свою собственную, отдѣльную.

Гугонъ находитъ очень много недостатковъ въ религіозномъ состояніи народа — и старается выставить ихъ на видъ, съ цѣлю униженія Греческой церкви. О греческомъ народѣ онъ говоритъ: Греки не воздаютъ своимъ священникамъ должной чести и заставляютъ ихъ стоять во время обѣдовъ, на какихъ этимъ послѣднимъ приходится быть. По самымъ

ничтожнымъ поводамъ Греки подвергаютъ священниковъ и клириковъ, какъ дѣлали язычники, тяжелымъ наказаніямъ и бьютъ плетью, въ насмѣшку спшибаютъ и комкаютъ шляпы своихъ священниковъ, тогда какъ написано: „кто наложитъ руку на клирика безъ причины или подъ вымышленнымъ предлогомъ, таковой да будетъ анаема“ (покоже на 27 пр. Апост.). Латинскій полемистъ порицаетъ Греческій народъ за невоздержность въ пищѣ: Греки, говоритъ Гуголь, отличаются неумѣренностью и ѣдятъ не дважды въ день, а столько, сколько представляется къ тому случаевъ. Они не воздерживаются отъ крови и удушеніи, ибо они ѣдятъ дроздовъ и другихъ птицъ, задушенныхъ силками, и употребляютъ въ пищу внутренности, т. е. кишки, наполненные свиною кровью (колбасы), и это считается лакомымъ блюдомъ. По увѣренію полемиста, Греки, лечашіе посредствомъ кровопусканія, отдають въ этомъ случаѣ человеческую кровь свиньямъ.—По словамъ того же Гугона, Греки ни во что ставятъ брачныя узы: какъ скоро одинъ изъ супруговъ не нравится другому, они заявляютъ объ этомъ претору городскому, уничтожаютъ брачныя документы и поясъ (*instrumentis et cingulis praecisis*), и безъ всякаго противоѣдствія вступаютъ въ новый бракъ. Полемистъ находитъ у Грековъ недостатокъ вниманія къ общественнымъ святилищамъ. По этому поводу полемистъ замѣчаетъ: „въ своихъ домахъ Греки имѣютъ молельни, украшенныя образами святыхъ и лампадами, и свѣчами; образа чествуются куреніемъ; и напротивъ мало заботятся о томъ, что церкви, построенныя ихъ предками, приходятъ въ упадокъ и почти въ запустѣніе. Женщинъ онъ упрекаетъ въ пристрастіи къ фальшивымъ волосамъ и притираніямъ ¹⁾).

Итакъ, мы видимъ, что Латиняне предъявляли весьма много обвиненій противъ Грековъ въ религіозномъ отношеніи, но то же дѣлали и Греки съ своей стороны противъ

¹⁾ Сочиненіе: *Graecorum malae consuetudines* напечатано среди текста другого анонимнаго сочиненія подъ заглавіемъ: *Tractatus contra Graecos*—въ видѣ приложенія къ этому послѣднему. *Maxima Bibliotheca veterum patrum et antiquorum scriptorum ecclesiasticarum*, a Bigne edita, том. 27, р. 609—611. Lugduni. 1677. Очевидно, сочиненіе: *Tract. contra Gr.* есть поминаніе.

Латинянь въ XII, XIII и XIV вѣкахъ. Число обвиненій на Латинянь у Грековъ быстро возрастаетъ. Во времена отъ Фотія до Керуларія число пунктовъ заблужденій латинскихъ колебалось между 10 и 22-мя. Керуларій вмѣстѣ съ греческимъ полемистомъ Никитою Стифатомъ число обвиненій на Латинянь значительно увеличили. Въ началѣ XII вѣка Никита Сеидъ зналъ уже 32 пункта отступничества Латинянь; въ XIII вѣкѣ сумма заблужденій тѣхъ же Латинянь болѣе чѣмъ удвоилась. А въ XIV вѣкѣ Греки говорили уже о безчисленныхъ латинскихъ ересяхъ ¹⁾. — Просмотримъ главнѣйшія обвиненія, какія дѣлались церковію Греческою противъ Латинской. Мы при этомъ преимущественно будемъ касаться такихъ сторонъ дѣла, которыя представляютъ что-либо новое въ сравненіи съ греческой полемикой до XII вѣка. Нужно сказать, нѣкоторыя изъ такихъ обвиненій лишены основанія, безпочвенны или же странны, такъ какъ они мало понятны. — Что касается латинскаго вѣроученія, то Греки не предъявляютъ никакихъ новыхъ обвиненій въ этомъ случаѣ, за исключеніемъ того, что съ XIII вѣка они начинаютъ упоминать объ особенностяхъ западнаго ученія относительно состоянія умершихъ до всеобщаго воскресенія и относительно чистилища. — Но зато Греки усматриваютъ много погрѣшностей въ церкви Латинской — въ богослужебномъ отношеніи. Такъ въ XIII вѣкѣ они прежде всего упрекали Латинянь за многія уклоненія отъ нормы въ совершеніи таинства евхаристіи. Они говорили: 1) Латиняне приобщаются только въ великую пятницу и еще на смертномъ одрѣ, и притомъ только обыкновенными, а не освященными опрѣсноками, защищая себя въ подобной практикѣ тѣмъ, что неизвѣстно: кто достоинъ евхаристическаго дара; 2) приобщающійся полоскаетъ водою ротъ, выплевываетъ потогъ ее на полъ, попираетъ ногами и такимъ образомъ безчеститъ святѣйшее; 3) еще раньше обвиняли Латинянь въ томъ, что они въ праздникъ Пасхи полагали агненка на алтарѣ (?), теперь же къ этому прибавляли, что по заколеніи агненокъ этотъ съѣдался, остатки сжигались, а пепелъ хранился

¹⁾ Hergenröther, B. III, s. 820.

въ теченіе года (очевидно обычай этотъ являлся какимъ-то добавленіемъ самой торжественной пасхальной литургіи, — можетъ быть, въ воспоминаніе о тайной вечери евангельской); 4) обличалось причащеніе подъ однимъ видомъ. — Слѣдуетъ еще замѣтить, что нѣкоторые изъ Грековъ очень строго стали смотрѣть на совершеніе Латинянами евхаристіи на опрѣснокахъ, до такой степени строго, что греческій писатель XII вѣка Николай, епископъ Метонскій, сравниваетъ греческую евхаристію съ жертвой Авеля, а латинскую, совершаемую на опрѣснокахъ, — съ жертвой Каина¹⁾. — Касательно таинства крещенія Греками указывались слѣдующія отступленія Латинянъ: 1) что они крестятъ единократнымъ погруженіемъ, и такимъ образомъ три лица Божества смѣшиваются въ одно; 2) что кладутъ въ ротъ крещаемому младенцу соль и смазываютъ его слюной, а не помазываютъ его елеемъ, какъ предписано церковію; 3) что они крещаютъ дважды, потому что возрастныхъ, при разрѣшеніи ихъ грѣховъ, мажутъ масломъ (?); 4) въ позднѣйшее время ставили въ вину Латинянамъ, что они крещаютъ не чрезъ погруженіе, а чрезъ окропленіе, и въ особенности — чрезъ обливаніе. — Что касается таинства покаянія, то Латиняне обвинялись въ томъ, что у нихъ нѣтъ духовныхъ отцовъ, такъ какъ иначе они должны были бы знать, кто достоинъ евхаристіи (припомнимъ одно изъ прежде указанныхъ обвиненій), а также въ томъ, что когда получалъ разрѣшеніе отлученный, то его бичевали по голому тѣлу. — Таинство священства Латинской церкви было также предметомъ нападокъ со стороны Грековъ, именно — послѣдніе заявляли, что у Латинянъ не во всякое время совершается это таинство, а только четыре раза въ годъ, — при чемъ вдругъ посвящается большое число діаконовъ и епископовъ. Еще утверждали,

¹⁾ Чельцовъ М. Полемика между Греками и Латинянами по вопросу объ опрѣснокахъ, стр. 86. СПб. 1879. Сочиненіе, изъ котораго занято авторомъ это замѣчаніе Николая, до послѣдняго времени извѣстно было лишь въ рукописи; но въ настоящее время оно отпечатано въ оригиналѣ съ переводомъ неутомимымъ ученымъ епископомъ Ароеніемъ (Иващенко), подъ заглавіемъ: *Два неизданныя произведенія Николая, еписк. Метонскаго* (второе озаглавляется: „Слово къ Латинянамъ объ опрѣснокахъ“). Цитируемое мѣсто см. на стр. 115. (Новгородъ, 1897).

что папа по избраніи его соборомъ рукополагался въ свой санъ чрезъ наложеніе руки умершаго его предшественника.— Бракъ въ латинской церкви даетъ также не мало Грекамъ простора для различнаго рода обвиненій на западныхъ христіанъ. Въ этомъ отношеніи указывалось прежде всего на допущеніе браковъ въ недозволенныхъ степеняхъ родства, затѣмъ на то, что у нихъ вполнѣ позволителенъ второй и третій бракъ. — Посты западной церкви давали поводъ ко многимъ укорамъ противъ нея; но новыхъ упрековъ немного. Отметимъ въ особенности то, что Греки въ саркастическихъ чертахъ описывали такъ называемый у Латинянъ день пепла, который открывался у нихъ постъ четырехдесятницы. Восточные полемисты утверждали, что Латиняне по веснѣ начинали собирать кости всякихъ нечистыхъ животныхъ, потомъ сжигали ихъ, пепелъ смѣшивали съ водой, которой окроплялись въ видахъ освященія. Этою смѣсью, говорили Греки, латинскіе духовные помазывали вѣрующихъ въ началѣ поста, именно помазывали голову, лобъ и лицо, въ томъ предположеніи, что это придаетъ силы для пощенія.— Другія порицанія Латинянъ Греками касаются образа жизни и поведенія духовенства. Греки указывали на слѣдующій странный обычай, который будто бы существовалъ въ латинской церкви: высшіе изъ епископовъ, когда идутъ въ храмъ совершать литургію, имѣютъ при себѣ нагихъ мальчиковъ, ихъ они окропляютъ, утверждая, что этотъ обрядъ придаетъ имъ неуязвимость и непобѣдимость на войнѣ, по достиженіи ими зрѣлаго возраста. Затѣмъ Греки осуждали частое перемѣщеніе епископовъ, симонію, безнравственность духовенства, непочтительное обращеніе съ евхаристіей, которую духовные носили съ собой въ дорожныхъ сумкахъ, разнообразіе монашескихъ орденовъ.— Обыденная жизнь латинскихъ христіанъ не оставалась безъ полемическихъ замѣчаній со стороны Грековъ. Ихъ изобличали въ томъ, что они ѣдятъ кровь и удушенину, становясь „душепожирателями“, вообще ѣдятъ нечистую пищу, что они часто кланутся, что клятвопреступленіе у нихъ въ обычаѣ, что они не читаютъ св. Писанія и церковныхъ постановленій, что они ѣдятъ съ собаками, даютъ имъ облизывать тарелки, а

потомъ опять ѣдятъ изъ нихъ, что они моются уриной и пьютъ ее. — Вообще Греки считали Латинянь въ религіозномъ отношеніи не выше еретической церкви Армянской¹⁾. Нѣкоторые изъ Грековъ считали Латинянь до такой степени закоренѣлыми въ заблужденіяхъ, что находили бесполезнымъ вести съ ними какія бы то ни было разсужденія и пренія о предметахъ религіозныхъ; ихъ почитали слишкомъ далеко уклонившимися отъ образа воззрѣній и мнѣній православныхъ людей. Извѣстный Византійскій историкъ Никифоръ Григора разсказываетъ о себѣ, что когда (въ 1333 г.) въ Византію пришли двое латинскихъ епископовъ для разсужденій о вѣрѣ, то онъ сказалъ рѣчь, въ которой всѣми способами доказывалъ, что отнюдь не слѣдуетъ вступать въ разсужденія съ прибывшими Латинянами. Доказывая свою мысль, онъ раскрывалъ, что Латиняне любятъ спорить и никогда не исправляются; онъ утверждалъ, что дѣло рѣшенное: „Латиняне никогда не согласятся съ нашими мнѣніями, хотя бы въ нашу пользу заговорили всѣ камни и всѣ деревья“; раскрывалъ, что въ основу разсужденій и преній латиняне полагаютъ силлогизмъ, который однакожъ непримѣнимъ при разъясненіи предметовъ божественныхъ; что Греки держась вѣры, преданной Спасителемъ и утвержденной соборами и св. отцами, поэтому не имѣютъ нужды вступать въ совершенно бесполезныя разглагольствованія; что, наконецъ, Латиняне вступаютъ въ пренія не затѣмъ, чтобы принять правую сторону, а затѣмъ, чтобы послѣ диспутированія, хотя безо всякаго основанія, хвастаться своею мнимою побѣдой²⁾.

Говоря доселѣ о томъ, при какихъ условіяхъ развивалась и въ какихъ формахъ выражалась религіозная вражда

¹⁾ Всѣ эти обвинительные пункты указаны у Hergenröther'a: Photius, III, 820—826, причемъ авторомъ собраны и приняты во вниманіе весьма многочисленныя свидѣтельства: Николая Метонскаго, Никиты Семда, Теодора Вальсамона, Симеона Фессалоникійскаго, Марка Ефесскаго, ритора Мануила, разныхъ анонимовъ мюнхенскія рукописи и пр. Часть вышеуказанныхъ обвиненій изчислена и опровергается въ любопытной книгѣ: *Три статьи неизвѣстнаго греческаго писателя начала XIII-го вѣка*. Изданіе архим. (теперь епископа) Арсенія. Греческій текстъ и переводъ. М. 1892. См. въ особенности стр. 66 и дал., 114.

²⁾ Никифора Григоры. Византійская исторія, кн. X, гл. 8. Переводъ. Переведенъ лишь первый томъ (боннскаго изданія). Спб., 1862.

двухъ церквей—латинской и греческой въ XII, XIII и XIV вѣкахъ, мы не должны однакожъ думать, что въ это время дѣйствительно порваны всѣ связи Запада съ Востокомъ въ религіозномъ отношеніи. Такое представленіе должно имѣть нѣкоторыя ограниченія. Мы хотимъ указать факты изъ времени, изучаемаго нами, которые свидѣтельствуютъ, что, случалось, самые видные представители той и другой церкви забывали о своей взаимной религіозной неприязни, относясь одни къ другимъ какъ члены единой, нераздѣльной церкви. Къ такимъ фактамъ мы причисляемъ частые браки Латинянъ съ Греками и наоборотъ, причемъ религіозныя разногласія не препятствуютъ заключенію брачныхъ узъ. Такъ въ XII вѣкѣ первая и вторая жена императора Мануила Комнина были латинянки. Племянница этого императора Марія Комнина была въ замужествѣ за Фридрихомъ Барбароссой, а потомъ за венгерскимъ принцемъ Стефаномъ. Сынъ того же Мануила Алексѣй II Комнинъ былъ повѣнчанъ съ французской принцессой Агнессой.¹⁾ Многочисленные примѣры подобныхъ браковъ можно находить и позднѣе. Къ такому-же ограниченію представленія о всецѣломъ разрывѣ между Греческой и латинской церковію ведетъ и то обстоятельство, что въ это время еще встрѣчаются случаи богослужебнаго общенія Грековъ съ Латинянами. Это видимъ при посѣщеніи Константинополя въ половинѣ XII вѣка французскимъ королемъ Людовикомъ VII, Конрадомъ III и другими Западными князьями. Въ царствованіе императора Іоанна Комнина аббатъ Петръ Ключійскій обращается къ императору и патріарху византійскимъ съ просьбой о восстановленіи находившагося въ Константинополѣ монастыря, принадлежащаго Ключійской конгрегаціи, а это предполагаетъ болѣе или менѣе дружелюбное расположеніе между церквами. Далѣе слѣдуетъ упомянуть, что императоръ Мануиль въ письмѣ къ Конраду III называетъ Латинянъ и Грековъ: *ομοδόξους*, т. е. единовѣрными. Жившимъ въ Константинополѣ по дѣламъ торговли Венеціанцамъ, Пизан-

¹⁾ Квиннама, кн. II, гл. 4; кн. V, гл. 4; кн. IV, гл. 1. кн. V, гл. 1.—Никиты Хониата. Царствованіе Андроника, кн. I, гл. 1.

цамъ, Генуэзцамъ, во времена этого императора, отведено было почетное мѣсто при богослуженіи въ знаменитомъ Софійскомъ храмѣ. При дворѣ императора Мануила жили многіе Латиняне, и никакого отреченія отъ заблужденій не требовалось отъ нихъ. Два италіянца—Гугонъ Этеріанъ и его братъ Левъ пользовались у Мануила большимъ значеніемъ.¹⁾—Такова была практика, но и въ теоріи нѣкоторые греческіе писатели и богословы тѣхъ временъ смотрѣли снисходительно на церковь латинскую съ ея теологическими и обрядовыми особенностями, и наоборотъ—нѣкоторые латинскіе писатели такими-же глазами смотрѣли на церковь греческую. Тѣ и другіе изъ этихъ писателей отстраняли отъ себя мысль, что раздѣленіе церквей есть дѣло рѣшительное и безповоротное. Съ латинской стороны въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія воззрѣніе Петра Ключійскаго и Бернгарда Клервосскаго. Первый въ XII вѣкѣ писалъ византійскому патріарху Іоанну Халкедонію: „хотя мы и раздѣлены съ вами пространственно и различіемъ языковъ, однакожь мы соединены неразрывно единствомъ вѣры и любви. Я желаю заключить съ тобою неразрывный союзъ дружбы, если ты не станешь стыдиться этого“²⁾. Западный святой Бернгардъ Клервосскій въ томъ же XII вѣкѣ писалъ папѣ Евгенію III: „строптивые греки и съ ними и не съ ними, соединены въ вѣрѣ, раздѣлены въ любви, хотя то же и въ вѣрѣ они кой въ чѣмъ заблуждаются“—тонъ вообще мягкій³⁾.—Приведемъ въ томъ же родѣ свидѣтельства Грековъ. Греческій философъ Θεоріанъ, которому императоръ Мануиль поручалъ столь многія миссіи по дѣламъ религіознымъ и который, случалось, вступалъ въ споры съ Латинянами, увѣщевалъ монаховъ смотрѣть на Латинянъ, какъ на братьевъ и притомъ православныхъ; большую часть пунктовъ разногласія онъ считалъ касающимися вопросовъ только дисциплинарныхъ и не имѣющими отношенія къ вѣроученію⁴⁾. Епископъ Іоаннъ Китрскій въ

¹⁾ Hergenröther. B. III, s. 791—792.

²⁾ Baronius. Annales. Ann. 1119, n. 20. (Pichler. B. I, s. 286).

³⁾ Pichler, *ibid.*

⁴⁾ Hergenröther. B. III, s. 792.

Македоніи (конца XII вѣка) на вопросъ: можно-ли присутствовать при Латинскомъ богослуженіи, отвѣчалъ, что раздоры между церквами касаются только двухъ пунктовъ—*filioque* и опрѣсноковъ, но чтеніе св. Писанія, молитвы, пѣснопѣнія, храмы, почитаніе честнаго креста и св. иконъ,— все это у Латинянъ не отличается отъ того, что есть у насъ. Латинское богослуженіе (собственно погребальное) не языческое (*φαιμοδία οὐκ ἔστιν ἐθνική*), но сообразное съ свящ. Писаніемъ ¹⁾. Не безъ христіанскихъ симпатій относится къ Латинянамъ также и Димитрій Хоматинъ, архіепископъ болгарскій (XIII в.). Ему предложенъ былъ вопросъ, считать-ли святою или не святою евхаристію, совершаемую Латинянами на опрѣснокахъ, а также—нужно-ли считать священными церковные сосуды и одежды Латинянъ. Отвѣчая на вопросъ, Димитрій не одобряетъ латинскаго обычая совершать евхаристію на опрѣснокахъ, но находитъ, что многіе изъ Грековъ выказываютъ преувеличенную ревность въ борьбѣ съ этимъ обычаемъ. При этомъ указываетъ, что нѣкоторые изъ Грековъ болѣе снисходительно смотрятъ на латинскій обычай совершать евхаристію, и только по вопросу объ исхожденіи Духа Св. не дѣлаютъ уступокъ и не соглашаются съ Латинянами. Димитрій далѣе дѣлаетъ такой выводъ: ни евхаристію Латинянъ, ни церковные ихъ сосуды и принадлежности нельзя считать нечистыми. Затѣмъ, тому же Димитрію приходилось отвѣчать и на другой вопросъ: можно-ли православному епископу входить въ храмы латинскіе и молиться здѣсь, и позволительно-ли преподавать евхаристію Латинянамъ, если они приходятъ въ греческіе храмы. Отвѣтъ Димитрія былъ таковъ: если кого приглашаютъ придти въ латинскую церковь, то онъ безъ всякаго сомнѣнія долженъ идти туда, ибо Латиняне ставятъ иконы въ своихъ храмахъ и почитаютъ ихъ; а также нѣтъ препятствій преподавать евхаристію Латинянамъ, если они приходятъ въ православную церковь. Италія — замѣчаетъ Димитрій—полна храмами, значительнѣйшій изъ которыхъ есть храмъ Петра въ Римѣ. Въ эту церковь вхо-

1) Rhally et Potly. Syntagma, tom. V, p. 404. Athenae. 1855.

дать какъ наши духовныя лица, такъ и наши міряне, молятся здѣсь, причѣмъ они не терпятъ никакого вреда отъ того, что они находятся въ латинскихъ церквахъ ¹⁾. Въ духѣ терпимости говоритъ о Латинянахъ и Симеонъ, архіепископъ Θεσσαλονικійскій, а замѣтимъ: онъ жилъ въ XV вѣкѣ, когда рознь между греческою и латинскою церковью зашла очень далеко ²⁾. Съ какою снисходительностію представители Греческой церкви относились еще въ изучаемое время къ церкви латинской, и съ какой благосклонностію относились представители церкви латинской къ церкви восточной, объ этомъ хорошо можно судить по тѣмъ толерантнымъ воззрѣніямъ, какія высказывались въ литературѣ какъ греческой, такъ и латинской, по одному изъ самыхъ спорныхъ вопросовъ между двумя церквами—говоримъ объ опрѣснокахъ. Между писателями греческими данной эпохи мы встрѣчаемъ не только такихъ, которые не думали строго судить Латинянъ за употребленіе у нихъ опрѣсноковъ, но даже и такихъ, которые не прочь были признать, что вѣроятно же всего и Христосъ совершилъ евхаристію на опрѣснокахъ, но не видѣли необходимости держаться опрѣсноковъ въ дальнѣйшее время жизни церкви. Къ такимъ писателямъ относится прежде всего Теофилактъ Болгарскій (умершій въ началѣ XII вѣка). Вотъ какъ писалъ по этому вопросу Теофилактъ: „употребленіе опрѣсноковъ (у Латинянъ) вызываетъ во многихъ великое соперничество, и какъ говорятъ—жарче огня, такъ что нѣкоторые готовы скорѣе испустить духъ, чѣмъ отстать отъ своего протеста“. Онъ находитъ, что такая чрезмѣрная ревность не можетъ заслуживать похвалы и считаетъ своимъ долгомъ разъяснить, какъ на самомъ дѣлѣ маловажно то, что ревнующіе считаютъ особенно важнымъ. Онъ высказываетъ опасеніе, чтобы споры изъ-за опрѣсноковъ не разожгли бы болѣе и болѣе вражды къ Латинянамъ. Мало того: онъ признавалъ, что такъ какъ вечеря Христова происходила въ одно время съ ветхозавѣтною пасхой, то Христосъ

¹⁾ Rhally, *ibid.* p. 430—435.

²⁾ Pichler. B. I, s. 418—419.

употреблялъ на вечерю опрѣсноки. „Я полагаю, говорить онъ, что сначала Господь вкусилъ законной пасхи, а потомъ предалъ своимъ ученикамъ и таинство своей пасхи, совершивъ его очевидно отъ того хлѣба, который тогда находился, а тогда находился безквасный“ ¹⁾. — Другой видный представитель Греческой церкви XII вѣка Никита, архіепископъ Никомидійскій, диспутируя съ однимъ западнымъ епископомъ объ опрѣснокахъ, высказываетъ слѣдующій гуманный взглядъ на вопросъ: предлагая какъ лучшее средство къ рѣшенію вопроса собраніе вселенскаго собора, (изъ восточныхъ и западныхъ епископовъ), Никита хочетъ, чтобы этотъ соборъ постановилъ: или то, чтобы всѣ приняли обрядъ употребленія кваснаго хлѣба, или то, чтобы всѣ стали употреблять опрѣсноки, или же—если не послѣдуетъ на это общаго согласія, то по крайней мѣрѣ согласились-бы, чтобы ни Греки не осуждали безразсудно Латинянъ—слова Никиты—изъ-за 'опрѣсноковъ', ни Латиняне не осуждали Грековъ изъ-за кваснаго хлѣба. Онъ вообще призываетъ и Грековъ и Латинянъ къ миру и взаимной любви. Никита, наприм., говорилъ: „необходимо, чтобы всѣ стеклись къ богатству любви, ибо какъ любовь при святомъ приношеніи (евхаристіи), такъ и святое приношеніе при истинной любви покрываютъ множество грѣховъ, и какъ спасительная жертва не доставляетъ спасенія безъ любви, такъ и совершенная любовь не соблазняется при различномъ приношеніи той же жертвы“ ²⁾. Подобный взглядъ, умѣренный и кроткій, на разность употребленія хлѣба для евхаристіи иногда встрѣчался въ тѣ-же времена и у богослововъ Западныхъ. Знаменитый Ансельмъ Кентерберійскій (въ XII в.) писалъ касательно хлѣба кваснаго такъ: „относительно жертвоприношенія, въ чемъ Греки такъ не соглашались съ нами, по многимъ основаніямъ можно видѣть, что они совершаютъ его не противно христіанской вѣрѣ, такъ какъ одинаково приносятъ жертву и благословляющій

¹⁾ Will. Acta et. scripta... (Lipsiae. 1861): Theophilacti Bulgar. libellus, cap. X—XI (Чельцовъ. Полемика, стр. 92—94; 180—181).

²⁾ D'Achery. Spicilegium. Tom. I: Anselmi episcopi, liber tert., cap. XIX (Чельцовъ, ibid. 94—97).

квасный и благословляющій прѣсный хлѣбъ. Когда повѣствуется о Господѣ, какъ Онъ сдѣлалъ изъ хлѣба свое тѣло, принявъ хлѣбъ и благословивъ его, то не поясняется— прѣсный ли то былъ хлѣбъ или квасный“. Ансельмъ желаетъ одного со стороны Грековъ, чтобы они не порицали совершающихъ евхаристію на опрѣснокахъ ¹⁾).

Къ сожалѣнію, эти немногіе голоса, на Востокѣ и на Западѣ, призывающіе къ взаимному миру и любви членовъ Греческой и Латинской церкви, не были настолько сильны, чтобы заглушить голоса, иначе настроенные,—и разъединеніе между церквами не могло смѣниться согласіемъ и братствомъ.

---

¹⁾ Anselmus. De tribus Waleranni (episcopi) quaestionibus. Migne. Lat. tom. 158, p. 541—547. (Чельцовъ, ibid. стр. 158—159).

Религіозно-нравственный характеръ Византійской имперіи отъ конца XI до половины XV в.

Изученіе религіозно-нравственного характера христіанскаго общества какого-бы то ни было времени представляетъ большія трудности. Нравственность и религіозность составляютъ собою факты не столько внѣшней, сколько внутренней, сокровенной жизни человѣка. Историкъ только тогда могъ-бы съ правомъ утверждать, что онъ достаточно изучилъ эти предметы, еслибы былъ въ состояніи проникать въ душу и внутреннее расположеніе прошедшихъ поколѣній, но такъ какъ это невозможно, то ему остается довольствоваться лишь изученіемъ внѣшнихъ фактовъ, отмѣченныхъ лѣтописцами, фактовъ случайныхъ, разрозненныхъ нерѣдко противорѣчивыхъ, переданныхъ разказчиками, быть можетъ, весьма неточно.

Одну изъ трудностей при изученіи вопроса составляетъ то, что въ разсказахъ о прошедшемъ черты темныя, непривлекательныя выступаютъ всегда на первый планъ. Это и понятно, ибо истинная нравственность и религіозность, если онѣ не выражаются въ громкихъ подвигахъ, остаются незамѣтными, между тѣмъ какъ пороки и нарушенія требованій религіи, по свойственному человѣку стремленію отыскивать недостатки въ другомъ, чтобы оправдать собственные недостатки—пересказываются на разные лады и весьма часто въ преувеличенномъ видѣ. Вслѣдствіе этого и историки, описывавшіе прежнее время, ярче отмѣчаютъ религіозно-нравственные недостатки общества, чѣмъ его достоинства и добродѣтели. Этого мало. Въ распоряженіи историка нашего времени находится не мало такихъ документовъ, изъ которыхъ онъ и можетъ извлекать только

свѣдѣнія о непривлекательныхъ сторонахъ жизни общества того или другого вѣка. Таковы записи судебныхъ процессовъ. Во всякой подобной записи есть не мало указаній на тѣ или другія правонарушенія и безнравственные поступки членовъ общества, но въ нихъ ничего не говорится—по самому существу документовъ—о добродѣтеляхъ и свѣтлыхъ явленіяхъ въ области нравственной жизни общества. Восполненіемъ этого пробѣла не могутъ служить ни панегирическія рѣчи, ни описанія знаменитыхъ подвижниковъ, ибо панегирическія рѣчи весьма рѣдко даютъ правильную оцѣнку изображаемыхъ личностей, а описанія подвижниковъ имѣють дѣло съ исключительными явленіями.

Еще философъ Сенека говорилъ: „мы жалуемся, предки жаловались и потомки будутъ жаловаться, что нравы испортились и все святое попорно“. Это очень вѣрное замѣчаніе. Приложимо оно не къ одному изыскаческому, а и къ христіанскому міру. За исключеніемъ первыхъ двухъ вѣковъ христіанской исторіи, (да и тутъ еще не нужно упускать изъ вниманія такого явленія, какъ монтанизмъ, который отчасти возникаетъ изъ тѣхъ-же причинъ, какъ и позднѣйшее монашество—изъ протеста противъ нравственнаго разслабленія жизни христіанской) моралистъ остается недоволенъ жизнью христіанъ рѣшительно всѣхъ временъ.

Послѣ всего этого нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что и историкъ, описывающій исторію христіанской нравственности за періодъ отъ конца XI до половины XV вѣка, за періодъ явнаго и непререкаемаго упадка Византійскаго государства почти во всѣхъ отношеніяхъ, съ одной стороны не можетъ не жаловаться на упадокъ общественной нравственности, а съ другой принужденъ рисовать болѣе печальныя картины нравственной испорченности, чѣмъ отрадныя картины нравственной высоты и религіознаго совершенства.

Во всякомъ случаѣ указанный историкъ не можетъ изъяснять притязаній, что онъ вполне правильно понялъ описываемую имъ сторону и безошибочно раскрылъ ее. Ни одинъ историкъ нравственныхъ отношеній того или другого вѣка не можетъ похвалиться, что онъ проникъ въ глубины

вопроса и въ состояніи исчерпать его. Мы съ своей стороны сочтемъ свое дѣло исполненнымъ удовлетворительно, если знающіе Византійскую исторію не найдутъ возможности упрекнуть насъ въ недостатокъ безпристрастія и признаютъ наше описаніе религіозно-нравственного характера византійскаго общества указанныхъ вѣковъ относительно вѣрнымъ и дающимъ достаточное понятіе о предметѣ рѣчи.

Всѣ свѣтлыя и темныя черты религіозно-нравственныхъ отношеній отъ конца XI до половины XV вѣка легко наблюдать на образѣ жизни и поведеніи царственныхъ лицъ этихъ вѣковъ. Многочисленные Византійскіе историки сохранили для потомства богатые матеріалы для ознакомленія съ указанной стороной вопроса. Нужно только жалѣть о томъ, что они были слишкомъ скупы на характеристику общественной или народной нравственности; но и въ этомъ случаѣ историкъ нашего времени не остается безпомощнымъ: чего не договариваютъ Византійскіе историки, о томъ даютъ хоть и не очень полныя, но все-же драгоцѣнныя свѣдѣнія нѣкоторые другіе памятники, такъ что совокупность источниковъ даетъ возможность составить приблизительное понятіе и о религіозно-нравственномъ характерѣ общества, народа.

Странное зрѣлище представляютъ Византійскіе императоры изучаемой нами эпохи въ религіозно-нравственномъ отношеніи. Это какое-то безконечное царство контрастовъ. Добродѣтель и благочестіе то восходятъ на императорскій тронъ и отсюда дѣйствуютъ въ свойственномъ имъ духѣ, то будто совсѣмъ оставляютъ царскій тронъ. Одинъ Византійскій императоръ — благочестивъ, образцово-нравственъ, другой же, рядомъ слѣдующій, представляетъ собой чуть не чудовище нечестія и порока. Этого мало: одно и то-же царственное лице дѣйствуетъ столь различно въ нравственно-религіозномъ отношеніи, что приходишь въ истинное изумленіе отъ такого соединенія подобныхъ крайностей. Смѣна и смѣсь добра и зла, смѣсь и смѣна неуволимая и постоянная — вотъ религіозно-нравственный характеръ царственныхъ лицъ разсматриваемаго періода. Показное благочестіе беретъ верхъ надъ благочестіемъ сердца; — это-то и

можетъ объяснить, почему у описываемыхъ лицъ такое непостоянство въ жизни и поступкахъ. Что мы видимъ? храмы великолѣпно украшаются, но какъ будто бы для того, чтобы было что грабить въ нихъ; прилагаются заботы о томъ, чтобы имѣть тонкое богословское образованіе, а съ тѣмъ вмѣстѣ подчасъ предаются забвенію самыя элементарныя истины христіанскія; создаются превосходныя благотворительныя заведенія, а рядомъ съ этимъ подвергается угнетенію весь остальной христіанскій народъ; устрояются великолѣпнѣйшія религіозныя процессіи, но сквозь всю эту помпу часто проглядываетъ грубочувственная религіозность; издаются законы, воспреещающіе монахамъ роскошь и обогащеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ для этихъ-же монаховъ, какъ бы въ расчетъ на неминуемое искушеніе для нихъ, устраиваются такія пиршества, о которыхъ, какъ явленіи небываломъ, считаютъ долгомъ оповѣстить потомство историки; царственное покровительство монашеству, какъ училищу цѣломудрія, мирно уживается съ самымъ беззастѣнчивымъ, грубымъ развратомъ самихъ покровителей цѣломудрія; прилежно и тщательно изучается Св. Писаніе, но какъ будто только за тѣмъ, чтобы хвастаться этимъ знаніемъ, а не за тѣмъ, чтобы исполнять заповѣди Божіи и проч. Словомъ, это какой-то свѣтъ во тьмѣ, причемъ тьма готова, нужно сознаться, объять свѣтъ.....

Рядъ царственныхъ лицъ, о которыхъ мы хотимъ говорить, открывается *Алексѣемъ I Комнинымъ* (1080—1118). Алексѣй возшелъ на императорскій Византійскій престолъ, не какъ законный наслѣдникъ, а какъ счастливый узурпаторъ. И самъ по себѣ подобный поступокъ, конечно, не дѣлаетъ чести этому Византійскому императору; но непривлекательность его (поступка) еще больше возрастаетъ вслѣдствіе того, что войска, помогшія Алексѣю сдѣлаться императоромъ, въ вознагражденіе своего усердія въ этомъ отношеніи, позволили себѣ буйство, грабежъ и другія безобразія въ столицѣ ¹⁾). Самъ Алексѣй чувствовалъ, какъ да-

¹⁾ Безобразное поведеніе войска очень живо описано Зонарой. *Zonaras, Annales, lib. XVIII, cap. 20* (Migne, tom. 135, p. 293). Хотя Зонара жилъ въ XII вѣкѣ и описывалъ царствованіе Алексѣя, какъ очевидецъ, но онъ

леко его пособники зашли за ту черту, которая раздѣляетъ позволительное и терпимое отъ непозволительнаго и нетерпимаго, а потому, желая умѣрить общественные толки, онъ вынужденъ былъ принять на себя очистительную эпитимию ¹⁾).

Сообщимъ важнѣйшія свѣдѣнія, которыя могутъ служить къ характеристикѣ нравственности и религіозности императора Алексѣя. По свидѣтельству Зонары онъ отличался слѣдующими нравственными качествами, опредѣлявшими общій характеръ его жизни и поведенія. Онъ былъ спокойнаго нрава и не надмененъ, свободенъ отъ корыстолюбія, разборчивъ при назначеніи наказаній и доступенъ чувству снисходительности при оцѣнкѣ проступковъ; удовольствіями онъ пользовался очень умѣренно, былъ ласковъ и доступенъ въ обращеніи съ лицами, окружавшими его и имѣвшими въ немъ нужду ²⁾.—Склонность къ воздержанію и нетребовательность Алексѣй въ особенности умѣлъ обнаруживать во время военныхъ походовъ: подобно лучшимъ полководцамъ древности, онъ дѣлилъ съ солдатами всѣ лишенія и недостатки. Во время войнъ, а этихъ войнъ было при немъ много, онъ являлъ собою примѣръ поучительный для своего войска ³⁾. Такимъ онъ являлся, какъ полководецъ. Многими прекрасными качествами отличался онъ и какъ правитель и распорядитель судьбами подчиненныхъ ему лицъ. Онъ щадилъ и даже награждалъ и такихъ людей, которые имѣли въ своемъ сердцѣ самыя злобныя намѣренія противъ императора, если эти люди чувствовали раскаяніе въ своихъ преступныхъ намѣреніяхъ ⁴⁾; тѣмъ меньше про-

---

не предаемъ большаго значенія этому описанію, потому что историкъ не описывалъ специально царствованія Алексѣя, а пишетъ общую исторію, начиная отъ сотворенія міра. Поэтому рассказы его объ Алексѣѣ—кратки и могутъ служить лишь къ уясненію и отчасти исправленію показаній Анны Комниной: трудъ Зонары нельзя разсматривать какъ первоисточенное пособіе при изученіи царствованія Алексѣя. О трудѣ Зонары можно находить замѣчанія у Скабалановича: „Визант. государство и церковь“, стр. XVII—XX; тотъ же трудъ Oster (Anna Comnena, Theil III, Rasstaat, 1869) оцѣниваетъ, сравнивая его съ есичненіемъ Анны Комниной.

¹⁾ Анны Комниной. Сказаніе о царѣ Алексѣѣ, кн. III, гл. 5. Русск. пер.

²⁾ Zonaras. Annales, lib. XVIII, cap. 29 (Migne, p. 324—325).

³⁾ Анны Комн. Сказаніе о царѣ Алексѣѣ. Кн. II, гл. 7.

⁴⁾ Анны. Сказаніе. Кн. IX, гл. 7, стр. 425.

изводили на него впечатлѣніе хульные отзывы и оскорбительныя замѣчанія, какія позволяли себѣ дѣлать противъ императора его враги: за нихъ онъ не мстилъ ¹⁾ съ тѣмъ эгоистическимъ упорствомъ и рѣшительностью, на какія бываютъ способны мелкія натуры. Правиломъ Алексѣя было извинять и прощать какъ явныхъ, такъ и тайныхъ враговъ его царствованія, если покушенія враговъ не соединялись съ нарушеніемъ высшихъ государственныхъ интересовъ, а ограничивались непріятностями лично для самого государя ²⁾. Вообще пролитіе крови при такихъ случаяхъ, гдѣ другіе считали это дѣломъ самымъ естественнымъ — чуждо было душѣ императора Алексѣя. Онъ щадилъ военнопленныхъ, когда видѣлъ, что избіеніе ихъ не имѣло-бы никакой цѣли. При одномъ случаѣ довѣренное лицо императора — Сенезій предложилъ Алексѣю казнить военнопленныхъ Печенѣговъ; но императоръ не согласился на такое предложеніе, сказавъ прекрасныя слова: „хоть это и скиены, но все-же люди, хоть это враги, но все-же они достойны милости“. Правда, эти Печенѣги въ ту же ночь были перебиты, но повѣствователь утверждаетъ, что случай этотъ произошелъ безъ вѣдома императора ³⁾. Во время сраженій, падая жизнь своихъ воиновъ, Алексѣй очень заботился о томъ, чтобы не было пролито ни капли лишней крови, принадлежащей его воинамъ; побѣда, стоившая слишкомъ много крови, ему доставляла не радость, а печаль ⁴⁾. — Очень выдающуюся черту въ нравственномъ характерѣ Алексѣя составляло стремленіе помогать бѣднымъ и несчастнымъ. Алексѣй извѣстенъ въ этомъ отношеніи болѣе, чѣмъ многіе другіе Византійскіе императоры. Онъ хотѣлъ, чтобы плоды его филантропическихъ стремленій пережили его самого и сдѣлались дорогимъ наслѣдіемъ его потомковъ и всего Византійскаго народа. Историки говорятъ слѣдующее: въ Константинополѣ съ давнихъ поръ существовалъ на Босфорѣ домъ призрѣнія бѣдныхъ. Алексѣй улучшилъ и расширилъ это

¹⁾ Ibid. кн. V, гл. 6, стр. 241—2.

²⁾ Anna Comnena. Alexias. Lib. XIV. Migne. tom. 131, p. 1057.

³⁾ Аппы. Сказаніе. Кн. VIII, гл. 6, стр. 385.

⁴⁾ Annas. Alexias. Lib. XIV. Migne, tom. 131, p. 1081.

убѣжище и превратилъ его въ великолѣпное и огромное зданіе. Здѣсь въ одно и тоже время помѣщались и пріютъ для сиротъ и богадѣльня для немощныхъ и престарѣлыхъ. Въ богадѣльнѣ существовали отдѣленія для мужчинъ и женщинъ. Особыя попеченія прилагалъ императоръ о сиротахъ: онъ хотѣлъ быть для нихъ какъ-бы отцемъ. Сироты, кромѣ содержанія, получали образованіе религіозное и научное. Ихъ образованіе ввѣрено было учителямъ, назначаемымъ по волѣ императора. По обширности и великолѣпію учрежденіе въ его цѣломъ походило на особый городъ, находящійся среди столицы. Въ филантропическомъ учрежденіи Алексѣя содержалось 10,000 человекъ. При нихъ было чуть не такое-же число докторовъ, хирурговъ, учителей и прислуги того или другого пола. Здѣсь находилась церковь, украшенная весьма богато; при церкви былъ особый многочисленный церковный причтъ. На издержки этого человѣколюбиваго учрежденія императоръ отпускалъ большія суммы денегъ. Управителями здѣсь назначались по личному выбору Алексѣя люди испытанной честности и отличавшіеся умомъ; между ними встрѣчаемъ лицъ сенаторскаго званія, даже царскихъ родственниковъ ¹⁾).

О религіозности Алексѣя даетъ нѣсколько не безъинтересныхъ указаній историкъ Анна, его дочь. Въ трудовыя минуты военныхъ предпріятій онъ возлагалъ надежду только на Бога, о чемъ и говорилъ открыто предъ лицами, составлявшими его свиту ²⁾). Въ этомъ отношеніи особенно заслуживаетъ вниманія разсказъ о томъ, какъ императоръ приготовился къ битвѣ съ печенегамъ и команамъ. Историкъ говоритъ: „не думая откладывать болѣе сраженіе. Алексѣй сталъ призывать себѣ въ помощники Бога. На закатѣ солнца имъ первымъ вознесена была молитва, при великомъ освѣщеніи и пѣніи гимновъ. Не позволялъ онъ покоиться и всему стану, но каждому благоразумному совѣтовалъ дѣлать тоже самое, а грубыхъ заставлялъ. Молитвенные голоса воиновъ,

¹⁾ Anna Comnen. Alexias. Lib. XV, Migne p. 1154—1167 (подробно, но риторично); Zonaras. Annales. Lib. XVIII, cap. 24, Migne, p. 306—7 (очень кратко, указаны лишь главные черты).

²⁾ Анна Комн. Сказаніе, кн. VII, гл. 3, стр. 330—31.

кажется, долетали до самых небесных сводовъ или точнѣе — возносились къ самому Владыкѣ Богу. Въ самомъ дѣлѣ онъ уповалъ не на воиновъ и коней и не на военное искусство, но все относилъ къ волѣ всевышней. И это продолжалось до полуночи¹⁾. При одномъ случаѣ во время сраженія, желая наглядно выразить свою вѣру въ помощь Божію, онъ въ одной рукѣ держалъ мечъ, а въ другой знамя — омофоръ Матери Божіей, одну изъ священнѣйшихъ реликвій Византійскихъ²⁾ (подъ омофоромъ здѣсь разумѣется головное покрывало Богородицы). Алексѣй былъ хорошо свѣдушъ въ священномъ Писаніи и любилъ при случаѣ цитировать болѣе подходящія къ случаю мѣста изъ библіи³⁾.

Въ такихъ чертахъ можно представлять себѣ лучшія стороны религіозно-нравственнаго характера Алексѣя. Къ сожалѣнію, его нравственная жизнь не была чужда недостатковъ, а религіозность не была столь искренна, какъ можно было бы это думать. Такъ по отношенію къ его нравственности нужно замѣтить слѣдующее: хотя самъ Алексѣй былъ умѣренъ и воздержанъ въ пищѣ, напиткахъ и удовольствіяхъ, былъ совершенно не корыстолюбивъ, но онъ мало заботился о сбереженіи общественнаго достоянія. Его родня и приближенные поглощали множество общественныхъ денегъ, жили въ роскоши, отчего страдали государственные интересы⁴⁾. Супружеская жизнь Алексѣя не отличалась цѣломудренностію. По крайней мѣрѣ въ молодости, но уже на престолѣ, онъ нерѣдко измѣнялъ своей женѣ Иринѣ и тѣмъ причинялъ ей великія муки, вызываемыя чувствомъ ревности⁵⁾. Производитъ непріятное впечатлѣніе то издѣвательство, которое учинялось надъ нѣкоторыми лицами, виновными въ одномъ заговорѣ противъ Алексѣя, издѣвательствѣ, конечно, по волѣ этого послѣд-

1) Ibid. кн. VIII, гл. 5, стр. 380—381.

2) Ibid. кн. VII, гл. 3, стр. 328—9.

3) Ibid. кн. IX, гл. 7, стр. 423 и друг.

4) Zonaras. Annal. Lib. XVIII, cap. 29. Migne 325.

5) Zonaras. Lib. XVIII, cap. 24. Migne, p. 309. Само собою понятно, Анна объ этомъ совершенно молчитъ.

няго. Такъ какъ заговоръ былъ своевременно открытъ, то виновные, Михайлъ Анема и другія лица, подвергнуты были не тяжкимъ наказаніямъ, но въ числѣ этихъ наказаній было и такое: преступникамъ острижены были волосы на головѣ и бородѣ, но острижены были какимъ-то мерзостнымъ инструментомъ, называвшимся „дропахъ“ ¹⁾. Изъ этихъ фактовъ видно, что нравственные достоинства Алексѣя нельзя такъ ставить высоко, какъ это дѣлаетъ историкъ Анна Комнина.

Что касается религіозности Алексѣя, то сомнительно, чтобъ она была вполнѣ искренна и истекала отъ чистаго сердца. Нужно сказать, что Зонара, который ясно указываетъ нравственные достоинства Алексѣя, почему-то ничего не говоритъ о благочестіи императора. Едва-ли это простая случайность. Во всякомъ случаѣ его религіозность едва-ли не носила хотя въ нѣкоторой степени той особенности, которая отличала дѣятельность этого императора, особенности, состоявшей въ хитрости и тонкомъ расчетѣ; благодаря этой чертѣ характера, императоръ весьма нерѣдко являлся не тѣмъ, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. Замѣчательно, когда Алексѣй былъ на смертномъ одрѣ, Ирина, жена его, не смотря на торжественность и знаменательность минуты, обманувшаяся относительно престолонаслѣдія, не могла воздержаться, чтобы не воскликнуть, обращаясь къ умирающему: „мужъ, ты и при жизни отличался всевозможнымъ коварствомъ, любя говорить не то, что думаешь, и теперь, разставаясь съ жизнью, не измѣняешь тому, что любилъ прежде“. Историкъ, передающій намъ эти слова Ирины, съ своей стороны не считаетъ нужнымъ молчать, что онъ почитаетъ Алексѣя „человѣкомъ, какъ нельзя болѣе, скрытнымъ“, т.-е. такимъ, у котораго поступки не находились въ соотвѣтствіи съ внутренними расположеніями. Стоитъ еще замѣтить, что вышеприведенныя слова императрица Ирина говорила вслѣдъ затѣмъ,

---

¹⁾ Zonaras. *Annal. Lib. XVIII*, cap. 24, p. 308. Объ этомъ „дропахъ“ здѣсь же замѣчено, что это инструментъ, которымъ mulieres apud Turcos pudentorum pilos evellunt.

какъ увидала, что Алексѣй „поднялъ руки къ небу“ ¹⁾ въ знакъ благодарности за то, что ему удалось-таки обмануть надежды своей жены, не смотря на свои обѣщанія исполнить желанія этой послѣдней. Положимъ, разрушая надежды жены, Алексѣй поступалъ на этотъ разъ правильно; но все-же весьма странно встрѣчать одновременно—нарушеніе обѣщаній, обманъ и молитву.

Не смотря на нѣкоторые ограниченія, Алексѣя по его религіозно-нравственному характеру нужно относить не къ худшимъ, а къ лучшимъ Византійскимъ государямъ изучаемаго періода.

Считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ Иринѣ, супругѣ Алексѣя. Историкъ Анна восхваляетъ добродѣтели и благочестіе Ирины, своей матери ²⁾. Нѣтъ основаній отрицать показанія историка. Ирина, дѣйствительно, во многихъ отношеніяхъ представляетъ отрадное явленіе. Между другими ея дѣлами благочестія, видное мѣсто занимаетъ ея заботливость о распространеніи и благоустроеніи женскаго иночества въ Константинополѣ. Такъ она извѣстна учрежденіемъ женскаго монастыря здѣсь во имя Пресвятой Дѣвы Благодатной. Этотъ монастырь состоялъ подъ личнымъ смотрѣніемъ самой императрицы Ирины. Она составила для монастыря уставъ, имѣвшій цѣлью поставить эту обитель на высотѣ нравственно - религіозной жизни. Уставъ этотъ подробно и тщательно составленъ ³⁾. Возможно, что онъ начертанъ рукой самой Ирины, женщины очень образованной и начитанной въ богословскихъ сочиненіяхъ. — Но признавая достоинства жизни и поведенія Ирины, въ особенности ея благочестіе, не слѣдуетъ въ то-же время преувеличивать ихъ, какъ это дѣлаетъ пристрастный историкъ Анна. Несомнѣнно, Ирина

¹⁾ Никиты Хониата. Исторія царствованія Іоанна Комнина, кн. I, гл. 2. Русск. переводъ.

²⁾ Сказаніе, кн. III, гл. 8, стр. 158 и др.

³⁾ Уставъ Ирины извѣстенъ и въ русской литературѣ. Его перевелъ покойный проф. Казанскій, а издалъ проф. Мансметовъ, снабдивъ переводъ примѣчаніями ученаго содержания. („Типикъ женскаго монастыря Пресвятой Богородицы Благодатной, основаннаго и устроеннаго императрицею Ириною“ и проч. См. Труды Моск. археол. общ. за 1878 г.). Это единственный уставъ женскаго монастыря, дошедшій до насъ отъ древности.

была горда и надмена, если сравнивать простоту и доступность Алексѣя Комнина съ черезъ-чуръ большою приверженностью Ирины къ строгому придворному этикету, стѣснительному для лицъ, окружавшихъ эту царственную особу. Видно, что эта послѣдняя очень любила давать знать, что она царица, и что всѣ должны предъ ней трепетать и чувствовать свое ничтожество ¹⁾. Но еще важнѣе то, что Ирина, любя до страсти свою дочь Анну, ради этой любви готова была преступить законность и справедливость. Она употребляла всѣ старанія къ тому, чтобы ея мужъ Алексѣй призналъ Анну преемницей его власти, обойдя законнаго наслѣдника Іоанна, своего сына ²⁾. Такое стремленіе Ирины естественно вносило дисгармонію въ семейныя отношенія царскаго дома и заставляло членовъ семьи становиться другъ къ другу почти во враждебныя отношенія. Конечно, никто не поставитъ такихъ плановъ Ирины и слѣдствій, вытекавшихъ изъ этихъ плановъ, — въ достоинство этой царственной особы. Правда Ирина не достигла своей цѣли: Іоаннъ сдѣлался наслѣдникомъ своего отца; но кто прочтетъ историческія сказанія, повѣствующія объ обстоятельствахъ восшествія Іоанна на престолъ, тотъ сознается, что Ирина не можетъ претендовать на высокое мѣсто въ ряду достойнѣйшихъ императрицъ Византіи. Вообще она была немного лучше своего мужа ³⁾.

Сынъ и преемникъ Алексѣя Комнина *Іоаннъ Комнинъ* (1118—1143) представляетъ собою одинъ изъ самыхъ рѣдкихъ примѣровъ высоко-нравственныхъ императоровъ, занимавшихъ Византійскій императорскій тронъ. Нелюбимый почему-то своей матерью Ириной, онъ тѣмъ не менѣе приобрѣлъ общую любовь народа. Іоаннъ — это былъ императоръ, о которомъ историки не говорятъ ни одного дурного слова ⁴⁾. Въ теченіе 25-лѣтняго его царствованія кротость

¹⁾ Zonarae. Annales. Lib. XVIII, cap. 29. Migne p. 325.

²⁾ Zonarae Annal. Lib. XVIII, cap. 24, 27. Migne p. 310. 319. Никиты Ховізт. Исторія. Царствованіе Іоанна, кн. I, гл. 2.

³⁾ Zonarae. Lib. XVIII, cap. 28—9. Migne, p. 322—323.

⁴⁾ Нужно впрочемъ сказать, что царствованіе Іоанна по какой-то причинѣ не было описано ни однимъ современникомъ; всѣ извѣстія о немъ находимъ у позднѣйшихъ Византійскихъ историковъ (Киннама и Никиты).

и милосердіе составляли правила государственнаго управленія. Подъ его скипетромъ смертная казнь перестала проявлять свое могущество, какимъ она ознаменовала себя въ прежніе вѣка. Замѣчательные примѣры кротости и милосердія императоръ показалъ при слѣдующихъ случаяхъ. Сестра его, извѣстная Анна Комнина не хотѣла примириться съ совершившимся фактомъ, восшествіемъ Іоанна на престолъ; она не хотѣла примириться съ тѣмъ, что императорскій тронъ, на который она рассчитывала, благодаря содѣйствію въ этомъ отношеніи матери, — занятъ другимъ. Спустя около года послѣ вступленія Іоанна на престолъ она сдѣлала попытку путемъ революціи отнять царскій престолъ у своего брата. И это дѣлаетъ Анна, та самая Анна, которая въ извѣстномъ историческомъ трудѣ повсюду проявляетъ такую скромность и женственность! Но планы ея не осуществились, кажется, благодаря совѣстливости ея мужа, о которомъ она по этому случаю съ непристойной ироніей („въ самыхъ срамныхъ выраженіяхъ“) отзывалась, что природа по ошибкѣ перемѣшала полы людей и Врѣннію дала вмѣсто мужской душу женскую. По Византійскимъ обычаямъ Анну слѣдовало казнить, а ея имущество конфисковать. Но императоръ Іоаннъ милостиво рѣшаетъ сохранить ея жизнь и только присуждаетъ конфисковать ея имущество. Но и это послѣднее распоряженіе не было приведено въ исполненіе: по ходатайству приближеннаго къ нему человека (Аксуха) Іоаннъ отмѣнилъ свое приказаніе ¹⁾ и ограничивается въ отношеніи къ виновной упреками и порицаніями. Съ такою-же безпримѣрною снисходительностію относится Іоаннъ и къ брату своему Исааку, позволившему поступокъ, очень похожій на поступокъ Анны. Поссорившись изъ-за какихъ-то пустяковъ съ своимъ братомъ, Исаакъ удалился за предѣлы государства, тамъ перебивалъ у различныхъ народовъ съ цѣлью найти себѣ союзниковъ, которые могли-бы ему отнять престолъ у брата. Но поиски Исаака оказались безплодны. Онъ съ повинной головой возвратился къ царю въ Византію. Какъ же царь принялъ

---

¹⁾ Никиты Хон. Царствованіе Іоанна, гл. 3.

преступнаго брата? Вмѣсто всякихъ наказаній, „онъ обла-
скалъ его и сердечно обнялъ; онъ не скрывалъ и въ душѣ
никакой тайной неприязни къ Исааку; онъ не больше ра-
довался о побѣдѣ, чѣмъ о возвращеніи брата“ ¹⁾). Никита
Хоніатъ дѣлаетъ слѣдующую характеристику Императора
Іоанна въ нравственномъ отношеніи. „Это былъ человѣкъ,
который и царствомъ управлялъ превосходно и жилъ бо-
гоугодно“, онъ былъ далекъ отъ распущенности, воздер-
женъ, щедрость была чертой его характера. По замѣчанію
того-же историка, Іоаннъ являлся врагомъ безумной рос-
коши, которая почти всегда господствовала въ Византій-
скомъ дворѣ, и служилъ прекраснымъ образцомъ простоты
жизни для всей Византіи. Никита такъ говорилъ: „какъ
убійственную заразу, онъ изгналъ изъ царскаго дворца
празднословіе (лесть?) и чрезмѣрную роскошь въ одеждѣ и
столѣ; и желая, чтобы всѣ домашніе подражали ему, онъ
не переставалъ упражняться во всѣхъ видахъ воздержанія“ ²⁾).
Вообще императоръ Іоаннъ, даже по отзыву Гиббона, столь
далекаго отъ всякой лести Византійскимъ императорамъ, въ
нравственномъ отношеніи „былъ строгъ къ самому себѣ и
снисходителенъ къ другимъ, онъ былъ цѣломудренъ и воз-
держанъ и даже филозофъ Маркъ Аврелій не пренебрегъ-бы
его безыскусственными доблестями, истекавшими изъ сердца,
а не заимствованными отъ школъ. Подъ властію такого мо-
нарха невинности нечего было опасаться, а для личнаго
достоинства было открыто самое широкое поприще. Добро-
дѣтели Іоанна были благотворны и ничѣмъ не запятнаны.
Это былъ, по сужденію историка, самый лучший и самый
великій изъ Комниныхъ“ ³⁾). — Съ другой стороны религіоз-
ность и набожность Іоанна служить предметомъ восхваленія
для историковъ. Теплая вѣра, усердная молитва къ Пре-
святой Богородицѣ составляли для него укрѣпленіе въ бѣдахъ
и услажденіе среди радостей жизни. Такъ если случалась
опасность во время войны, „онъ становился, по свидѣтель-
ству Никиты, передъ иконою Богоматери и съ воплемъ и умо-

¹⁾ Ibidem, гл. 9.

²⁾ Царствованіе Іоанна, гл. 12.

³⁾ Гиббона. Исторія. т. V, 366, 381. Русск. перев.

ляющимъ взоромъ смотря на нее, проливалъ слезы болѣе горячія, чѣмъ потъ воиновъ“. Побѣда надъ врагомъ побуждала императора выражать свое религіозное чувство въ какихъ-либо видимыхъ для всѣхъ законахъ благочестія. Такъ, одержавъ однажды побѣду надъ печенѣгами, онъ, по возвращеніи въ Константинополь, учредилъ въ знакъ благодарности Богу особый праздникъ, называвшійся у византійцевъ праздникомъ Печенѣговъ ¹⁾. Или при другомъ случаѣ, одолѣвъ враговъ, царь слѣдующимъ образомъ выразилъ свою благодарность Богу за ниспосланную побѣду, ясно показывая, что религіозность Іоанна далеко оставляла за собою гордость побѣдителя. Византійскіе историки вотъ какъ описываютъ триумфальный вѣздъ Іоанна въ Византію послѣ побѣды надъ Персами. Когда наступилъ день для торжественнаго шествія, улицы украсили коврами, испещренными золотомъ и пурпуромъ, тутъ-же развѣвались ткани, на которыхъ художественною рукою вышиты были лики Христа и Святыхъ. Великолѣпная триумфальная колесница, которую везли лошади шерстью бѣлѣе снѣга, назначалась для царя. Но царь, не желая показаться гордымъ побѣдителемъ, не сѣлъ на нее, а помѣстилъ на нее икону Богородицы, такъ какъ эта икона сопровождала его въ походахъ. Приказавъ первѣйшимъ вельможамъ вести подъ узду коней и поручивъ своимъ близкимъ роднымъ надзоръ за колесницей, онъ самъ пошелъ впереди неся крестъ. А придя въ Софійскій храмъ, онъ предъ лицомъ всего народа воздалъ благодареніе Богу. Какъ ни привыкли Византійцы къ религіознымъ церемоніямъ, но все же это соединеніе пышности съ царской благочестивой скромностью вызвало такое удивленіе, что о подобномъ явленіи считаетъ нужнымъ сдѣлать замѣтку одинъ изъ историковъ ²⁾. Историкъ Никита Хоніатъ, принимая во вниманіе высокія достоинства Іоанна, признаетъ его идеаломъ царей Византійскихъ. Онъ говоритъ: „Іоанна и до сихъ поръ (начал. XIII в.) всѣ прославляютъ хвалами и считаютъ такъ сказать, вѣнцомъ всѣхъ царей, воссѣдавшихъ на Ви-

¹⁾ Никиты. Царств. Іоанна. гл. 4—5.

²⁾ Киннамъ. Царствов. Іоанна и Мануила, кн. I, гл. 5. Никиты, гл. 5.

зантійскомъ престолѣ изъ рода Комниныхъ. Но и по отношенію ко многимъ изъ древнихъ и лучшихъ императоровъ можно сказать, что онъ съ одними изъ нихъ сравнился, а другихъ даже превзошелъ“ ¹⁾. Этотъ лестный отзывъ тѣмъ замѣчательнѣе, что Никита строго судитъ другихъ императоровъ XII вѣка. — Жена императора Іоанна, по сказанію другого историка Киннама, представляла собою тоже образецъ высоко-нравственной жизни. Родомъ иностранка (она дочь венгерскаго короля) Ирина по его словамъ, была государыней, отличавшеюся предъ всѣми другими скромностью и исполненною добродѣтели. Все что ни получала отъ царя-супруга и изъ государственной казны, она не сберегала подобно скупцу, но и не тратила на наряды и роскошь, а въ теченіе всей своей жизни оказала благодѣянія каждому, кто просилъ ея помощи. Она построила въ Византіи во имя Вседержителя монастырь, который, по увѣренію историка, былъ во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательнъ ²⁾.

Остается жалѣть, что такія глубоко-религіозныя и высоко-нравственныя личности, какъ императоръ Іоаннъ и его супруга Ирина, были явленіями весьма не частыми на Византійскомъ тронѣ. Уже наслѣдникъ Іоанна, сынъ его *Мануилъ Комнинъ* (1143—1180 г.), былъ человѣкомъ другого характера и направленія. Народъ Византійскій, восхищаясь статностью и красотою новаго императора, въ простотѣ души воображалъ, что съ силами юности будетъ соединяться у новаго властителя и мудрость старости ³⁾. Но это была жестокая ошибка. Онъ наслѣдовалъ отъ отца военные таланты, но общественныя добродѣтели Іоаннъ какъ будто унесъ съ собою въ гробъ. Большую часть своего 37-лѣтняго царствованія Мануилъ проводитъ въ безконечныхъ войнахъ, а въ Византію является, казалось, только для того, чтобы сорить деньгами, предаваться роскоши и разврату. Онъ окружилъ себя иностранцами, которые обирали его—сколько хотѣли; назначивъ управлять финансовою частью государства людей строгихъ и бережливыхъ, Мануилъ одна-

¹⁾ Царств. Іоанна, гл. 12 (кон.).

²⁾ Киннама, кн. I, гл. 4.

³⁾ Никиты Хоніат. Исторія. Царствованіе Мануила, кн. I, гл. 1.

коже въ тщетномъ стремленіи прославиться щедростію, по словамъ историка (Никиты) „безъ всякой мѣры раздавалъ и расточалъ скопленное. Его пышность и роскошь, какъ бездна, поглащали государственные доходы“. Онъ находился въ позорной и открытой связи съ своею родною племянницею, съ которой пировалъ и веселился на прекрасныхъ островахъ Пропонтиды. Эта страсть императора ложилась тяжкимъ бременемъ на государство. По словамъ историка, „сынъ, родившійся царю отъ Θεодоры, (такъ звали его племянницу), а потомъ и другія дѣти переводили на себя цѣлыя моря денегъ“ ¹⁾. Мануиль представляетъ собою первый ясный образецъ изъ описываемаго нами времени—образецъ той смѣси хорошихъ и дурныхъ качествъ, о которой мы замѣчали, какъ о характеристической чертѣ Византійскихъ императоровъ отъ XII до полов. XV вѣка. Въ самомъ дѣлѣ, онъ является чистымъ аскетомъ во время военныхъ походовъ, спитъ на палящемъ солнцѣ, на снѣгу, терпѣливо и спокойно переноситъ всѣ неудобства походной жизни—и даже умышленно лишаетъ себя всѣхъ удобствъ. Напротивъ, среди мира, въ Византіи онъ можетъ жить лишь въ роскоши, утопаетъ въ сладострастныхъ оргіяхъ ²⁾. Въ религіозномъ отношеніи онъ представляетъ ту же смѣсь добра и зла. Мануиль глубоко привязанъ къ вѣрѣ и церкви, онъ смиренно преклоняетъ свою буйную голову предъ святостію церкви, но это не мѣшаетъ ему въ то же время быть жалкимъ, но убѣжденнымъ суевѣромъ. Въ качествѣ факта, доказывающаго благочестіе Мануила, историкъ Киннамъ описываетъ поведеніе императора при перенесеніи въ Византію одной, впрочемъ весьма подозрительной, священной реликвіи. Этотъ историкъ рассказываетъ: „Мануиль съ большимъ торжествомъ перенесъ въ Византію священный, издавна лежавшій въ Ефесѣ камень и присоединилъ его къ другимъ священнымъ памятникамъ столицы. Что это былъ за камень, говоритъ историкъ, открывается изъ слѣдующаго разсказа. Когда Христосъ умеръ и положенъ былъ на ка-

¹⁾ Ibidem кн. VII, гл. 2.

²⁾ Ibidem, гл. 3.

мень, то Богородица, припавъ къ нему, горько плакала. Эти слезы, упавъ тогда на камень, остаются и донинѣ неизгладимыми. Взявъ этотъ камень, Марія Магдалина плыла на немъ прямо въ Римъ, чтобы явившись предъ лицомъ императора Тиверія обвинить предъ нимъ Пилата и Иудеевъ — убійца Христа. Но какимъ-то образомъ занесенная въ Ефесскую гавань, она оставила камень здѣсь. Съ того времени до настоящаго камень оставался въ Ефесѣ. Этотъ-то камень перенесенъ былъ теперь съ свѣтлымъ торжествомъ. Въ торжественной процессіи участвовалъ весь сенатъ, все духовенство и монашество столицы; участвовалъ и царь Мануиль. „Мануиль, отмѣчаетъ съ особеннымъ удареніемъ историкъ, — даже поддерживалъ камень своимъ плечемъ“, а по другому сказанію: „царь возложилъ камень себѣ на хребетъ“, „ибо въ подобныхъ случаяхъ — продолжаетъ Киннамъ, Мануиль смирялся болѣе, чѣмъ сколько нужно, и къ такимъ предметамъ обыкновенно приступалъ съ уничтоженіемъ“¹⁾. Но повидимому преданный христіанской религіи, Мануиль въ то же время является человекомъ, насквозь пропитаннымъ суевѣріями. Онъ вопрошаетъ у гадалей, сколь долго продолжится рядъ царей изъ фамиліи Комнинныхъ; получаетъ отвѣтъ, что греческое слово: *αἰα* опредѣляетъ продолжительность царствованія его фамиліи; отсюда онъ заключаетъ, что послѣ того, какъ царствовали уже Комнины съ именами, начинающимися „съ буквы: *α* (альфа) — Алексѣй, *ι* (iota) — Іоаннъ, и буквы *μ* (ми) — онъ самъ Мануиль; еще остается царствовать одному съ именемъ, имѣющимъ начальную букву: *α* (альфа); беспокоится, кто это будетъ царствовать послѣ него, такъ какъ у него сначала не было дѣтей мужскаго пола; недовѣрчиво смотритъ на родственниковъ съ именами, начинающимися этой подозрительной буквой: альфа; называетъ потомъ сына своего Алексѣемъ, чтобы въ исполненіе предреченія именно его сынъ — Алексѣй съ начальною буквою: альфа въ имени, царствовалъ послѣ него; совѣтуется со звѣздочетами, во

¹⁾ Киннамъ. Кн. VI, гл. 8. Слич. Никиты. Царствов. Мануила, кн. VII, гл. 7.

время беременности своей жены ¹⁾ и т. д.—Подъ конецъ жизни Мануиль принимаетъ монашество, но почему? не потому, что хотѣлъ подвигами благочестія загладить пороки своей жизни, а единственно потому, что постигшая его болѣзнь смертельна. Съ какою неожиданностію умирающій Мануиль захотѣлъ облечься въ иноческій чинъ, это видно изъ того, что во дворцѣ не оказалось монашеской одежды, пригодной для этого случая, почему на Мануила надѣли гдѣ то въ торопяхъ найденную ветхую и короткую мантию, которая едва достигла до колѣнъ новопосвященнаго инока ²⁾.

Послѣдній императоръ изъ фамиліи Комниныхъ, занимавшій царскій престолъ въ Византіи во второй половинѣ XII вѣка, въ нравственномъ отношеніи былъ не въ примѣръ хуже Мануила. Въ немъ замѣчается уже рѣшительный перевѣсъ зла и безнравственности надъ лучшими качествами души. Таковъ былъ двоюродный братъ Мануила *Андроникъ Комнинъ*, занимавшій краткое время (1183—1185 г.) Византійскій императорскій тронъ. Молодость Андроника—это была какая-то эпопея распутства. Преступныя связи съ женщинами то завязывались, то прерывались, словомъ, мѣнялись, какъ одежды. Свои подвиги по этой части онъ началъ кровосмѣшеніемъ съ своей двоюродной племянницей Евдокією ³⁾. Когда его упрекали за подобную связь, онъ преспокойно оправдывался тѣмъ, что весь его родъ таковъ; онъ говорилъ, что люди одной и той-же породы всегда какъ-то бываютъ похожи одни на другихъ и что онъ лишь подражаетъ своимъ роднымъ (ироническій намекъ на тогдашняго императора Мануила) ⁴⁾. Въ видахъ любовныхъ похаживаній, Андроникъ предпринимаетъ путешествіе въ Антихію, такъ какъ онъ слышалъ о существованіи тамъ необыкновенной красавицы, по имени Филиппы ⁵⁾. Съ цѣлью

¹⁾ Никиты, царствов. Мануила, кн. IV, гл. 6, стр. 186; кн. V, гл. 7, стр. 217.

²⁾ Никиты. Ibid. Кн. VII, гл. 7.

³⁾ Евдокія была сестрой той Θεодоры, которая пользовалась фаворомъ Мануила.

⁴⁾ Никит. Царствов. Мануила, кн. III, гл. 2.

⁵⁾ Филиппа—сестра императрицы Маріи, второй жены Мануила—и дочь латинскаго принца Раймунда.

плѣнить эту красавицу, онъ съ увлеченіемъ отдается роскоши, доходить до крайней изысканности въ нарядахъ, съ помпою ходить по улицамъ, окруженный тѣлохранителями съ серебрянными луками, словомъ, по замѣчанію Никиты, онъ вполне „посвящаетъ себя служенію Афродиты“. Этимъ онъ старался, по выраженію того-же историка, плѣнить ту, которая его плѣнила,—въ чемъ онъ и успѣлъ ¹⁾. Продолжая рисовать нравственно—распущенный образъ Андроника,—Никита слѣдующими чертами описываетъ его дальнѣйшія похождения. „Изъ Антіохіи Андроникъ отправляется въ Іерусалимъ, вспоминая какъ кошка о мясѣ, о прежнихъ своихъ побѣдахъ и занимается новыми продѣлками. А такъ какъ онъ не привыкъ стѣсняться въ жизни, и до безумія любя женщинъ, безъ разбора, какъ конь, удовлетворялъ своей похоти, то и здѣсь вступаетъ въ преступную любовную связь съ Θεодорой“ ²⁾, а эта Θεодора была дочь его двоюроднаго брата ³⁾.—И этому-то жуиру судьба предназначила сдѣлаться императоромъ Византіи. Его царствованіе было истиннымъ несчастіемъ для имперіи. Сначала онъ приближается къ престолу въ качествѣ опекуна малолѣтняго императора Алексѣя, сына Мануилова (1180—1183 г.), и затѣмъ преступленіями пролагаетъ себѣ путь къ престолу. Андроникъ вкрался въ довѣріе неразсудительнаго Византійскаго народа, и вмѣстѣ съ этимъ довѣріемъ похитилъ царскую корону. Одною изъ первыхъ жертвъ жестокости Андроника была императрица Марія, жена Мануила, и тиранъ былъ настолько изобрѣтателенъ, что мучилъ несчастную женщину предъ смертію и заставилъ сына ея, малолѣтка Алексѣя, подписать смертный приговоръ матери ⁴⁾. За нею слѣдовала очередь ея безпомощнаго сына, не смотря на то, что Андроникъ торжественно клялся, что будетъ заботиться о благѣ малолѣтняго императора. Несчастнаго юношу ночью задушили тетивой и Андроникъ съ презрѣніемъ попираа

¹⁾ Никиты. Царствов. Мануила, кн. IV, гл. 5.

²⁾ Никиты. Царствов. Мануила. Ibidem.

³⁾ Θεодора—правнучка императора Алексѣя Комнина и вдова Іерусалимскаго короля Балдуина.

⁴⁾ Никиты. Царствов. Алексѣя II, Комнина, гл. 17.

ногами трупъ, приказалъ отрубить у него голову, представить ее себѣ и отмѣтивъ императорскою печатью, велѣлъ бросить голову въ одно, а трупъ въ другое мѣсто ¹⁾. Съ юной женой Алексѣя, съ которой этотъ послѣдній вступилъ въ бракъ лишь фиктивно, — малолѣтокъ не могъ быть дѣйствительнымъ мужемъ, — съ этой особой Андроникъ, престарѣлый, сгорбившійся, износившійся и хилый, не постыдился насильственно вступить въ бракъ ²⁾. Но странный этотъ бракъ, конечно, не уцѣломудрилъ безпутнаго Андроника. Съ утверженіемъ на Византійскомъ престолѣ, онъ даетъ полный просторъ своимъ страстямъ. Историкъ Никита пишетъ: „часто оставлялъ онъ столицу и съ толпою блудницъ и наложницъ проводилъ время въ удивенныхъ мѣстахъ, гдѣ воздухъ благораствореннѣе; любилъ выбирать въ этомъ случаѣ поэтическія природныя пещеры въ горахъ и прохладныя рощи и водилъ съ собою любовницъ, какъ пѣтухъ куръ или козелъ козъ на пастбищѣ. Лишь своимъ придворнымъ, и то немногимъ, онъ показывался, а пѣвицамъ и блудницамъ у него всегда былъ открытый доступъ: ихъ онъ принималъ во всякое время. Нѣгу и роскошь онъ любилъ, продолжаетъ историкъ, подобно Сардапалу, написавшему на своей могилѣ: я имѣю только то, что я ѣлъ и студодѣйствовалъ. Словомъ, говоритъ историкъ, онъ остался Эпикурейцемъ, человѣкомъ крайне развратнымъ и до неистовства преданнымъ сладострастію“ ³⁾. Къ тому, что нами сказано, присоединялись и многія другія весьма невыгодныя черты, характеризующія Андроника. Для него ничего не стоило держать себя самымъ униженнымъ образомъ, если ему нужно было достигнуть какого либо благопріятнаго результата: тогда, по выраженію историка, онъ „ласкался какъ собака“ ⁴⁾. Онъ умѣлъ такъ жалобно запла-

¹⁾ Ibidem, гл. 18.

²⁾ Никиты. Царствованіе Андроника, кн. I, гл. 1.

³⁾ Никиты Хон. Царствов. Андроника Комнина, кн. II, гл. 2. Замѣчательно, что Андроникъ дѣлалъ нѣкоторыхъ благородныхъ Византіянокъ своими любовницами противъ ихъ воли и потомъ противъ же ихъ воли постригалъ въ монахини, не смотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ имѣли мужей. Толкованіе Вальсамона на 3 пр. Анкирскаго собора. См. русское изданіе правилъ съ толкованіями. Стр. 911—912.

⁴⁾ Никиты. Царствов. Алексѣя II, гл. 12.

катъ при случаѣ, что своимъ искусствомъ притворяться могъ ввести въ заблужденіе и не простодушныхъ людей ¹⁾). Но рядомъ съ этимъ онъ являлся неумолимо жестокъ, когда онъ зналъ, что его жестокость легко сойдетъ ему съ рукъ. Казни и ссылки—составляли главный предметъ его царскихъ распоряженій. Вскорѣ по вступленіи его въ управленіе государственными дѣлами, „одни изъ людей знатныхъ, по словамъ историка, были изгнаны изъ дома и отечества и разлучены со всѣмъ дорогимъ сердцу; другіе заключены были въ темницы и желѣзные оковы, иные лишены зрѣнія—и всегда безо всякой явной вины“ ²⁾). Самые усерднѣйшіе его слуги не могли быть увѣрены ни на часъ въ своей безопасности. „Кому вчера подносилъ онъ кусокъ хлѣба, замѣчаетъ Никита, кого поилъ благовонымъ, цѣльнымъ виномъ, съ тѣмъ сегодня поступалъ злѣйшимъ образомъ“ ³⁾). Убіиства смѣняли убійства; его тираннія простиралась рѣшительно на всѣхъ. День, пишетъ историкъ, когда онъ возвращался въ Византію отъ своихъ безумныхъ оргій на островахъ Пропонтиды, былъ самымъ несчастнымъ днемъ. Казалось, ни съ чѣмъ другимъ возвращался онъ, какъ только съ тѣмъ, чтобы губить и рѣзать людей, которыхъ подозревалъ въ злоумышленіи противъ себя. Будучи до глубины души проникнутъ жестокостью, этотъ человекъ считалъ погибшимъ тотъ день, когда онъ не ослѣпилъ кого-либо. Не было пощады даже и слабому полу“ ⁴⁾). Византійскій народъ, преимущественно высшихъ классовъ, вышелъ наконецъ изъ терпѣнія—и Андроникъ сдѣлался жертвою народнаго бунта ⁵⁾).—Но даже въ Андроникѣ, этомъ потеря-

¹⁾ Ibidem, гл. 13.

²⁾ Ibidem, гл. 14.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Никиты. Царствован. Андроника, кн. II, гл. 2.

⁵⁾ Повидимому злодѣянія Андроника не даютъ мѣста для благопріятныхъ сужденій о немъ. Не такъ однакоже на самомъ дѣлѣ. Если Гиббонъ называетъ Андроника „чудовищемъ“ и „Нерономъ“ (т. V, стр. 378; т. VI, 569), то Фальмерайеръ (Oster. Anna I, 2) серьезно сравниваетъ Андроника съ Карломъ Великимъ и Петромъ Вел. и называетъ его величайшимъ между Византійскими императорами. Главную его заслугу выдать въ томъ, что онъ хотѣлъ сокрушить испорченный классъ аристократовъ; дѣйствительно Андроникъ стремился къ этому (Никиты. Царствов. Алексѣя II, гл. 14. Eustathii. Narratio de Tessalonica urbe a Normannis capta, cap. 33, 36). Но

номъ человѣкъ, можно наблюдать характеристическую черту другихъ императоровъ Византійскихъ—присутствіе въ немъ добраго элемента рядомъ со зломъ. Объ Андроникѣ разсказываютъ, что онъ обыкновенно зачитывался посланіями ап. Павла, любилъ испещрять свои письма изреченіями великаго апостола—и не падалъ драгоцѣннаго металла на украшеніе его иконъ. По выраженію Никиты Хоніата, Андроникъ походилъ на сфинкса: „будучи отчасти звѣремъ, украшеннымъ всеже лицомъ человѣческимъ, не совсѣмъ пересталъ онъ быть человѣкомъ“ ¹⁾ и, прибавимъ, даже христіаниномъ.

Не лучше послѣднихъ Комниныхъ, а много хуже были въ нравственномъ отношеніи немногіе представители новой династіи Ангеловъ, занимавшіе Византійскій престолъ въ концѣ XII и въ самомъ началѣ XIII вѣка. Это были люди порока и чувственныхъ утѣхъ. Укажемъ на нѣкоторыхъ императоровъ изъ фамиліи Ангеловъ. *Исаакъ Ангелъ* (1185—1195 г.) все время проводилъ въ пиршествахъ. По мѣткому выраженію Никиты, „всѣ мысли свои онъ погружалъ въ опоражняемыя блюда“ ²⁾. Самыми обычными гостями за Соломоновскими, какъ называетъ ихъ историкъ, обѣдами Исаака были нѣкоторые испорченные монахи константинопольскіе; это были люди, по словамъ Никиты, „въ насмѣшку надъ собой принявшіе иноческій образъ, гоняшіеся только за царскими обѣдами, поглощавшіе, какъ и самъ Исаакъ, разнаго рода самую свѣжую, самую жирную рыбу и попивавшіе самое цѣльное, старинное, душистое вино“ ³⁾. Эти пиршества называли „Соломоновскими“, потому что они „представляли цѣлыя горы хлѣбовъ, царство звѣрей (по множеству мясныхъ снѣдей), море рыбъ и океанъ вина“ ⁴⁾. Иногда эти пиры сопровождались самими

справедливо можно возражать, что средство спасенія государства было столь же опасно, какъ и то зло, какое хотѣли искоренить (Oster. Ibid.). Впрочемъ вопросъ о цѣлѣхъ безчисленныхъ убійствъ, совершенныхъ Андроникомъ, не принадлежитъ къ области церковной исторіи.

¹⁾ Никиты. Царств. Андроника кн. II, гл. 13.

²⁾ Царств. Исаака Ангела, кн. I, гл. 7 (историкъ цитируетъ слова чловѣка, близкаго къ Исааку).

³⁾ Царств. Исаака вѣсть съ сыномъ его Алексѣемъ, гл. 3.

⁴⁾ Никиты. Царств. Исаака Ангела, кн. III, гл. 6. Роскошь Исаака

дикими, варварскими развлеченіями. Когда „однажды пошла, по остроумному выраженію историка, самая жаркая осада блюдъ во дворцѣ, Исаакъ въ видѣ веселаго эпизода или въ видѣ десерта приказалъ подать голову одного убитаго возмутителя Враны; ее принесли съ искаженнымъ ртомъ, съ закрывшимися глазами, бросили на полъ и какъ мячъ начали дротиками перекидывать изъ стороны въ сторону въ разныхъ направленіяхъ“ ¹⁾. Другія пріятныя занятія царствующаго Исаака состояли въ слѣдующемъ: „онъ увѣшивался разными одеждами какъ корабль съ галантерейными товарами; завивался. Наряжаясь подобно павлину, онъ не позволялъ себѣ надѣвать одного и того же платья дважды. Любя забавы и услаждаясь пѣснями нѣжной музы, царь наполнилъ дворецъ шутами и карликами, раскрывалъ широко двери для всѣхъ комендіантовъ и скомороховъ“. Все это сопровождалось пьянствомъ и наглымъ сладострастіемъ ²⁾. — Какъ ни странно это, Исаакъ, при всей своей нравственной распущенности, показывалъ себя человѣкомъ религіознымъ и другомъ страждущихъ и неимущихъ. Въ отношеніи къ церквамъ и монастырямъ онъ отличался замѣчательною щедростію. Одни изъ нихъ онъ украшалъ, другіе поправлялъ. Онъ сдѣлалъ множество драгоценныхъ окладовъ на иконы. Одинъ обширный домъ Исаакъ обратилъ въ страннопріимницу, устроивши въ ней столъ на сто человѣкъ, равное число кроватей и столько-же стойлъ для лошадей; такъ что останавливающіеся здѣсь бѣняки-путешественники могли жить въ убѣжищѣ безо всякой платы нѣскольکو дней. Одинъ дворецъ Исаакъ также обратилъ въ больницу и устроилъ отличную богадѣльню. Когда пожаръ истребилъ сѣверную часть Константинополя, онъ приказалъ раздавать деньги для облегченія пострадавшихъ. Въ страстную не-

Гиббонъ описываетъ въ такихъ чертахъ: „его пиршества превосходили все, что когда либо придумывала царская роскошь: число его эвнуховъ и служителей доходило до двадцати тысячъ, а на содержаніе двора и столъ онъ тратилъ ежедневно по 40.000 р., что составляло ежегодный расходъ въ 40.000.000 руб.“ Т. VI, 569.

¹⁾ Никиты. Царствов. Исаака, кн. I, гл. 9.

²⁾ Никиты. Царствов. Исаака Ангела, кн. III, гл. 6. Здѣсь же передается одна изъ тѣхъ циническихъ шуточекъ, какими забавлялись Исаакъ и гости за вкуснымъ обѣдомъ.

дѣлю онъ разсыпалъ подарки бѣднымъ вдовамъ, немущимъ невѣстамъ ¹⁾). Но рядомъ съ такими обнаруженіями благочестія и милосердія—въ исторіи царствованія Исаака встрѣчаемъ и грабежи церковныхъ сокровищъ. Такіе контрасты могли существовать, кажется, только у Византійскихъ императоровъ, которыми благочестіе понималось въ чисто-формальномъ смыслѣ. Историкъ Никита передаетъ, что Исаакъ отбиралъ у церквей священные сосуды и давалъ имъ житейское употребленіе. Въмѣсто бражныхъ кубковъ, у него за столомъ служили драгоценныя чашеобразныя издѣлія, какія висѣли надъ царскими гробницами; священническія умывальницы превращались въ его рукомойки; снимая съ крестовъ и Евангелія дорогіе оклады, онъ дѣлалъ изъ нихъ ожерелья и цѣпи. Когда-же кто-либо замѣчалъ императору, что это святотатство, то Исаакъ отвѣчалъ, что онъ дѣлаетъ тоже, что дѣлалъ и Константинъ, который гвозди Христовы вдѣлалъ въ узду своего коня и шлемъ ²⁾). Съ его фальшивымъ благочестіемъ мирно уживалось суевѣріе самаго нисшаго сорта. Въ одномъ изъ городовъ по сѣверо-западному берегу Мраморнаго моря проживалъ нѣкій полоумный шарлатанъ, по имени Васильюшка; онъ слылъ предвѣщателемъ будущаго; въ хижинѣ его всегда толпилось много празднаго народа, въ особенности изъ низшихъ классовъ: пастуховъ, крестьянъ, матросовъ; его пророчества были запутанной, обрывочной болтовней; иногда этотъ гадатель позволялъ себѣ дикія и неприличныя выходки—въ особенности въ обращеніи съ женщинами. И тѣмъ не менѣе, когда Исаакъ былъ въ городѣ, гдѣ жилъ этотъ Васильюшка, онъ не преминулъ посѣтить этого, какъ онъ называлъ его, отца Василия. Предвѣщатель будущихъ судебъ ничего толковаго не напроорочилъ императору, а ограничился тѣмъ, что обезобразилъ палкой портретъ императора, нарисованный у него на стѣнѣ. Присутствовавшіе истолковали это впрочемъ какъ дурное предзнаменованіе для императора ³⁾).—Вторымъ Византійскимъ императоромъ

¹⁾ Никиты. Царствов. Исаака Ангела, кн. III, гл. 7.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Ibidem. Гл. 8.

изъ дома Ангеловъ былъ братъ Исаака — *Алексѣй III* (1195—1203 г.). Онъ не можетъ быть причисленъ къ хорошимъ государямъ. Безграничная расточительность, отличавшая царствованіе Алексѣя Ангела, приводитъ къ истощенію государственнаго казначейства. Очутясь въ безденежѣ, онъ хочетъ отобрать у церкви всѣ драгоценные священные сосуды, за исключеніемъ потировъ. Но онъ встрѣтилъ сопротивленіе и ограничился разграбленіемъ царскихъ гробницъ ¹⁾). Историкъ Никита отдаетъ честь этому жалкому императору по крайней мѣрѣ за то, что „онъ не выкалывалъ глазъ, не отрѣзывалъ ни рукъ, ни ногъ, какъ грозды съ винограда, не былъ мясникомъ по отношенію къ подданнымъ“ ²⁾). Значить и это уже считалось современниками большимъ благодѣяніемъ судьбы. Жена этого императора Евфросинія съ ея любовными похождениями была предметомъ неистощимыхъ разсказовъ, восполнявшихъ собою и безъ того богатую скандальную хронику Византіи ³⁾).

Въ началѣ XIII вѣка Константинополь подпалъ подъ власть латинянъ крестоносцевъ. Императорскій Византійскій тронъ перенесенъ былъ въ Никею. Это несчастіе образумило, шедшихъ по пути нечестія, Византійскихъ государей. Громъ ударилъ, Византійцы вострепнулись. По крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ Византійскихъ императоровъ въ Никее показали себя образцами нравственности и религіозности. Такимъ былъ въ особенности императоръ *Іоаннъ Ватаца* (1222—1255) ⁴⁾). Въмѣсто безумной расточительности, отличавшей многихъ императоровъ Византійскихъ XII вѣка, онъ показываетъ собою примѣръ чисто-сельской жизни. Оно заводитъ у себя хлѣбопашество, разводитъ коровъ, овецъ, лошадей, занимается продажей естественныхъ произведеній своего хозяйства. Невиданная идиллическая простота нравовъ господствуетъ во дворцѣ императора. Всѣ

¹⁾ Никиты. Царствованіе Алексѣя, брата Исаака, кн. I, гл. 8.

²⁾ Ibidem, кн. III, гл. 10.

³⁾ Никиты, ibidem, кн. I, 3; кн. II, гл. 2.

⁴⁾ Іоаннъ Ватаца (Дука) былъ зятемъ Θεодора Ласкаря, перваго императора, правившаго имперіей изъ Никей.

родственники Иоанна и его вельможи слѣдуютъ примѣру царя. Роскошь изгнана была какъ изъ дворца царскаго, такъ и изъ домовъ вельможъ. Императоръ запретилъ покупку дорогихъ иностранныхъ тканей, изготовленныхъ Итальянцами, Вавилонянами и Ассиріянами ¹⁾. Дѣла благотворенія и религіозности заняли въ дѣятельности Иоанна Ватацы первое мѣсто. Онъ заводитъ больницы и богадѣльни, доходъ съ нѣкоторыхъ участковъ земли, принадлежащихъ къ вотчинѣ императора, назначенъ былъ для пропитанія престарѣлыхъ, больныхъ и убогихъ. Тамъ и здѣсь императоръ строилъ храмы въ честь св. креста, Богоматери и Предтечи; снабдилъ ихъ имѣніями и доходами; не оставлялъ безъ своего вниманія и монастыри. Какъ на слабость въ поведеніи Иоанна Ватацы, историкъ Никифоръ Григора, подробно описывающій это царствованіе, указываетъ на случай увлеченія царя одной придворной дамой до забвенія своихъ семейныхъ обязанностей; но тотъ же историкъ замѣчаетъ, что Иоаннъ не остался нераскаяннымъ и въ этомъ проступкѣ; онъ, по замѣчанію историка, чувствовалъ укоры отъ совѣсти, какъ отъ иглы, и просилъ у Бога прощенія грѣха ²⁾.—Съ выгодной стороны историкъ изображаютъ и другого императора никейскаго періода сына Иоанна Ватацы—*Θεοδωρα* II (1255—1258 г.). Историкъ Пахимеръ такъ характеризуетъ этого государя: „не было ни дня, ни ночи, ни времени скорбей, ни часовъ радости, ни восхода, ни захода солнечнаго, когда видѣли бы или слышали, что царь не расточаетъ благодѣній или самъ лично, или располагая къ тому другихъ“. Не смотря на то, по замѣчанію историка, онъ однако-же для своихъ вельможъ казался тяжелымъ государемъ, потому что назначалъ людямъ должности и удостоивалъ ихъ почестей, обращая

¹⁾ Дѣйствительно до нашего времени дошла новелла Иоанна Ватацы съ подобнымъ содержаніемъ. Императоръ запрещаетъ употребленіе иностраннаго приготовленія одеждъ—Вавилонскихъ и Ассирійскихъ, подъ опасеніемъ слѣдующей угрозы за неисполненіе приказанія: „сами-же они—не послушны—и ихъ родъ признаются лишенными чести“ (*ἀτιμος*). *Zachariæ, jus Graecoromanum. Pars III, p. 574.*

²⁾ Никифора Григоры. Византійская (Римская) исторія, кн. II, гл. 6—7. Русск. перев.

вниманіе не на благородство происхожденія и родственныя связи съ царскимъ домомъ, а на отличныя качества. Кто былъ съ нимъ въ родствѣ, тому, по мнѣнію царя Θεодора, уже очень довольно было и одного этого преимущества. Историкъ, кромѣ того, похваляетъ этого государя за то, что онъ любилъ науки и благодѣтельствовалъ всѣмъ ученымъ ¹⁾.

Но къ концу, если можно такъ выразиться, никейскаго заточенія Византійскихъ императоровъ, съ перенесеніемъ во второй половинѣ XIII вѣка столицы въ Константинополь, императоры являютъ собою большею частью печальные примѣры нравственной испорченности, нравственнаго разслабленія. *Михаилъ Палеологъ* (1261—1282), заставившій латинянъ покинуть Константинополь и занявшій опять тронъ Константина Великаго, далеко не былъ любителемъ добродѣтели. Путемъ преступленія достигаетъ онъ престола. Онъ приказываетъ ослѣпить ввѣреннаго его попеченію малолѣтнаго императора Іоанна, сына Θεодора Ватацы, и тѣмъ отдѣлывается отъ этого своего соперника — дитяти. Это преступленіе тѣмъ менѣе рекомендуетъ нравственный характеръ *Михаила Палеолога*, чѣмъ изобрѣтательнѣе оно было. Найдено нужнымъ сдѣлать неспособнымъ къ царствованію Іоанна — и для этого избирается ослѣпленіе его — путемъ медленнаго разрушенія его зрѣнія. „Ему испорчены глаза — пишетъ историкъ *Пахимерь* — не раскаленнымъ желѣзомъ вдругъ, а какой-то накаляемой и обрабатываемой предъ глазами побрякушкой, такъ что зрѣніе дитяти сперва ослабѣвало, а потомъ мало по малу совершенно погасло“. Затѣмъ ослѣпленный вѣнценосецъ былъ заключенъ въ крѣпость подъ стражу. „А тѣ клятвы, замѣчаетъ историкъ, какія давалъ *Михаилъ Палеологъ* касательно охраненія жизни Іоанна, были проглочены царемъ, какъ огурецъ“. Царственный отрокъ Іоаннъ былъ не единственной жертвой жестокой души *Михаила*; много потерпѣли отъ него и преверженцы Іоанна. „Однихъ изъ нихъ онъ выгналъ изъ службы, другихъ под-

¹⁾ *Пахимера. Исторія о Михаилѣ и Андроникѣ Палеологахъ*, кн. I, гл. 13. Русск. перев. Переведенъ только первый томъ: о Михаилѣ Палеологѣ (Спб., 1862).

вергалъ наказаніямъ“ ¹⁾). Особенно много потерпѣлъ риторъ по имени Оловоль: ему отрѣзываютъ носъ и губы и по-стригаютъ его въ монахи. Впослѣдствіи Оловолу пришлось перенести еще многія поруганія отъ жестокости тирана. Разгнѣвавшись однажды на Оловола, Михаилъ приказалъ „обвѣщать его овечьими внутренностями со всѣми находящимися въ нихъ нечистотами, приказалъ не переставая бить его по устамъ овечью печенью и въ такомъ видѣ водить его вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими лицами по улицамъ Византіи“ ²⁾). Михаилъ Палеологъ вообще былъ человѣкомъ, умѣвшимъ чисто іезуитскимъ способомъ успокоивать свою грѣшную совѣсть. Съ такою священной вещью, какъ клятва, онъ обходился своеобразно. Разкажемъ одинъ случай. Сынъ его Андроникъ, посланный съ войскомъ противъ Сербовъ, склонилъ сербскаго вождя Котаницу сдаться, причемъ далъ клятвенное обѣщаніе, что онъ не потерпитъ отъ царя ничего дурного. Михаилъ Палеологъ однако же задумалъ ослѣпить Котаницу. „Вѣдь не я клялся“, разсуждалъ онъ, „а мой сынъ безъ моего соизволенія“. Узнавъ о намѣреніи отца, Андроникъ явился къ нему съ ходатайствомъ за несчастнаго Котаницу. Отецъ въ отвѣтъ на ходатайство сына и на приведенный имъ аргументъ, что если Котаница будетъ ослѣпленъ, то чрезъ это онъ, Андроникъ, будетъ клятвопреступникомъ, сталъ ему доказывать, что никакого клятвопреступничества не будетъ, потому что онъ-то, Андроникъ, сохранить клятву, а царь, какъ свободный отъ клятвы, данной безъ сношенія съ нимъ, можетъ поступить такъ, какъ того требуетъ безопасность. Къ чести Андроника нужно сказать, что онъ старался принять мѣры къ спасенію Котаницы отъ опасности ³⁾).—А какъ мало Михаилъ дорожилъ религіозными интересами, это видно изъ того, что онъ употреблялъ всѣ усилія для подчиненія церкви Греческой—Латинской въ такъ назыв. уніи. Таковъ былъ Михаилъ Палеологъ. Но несправедливо было бы думать, что Михаилу чужды были дѣла благочестія. И этотъ государь,

¹⁾ Пахимерь. Ibid. кн. III, гл. 10—11.

²⁾ Пахимерь. Ibid. кн. V, гл. 20.

³⁾ Пахимерь. Ibid. кн. VI, гл. 27.

подобно многимъ его предшественникамъ, умѣлъ соединять, повидимому, несоединимое—порочность и зыбкость нравственныхъ началъ съ религіозностью. До насъ сохранилась автобіографія Михаила Палеолога, въ которой онъ показываетъ рѣдкую заботливость о благоустройствѣ монастырей. Онъ возобновилъ монастырь св. мученика Димитрія въ Византіи, снабдилъ его неоскудѣвающими доходами, заботливо выработалъ для него нѣчто въ родѣ устава, опредѣлил штатъ монастыря, назначилъ ему на вѣчныя времена быть подъ покровительствомъ Византійскихъ государей и т. д. Подобнымъ же образомъ онъ позаботился и о многихъ другихъ монастыряхъ, перечисленныхъ въ его автобіографіи ¹⁾. Михаилъ заботился объ украшеніи и обогощеніи знаменитаго Софійскаго храма ²⁾ и проч.

Лучше былъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи преемникъ Михаила, сынъ его *Андроникъ II Палеологъ* (1282—1328 г.). Какъ правитель имперіи, Андроникъ считается малоспособнымъ государемъ. Но въ этомъ отношеніи нельзя очень строго судить Андроника: запутанныя и тяжелыя обстоятельства времени сдѣлали-бы затруднительнымъ управленіе государствомъ Византійскимъ и для императора болѣе умнаго и искуснаго. Кроткій, любящій науку и просвѣщеніе, желавшій для всѣхъ быть полезнымъ, Андроникъ стоялъ-бы на высотѣ своего призванія, еслибы онъ жилъ и царствовалъ въ болѣе мирныя и покойныя времена, напри- мѣръ хотя бы въ XII вѣкѣ. Но во всякомъ случаѣ, что касается религіозно-нравственнаго характера этого императора, то онъ заслуживаетъ уваженія и похвалы. Личныя его добродѣтели не запятнаны ни однимъ историкомъ. Его общественныя добродѣтели тоже рисуютъ образъ Андроника съ лучшихъ сторонъ. Григора говоритъ о преемникѣ Михаила: „на престолѣ воссѣдалъ умъ степенный, не любившій лицемерія и взвѣшивавшій все по совѣсти, какъ предъ Богомъ“ ³⁾. И нельзя думать, что историкъ хочетъ льстить

¹⁾ „Автобіографія Михаила Палеолога“ въ греческомъ текстѣ и русск. переводѣ. Напечатана съ греческой рукописи въ „Христ. Чтен. 1885, т. II, см. стр. 560—562, 565—568.

²⁾ Пахимеръ, кн. III, гл. 2.

³⁾ Григоры. Византійская исторія, кн. VII, гл. 12. Русск. перев.

Андронику. Андроникъ дѣйствительно былъ таковъ. Въ этомъ отношеніи очень замѣчательнъ слѣдующій примѣръ— рассказанный другимъ историкомъ, Пахимеромъ. Однажды императоръ получилъ анонимный памфлетъ, въ которомъ заключалось великое множество клеветъ, а въ томъ числѣ и какія-то клеветы и обвиненія на самого императора. Какъ-же поступилъ Андроникъ? Другой на его мѣстѣ разорвалъ-бы рукопись, не обративъ вниманія, или-же принялъ-бы мѣры къ отысканію клеветника. Не такъ поступилъ царь. Чувствуя себя невиновнымъ во вводимыхъ на него обвиненіяхъ, онъ рѣшается публично прочесть и разоблачить выдумки памфлетиста. Для этого онъ собираетъ во дворецъ епископовъ, клириковъ, монаховъ, допускаетъ на засѣданіе и народъ. Здѣсь онъ по порядку разбираетъ параграфъ за параграфомъ въ памфлетѣ. Въ этомъ случаѣ императоръ хочетъ дѣйствовать въ свою защиту словомъ и доводами разсудка, а не авторитетомъ власти ¹⁾. По нашему сужденію, указанный поступокъ доказываетъ, что императоръ дѣйствительно хотѣлъ „все вѣривать по совѣсти“. Благочестіе Андроника тоже не можетъ подлежать сомнѣнію. Въ печаляхъ и радостяхъ жизни онъ обращается съ молитвою къ Богу. Особенно онъ пламенно молился предъ иконою Богородицы; устраивалъ въ честь Богородицы торжественныя процессіи, при чемъ самъ показывалъ примѣръ самаго глубокаго благоговѣнія къ небесной Заступницѣ ²⁾. Возстановленіе и украшеніе храмовъ было его любимымъ дѣломъ: это онъ дѣлалъ съ такою щедростію, что построеніе новыхъ храмовъ не потребовало бы больше издержекъ, чѣмъ какія онъ употреблялъ на возстановленіе и украшеніе уже существующихъ храмовъ ³⁾. Его ревностію къ благочестію объясняется то, что онъ показывалъ такую заботливость о дѣлахъ церкви и ихъ благоустроеніи, какою могли похвалиться немногіе Византійскіе императоры. Пахимеръ говоритъ: „какъ близко къ сердцу царя лежали

¹⁾ Pachymeris. De Michaële et Andronico Palaeologis, tom. II. Lib. III, cap. 22, p. 244—5. Edit. Bonn.

²⁾ Pachymeris, ibid. Lib. III, cap. 13, p. 231.

³⁾ Григоры. кн. VII, гл. 12.

дѣла церкви, какъ онъ заботился о мирѣ и спокойствіи, это доказывается многими примѣрами исторіи его царствованія¹⁾. Правда, эта заботливость императора рѣдко приводила къ благимъ результатамъ, но въ этомъ нельзя винить Андроника, съ чѣмъ соглашается и Пахимеръ²⁾, безпристрастный цѣнитель этого царствованія.—Если справедлива мысль, что достоинства человѣка познаются въ несчастіяхъ, то мы должны признать Андроника обладающимъ высокими качествами души. Подъ конецъ жизни онъ былъ свергнутъ съ престола своимъ внукомъ, Андроникомъ же, и долженъ былъ проводить жизнь въ забвеніи и среди матеріальныхъ лишеній. Но послѣднее обстоятельство не убило его склонности къ щедролюбію. Расскажемъ два случая, въ которыхъ выразилась эта склонность въ очень яркой и самоотверженной формѣ. „Незадолго до смерти, говоритъ Григоръ, Андронику по болѣзни нужно было теплое одѣяло; всѣхъ денегъ у царя оказалось три золотыхъ, на нихъ-то и нужно было сдѣлать покупку. Но въ это время одинъ изъ слугъ рассказываетъ ему о своей крайней бѣдности. Растроганный царь отдаетъ ему свои послѣднія три монеты“. А вотъ и другой случай, рассказанный тѣмъ же историкомъ. Однажды на послѣднія деньги онъ купилъ себѣ какого-то сладкаго аравійскаго напитка, предписаннаго ему докторомъ. Но прежде чѣмъ отвѣдать питье, одинъ изъ слугъ государя просилъ его помочь чѣмъ либо въ облегченіе долговременной его болѣзни. Не имѣя ничего, Андроникъ отдалъ ему свой напитокъ. „Такъ онъ былъ скоръ на помощь страждущимъ, говоритъ историкъ, и по смерти у него ничего не осталось, кромѣ долга“³⁾. Нельзя умолчать о томъ, что при многихъ достоинствахъ, Андроникъ имѣлъ тотъ недостатокъ, что онъ былъ суевѣренъ не менѣе простолюдиновъ⁴⁾.

Не вдаваясь въ утомительныя подробности относительно остальныхъ императоровъ, занимавшихъ Византійскій пре-

1) Pachymeris, *ibid.* Lib. III, cap. 22, p. 244.

2) *Ibid.*

3) Григоръ. Кн. X, гл. 1 (ad fin.). Этими двумя фактами въ жизни Андроника тронутъ даже Гиббонъ (VII, 98).

4) Примѣры въ этомъ родѣ будутъ упомянуты впоследствии.

столю въ XIV и первой половинѣ XV в., скажемъ объ императорахъ этого времени очень кратко.—Преемникомъ Андроника II или Старшаго былъ его внукъ *Андроникъ III* или *Младшій* (1328—1341), какъ онъ называется въ отличіе отъ предшественника. Ничего хорошаго нельзя сказать объ этомъ Андроникѣ. Въ молодости онъ запятналъ себя распутствомъ и показывалъ себя непочтительнымъ къ дѣду. Его распутство было прямой причиной смерти его брата Мануила и косвенной—его отца, Михаила ¹⁾. Онъ доходитъ до такой нравственной распущенности, что разъ приходитъ къ своему дѣду во дворецъ съ цѣлю убить этого послѣдняго, и только ласковость дѣда останавливаетъ его злодѣйскій умыселъ ²⁾. Что хорошаго можно ожидать отъ такого человѣка? Разумѣется, ничего. И дѣйствительно его царствованіе было самымъ жалкимъ во всѣхъ отношеніяхъ. Охоту и ловчихъ онъ любилъ больше самой царской власти ³⁾. Григора указываетъ нѣкоторыя немногія добрыя качества въ Андроникѣ Младшемъ ⁴⁾, но они меркнутъ предъ его нравственной распущенностью.—Андроникъ былъ другомъ Іоанна Кантакузина, того Кантакузина, который потомъ на нѣкоторое время становится императоромъ Византійскимъ (1347—1355). Трудно сказать, на чемъ утверждалась эта дружба, ибо между Андроникомъ и Кантакузиномъ ничего не было общаго. Другъ Андроника совсѣмъ былъ другого характера. Честность, семейныя добродѣтели, благочестіе и замѣчательное трудолюбіе составляли отличительные признаки Кантакузина ⁵⁾.

О послѣднихъ Византійскихъ императорахъ—Іоаннѣ, Мануилѣ, опять Іоаннѣ и Константинѣ Палеологахъ—едва ли стоитъ говорить. Они представляютъ собою печальные образы религіозно — нравственныхъ несовершенствъ ⁶⁾. Нѣкоторое

¹⁾ Григоры, кн. VIII, гл. 1.

²⁾ Григоры. Ibid. гл. 6.

³⁾ Гиббонъ. Т. VII, 97.

⁴⁾ Кн. XI, гл. 11, стр. 561.

⁵⁾ Понтанъ начерталъ очень лестный образъ Кантакузина въ *Vita Iohannis Cantacuzeni* (приложена къ 1-му тому боннскаго изданія исторіи Кантакузина).

⁶⁾ Достаточно прочесть двѣ страницы у Гиббона (VII, 166—167), на которыхъ говорится объ императорѣ Іоаннѣ Палеологѣ (XIV в.) и его

исключеніе представляет развѣ одинъ Константинъ Палеологъ, послѣдній Византійскій императоръ, но о немъ будемъ имѣть случай говорить впоследствии.

Теперь сообщимъ нѣкоторые свѣдѣнія о религіозно-нравственномъ состояніи Византійскаго общества въ цѣломъ его видѣ въ ту же эпоху (отъ конца XI до пол. XV в.). Византійскіе историки, какъ ни скупы они на замѣчанія касательно нравственно-религіозной жизни народа, все же даютъ нѣсколько интересныхъ извѣстій въ указанномъ отношеніи; къ этому присоединимъ данныя, находящіяся въ другихъ историческихъ документахъ, относящихся къ изучаемымъ нами вѣкамъ. Не завидна была, какъ мы видѣли, религіозно-нравственная репутація Византійскихъ императоровъ. Отсюда смѣло можно заключать, что и само общество было не лучше императоровъ. И это заключеніе будетъ вѣрно, потому что оно подтверждается историческими фактами. Естественно, поэтому, что и въ дальнѣйшемъ нашемъ повѣствованіи изображеніе некрасивыхъ сторонъ жизни займетъ самое видное мѣсто ¹⁾).

Одной изъ очень прочныхъ опоръ нравственности служить уваженіе человѣка къ своей личности, не то самоуваженіе, которое выражается въ гордости и надменности, а то, которое заставляетъ его избѣгать всего такого, что унижало бы его въ глазахъ другихъ, и въ особенности всего, что не гармонируетъ съ его извѣстными общественными обязанностями. Можно утверждать, что Византійцы, не смотря на свойственное имъ надменіе, мало заботились

сынъ Мануилъ, чтобы убѣдиться, до какого нравственнаго паденія доходятъ послѣдніе Палеологи.

¹⁾ Въ *Христіанск. Читеніи*, 1886 г. т. I, помѣщена довольно большая статья (стр. 544—592) проф. Скабалановича подъ заглавіемъ: „о нравахъ Византійскаго общества въ средніе вѣка“. Очеркъ этотъ интересенъ и богатъ фактами. Но онъ главнымъ образомъ посвященъ изученію XI вѣка (очевидно, статья автора есть ничто иное, какъ заключительная глава его диссертаци: „Византійское государство и Церковь въ XI в.“, 1884 г., но не вошедшая почему-то въ составъ его книги), а дальнѣйшімъ вѣкамъ авторъ удѣляетъ немного вниманія. При этомъ нужно замѣтить, что подъ „средними вѣками“ Византіи—онъ разумѣетъ эпоху отъ X вѣка (почему?) до паденія Константинополя во власть Турокъ. По существу нашей задачи, мы займемся преимущественно тѣми вѣками, которые менѣе интересовали автора рассматриваемой статьи.

о сокрапёніи чувства собственнаго достоинства. Исторія знаетъ не мало такихъ примѣровъ. Вотъ какъ, по описанію Никиты Хоніата, нѣкоторые сенаторы выражали свою радость (вѣроятно, притворную) при извѣстіи о восшествіи на престолъ Андроника Комнина. Дѣло происходило на улицѣ. „Сбросивъ съ себя сенаторскіе головные покровы и взявшись за висѣвшіе на спинѣ бѣлолыняные плащи, сенаторы распустили ихъ на подобіе шаровъ, составили изъ простонародья хороводъ и принявъ надъ ними начальство, стали пѣть на пріятный и мѣрный напѣвъ, выпрыгивали впередъ и, сводя руки какъ бы для рукоплесканія, слегка потрясали ногами, кружились посрединѣ и сопровождая свою пляску пѣніемъ и кликами, колотили землю. Какая глупость и безуміе!“ восклицаетъ историкъ ¹⁾. Не всегда заботились о сохраненіи своего достоинства даже и патріархи Византійскіе ²⁾. Послушаемъ, что рассказываетъ Григоръ о возвращеніи патріарха Исаіи (XIV в.) изъ заточенія въ Манганскомъ монастырѣ, куда онъ былъ заключенъ Андроникомъ Старшимъ, на Византійскую патріаршую кафедру, на что послѣдовала воля новаго царя, Андроника Младшаго. „Взявъ Исаію отсюда, говоритъ историкъ, и посадивъ на одну изъ царскихъ колесницъ съ пурпуровыми украшеніями, царь возвратилъ его на патріаршую кафедру. Въ этой процессіи никто ни изъ епископовъ, ни изъ пресвитеровъ не шелъ ни впереди, ни позади; шли-же съ веселыми пѣснями флейтички и флейтщицы (онѣ-же, замѣтимъ, играли въ Византіи и роль гетеръ), танцоры и танцовщицы. Одна изъ флейтщицъ — живописуетъ историкъ — выдававшаяся изъ всѣхъ красивою наружностью, сѣвъ на коня въ мужской одеждѣ, ѣхала то впереди воиновъ, то впереди патріарха, при чемъ безстыдными и пошлыми шутками легко возбуждала нескромный смѣхъ, какъ въ патріархѣ (sic!), такъ и другихъ“ ³⁾. Патріархъ ѣдетъ по

¹⁾ Исторія царствованія Алексѣя II Комнина, гл. 18.

²⁾ Говоря о Византійскомъ обществѣ, мы будемъ касаться и состоянія духовенства, такъ какъ не видимъ основанія выдѣлять это сословіе изъ ряда прочихъ сословій.

³⁾ Григоръ. Кн. IX, гл. 6.

улицамъ Византіи, въ обществѣ флейтщицъ—гетеръ, внемлетъ салнымъ шуткамъ одной изъ нихъ—невозможная, но дѣйствительная картина! Какимъ нравственнымъ безчувствіемъ нужно обладать, чтобы не понимать, какъ это было съ патріархомъ Исаіей, чго подобное сообщество роняетъ достоинство пастыре-начальника столицы? Если такъ мало думали о своемъ достоинствѣ патріархи, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что клирики еще менѣе думали объ этомъ. И дѣйствительно, нѣкоторые клирики, забывая о своей чести и служеніи, нерѣдко брали на себя пріятное занятіе—развлекать публику скоморошествомъ. Вальсамонъ, на основаніи наблюденій надъ современнымъ ему (XII в.) обществомъ, передаетъ такіа извѣстія о клирикахъ своего времени: „нѣкоторые изъ клириковъ въ нѣкоторые праздники (?) иногда ходятъ въ видѣ монаховъ или даже въ видѣ четвероногихъ животныхъ. А иные изъ клириковъ, подражая всадникамъ, бьютъ по воздуху пальцами, красятъ себѣ щеки и притворно исполняютъ нѣкоторыя дѣйствія, свойственныя женщинамъ и другія неприличія, чтобы возбудить тѣмъ смѣхъ въ зрителяхъ“. „Когда я спрашивалъ—говорить канонамъ—какимъ образомъ это дозволяется, то не услышалъ ничего другого, кромѣ того, что это дѣлается по давнему обычаю“ ¹⁾. Отъ клириковъ въ этомъ случаѣ не отставали и учителя дѣтей, не смотря на то, что имъ слѣдовало бы не менѣе клириковъ заботиться о сохраненіи своего достоинства. „Учителя дѣтей—по словамъ того-же свидѣтеля—ходили по площадямъ въ сценическихъ личинахъ и совершали неприличныя дѣйствія“ ²⁾. Мы не хотимъ причислять къ лицамъ, сохраняющимъ свое достоинство и тѣхъ, кто въ суетномъ желаніи казаться краше и моложе, придумывали всякія средства казаться такими. Если въ женщинахъ подобное стремленіе хоть сколько-нибудь извинительно, то, встрѣчаясь среди мужчинъ, оно

¹⁾ Вальсамона. Толков. на 62 правило Трулльскаго собора. См. Правила съ толкованіями, изданіе общества люб. дух. просв., стр. 650. Это же изданіе будемъ цитировать и ниже, когда будемъ приводить свидѣтельства изъ канонистовъ Вальсамона и Зонары.

²⁾ Ibidem.

возбуждаетъ презрѣніе. А въ Византіи именно мужчины то такъ и поступали, „прилагая все стараніе о томъ, чтобы волосы были у нихъ длинны и чтобы, подобно какъ у женщинъ, имѣлись у нихъ кудри, спускающіеся, если возможно, до пояса“. Мужчины заботились о томъ, чтобы не походить на самихъ себя! Можетъ-ли дальше простираться забвеніе о своемъ достоинствѣ? Сохранились точныя свѣдѣнія и о томъ, какимъ образомъ Византійцы достигали такого самоуродованія. „Это достигается у нихъ—говоритъ другой канонистъ XII в. Зонара—не однимъ только тѣмъ, что не стригли излишнихъ волосъ, но ими употребляемо было все, что обыкновенно способствуетъ рощенію волосъ и что производитъ ихъ густоту. Чтобы волосы казались кудрявыми, они подвиваютъ ихъ щипцами и чтобы были русыми или золотистыми, для этого подкрашиваютъ. Другіе намачиваютъ волосы на головѣ водою и даютъ имъ сохнуть на солнечномъ припекѣ, чтобы измѣнился у нихъ черный цвѣтъ волосъ. А есть и такіе, которые накладываютъ на себя подѣльныя кудри, обстригая свои собственные природные волосы. Такъ нынѣ по большей части располагаютъ и убираютъ волосы на головѣ. А по отношенію къ бородѣ поступаютъ совершенно наоборотъ; ибо какъ только у кого появится юношескій пушечъ, тотчасъ сбываютъ его, чтобы не перешелъ въ волосъ, но чтобы бросалась въ глаза гладкость ихъ лица, и они могли бы уподобляться женщинамъ и казаться нѣжными. А у кого съ теченіемъ времени волосы на бородѣ растутъ уже постоянно, тѣ, чтобы не носить длинной бороды, хотя и не употребляютъ бритвы, но вмѣсто того, раскаливъ на угольяхъ кусокъ черепка, подносятъ его къ бородѣ и выжигаютъ имъ всѣ длинные волосы, такъ чтобы казалось, будто волосы едва начинаютъ пробиваться и чтобы мужчины, достигшіе уже зрѣлаго возраста, походили на юношей. И это дѣлается не у простыхъ только людей, но и у людей высшаго состоянія. Почему, это зло, распространившись, сдѣлалось, *всенароднымъ*, и какъ какая-нибудь эпидемическая болѣзнь, заразившая носящихъ Христово имя, пожираетъ *почти всѣхъ*“. Канонистъ полагаетъ, что слѣдовало бы такихъ модниковъ

лишать св. причастія ¹⁾. Можетъ показаться, что подобное требованіе слишкомъ строго; но съ этимъ нельзя согласиться. Люди, столь забывающіе о своемъ человѣческомъ достоинствѣ, желающіе быть не тѣмъ, чѣмъ они созданы, легко становятся на скользскій путь, отклоняющій ихъ отъ здравыхъ нравственныхъ требованій. — Итакъ мы видимъ, что у Византійцевъ мало было развито чувство собственного достоинства. Это могло имѣть то опасное слѣдствіе, что такіе люди могли не очень зорко смотрѣть за своимъ личнымъ поведеніемъ и за своими отношеніями къ прочимъ согражданамъ. Факты, къ сожалѣнію, не опровергають, а подтверждаютъ подобное предположеніе.

Добродѣтели, основывающіяся на обязанностяхъ человѣка и христіанина къ самому себѣ и служащія опорой семейнаго или домашняго благополучія—не довольно процвѣтали среди христіанъ Византійскаго государства. Требования цѣломудренной жизни и трезвости исполнялись Византійцами не въ той мѣрѣ, въ какой можно было ожидать этого отъ людей, издавна принадлежащихъ къ высоконравственной религіи. „Не смотря на заключеніе женщинъ въ теремахъ, развратъ свилъ себѣ гнѣздо и въ семейной жизни“ ²⁾. Если въ Византійскомъ обществѣ между мужчинами развита была страсть придавать себѣ вѣчно юный видъ и всячески украшать свою шевелюру, о чемъ говоритъ Зонара, то это дѣлалось не просто. Многіе изъ модниковъ, завивавшихъ себѣ волосы съ искусствомъ „Венеры“, ухаживали за византійскими дамами, добиваясь ихъ взаимности“ ³⁾. Одинъ Византійскій императоръ, Андроникъ Комнинъ, зло смѣялся надъ тѣми мужьями въ столицѣ, которые, благодаря измѣнѣ своихъ женъ, сдѣлались рогоносцами — терминъ, который и тогда употребляли съ тѣмъ же значеніемъ, какъ и теперь. „Такъ онъ вѣшалъ на портникахъ форума большіе и чѣмъ нибудь замѣчательные рога изловленныхъ имъ оленей, по видимому для того, чтобы показать величину пойманныхъ

¹⁾ Зонары. Толков. на 96 правило Трул. собора. Правила съ толкованіями. Стр. 753—4.

²⁾ Скабалановича. О нравахъ Византійскаго общества, стр. 572.

³⁾ Никиты. Царствов. Алексѣя II Комнина, гл. 1.

звѣрей, на самомъ же дѣлѣ, по словамъ повѣтователя, — чтобы наругаться надъ гражданами и осмѣять распутство ихъ женъ“ ¹⁾. Кромѣ возможности склонить замужнюю женщину къ измѣнѣ, для Византійцевъ открывалась полная возможность находить удовлетвореніе своей чувственности и внѣ семейныхъ кружковъ. „Въ Византіи было множество публичныхъ домовъ и большой наплывъ женщинъ легкаго поведенія“ ²⁾ Само собою разумѣется, что предложеніе подобнаго сорта опредѣлялось спросомъ. — Недовольствуясь естественнымъ возбужденіемъ эротическаго чувства, богатые Византійцы развѣшивали по стѣнамъ своихъ жилищъ сладострастные картины. „Преданные любострастію изображали на доскахъ или на стѣнахъ или на другихъ какихъ предметахъ любовныя сцены или другія какія гнусности, дабы, смотря на нихъ, возбуждать свои половыя пожеланія; кромѣ картинъ встрѣчались вытѣвленныя изъ гипса чело-вѣкообразныя изображенія. Все это дѣлалось съ полнымъ безстыдствомъ“ ³⁾. Самое распутство сопровождалось иногда такими аксесуарами, которые показываютъ, что нѣкоторые подъ вліяніемъ эротическаго опьяненія доходили положительно до какого-то безумія, наприм. „лобзали женскій стыдъ“. Канонисты тѣхъ временъ съ точностію психіатровъ описываютъ обнаруженія эротической психопатіи своего времени ⁴⁾. — Все это конечно заслуживаетъ строгаго осужденія и представляетъ печальныя историческіе факты. Но есть еще одна сторона, которая даетъ разсматриваемому явленію еще болѣе грустный отпечатокъ. Всю отвѣтственность за распатанность нравовъ несла одна женщина, а мужчина не раздѣлялъ этой отвѣтственности. Съ женщиной, если она была замужемъ и нарушала вѣрность или даже подозрѣвалась въ нарушеніи вѣрности, но запиралась, — нимало не раздумывая поступали жестоко: ее принуждали испытать на себѣ то, что тогда называлось „судомъ Бо-

¹⁾ Никиты. Царствов. Андроника, кн. II, гл. 2.

²⁾ Скабалановича, 571.

³⁾ Вальсамона. Толков. на 100 прав. Трул. собора. Правила съ толков., 767.

⁴⁾ Наприм. Вальсамонъ. Толков. на 70 пр. Вас. Велик., стр. 347.

жінимъ“. Вотъ разсказъ въ подобномъ родѣ, записанный однимъ Византійскимъ историкомъ. Одинъ гражданинъ Дидимотиха съ достаточными основаніями заподозрилъ свою жену въ невѣрности; но жена, понятно, не сознавалась въ этомъ. Тогда мужъ ея объявилъ, что онъ только тогда повѣритъ ей, что она не измѣнила ему, когда она возьметъ въ руки и будетъ держать раскаленное желѣзо. Жена испугалась такого предложенія и не желала принять его. А съ другой стороны она не могла и признаться мужу въ своемъ грѣхопадѣніи, боясь смертной казни за это. Находясь въ такомъ положеніи, она отправилась къ епископу, передала ему все дѣло, просила его, чтобы онъ отклонилъ ея мужа отъ такого опыта надъ нею и взялся бы увѣрить его, что она не виновата. Но епископъ не согласился на это, а убѣдилъ ее не страшиться опыта и общалъ ей, что въ случаѣ, если она потомъ будетъ жить честно и непорочно, раскаленное желѣзо не повредитъ ей. Жѣнщина послѣ этого приняла предложеніе своего мужа. Оба они безъ постороннихъ свидѣтелей отправились въ одинъ храмъ; здѣсь мужъ ражжегъ сколько могъ сильнѣе желѣзо, бросилъ его въ руки жены и приказалъ ей пронести его извѣстное пространство. Жѣнщина осталась невредима, какъ будто бы она и не касалась желѣза ¹⁾. Дѣйствительный это фактъ или анекдотъ—для насъ на этотъ разъ все равно. Но изъ этого разсказа видно, какой отвѣтственности подвергалась жѣнщина въ случаѣ подозрѣнія въ невѣрности. Разсказъ этотъ хорошо характеризуетъ духъ времени, который только отъ жѣнщины требовалъ чистоты и цѣломудрія, не поставляя этого требованія мушчинѣ. Мушчина, въ случаѣ грѣхопадѣнія и заперательства въ этомъ—ни кѣмъ не призывался къ „Суду Божію“. Не было ли это однимъ изъ условій, благопріятствовавшихъ нравственной разнузданности Византійцевъ?

Трезвость тоже не принадлежала къ числу добродѣтелей Византійцевъ. Если архіереи обращались съ своими пастырскими посланіями къ пасомымъ, то въ числѣ другихъ

¹⁾ Cantacuseni. Historiae. Tom. II, Lib. III, cap., 27, p. 172—3. Edit. Bonn.

пороковъ, пятнавшихъ христіанское общество того времени, не послѣднее мѣсто занимало обличеніе въ недостатокъ трезвости. Такъ патріархъ Іоаннъ Калекасъ (XIV в.), обращая вниманіе клира на распространеніе между константинопольцами различныхъ пороковъ, какъ навлекающихъ на нихъ гнѣвъ Божій, говорить и о распространеніи пьянства въ столицѣ ¹⁾. Дѣйствительно, Византійцы всѣ, особенно простонародье, были очень наклонны къ злоупотребленію виномъ. „Съ давнихъ временъ, говоритъ Никита Хониатъ, многіе острили на счетъ пристрастія Византійцевъ къ разливанному морю. Сложилась пословица: „въ Византію кто ни пріѣдетъ, будетъ пьянъ, тамъ по цѣлымъ ночамъ пьянствуютъ“. „Вино лучше всякаго вождя возбуждало Византійцевъ къ битвѣ“; „никакія сирены—очаровательницы“ не могли отвлечь Византійца отъ какого-либо предпріятія, назначатаго подъ вліяніемъ одуряющихъ напитковъ. Ради вина чернь готова была ограбить богача: добыча грабителей шла въ кабакъ ²⁾. Пьянство находить себѣ доступъ и въ сословіе духовенства. Въ документахъ, относящихся къ XIV вѣку, встрѣчается не мало указаній въ подобномъ родѣ ³⁾. Случалось, что къ соблазну и вреду для своихъ пасомыхъ священники сами заводили шинки, роняя тѣмъ свой санъ и достоинство ⁴⁾. Пьянство проникало иногда въ среду монашества и находило себѣ здѣсь жертвы. Самое тяжкое наказаніе—лишеніе сана за невоздержность примѣнялось иногда къ лицамъ, облеченнымъ іеромонашествомъ ⁵⁾.

Вышеуказанные недостатки нравственной жизни Визан-

¹⁾ Miklosich et Müller. Acta patriarchatus Constantinopolitani. Tom. I, p. 185.

²⁾ Никиты Царствов. Исаака Ангела. Кн. I, гл. 10 (см. примѣчаніе Вольфа къ этому мѣсту: Migne tom. 139, p. 757); царствов. Алексѣя II, гл. 6.

³⁾ Въ Acta patriarchatus Constantinopolitani нерѣдко можно находить указаніе, что тотъ или другой священникъ даетъ обѣщаніе, что онъ перестанетъ шататься по питейнымъ домамъ и пьянствовать. Tom. I, 577, II, 31. 134. 141.

⁴⁾ Ibidem. Tom. II, 76.

⁵⁾ Ibid. Tom. II, p. 51. Здѣсь въ документѣ говорится, что одинъ іеромонахъ за пьянство лишенъ священства, которое такъ же „не пристало ему, какъ золотая серьга рылу свиньи“.

тійскаго общества въ разсматриваемый періодъ встрѣчаемъ даже тамъ, гдѣ, казалось бы, меньше всего можно было ожидать этого. Разумѣемъ среду Аеонскаго монашества. Явленіе было временнымъ, но все же, къ сожалѣнію, оно было и продолжалось не краткое время. Въ теченіе столѣтія отъ конца XI до конца XII вѣка (отъ 1080 до 1177 г.) на Аеонѣ появляется и распространяется, какъ называютъ его, „скоромное зло“.—Это скоромное зло описано современникомъ; заимствуемъ изъ этого описанія нѣкоторыя характеристическія черты ¹⁾.—Въ началѣ VIII вѣка въ монашескій Аеонъ пришли и поселились тамъ нѣсколько Валаховъ съ женами и дѣтьми; вмѣстѣ съ этимъ на Аеонѣ появился скотъ—коровы, овцы, мулы. По временамъ Византійскіе императоры — покровители аеонитовъ — выгоняли мірскихъ жителей съ Аеона; но сами аеониты мало по-малу такъ привыкли къ этимъ пришельцамъ, что не только не тяготились ими, а даже сами зазывали ихъ къ себѣ на гору, получая большія выгоды отъ сожительства съ мірянами. Число пришельцевъ постепенно увеличивалось, такъ что въ началѣ царствованія Алексѣя Комнина (кон. XI в.) на Аеонѣ находилось уже 300 семействъ валашскихъ. Съ этой поры и началась скоромная драма Аеонская. Валахи доставляли въ святогорскіе монастыри молоко, сыръ и шерсть. Между ними и монахами завязывались мѣновыя сдѣлки и торговля. „Со временемъ, по выраженію древняго дѣписателя, явились пиршества и діавольскія попойки; діаволь вошелъ въ сердца Валаховъ, и они держали при себѣ женъ своихъ, одѣтыхъ въ мужское платье, въ видѣ пастуховъ. Эти женщины пасли овецъ и прислуживали въ монастыряхъ, принося туда сыръ и молоко, мѣся хлѣбы, и были онѣ весьма любы монахамъ, по замѣчанію того-же дѣписателя. А что между ними дѣлалось, о томъ стыдно говорить и слушать“, заявляетъ этотъ послѣдній ²⁾. Насколько измѣ-

¹⁾ Документальныя извѣстія объ этомъ явленіи беремъ изъ извѣстнаго труда преосв. Порфирія: „Исторія Аеона“, часть III, отдѣленіе I (Кіевъ, 1877). Воспроизводимъ слова преосвящ. автора буквально, но конечно съ большими сокращеніями, такъ какъ авторъ рассказываетъ повѣсть очень подробно.

²⁾ Исторія Аеона. Ч. III, отд. I, стр. 228—230.

нилась жизнь аеонитовъ въ сравненіи съ прежнимъ временемъ, объ этомъ повѣствователь такъ говоритъ: „нѣкогда умиралъ одинъ монахъ въ скитѣ, на Аеонѣ, и попросилъ у окружающихъ его укусу, чтобы понюхать его и быть въ состояніи побесѣдовать съ ними. Но во всемъ скитѣ не нашли и стакана укуса. А теперь у сватогорцевъ большіе погреба, наполненные эссенціями и старыми наливками, и отъ того они скачутъ, какъ жеребята дикихъ ословъ“ ¹⁾. На столѣ у нихъ появилось мясо. Нѣкоторые изъ монаховъ, пострадавъ отъ грѣха, потомъ раскаялись и донесли обо всемъ тогдашнему патріарху Николаю Грамматику (1084—1111). Въ запискѣ говорилось о злочинствѣ Валаховъ, о пагубѣ отъ женъ ихъ и дочерей, о грѣхѣ съ животными и о многомъ другомъ, что изобрѣла злоба бѣсовъ. Узнавъ о скоромномъ злѣ и императоръ Алексѣй Комнинъ. Онъ приказалъ переселить съ Аеона всѣхъ Валаховъ и животныхъ. Какъ же приняла монахи это распоряженіе? Дѣеписатель говоритъ: „монахи, по изгнаніи Валаховъ и животныхъ съ св. горы, начали плакать и горевать, и былъ на св. горѣ великій плачъ Египетскій. Какъ Евреи плакали о мясахъ Египетскихъ и котлахъ, такъ и сватогорцы не могли забыть Валаховъ“. „Аеонскій безмолвникъ—продолжаетъ дѣеписатель — шелъ къ другимъ безмолвникамъ, и игумены переходили отъ одного игумена къ другому и говорили: „отнынѣ ни житія намъ нѣтъ, ни покоя, потому что изгоняютъ Валаховъ и животныхъ“. Появились сходки, раздѣленія. И наконецъ множество монаховъ рѣшилось уйти вслѣдъ за Валахами. Только и слуховъ было: такой-то безмолвникъ, страшный бѣсамъ, уходитъ съ Аеона съ такимъ-то Валахомъ и такой-то игумень удаляется съ такимъ-то игуменомъ. Изъ монастырей, утверждаетъ дѣеписатель, всѣ полнымъ домомъ выходили съ своими пріятелями Валахами. Въ иныхъ монастыряхъ оставались хромцы да слѣпцы ²⁾. — Изгнали съ Аеона Валаховъ, ихъ женъ, коровъ, овецъ, а скоромное зло все продолжало царить на Аеонѣ. Черезъ

¹⁾ Ibidem, стр. 236—237.

²⁾ Ibid. 230—237.

нѣсколько времени аеониты доносили императору Алексѣю: „у святогорцевъ нѣтъ овецъ и коровъ, но зато находятся дѣти и безбородые. По причинѣ дѣтей и соблазновъ отъ нихъ мы не можемъ установить начальства въ монастыряхъ, потому что дѣти стали выше старцевъ и потеряли страхъ Божій“. Патріархъ Константинопольскій осыпалъ аеонитовъ за это упреками, обзывалъ ихъ орудіями бѣсовъ и сѣдальщиками діавола и чрезъ посланіе заповѣдалъ имъ твердо помнить древнее монашеское правило: „не приближай къ себѣ отрока, не говори съ нимъ послѣ стола, и даже въ церкви не цѣлуй его“ (лобзаніемъ мира) ¹⁾. При другомъ случаѣ нѣкоторые Аеонскіе игумены повѣдали патріарху, что монахи учатся пѣть пѣсни въ своихъ келейныхъ монастыряхъ. Патріархъ призвалъ къ себѣ виновныхъ и такъ сталъ укорять ихъ: „развѣ пѣть пѣсенки дали обѣтъ вы? Уже не хотите ли вы быть пѣсенниками, а не монахами? Справедливо, добавилъ онъ, царь Алексѣй говоритъ, что на васъ можно дѣйствовать только суровыми наказаніями и порицалъ васъ“ ²⁾. Еще при другомъ случаѣ указано было, что даже Аеонскіе безмолвники бражничаютъ по питейнымъ домамъ и попадаютъ въ полицейскую часть. Дѣла пришли въ порядокъ на Аеонѣ лишь чрезъ сто лѣтъ отъ начала скоромнаго зла. Послѣдній документъ, относящійся къ этому прискорбному явленію, принадлежитъ 1177 году ³⁾.

¹⁾ Ibid., 239—244. 248.

²⁾ Ibid., 246.

³⁾ Ibid., 246. 254.—Послѣдующая высокая жизнь Аеонитовъ и ихъ подвиги за православіе заставляютъ забыть печальную „скоромную драму“, какъ называется все это дѣло преосв. Порфирій. Въ XIII вѣкѣ Аеониты явили себя поборниками православія противъ уніонныхъ затѣй Михаила Палеолога и много пострадали за свою твердость въ вѣрѣ (греческій ученый Димитракопулъ нашелъ и отпечаталъ повѣсть о страданіяхъ аеонитовъ изъ-за уніи при Михаилѣ; документъ этотъ не современенъ событію, но это отчасти оговариваетъ и самъ издатель въ примѣчаніи: *Αγιητρακοπούλος. Ιστορία τῶν σχισμάτων σελ. 70—74. Αθήνα. 1867.* См. еще Христ. Чт. 1869, т. II, 1025—1026, у проф. Троицкаго). Въ XIV вѣкѣ извѣстный Григоръ, не смотря на несогласіе съ аеонитами въ спорныхъ религіозныхъ вопросахъ того времени (они были сторонниками т. называемыхъ Паламитовъ, съ которыми жарко спорилъ Григоръ)—отзывается съ восхищеніемъ о нравственныхъ достоинствахъ святогорцевъ; онъ говоритъ, что они снутили, „на землѣ устроить жизнь, подобную небесной“ и носили въ душѣ „истинную философію“. Gregorae. Hist. Byzantina. Lib. XIV, cap. 7. Tom. II, 716—717.

Обратимся къ другимъ сторонамъ нравственнаго состоянія Византійскаго общества.

Добродѣтели, основывающіяся на обязанностяхъ человѣка и христіанина къ ближнимъ и создающія общественное благополучіе, тоже не были высоко цѣнимы Византійцами и нерѣдко рѣшительно попирались.—Искренности, взаимнаго довѣрія и честности, безъ которыхъ не можетъ процвѣтать общественное благо, не замѣтно у Византійцевъ изучаемой эпохи. Византійцы поставляли себя другъ къ другу въ такое фальшивое положеніе, что они искали охраны противъ обмана не въ нравственной природѣ ближняго, а въ клятвѣ, которою они другъ друга связывали и при томъ, къ сожалѣнію, большей частью напрасно. Византійцы давали клятвы другъ другу, кажется, только для того, чтобы усыпить бдительность и осторожность другого и эксплуатировать его. Въ какомъ распространеніи была клятва, какъ средство обезопасить себя отъ обмана, это видно изъ тѣхъ разнообразныхъ формъ, въ какихъ давалась клятва Византійцами. Давались клятвы громко произносимыя и письменныя, предъ Евангеліемъ, иконами или даже на тѣлѣ Господнемъ (Евхаристіи) ¹⁾. Клянущійся подробно высчитывалъ, чего именно онъ не будетъ дѣлать ²⁾, какъ будто-бы одного обѣщанія во имя Божіе, что будетъ исполняться законъ совѣсти и заповѣди христіанскія, было недостаточно. Клятва находила мѣсто тамъ, т.-е. между такими лицами, гдѣ встрѣчать примѣненіе этого способа утверждать довѣріе, повидимому, было нельзя бы. Патріархъ даетъ клятву царю, царь патріарху, ограждая себя взаимно отъ извѣстнаго рода посягательствъ ³⁾. Еще страннѣе видѣть примѣненіе взаимной клятвы между царемъ и его кровными родными. Такъ въ 1381 году императоръ Іоаннъ Палеологъ и сынъ его Андроникъ связываютъ себя соборною клятвою, что они будутъ жить въ мирѣ и не затѣвать ничего, чтó послужило бы къ нарушенію мира; другими словами: даютъ клятву, что они не отстранять одинъ другого отъ престола Визан-

¹⁾ Cantacuseni. Historiae. Tom. III, p. 8. 145; tom. II, 96—97; tom. I, 72.

²⁾ Ibid. Tom I, 72—3.

³⁾ Cantacuseni. Ibid. Tom. II. 51, 67.

тійскаго ¹⁾. Такое же странное впечатлѣніе производить клятва, данная Андроникомъ Старшимъ и Андроникомъ Младшимъ другъ другу. Первый далъ второму, — своему внуку—клятву, что онъ не сдѣлаетъ никого наслѣдникомъ, кромѣ его, внука; а другой клянется, что онъ ничего не будетъ замышлять противъ дѣда ²⁾. Клятвы, какъ мы замѣтили выше, такъ же часто и нарушались, какъ часто онѣ давались. Да иначе и быть не могло. Сами современники нерѣдко сомнѣвались: „станутъ-ли соблюдать клятву такіе люди, которые хоть и давали ее, но не боялись ни молній небесныхъ, ни срама людского“? ³⁾. Побоятся-ли такіе люди нарушить клятву, хоть бы за минуту предъ тѣмъ они за нарушение своей клятвы накликали на себя „самыя великія и ужасныя бѣды“, какія нерѣдко призывали на себя клянущіеся для возбужденія довѣрія въ другомъ? ⁴⁾

Уваженіе къ чужой собственности и въ особенности къ общественному достоянію весьма мало развито было въ средѣ Византійцевъ изучаемаго времени. Обогащеніе на счетъ казны — это почти никто не считалъ дѣломъ, заслуживающимъ осужденія. Историки того времени не рѣдко указываютъ на такое общественное зло, какъ на явленіе самое обыкновенное. „Люди жадные до денегъ, обкрадывали казну“, какъ скоро представлялся къ тому случай и дѣлались „народными грабителями“. Правители, въ рукахъ которыхъ сосредоточивалось распоряженіе государственной казной, не только не заботились объ экономіи, „но придумывали новые государственные расходы, чтобы чрезъ это ихъ собственный мѣшокъ, вчера пустой и тощій, сегодня наполнить и биткомъ набить“ ⁵⁾. Сборщики денегъ, завѣдывавшіе взиманіемъ податей, являлись первыми казнокрадами. Они доставляли въ царскую казну самую малую часть

¹⁾ Miklosich. Acta patriarchatus Constantinopolitani. Tom. II, p. 25—26. Если говоря объ обществѣ Византійскомъ, мы передаемъ извѣстія о дѣйствіяхъ нѣкоторыхъ императоровъ, то смотримъ на эти дѣйствія лишь какъ на образцы, повтореніе которыхъ нерѣдко встрѣчалось, конечно, и среди общества.

²⁾ Григоры. Византійск. исторія. Кн. VIII, гл. 6.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Gregorae. Histor. Byzant. Lib. XII, cap. 8, pag. 600.

⁵⁾ Никиты. Царствов. Алексѣя, II, гл. 1.

сбора и какъ бы какіе остатки, а большую часть присвоивали себѣ. По ироническому замѣчанію Никиты Хоніата: „добрый и вѣрный рабъ у царя изъ муки, хотя бы и золотой, сперва замѣшиваетъ хлѣбы себѣ, а потомъ дѣлится съ товарищемъ и только остатокъ шелъ въ казну“ ¹⁾. Сборщики податей, при раскладкѣ ихъ, брали взятки и чрезъ то наживали себѣ „огромныя богатства“ ²⁾. Это было расхищеніе чужой собственности, расхищеніе прикрытое внѣшними формами благоприличія. Но встрѣчались въ Византійской имперіи того времени проявленія хищническихъ аппетитовъ и не въ такихъ еще формахъ. Хищники чужого достоянія никогда не думали скрывать своего безчестнаго дѣла; они смотрѣли на свое дѣло, какъ на нѣкотораго рода призваніе. Въ Византійской имперіи образовался значительный классъ пролетаріата, который не пропускалъ ни одного общественнаго безпорядка, чтобы подъ шумокъ не разорить сколько возможно большее число своихъ согражданъ. Эти паразиты общества въ особенности гнѣздились въ двухъ великихъ городахъ имперіи—Константинополѣ и Фессалоникахъ. Никита Хоніатъ, характеризуя эти подонки общества, поскольку онъ ихъ наблюдалъ въ Византіи, говоритъ: „Во всѣхъ городахъ (имперіи) толпа бываетъ безразсудна и чрезвычайно необуздана въ своихъ стремленіяхъ; но въ Константинополѣ больше, чѣмъ гдѣ-нибудь эта толпа склонна къ возмущеніямъ, отличается дерзостью и любовью къ кривымъ путямъ. Этотъ сбродъ людей, ни самъ для себя никогда не придумалъ и не сдѣлалъ ничего хорошаго, ни другихъ не слушалъ, когда кто хотѣлъ ввести какую-нибудь общепользную и благотворную мѣру“. Никита приводитъ очень поучительный примѣръ той противообщественной хищнической дѣятельности, какою они заявили себя во время политическихъ смутъ въ царствованіе малолѣтнаго императора Алексѣя II. „Чернь взбунтовалась (безъ какихъ-либо достаточныхъ причинъ) и бросилась грабить и разрушать прекраснѣйшіе дома, а въ томъ числѣ былъ и

¹⁾ Царств. Мануила, кн. VII, гл. 2.

²⁾ Никиты. Царств. Іоанна Комнина, гл. 3.

домъ городского эпарха: самъ онъ только бѣгствомъ спасъ свою жизнь, а все имѣніе его было разграблено. Математики даже не пощадили публичныхъ документовъ, въ которыхъ изложены были права гражданъ, и которыя въ обществѣ были полезны для многихъ, между тѣмъ какъ прибыль отъ присвоенія ихъ была ничтожна и не простиралась даже настолько, чтобы пьяная чернь могла за нихъ напиться ¹⁾. Подобнымъ же грабежомъ, соединеннымъ при томъ же съ кровопролитіемъ, пролетаріатъ ознаменовываетъ себя въ Θεσσαλονικίς, въ малолѣтство императора Іоанна Палеолога въ XIV вѣкѣ. Григора, передавая свѣдѣнія о событіи, говоритъ: какъ будто страшная буря пронеслась по городу, возмущеніе охватило городъ; жители домовъ выброшены за дверь, а съ лицами богатыми толпа обращалась хуже, чѣмъ внѣшніе враги. Богатства, находимыя въ домахъ, необузданная толпа расхищала точно разбойники, а если открывала кого изъ самихъ богачей, то варварски ихъ умерщвляла, — кровь согражданъ обогащала улицы ²⁾. По этому-ли или по другому подобному случаю извѣстный Григорій Палама говорилъ горячую проповѣдь, въ Θεσσαλονικίς, проповѣдь, въ которой онъ яркими чертами описываетъ неистовство и безчеловѣчіе дерзкой и безразсудной черни. „Кто и кто бѣгаетъ по сему городу, говоритъ ораторъ, разбиваетъ дома, расхищаетъ имущество и съ бѣшенствомъ за носъ водить хозяевъ и кричить на нихъ безжалостно и безчеловѣчно? Какая обширность бѣдствія? Городъ самъ противъ себя воюетъ, своими ногами швыряется, своими руками подкапывается, своими криками оглашается послѣ того, какъ лучшіе граждане его пали, а чернорабочіе и пошляки стали начальниками“ ³⁾.

Немного было у Византійцевъ и тѣхъ качествъ, которыми условливается крѣпость государственныхъ порядковъ и благоденствіе государства. Византійцы не могутъ похвалиться ни преданностію верховной власти, ни самоотверженіемъ.

¹⁾ Царствов. Алексѣя П Комнина, гл. 2—3.

²⁾ Gregorae. Historia Byzant. Lib. XIII, cap. 10, tom. II, 675.

³⁾ Труды К. Д. Академіи. 1880, т. 1. Епископа Порфирія: „Проповѣдники въ Греціи“, стр. 669.

Истинно преданными своему государю Византійцы были не часто. Одинъ изъ Византійскихъ императоровъ, характеризующій вѣрноподданническія чувства своего народа, говорилъ: „вѣрность большей части подданныхъ окоченѣла на маскѣ (т.-е. была фальшива и лицемерна) и притомъ, пока царь благоденствуетъ, а какъ скоро онъ униженъ, подданные непремѣнно становятся дерзки и нападаютъ“. По представленію этого императора царь Византіи „окруженъ лишь кознями“ ¹⁾). Чуть народъ недоволенъ императоромъ, онъ не переноситъ своего недовольства терпѣливо; нѣтъ, онъ сейчасъ-же начинаетъ такъ сильно порицать царя, какъ рѣшительно наканунѣ восхвалялъ его. „Неуваженіе къ властямъ народъ (разумѣется здѣсь преимущественно нисшій классъ) удерживаетъ за собой, какъ врожденное ему зло; ибо кого сегодня превозносятъ, какъ законнаго властителя, того на другой день поносятъ, какъ злодѣя“ ²⁾). Склонность къ революціямъ, какъ извѣстно, составляла характеристическую черту Византійцевъ. Хотя преувеличенно, но очень выразительно говорить по этому поводу Никита: „Греки каждую минуту готовы возвести на престолъ новаго царя, и при самомъ возведеніи обдумывать уже, какимъ-бы образомъ его низвергнуть,—и справедливо, замѣчаетъ историкъ, они слывуть народомъ матереубійственнымъ, чадами проклятія, сынами беззаконія“ ³⁾). Если возникало междоусобіе въ государствѣ, что встрѣчалось нерѣдко, то политическія страсти достигали высшаго напряженія, при чемъ приверженцы партій забывали о близкомъ родствѣ, если оно было, и о священныхъ своихъ обязанностяхъ, если адептами партій были духовныя лица. Такъ въ одно изъ междоусобій, описанныхъ Григорой, вотъ что произошло: „возстали другъ противъ друга: дѣти противъ родителей, родители противъ дѣтей, братья противъ братьевъ, сосѣди на сосѣдей и—что еще важнѣе—епископы и пресвитеры противъ епископовъ и пресвитеровъ и монахи противъ монаховъ“ ⁴⁾). А въ ре-

¹⁾ Это слова Михаила Палеолога. См. Пахимера, исторія о Мануилѣ и пр. кн. IV, гл. 1. Русск. пер.

²⁾ Никиты. Царствов. Алексѣя II, гл. 5.

³⁾ Никиты. Исторія. Томъ II, стр. 418. Русск. пер.

⁴⁾ Византійск. исторія IX, 6.

зультатъ этого и подобныхъ явленій было то, что „частыя революціи развратили нравственность народа; у большинства подданныхъ подавлена была привязанность къ родинѣ и готовность дѣлательно служить благу соотечественниковъ“ ¹⁾).

Отъ нравственнаго положенія Византійскаго общества перейдемъ къ религіозному. Религіозность составляла одну изъ выдающихся чертъ жизни Византійцевъ. Но нельзя сказать, чтобы въ религіозныхъ отношеніяхъ Византійскаго народа все заслуживало одобренія и служило къ назиданію. Благочестіе Византійцевъ не исключало существованія въ средѣ ихъ такихъ явленій, которыя должны были сильно оскорблять глубоко-религіозное чувство. Власть церковная часто вынуждена была бороться съ не порядками, прокрадшимися въ самое совершеніе богослуженія. Такъ въ Константинопольскомъ синодѣ XII вѣка постановлены были „опредѣленія противъ тѣхъ архіереевъ, которые, совершая богослуженіе во дни памяти усопшихъ благородныхъ и великихъ людей, позволяли себѣ говорить похвальные молитвы въ стихахъ“ ²⁾. Замѣчательно: такихъ архіереевъ оказалось много. Подобнаго-же свойства не порядки найдены были и среди чтецовъ. Нѣкоторые „чтецы въ тѣ-же дни памяти выполняли музыкальныя и органныя мелодіи и обращали похоронную пѣснь въ свадебную“ ³⁾. Еще болѣе непристойныя дѣйствія позволяли себѣ нѣкоторые клирики, превращая церковь во что то въ родѣ театра. По словамъ Вальсамона, въ его время, иные „изъ клириковъ въ нѣкоторые праздники надѣвали на себя разныя личины (маски), а иногда вооружившись мечами, въ воинскихъ одеждахъ выходили на средину церкви“ ⁴⁾. Нѣкоторые священники позволяли себѣ неблагоговѣйное обращеніе съ святой Евхаристіей. Такъ одинъ священникъ по какой-то причинѣ—небрежности или еще чему—оставлялъ дары нецотребленными, причемъ онъ допускалъ странныя поступки: хлѣбы предложенія валялись въ алтарѣ, гдѣ случится; а къ чашѣ съ виномъ онъ

¹⁾ Никиты. Царствов. Алексѣя, брата Исаака Ангела, кн. II, гл. 5.

²⁾ Вальсамона толкован. на 115 пр. собора Карфагенскаго. Правила съ толкованіями, стр. 1581.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Толков. на 62 пр. Трульск. собора. Правила съ толков., 650.

или подзывать мальчика и поилъ его, или же оставлялъ ее безо всякаго употребленія ¹⁾). Другой священникъ въ минуту сильнаго гнѣва въ самомъ алтарѣ прибилъ службу, но такъ неосторожно, что при этомъ пролилъ св. дары на землю ²⁾). Случалось, священники относились къ таинствамъ и храму съ такимъ неблагоговѣніемъ, что повидимому для нихъ не было ничего святаго. Вотъ что знаемъ изъ одного документа о какомъ-то священникѣ XIV вѣка. Однажды, когда этотъ священникъ началъ службу (литургію), въ церковь вошла собака; ее стали выгонять, но священникъ сказалъ: „оставьте ее она услышала „приндите“ и вошла“. Въ другой разъ, тому-же священнику пришлось въ храмѣ освящать воду; для этой цѣли приготовлено было большое корыто (σκάφη); увидя, что корыто было велико, священникъ, окончивши водосвятіе, сказалъ: „вотъ теперь посадите сюда и свинью“. Еще въ другой разъ при встрѣчѣ съ священникомъ, съ которымъ онъ былъ въ дурныхъ отношеніяхъ, сказалъ: „тебя хиротонисала не благодать Св. Духа, а благодать (!) діавола“ ³⁾). Недостатокъ уваженія къ святости храма проявляется иногда у Византійскаго духовенства въ фактахъ очень крупныхъ. Безчинствомъ въ храмахъ заявляли себя не отдѣльные клирики, а за разъ многія духовныя лица, не исключая архіереевъ. Вотъ одинъ изъ очень видныхъ случаевъ, записанныхъ историками. Въ царствованіе Андроника Старшаго такъ называемые арсениты, получивъ силу и означеніе, заняли митрополичьи и другія высшія мѣста, а для посрамленія своихъ противниковъ изъ архіереевъ и другихъ клириковъ устроили слѣдующее: Арсениты „собрали ихъ, какъ овецъ, въ великій Влахернскій храмъ“ въ Константинополѣ. Что-же послѣдовало дальше? нѣчто невѣроятное. „У кого найдется, говоритъ Григора, такое жестокое и такое каменное сердце, чтобы рассказать о той наглости, какую они (арсениты) обнаружили въ отношеніи къ несчастнымъ епископамъ и другимъ священнымъ

¹⁾ Miklosich. Acta patriarchatus Constantinop. Tom. I, 540.

²⁾ Acta patr. Const. Tom II, p. 115.

³⁾ Acta. Ibid. Tom I, 41. Въ подобнаго же рода неблагочынныхъ поступкахъ изобличаеиъ былъ и одинъ протонолѣ. Ibid. Tom II, 52—53.

лицамъ? Послѣ ругательствъ, предсѣдатели приказали прислужникамъ снимать съ головъ повинныхъ лицъ покрывала и бросать ихъ на землю съ троекратнымъ провозглашеніемъ: ἀνάξιος—у другихъ-же снимать другія одежды и, заворачивая имъ подола на голову, возгласить тоже, а потомъ толчками, пинками и пощечинами, какъ какихъ-нибудь убійць, выгонять изъ храма“²⁾. И все это безобразіе совершалось въ храмѣ и самими-же архіереями и ихъ приспѣшниками!

Въ религіозномъ состояніи Византійскаго общества разсматриваемаго времени можно находить много своеобразнаго, страннаго и суевѣрнаго. Въ Византійцахъ мы видимъ людей, у которыхъ чистыя и свѣтлыя религіозныя идеи были въ смѣшеніи съ представленіями, не согласными съ этими идеями. Религіозное самосознаніе Византійцевъ стояло на не высокой степени развитія. Прежде всего отмѣтимъ неукротимое стремленіе ихъ такъ или иначе дознаваться: что cadaго изъ нихъ ожидаетъ въ близкомъ или отдаленномъ будущемъ. Суежное любопытство замѣняло у нихъ христіанскую преданность волѣ Провидѣнія. Византійцы любили гадать. Гадали они на всемъ. Первое мѣсто при этомъ гаданьи занимали у нихъ предметы наиболѣе священные. Они любили гадать на Евангеліи и гаданье это было очень распространено. Гаданья на Евангеліи не чуждались сами епископы. Вотъ, напримѣръ, какъ происходило гаданье епископовъ касательно судьбы, ожидающей новопоставляемаго патріарха Константинопольскаго. Когда на голову посвящаемаго возлагается разверстое Евангеліе, то смотрѣли, какими словами начинаются тѣ страницы, на которыхъ разверсто Евангеліе; и по этимъ словамъ заключали о будущемъ. Такъ когда при посвященіи въ патріарха Аеанасія (кон. XIII в.) митрополитъ Никомидійскій возложилъ на него Евангеліе, то оказалось, что разверстыя страницы начинались словами: „дѣволу и ангеламъ его“. Одинъ изъ посвящающихъ архіереевъ, митрополитъ Никейскій, первый увидалъ эти слова, но нашелъ неловкимъ, чтобы о нихъ

²⁾ Кн. VI, гл. 2.

узнали и другіе; поэтому онъ взялъ Евангеліе въ свои руки, ловко смѣшавъ страницы и открылъ книгу въ другомъ мѣстѣ, гдѣ читалось: „и птицы небесныя привитають въ немъ“ (притча о сѣмени горчичномъ). По сужденію лицъ, узнавшихъ о тѣхъ словахъ, которые сначала открылись при посвященіи Аѳанасія, его ожидали вѣчныя муки. Во время посвященія другого патріарха, Арсенія (въ сред. XIII в.), при подобномъ же случаѣ открылись слова: „скрежетъ зубовъ“. Ясно, что, по этимъ словамъ, Арсенія какъ и Аѳанасія, въ будущемъ ожидали адскія мученія. Но такого толкованія указаннымъ словамъ дать не хотѣли, такъ какъ Арсеній былъ очень благочестивый человекъ, поэтому относили ихъ къ тѣмъ несчастіямъ, которыя ожидали его въ патріаршествѣ ¹⁾. Иногда гаданіе лишь происходило при помощи Евангелія, но совершалось по другой священной книгѣ—Псалтыри. Разъ это гаданье происходило такъ: какой-то священникъ привязалъ Евангеліе къ дереву, такъ что оно свободно вращалось, затѣмъ гадалъ на Псалтыри, давалъ отвѣтъ на тѣ или другіе вопросы, читая вѣроятно то, что открывалось случайно ²⁾. Иногда гаданье совершалось чрезъ записочки, полагаемые на св. престолъ. Такъ дѣлалъ императоръ Алексѣй I Комнинъ. Однажды, во время военной экспедиціи, онъ былъ въ большемъ затрудненіи: какъ ему поступить, такъ или иначе? Для рѣшенія вопроса онъ сдѣлалъ слѣдующее: взялъ два лоскутка бумаги, на одномъ написалъ, что слѣдуетъ поступить такъ, а на другомъ, что слѣдуетъ поступить иначе. Обѣ записочки вечеромъ отнесъ въ храмъ, положилъ на престолъ. Ночь Алексѣй проводитъ въ молитвѣ. На утро священникъ, по приказанію царя, отправляется въ церковь, беретъ первую попавшуюся записочку. Такимъ образомъ и рѣшается затруднительный вопросъ ³⁾.

¹⁾ Pachymeris. De Michaële et Andronico Palaeolog. Lib. II, cap. 15. Tom II, p. 146--7, edit. Bonn.

²⁾ Толкованіе Вальсамона на 61 пр. Трульск. соб. Прав. съ толкованіями, стр. 644.

³⁾ Annae. Alexias. Lib. XV. Migne, tom. 131, p. 1133.

Изъ другихъ родовъ гаданій на предметахъ не священныхъ особенно видное мѣсто занимало гаданье на зернахъ. Гаданье это было очень распространено. По словамъ Вальсамона многіе изъ монаховъ и даже членовъ синода (?) хаживали къ женщинамъ, которыя по ячменнымъ зернамъ возвѣщали будущее другимъ ¹⁾. Такого рода гаданьемъ занимались лица, славившіяся благочестивыми. Ворожеями на зернахъ были старухи женщины, славившіяся добродѣтелью и святостію, сопровождавшія свои нашептыванія пѣніемъ псалмовъ; этимъ же дѣломъ занимались и монахи, благообразные, „съ красивыми волосами и бородами“, носившіе власяницы и вретища, заявлявшіе, что они предсказываютъ будущее по ангельскому откровенію ²⁾. Существовалъ цѣлый разрядъ женщинъ, называвшихся: *χρίστιαί*, которыя имѣли своей профессіей предсказаніе будущаго. Они почитали свое дѣло дѣломъ благочестивымъ. Эти ворожеи „сидѣли у церквей и у св. иконъ и объявляли, что отъ нихъ можно узнать будущее, какъ будто имѣли онѣ духъ Пиреона“ ³⁾. Иногда гаданье производилось въ опредѣленное время года и совершалось публично. Разумѣемъ гаданье, совершавшееся въ Византіи въ ночь „подъ Иванъ-Купалу“. Ворожба на этотъ разъ происходила такъ: „вечеромъ 23 іюня собирались на морскихъ берегахъ и въ нѣкоторыхъ домахъ мужчины и женщины и какую-нибудь перворожденную дѣвицу убирали, какъ невѣсту. Затѣмъ послѣ пиршества и неистовыхъ плясокъ, послѣ пѣнія и криковъ, наливали въ мѣдный сосудъ съ узкимъ горломъ морскую воду и клали туда нѣкоторыя вещи, принадлежащія каждому изъ гадальщиковъ“. Затѣмъ они спрашивали ее: съ кѣмъ будетъ то-то или то-то, упоминая при этомъ какое либо радостное или печальное событіе. Затѣмъ дѣвица, вынувъ изъ вложенныхъ въ сосудъ вещей какую-нибудь наудачу попавшуюся, показывала. Тотъ, кому принадлежала вещь, оста-

¹⁾ Толков. Вальсамона см. выше цитированное мѣсто.

²⁾ Вальсамона. Толкованіе на 72 пр. Васил. Велик. Правила съ толкован., стр. 351.

³⁾ Вальсамона на 61 пр. Трульскаго собора. Правила съ толков., стр. 644.

вался въ увѣренности, что съ нимъ въ самомъ дѣлѣ случится что либо счастливое или несчастное. Въ это же время происходило и другаго рода гаданье. Оно состояло въ слѣдующемъ: „всю ночь жгли груды сѣна, скакали чрезъ нихъ и ворожили, гадая о счастьи или несчастьи“¹⁾).

Кромѣ перечисленныхъ способовъ гаданія, носившихъ въ томъ или другомъ отношеніи релігіозный оттѣнокъ, въ Византіи было безчисленное множество гадателей, считавшихъ себя волхвами и магами въ строгомъ смыслѣ этихъ словъ. Для того, чтобы снискать себѣ довѣріе въ обществѣ, они обставляли себя предметами, поражавшими воображеніе. Такъ одинъ изъ такихъ мажиковъ имѣлъ у себя изображеніе черепахи, вмѣщавшей въ себѣ человѣческую фигуру, у которой обѣ ноги были въ кандалахъ, а грудь насквозь пронзена гвоздемъ²⁾).

Суевѣрія, какъ какія-то тенета со всѣхъ сторонъ окружали Византіяца того времени — будетъ ли то высокопоставленное лице или простолюдинъ — и дѣлали его жизнь тревожною и жалкою. Въ религіи онъ не умѣлъ черпать бодрости и утѣшенія, а знаній, которыя бы дѣлали его хоть сколько нибудь увѣреннымъ въ себѣ, у него не было. Всѣ непонятныя явленія заставляли его трепетать, жизнь становилась какой-то тяготой. Въ Византійской имперіи почти относительно каждаго значительнаго лица ходили темныя, неясныя предсказанія; конечно, эти предсказанія наполовину, а можетъ быть и больше — были тревожнаго характера. Приходилось жить не только остерегаясь дѣйствительныхъ опасностей, но и воображаемыхъ. Не вѣрить подобнаго рода предсказаніямъ было нельзя. Даже умные люди, въ родѣ Никифора Григоры, вотъ какъ разсуждали на этотъ счетъ: „можетъ быть кто нибудь недоумѣваетъ — разсуждаетъ онъ — откуда берутся и какъ появляются оракулы, которые ходятъ между людьми. Всѣ историки и писатели

¹⁾ Вальсамона. Толков. на 65 пр. Трул. соб. Правила съ толкованіями, 660—661.

²⁾ Никиты. Царствов. Мануила, кн. IV, гл. 6, стр. 187. См. подробности объ этомъ родѣ гаданій и соединенныхъ съ ними дѣйствій у проф. Скабалавича. Хр. Чт. 1886, т. I, стр. 580—581.

замѣчаютъ только, что въ то или другое время ходилъ оракулъ въ народѣ и впослѣдствіи оправдался тѣмъ или другимъ событіемъ. А кому обязанъ своимъ происхожденіемъ каждый изъ этихъ оракуловъ, этого рѣшительно никто не можетъ сказать и объяснить, если только не хочетъ солгать. По мнѣнію нѣкоторыхъ, какія то служебныя силы, однѣ добрыя, другія напротивъ злыя, обтекаютъ воздухъ и землю, присматриваясь къ тому, что происходитъ здѣсь и, получивъ свыше знаніе о будущихъ событіяхъ, передаютъ его людямъ, то въ сновидѣніяхъ, то при пособіи звѣздъ, то съ какого нибудь Дельфійскаго треножника, а иногда,—чтобы не распространяться много, посредствомъ голоса, сначала неопредѣленно раздающагося въ воздухѣ, а потомъ раздѣльно въ ушахъ cadaго; этотъ-то голосъ древніе и называли божественнымъ. Часто случалось также, что на скалахъ или стѣнахъ находили письма, безъ всякаго указанія на того, кто ихъ написалъ“. Григора нисколько не сомнѣвается, что оракулы эти истинны и что отъ нихъ даже происходитъ польза. Но онъ въ то же время не можетъ не сказать, что „для людей молодушныхъ ожиданіе грядущихъ бѣдствій становится сущимъ наказаніемъ“¹⁾. А такъ какъ людей слабохарактерныхъ больше, чѣмъ мужественныхъ, то понятно, сколькимъ лицамъ эти вздорные оракулы отравили счастье жизни. Во всѣхъ болѣе замѣчательныхъ явленіяхъ міра физическаго Византійцы старались находить указаніе на что-то невѣдомое, темное, на что-то такое, что должно было непременно случиться. Какихъ взглядовъ держались Византійцы на затменіе солнца, съ этимъ можно познакомиться на основаніи того-же Григоры, человека, повторяемъ, весьма не глупаго. Въ 1267 году произошло затмѣніе солнца въ Константинополѣ. Оно было такое глубокое, что показались звѣзды. По разсужденію Григоры, затмѣніе это было не съ проста; „оно указывало на величайшія и тягчайшія бѣдствія. Въ самомъ дѣлѣ—констатируетъ историкъ—начались страданія народа и возрастали непрерывно, хотя и мало-по-малу“. Затѣмъ Византійскій ученый прибав-

¹⁾ Григоры. Визант. ист., V, 7.

ляетъ: „А что такія знаменія небесныхъ свѣтилъ предъ-
указываютъ на земныя страданія, этого я думаю не ста-
нетъ опровергать никто. развѣ кто любитъ по пусту спо-
рить“ ¹⁾. Для удостовѣренія въ справедливости его словъ
Григора раскрываетъ свои космологическія представленія,
но ихъ излагать мы, разумѣется, не станемъ. Византійцы
подчасъ пугались воображаемыхъ явленій и поражались ихъ
необычайностію. Однажды императоръ Андроникъ Старшій
услышалъ въ полночь во дворцѣ ржаніе лошади и вообра-
зилъ себѣ, что ржала та самая лошадь, которая была на-
рисована на одной дворцовой стѣнѣ. Онъ очень обезпо-
коился, что значило бы такое явленіе? Для разрѣшенія
вопроса онъ приглашаетъ ученаго друга своего, великаго
логогета Метохита, и начинаетъ съ нимъ разслѣдовать за-
гадочный феноменъ по его значенію. Эту замѣчательную
конференцію въ слѣдующихъ выразительныхъ чертахъ опи-
сываетъ Григора: „великій логогетъ пришелъ къ царю, но
о чемъ они разсуждали наединѣ, никто не могъ узнать;
только по нѣкоторымъ признакамъ послѣ могли мы заклю-
чать, что они разсмотрѣли сначала какія-то гадательныя
книги, въ которыхъ неизвѣстные авторы темно и загадочно
говорятъ о будущемъ, и потомъ сдѣлали астрологическія
выкладки, посредствомъ которыхъ люди узнаютъ теченіе
звѣздъ и догадываются о своемъ будущемъ, и изъ нихъ
вывели такое заключеніе, что надобно ожидать нашествія
непріятеля, смутъ въ государствѣ и опасности для царской
власти“ ²⁾. Вотъ сколько слѣдствій суевѣрная мысль Ви-
зантійца вывела изъ фантастическаго факта—ржанія на-
рисованной лошади.

Такъ какъ суевѣрному Византійцу часто представлялось,
что его со всѣхъ сторонъ ожидаютъ бѣды, непредвидѣнныя,
разнообразныя и ужасныя, то онъ старался напередъ за-
страховать себя отъ подобныхъ напастей, но искалъ себѣ
помощи не въ преданности волѣ Божіей и молитвѣ, а въ
различныхъ талисманахъ, которые особые спеціалисты из-

¹⁾ Кн. IV, гл. 8.

²⁾ Кн. VIII, гл. 5.

готовляли въ большомъ обиліи для желающихъ навѣрняка предотвратить грядущія напасти. Дѣлатели талисмановъ, по словамъ Вальсамона, даютъ обманываемымъ ими паціентамъ какія-то плетенія изъ шолковыхъ нитокъ или мѣшечки, внутри которыхъ иногда находились записочки, а иногда какая-нибудь пустячная вещь; эти специалисты увѣряли, что получающіе талисманы, если стануть непрестанно носить ихъ на шеѣ, то будутъ предохранены отъ всякаго зла. „Если бы я имѣлъ время, замѣчаетъ этотъ канонистъ—патріархъ конца XII вѣка, рассказать, сколько я видѣлъ такихъ случаевъ въ синодѣ, на судѣ, то составилъ бы о нихъ *большую повѣсть*“. Такими талисманами не пренебрегали даже лица духовныя, а тѣмъ болѣе простонародье. Такъ, напр., оказалось, что одинъ игуменъ монастыря носилъ за пазухою сорочку новорожденного младенца и говорилъ, что она дана ему одною женщиною для отвращенія и загражденія устъ тѣмъ, которые покусились бы говорить противъ него ¹⁾. Въ жизни простого народа играли важную роль въ качествѣ специалистовъ по части доставки талисмановъ вожаки медвѣдицъ и другихъ потѣшныхъ животныхъ. Канонистъ Зонара такъ говоритъ объ этомъ предметѣ: къ вышеуказаннымъ животнымъ „привѣшиваютъ сосуды съ жидкостями и выстригаютъ съ животныхъ волосы; то и другое дается женщинамъ, какъ предохранительные талисманы, обладающіе силою помогать въ болѣзняхъ или предохранять отъ завистливыхъ глазъ. Женщины принимаютъ это какъ что-то необходимое и просятъ, чтобы дѣтей ихъ посадили на спину звѣря, какъ будто и этимъ отъ дѣтей ихъ будутъ отвращены бѣдствія“ ²⁾. Въ тяжкихъ, опасныхъ болѣзняхъ не только простой народъ, но и лица царскаго рода не брезгали леченіемъ посредствомъ разнаго рода волшебныхъ дѣйствій „даже въ томъ случаѣ, когда подобнаго рода знахарей можно было заподозрѣвать въ чисто языческихъ наклонностяхъ. Вотъ рассказъ о леченіи Зон, жены принца Алексѣя, сына императора Іоанна Комнина. Зон

¹⁾ Толк. Вальсамона на 61 пр. Тульск. собора. Правила съ толков., стр. 643—644.

²⁾ Толкованіе Зонары на 61 пр. Трульск. собора. Ibid., стр. 641.

тяжко захворала, врачи поставлены были въ затрудненіе предъ сложностью болѣзни и пришли въ отчаяніе. Кажется, что оставалось больной искать утѣшенія лишь въ религіи. Но она обращается за помощью къ какимъ-то шарлатанамъ, которые взялись ее вылечить, убѣдивъ ее, что больна она вслѣдствіе колдовства. И вотъ началось леченіе: непризванные врачеватели „тайно разбросали по угламъ восковыхъ идоловъ и совершили множество другихъ странныхъ вещей, въ поруганіе Бога и въ напасть многимъ людямъ“, которымъ пришлось отвѣчать предъ церковнымъ судомъ за допущеніе подобнаго суевѣрія ¹⁾.

Такъ много было недостатковъ въ религіозномъ состояніи Византійцевъ. Но было бы несправедливо, указавъ темныя стороны въ религіозной жизни этихъ людей, не указать и свѣтлыхъ явленій той-же жизни. Византійцы, при всѣхъ недостаткахъ, были глубоко и искренно преданы православію; эту преданность можно назвать образцовой. Нельзя не замѣчать даже того явленія, что чѣмъ больше слабѣло государство, какъ политическій организмъ, тѣмъ сильнѣе возрастала въ Византійцахъ привязанность въ вѣрѣ отцевъ. Историкъ Григора, ни мало несклонный восхвалять достоинства своихъ согражданъ, однакоже даетъ слѣдующій замѣчательный отзывъ о приверженности грековъ къ православной вѣрѣ: „народъ (греческій) такъ твердъ и крѣпокъ въ вѣрѣ, что скорѣе желѣзо измѣнится въ своихъ свойствахъ, чѣмъ онъ допуститъ незначительное отступленіе отъ отеческихъ догматовъ“ ²⁾. За одно это достоинство Византійцевъ можно простить имъ множество недостатковъ, въѣдрившихся въ ихъ бытъ и жизнь. Но греки имѣли и другія почтенныя качества, характеризовавшія ихъ религіозное состояніе. За вѣру они готовы были вынести страданія и смерть ³⁾. Византійцы никогда не забывали возблагодарить

¹⁾ Толкованіе Вальсамона на 83 пр. Васил. Велик. Правила съ толков., 376.

²⁾ Визант. Исторія, кн. X, гл. 8, стр. 512.

³⁾ Измѣна вѣры встрѣчалась рѣдко. Она совершалась не вслѣдствіе предпочтенія чужой вѣры своей вѣрѣ, а ради выгоды и политическихъ расчетовъ. Такъ было съ племянникомъ императора Іоанна Комнина, по имени тоже Іоанномъ. Никиты царствъ, Іоанна., гл. 10.

Бога за оказанную милость; примѣровъ — безъ числа; но они же терпѣливо покорялись волѣ Божіей въ тяжкихъ народныхъ бѣдствіяхъ (наприм., во время латинскаго владычества въ Константинополѣ). Лучшіе люди въ тяжкихъ обстоятельствахъ своей личной жизни искали помощи и заступленія въ религіи и получали отсюда помощь, которую напрасно надѣялись имѣть отъ людей ¹⁾. Одною изъ достойныхъ чертъ въ Византійцахъ того времени нужно признать ихъ преданность и подчиненіе авторитету лицъ іерархическихъ. Расскажемъ коротко одинъ случай въ подобномъ родѣ. Патріархъ Византійскій Аѳанасій, по строптивости характера, вынужденъ былъ оставить патріаршую кафедру (въ концѣ XIII в.). Но этотъ іерархъ не захотѣлъ примириться съ своей долей. Въ отщепеніе обществу, недовольному имъ—Аѳанасіемъ, этотъ послѣдній пишетъ отлученіе на народъ Византійскій, и грамоту тайно скрываетъ гдѣ то на вершинѣ стѣны св. Софіи, въ какой-то трещинѣ. Само по себѣ, подобное прешеніе, какъ канонически неправильное и несправедливое, не имѣло значенія. Но оно тѣмъ не менѣе произвело великій переполохъ въ обществѣ, когда случайно открыли грамоту Аѳанасія въ трещинѣ стѣны. Народъ и императоръ глубоко заинтересованы были вопросомъ: не стали они въ самомъ дѣлѣ отлученными отъ церкви? Нужно было успокоеніе со стороны самого Аѳанасія, чтобы народъ избавился отъ нестерпимой для него тревоги ²⁾. Нужно-ли еще добавлять, что Греки благоговѣнно читали всѣ уставы церкви—праздники, посты? и т. д. Краткая молитва: „Господи помилуй“ сопровождала каждое полезное дѣло, надъ которымъ трудился хозяйственный поселянинъ ³⁾.

Не смотря на то, что Византійцамъ присущъ былъ духъ церковности, если безпристрастно станемъ оцѣнивать: чего

¹⁾ Разумѣемъ, напр., рассказъ Зонары о патріархѣ Іоаннѣ Халкидонѣ (XII в.). *Annales*, lib. XVIII, cap. 25. Migne. p. 313.

²⁾ *Pachymeris. De Mich. et Andron. Palaeolog.*, lib. III, 24 (Tom. II, 249—257. Bonn.).

³⁾ Вальсамон. Толков. на 62 прав. Тульск. собора. Правила съ толков., 650.

больше было въ религиозно-нравственной жизни Византійцевъ — хорошаго или худаго, то, къ сожалѣнію, должны будемъ сознаться, что отъ стеченія различныхъ причинъ очень много зла накопилось въ греческомъ христіанскомъ народѣ изучаемыхъ нами вѣковъ. Болѣе наблюдательные изъ грековъ, когда имъ приходилось высказывать свое сужденіе о нравственно-религіозномъ положеніи роднаго общества, сурово и скептически отзывались относительно этого положенія. Какой-то анонимный греческій писатель, принадлежащій изображаемой эпохѣ, въ написанномъ имъ сочиненіи подъ заглавіемъ: „какія причины постигшихъ насъ бѣдствій“, представляетъ печальную картину жизни грековъ. Онъ говоритъ: „Большая часть изъ насъ не знаетъ, что значитъ быть христіаниномъ, а если и знаютъ, не спѣшатъ жить сообразно съ этимъ; священники наши поставляются за деньги; они, какъ и прочій народъ, еще до брака вступаютъ въ связи съ ихъ будущими женами; за подарковъ духовные отцы прощаютъ грѣхи и допускаютъ до причастія; монахи, хвалящіеся дѣвственностію, безъ стыда живутъ вмѣстѣ съ монахинями ¹⁾; мы не отмщеваемъ за оскорбленіе имени Божія, за которое должны бы положить душу; имя врага креста (дѣвола) не сходитъ у насъ съ языка: имъ мы обзываемъ другъ друга; мы анаѳематствуемъ и проклинаемъ каждый день и самихъ себя и другихъ; не испытывая страха, даемъ какую угодно клятву и ежечасно нарушаемъ ее; мы оскорбляемъ, какъ не дѣлаютъ того и нечестивцы, православную вѣру, законъ, святое; за деньги мы отдаемъ своихъ малолѣтнихъ дочерей на растлѣніе; гадаемъ на иконахъ, по естрѣчамъ людей, по крику птицъ, по карканью воронъ; празднуемъ календы, носимъ мартовскіе амулеты, вопрошаемъ о будущемъ, прыгаемъ чрезъ зажженный костеръ (языческій обычай); носимъ талисманы на шеѣ и ворожимъ на зернахъ. Добродѣтель все больше и больше исчезаетъ, а грѣхъ все усиливается. Наши власти несправедливы, чиновники корыстолюбивы, судьи подкупны, всѣ

¹⁾ На о. Критѣ дѣйствительно монахи и монахини жили въ общихъ монастыряхъ. Miklosich. Acta patr. Const. Tom. II, 477.

безнравственны, дѣвы хуже блудницъ, священники невоздержны“¹⁾. Не лучше рисуются нравы Византійцевъ и у другихъ болѣе авторитетныхъ лицъ. Въ пастырскомъ увѣщаніи, съ которымъ повидимому патріархъ обращается къ жителямъ Константинополя въ началѣ XIV вѣка, помѣщенъ очень длинный списокъ пороковъ и грѣховъ, которыми были заражены обличаемые²⁾. Историкъ Григора съ своей стороны не находилъ словъ, чтобы выразить ту степень паденія, какой достигли его соотечественники. „Съ теченіемъ времени, скорбятъ онъ, исчезли добрые обычаи, которые точно погрузились на дно морское; и вотъ души всего христіанскаго міра блуждаютъ точно по какой-нибудь непроходимой и безводной пустынѣ. Безсовѣстность дошла до того, что за одинъ оболъ даютъ страшнѣйшія клятвы, которыя даже не посмѣетъ передать перо писателя. Люди впали въ бессмысленное состояніе и не стало человѣка, который могъ бы самъ рѣшить, что полезно, и какими признаками отличается благочестіе отъ нечестія“. Историкъ спрашиваетъ: „Кого это не поставитъ въ недоумѣніе? Какой души не потрясетъ, хотя бы она была тверда, какъ желѣзо“³⁾? Для лицъ, на которыхъ въ особенности лежали духовныя попеченія о Византійцахъ, уже казалось, что общество перестало бояться Бога и стыдиться людей“ (μήτε θεόν φοβούμενοι, μήτε ἀνθρώπους ἀισχυόμενοι)⁴⁾.

---

¹⁾ Hergenröther. Photius patr. von Constantinop. B. III, 838—839. Нѣмецкій авторъ излагаетъ содержаніе сочиненія, хранящагося въ рукописи въ Мюнхенѣ.

²⁾ Miklosich. Acta. Tom II, 464—5.

³⁾ Византійская Истор. кн. VI, гл. 5.

⁴⁾ Acta patr. Const. I, 368.

Отношеніе государственной власти къ церкви.

Отношенія, въ какія становились Византійскіе императоры къ церкви, на языкѣ западныхъ писателей обыкновенно называются цезаропапствомъ. Это значитъ, что указанные писатели находятъ въ положеніи Византійско-восточной церкви самыя ненормальныя отношенія между государствомъ и церковію, при которыхъ императоры выражаютъ себя какъ полновластные главы и владыки церкви, при которыхъ—иначе сказать—они являются вмѣстѣ царями и первосвященниками. Представленія эти о Византійскихъ отношеніяхъ государства и церкви—частію несправедливы, частію справедливы. Они несправедливы, когда хотятъ видѣть въ подобныхъ отношеніяхъ какую-то систему, будто-бы принятую и утвердившуюся, какъ законъ, въ Византійской имперіи; но они справедливы, если съ этими представленіями соединяется лишь мысль о томъ, что въ Византіи нормальныя отношенія государства къ церкви весьма часто переходили въ ненормальныя, что здѣсь императоры въ религіозныхъ дѣлахъ брали на себя болѣе, чѣмъ сколько того требовали благо церкви и польза ея, и что забывалось истинное понятіе о императорѣ, какъ членѣ церкви, подчиненномъ голосу пастырей въ вопросахъ религіи. Въ самомъ дѣлѣ, въ разсматриваемый нами періодъ Восточной церкви отъ начала крестовыхъ походовъ до окончательнаго паденія Константинополя, мы встрѣчаемся съ такими государями, которые смотрѣли на себя, какъ на верховныхъ распорядителей въ дѣлахъ церкви, ставили себя выше ея іерарховъ. Подобныя неправильныя, спутанныя понятія объ отношеніи высшей свѣтской власти къ церкви съ замѣчательнымъ самообольщеніемъ выражаетъ императоръ Исаакъ Ангелъ, когда говоритъ: „царямъ все

позволительно дѣлать, потому что на землѣ нѣтъ никакого различія во власти между Богомъ и царемъ; царямъ все позволительно дѣлать и можно нераздѣльно употреблять Божіе наряду съ своимъ, такъ какъ самое царское достоинство они получали отъ Бога и между Богомъ и ними нѣтъ разстоянія¹⁾. При другомъ случаѣ въ одной изъ своихъ новеллъ тотъ же Исаакъ прямо именуетъ себя ἐπιστημονάρχης'омъ церкви, т. е. опытнѣйшимъ правителемъ церкви, при чемъ онъ приписываетъ себѣ власть исправлять то, что совершается въ церкви вопреки каноническихъ постановлений²⁾. Нѣкоторые Византійскіе императоры въ своемъ царскомъ титулѣ употребляли выраженіе „святый“, которое обыкновенно прилагали къ себѣ патріархи, и весьма недовольны были, если кто-либо въ титулованіи ихъ опускалъ этотъ терминъ; право на такое титулованіе себя императоры основали на томъ, что они лица миропомазанныя царскимъ помазаніемъ³⁾. Бъ чему-же приводило то воззрѣніе императоровъ на самихъ себя, на которое мы указываемъ? А вотъ къ чему. По словамъ Никиты Хоніата, для „большей части Византійскихъ царей рѣшительно невыносимо только повѣлывать государствомъ, ходить въ золотѣ, пользоваться общественнымъ достояніемъ, какъ своимъ. Они почитаютъ для себя крайнею обидою, если ихъ не считаютъ мудрецами, богомудрыми подобно Соломону, богодухновенными руководителями, вѣрнѣйшимъ правиломъ изъ правилъ, однимъ словомъ: непогрѣшимыми судіями дѣлъ божескихъ и человеческихъ“⁴⁾.

Лица, приближенные къ императорамъ и непосредственно зависимыя отъ нихъ, изъ лести или суетныхъ расчетовъ, нерѣдко старались поддерживать въ Византійскихъ императорахъ указанное самоиѣніе; при столкновеніи церковной власти съ государственною, различные сановники и судіи

¹⁾ Никиты Хоніата. Исторія. Царствованіе Исаака, кн. III, гл. 7 (текстъ и варіантъ). Рус. переводъ.

²⁾ Isacii. Novella de electionibus pontificum. Migne, tom. 135, col. 440. Слѣд. Пахимера. Исторія о Михаилѣ и Андроникѣ. кн. IV, гл. 4.

³⁾ Пахимера. Исторія о Михаилѣ и Андроникѣ. Кн. VI, гл. 31.

⁴⁾ Исторія. Царствованіе Мануила, кн. VII, гл. 5.

брали сторону гражданской власти въ ущербъ для авторитета церковнаго, ссылаясь на то, что власть царская стоитъ превыше всего. Если какой-нибудь Византійскій императоръ по своему произволу издавалъ какую-либо новеллу, оказывающуюся въ противорѣчій съ древними, принимаемыми церковію, правилами и узаконеніями, то приспѣшники нѣкоторыхъ Византійскихъ императоровъ, находя дѣломъ неважнымъ, что новелла не согласуется съ церковнымъ законодательствомъ, отдавали предпочтеніе новеллѣ предъ всѣмъ остальнымъ; они настаивали, что „новелла издается для всѣхъ, для всякаго дѣла (и значить церковное и гражданское общество одинаково должны исполнять ихъ) и есть общее законоположеніе“ ¹⁾. Въ церкви издревле существовало правило, по которому священникамъ и діаконамъ воспрещалось принимать на себя мірскія должности, въ родѣ сборщиковъ податей или какихъ-либо управителей. Но въ изучаемое нами время нѣкоторые изъ лицъ, приближенныхъ къ Византійскимъ императорамъ, извращали смыслъ церковныхъ опредѣленій по указанному вопросу и говорили: „это имѣетъ мѣсто тогда, когда кто-либо изъ священнослужителей будетъ выполнять мірскую службу безъ царскаго повелѣнія; ибо если кто по царскому усмотрѣнію приметъ на себя какую-либо мірскую службу, то это не будетъ воспрещено ему указанными правилами и онъ не подвергнется наказанію“, и при этомъ тѣ же лица прибавляли: „царь не подлежитъ ни законамъ, ни правиламъ“ (!) ²⁾. Подобнаго-же рода чрезмѣрные цѣнители Византійской царской власти нерѣдко въ тѣ времена заявляли, что лица духовныя, подлежащія суду, могутъ безпрепятственно вмѣсто соборнаго суда обращаться за разбирательствомъ своихъ дѣлъ къ суду гражданскому, и мотивировали свое заявленіе тѣмъ, что власть царская выше власти церковной; они разсуждали такъ: „царская власть можетъ дѣлать все; она можетъ назначать гражданского судью, чтобы судить епископа или другое посвящен-

---

¹⁾ Правила съ толкованіями. Изд. Общества Любителей Дух. Просвѣщ. Т. I, стр. 190. М. 1876.

²⁾ Правила съ толкованіями, стр. 1331—1332.

ное лице, привлекаемое къ суду; эта же власть, по законному усмотрѣнію, церковный судъ можетъ замѣнять свѣтскимъ“¹⁾.

Если лица свѣтскія, имѣвшія свои побужденія поддерживать самообольщеніе Византійскихъ императоровъ по вопросу объ отношеніи ихъ къ церкви, нерѣдко выражали мысли, неблагоприятныя для свободы и самостоятельности церковнаго авторитета, то это явленіе болѣе или менѣе повятно. Но, къ нашему удивленію, отъ мірянъ въ этомъ случаѣ не отстаютъ и лица іерархическаго чина. Отдѣльныя іерархическія лица съ своей стороны, случалось, не только не шли противъ вышеуказанныхъ преувеличенныхъ воззрѣній государей относительно широты ихъ власти, но даже поддерживали ихъ своимъ авторитетнымъ голосомъ. Здѣсь мы должны привести прежде всего весьма замѣчательныя въ данномъ случаѣ мнѣнія извѣстнаго греческаго канониста XII вѣка, патріарха Антіохійскаго Вальсамона. Вальсамонъ говоритъ: „императоры и патріархи должны быть уважаемы, какъ учителя (церкви) ради ихъ достоинства, которое они получили чрезъ помазаніе мѣромъ. Отсюда то происходитъ власть правовѣрныхъ императоровъ наставлять христіанскій народъ и, подобно іереямъ, приносить Богу куреніе. Въ этомъ ихъ слава, что, подобно солнцу, блескомъ своего православія они просвѣщаютъ міръ съ одного его конца до другого. Мошь и дѣятельность императора—касаются тѣла и души (человѣка), тогда какъ мошь и дѣятельность патріарха касаются только одной души (ἐἰς μόνην ψυχὴν λουστέλειαν). Императоръ и патріархи подобны молотильщикамъ на гумнѣ: они какъ бы лопатой отдѣляютъ мякину отъ настоящей пшеницы, или подобны крѣпкимъ осямъ колесницы, или корабельнымъ мачтамъ и парусамъ; частію чрезъ императорское попеченіе, частію чрезъ духовную власть они спасаютъ міръ“²⁾. При другомъ случаѣ тотъ же Вальсамонъ перечисляетъ нѣкоторыя церковныя функціи, которыя, по его мнѣнію, принадлежатъ власти императорской; эти функціи очень ясно

¹⁾ Ibidem, стр. 1317.

²⁾ Rhally et Potly. Syntagma. Tom. IV. p. 544—546. Athenae, 1854.

роднять, по сужденію греческаго патріарха, авторитетъ царскій съ авторитетомъ іерархическимъ. „Православные императоры“, говоритъ Вальсамонъ, „невозбранно, когда захотятъ, входятъ во св. алтарь, и ходятъ и дѣлають знаменія креста съ трикиріємъ, какъ и архіереи. Они предлагаютъ народу и катехизическое поученіе, что предоставлено однимъ мѣстнымъ архіереямъ“. Вообще Вальсамонъ пишетъ: „Какъ царствующій императоръ есть помазанникъ Господень по причинѣ помазанія на царство, а Христосъ и Богъ нашъ есть между прочимъ и архіерей, то благословно и императоръ украшается архіерейскими дарованіями“ ¹⁾. Вальсамонъ любитъ останавливаться на разъясненіи мысли, почему императору принадлежать права, усвояемыя обыкновенно епископу. Такъ, по одному поводу Вальсамонъ царское миропомазаніе уравниваетъ съ хиротоніей епископской и находитъ, что и послѣдствія этихъ актовъ одни и тѣ же въ извѣстномъ отношеніи. Онъ приводитъ слова Константинопольскаго патріарха X вѣка Поліевкта, который говорилъ, что какъ помазаніе въ крещеніи изглаждаетъ содѣланные прежде того грѣхи, каковы-бы и сколько-бы ихъ ни было, такъ и помазаніе на царство изглаждаетъ даже убійство, совершенное помазующимся до помазанія. А отъ себя Вальсамонъ рассуждаетъ: „какъ цари называются и суть помазанники Господни, таковы же суть и именуются и архіереи. Вмѣсто же елѣя, по древнему правилу возливаемаго на царей, для архіереевъ служитъ иго Евангелія и призваніе Св. Духа. Хиротонія архіереевъ и помазаніе царей изглаждаютъ содѣянные прежде хиротоніи и царскаго помазанія грѣхи, каковы бы они ни были“ ²⁾.

Въ томъ же родѣ, какъ и Вальсамонъ, судить о власти и значеніи государей въ Византійской церкви и другой представитель церковнаго авторитета—Димитрій Хоматинъ, ар-

¹⁾ Вальсамова толков. на 69 прав. Трульскаго собора. Правила съ толкован., стр. 670.

²⁾ Замѣчательно: Вальсамонъ затѣмъ продолжаетъ: „а рукоположеніе священниковъ и другихъ посвященныхъ лицъ изглаждаетъ малые грѣхи, напр., поползновеніе ко грѣху, ложь и другіе подобныя, но не изглаждаетъ прелюбодѣяніе“. Вальсамова толков. на 12 пр. Анкирскаго собора. Правила съ толков., стр. 935—936.

епископъ Болгарскій (XIII в.) ¹⁾. Онъ пишетъ: „императоръ, который есть и называется всеобщимъ верховнымъ правителемъ церквей, стоитъ выше опредѣленій соборовъ; этимъ опредѣленіямъ онъ доставляетъ надлежащую силу. Онъ есть мѣрило въ отношеніи къ церковной іерархіи, законодатель для жизни и поведенія священниковъ, его вѣдѣнію подлежатъ споры епископовъ и клириковъ и право замѣщенія вакантныхъ кафедръ. Епископовъ онъ можетъ дѣлать митрополитами, а епископскія кафедры митрополичьими кафедрами. Однимъ словомъ, за единственнымъ исключеніемъ—говоритъ Димитрій Хоматинъ—совершать богослуженіе (ιεροουργεῖν), императору предоставлены всѣ остальные епископскія привилегіи (τὰ λοιπὰ ἀρχιερατικὰ προνόμια), на основаніи каковыхъ его церковныя распоряженія получаютъ каноническій авторитетъ. Какъ древніе римскіе императоры подписывались: pontifex maximus, таковымъ же должно считать и теперешнихъ императоровъ, какъ помазанниковъ Господнихъ, ради царскаго помазанія. Подобно тому, какъ Спаситель, будучи помазанникомъ, есть и чтится, какъ первосвященникъ; такъ и императоръ, какъ помазанникъ, украшается благодатію первосвященства“ (ἀρχιερατικοῖς χάταχοῦρεται χαρίσματι) ²⁾. Въ воззрѣніи на власть императорскую въ церкви съ Димитріемъ Хоматиномъ согласенъ и писатель церковный Макарій Анкирскій (XIV в.) ³⁾. Этотъ писатель, ссылаясь на авторитетъ Григорія Нисскаго, Григорія Богослова, IV го и VI-го вселенскихъ соборовъ, старается доказать, что императоръ, будучи помазанникомъ Божиимъ, освящаясь чрезъ помазаніе мѣромъ, становится архіереємъ, іереємъ и учителемъ вѣры“ ⁴⁾.

¹⁾ Этотъ Димитрій былъ сначала Константинопольскимъ хартофилакомъ, отличался независимостію и самостоятельностью характера и въ качествѣ архіепископа Болгарскаго имѣлъ значительное вліяніе на дѣла церкви. До насъ дошло его каноническое сочиненіе: „Различные вопросы Константина митрополита Диррахійскаго и отвѣты на нихъ Димитрія Хоматина“.

²⁾ Rhally et Polty. Syntagma canonum. Tom. V, p. 429. Athenae, 1855.

³⁾ О личности его неизвѣстно. Выдержки изъ его сочиненій сообщаетъ Левъ Аллэй.

⁴⁾ Apud Allat. De Consensione... p. 219 (Pichler. Geschichte der Trennung, B. I, S. 416).

При такихъ возрѣніяхъ на чрезмѣрно важное религіозное значеніе императора въ дѣлахъ церковныхъ, — возрѣніяхъ, какія встрѣчались не только среди болѣе просвѣщенныхъ мірянъ, но и среди представителей тогдашней церкви, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, если пренебреженіе законовъ церкви со стороны императоровъ и вмѣшательство ихъ въ дѣла вѣры представляли явленія нерѣдкія. Императоры принимаютъ догматическіе вопросы, императоры дѣятельно участвуютъ въ богословскихъ спорахъ, императоры наклоняютъ въ этихъ случаяхъ рѣшенія церковныя въ пользу своихъ мнѣній и проч. Но особенными злоупотребленіями сопровождалась присвоенная императорами власть по своему желанію и расчетамъ назначать патріарховъ. Желая быть неограниченными распорядителями въ церкви, они нарочно избирали въ патріархи столицы такихъ лицъ, которыя были бы безгласны и послушны. Георгій Акрополитъ прямо заявляетъ, что „обладающіе верховною властію при избраніи патріарховъ соображаются съ своими расположеніями къ извѣстнымъ лицамъ, чтобы не имѣть въ этихъ людяхъ противниковъ своимъ желаніямъ“ ¹⁾. При другомъ случаѣ, какъ бы разъясняя эту мысль, Акрополитъ пишетъ: „цари (Византійскіе) вообще хотятъ, чтобы патріархами были люди смиренные, недалекіе по уму, которые легко бы уступали ихъ желаніямъ, какъ законодательнымъ постановленіямъ. А это всего чаще — разъясняетъ историкъ — случается съ людьми необразованными: будучи невѣждами въ словѣ, они не способны на смѣлое слово и преклоняются предъ императорскими распоряженіями“ ²⁾. Историкъ Никифоръ Григора почти тѣми же словами говоритъ о своекорыстныхъ намѣреніяхъ императоровъ, какими они руководились въ выборѣ патріарховъ. Онъ пишетъ: „цари на такія высокія мѣста (патріаршія) выбираютъ людей (простыхъ, необразованныхъ), чтобы они безпрекословно повиновались ихъ приказаніямъ, какъ рабы, и чтобы не оказывали имъ никакого сопротивленія“ ³⁾. Византійскіе историки и писатели настолько свы-

¹⁾ Лѣтопись, гл. 42. Рус. пер.

²⁾ Ibidem, гл. 53.

³⁾ Византійская исторія. Кн. VIII, гл. 2.

клись съ такими и подобными фактами въ исторіи Византійскаго государства, что перестали видѣть въ этомъ что-либо ненормальное, несообразное съ правилами. Такъ, Георгій Акрополитъ нисколько не удивляется тому, что императоръ Θεодоръ Βαταца умышленно выбираетъ въ патріархи лицо необразованное, хотя имѣлъ возможность поставить на этотъ высокій постъ чловѣка, достойнаго по своимъ умственнымъ дарованіямъ ¹⁾). Іоаннъ Киннамъ находитъ самымъ обыкновеннымъ дѣломъ, что одинъ изъ описанныхъ имъ императоровъ давалъ сообразное съ своими личными желаніями направленіе въ рѣшеніи нѣкоторыхъ богословскихъ вопросовъ; этотъ историкъ былъ увѣренъ, что „ислѣдовать божественное имѣютъ право лучшіе изъ іереевъ да цари“ ²⁾). Писатель и ораторъ XIII в. Никифоръ Хумнъ прославляетъ одного императора за самовольное низверженіе имъ одного патріарха, уподобляя его за это Слову Божію (Δόξε θεοῦ) и именуя его архіереемъ ³⁾).

Если одни изъ Византійскихъ императоровъ присвоивали себѣ въ церкви права, какія имъ не принадлежали въ этой области, и въ такомъ же родѣ обнаруживали свои притязанія; если многіе церковные писатели съ своей стороны высказывались болѣе или менѣе въ пользу самыхъ широкихъ привилегій для императора въ церковныхъ дѣлахъ, то однакожь это не было какимъ-либо правиломъ безъ исключенія. Иные изъ Византійскихъ императоровъ, иные изъ писателей восточной церкви высказывались въ другомъ родѣ. Они ясно понимали, гдѣ, въ видахъ блага церковнаго, должна кончатся власть императора въ дѣлахъ религіи и начинаться исключительно сфера церковной дѣятельности. Между императорами, въ XII вѣкѣ, встрѣчаемъ съ такими именно идеями Іоанна Комнина. Въ одномъ письмѣ къ папѣ Гонорію этотъ государь пишетъ: „два предмета въ продолженіе моего царствованія признавалъ я совершенно отличными одинъ

¹⁾ Лѣтопись, глава 53.

²⁾ Іоанна Киннама. Обзоръніе царствованія Іоанна и Мануила Комнинъ. Кн. VI, гл. 2.

³⁾ Nicephorus Chumn. Eucosmion in Andronic. Palaeolog. (Pichler, B. I. S. 416).

другаго: одинъ—это власть духовная, которая отъ Великаго и Высочайшаго Первосвященника, князя міра, Христа, дарована Его апостоламъ и ученикамъ, какъ благо неизмѣнное, чрезъ которое (благо), по божественному праву, они получили власть вязать и рѣшить всѣхъ людей; а другой предметъ—это власть мірская, власть обращенная къ временному по божественному слову: воздадите Кесарю, что ему принадлежитъ, власть, заключенная въ принадлежащей ей сферѣ. Эти двѣ, господствующія въ мірѣ, власти, хотя раздѣльны и различны, но дѣйствуютъ къ обоюдной пользѣ въ гармоническомъ соединеніи, вспомоцествуя и пополняя одна другую. Онѣ могутъ быть сравниваемы съ двумя сестрами — Маріей и Мареой, о которыхъ повѣствуется въ Евангеліи. Изъ согласнаго обнаруженія этихъ двухъ властей проистекаетъ общее благо, а изъ враждебныхъ отношеній ихъ проистекаетъ великій вредъ“¹⁾. Такъ мыслили лучше изъ Византійскихъ императоровъ.

Нѣкоторые изъ церковныхъ писателей изучаемыхъ нами вѣковъ возвышали сильный голосъ противъ того, не всегда нормальнаго, положенія, въ какомъ цари стояли къ духовной власти; они открыто говорили, что отношенія, при какихъ власть духовная унижается предъ свѣтскою, суть ничто иное какъ злоупотребленія, отъ которыхъ слѣдуетъ избавиться, какъ отъ болѣзненнаго нароста. Къ такимъ писателямъ принадлежитъ извѣстный св. Симеонъ, митрополитъ Θεσσαλονικійскій (XV вѣка). Его мысли въ данномъ случаѣ состоятъ въ слѣдующемъ: „многіе благочестивые цари, какъ наприм. Константинъ Великій, богато одаряли епископовъ и оказывали имъ различныя почести. Теперь же случается совсѣмъ противное. Епископъ не удостоивается никакой чести ради Христа, а скорѣе достигаетъ безчестія; онъ считается неизмѣримо ниже императора, получающаго отъ архіерея благословеніе. Епископъ въ настоящее время надаетъ нидъ предъ императоромъ и цѣлуетъ правую руку. Освященными устами, которыми онъ недавно прикасался къ священнѣйшей

¹⁾ Pichler: Geschichte der Trennung. B. I. S. 286—7 (источникъ, откуда заимствовано свидѣніе—рѣдкій).

жертвѣ, онъ рабски цѣлуетъ мірскую руку, назначеніе которой держать мечъ, и, о срамъ, епископъ стоитъ, когда императоръ сидитъ! Для епископа, какъ намѣстника Христа, все это неприлично, и посрамленіе простирается на самого Христа. Эти недѣльные обычаи—говоритъ Симеонъ—введены впрочемъ не самими императорами, но льстецами, которые безразсудно внушаютъ имъ, чтобы они во зло употребляли божественное, чтобы они присвоивали себѣ власть—и поставлять и низвергать епископовъ. Увы, какое безуміе! Если низверженіе епископа необходимо, то должно совершиться это чрезъ Св. Духа, которымъ освященъ епископъ, а не чрезъ мірскую власть. Отсюда-то всѣ наши бѣды и несчастія; отсюда-то мы сдѣлались предметомъ презрѣнія у всѣхъ народовъ. Если мы будемъ воздавать Кесарю Кесарево, а Богу—Божіе, то благословеніе Божіе будетъ почивать на всемъ; церковь получитъ миръ, благосостояніе государства возрастетъ“ ¹⁾. Изъ этихъ словъ Симеона видно, ← что если въ Византійскомъ государствѣ царская власть допускала себѣ злоупотребленія въ отношеніи къ церкви, то это не почиталось кѣмъ-нибудь закономъ, а разсматривалось, какъ послабленіе, отступленіе отъ надлежащей нормы. — Случалось, и патріархи безбоязненно заявляли предъ лицомъ императора, что въ религіозныхъ дѣлахъ не церковь должна идти за императоромъ, но императоры вслѣдъ церкви. Такъ патріархъ Іосифъ (XV в.) замѣчалъ императору Іоанну Палеологу: „церковь должна идти впереди императорской власти или подлѣ нея, но никакъ не сзади ея“ ²⁾. Случалось даже, иные патріархи доходили до такого дерзновенія, что требовали себѣ права, во имя церкви, вліять на дѣла государственныя наравнѣ съ императоромъ. Такъ патріархъ Исаія (XIII в.) говоритъ императору Андронику Старшему: „ты приказываешь мнѣ заниматься только дѣлами церкви, а себѣ предоставляешь по своей личной волѣ

¹⁾ Pichler. В. I, 417—418 (изъ сочиненія Симеона, подъ заглавіемъ: *τὰ ἀπαιτὰ εἰς ἑξ ἡμῶν διακρίματα*).

²⁾ Pichler I, 419—20 (изъ Сиропула, автора исторіи Флорентійскаго собора).

править государствомъ. Но это тоже самое, какъ если бы тѣло говорило душѣ: „я не нуждаюсь въ твоёмъ содѣйствіи при отправленіи моихъ функцій; я свое дѣло дѣлаю, какъ хочу, а ты дѣлай свое, какъ умѣешь“ ¹⁾).

Отъ общаго очерка воззрѣній, мнѣній, желаній и требованій, какія высказывались въ Византійскомъ обществѣ касательно отношенія власти государственной къ церкви, переходимъ къ болѣе или менѣе подробному обозрѣнію замѣчательнѣйшихъ явленій, въ которыхъ въ то или другое царствованіе выразились отношенія государства къ церкви въ эти времена.

Въ концѣ XI и началѣ XII вѣка императоръ *Алексѣй Комнинъ*, открывающій собою изучаемую нами эпоху, принимаетъ очень живую дѣятельность въ дѣлахъ церкви и вѣры. Въ этомъ отношеніи, кажется, можно до извѣстной степени сравнивать его съ знаменитымъ Юстиніаномъ: то же рвеніе къ дѣламъ церкви, та же охота къ спорамъ, то же желаніе содѣйствовать благу церкви, та же неутомимость въ преслѣдованіи еретиковъ—какъ у Юстиніана, такъ и у Алексѣя Комнина. Для характеристики отношеній Алексѣя къ церкви скажемъ о тѣхъ спорахъ съ еретиками, какіе любилъ Алексѣй, и о степени успѣховъ, достигнутыхъ имъ на этомъ поприщѣ. Двѣ замѣчательныхъ ереси обращали на себя вниманіе Алексѣя—Павликіане и Богомилы, изъ которыхъ послѣдняя сильно волновала современную церковь; съ обѣими онъ боролся какъ могъ и какъ умѣлъ, хотя далеко не за все можно одобрять царственнаго полемиста ²⁾).

На 1115-й годъ падаетъ борьба Алексѣя съ павликіанами ³⁾, еретиками, уже давно появившимися въ имперіи. Дѣло происходило такъ. Въ этомъ году императору, вслѣдствіе войны съ однимъ изъ варварскихъ народовъ (Команы), пришлось провести зиму въ Филиппополѣ, еще въ X вѣкѣ

¹⁾ Cantacuzeni. Historiae. Tom. I, p. 219, 249. Bonn.

²⁾ О борьбѣ Алексѣя съ двумя современными ему еретиками—Іоанномъ Италомъ и Ниломъ—нами уже были сообщены свѣдѣнія въ „Очеркахъ исторіи Византійско-восточной церкви въ IX, X и XI вѣкахъ“, стр. 140—142 (Москва, 1902). Изд. 2-ое.

³⁾ Ученіе Павликіанъ изложено въ тѣхъ же „Очеркахъ“, стр. 240 и дал.

заселенномъ павликіанами. Свободнымъ отъ своихъ военныхъ дѣлъ временемъ Алексѣй воспользовался для борьбы съ этими еретиками. Онъ устраивалъ публичные диспуты съ ними, призывая къ себѣ на помощь въ этомъ случаѣ зятя своего кесаря Никифора Вріеннія и двухъ архіереевъ, епископа Филиппопольскаго и митрополита Никейскаго, изъ которыхъ послѣдній—извѣстный Евстратій — былъ замѣчательнымъ ученымъ. Диспуты происходили въ императорскомъ дворцѣ; главамъ еретиковъ позволено было свободно и безпрепятственно высказывать свои мнѣнія во время споровъ. Императоръ отличался неутомимостію въ диспутахъ, въ нихъ онъ проводилъ цѣлыя дни, забывая о пищѣ, а иногда и большую часть ночи; съ терпѣніемъ выслушивалъ возраженія, съ терпѣніемъ-же отвѣчалъ на вопросы. Если тревоги со стороны военныхъ враговъ прерывали бесѣды царя, то возвратившись съ поля брани, онъ снова и тотчасъ-же принимался за прерванное дѣло. Успѣхъ императорскихъ диспутовъ съ павликіанами былъ очень значителенъ. Тѣхъ, кто отказался отъ ереси, императоръ награждаетъ сообразно съ ихъ общественнымъ положеніемъ и ихъ происхожденіемъ. Однимъ назначилъ пенсію, другимъ почетныя мѣста въ военной службѣ, а-остальныхъ, и такихъ было большинство, онъ поселилъ во вновь устроенномъ городѣ, близъ Филиппополя, названномъ по имени императора: Алексіополь; онъ построилъ здѣсь для новообращенныхъ дома, отрѣзалъ имъ пахотной земли, насадилъ виноградники и особымъ юридическимъ актомъ утвердилъ подаренное за владѣльцами и ихъ потомствомъ на вѣчныя времена. Наиболѣе упорными оказались трое павликіанъ; они не думали поддаваться убѣжденіямъ Алексѣя. Ихъ приказалъ онъ отправить въ Константинополь и дать имъ жительство близъ дворца. Когда императоръ изъ Филиппополя возвратился въ столицу, онъ снова принялся за увѣщанія этихъ трехъ непреклонныхъ павликіанъ. Императору удалось одержать побѣду только надъ однимъ изъ нихъ; двое не внимали увѣщаніямъ императора и были брошены въ темницу, гдѣ и умерли ¹⁾. —

---

¹⁾ Annae Comn. Alexias. Lib. XIV. Migne Gr. tom. 131, p. 1104—1110.

Такъ боролся Алексѣй съ павликіанами. Образъ дѣйстванія императора конечно заслуживаетъ похвалы, но не во всемъ; остается непонятнымъ: за что награждены оставшіе свое заблужденіе павликіане и почему поступлено такъ строго съ двумя болѣе ожесточенными еретиками?

Не столь удачно была борьба Алексѣя Комнина съ другими только что явившимися еретиками; говоримъ о Богомилахъ, которые по своимъ воззрѣніямъ были родственны съ павликіанами. Богомилство въ концѣ XI и началѣ XII вѣка распространяется въ Константинополѣ между мірянами и духовенствомъ и проникаетъ даже въ сферу аристократическихъ фамилій, но распространяется тайно. Это обезпокоиваетъ императора. Онъ хочетъ разузнать: въ чемъ состоитъ новое ученіе, и вступать въ борьбу съ ересью. Ему удается узнать, что главой этихъ еретиковъ въ Константинополѣ одинъ монахъ, бывший прежде врачомъ, по имени Василиій. Императоръ съ умысломъ призываетъ его тайно во дворецъ, оказываетъ ему всякія почести, раздѣляетъ съ нимъ свою царскую трапезу, открываетъ ему, что будто онъ самъ хочетъ перейти въ общество, образованное Василиємъ, и для этого желаетъ знать подробности богомильскаго ученія. Василиій сначала недовѣрчиво относится къ этимъ признаніямъ Алексѣя, а потомъ настолько поддается, что рассказываетъ ему касающееся ереси. Между тѣмъ императоръ посадилъ въ то же время за занавѣсъ скорописца, который всѣ рѣчи Василия занесъ въ протоколъ. Каково же было изумленіе Василия, когда императоръ вдругъ отдергиваетъ занавѣсъ, и глазамъ Василия представляется цѣлое собраніе высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ Константинополя; во главѣ первыхъ былъ патріархъ Николай. Еретика предъявленъ былъ протоколъ, въ которомъ съ точностію были записаны его признанія. Василиій не отказался отъ своихъ словъ и объявилъ, что онъ за свое ученіе готовъ умереть. Еретикъ брошенъ былъ въ темницу. Множество народа изъ всѣхъ сословій по соприкосновенности къ ереси также было арестовано. Изъ арестованныхъ одни сознались, что они дѣйствительно принадлежатъ къ ереси, а другіе заперлись. Чтобы отдѣлить виновныхъ отъ

невинныхъ, Алексѣй употребляетъ слѣдующую хитрость: онъ назначаетъ торжественное собраніе всѣхъ лицъ высшихъ сословій на открытой площади; посреди собранія былъ устроенъ тронъ для самаго императора; сюда онъ велѣлъ привести всѣхъ арестованныхъ, но не сознающихъ въ принадлежности къ тайному обществу, еретиковъ. Въ то же время устроены и зажжены два большихъ костра, надъ однимъ изъ нихъ былъ поставленъ крестъ; а на другомъ — нѣтъ. Нужно знать, что богомилы отвергали почитаніе креста. Когда все было готово, императоръ объявилъ обвиняемымъ: „такъ какъ нѣтъ возможности отдѣлить правыхъ отъ неправыхъ, то я рѣшилъ всѣхъ васъ сжечь. Тѣ, кто желаетъ умереть православными, должны приблизиться къ костру, надъ которымъ утвержденъ крестъ“. Послѣ того, какъ произошло дѣленіе осужденныхъ на двѣ партіи, изъ чего императоръ могъ съ безошибочностію заключать: кто изъ предстоящихъ былъ дѣйствительно приверженъ къ ереси и кто нѣтъ, Алексѣй отпустилъ на свободу желавшихъ умереть съ крестомъ, признавая ихъ православными, а остальныхъ снова заключилъ въ темницу. Затѣмъ императоръ, при помощи патріарха, употребляетъ всѣ усилія къ обращенію заблуждающихся; относительно нѣкоторыхъ это дѣйствительно удалось императору. Упорныхъ Алексѣй продолжалъ держать въ темницѣ, а главу богомиловъ монаха Василія приказалъ сжечь на кострѣ ¹⁾. Казнь произошла уже по смерти Алексѣя, въ 1119 году. — Конечно, едва ли кто похвалитъ Алексѣя Комнина, который въ настоящемъ случаѣ ревность къ церкви проявлялъ въ коварствѣ и безцѣльной жестокости. При этомъ мы должны припомнить, что къ такимъ страннымъ мѣрамъ не прибѣгали въ лучшую пору жизни церкви, наприм. въ IV, V-мъ вѣкахъ.

Близко интересуясь состояніемъ дѣлъ церковныхъ, императоръ Алексѣй заявлялъ себя изданіемъ цѣлаго ряда новеллъ, которыми онъ старался достигнуть церковнаго благоустройства. Въ этомъ случаѣ опять нельзя не находить

---

¹⁾ Annae Comn. Alexias. Lib. XV. Migne, p. 1167—1186. Zonarae. Annales Lib. XVIII, cap. 23. Migne. Gr., tom. 135, p. 305.

нѣкоторой параллели между Юстиніаномъ и этимъ императоромъ. Хотя Алексѣй въ одной изъ своихъ новеллъ, съ которой онъ обращается къ патріарху и синоду, и называетъ себя по сравненіи съ патріархомъ и синодомъ „менѣе разумнымъ, чѣмъ они“, когда дѣло идетъ о благоустройствѣ церкви ¹⁾, но это не мѣшаетъ ему въ дѣйствительности говорить съ патріархомъ и епископами въ новеллахъ такъ, какъ будто бы онъ былъ равенъ имъ или даже выше ихъ по значенію и авторитету въ дѣлахъ церкви. Познакомимся съ содержаніемъ нѣкоторыхъ новеллъ Алексѣя. Особенное вниманіе обращаетъ на себя новелла, изданная этимъ императоромъ въ 1107 году и имѣющая цѣлю регулировать избраніе какъ епископовъ, такъ и прочихъ клириковъ ²⁾. Императоръ даетъ знать въ этой новеллѣ, что много безпорядковъ вкралось въ сословіе духовенства; онъ даже рѣшается сказать, что „христіанская церковь доведена до опаснаго положенія, поскольку іерархическій чинъ ежедневно приходитъ все къ худшему и худшему состоянію“. Императоръ, почитая себя какъ бы высшимъ блюстителемъ церковныхъ порядковъ, высказываетъ различныя вразумленія по адресу іерарховъ и даетъ ясно понимать, что ихъ дѣятельность не соответствуетъ высотѣ ихъ призванія. Въ новеллѣ нѣтъ какихъ-либо новыхъ предписаній относительно избранія епископовъ, но тѣмъ больше настойчивыхъ и довольно новыхъ указаній относительно прочихъ клириковъ. Императоръ не одобряетъ того, что при избраніи клириковъ и дальнѣйшемъ возвышеніи ихъ въ церковныхъ степеняхъ не обращается вниманія на достоинства ихъ жизни и церковно-учительныя способности. Онъ порицаетъ обыкновеніе, по которому движеніе въ пріобрѣтеніи высшихъ должностей опредѣляется старшинствомъ службы, а не дѣйствительными заслугами. Лицъ, занимающихъ опредѣленные церковныя степени, но не показывающихъ себя достойными этого положенія, императоръ прямо предписываетъ лишать ихъ

¹⁾ Alexii Comneni novella de electionibus. Migne, Gr., tom. 127, p. 945.

²⁾ Вотъ полное заглавіе новеллы: Novella lex imperatoris Alexii, sanciens de electionibus, qualesque esse oporteat qui per orbem sunt pontifices, itemque sacerdotes, in provinciis, metropolibus et episcopalibus. Ibidem.

должностей. Такъ какъ новелла обращаетъ особенное вниманіе на способность лицъ, принадлежащихъ клиру, къ учительству церковному, то здѣсь довольно мѣста удѣляется вопросу о церковныхъ учителяхъ. Законодатель подробно регламентируетъ положеніе этихъ послѣднихъ. Императоръ назначаетъ имъ опредѣленное жалованіе, онъ поощряетъ ихъ къ принятію сана іерейскаго, выражая при этомъ сожалѣніе, что не у всѣхъ учителей есть стремленіе занимать церковныя степени; онъ настойчиво указываетъ, что монахи не должны быть предпочтительно предъ лицами мірскими избираемы въ учителя церковные, разъясняя, что мірянинъ въ этомъ случаѣ ни въ чемъ не уступаетъ монаху, если первый обладаетъ несомнѣнными способностями къ прохожденію должности учителя ¹⁾. Есть новелла, которою императоръ хочетъ защитить право хартофилаксовъ отъ притязаній нѣкоторыхъ архіереевъ. Нѣкоторые архіереи, проживавшіе въ Константинополѣ, вмѣсто того, чтобы жить въ своихъ епархіяхъ, — изъ честолюбія пришли къ мысли, что хартофилаксу непристойно возсѣдать вмѣстѣ съ епископами въ синодѣ; они хотѣли дать ему какое-то особое, менѣе почетное мѣсто на соборѣ. Императоръ рѣшилсѣ ограничить такое притязаніе. Онъ доказываетъ, что хартофилаксы засѣдаютъ наравнѣ съ епископами въ синодѣ по древнимъ правиламъ. И какъ бы въ наказаніе архіереямъ, позволившимъ себѣ несправедливыя домогательства, императоръ даетъ распоряженіе, чтобы провинціальныя архіереи, проживавшіе въ столицѣ, выѣхали въ свои епархіи для исполненія своего прямого пастырскаго долга ²⁾. Въ числѣ новеллъ встрѣчаемъ и такую, которою частію подтверждается, частію вновь узаконяется размѣръ сбора, получавшагося епископомъ съ своихъ пасомыхъ въ виду его матеріальнаго обезпеченія (издана въ 1086 г.). Трудно сказать, чѣмъ вызванъ этотъ законъ — тѣмъ-ли, что епископы старались получать отъ пасомыхъ больше опредѣленнаго, или же тѣмъ, что пасомые неусердно вносили

¹⁾ Ibid. p. 945—968.

²⁾ Novella de chartulario. Migne, ibidem, p. 968—972.

известную плату въ пользу епископа. Возможно, что законодатель имѣетъ въ виду случаи и того и другого рода. Епископъ, по новеллѣ Алексѣя, получаетъ известную плату отъ пасомыхъ, какъ деньгами, такъ и натурой. Размѣры сбора довольно значительны, если принять во вниманіе разнообразіе вносимаго въ качествѣ подати архіереемъ. Въ той же новеллѣ опредѣленъ размѣръ платы, вносимой въ пользу архіерея известнымъ лицомъ, посвящаемымъ во священники. Такое лицо обязывалось платить архіерею семь золотыхъ монетъ: одну, когда архіерей дѣлаетъ его чтецомъ (или: *ἀγὼν παλαῖν* ?), три при посвященіи во діакона и еще три при посвященіи во священника ¹⁾. Другія новеллы Алексѣя имѣютъ въ виду расширить власть и вліяніе патріарха Константинопольскаго, наприм. подчиненіемъ его вѣдѣнію всѣхъ монастырей со включеніемъ монастырей, принадлежащихъ другимъ епархіямъ, и такъ называемыхъ царскихъ; частію обезопасить церковныя драгоцѣнности отъ незаконнаго ихъ употребленія въ цѣляхъ мірскихъ ²⁾; частію уравнивать права высшей церковной и государственной власти при рѣшеніи вопроса о возведеніи епископіи на степень митрополіи ³⁾ и т. д.

Болѣе смѣлымъ и рѣшительнымъ, чѣмъ императоръ Алексѣй Комнинъ, является въ своихъ отношеніяхъ къ религіи и церкви второй преемникъ его, ⁴⁾ *Мануилъ Комнинъ*. Ни-

¹⁾ Alexii. De canonico et consuetudinibus, quae ordinationibus nomine dantur, deque benedictione nuptiarum — aureae bullae sanctio. Migne, tom 127, p. 925—7.

²⁾ Случай, по поводу котораго изданъ этотъ указъ, подробно разсказанъ въ нашихъ „Очеркахъ Византійско-восточной церкви IX—XI в.“, стр. 65—8. Сл. профес. Успенскаго. Очерки по исторіи византійской образованности. Стр. 198—201. Спб., 1891.

³⁾ Всѣ эти новеллы можно находить у Миня, въ 127 томѣ. Кромѣ того первая изъ нихъ помѣщается въ „Правила съ толков.“ I, 883—886.

⁴⁾ Первымъ преемникомъ Алексѣя былъ сынъ его *Іоаннъ Комнинъ*, но объ его отношеніи къ церкви нельзя сказать ничего опредѣленнаго, за недостаткомъ прямыхъ фактовъ въ подобномъ родѣ. Нѣмецкій ученый Остеръ (Oster, Anna Komnena. Theil I, S. 60—61) утверждаетъ, что Іоаннъ не былъ чуждъ симпатій къ папизму и былъ главой партіи на Востокѣ, расположенной къ соглашенію съ Западной, тогда уже отпадной отъ союза съ Востокомъ, церковію; но это мнѣніе Остера едва ли справедливо. Пихлеръ, анализируя письма Іоанна къ папѣ Гонорію второму, замѣчаетъ, что письма эти едва ли были пріятны для папской куріи (Pichler I, 286—7). А.

кита Хоніатъ, приступая къ описанію многихъ богословскихъ споровъ, которые во времена Мануила открывались, этимъ императоромъ поднимались или имъ поддерживались, пишетъ: „для большей части Византійскихъ императоровъ рѣшительно невыносимо только повелѣвать государствомъ, ходить въ золотѣ, пользоваться общественнымъ достоинствомъ, какъ своимъ. Они считаютъ для себя крайнюю обиду, если ихъ не признаютъ мудрецами, людьми, подобными богамъ по виду, богамудрыми подобно Соломону, богодухновенными руководителями, вѣрнѣйшимъ правилѣмъ изъ правилъ, однимъ словомъ: непогрѣшимыми судьями дѣлъ Божескихъ и людскихъ. Поэтому вмѣсто того, чтобы предоставить обличеніе людей неразумныхъ и дерзкихъ, вводящихъ новое и неизвѣстное въ церкви ученіе, вмѣсто того, чтобы предоставить это тѣмъ, кто по своему призванію должны знать и проповѣдывать о Богѣ (т. е. іерархамъ), они отнюдь не желая и въ этомъ случаѣ занимать второе мѣсто, сами бывають въ одно и тоже время и провозвѣстниками догматовъ и ихъ судьями и установителями, а часто и карателями тѣхъ, кто съ ними не соглашается. Такимъ же былъ, говоритъ историкъ, и императоръ Мануиль. Онъ сочинялъ проповѣди (такъ называемыя *οὐλοῦσις*) и читалъ ихъ вслухъ всѣхъ (въ своемъ дворцѣ). А впоследствии продолжая идти этимъ путемъ, онъ дошелъ и до существеннѣйшихъ христіанскихъ догматовъ и началъ разсуждать о нихъ. Представляясь часто недоумѣвающимъ, онъ предлагалъ вопросы изъ св. Писанія, доискивался ихъ рѣшенія, собиралъ и спрашивалъ всѣхъ, кто отличался ученостію. Но и за это его еще можно было бы похвалить, еслибы простирая такъ далеко свою пытливость, онъ вовсе не касался, говорить Никита, непостижимыхъ догматовъ, или даже и касаясь ихъ, не былъ упоренъ въ своихъ мысляхъ и не перетолковывалъ во многихъ случаяхъ смысла св. Писанія примѣнительно къ своимъ цѣлямъ и еслибы онъ не постановлялъ

помимо этихъ писемъ, мы ничего не знаемъ объ отношеніяхъ Іоанна къ Западной церкви. Вообще мнѣніе Остера есть ничто иное, какъ безосновательная догадка.

своихъ толкованій тамъ, гдѣ уже смыслъ опредѣленъ отцами,—какъ будто бы онъ, Мануилъ, всецѣло обнялъ своимъ умомъ Самого Христа, и отъ Него Самого совершеннѣе и яснѣе наставленъ во всемъ, что касается Христа¹⁾. Такой взглядъ на Мануила, за его отношенія къ церкви, высказываетъ свѣтскій писатель—Никита Хониатъ,—взглядъ, какъ само по себѣ понятно, очень не лестный для этого государя. Но существуетъ и другой взглядъ на Мануила, взглядъ отличный отъ сейчасъ приведеннаго, и принадлежащій лицу духовному и притомъ очень почтенному—Евстаею, митрополиту Θεσσαλονικίηскому, современнику Мануила. Евстаей пишетъ: „случалось, что Мануилъ при разсужденіяхъ по вопросамъ вѣры принималъ другую сторону, противоположную той, какой держались присутствующіе на собраніи, видоизмѣнялъ вопросъ, рассматривалъ предметъ обсужденій съ другой точки зрѣнія; дѣло получало иное направленіе, неожиданный оборотъ; неотразимая сила убѣдительности доводовъ государя скоро склоняла на его сторону и мысли слушателей. Эти послѣдніе одинъ за другимъ не только соглашались съ нимъ, но и всѣ наконецъ одобряли его сторону. Обсужденіе повидимому заканчивалось; цѣль собранія казалась достигнутой“. Но императоръ въ интересѣ обстоятельнаго уясненія дѣла „возвращался еще разъ къ рѣшенію того же вопроса, оставлялъ неожиданно свою и вмѣстѣ общую точку зрѣнія и снова принималъ другую сторону, снова взвѣшивалъ представленныя доказательства, строго разграничивалъ въ дѣлѣ вѣроятное, кажущееся отъ дѣйствительнаго, истиннаго, привносилъ нѣчто новое тамъ, гдѣ вопросъ казался исчерпаннымъ, и опять въ концѣ концовъ съ принудительною силой убѣдительности торжествовалъ побѣду“. Затѣмъ Евстаей прибавляетъ и тѣмъ поясняетъ сущность своей характеристики: „Мануилъ, замѣчаетъ этотъ писатель, не былъ подобенъ древнимъ греческимъ софистамъ, которые мало заботились объ уясненіи предмета рѣчи. Нѣтъ, онъ былъ философомъ, искателемъ истины и какъ бы искуснымъ музыкантомъ“. Этого мало.

1) Никиты Хониата. Исторія. Царствованіе Мануила, кн. VII, гл. 5.

Тотъ же самый Евстаѳій свидѣтельствуешь, что при рѣшеніи богословскихъ вопросовъ „никогда не случилось, чтобы послѣ Мануила, т. е. послѣ того, какъ онъ высказалъ свое мнѣніе по извѣстному вопросу,—чтобы послѣ него кто-либо могъ придумать что-либо лучшее“ ¹⁾. Очевидно, замѣчательный ученый XII вѣка Евстаѳій не согласенъ осуждать Мануила за его вмѣшательство и страсть къ богословскимъ спорамъ ²⁾. Не будемъ разбирать: кто правѣе—Никита или Евстаѳій во взглядѣ на Мануила; замѣтимъ одно: Мануила за иное можно дѣйствительно похвалить, а за иное и осуждать, если разсматривать безпристрастно его отношенія къ церкви. Что это такъ, объ этомъ лучше всего свидѣтельствуешь исторія богословскихъ споровъ при этомъ императорѣ. Обращаемся къ изложенію этихъ споровъ.

Въ пятидесятихъ годахъ XII вѣка возникаетъ въ Византійской церкви споръ о Евхаристіи, какъ жертвѣ. Именно о томъ, нужно-ли думать, что Евхаристія, какъ жертва, которая есть тѣло и кровь Христа, Сына Божія, приносится только Богу Отцу и Духу Святому или-же вмѣстѣ съ этими лицами она приносится и Сыну Божію, т.-е. всей пресв. Троицѣ? Вопросъ этотъ породилъ продолжительныя изслѣдованія, появилось раздѣленіе мнѣній, посыпались возраженія ³⁾. Поводъ къ возникновенію спора, по свидѣтельству Киннама, былъ неваженъ и случаенъ. Въ числѣ официальныхъ проповѣдниковъ въ Византіи былъ діаконъ Василій, человекъ, какъ кажется, завистливый и задорнаго характера. Онъ поставилъ себѣ цѣлю унижать двухъ очень видныхъ представителей учености: Михаила, протѣкдика Θεσσαλονικійскаго, по какому-то случаю проходившаго въ то время должность преподавателя риторики въ столицѣ и проповѣдника въ Софійскомъ храмѣ, и Никифора Василага, славившагося ученостію и извѣстнаго своими экзегетическими сочиненіями. Этихъ-то двухъ лицъ вышеназванный діаконъ

¹⁾ Eustathii metrop. Thessalon. Laudatio funebris Manuelis Comneni, cap. 13. Migne, Gr., tom. 135, p. 980—981.

²⁾ Нужно помнить впрочемъ, что рѣчь Евстаѳія, изъ которой приведена вышеназванная цитата, сказана была „въ память“ Мануила, уже по смерти его. Этимъ быть можетъ и уясняется тонъ рѣчи.

³⁾ Никиты Хоніат. Царствованіе Мануила, кн. VII, гл. 5.

Василій сдѣлалъ предметомъ своихъ нападокъ. Замѣчательно, что этотъ Василій поражалъ своихъ недруговъ не въ сочиненіяхъ какихъ-либо, и не въ разговорахъ, а именно въ проповѣдяхъ, какія онъ произносилъ по своей обязанности. По словамъ Киннама, діаконъ Василій, по возложенной на него обязанности, объясняя народу слово Божіе на различныхъ службахъ, „позволялъ себѣ въ этихъ бесѣдахъ наметать и прикровенно безчестить тѣхъ, кто хотя немного былъ съ нимъ не въ ладу“, и въ особенности такимъ способомъ старался язвить Михаила Θεσσαλονικійскаго и Никифора Василага¹⁾. Само по себѣ понятно, эти двое послѣднихъ задѣты были за живое выходками Василя, считали себя оскорбленными и униженными и старались отомстить обидчику. Они стали усердно посѣщать тѣ церкви, въ которыхъ приходилось проповѣдывать ему, слѣдили за каждымъ его словомъ, прислушивались „слухомъ лукавымъ“. Разъ имъ показалось, что Василій проводить въ сознаніе слушателей мнѣнія неправильныя. Именно, проповѣдуя въ Византійскомъ храмѣ евангелиста Іоанна, Василій говорилъ, что „одинъ и тотъ-же Сынъ Божій Христосъ и бываетъ жертвою (въ Евхаристіи) и вмѣстѣ съ Отцомъ пріемлетъ эту жертву“. Лица, обиженные Василямъ, схватились за эти слова его и, возвращаясь отъ службы, взаимными усиліями подвергли проповѣдь жесточайшей критикѣ; они находили, что Василій впадаетъ въ ересь; они говорили, что „если принести жертву, значитъ одно, а принять ее—другое, то Василій вводитъ двѣ ипостаси во Христа“. Ко мнѣнію критиковъ Василя присоединились и нѣкоторые другія лица и возгорѣлся споръ²⁾. Къ мнѣнію Михаила Θεσσαλονικійскаго и Никифора Василага присоединился между прочимъ Евстацій, епископъ Диррахійскій. Для точнѣйшаго уясненія вопроса и утвержденія церковнаго ученія по спорному пункту собранъ былъ въ Константинополѣ соборъ, въ январѣ 1156 года, въ присутствіи царя и патріарха Кон-

¹⁾ Киннама. Обзоръ царствованія Іоанна и Мануила. Кн. IV, гл. 16.

²⁾ Ibidem.

статина Хліарена¹⁾ На соборѣ высказано было два мнѣнія: одно принадлежало Михаилу Θεσσαλονικійскому и Евстаѣю Диррахійскому и состояло въ томъ, что, по ихъ воззрѣнію, Евхаристія приносится Отцу и Св. Духу, но не Сыну Божію, такъ какъ Христосъ принесъ себя въ жертву Отцу, а не Себѣ самому; а кто думаетъ иначе — утверждала эта партія богослововъ — тотъ вводитъ несторіанскую ересь, дѣлить единого Христа на два лица — на лице жертвующее и принимающее жертву. Большинство отцевъ собора было противъ этого мнѣнія²⁾. Это противоположное мнѣніе особенно хорошо раскрылъ на соборѣ новоназначенный митрополитъ Русн, конечно Грекъ, Константинъ; онъ доказывалъ, что крестная жертва Спасителя принесена не одному какому-либо лицу Божества, но цѣлому Божеству, слѣдовательно эта жертва принесена была нераздѣльной Троицѣ, и точно такимъ-же образомъ и ежедневно приносится Евхаристическая жертва. Большинство членовъ собора вполне согласилось съ разъясненіемъ митрополита Константина³⁾. Для подтвержденія этого ученія соборъ занимался изслѣдованіемъ писаній Св. Отцевъ и извлекъ отсюда два ряда свидѣтельствъ: въ однихъ святоотеческихъ свидѣтельствахъ доказывалось, что въ Евхаристіи приносится въ жертву истинный агнецъ Божій, Сынъ Божій, а въ другихъ свидѣтельствахъ найдено было ученіе, что Сынъ Божій въ одно и то же время есть и жертва Богу и жертвующій и пріемлющій жертву. Въ послѣднемъ случаѣ рѣшающее значеніе имѣли слова Василя Великаго въ литургійной молитвѣ его: „ты еси приносяй, и приносимый и пріемляй“⁴⁾. Соборъ произнесъ анафему на защитниковъ противнаго мнѣнія, кто бы они ни были, если

¹⁾ Synodus Graecae ecclesiae de dogmate circa illa verba: tu es qui offer et qui offerentis, et qui resipis et cet.—Maii. Spicilegium Romanum. Tom. Romae, 1844.

²⁾ Ibidem, p. 1—2.

³⁾ Ibidem, p. 18—21, 65.

⁴⁾ Ibidem, p. 26—58. Впрочемъ приведены были не одна свидѣтельства св. Отцевъ; наприм. встрѣчаемъ цитаты изъ сочиненій Козьмы Индикоплевста и даже „силлогизмъ великаго друнгарія Стефана“ — византійскаго самовника, присутствовавшего на соборѣ.

они остаются при своемъ мнѣніи ¹⁾. — Но споры на этомъ не прекратились. Вскорѣ ко мнѣнію, осужденному соборомъ, присоединилось очень видное и ученое лице. Это Сотирихъ Пантевгенъ, діаконь Софійской церкви, человекъ престоарѣльный и уважаемый, только что назначенный ²⁾ на видное мѣсто—патріарха Антиохійскаго. Этотъ Сотирихъ издалъ сочиненіе, прекрасно написанное въ формѣ Платоновскаго діалога; въ сочиненіи доказывалось неистинность ученія церкви по спорному вопросу, какъ это ученіе было выражено на соборѣ ³⁾ Сотирихъ своимъ сочиненіемъ произвелъ большое волненіе въ Константинополѣ. Вотъ нѣсколько мыслей Сотириха: защитники церковнаго ученія говорили: если жертва приносится Божеству Отца, а оно есть и Божество Единороднаго Сына, то что мѣшаетъ говорить, что жертва приносится и Божеству Единороднаго? На это Сотирихъ отвѣчалъ: „конечно, мы признаемъ божество нераздѣльнымъ въ трехъ лицахъ. Но мы утверждаемъ, что приношеніе было не естеству Отца, а ипостаси Отца, такъ что и приносящій—принесъ ипостасно (лично) и пріемлющій—принялъ не иначе, какъ ипостасно. Потому вдвойнѣ погрѣшаемъ, когда и нераздѣльную природу съ вашей точки зрѣнія раздѣляемъ (что дѣлаютъ несторіане) и природамъ приписываемъ свойства ипостасей. Кромѣ того, если на томъ основаніи, что у Отца и Сына природа общая, обще и принятіе жертвы, то необходимо слѣдуетъ, что и воплощеніе обще обоимъ“ (Отцу и Сыну) ⁴⁾ и т. д. Въ диспутахъ съ Сотирихомъ принималъ участіе и самъ императоръ Мануилъ ⁵⁾. Появились сочиненія противъ Сотириха. Такъ по этому случаю было издано сочиненіе извѣстнымъ богословомъ послѣдняго періода Византійской имперіи—Николаемъ, епископомъ Ме-

¹⁾ Ibid., 25. Отказались отъ своего мнѣнія Михаилъ Θεσσαλονικійскій и Евстацій Дирахійскій, послѣдній послѣ замѣтнаго колебанія. Ibidem, 22—24.

²⁾ Но еще не рукоположенный. Киннамъ, IV, 16.

³⁾ Діалогъ Сотириха напечатанъ въ томъ-же томѣ Spicilegium Romanum, въ актахъ разбираемаго собора, р. 3—15. Отзывъ о достоинствахъ діалога у Киннама: IV, 16.

⁴⁾ Pag. 11—12.

⁵⁾ Киннамъ. IV, 16.

тонскимъ ¹⁾. — Императоръ рѣшилъ собрать новый соборъ въ Константинополѣ. Этотъ соборъ происходилъ въ 1158 году ²⁾, 12 и 13 мая, во Влахернскомъ дворцѣ, въ присутствіи императора. Это былъ торжественный соборъ. На немъ присутствовали двое патріарховъ: Константинопольскій — Лука Хризвергъ — и Іерусалимскій, архіепископы Болгарскій и Кипрскій, многіе епископы, временно пребывавшіе въ Константинополѣ (а такихъ здѣсь было всегда много со времени завоеванія нѣкоторыхъ восточныхъ провинцій Сарацинами), высшіе сановники государства ³⁾. Побужденіемъ къ созванію собора акты собора указывали то, что нѣкоторые свящ. лица, какъ относительно крестной жертвы Христа, такъ и евхаристической жертвы, открыто высказываютъ такіа мысли, которыя противорѣчатъ правой вѣрѣ. Высшіе представители собора, двое патріарховъ, архіепископы болгарскій и кипрскій уже напередъ объявили, что они согласны съ опредѣленіями собора 1156 года, въ которыхъ выражена мысль, что жертва приносится всей нераздѣльной Троицѣ. Тогда императоръ Мануилъ потребовалъ, чтобы всѣ участники собора духовнаго сана до послѣдняго діакона были спрошены, какъ они думаютъ касательно спорнаго вопроса. Всѣ выразили свое согласіе со взглядомъ патріарховъ. Исключеніе представляли Никифоръ Василакъ, одинъ изъ первыхъ виновниковъ спора, повидимому носившій санъ діакона — и извѣстный Сотирихъ ⁴⁾. Сотирихомъ соборъ особенно занялся. Этотъ избранникъ въ патріархи, видя единогласное мнѣніе собора, пришелъ въ смущеніе, но не тотчасъ уступилъ. Онъ то просилъ времени для размышленія, то вступалъ въ пренія съ членами собора, стараясь защитить свое мнѣніе. Долго ли продолжалось бы такое не-

¹⁾ Ароснія архим. „Николай Метонскій и его сочиненія“. Христ. Чтен. 1883, т. I, стр. 309 и дал. Dräseke. Zu Nicolaos von Methone: Zeitschrift für Kirchengesch. B. IX, S. 428 (Gotha, 1888).

²⁾ До послѣдняго времени всѣ ученые думали, что соборъ этотъ происходитъ въ 1156 году, но Dräseke (op. cit. S. 418—421) основательно доказалъ, что соборъ собирався въ 1158 году.

³⁾ На соборѣ, кромѣ высшихъ духовныхъ особъ, присутствовали разныя Палеологи, Комнины, Кантакузины, Ангелы и пр. Synodus et cet. p. 58—62.

⁴⁾ Synodus, p. 71—2.

опредѣленное положеніе—неизвѣстно, если бы не выступилъ на сцену императоръ Мануилъ, ловкій спорщикъ и человѣкъ значительнаго богословскаго образованія. Императоръ выступаетъ жаркимъ защитникомъ соборнаго мнѣнія и Сотирихъ не счелъ возможнымъ вести неравную борьбу съ авторитетнымъ полемистомъ; онъ не только отказался отъ своего воззрѣнія, но и осудилъ собственное сочиненіе. Но эта уступчивость не спасла Сотириха. По инициативѣ императора соборъ осудилъ его: Сотирихъ не только признанъ недостойнымъ занять патріаршій престолъ, но и лишенъ былъ всякой священной должности¹⁾. На слѣдующій день 13 мая происходило второе и послѣднее засѣданіе собора. Рѣшено было торжественно прочесть на немъ опредѣленія предыдущаго засѣданія. Сочли нужнымъ пригласить сюда и Сотириха. Къ этому послѣднему отправлена была депутація съ письменнымъ приглашеніемъ явиться на соборъ. Въ пригласительной запискѣ между прочимъ говорилось: „еще вчера императоръ назначилъ въ нынѣшній день всѣмъ присутствовать на соборѣ и нынѣ онъ сидитъ на своемъ престолѣ, ожидая твоего прибытія“. Но Сотирихъ не пошелъ на соборъ. Этотъ болѣе чѣмъ шестидесятилѣтній старецъ, разбитый нравственно, въ лихорадкѣ лежалъ на своемъ одрѣ — и отказался идти на соборъ. Соборъ въ отсутствіи Сотириха сдѣлалъ, что нужно было. И всѣ присутствующіе подписали низложеніе Сотириха²⁾.

Никита Хоніатъ недоволенъ Мануиломъ за его участіе въ этомъ спорѣ³⁾. Онъ старается доказать, что и самыя сти-

¹⁾ Ibidem. p. 73—78. Нѣкоторые изъ членовъ собора не захотѣли однакожь теперь же подписать осужденія Сотириха, требуя болѣе тщательнаго разсмотрѣнія дѣла — такими были митрополиты: Иракійскій, Клязическій, Θεσσαλονικійскій, Кесарійскій, Филиппійскій, Лаодикійскій (p. 83). Впослѣдствіи впрочемъ и они дали свою подпись (на засѣданіи собора 13 мая).

²⁾ Ibid. p. 83—88. Изъ архіерейскихъ подписей подъ дѣяніями собора выдѣляется подпись архіепископа Кипрскаго. Этотъ архіерей хотя и подписываетъ дѣянія собора, но заявляетъ протестъ по тому поводу, что къ униженію его достоинства его заставили подписаться послѣ архіепископа Болгарскаго (судя потому, что Болгарскій архіепископъ названъ Іоанномъ Комнинимъ, можно думать, что онъ былъ родня императору и что ради этого родства его и предпочли архіепископу Кипрскому), p. 89.

³⁾ Свѣдѣнія касательно этого спора и въ особенности касательно Сотириха можно находить въ книгѣ Θ. И. Успенскаго: „Очерки по исторіи византійской образованности“, стр. 215—224.

хи, по манію вышей таинственной руки, направлялись, хотя и безуспѣшно, къ тому, чтобы вразумить императора, бравшагося не за свое дѣло. Онъ рассказываетъ, что когда Мануилъ съ нѣкоторыми своими совѣтниками рѣшалъ дѣло о томъ, чтобы разсмотрѣніе богословскаго спора передать собору, вдругъ раздался страшный громъ, такъ что иные изъ присутствовавшихъ попадали. Никита добавляетъ, что этотъ случай далъ поводъ какому-то тогдашнему чернокнижнику — погадать на какой-то таинственной книгѣ о значеніи явленія и что таинственная книга будто отвѣтила: *паденіе мудрыхъ*, т. е. нужно ожидать паденія мудрыхъ. Историкъ съ своей стороны пишетъ: „и точно умнѣйшіе люди того времени были извержены изъ церкви“ (разумѣются Сотирихъ и другіе) ¹⁾. Иначе смотреть на участіе Мануила въ разбираемомъ спорѣ видный богословъ того времени Николай Метонскій. Онъ прославляетъ царя, какъ искуснаго врача, который дѣлаетъ въ нужное время спасительную операцію ²⁾. Кто-же изъ этихъ лицъ правѣе — Никита или Николай Метонскій? По нашему сужденію и тотъ и другой — не правы. Можно сказать одно: Мануилъ держалъ себя прилично въ теченіе спора. Не хорошо только то, что съ несчастнымъ Сотирихомъ, безъ сомнѣнія, по инициативѣ императора, поступлено слишкомъ жестоко; забыто мудрое правило: повинную голову мечъ не караетъ.

Другой еще болѣе замѣчательный споръ возгорѣлся въ Византіи спустя 5 или 6 лѣтъ отъ начала предыдущаго: „о славѣ Христовой“. Дѣйствующимъ лицомъ въ немъ былъ самъ императоръ Мануилъ. Споръ касался того, какъ понимать изреченіе Христа: „*Отецъ болѣе Мене есть*“ (Іоанн. 14, 28). Поводомъ къ происхожденію спора было слѣдующее: нѣкто Димитрій, человѣкъ имѣвшій незначительное общее образованіе, но не чуждый релігіозныхъ познаній, возмнилъ себя богословомъ, началъ разсуждать по вопросамъ богословскимъ или, по выраженію Киннама „болтать до

¹⁾ Царствованіе Мануила, VII, 5.

²⁾ Gräke (op. cit.). S. 422. Евстацій Θεσσαλονικійскій также находитъ, что своимъ участіемъ въ вышеизложенномъ спорѣ Мануилъ засвидѣтельствовалъ о принадлежащей ему мудрости (Laudatio funebris Manu-
elis, cap. 37).

безконечности“. Этотъ самый Димитрій нерѣдко былъ отправляемъ посломъ на Западъ и каждый разъ возвращался оттуда съ запасомъ богословскихъ новостей или—какъ выражается Киннама—съ „сильнымъ нравственнымъ насморкомъ“. Однажды побывавъ по своимъ обязанностямъ въ Германіи, онъ вывезъ оттуда обвиненіе на западную церковь, что будто бы въ ней учили, что „одинъ и тотъ же Сынъ Божій и меньше и равенъ Раждающему Его Богу-Отцу“. Очевидно, Димитрій что-то перетолковалъ по своему. Онъ сталъ доказывать въ Византіи, что на Западѣ появилась ересь, вступалъ съ византійцами въ собесѣдованіи по этому поводу, наконецъ даже написалъ какую-то книгу и представилъ ее императору. Въ чемъ заключалось собственное мнѣніе Димитрія—сказать трудно. Мануилъ не одобрилъ книги Димитрія, потому-ли, что она заключала вздоръ, или же потому, что императоръ не желалъ новаго разгара богословскихъ споровъ—неизвѣстно. Императоръ сказалъ новому богослову Димитрію: „если можно скрыть эту книгу въ землю, то немедленно закопай ее, чтобы не сдѣлаться тебѣ виновникомъ гибели многихъ. Но Димитрій на этомъ не успокоился. Онъ сдѣлался еще смѣлѣе, читалъ свое сочиненіе какъ отдѣльнымъ лицамъ, такъ и въ собраніяхъ, даже вошелъ въ сношенія со многими архіереями и другими духовными лицами. Вслѣдствіе этого споръ „сдѣлался общимъ и чрезвычайно усилился, такъ что тогда не было никого, кто ни говорилъ бы и ни дѣлалъ изслѣдованій по этому предмету, съ какой бы сторонѣ спорящихъ не принадлежалъ“¹⁾. По связи указаннаго Димитріемъ западнаго ученія съ текстомъ: „Отецъ болій Мене есть“ всѣ изысканія именно и обратились на разъясненіе этого текста. Образовалось въ Византіи нѣсколько партій, не сходявшихся одна съ другой

1) Киннама, VI, 2. Въ сохранившихся до насъ актахъ собора, бывшаго по поводу разсматриваемаго спора, говорится слѣдующее о волненіи умовъ: любопытность охватила не только епископовъ, но и монаховъ; проникла въ среду сановниковъ, сенаторовъ и всѣхъ придворныхъ; мало того: проникла въ массы народа. Составлялись партіи. Споры слышались на улицахъ, большихъ дорогахъ, узкихъ проходахъ—ведя въ домахъ. *Май. Scriptorum veterum nova collectio, tom. IV, Romae, 1831: Synodus, habita propter illum dictum: „quia Pater meus maior Me est“, p. 2. 4.*

въ воззрѣніяхъ на спорный пунктъ. Такихъ партій было не меньше пяти. Одни думали, что Отецъ называется большимъ Сына *только* потому, что Отецъ есть принципъ Сына, причина его вѣчнаго рожденія. Эта партія осылалась, въ доказательство своего воззрѣнія на многія мѣста изъ Отцевъ церкви, которые въ этомъ именно смыслѣ понимали спорное евангельское изреченіе. Другіе изслѣдователи вопроса, составлявшіе вторую партію, не соглашались съ такимъ рѣшеніемъ и говорили: Христосъ меньше Бога Отца не только потому, что Отецъ виновникъ Сына, но и потому, что Христосъ почиталъ себя меньшимъ Отца, принимая во вниманіе свою человѣческую природу. Эти двѣ партіи стали господствующими. Онѣ жарко нападали одна на другую, обзывая другъ друга именемъ еретиковъ. Последнюю партію честили наименованіемъ несторіанъ, такъ какъ она раздѣльно приписывала меньшинство Сыну предъ Отцемъ — и по божеству и по человѣчеству. Первую же партію, которая находила, что Отецъ *болій* Сына *только* по божеству, именовали противники ея монофизитскою, такъ какъ эта партія будто бы допускала одно божеское естество во Христѣ. Рядомъ съ этими двумя главными партіями появились еще третья, четвертая и пятая. Третья партія доказывала, что Христосъ употребилъ выраженіе: „Отецъ болій мене есть“ только въ отношеніи къ Его самоуничиженію, поскольку Онъ, пребывая въ лонѣ Отца, вошелъ во чрево Маріи Богородицы. Четвертая партія спорное евангельское изреченіе относила только къ человѣческой природѣ Христа. Защитники этого мнѣнія говорили, что Христосъ, произнося слова: „Отецъ болій Мене есть“, въ мысли своей раздѣлялъ Божество и человѣчество Свое и лишь къ человѣчеству относилъ свое меньшинство предъ Отцемъ. Наконецъ, какъ мы сказали, была и пятая партія. Она раскрывала мысль, что Христосъ, говоря тѣже слова, имѣлъ въ виду не собственное лицо, а говорилъ лишь какъ представитель всего человѣчества вообще, подобно тому, какъ Онъ говорилъ въ этомъ же смыслѣ: „Боже, Боже мой, вскую мя оставилъ“ ¹⁾.

¹⁾ Mali. Ibidem, p. 3—4. 68. 78 et cet.

Императоръ Мануиль, разумѣется, не остался въ сторонѣ отъ этихъ споровъ. Онъ дѣятельно участвовалъ въ нихъ ¹⁾. Онъ былъ вождемъ той партіи, которую мы назвали второю и которая утверждала, что Сынъ меньше Отца, такъ какъ Отецъ виновникъ вѣчнаго рожденія Сына, и такъ какъ Сынъ сдѣлался человѣкомъ. Это мнѣніе Мануиль считалъ своимъ собственнымъ мнѣніемъ, и возможно, что оно обязано ему своимъ происхожденіемъ. Онъ крѣпко держался за него, не хотѣлъ ни на шагъ отъ него отступить. Императоръ рѣшительно объявлялъ: „мнѣ надобно крѣпко держаться высказываемаго мною ученія, да я думаю, и не легко кому-либо отклонять меня отъ него“. Тотъ-же Мануиль при другомъ случаѣ объявлялъ, обращаясь къ остальнымъ партіямъ по вопросу: „вооружайтесь, постарайтесь сразиться со мною,—со мною, выступающимъ противъ васъ всѣхъ,—сразитесь не силою рукъ, а дѣйственностію слова“ ²⁾. Очевидно, партія царя сначала была очень малочисленна. Императоръ пожелалъ однако доставить торжество принятому имъ ученію надъ остальными толками. Съ этою цѣлію онъ тщательно собираетъ изреченія отеческія, которыя такъ или иначе подтверждали его ученіе, именно свидѣтельства Аѳанасія Великаго, Василия Великаго, Григорія Богослова, Златоуста, Амвросія, Августина и т. д. ³⁾ и разсылаетъ этотъ сборникъ изреченій патріархамъ и епископамъ. Съ тою же цѣлію онъ вступаетъ со многими богословами въ личные словопренія и старается, пользуясь своею ученостію и диалектическою тонкостію, склонить ихъ въ пользу своего мнѣнія. Императоръ приглашалъ къ себѣ по-два, по-три, а иногда и болѣе своихъ противниковъ, входилъ съ ними въ собесѣдованія, и имѣя „языкъ изворотливый и сужденіе гибкое“, привлекалъ ихъ на свою сторону. Предъ иными изъ своихъ противниковъ онъ притворялся человѣкомъ въ высшей степени рѣвнующимъ объ истинѣ и говорилъ: „я одно только имѣю въ виду, какъ бы не оскорбить Бога; за Него я го-

¹⁾ Въ актахъ о немъ замѣчено, что желая уяснить себѣ вопросъ, Мануиль ночью не спалъ, а дни проводилъ въ размышленіяхъ. Pag. 36.

²⁾ Киннама, VI, 2.

³⁾ Maii, p. 5.

товъ тысячекратно терпѣть оскорбленія“. И такія слова конечно не оставались безъ должнаго вліянія. Когда всѣ подобныя средства не приводили къ цѣли, когда извѣстное духовное лицо оставалось непреклоннымъ въ своихъ воззрѣніяхъ, царь начиналъ грозить ему изверженіемъ изъ сана и т. д. Такимъ образомъ большинство духовенства оказалось на сторонѣ Мануила. Но нужно сказать, многіе присоединялись къ нему не искренно. Такъ, нѣкоторые хотя и не спорили много съ Мануиломъ, однако въ душѣ были увѣрены, что „если не теперь, то послѣ смерти—тамъ Мануиль будетъ непременно преданъ анаемѣ“¹⁾.

Но главнымъ средствомъ, помощію котораго Мануиль даетъ торжество своему мнѣнію надъ прочими, былъ соборъ, собранный императоромъ въ 1166 году, въ Константинополѣ. Въ этомъ соборѣ должны были принять участіе патріархи: Константинопольскій (Лука), Антиохійскій и Іерусалимскій, а также всѣ епископы, какіе только проживали въ Константинополѣ. Соборъ имѣлъ семь засѣданій. На первыхъ засѣданіяхъ предсѣдателемъ былъ самъ императоръ, окруженный принцами и дворомъ²⁾. Соборъ открылся 2 марта 1166 года. На первомъ³⁾ засѣданіи дѣятельность собора выразилась въ томъ, что каждый изъ епископовъ, за исключеніемъ патріарховъ, по одиночкѣ былъ спрашиваемъ: какъ понимаетъ онъ слова Господа: „Отецъ болѣе Мене есть“. Большая часть епископовъ, подъ давленіемъ императорскаго авторитета, высказала себя въ пользу мнѣнія, коему благопріятствовалъ Мануиль. Впрочемъ, нѣкоторые епископы, осмѣлились поддерживать и другія изъ прежде изчисленныхъ нами воззрѣній по вопросу, но они не держались за эти воззрѣнія настойчиво, а изъ предосторожности прибавляли, что они не отказываются принимать и другія толкованія отцевъ. Въ заключеніе дали свои объясненія трое патріар-

¹⁾ Киннама, VI, 2.

²⁾ На соборъ императоръ явился окруженный представителями лучшихъ фамилій: Дуки, Ватацы, Кантакузиновъ, Ангеловъ и т. д. Maii, p. 36—37.

³⁾ Въ актахъ подъ заголовкомъ: „первое засѣданіе“ указаны побужденія къ собору и описано все, что сдѣлано самимъ императоромъ для уясненія спорнаго дѣла. Изображеніе исторіи самого собора въ актахъ начинается съ описанія собственно второго засѣданія.

ховъ и прежде другихъ — Константинопольскій. Патріархи высказались въ смыслѣ мнѣнія Мануилова, т. е., что Христосъ называетъ Себя меньшимъ въ сравненіи съ Отцемъ по своей божественной природѣ, но *также* и по человѣческой природѣ. При этомъ патріархи потребовали, чтобы и другіе епископы, которые высказались нерѣшительно, прямо и безъ обиняковъ выразили свое мнѣніе по вопросу. Это требованіе повело къ тому, что всѣ епископы согласились съ императорскимъ воззрѣніемъ ¹⁾. Въ слѣдующее засѣданіе собора, подъ опредѣленіями его подписались императоръ Мануиль, три патріарха и 50 митрополитовъ и епископовъ ²⁾. На третьемъ засѣданіи въ виду того, что на ближайшее воскресенье падалъ извѣстный, установленный въ Греціи, въ память побѣды надъ иконоборцами, праздникъ Православія, положено было къ другимъ анаеematствованіямъ и возглашеніямъ вѣчной памяти, совершаемымъ въ этотъ день, присоединить новыя четыре опредѣленія, заключавшія въ себѣ или анаеему или возглашеніе вѣчной памяти тѣмъ партіямъ, которыя такъ или не такъ относились къ спорному вопросу. Положено было и на будущее время всегда читать эти опредѣленія въ недѣлю православія ³⁾. Дальнѣйшія дѣянія собора заключались въ слѣдующемъ: на одномъ изъ нихъ опредѣленіе провозглашена была анаеема противъ всѣхъ, кто не раздѣлялъ мнѣнія императора, именно объявлена была „анаеема всякому, кто бѣольшинство Отца предъ Сыномъ не относитъ *также* и къ человѣческой природѣ Сына ⁴⁾. На другомъ изъ засѣданій Никейскій митрополитъ Георгій за сопротивленіе возобладавшему мнѣнію подвергнутъ былъ запрещенію на годъ ⁵⁾. Мануиломъ изданъ былъ указъ, которымъ всѣ подданные императора подъ опасеніемъ наказаній обязывались слѣдовать соборному опредѣленію ⁶⁾. Объ этомъ Никита Хоніатъ говоритъ такъ: „утвер-

¹⁾ Maii, p. 40—54.

²⁾ Ibidem, p. 54—63.

³⁾ Ibidem, p. 63—67.

⁴⁾ Ibidem, p. 67—71.

⁵⁾ Ibidem, p. 92.

⁶⁾ Ibid., p. 75 — 85. Тотъ же указъ (Novella) отпечатанъ у Миня, въ 133 томѣ.

дивъ свое опредѣленіе, какъ пламеннымъ мечемъ, красною грамотою, угрожавшею смертію и отлученіемъ отъ церкви, тому, кто осмѣлится даже самъ про себя вникнуть въ этотъ предметъ, — не говоримъ уже о тѣхъ, кто сталъ бы явно противорѣчить и роптать, императоръ Мануилъ вслѣдъ за тѣмъ, по совѣту нѣкоторыхъ своихъ приверженцевъ и льстецовъ, вырѣзалъ это опредѣленіе на каменныхъ доскахъ и поставилъ ихъ въ софійской церкви¹⁾. — Рассказывая вкраткѣ этотъ споръ Никита Хониатъ сильно порицаетъ Мануила за участіе въ немъ, указывая въ императорѣ упорство и деспотическія поползновенія, и всякій согласится, что историкъ правъ. Но вотъ вопросъ: можно-ли похвалить византійскую іерархію, столь склонную слѣдовать постороннимъ внушеніямъ по вопросамъ богословскимъ?²⁾.

Третій замѣчательный богословскій споръ, возникшій и волновавшій Византійское общество при императорѣ Мануилѣ, составляетъ споръ о *богѣ Магометовомъ*. Это уже было подъ конецъ царствованія Мануила. Дѣло было такъ. Императору не нравилась и казалась подозрительною слѣдующая формула, которая находилась въ греческихъ требникахъ и которую должны были произносить обращенные отъ магометанства къ христіанству: „анаеема Богу Магометову, о которомъ Магометъ говоритъ, что Онъ есть Богъ *омосфиромъ*, что Онъ не раждаетъ и не рожденъ и Ему никто не подобенъ“. Мануилъ предложилъ уничтожить это формулу въ требникахъ: во 1-хъ потому, что анаеема на Магоме-

1) Царств. Мануила, VII, 5. Евстаѣй Фессалоникійскій однакожъ воздаетъ хвалы Мануилу за то, что онъ обнаружилъ много мудрости при рѣшеніи спорнаго вопроса (*Laudatio funebris*, cap. 38). — См. свѣдѣнія по поводу изложеннаго спора у проф. Успенскаго въ его книгѣ: „Очерки изъ исторіи визант. образованности“, 225—235.

2) Любители споровъ не скоро успокоились на томъ рѣшеніи вопроса, какое дано при Мануилѣ. Вотъ что, по словамъ Никиты Хониата, имѣло мѣсто въ царствованіе втораго преемника Мануилова — императора Андроника: „Андроникъ крайне не одобрялъ бывшаго въ прежнее время и нынѣ существующаго обычая спорить о божественныхъ догматахъ и отнюдь не любилъ слышать что-либо новое о Богѣ. Поэтому онъ не только разбранилъ Евемію, епископа Невопатрскаго, мужа ученѣйшаго, и Іоанна Кинама (?) за то, что они въ царскомъ дворцѣ разсуждали о словахъ Богочеловѣка: „Отецъ болѣе Мене есть“, но и съ крайнимъ гнѣвомъ сказалъ имъ, что бросить ихъ въ рѣку Риндакъ (дѣло было въ Лопадіи), если они не перестанутъ спорить о Богѣ“ (царств. Андроника Комнина, кн. II, гл. 5).

това Бога есть въ существѣ дѣла анаеема на Бога вообще (т. е. Мануиль хочетъ сказать, что Богъ одинъ и тотъ же у магометанъ и христіанъ); во 2-хъ, потому, что подобная формула могла служить соблазномъ для обращающихся изъ магометанства въ христіанство (и такимъ образомъ задерживать переходъ магометанъ въ истинную вѣру). Для разсмотрѣнія дѣла императоръ назначилъ соборъ. Собрались многіе епископы, которые проживали въ Константинополѣ и во главѣ ихъ патріархъ столицы Θεодосій, прибылъ и самъ императоръ. Мануиль держалъ краснорѣчивую рѣчь въ защиту своего требованія. Но его краснорѣчіе на этотъ разъ лилось понапрасну. Патріархъ и епископы на этотъ разъ не хотѣли соглашаться съ Мануиломъ, не хотѣли даже и слышать объ его предложеніи. Они объявили, что въ принятой формулѣ подвергается анаеемъ не Богъ вообще, Творецъ неба и земли, а измышленный бреднями Магомета богъ—олосфирось, нерожденный и нераждающій; да и при томъ, говорили они—мы не совсѣмъ хорошо понимаемъ слово: ὀλῶσφυρος. (Замѣтимъ, что это слово по филологическому его смыслу значить: массивный, твердый, компактно весь сколоченный и повидимому указывало на вѣчность божества). Но императоръ оставался при своемъ мнѣніи и рѣшился отстоять его. Онъ избираетъ другой путь къ достиженію цѣли, именно обращается къ общественному мнѣнію, хочетъ привлечь на свою сторону свѣтское образованное общество Византіи и такимъ образомъ обезоружить іерархію. Съ этимъ намѣрсіемъ онъ составляетъ краснорѣчивый и обстоятельный императорскій указъ; въ немъ онъ старался доказать, что прежніе цари и архіереи допустили существованіе указанной формулы о Богѣ Магометовомъ лишь по неосмотрительности и неразумію. Указъ объявленъ былъ публикѣ во дворцѣ; на этомъ чтеніи обязательно присутствовали родственники царя, члены сената, вельможи, вообще образованнѣйшія лица столицы. Это произведеніе Мануилова пера произвело наилучшее впечатлѣніе на слушателей. Никита Хоніать, который при всякомъ удобномъ случаѣ порицаетъ Мануила за его теологическое совопросничество, на этотъ разъ отдаетъ пол-

ную дань уваженія грамотѣ царя. Это произведеніе Мануила—говоритъ историкъ—,приправленное краснорѣчивыми доводами, имѣло такую силу убѣжденія, что едва могли оторвать свой слухъ отъ него не только люди, обращавшіе вниманіе на изящную и пріятную оболочку, но даже и тѣ, которые вникали въ смыслъ написаннаго“. Аудиторія задрожала отъ грома рукоплесканій. Такимъ образомъ общественное мнѣніе образованнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ людей въ Византіи стало на сторону императора. Но отъ этого мало выиграло дѣло. Представители Церкви оставались глухи къ общественному мнѣнію. Патріархъ не сдавался. Онъ не только не соглашался съ указомъ Мануила, но и другихъ убѣждалъ остерегаться его, какъ ада. Императоръ оскорбился такимъ отношеніемъ іерархіи къ его предпріятію, осыпалъ епископовъ бранью и называлъ ихъ—по словамъ Никиты, самыми унизительными именами ¹⁾. Онъ не смутался противодѣйствіемъ іерархіи и повелъ дѣло дальше. Издаетъ второй указъ, въ которомъ снова настаиваетъ на своемъ мнѣніи и затѣмъ назначаетъ новый соборъ въ Скутари, куда императоръ удалился по случаю болѣзни для пользованія чистымъ загороднымъ воздухомъ. Сюда вызваны были императоромъ патріархъ и епископы, но Мануиль по болѣзни не могъ вступить въ личное собесѣдованіе съ отцами: дѣло велось чрезъ любимаго царскаго секретаря. Этотъ послѣдній отъ лица императора предъявилъ собору двѣ бумаги: это была, во-первыхъ, грамота, въ которой Мануиль излагалъ свое возрѣніе по спорному вопросу, а во-вторыхъ, письмо его къ патріарху. Императоръ требовалъ, чтобы епископы подписали указанную грамоту. А письмомъ онъ всячески укорялъ патріарха и архіереевъ за упорство и настойчивость, грозилъ даже собрать соборъ, на которомъ предсѣдательство хотѣлъ поручить не иному кому, а римскому папѣ (понятно, что папа въ этомъ письмѣ Мануила служилъ лишь чѣмъ-то въ родѣ пугала). Въ томъ же письмѣ къ патріарху императоръ писалъ: „я былъ бы неблагодаренъ Богу, если бы не употребилъ все стараніе

¹⁾ *Μωρά τοῦ κόσμου τούτου* (homines omnium mortalium stultissimos) *ώνόμαζεν*.

+ { съ своей стороны для того, чтобы Его, истиннаго Бога, не подвергали анаемѣ“. Но патріархъ и епископы и теперь не хотѣли раздѣлять мнѣнія царскаго ¹⁾. Съ особенною ревностію выступаетъ на этотъ разъ противъ царскихъ требованій знаменитый Евстаѣій, митрополитъ Θεσσαλονικійскій, мужъ широкой учености, отличавшійся даромъ краснорѣчія. Этотъ Евстаѣій съ жаромъ объявилъ: „я счелъ бы себя вовсе лишившимся мозгу и былъ бы недостойнъ этой архіерейской одежды, если-бы призналъ истиннымъ какого-то Магометова Бога, руководителя и наставника на всѣ гнусныя дѣла“. Необыкновенная смѣлость, съ которой сталъ противиться Евстаѣій императору, повергла всѣхъ въ ужасъ. Слушатели едва не оцѣпенѣли при этихъ словахъ Евстаѣія. Царскій секретарь ту же минуту отправился доложить объ этомъ случаѣ Мануилу. Императоръ пришелъ въ неописанное удивленіе и счелъ себя глубоко оскорбленнымъ словами Евстаѣія. Онъ говорилъ: „или я оправдаюсь и докажу, что я не вѣрую въ Бога, учителя всякаго нечестія, и тогда подвергну заслуженному наказанію того, кто изрыгаетъ хулу на помазанника Божія, или же я буду уличенъ въ томъ, что я прославляю иного Бога, а не истиннаго, и тогда буду благодаренъ, что меня отвратили отъ ложнаго мнѣнія“. Патріархъ Θεодосій отправился въ покои императора, долго уговаривалъ его извинить проступокъ Евстаѣія и наконецъ для укрощенія гнѣва царскаго общалъ, что онъ, патріархъ, и епископы согласятся принять исключеніе изъ требниковъ формулы о Богѣ Магометовомъ. И повидимому, на самомъ дѣлѣ соборъ пересталъ противиться волѣ царя. Мануилъ былъ въ восторгѣ, простилъ Евстаѣія и съ миромъ отпустилъ епископовъ въ Константинополь. Но императоръ нѣсколько обманулся въ своихъ надеждахъ. На другой день рано поутру является

¹⁾ Почему? Почему они не хотятъ принять, повидимому праваго мнѣнія Мануила? Достаточное уясненіе этого вопроса находимъ въ статьѣ проф. Θ. Α. Курганова: „Къ вопросу о византійской противомусульманской литературѣ (*Прав. Собесѣдн.*, 1878, т. III. Отдѣльн. оттискъ, стр. 55—63. Каз., 1878). Объясненіе это авторъ указываетъ въ грубо-чувственномъ смыслѣ, какой заключается въ понятіи, встрѣчающемся относительно Бога въ Коранѣ и переводимомъ по гречески словомъ: *δολοφύρορ*.

къ патріарху императорскій гонецъ, который съ нетерпѣніемъ требовалъ, чтобы епископы собравшись подписали царское опредѣленіе. Епископы быстро собрались у патріарха, но подписаться подъ опредѣленіемъ отказывались. Хотя епископы наканунѣ, вѣроятно, изъ-за опасенія ради Евстаѳія и соглашались вполне принять мнѣніе Мануила, но теперь, когда опасность миновала, они снова стали противорѣчить императору. Они начали критиковать опредѣленіе, нашли здѣсь неточности, стали требовать перемѣны въ изложеніи. Узнавъ объ этомъ, императоръ сильно гнѣвался на епископовъ и осыпалъ ихъ неприличною бранью, обзывалъ ихъ: „чистыми дураками“. Что за этимъ послѣдовало—исторія не знаетъ. По крайней мѣрѣ конецъ продолжительнаго спора былъ совсѣмъ неожиданный: объ окончаніи его историкъ Никита говоритъ лишь въ нѣсколькихъ словахъ. Епископы—говоритъ онъ—кое-какъ согласились уничтожить формулу, соблазнявшую императора, и замѣнили ее новою, въ которой вмѣсто анаемы на Бога Магометова провозглашалась анаема на самого Магомета, его ученіе и его приверженцевъ ¹⁾.—Нужно впрочемъ признать, что наши документы слишкомъ блѣдно и отрывочно передаютъ исторію этого интереснаго спора ²⁾.

Никита Хониатъ по обыкновенію порицаетъ Мануила и за этотъ богословскій споръ. Онъ указываетъ въ императорѣ „безразсудную настойчивость“, а мнѣніе Мануила считаетъ противоположнымъ истинѣ, „настоящимъ и самымъ худшимъ безуміемъ“ ³⁾. Въ этихъ словахъ историка справедливо то, что императоръ недостойно и неприлично обращался въ данномъ случаѣ съ высшимъ византійскимъ духовенствомъ ⁴⁾.

¹⁾ Никиты. Царствованіе Мануила, кн. VII, гл. 6.

²⁾ Источникомъ, откуда почерпаются свѣдѣнія, служитъ одинъ Никита. Другіе историки и писатели почему-то молчатъ объ этомъ богословскомъ диспутѣ при Мануилѣ. Даже Евстаѳій Θεσσαλονικійскій въ своей „*Laudatio funebris*“ ни слова не говоритъ о спорѣ изъ-за „Бога Магометова“. Не служитъ-ли послѣднее обстоятельство указаніемъ, что участіе Евстаѳія въ спорѣ было дѣйствительно таково, какимъ изображаетъ его Никита?

³⁾ Никиты. Ibid. VII, 7.

⁴⁾ О стараніяхъ Мануила и представителей церкви его времени къ обращенію армянъ въ нѣдра Православія можно находить извѣстія въ со-

Тотъ же императоръ Мануилъ оставилъ по себѣ достаточное число законодательныхъ памятниковъ, свидѣтельствующихъ, что дѣла церкви его сильно интересовали. Говоримъ о новеллахъ Мануила по различнымъ вопросамъ церковнымъ. Изъ новеллъ этого императора познакомимся, впрочемъ, съ немногими, именно съ такими, въ которыхъ наиболѣе отражаются духъ эпохи и стремленія императора. Новеллы Мануила прежде всего свидѣлствуютъ, что онъ очень заботился объ огражденіи неприкосновенности недвижимыхъ имуществъ, принадлежащихъ церкви. Такъ въ новеллѣ, выданной въ 1148 году, онъ объявляетъ очень важныя привилегіи по части владѣнія недвижимымъ имуществомъ какъ знаменитой Софійской церкви, такъ и различныхъ митрополій, архіепископій и епископій. „Этимъ хрисовуломъ—говорится здѣсь—утверждается и поставляется въ безопасность всякій документъ, принадлежащій церквамъ, состоящимъ подъ управленіемъ епископовъ и самой первой между ними (Софійской), документъ на недвижимыя имущества ихъ, въ чемъ бы они ни состояли, гдѣ бы ни находились. А все, что есть въ хрисовулахъ-ли различныхъ императоровъ, или граматахъ, или въ простыхъ повелѣніяхъ и актахъ (относительно имущества какихъ-либо церквей) нетвердаго и въ чемъ-нибудь не имѣющаго точной и должной сообразности съ законами, теперь все это исправляется, и на будущее время опредѣляется, чтобы отъ этого не было для всѣхъ указанныхъ церквей никакого предосужденія (препоны) во всѣ вѣка“. Замѣчательно по своей энергичности зачатіе, которымъ оканчивается хрисовулъ. „Если кто захочетъ, по любви къ деньгамъ или по другой какой причинѣ, оказать пренебреженіе къ опредѣленіямъ настоящаго хрисовула, тотъ во-первыхъ не узритъ свѣта пресвятой Троицы, когда преставимъ предъ страшнымъ судилищемъ; затѣмъ, отпадетъ отъ части христіанъ, какъ Іуда отъ двоионадесати; и сверхъ того, навлечетъ на себя проклятіе отъ всѣхъ почившихъ,

---

чиненіи проф. Троицкаго: „Изложеніе вѣры Армянскія“ (Петерб. 1875). А объ отношеніяхъ Мануила къ латинянамъ можно составлять понятіе по диспуту его съ кардиналами. (Hergenhöther. Photius, B. III. S. 811—814).

нраведныхъ и богоносныхъ отцевъ“¹⁾. Въ особенности императоръ старался блюсти интересы великой или Софійской церкви. Когда чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ предыдущей новеллы Мануиль узналъ (въ 1153 году), что выходятъ какія-то затрудненія во владѣннй этой церкви недвижимыми имуществами, то онъ выдалъ новую новеллу, въ которой рѣшительно и безусловно утверждались за великою церковію всѣ ея недвижимыя владѣнія, причемъ законодатель прибавляетъ: „хотя бы жили здѣсь купцы или ремесленники, хотя бы въ какомъ нибудь изъ нихъ построены были укрѣпленія, хотя бы находилось въ нихъ и что либо другое принадлежащее казнѣ“. Имѣнія эти при томъ навсегда освобождались отъ всякихъ податей. Законодатель говоритъ: „не должно быть дозволено сборщику податей ни въ какое время, никакимъ образомъ входить во всѣ эти имѣнія, ни привлекать къ какому бы то ни было взысканію и изслѣдованію“²⁾. Мануиль заботился также и о возышеніи личныхъ правъ духовенства. Ему принадлежитъ новелла, въ силу которой „всѣмъ священникамъ, гдѣ бы они ни находились въ странахъ греческихъ, священникамъ, которые платили общественныя подати (вѣроятно съ личнаго имущества), онъ не только предоставилъ свободу отъ всякой общественной повинности, но и свободу отъ поземельной подати“³⁾. Такъ значительна была заботливость Мануила о церквахъ и духовенствѣ. Но нельзя сказать, чтобы равнымъ же покровительствомъ пользовались со стороны этого императора и многочисленные монастыри Византійскаго государства. Можно догадываться, что Мануиль не питалъ симпатій къ монашеству въ томъ его видѣ, какой оно приняло къ его времени. Правда, сохранилась до насъ одна новелла Мануила (1158 г.), которая утверждаетъ за монастырями почти тѣ же самыя привилегіи, которыя новеллою отъ 1148 года предоставлены относительно владѣнія недвижимыми имуществами всѣмъ церквамъ, начиная

¹⁾ Novella de instrumentis omnium, quae ubique sunt, ecclesiarum, ob possessionem immobilium. Migne, Gr. tom. 133, p. 717 — 724. Правила съ толкован., стр. 849—852.

²⁾ Aurea bulla de possessionibus magnae ecclesiae. Migne, tom. 133, p. 724—728. Правила съ толкованіями, стр. 846—849.

³⁾ Правила съ толкованіями, стр. 801—802.

съ Софійской церкви, но нужно сказать, что подобныя привилегіи даются законодательмъ *не вѣсьмъ* монастырямъ, но нѣкоторымъ, хотя можетъ быть и многимъ, которые и исчислены императоромъ ¹⁾. Такимъ образомъ, на монастыри и монашество Мануилъ не простеръ тѣхъ милостей, какія изливались отъ него на церкви и духовенство. Мало этого: есть основанія утверждать, что этотъ императоръ желалъ очень сильно ограничить права монастырей въ приобрѣтеніи недвижимыхъ имуществъ. По свидѣтельству историка Никиты Хоніата, Мануилъ возобновилъ законъ, выданный въ X вѣкѣ императоромъ Никифоромъ Фокою, въ которомъ запрещалось монастырямъ увеличивать ихъ недвижимыя имущества — чрезъ покупку или дареніе. „Этотъ законъ — говоритъ Никита, — отъ времени превратился въ мертвую букву и потерялъ силу, но Мануилъ воскресилъ его, согрѣвъ какъ бы кровію красными царскими червилами“ ²⁾. Вотъ главные черты указа Никифора Фоки: „Божественный Искупитель, такъ говорится въ указѣ, — имѣя попеченіе о нашемъ спасеніи и указывая пути къ нему, научаетъ насъ, что многое стязаніе служить существеннымъ къ тому препятствіемъ. Предостерегая насъ противъ излишняго, Спаситель запрещаетъ даже пещись о пищѣ на завтрашній день, а не только что о жезлѣ, сумѣ и новой перемѣнѣ одежды. И вотъ наблюдая теперь совершающееся въ монастыряхъ и замѣчая явную болѣзнь (ибо лучше всего назвать это болѣзнію), которая въ нихъ обнаруживается, я не могъ придумать, какимъ врачевствомъ можетъ быть исправлено зло и какимъ наказаніемъ слѣдуетъ наказать чрезмѣрное любостязаніе. Кто изъ святыхъ отцовъ учить этому и какимъ внушеніямъ они слѣдуютъ, дошедши до такого излишества, до такого, по слову Давидову, суетнаго безумія? Не каждый-ли часть они стараются приобрѣтать тысячи десятинъ земли, строятъ великолѣпныя зданія, разводятъ безконечныя табуны лошадей, стада воловъ, верблюдовъ и другого скота, обращая на это всю заботу своей души, такъ что монашескій чинъ

¹⁾ Aurea bulla de possessionibus monasteriorum. Migne, p. 728—733. Прагма съ толкованіями, стр. 839—844.

²⁾ Царствов. Мануила, VII, 3 (fin.).

ничѣмъ уже не отличается отъ мірской жизни со всѣми ея суетами. Развѣ Слово Божіе не гласитъ нѣчто тому противоположное и не заповѣдуетъ монахамъ полную свободу отъ попеченій? Развѣ оно не поставляетъ въ посрамленіе намъ беззаботность птицъ? Взгляни, какой образъ жизни вели св. отцы, которые возсіяли въ Египтѣ и Палестинѣ, и ты найдешь, что жизнь ихъ была до такой степени проста, какъ будто они имѣли лишь душу и достигли безтѣлесности ангеловъ. Христосъ сказалъ, что царствіе небесное приобретается многими скорбями. Но когда я посмотрю на тѣхъ, кто хотя и даетъ обѣтъ удаляться отъ сей жизни, но лишь перемѣною одежды свидѣтельствуетъ о перемѣнѣ жизни, и затѣмъ вижу: какъ они обращаютъ въ ложь свои обѣты и какъ противорѣчатъ поведеніемъ своимъ наружному виду; то я не знаю, какъ назвать это, какъ не комедіей, придуманною для посрамленія имени Христова? Не апостольская это заповѣдь, не отеческое это преданіе—пріобрѣтеніе громадныхъ имѣній и множество заботъ о плодахъ, приносимыхъ деревьями“. Послѣ этихъ разсужденій законодатель опредѣляетъ: „не должно жертвовать на монастыри—поля, помѣстья или угодья, таковыхъ, замѣчаетъ законодатель, за ними довольно уже числится отъ прежняго времени — а можно жертвовать въ пользу монастырей рабовъ, воловъ, стада овецъ и иного скота, такъ какъ при этихъ пособіяхъ монастыри могутъ заняться обработкой втунѣ лежащей земли“. Этими послѣдними словами указа запрещалось увеличивать недвижимыя имущества монастырей. Въ этомъ же указѣ Никифоръ запрещаетъ строить новые монастыри среди населенныхъ мѣстностей, а позволяеть ихъ сооружать въ мѣстахъ пустынныхъ ¹⁾.—Вотъ этотъ-то указъ императора Никифора Фоки и восстанавливаетъ Мануиль ²⁾. Мануиль, по

¹⁾ Лебедева. Царствованіе Никиф. Фоки въ церковно-историческомъ отношеніи. См. Очерки визант.-вост. церкви въ 9—11 в., стр. 270—271.

²⁾ Какой либо новеллы Мануила съ такимъ точно содержаніемъ до насъ не дошло. Но такая новелла въ свое время несомнѣнно существовала. Вальсамовъ, канонистъ конца XII вѣка, свидѣтельствуетъ, что Мануиль (въ 1176 году) „выдалъ повелѣніе, которымъ почти отиѣнялся благотѣлнѣйшій хризовуль (разумѣется хризовуль 1158 года о монастырскихъ имѣніяхъ), почему всѣ монастырскія недвижимыя имущества подверглись расхищенію со стороны составителей переписей“ (Прав. съ толк. стр. 844). Нѣтъ

разсказу Никиты, порицалъ всѣхъ своихъ предшественниковъ, не исключала дѣда своего и отца, за то, что они устроая монастыри, приписывали къ нимъ цѣлыя десятины плодородной земли и луга; Мануиль находилъ, что его предшественники, поступая такъ, дѣлали хорошее дѣло нехорошо¹⁾. Этотъ императоръ на собственномъ примѣрѣ показалъ, какъ слѣдуетъ устроить монастыри въ матеріальномъ отношеніи. Онъ создалъ одинъ монастырь, во имя Архангела Михаила, на Понтѣ, въ уединенной мѣстности. Собравъ сюда самыхъ лучшихъ монаховъ, онъ обезпечилъ имъ жизнь, ничѣмъ не развлекаемую. Именно, хорошо понимая, что владѣніе недвижимымъ имуществомъ, какъ сопряженное съ разными хлопотами, не соответствуетъ монашескимъ обѣтамъ, онъ не далъ такихъ имуществъ своему монастырю, не подарилъ ему ни полей, ни виноградниковъ, а взамѣнъ того, положилъ производить монахамъ изъ царской казны столько жалованья, сколько нужно для безбѣднаго существованія.—Современники чрезвычайно одобряли Мануила за то, что онъ возстановилъ извѣстный указъ императора Никифора. Историкъ Никита находить, что монахи тѣхъ временъ такъ испортились, что необходимы были самыя строгія мѣры къ улучшенію жизни монашеской. Мануиль, по сужденію Никиты, такъ поступилъ потому, что не находилъ полезнымъ того порядка вещей, когда монахи, принимая на себя обѣтъ монашества, въ то же время стремились жить богато, и бывали больше развлечены хлопотами, чѣмъ люди мірскіе. „Монахамъ, говоритъ Никита, вообще слѣдовало бы устроить себѣ жилища въ неизвѣстныхъ мѣстахъ и въ пустынныхъ странахъ, въ углубленныхъ пещерахъ или на высокихъ скалахъ; а они вмѣсто того—жалуется историкъ—воздвигаютъ монастыри на пло-

---

ли здѣсь указанія на изданіе новеллы, сходной съ указомъ Никифора Фоки? При томъ-же, въ самой новеллѣ 1158 года нельзя не открывать намѣренія Мануила слѣдовать вышеприведенному закону Никифора Фоки, ибо здѣсь говорилось: „монастыри вывѣшнія свои владѣнія — состоятъ-ли эти послѣднія изъ поселенцовъ или изъ участковъ земли и угодій—не будутъ имѣть права умножать и увеличивать“ (Правила съ толков., стр. 843. Migne, tom. 133, p. 733.

¹⁾ Царствованіе Мануила, VII, 3.

шадяхъ и перекресткахъ Константинополя; да притомъ же въ этихъ монастыряхъ живутъ не дѣйствительные подвижники, а люди, которые потому и монахи, что они остригли волосы, перемѣнили платье, отпустили себѣ бороду“ ¹⁾. Такъ же и знаменитый мужъ тѣхъ временъ Евстаѣй Фессалоникійскій, одобряя какого-то царя за его строгія распоряженія относительно монашества и въ особенности за то, что онъ отнялъ у монаховъ управленіе монастырскими имуществами, вѣроятно же всего разумѣетъ подъ этимъ царемъ — именно Мануила ²⁾).

Заслуживаетъ вниманія еще новелла Мануила (1166 года), которою императоръ опредѣлилъ дѣленіе праздниковъ церковныхъ на большіе и малые. Побужденіемъ къ изданію этой новеллы послужило то, что чиновники, заправлявшіе судебною частію въ государствѣ, по небреженію о своемъ долгѣ установили для себя очень широкій кругъ праздниковъ, въ теченіи которыхъ должно было пріостанавливаться производство судебныхъ дѣлъ: всѣ многочисленные праздники церковные сдѣлались для нихъ днями свободными отъ гражданскихъ обязанностей. Отъ такого порядка вещей разумѣется выигрывали сами чиновники, обязанные заниматься судопроизводствомъ, но страдали истцы и отвѣтчики, вообще страдало правосудіе. Чтобы положить конецъ произволу, императоръ Мануиль и выдалъ новеллу, которая дѣлила церковные праздники на великіе и малые (тѣ и другіе перечислены въ новеллѣ). Въ большіе праздники судопроизводство совсѣмъ пріостанавливалось, а въ малые лишь относительно; именно, въ послѣднемъ случаѣ служители правосудія обязаны были исполнять возложенный на нихъ долгъ, какъ до литургіи, такъ и послѣ литургіи; они освобождались въ малые праздники лишь въ теченіе тѣхъ часовъ, когда совершалась литургія, чтобы они могли участвовать въ общественномъ богослуженіи. Объ этой новеллѣ слѣдуетъ замѣтить слѣдующее: императоръ не самъ производилъ классификацію праздниковъ на великіе и малые, но при участіи въ этомъ религіозномъ

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Eustathii. De emendanda vita monastica, cap. 124. Migne Gr. tom. 135, p. 832.

дѣлѣ—представителей церкви, патріарха и епископовъ; да-
лѣе: замѣчательно, что къ числу большихъ праздниковъ,
кромѣ Господскихъ, Богородичныхъ и Предтечи, отнесены
дни памяти всѣхъ двѣнадцати апостоловъ (подъ разными
числами разныхъ мѣсяцевъ) мало святителей и ни одного
мученика и чудотворца. Очевидно, дни памяти св. апосто-
ловъ отнесены къ великимъ праздникамъ потому, что эти
святые лица имѣютъ вселенское значеніе, какъ послужившія
усвоенію спасенія для всего міра; изъ дней, посвященныхъ
памяти святителей, къ праздничнымъ въ собственномъ смыслѣ
отнесены лишь тѣ дни, въ которые совершается память та-
кихъ лицъ, которыя своимъ ученіемъ и борьбою за право-
славіе стали всемірно-извѣстными, напримѣръ, Іоаннъ Зла-
тоустъ, Афанасій Вел., Кириллъ Александрійскій. Нѣтъ
сомнѣнія, дѣленіе праздниковъ на большіе и малые про-
изведено съ полнымъ разумѣніемъ. Стоитъ упомянуть еще
о томъ, что императоръ такъ называемые высокаторжествен-
ные или царскіе дни (день рожденія государя и день восше-
ствія его на престолъ) не относятъ къ праздничнымъ днямъ:
императоръ положилъ, что въ эти дни онъ самъ будетъ за-
ниматься принадлежащими ему, какъ царю, дѣлами и тре-
буетъ, чтобы по его примѣру поступали и служители пра-
восудія ¹⁾).

Второй преемникъ Мануила *Андроникъ I* Комнинъ, про-
ложившій себѣ путь къ престолу убійствомъ малолѣтняго
Алексѣя, сына Мануилова, въ его отношеніяхъ къ церкви—
извѣстенъ почти только съ дурной стороны. Это и совер-
шенно естественно, если возьмемъ во вниманіе его рели-
гіозно-нравственный характеръ, съ которымъ мы уже зна-
комы. Онъ вспоминаетъ о церкви, кажется, только тогда,
когда ему нужно какое-либо нечистое свое дѣланіе прикрыть
авторитетомъ церкви. Такъ извѣстно, что когда Андронику
захотѣлось выдать свою побочную дочь Ирину за Алексѣя,
побочнаго же сына императора Мануила, то онъ во что-бы
то ни стало рѣшился обойти преграды къ такому браку; а
преграды эти заключались въ томъ, что бракъ этотъ пред-

¹⁾ Novella de diebus feriatis. Migne, tom. 133, p. 749—760.

ставлялся несообразнымъ съ церковными правилами: Андроникъ и Мануилъ были двоюродные братья ¹⁾). Въ виду этого императоръ отсылаетъ къ патріарху Θεодосію съ синодомъ коротенькую записочку, въ которой требуетъ разрѣшенія брака, во имя государственной пользы. И когда болѣе ревностные изъ іерарховъ не соглашались разрѣшить совершеніе противозаконнаго брака, то Андроникъ повелѣ дѣло такъ, что патріархъ долженъ былъ оставить каеэдру. Удаленіе патріарха Θεодосія императоръ „принялъ за прекрасный подарокъ судьбы“ — воспользовавшись этимъ случаемъ для осуществленія своего желанія ²⁾). Патріархъ и ранѣе того не мало терпѣлъ непріятностей отъ этого необузданнаго государя, такъ что Θεодосію въ самомъ дѣлѣ ничего не оставалось дѣлать — какъ удалиться на покой. Извѣстенъ слѣдующій случай, прекрасно рисующій отношенія императора къ патріарху. Андронику, который сначала управлялъ государствомъ во имя малолѣтнаго императора Алексѣя II, нужно было во что-бы то ни стало отдѣлаться отъ матери этого послѣдняго, которая мѣшала ему распоряжаться дѣлами по своему. Андроникъ рѣшился изгнать ее изъ дворца и изъ столицы. Для оправданія своего поступка онъ пожелалъ, чтобы и патріархъ Θεодосій одобрилъ эту мѣру. А между тѣмъ, Θεодосій не изъявлялъ согласія на это. При такихъ обстоятельствахъ Андроникъ дѣлаетъ слѣдующее: онъ наущаетъ народъ противъ патріарха, заставляетъ толпу требовать отъ архипастыря согласія на изгнаніе вдовствующей императрицы ³⁾). Выходитъ дикая сцена: буйный и наглый народъ, по инициативѣ правительства, шумнымъ потокомъ стекается къ патріаршимъ покоямъ, и здѣсь совершаетъ неистовства. Случай характеристичный, не требующій дальнѣйшихъ комментаріевъ ⁴⁾).

¹⁾ Да и матери жениха и невѣсты тоже были родня между собою.

²⁾ Никиты. Царствованіе Алексѣя, сына Мануилова, гл. 15.

³⁾ Ibid., гл. 17.

⁴⁾ Впрочемъ и объ Андроникѣ нельзя сказать, чтобы онъ рѣшительно не заботился о благѣ церкви. До насъ сохранилось на латинскомъ языкѣ его сочиненіе подъ заглавіемъ: *Dialogus contra iudaeos* (Migne, Gr. tom. 133, p. 797—924). (Ошибочно утверждаетъ проф. Успенскій, что „Диалогъ“ Андроника еще не изданъ: въ статьѣ—„Цари Алексѣй II и Андроникъ Комнины“: Журн. Мин. Нар. Просв. 1881, мартъ, стр. 56). Побужденіемъ

Столь же дурно, какъ и Андроникъ I, относился къ церкви и императоръ *Исаакъ Ангелъ*. Его десятилѣтнее царствование было цѣлымъ рядомъ случаевъ, когда императоръ самовольно низвергалъ съ кафедръ одного за другимъ Византійскихъ патріарховъ. Исаакъ такъ хотѣлъ, и этого было достаточно, чтобы патріархи мѣнялись то и дѣло. Не даромъ историкъ говорилъ объ Исаакѣ: „царь при своей безразсудности и силѣ никакъ не могъ воздерживаться отъ того, чтобы по своему произволу не превращать и не переименовывать всѣхъ дѣлъ не только человѣческихъ, но и божескихъ“, т. е. религіозныхъ. Вотъ списокъ патріарховъ, безвинно низверженныхъ Исаакомъ съ византійской кафедры. Едва вступивъ на престолъ, онъ первымъ дѣломъ низводитъ съ кафедры патріарха Василія Каматира, несмотря на то, что этотъ послѣдній много содѣйствовалъ къ возвышенію Исаака на императорскій тронъ. Причиною низложенія было то, что онъ позволилъ снять монашеское платье многимъ благороднымъ женщинамъ, которыя пострижены были насильственно императоромъ Андроникомъ. вмѣсто Василія возведенъ былъ на патріаршество Никита Мунтанъ; это былъ человѣкъ уже престарѣлый. Императоръ низвергаетъ его, несмотря на то, что Никита сталъ патріархомъ по волѣ самого же Исаака; онъ былъ низверженъ подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ уже старъ и бесполезенъ. По низверженіи Никиты патріаршую кафедру занялъ монахъ Леонтій. Исаакъ по поводу назначенія въ патріархи этого, дотошъ ничѣмъ неизвѣстнаго монаха, съ клятвою рассказывалъ, что онъ этого человѣка никогда прежде не зналъ, но что Божія Матерь ночью указала ему на него въ откровеніи, не только описавъ видъ и доблести его, но и указавъ мѣсто, гдѣ онъ

къ составленію этого сочиненія для Андроника было то, что въ Константинополѣ, Адрианополѣ и Тессаліи (ibid. 798) появились какіе то юристы, взявшіе на себя защиту іудейской религіи; очевидно они были приверженцами іудаизма. Значитъ Андроникъ писалъ свой трудъ съ цѣлію послужить интересамъ церкви. Затѣмъ извѣстно, что Андроникъ съ достаточными основаніями старался воздерживать въ некоторыхъ лицъ отъ продолженія спора по поводу текста: „Отецъ болѣе Мене есть“, хотя и не умѣлъ самъ держаться при этомъ случаѣ въ границахъ приличія и уваженія къ духовному сану (см. выше, стр. 137. *Примѣч.*).

проживалъ. Хотя такое, такъ сказать, сверхъестественное избраніе монаха Леонтія въ патріархи, повидимому, обезпечивало прочность его патріаршества, однакожь на дѣлѣ случилось не такъ: не прошло и года, какъ Леонтій былъ низвергнутъ Исаакомъ. Историкъ замѣчаетъ, что императоръ „осрамилъ Леонтія“. Нужно было назначить новаго патріарха. Исаакъ рѣшился возвести на византійскій патріаршій престолъ тогдашняго іерусалимскаго патріарха Досиея, разыгравъ при этомъ, по выраженію историка, „цѣлую драму“. Досией былъ человѣкъ простой, но большой проныра. Сначала онъ былъ простымъ монахомъ въ Студійскомъ монастырѣ въ Константинополѣ; втерся въ расположеніе Исаака, когда этотъ еще не былъ императоромъ, и конечно совершенно наобумъ, предсказалъ ему императорскую корону (мы знаемъ, что тогда такія пророчества были въ ходу). Предсказаніе сбылось. Это еще болѣе сдружило Исаака съ Досиеемъ. Когда сдѣлалась вакантною патріаршая каеэдра въ Іерусалимѣ, императоръ постарался посадить на нее своего любимца. Теперь же по низверженіи византійскаго патріарха Леонтія, Исаакъ этого самого Досиея захотѣлъ возвести на столичную патріаршую каеэдру. Но къ этому нашлось препятствіе, именно церковь запрещала перемѣщеніе епископовъ съ одной каеэдры на другую. Тогда Исаакъ пустился на хитрость. Онъ призвалъ къ себѣ во дворецъ извѣстнаго канониста Вальсамона, патріарха Антиохійскаго, который только по имени былъ Антиохійскимъ патріархомъ, а проживалъ въ Византіи (въ виду того, что Антиохія давно была во власти латинянъ-крестоносцевъ). На единѣ въ бесѣдѣ съ Вальсамономъ, такъ рассказываетъ историкъ Никита, Исаакъ притворился горюющимъ о томъ, что церковь оскудѣла людьми благочестивыми и разумными, что трудно найти человѣка, который съ достоинствомъ могъ бы занимать патріаршую каеэдру въ Византіи. Поговоривъ такъ, царь въ заключеніе объявляетъ, что онъ давно имѣетъ намѣреніе перевести съ каеэдры Антиохійской на Константинопольскую—его, Вальсамона, какъ лице, сіяющее всѣми достоинствами, но что одно затрудняетъ его, именно то, что подобнаго рода перемѣщенія возбранены канонами. Другого

рода дѣло было бы, прибавилъ Исаакъ, еслибы Вальсамонъ, какъ знатокъ церковныхъ правилъ и церковной исторіи, доказалъ, что перемѣщенія епископовъ съ одной кафедры на другую и прежде бывали и теперь могутъ быть при извѣстныхъ случаяхъ и взялся бы убѣдить въ этомъ прочихъ архіереевъ; тогда онъ — говорилъ императоръ Вальсамону — съ величайшею радостію и безо всякаго замедленія сдѣлалъ бы Вальсамона изъ патріарха Антиохійскаго — Константинопольскимъ. Ничего не подозрѣвая, Вальсамонъ горячо принялся за дѣло ¹⁾. На слѣдующій же день въ синодѣ онъ постарался убѣдить епископовъ, что перемѣщеніе съ одной кафедры на другую дѣло дозволительное и не представляетъ непобѣдимаго затрудненія. Объ этомъ опредѣленіи синода доведено было до свѣдѣнія императора, оно, конечно, принято было имъ. Но что-же случилось? Императоръ переводитъ въ Константинополь Досиеея, патріарха Іерусалимскаго, а Вальсамонъ, жестоко обманувшійся, такъ и остается титулярнымъ патріархомъ Антиохійскимъ. При этомъ извѣстии, по словамъ историка, „архіереи, омороченные, понапрасну нарушившіе каноны, только рты разинули отъ изумленія“. Разсматриваемое распоряженіе императора Исаака встрѣчено было съ неудовольствіемъ не только епископами, но и народомъ. Ненавидимый всѣми, Досиеей, хотя въ сопровожденіи великолѣпной свиты и пріѣхалъ въ столицу, но отказывается отъ кафедры Константинопольской. Императоръ однакожь стоитъ на своемъ, онъ не хочетъ выносить сопротивленія; отдаетъ приказаніе, чтобы Досиеей, въ сопровожденіи военной силы, введенъ былъ въ Софійскій храмъ, кафедральную церковь Византіи, и такимъ образомъ сдѣлался бы патріархомъ столицы. И вотъ Досиеей — патріархомъ въ Византіи, но не надолго. Царь не могъ сломить общаго сопротивленія. Патріархъ былъ отставленъ, но Исаакъ не порвалъ съ нимъ дружбы: Досиеей проживалъ въ столицѣ и пользовался такимъ вліяніемъ на Исаака, что онъ „во-

---

¹⁾ Вальсамонъ дѣйствительно доказывалъ, что перемѣщенія архіереевъ „ради благословной вины“ позволительны. (Правила съ толкованіями, стр. 25).

диль императора, какъ всѣ говорили, не то, чтобы за носъ, а за уши“ ¹⁾—замѣчаетъ историкъ ²⁾).

Жалкое царствование брата Исаакова *Алексѣя III Ангела* не заслуживало бы вниманія и разсмотрѣнія, если бы ко времени этого царствованія не относилась исторія одного очень страннаго богословскаго спора въ Византіи, въ которомъ принималъ болѣе или менѣе активное участіе названный императоръ. Въ царствование императора Исаака при патріархѣ Георгіи Ксифилинѣ начался, а въ царствование Алексѣя III, при содѣйствіи патріарха Іоанна Кама-тира, благополучно закончился споръ о томъ: евхаристическое „тѣло Христово, котораго мы приобщаемся, такъ-ли нетлѣнно (ἀφθαρτον), какимъ оно стало послѣ страданій и воскресенія Христа, или-же тлѣнно (φθαρτόν), какимъ оно было до времени страданій и смерти Его?“ Такъ формулируетъ историкъ Никита Хоніатъ вопросъ, взволновавшій умы византійскихъ богослововъ конца XII вѣка. Но такое формулированіе вопроса недостаточно разъясняетъ сущность спора. На дѣлѣ, споръ объ евхаристіи, возникшій въ указанное время, носитъ нѣкоторые признаки спора такъ называемыхъ стеркоранистовъ (stercoranistae) и ихъ противниковъ, спора, получившаго свое начало далеко отъ Византіи. Въ византійскомъ спорѣ вопросъ касался, точнѣе бы сказать, того: приемиемая нами Евхаристія подлежитъ ли обычнымъ физиологическимъ процессамъ, какимъ подвергается всякая вкушаемая человѣкомъ пища, или же она (Евхаристія) не подчиняется этимъ физиологическимъ процессамъ? По самому существу вопроса, естественно вы-

¹⁾ Никиты Хоніата. Царствование Исаака, кн. II, гл. 4—5.

²⁾ Съ именемъ Исаака извѣстны двѣ довольно замѣчательныя по своему содержанію новеллы: одна — de electionibus pontificum (Migne, Gr. tom. 135, p. 440—448), въ которой пресѣкаются нѣкоторые злоупотребленія въ избраніи епископовъ; а другая: ut tondeantur electorum pontificum piores (ibid. 448—452), въ которой подтверждается, чтобы жены лицъ, избираемыхъ въ архіереевъ, еще ранѣе хиротоніи этихъ послѣднихъ, поступали въ монастыри; новелла имѣетъ въ виду такіе случаи: извѣстное лицо предъизбрано въ архіерея, а жена его не только не поступала въ монахини, но даже позволяла себѣ одѣваться пышнѣе, чѣмъ обыкновенно она одѣвалась. Обѣ новеллы изданы въ 1187 году и суть опредѣленія синода, подтвержденныя авторитетомъ царской власти и изданныя отъ лица императора.

дѣлились двѣ партіи спорившихъ; одна давала отрицательный отвѣтъ на вопросъ, другая положительный. Защитники отрицательнаго, болѣе благоговѣйнаго и благовиднаго, рѣшенія вопроса въ доказательство своего мнѣнія ссылались на святоотеческіе авторитеты. Они въ защиту своего воззрѣнія ссылались на богословіе св. Кирилла (Іерусалимскаго); въ этомъ богословіи, по словамъ приверженцевъ разсматриваемаго мнѣнія, раскрывается, что Евхаристія есть исповѣданіе и воспоминаніе того, что Христосъ ради насъ умеръ и воскресъ, т. е. тѣхъ моментовъ въ исторіи Христа, когда Его тѣло стало прославленнымъ, духовнымъ. У другихъ отцевъ церкви и писателей церковныхъ они находили указаніе на то, что, приѣмля евхаристическую частицу, мы приѣмлемъ не какую нибудь часть Христову, а всецѣлаго Христа, да и приѣмлемъ послѣ воскресенія Его, когда тлѣнное тѣло Его навѣки преобразилось въ нетлѣнное. Защитники разбираемаго воззрѣнія въ этомъ случаѣ ссылались на ученіе объ евхаристіи св. Іоанна Златоуста. Въ твореніяхъ Златоуста они обращали вниманіе на слѣдующія его слова: „О, чудо! Возсѣдающій одесную Отца приѣмлется нашими грѣшными руками“. Онъ-же говорилъ: „Онъ распѣлъ въ законѣ, возросъ въ пророкахъ, созрѣлъ на крестѣ, снѣдается по воскресеніи“. Въ твореніяхъ Евтихія (патр. Константинопольскаго) защитники „нетлѣнности“ указывали на слѣдующія слова его: „пріобщающійся, принимая часть даровъ, принимаетъ всецѣло святое тѣло и всю честную кровь Господа, ибо тѣло Христово въ таинствѣ пріобщенія раздѣляется всѣми нераздѣлимо, подобно тому, какъ какая-нибудь печать, оставивши на разныхъ предметахъ множество оттисковъ и отпечатковъ своей формы, остается по отпечатаніи ихъ одна и та же, не уменьшаясь и не измѣняясь отъ числа оттисковъ, сколько бы ихъ ни было, и какъ звукъ голоса, бывъ произнесенъ кѣмъ-либо и разлившись въ воздухъ, всецѣло весь остается въ устахъ (?) того, кто его произнесъ, и въ то же время по мѣрѣ своего разлитія въ воздухъ, всецѣло весь достигаетъ слуха разныхъ лицъ, такъ что никто изъ слушателей не воспринимаетъ его болѣе или менѣе въ из-

вѣстной части, но всѣ одинаково усвояютъ въ совершенно полной и нераздѣльной цѣлости, сколько бы тысячъ или десятковъ тысячъ ихъ ни было, хотя онъ также есть тѣло (?), потому что звукъ есть ничто иное, какъ сотрясающійся воздухъ. Равнымъ образомъ никто не можетъ допускать сомнѣнія, чтобы нетлѣнное, но совершеніи таинственного жертвоприношенія и послѣ святаго воскресенія, тѣло и безсмертная, святая и животворящая кровь Господня, содержащаяся въ видимыхъ веществахъ, вслѣдствіе многократныхъ совершеній таинственного священнодѣйствія, могли утрачивать полноту своихъ силъ, а не пребывали одинаково всецѣлыми во всѣхъ“. Опредѣляя процессъ, какому подвергается въ человѣческомъ организмѣ евхаристія, византійскіе богословы думали, что съ нею дѣлается то же, что происходитъ и съ закваской, входящей въ тѣсто, при чемъ ссылались на слова Христа о закваскѣ. Съ этими воззрѣніями защитниковъ „нетлѣнности“ не соглашались приверженцы ученія о „тлѣнности“ евхаристическихъ даровъ, нами принимаемыхъ. Они разсуждали слѣдующимъ образомъ: таинство Евхаристіи не есть исповѣданіе воскресенія Христова; оно есть только жертвоприношеніе (значить подобно ветхозавѣтнымъ жертвамъ) и потому тѣло Христово въ таинствѣ тлѣнно, безжизненно и бездушно; приступающій къ приобщенію—разсуждали они—пріемлетъ не всего Христа, но только часть Его, такъ какъ части только и причащается. „Въ самомъ дѣлѣ—резонировали они—еслибы тѣло Христово было нетлѣннымъ и одушевленнымъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ оно было бы неосозаемо и невидимо; его невозможно было бы тогда раскусывать и разжевывать зубами и при подобномъ раздробленіи его на части не чувствовалось бы никакого усилія или напряженія“. Они утверждали, что въ евхаристіи мы принимаемъ не то тѣло Христово, какимъ оно стало по воскресеніи Его и какимъ станетъ наше тѣло послѣ страшнаго суда, такъ какъ это тѣло не будетъ подлежить осязанію, зрѣнію и имѣть какой-либо опредѣленной человѣческой формы“. Защитники тлѣнности приводили и еще какія-то доказательства и соображенія, но историкъ Никита не считаетъ нужнымъ при-

водить ихъ, находя ихъ пустыми и ничтожными. Съ точки зрѣнія приверженцевъ „нетлѣнности“ сторонники этой послѣдней партіи являлись людьми „дерзкими“, позволяющими себѣ „поруганіе“ надъ благомыслящими христіанами ¹⁾).

Появленіе споровъ въ Византіи о „тлѣнности и нетлѣнности“ евхаристическихъ даровъ нужно приписывать вліянію Запада на Восточную церковь. Мы не думаемъ, чтобы самостоятельно могли появиться подобные споры въ Византіи, ибо Греки сами по себѣ не расположены были вносить эмпирическій элементъ при рѣшеніи богословскихъ вопросовъ. Напротивъ на Западѣ не только не чуждались такой разработки религіозныхъ вопросовъ, но и прямо ставили вопросъ о „тлѣнности“ и „нетлѣнности“ евхаристическихъ даровъ. Споры эти давно уже начались на Западѣ и не прекращались и въ концѣ XII вѣка. Въ IX вѣкѣ на Западѣ появились лжеучители, которые утверждали, что принимаемая нами Евхаристія подлежитъ тѣмъ же процессамъ, какъ и обыкновенная пища. Противъ нихъ писалъ Пасхазій Ратбертъ ²⁾). Въ первой половинѣ XII вѣка противъ такихъ же лжеучителей полемизировалъ Алгеръ изъ Люттиха, называя подобное заблужденіе: *haeresis foedissima stercoranistarum* ³⁾). На Западѣ не прекращались разбираемые споры и около того времени, когда они появились и на Востокѣ. Такъ, знаменитый папа Иннокентій III (1198—1216 г.) въ сочиненіи *De mysteriis missae* разрѣшаетъ между прочимъ вопросъ и о томъ, что происходитъ съ евхаристическимъ хлѣбомъ послѣ того, какъ онъ принятъ нами внутрь, въ таинствѣ; онъ отвѣчаетъ, что какъ скоро „тѣло Христово принято нами, то оно теряетъ всѣ признаки чувственности и становится духовнымъ: Христосъ чрезъ уста вѣрующаго переходитъ въ сердце вѣрующаго“ ⁴⁾). — Мы полагаемъ, что споры о тлѣнности и нетлѣнности евхаристическаго тѣла и крови Христовой имѣютъ въ Визан-

1) Никиты Хоніата, Царствов. Алексѣя, брата Исаакова, кн. III, гл. 3.

2) Онъ говоритъ въ своемъ сочиненіи о „Тѣлѣ и Крови Господнихъ“:
friolum est ergo, in hoc mysterio cogitare de stercore, ne commisceatur in digestionem alterius cibi.

3) Herzog—Hauck. Encykl. B. XIV, s. 688 (Leipz. 1884).

4) Chastel. Histoire du christianisme. Tome III, p. 262—263. Paris, 1882.

тіи заносный характеръ. Появленіе крестоносцевъ на Востоѣ легко могло служить къ ознакомленію Грековъ съ такими сторонами латинскаго богословія, о которыхъ они раньше ничего не знали. Главнымъ представителемъ ученія о „тѣнности“ приемлею нами Евхаристіи былъ въ Византіи какой-то сначала магъ, а потомъ монахъ и писатель по имени Михаилъ Сикидитъ ¹⁾. Изъ кого состояли его приверженцы—неизвѣстно.

Особенною ревностью въ борьбѣ съ лжеучителемъ Сикидитомъ и его приверженцами заявилъ себя тогдашній патріархъ Іоаннъ Каматиръ ²⁾. Въ своихъ катихизическихъ поученіяхъ Іоаннъ старался указать на то, что предметъ настолько таинственъ, что онъ превышаетъ силы ограниченаго разума человѣческаго; вообще онъ раскрывалъ въ борьбѣ съ заблужденіемъ, что таинство потому и есть таинство, что его смыслъ и дѣйствіе „вышнееестественны“. Патріархъ вооружился наконецъ противъ вышеуказаннаго лжеучителя самымъ сильнымъ средствомъ—предалъ его анаѣмѣ. Самъ тогдашній императоръ Алексѣй Ангелъ не оставался въ сторонѣ отъ этого спора. Онъ поддерживалъ патріарха въ борьбѣ съ лжеученіемъ и весьма вѣроятно голосъ царя много значилъ, когда церковь брала на себя заботу прекратить „дерзновенное поруганіе“ истины. Никита Хо-

---

¹⁾ Ученіе Сикидита вкратцѣ изложено въ томъ отрывкѣ изъ книги Никиты Хоніата, подъ заглавіемъ: *Orthodoxiae Thesaurus*, который впервые изданъ Ѳ. И. Успенскимъ. (Очерки Визант. образованности, стр. 239--240).

²⁾ Проф. Успенскій даетъ понимать, что этотъ патріархъ былъ не противникомъ, а приверженцемъ Сикидита, основываясь на впервые имъ изданномъ отрывкѣ изъ вышеуказаннаго сочиненія Никиты Хоніата, (*ibidem*, 241--242), но мы не находимъ въ этомъ новомъ извѣстіи ничего такого, что подтверждало бы мысль нашего автора. Если здѣсь и говорится, что патріархъ Іоаннъ Каматиръ раздѣлялъ мнѣніе своего предшественника (Георгія Ксифилина), то этого Ксифилина, поручавшаго одному епископу „защитять мнѣніе о нетѣнности“ евхаристическихъ даровъ—нельзя считать послѣдователемъ Сикидита.—Въ пользу взгляда на Іоанна Каматира, оспариваемаго г. Успенскимъ, ясно склоняется переводчикъ „Исторіи“ Н. Хоніата, проф. Чельцовъ, но авторъ книги: „Очерки Визант. образованности“ объявляетъ переводъ того мѣста изъ Никиты, которое даетъ право смотрѣть на патр. І. Каматира, какъ на защитника православія въ спорѣ,—объявляетъ совершенно извращеннымъ (*ibid.*, 242 прим.), не приѣмая на себя труда доказать, въ чемъ именно заключается неправоуказательность русс. перевода, сдѣланнаго проф. Чельцовымъ (а доказать—то это едва ли возможно).

ніать, конечно не случайно отмѣчаетъ, что Алексѣй „въ поднятѣ богословскомъ спорѣ подаль свой голосъ въ пользу болѣе справедливаго мнѣнія“ ¹⁾. Такимъ образомъ хотя Алексѣй и принадлежитъ къ числу незамѣчательныхъ императоровъ, но все же польза отказать ему въ томъ, что онъ показывалъ ревность къ охраненію православія.

Опускаемъ безъ обозрѣнія нѣсколько царствованій, именно царствованія Византійскихъ императоровъ, имѣвшихъ столицю Никею, такъ какъ ничего характеристическаго ни въ хорошую, ни въ дурную сторону нельзя сказать объ этихъ царствованіяхъ. Обращаемся прямо къ правленію *Михаила Палеолога*, который хотя началъ править царствомъ еще въ Никеѣ, но главная дѣятельность котораго развивается уже въ Константинополѣ. Михаилъ Палеологъ, при которомъ и при содѣйствіи котораго возникаетъ такъ называемая Ліонская унія, конечно не могъ быть такимъ императоромъ, при которомъ дѣла церковныя имѣютъ правильное теченіе, и дѣйствительно не былъ. Самоуправленіе церковное было попираемо Михаиломъ въ весьма значительной степени. Расскажемъ два случая изъ отношеній Михаила къ двумъ патріархамъ Византійскимъ его времени ²⁾. Михаилъ, какъ мы знаемъ, былъ человѣкомъ, который ради своекорыстныхъ цѣлей готовъ былъ на все. Онъ заявилъ себя тягчайшимъ преступленіемъ въ отношеніи къ девятилѣтнему царственному младенцу Іоанну, именемъ котораго Михаилъ сначала правилъ; онъ приказалъ ослѣпить его, чтобы захватить въ свои руки императорскую власть. Этотъ случай глубоко опечалилъ тогдашняго патріарха Арсенія. Ревностный пастырь не могъ простить Михаилу этого преступленія. Онъ подвергъ императора церковному отлученію, хотя и не вычеркнулъ его имени изъ церковныхъ молитвословій, боясь

¹⁾ Никиты. Царств. Алексѣя, кн. III, гл. 3—4.

²⁾ Пускаться въ подробную характеристику отношеній Михаила къ церкви нѣтъ необходимости, такъ какъ это уже сдѣлано въ нашей литературѣ проф. А. Д. Катанскимъ и проф. Трояцкимъ. Первый описалъ его отношенія къ Ліонской уніи („Исторія попытокъ къ соединенію церквей“, стр. 127 и дал.), а второй подробно изобразилъ роль Михаила въ исторіи византійскаго раскола арсенитовъ (Христ. Чтеніе: „Арсеній и арсениты“, 1867 и 1869 годы—въ нѣсколькихъ №№).

какъ бы такимъ дѣйствиємъ не вызвать слишкомъ большаго соблазна въ народѣ. Царь былъ крайне недоволенъ образомъ дѣйствиій патріарха. Сначала онъ старался лицемѣрною покорностію и смиреніемъ снискать прощеніе у Арсенія; когда же ему это не удалось, онъ рѣшился низвергнуть съ престола суроваго патріарха. Случай къ этому для деспотическаго и нечестнаго императора представился скоро ¹⁾. Одинъ изъ клириковъ, бывшій секретаремъ у патріарха, по всей вѣроятности, по наущенію самого Михаила представляетъ послѣднему обвинительную записку, въ которой исчислялись различныя обвиненія на патріарха. Записка изложена была по статьямъ въ слѣдующемъ порядкѣ: во-первыхъ, патріархъ произвелъ перемѣны въ чинѣ утрени: въ началѣ утренняго богослуженія псаломъ, положенный за царя, Арсеній велѣлъ исключить и начинать трисвятымъ ²⁾; во-вторыхъ султанъ Иконійскій Азатинъ находится въ дружественныхъ отношеніяхъ съ патріархомъ, такъ что нерѣдко Арсеній позволялъ ему со свитою—съ невѣрующими агарянами—мыться въ церковной банѣ ³⁾, въ банѣ, гдѣ находятся мраморныя изображенія св. креста; въ третьихъ, патріархъ приказывалъ своему іеромонаху преподавать сыновьямъ султана части св. евхаристіи, тогда какъ неизвѣстно — были ли они крещены, и кромѣ того во время утрени въ свѣтлое воскресенье самъ султанъ приходилъ къ нему съ своими сатрапами и присутствовалъ при его молитвословіи. Патріархъ, какъ скоро узналъ о содержаніи поданной противъ него обвинительной записки, безъ особеннаго труда оправдался во всѣхъ взводимыхъ на него проступкахъ. Во-первыхъ, относительно псалма Арсеній оправдывался тѣмъ, что онъ самъ первый ввелъ его въ церковное употребленіе, по обычаю монастырскому, и самъ же потомъ отмѣнилъ, считая достаточнымъ для полноты молитвы за царя трисвятое съ поминованіемъ; при этомъ патріархъ присовокуплялъ, что въ настоящее время царь и

¹⁾ Григоры. Византійская Исторія, кн. IV, гл. 4.

²⁾ Вѣроятно, рѣчь идетъ здѣсь о псалмѣ: „Господи, силою твоею возвеселится царь“.

³⁾ Что такое церковныя бани, см. объ этомъ въ моей статьѣ: „Соборъ при Дубѣ“ (Душ. Чтен. 1889, январь).

не вправѣ жаловаться на это, такъ какъ, будучи отлученъ отъ церкви, онъ недостойнъ ея молитвъ. А что султанъ со свитой мылся въ церковной банѣ, касательно этого патріархъ замѣчалъ, что онъ не давалъ подобнаго разрѣшенія. Притомъ же онъ не видитъ здѣсь ничего преступнаго: позволяется же мыться султану и агарянамъ въ другихъ баняхъ столичныхъ, гдѣ также есть изображенія креста и иконы; если другія бани открыты для нихъ, то почему нужно удалять ихъ изъ церковной? Достаточно оправдывался патріархъ и въ томъ, что онъ имѣлъ церковное общеніе съ султаномъ и его сыновьями. Нужно сказать, что султанъ Азатинъ происходилъ отъ христіанскихъ родителей и былъ крещенъ, а потомъ по какому-то случаю принялъ притворно мусульманство, сдѣлался султаномъ, но не отказался отъ христіанства,—по крайней мѣрѣ, когда онъ бывалъ въ Константинополѣ, онъ почиталъ иконы и соблюдалъ другіе христіанскіе обряды. Въ виду этого, въ свое оправданіе патріархъ указывалъ на то, что султана и его сыновей онъ считаетъ христіанами, но не самъ по себѣ, а на основаніи свидѣтельства епископа Писидійскаго, ихъ крестившаго. Хотя всѣ обвиненія противъ патріарха были или неосновательны или неважны, царь однакожъ домогается суда надъ патріархомъ. Михаилъ созываетъ соборъ противъ Арсенія и самъ присутствуетъ на немъ. По правиламъ церковнымъ, Арсеній трижды призывался на соборъ для отвѣта по поводу возводимыхъ на него преступленій; но онъ отказывался послѣдовать приглашенію. Арсеній писалъ въ отвѣтъ на приглашеніе, что онъ отвергаетъ соборъ, собранный по приказанію царя, царя, отлученнаго отъ церкви, но занимающаго на соборѣ предсѣдательское мѣсто. Историкъ Пахимеръ находитъ Арсенія совершенно правымъ, когда онъ не захотѣлъ явиться на соборъ,—и пишетъ: „судить патріарха въ присутствіи царя, вельможъ и мірянъ, въ царскихъ чертогахъ и подъ непосредственнымъ вліяніемъ царя, вооруженнаго мщеніемъ, вовсе не слѣдуетъ и незаконно“. Это однакожъ не помѣшало императору добиться отъ собора того, что Арсеній, какъ слушникъ церкви (онъ не явился на соборъ, несмотря на при-

глашеніе), лишень былъ патріаршества и касседры ¹⁾.—Не лучше обращается Михаилъ Палеологъ и съ другимъ патріархомъ его времени Іоанномъ Веккомъ, несмотря на содѣйствіе этого послѣдняго уніоннымъ стремленіямъ императора. Веккъ былъ замѣчательною личностью между прочимъ потому, что являясь ревностнымъ пастыремъ онъ весьма часто отправлялся во дворецъ ходатайствовать за то или другое лицо предъ императоромъ, испрашивая у Михаила какой-либо милости для нуждающихся и несчастныхъ. Ходатайства патріарха сильно наскучили Михаилу, человѣку жестокому, не знавшему, что такое христіанская любовь. „Онъ ненавидѣлъ патріарха, говоритъ Пахимерь, за его настойчивость, ибо ревность его считалъ сварливостію, а ходатайства за невинно осужденныхъ вмѣнялъ себѣ въ безпокойство“. Императоръ пожелалъ чѣмъ-либо досадить патріарху за его великую пастырскую ревность. Какъ скоро царь пожелалъ этого, нашлись лица, которыя съ удовольствіемъ взялись помочь императору въ выполненіи подобнаго намѣренія. Явились клеветники, обвинявшіе патріарха въ блудодѣяніи, въ расхищеніи церковныхъ имуществъ и въ томъ наконецъ, что онъ проклиналъ царя. Послѣднее обвиненіе основывалось на томъ, что патріархъ, часто безуспѣшно ходатайствуя предъ императоромъ за кого-либо невинно страждущаго, въ свое оправданіе говорилъ подобному лицу: „Богъ свидѣтель, какъ я старался за тебя предъ царемъ“. Эти возгласы Векка истолковывались клеветниками въ томъ смыслѣ, что будто патріархъ призывалъ гнѣвъ Божій на голову немилосердаго императора. Какъ ни важны были всѣ эти обвиненія, но они не вели къ цѣли, потому, что патріархъ былъ выше подобныхъ обвиненій. Тогда императоръ рѣшилъ какимъ-либо другимъ способомъ причинить крупную непріятность Іоанну Векку. Онъ рѣшилъ сократить размѣръ патріаршей юрисдикціи. Михаилъ издалъ новеллу, въ силу которой всякаго рода мѣста, под-

---

¹⁾ Пахимера. Исторія о Михаилѣ Палеологѣ, кн IV, гл. 3—4. Григорій. Византійская исторія, кн. IV, гл. 4.

чиненныя дотолѣ патриарху въ какихъ бы то ни было областяхъ и такого же рода обители, впредь зависѣли только отъ епископовъ тѣхъ областей, гдѣ находятся. Императоръ хотѣлъ отнять у патриарха значеніе „вселенскаго патриарха“. Векъ не могъ снести такого стѣсненія священныхъ правъ, удалился въ монастырь, желая покинуть кафедру, и если въ послѣдствіи снова возвращается къ патриаршеству, то дѣлаетъ это по желанію церкви, а не императора ¹⁾).

Михаилу Палеологу наследовалъ сынъ его *Андроникъ II*. Переходя отъ царствованія перваго къ царствованію втораго, мы такимъ образомъ переходимъ отъ правленія болѣе удачнаго къ менѣе удачному въ политическомъ отношеніи и отъ энергическаго къ очень скромному въ общественномъ отношеніи. Андроникъ не имѣлъ ни способностей, ни энергіи отца. Но это отнюдь не даетъ права съ сожалѣніемъ смотрѣть на преемника Михайлова. По крайней мѣрѣ, что касается дѣлъ церковныхъ, то по отношенію къ нимъ Андроникъ стоялъ выше своего отца. Какія неудачи ни преслѣдовали Андроника, во всякомъ случаѣ ему нужно вѣнчать въ похвалу слѣдующее: Михаилъ хотѣлъ руководить церковію и потому нерѣдко являлся деспотомъ; Андроникъ напротивъ, хотѣлъ доставить церкви ту самостоятельность въ дѣйствіяхъ, какая ей по праву должна принадлежать. Михаилъ насильственно давалъ дѣламъ церкви такое направленіе, какое ему хотѣлось; Андроникъ напротивъ позволялъ церкви и ея представителямъ открыто заявлять о ихъ желаніяхъ и требованіяхъ. Нельзя отрицать того, что занятое Андроникомъ положеніе причиняло ему иногда очень много заботъ и безпокойствъ. Но во всякомъ случаѣ онъ шелъ болѣе прямой и правильной дорогой, чѣмъ его отецъ. Михаилъ оставилъ Андронику въ наследство два очень непріятныхъ дѣла: во первыхъ, заключенную имъ съ папою унію, во вторыхъ, раздоръ арсенитовъ съ господствующей Византійской церковію. Уладить первое дѣло было нетрудно: Восточная церковь не сочувствовала уніи (Ліонской), и Андроникъ легко могъ разрушить это непріятное дѣло, при-

¹⁾ Пахимера, кн. VI, гл. 10—13; 17.

знавъ унію разорванною ¹⁾. Не такъ просто было уладить дѣло съ расколомъ арсенитовъ. Арсениты въ началѣ стояли за правое дѣло, не хотѣли имѣть общенія съ тѣми изъ патріарховъ Византійскихъ, которые сквозь пальцы смотрѣли на узурпаторское занятіе Михаиломъ престола, на убіеніе имъ законнаго наслѣдника престола, и которые не обращали вниманіе на отлученіе, по этому поводу наложенное на него патріархомъ Арсеніемъ. Но тѣ же арсениты впоследствии заявили себя такими неумѣренными и незаконными притязаніями, на которыя не стоило обращать серьезнаго вниманія. Ошибка Андроника въ борьбѣ съ арсенитами заключалась въ томъ, что онъ придалъ этой партіи слишкомъ много значенія и тѣмъ поддерживалъ въ ней упорство, которое тѣсно переплеталось у арсенитовъ съ ревностію ихъ объ охраненіи интересовъ перкви. Какъ извѣстно, Андроникъ такъ далеко простиралъ уступчивость арсенитамъ, что позволялъ имъ дѣлать много такого, чего разрѣшать имъ не слѣдовало ²⁾. Такъ, напримѣръ, онъ дозволилъ имъ устроить слѣдующее состязаніе съ православными: арсениты написали на бумагѣ свои претензіи въ отношеніи къ православному, заставили и православныхъ съ своей стороны изложить на бумагѣ же ихъ взгляды на арсенитовъ; ту и другую бумагу, по настоянію арсенитовъ, нужно было публично предать огню; они предполагали, что ихъ грамота, какъ заключающая въ себѣ законныя требованія, не сгоритъ. Само собою понятно, что огонь пожралъ грамоты и арсенитовъ и православныхъ ³⁾. Результатъ, —какого и слѣдовало ожидать. Но, разумѣется, не было надобности допускать арсенитовъ до подобнаго опыта, ибо онъ давалъ имъ горделивую мысль, что арсенитская партія есть что-то равноправное съ самою церковью. Расколъ арсенитовъ не пережилъ времени царствованія Андроника. Онъ успѣлъ въ

¹⁾ Подробности см. въ сочиненіи проф. А. Л. Катанскаго. „Исторія попытокъ къ соединенію церквей“, стр. 171 и далѣе.

²⁾ Фактическая исторія отношеній Андроника къ арсенитамъ весьма обстоятельно изложена въ преждеупомянутыхъ статьяхъ проф. И. Е. Троицкаго (Хр. Чт. 1871 годъ).

³⁾ Pachymeris. De Andronico Palaeologo, lib. I, cap. 22 (p. 61—62). Edit. Bonn.

это время высказать себя всецѣло, со всѣми его слабыми сторонами. Очень возможно, что этотъ расколъ прекратился бы еще быстрѣе, еслибы Андроникъ меньше обращалъ вниманія на притязанія арсенитовъ, но во всякомъ случаѣ, можно и утверждать, что благодаря Андронику и его отношеніямъ къ раскольникамъ арсенитскій расколъ исчезъ потому, что этотъ послѣдній для всѣхъ ясно показалъ свою внутреннюю несостоятельность. — Изъ другихъ фактовъ, въ которыхъ выразились отношенія Андроника II къ церкви, укажемъ на его борьбу съ симонією въ Византійской церкви. Дѣло происходило такъ. Андроникъ объявилъ своего сына Михаила соправителемъ и наслѣдникомъ. А для того, чтобы болѣе обезпечить престолонаслѣдіе своему сыну, онъ потребовалъ отъ епископовъ, чтобы они издали грамоту, которая угрожала бы отлученіемъ отъ церкви всякому, кто осмѣлился-бы возстать противъ объявленнаго соправителя и дѣлать противъ него заговоры. Неизвѣстно почему, но только епископы, къ неудовольствію Андроника, не согласились на его предложеніе; они говорили, что церковь, покровительница мира и любви, и не должна становиться на сторонѣ суровости и наказаній. Императоръ хотя и принужденъ былъ примириться съ неудачей, но какъ бы въ отмщеніе за неисполненіе его воли епископами рѣшился провести одну мѣру, которая была для нихъ очень непріятна. Однажды онъ собралъ соборъ епископовъ, сказалъ имъ рѣчь, въ которой доказывалъ, какъ непристойно архіереямъ брать деньги за посвященіе въ священныя должности и объявлялъ, что это зло нужно прекратить. Члены собора однако не соглашались съ этимъ. Они раскрывали мысль, что съ уничтоженіемъ этого источника доходовъ епископы будутъ терпѣть матеріальную скудость; утверждали, что самое священнослуженіе, въ случаѣ принятія предложенія императора, потерпитъ большой уронъ, такъ какъ только немногіе отважатся при такихъ условіяхъ брать на себя епископскія обязанности; наконецъ, они ссылались на то, что плата за хиротонію узаконена давнишними царскими указами (Юстиніанъ, Исаакъ и Алексѣй Комнины), и что вообще это обыкновеніе вошло во всеобщую практику. Императоръ не

внималъ этимъ доводамъ. Спустя нѣсколько дней онъ выдалъ новеллу, которою запрещалось взимать что бы то ни было за хиротонію, не исключая простой восковой свѣчи. Только немногіе епископы рѣшились протестовать противъ распоряженій Андроника ¹⁾. Само собою разумѣется, законъ этотъ недолго исполнялся. Какъ скоро обстоятельства перемѣнились, плата за хиротонію опять возобновилась. Приведенный указъ Андроника по своей идеѣ прекрасенъ, но едвали можно одобрить законодателя за то, что онъ выдалъ его не по сознанію его полезности, а единственно потому, что императоръ захотѣлъ изданіемъ закона наказать строптивость епископовъ ²⁾.

Царствованіе *Андроника III* или Младшаго, который, въ качествѣ внука, былъ преемникомъ Андроника II, ничѣмъ не замѣчательно по отношеніямъ этого царя къ церкви. При немъ больше правилъ дѣлами его другъ Іоаннъ Кантакузинъ, чѣмъ самъ царь. Что-же касается Кантакузина, то его отношенія къ церкви, не смотря на его религіозность и достойное похвалы поведеніе, не сопровождалось должнымъ уваженіемъ къ правамъ церкви. Расскажемъ одинъ случай, имѣвшій мѣсто въ правленіе Андроника III и доказывающій, что Кантакузинъ не чуждъ былъ наклонности попираť права іерархіи. По смерти патріарха Исаи нужно было выбрать новаго архипастыря столицы. Кантакузинъ захотѣлъ доставить это высокое мѣсто своему придворному священнику Іоанну Калекасу. Соборъ воспротивился этому, принимая во вниманіе, что Калекасъ имѣлъ жену, дѣтей и былъ низкаго происхожденія. Тогда Кантакузинъ чрезъ нѣсколько дней собралъ вторичный соборъ. На немъ заявилъ свое согласіе съ отцами собора касательно отверженія кандидатуры Калекаса. Но при этомъ Кантакузинъ просилъ соборъ возвести Калекаса по крайней мѣрѣ въ митрополита

¹⁾ Pachymeris. Ibidem, lib. III, cap. 3, p. 197—200.

²⁾ Андронику между прочемъ принадлежитъ новелла: De festo assumptionis per totum mensem Augustum celebrando. Содержаніе ея не совсѣмъ понятно: ея предписывалось праздновать Успеніе Богородицы не одинъ только день (15 августа), какъ утвердилось это издревле, а распространять празднованіе отъ перваго числа названнаго мѣсяца до его конца. Migne, Gr. tom. 161, p. 1095—1107.

Θεσσαλονικι. Соборъ, чтобы сдѣлать пріятное Кантакузину, выразилъ свое согласіе на это и въ этомъ родѣ было составлено соборное опредѣленіе. Но предложеніе Кантакузина было просто ловушкой. Когда отцы рѣшились возвести Калекаса въ митрополиты, Кантакузинъ сказалъ: если вы возводите его въ митрополиты, то конечно онъ способенъ быть и патріархомъ, такъ какъ благодать Св. Духа одна и таже у епископовъ всѣхъ ранговъ. Развѣ—прибавилъ онъ—императоръ не можетъ по своей волѣ сдѣлать митрополита Θεσσαλονικскаго патріархомъ? Итакъ Іоаннъ Калекасъ сдѣлался патріархомъ ¹⁾.

Сдѣлавшись императоромъ, Кантакузинъ держался той же тактики. Онъ вмѣшивался въ дѣла церкви и направлялъ ихъ сообразно своимъ желаніямъ. Такъ онъ властно вмѣшивается въ споры такъ называемыхъ Паламитовъ и Варлаамитовъ; онъ предсѣдательствуетъ на соборахъ по поводу этихъ споровъ, наклоняетъ рѣшеніе ихъ въ извѣстную сторону, не давая противникамъ свободно выражать свои мнѣнія; онъ даже сквозь пальцы смотритъ на то, что торжествующая партія позволяетъ себѣ надругательство надъ противниками ²⁾. Смѣна патріарховъ совершалась не въ интересахъ церкви, а въ личныхъ интересахъ самого Кантакузина. Когда патріархъ Каллистъ отказался короновать сына Кантакузина—Матеея (Кантакузинъ въ существѣ дѣла былъ соправителемъ молодого императора Іоанна Палеолога), то онъ сказалъ патріарху: „если ты упорствуешь, то мы выберемъ другого патріарха“ ³⁾. Такъ и было. — Кантакузинъ, значить, былъ не лучше разныхъ Мануиловъ, Исааковъ, Михайловъ.

Не будемъ рассказывать объ отношеніяхъ къ церкви трехъ послѣднихъ императоровъ: Іоанна, Мануила и опять

¹⁾ Замѣчательно: всю эту исторію рассказываетъ самъ Кантакузинъ. Cantacuzeni. Historiae, lib. II, cap. 21. Tom. I, p. 431—435. Edit. Bonn.

²⁾ Gregorae. Historia Byzantina, lib. XVIII, cap. 3, p. 882—884; lib. XXI, cap. 3, p. 1011.

³⁾ Cantacuzeni. Historiae, lib. IV, cap. 37. Tom. III, 270—272. —Обширная статья проф. Флоринскаго: „Андроникъ Младш. и Іоаннъ Кантак.“, вопреки ожиданіямъ, почти вовсе не касается отношеній Кантакузина къ церкви (Жур. М. Н. Просв., т. 204—205. 1879 г.).

Іоанна Палеологовъ: мѣняются лица, система же—назовемъ такъ—остается таже ⁴⁾).

Общій выводъ изъ всѣхъ приведенныхъ нами фактовъ, въ которыхъ выражались отношенія государства къ церкви, понятенъ: Византійская церковь много терпѣла отъ деспотизма императоровъ.

---

⁴⁾ Богѣ существенное касательно этихъ отношеній будетъ передано дагѣ въ очеркѣ о Византійскихъ патріархахъ въ частности.

Іерархи, преимущественно Константинопольскіе, и ихъ церковно-общественная дѣятельность.

При обзорѣни церковной іерархіи изучаемой нами эпохи займемся преимущественно изученіемъ іерархіи въ патріархатѣ Константинопольскомъ. Почему—это понятно безъ разъясненій. Константинопольскій патріархатъ и ранѣе былъ, а теперь въ особенности становится центромъ церковно-исторической жизни Востока. Всѣ достопримѣчательныя церковныя событія тѣхъ временъ происходятъ именно въ Константинопольскомъ округѣ. Этотъ патріархатъ остается самымъ вліятельнымъ на Востокъ: въ немъ церковно-историческая жизнь имѣетъ болѣе нормальное и полное теченіе, чѣмъ гдѣ-либо на Востокѣ; а это зависѣло отъ того, что здѣсь церковь и государство все же оставались въ лучшихъ взаимныхъ отношеніяхъ, чѣмъ въ другихъ патріархатахъ, плѣненныхъ магометанами и частію наводненныхъ крестовосными латинскими полчищами. При томъ же и церковно-историческіе источники, касающіеся XII—XV вѣковъ, много передаютъ свѣдѣній о патріархатѣ Константинопольскомъ и очень мало о другихъ патріархатахъ.

Считаемъ нужнымъ напередъ сдѣлать оговорку, что, разсуждая о важности Константинопольскаго патріархата въ ряду другихъ патріархатовъ изучаемой нами эпохи, мы не хотимъ утверждать, что имѣемъ въ виду разсказывать о какихъ-либо великихъ, замѣчательнѣйшихъ событіяхъ, здѣсь происходившихъ. Это будетъ напраснымъ ожиданіемъ. Жизнь и Константинопольскаго патріархата была жизнію заурядною, однообразною, а главное—она проходитъ безъ особенныхъ замѣчательныхъ движеній; здѣсь не встрѣчаемъ ни-

какихъ, такъ сказать, міровыхъ событій, никакихъ явленій. составляющихъ эпоху въ церковно-историческомъ развитіи,

Мы уже знаемъ, что религіозно-нравственная жизнь обзорѣаемаго періода стояла на довольно низкой степени совершенства ¹⁾; мы также знаемъ, что Византійская государственная власть слишкомъ много вмѣшивалась въ дѣла церкви, встрѣчая себѣ здѣсь очень мало сопротивленія ²⁾. Все это явленія не радостныя. Чѣмъ же они объясняются? Больше всего—состояніемъ Византійской іерархіи. Вожди церкви въ большинствѣ случаевъ очень невысоко стояли въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Такимъ образомъ предпринимаемый нами обзоръ состоянія іерархіи, въ значительной степени, долженъ уяснить для насъ то печальное положеніе церковно-исторической жизни, съ которымъ мы достаточно познакомились въ предшествующихъ очеркахъ.

Идеаль истиннаго пастыря церкви, украшеннаго достоинствами, необходимыми въ его дѣятельности, ясно рисовался въ сознаніи лучшихъ, болѣе образованныхъ и проникательныхъ Византійцевъ нашего періода. Одинъ изъ нихъ (историкъ Пахимерь) находилъ, что пастыри церкви должны отличаться въ особенности двумя качествами—любовью къ пасомымъ и милосердіемъ къ согрѣшающимъ. Раскрывая мысль, что любовь къ пасомымъ должна быть наиболѣе всего присуща пастырямъ, византійскій писатель въ доказательство ссылается на слова Іисуса Христа, сказанныя Имъ Петру при возстановленіи этого послѣдняго въ апостольскомъ достоинствѣ: „если любишь Меня, паси овцы Мои“—говорилъ Христосъ Петру, внушая ему, что пастырь церкви долженъ имѣть въ своей душѣ любовь Христову. А раскрывая мысль, что пастырь церкви долженъ быть проникнуть милосердіемъ къ согрѣшающимъ, тотъ же писатель въ удостовѣреніе вѣрности своей мысли указываетъ на примѣръ ап. Павла, который, будучи сначала гонителемъ церкви, заслуживалъ гнѣва Божія, но по милосердію Божию прощенъ и сдѣлался великимъ апостоломъ. „Христосъ —

¹⁾ См. выше стр. 45 и дал.

²⁾ См. выше стр. 106 и дал.

замѣчалъ этотъ писатель—милосердіе возводитъ въ законъ¹⁾. Вотъ какой идеалъ пастыря церкви предносился мысленному взору одного византійскаго писателя XIV вѣка. Другой византійскій писатель того же вѣка (Никифоръ Григора), дорисовывая указанный идеалъ пастыря, требуетъ еще, чтобы духовный руководитель христіанскаго народа обладалъ въ одно и тоже время и высокою духовною опытностію и способностію къ общественной дѣятельности. „Желательно было бы—разсуждаетъ Григора—чтобы то и другое не находилось во взаимной враждѣ, какъ бываетъ съ тѣломъ и духомъ, съ элементами естественнымъ и сверхъестественнымъ. Хотѣлось бы, чтобы въ томъ, кто управляетъ церковію, было смѣшеніе и соединеніе того и другаго, какъ это мы видимъ на музыкальныхъ инструментахъ, когда они находятся въ рукахъ знатоковъ музыкальнаго дѣла. Знатоки музыки не въ одинаковый тонъ натягиваютъ всѣ струны, иначе не было бы гармоніи, но одну струну налаживаютъ на низкій тонъ, другую — на высокій; эту натягиваютъ больше, а ту меньше, и такимъ образомъ достигаютъ гармоніи. Тому, кто занимаетъ свой умъ—продолжаетъ развивать свою мысль историкъ—одною религіею, однимъ созерцаніемъ божественнаго, слѣдуетъ жить подвижнически въ горахъ и пещерахъ, такъ какъ онъ не интересуется связями съ обществомъ и сдѣлался совершенно чуждъ житейскихъ дѣлъ. А кто, отличаясь добродѣтелью (и духовною опытностію), имѣетъ нравъ общительный, не чуждается дѣлъ гражданскихъ и опытенъ въ практической дѣятельности, на такого можно вполне положиться, что онъ будучи пастыремъ душъ, поведетъ ввѣренный его попеченію народъ ко всему лучшему и спасительному. И Спаситель нашъ и Богъ,—прибавляетъ Григора,—если бы не снисходилъ къ человѣческимъ слабостямъ, не ѣлъ вмѣстѣ съ мытарями, не имѣлъ общительнаго права и не былъ по возможности для всѣхъ всѣмъ, не легко, думаю, привелъ бы народы и города

---

¹⁾ Pachymeris. De Andronico Palaeologo. Lib. II, cap. 13, p. 140—141. Edit. Bonn.

къ тому, что полезно и спасительно“¹⁾). Такими-то чертами рисовался идеалъ пастыря въ сознаниі лучшихъ византійцевъ изучаемаго періода. Чтобы осуществлять подобный идеалъ, пастырямъ церкви нужно было обладать многими и разнородными достоинствами; но, къ сожалѣнію, далеко не таковы были въ дѣйствительности пастыри церкви въ XII—XV вѣкахъ.

Опишемъ состояніе высшихъ іерарховъ обозрѣваемой эпохи — патріарховъ Константинопольскихъ, и мы увидимъ, насколько дѣйствительность соотвѣтствовала вышеуказанному идеалу. Принимая на себя задачу ознакомить читателя съ патріархами Константинопольскими, мы однако же не имѣемъ въ виду излагать свѣдѣнія обо всѣхъ нихъ. Это было бы слишкомъ длинно, да и не цѣлесообразно, потому что не обо всѣхъ патріархахъ мы имѣемъ достаточныя свѣдѣнія. Поэтому мы поведемъ рѣчь о патріархахъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ или о такихъ, о которыхъ сохранилось побольше свѣдѣній²⁾).

Первый классъ патріарховъ, подлежащихъ нашему разсмотрѣнію, составляютъ тѣ, которые управляли Византійскою церковію отъ конца XI вѣка (со временъ царствованія Алексѣя Комнина) до подпаденія Константинополя подъ власть латинянь-крестоносцевъ. О нихъ прежде всего и будемъ говорить. Напередъ должны замѣтить, что между ними весьма мало такихъ, которые отличались бы личными или пастырскими доблестями. Незамѣчательные берутъ явный перевѣсъ предъ замѣчательными чѣмъ-либо. Вотъ главнѣйшія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ изъ этихъ патріарховъ.

Слѣдуя хронологическому порядку, надлежало-бы сообщить извѣстія о патріархѣ *Евстратіи Гаридѣ* (1081—1084 гг.), но о немъ почти нечего сказать³⁾). Больше свѣдѣній, при-

¹⁾ Григоры. Византійская Исторія. Кн. III, гл. 3, стр. 63—65. Русск. переводъ.

²⁾ О другихъ патріархахъ ограничимся краткими замѣчаніями подъ строкой.

³⁾ Свѣдѣнія о немъ можно находить у Анны Комниной: „Сказаніе о дѣлахъ Алексѣя Комнина“, кн. III, гл. 2; кн. X, стр. 705 (Migne, Gr. tom. 131). Въ вообще свѣдѣнія о Евстратіи: (Cuperi) *Ad historiam patriarcharum Constantinopolitanorum* (Acta Sanctorum. August. T. I, cap. 80). (Это

томъ довольно характеристическихъ, имѣемъ о слѣдующемъ Константинопольскомъ патріархѣ — *Николай Грамматикъ* (1084 — 1111). Николай извѣстенъ былъ добродѣтельною жизнію и не чуждъ былъ образованія, но все-таки не можетъ быть названъ человѣкомъ опытнымъ въ наукѣ¹⁾. Нельзя утверждать о немъ, что онъ отличался и пастырскимъ искусствомъ. Едва-ли онъ способенъ былъ благотворно вліять на такое нравственно расшатанное общество, какъ византійское. Относительно Николая сохранилось даже очень любопытное свидѣтельство, изъ котораго видно, что сами архипастыри тѣхъ временъ не знали, что дѣлать съ такимъ обществомъ, которое, какъ говорится, отъ рукъ отбилось и которое ни во что ставило не только увѣщанія, а и духовныя наказанія. До патріарха дошли печальныя извѣстія о нравственныхъ безпорядкахъ среди Аѳонскихъ монаховъ²⁾, — царь Алексѣй Комнинъ предложилъ патріарху наложить на виновныхъ сильныя наказанія. Но, какъ оказалось потомъ, патріархъ не сочувствовалъ очень строгимъ мѣрамъ въ борьбѣ со зломъ, потому что находилъ, что епитиміи перестали уже оказывать свое дѣйствіе на народъ, да и сами пастыри, по сознанию патріарха, были не лучше своихъ пасомыхъ. Предъ концомъ своей жизни патріархъ съ такими словами обращается къ императору: „есть апостольское правило (33), которое гласитъ: „ежели который епископъ или пресвитеръ или діаконъ не постытся во св. четьредесятницу или въ среду и пятокъ, да будетъ низложенъ, а мірянинъ отлучится“. А теперь — заявлялъ Николай — найдешь ли ты постыщихся іереевъ или царей? Всѣ извипяются немоцію — даже сами законники и церковные проповѣдники. Кто теперь постится? Развѣ гдѣ какой затворникъ или пустынникъ, да и то рѣдко. Какъ же налагать прещенія на легкомысленный и необразованный народъ просто и когда случится, и притомъ, когда никто не соблюдаетъ

сочиненіе и ниже будемъ цитировать въ нужныхъ случаяхъ). Слич. Le—Quien. Oriens christianus. Tom. I, n. 264.

¹⁾ Zonarae. Annales, lib. XVIII, cap. 21 (Migne, Graec., tom. 135, p. 299).

²⁾ См. выше стр. 85—87: „скромная Аѳонская драма“.

ихъ“. Разъясняя эту послѣднюю мысль, патріархъ говорилъ еще царю: „я не налагалъ продолжительныхъ эпитимій или преценій, погому что никто не соблюдаетъ ихъ. Я давно зналъ, что ничего не соблюдаетъ человѣческое естество... безумно (?) налагать эпитиміи на людей“¹⁾. Такимъ образомъ въ лицѣ патріарха Николая Грамматика встрѣчаемъ интересный типъ патріарха, отказывающагося дѣйствовать на народъ силою духовной власти, такъ какъ отъ этого рода дѣйствій нельзя уже было ожидать никакой пользы. Кто въ этомъ случаѣ больше виноватъ — отбившійся отъ рукъ народъ или патріархъ, не умѣвшій приняться за нравственное воспитаніе ввѣреннаго ему духовнаго стада — не будемъ разбирать. Остается въ наличности фактъ—бездѣйствующей духовной власти²⁾.

Бывали на Византійской патріаршей кафедрѣ даннаго времени и такіе патріархи, которые очень скоро приходили къ мысли, что они не на своемъ мѣстѣ и удалялись въ тотъ монастырь, изъ котораго они были взяты на патріаршество. Такимъ былъ одинъ изъ пріемниковъ Николая Грамматика, *Михаилъ Оксійскій* (1143—1146 г.)³⁾. Характеристика его

1) Пресвящ. Порфирія. Исторія Аѳона. Т. III, стран. 250—252.

2) Въ правленіе Николая Грамматика появилось нѣсколько соборныхъ опредѣленій, но всѣ они не имѣютъ большаго историческаго значенія. Кромѣ нѣсколькихъ опредѣленій по вопросамъ брачнаго права (Migne, Gr., tom. 119, p. 761—65), Николаю принадлежитъ еще синодальное опредѣленіе: de praestatione canonicoꝝ, въ которомъ объясняется, что и плата съ посвящаемыхъ во священники, и сборъ въ пользу духовенства съ пасомыхъ (какъ то и другое опредѣлено одною новеллою Алексѣя Комнина. См. выше, стр. 121—2), не представляютъ ничего противозаконнаго, противнаго Св. Писанію и правиламъ прежнихъ соборовъ (Migne, t. 119, p. 860—64). Разсматриваемое опредѣленіе при Николаѣ дано вслѣдъ за подобнаго же рода новеллою императора Алексѣя (чрезъ два мѣсяца, въ 1086 г.). Съ именемъ того же Николая существуетъ соборная грамота къ Алексѣю Комнину по вопросу о возведеніи императорскою властію епископовъ въ архіепископы или митрополиты (Migne, tom. 119, p. 864 et seq.). Грамота эта написана въ отвѣтъ на новеллу Алексѣя по тому же вопросу (См. Migne, tom. 127, p. 928, nota 7) Сводъ общихъ свѣдѣній о Николаѣ можно находить: Superi. Ad histor. patriarch. Constantinop. cap. 81. Слич. Le—Quien. Oriens christianus. T. I, p. 264—266.

3) Опускаемъ безъ обзорѣнія правленіе двухъ ближайшихъ Николаевыхъ преемниковъ: Іоанна Халкидонія (1111—1134) и Льва Стипіота (1134—1143). Ни о томъ (Superi. Ad histor. patr., cap. 82. Le—Quien, I, p. 266), ни о другомъ (Superi, cap. 83. Le—Quien, I, p. 266—7) не сохранилось сколько нибудь интересныхъ свѣдѣній. Заслуживаетъ вниманія лишь слѣдующее: Куперъ, говоря о Львѣ Стипіотѣ, доказываетъ, что ни этотъ патріархъ,

личности очень сходна съ вышеприведенной характеристикой Николая Грамматика. Историкъ (Киннамъ) замѣчаетъ о немъ: „Михаилъ былъ человѣкъ добродѣтельный, отличался чистотою нравовъ, зналъ Св. Писаніе, но не имѣлъ достаточнаго образованія и познанія въ наукахъ“¹⁾. Но этотъ патріархъ очень скоро понялъ, что, обладая добродѣтелями, но не имѣя образованія и пастырскаго искусства, весьма трудно править такимъ своенравнымъ стадомъ, какъ Византійцы. Онъ добровольно покинулъ патріаршую кафедру, возвратился на о. Оксію, гдѣ съ молодыхъ лѣтъ онъ проводилъ подвижническую жизнь. Мало того: Михаилъ произвольно наложилъ на себя нѣкое унижительное наказаніе за то, что онъ сидѣлъ на патріаршемъ престолѣ, гдѣ сидѣть ему совсѣмъ не подобало. Историкъ (Никита) говоритъ: „Михаилъ простерся на землѣ при входѣ въ преддверіе монастырскаго храма и отдалъ выю свою на поправаніе всякому входящему монаху — въ сознаніи той мысли, что онъ напрасно оставлялъ жизнь простаго монаха и безъ всякой пользы восходилъ на высокій патріаршій престолъ“²⁾. Исторія почти ничего не говоритъ о патріаршествѣ Михаила; да и не удивительно: патріархъ, сознававшій, что онъ попалъ не на свое мѣсто, едва ли могъ быть дѣятельнымъ архипастыремъ.

Больше подробностей извѣстно о слѣдующемъ патріархѣ, *Космѣ Аттикѣ* (1146—1147), но эти подробности рисуютъ упомянутаго Византійскаго патріарха чаще всего со стороны невыгодной. Косма былъ избранъ изъ діаконовъ. Къ патріаршей кафедрѣ его приблизили нѣкоторые его добродѣтели, но отнюдь не умственные или какія-либо практико-пастырскія достоинства. Онъ обращалъ на себя вни-

---

ни современный ему императоръ, Іоаннъ Комнинъ, не были склонными къ уни съ Латинскою церковью (доказываетъ — въ противоположность, наприм., Остеру, который смотритъ иначе на этотъ вопросъ, но безъ должныхъ основаній).

¹⁾ Киннама. Царствованіе Іоанна и Мануила Комнинныхъ, кн. II, гл. 2. (Рус. пер.). Хотя Никита Хоніатъ (Исторія царствованія Мануила, кн. I, гл. 2) съ нѣкоторою похвалою отзывается относительно образованія Михаила, но Киннаму нужно больше вѣрить, какъ современнику этого патріарха.

²⁾ Никиты. Царствованіе Мануила, кн. II, гл. 3 (initium).

маніе своимъ милосердіемъ и состраданіемъ къ бѣднымъ; за это у многихъ онъ былъ въ большемъ почтеніи. Историкъ Никита Хоніатъ повѣствуетъ: „Косьма былъ до того сострадательнъ къ людямъ, что и верхнюю и нижнюю одежду съ своего тѣла, и льняное покрывало съ своей головы отдавалъ бѣднымъ, и не только самъ раздавалъ свое имущество, но и другихъ побуждалъ помогать нуждающимся“ ¹⁾. Но этимъ и ограничивались достоинства патріарха. Едва ли онъ имѣлъ хоть какое-нибудь образованіе. Историкъ Киннама говоритъ о Косьмѣ, что „онъ былъ излишне простъ“ ²⁾. Полагаемъ, что слова эти нужно понимать въ самомъ широкомъ смыслѣ, т. е. въ томъ смыслѣ, что Косьма былъ простецомъ, какъ человѣкъ, чуждый науки и просвѣщенія. Кроме того, Косьма не имѣлъ никакого понятія объ осторожности и благоразуміи, качествахъ, необходимыхъ въ его положеніи, такъ что въ короткое свое патріаршество сѣумѣлъ сильно себя скомпрометировать въ глазахъ византійскаго общества. На свое несчастіе Косьма вошелъ въ тѣсныя, самыя дружественныя связи съ однимъ монахомъ, по имени Нифонтомъ, сблизеніе съ которымъ сдѣлало патріарха притчею во языцѣхъ и разрѣшилось низверженіемъ патріарха съ каеэдры. Но скажемъ нѣсколько подробнѣе объ этомъ Нифонтѣ и отношеніяхъ къ нему патріарха. Въ правленіе Косьмина предшественника, прежде упомянутаго нами патріарха Михаила, Нифонтъ навлекъ на себя всю строгость церковнаго суда. При патріархѣ Михаилѣ открылось, что Нифонтъ былъ приверженцемъ богомилской ереси: подобно другимъ представителямъ богомилства этого времени, онъ отвергалъ таинство евхаристіи, почитаніе св. креста и иконъ, порицалъ употребленіе въ пищу мяса, молока и вина, утверждалъ, что только въ монашествѣ можно найти

¹⁾ Никиты. Ibidem. Никита, какъ еще увидимъ ниже, слишкомъ при- страстно оцѣниваетъ достоинства этого патріарха (отчасти изъ предубѣ- жденія къ императору Мануилу, современнику Косьмы); и потому, кажется, извѣстія этого историка о необыкновенной нестяжательности патріарха не чужды преувеличенія.

²⁾ Киннама. Кн. II, гл. 10 (фр.). Напротивъ, Никита называетъ Косьму „очень ученымъ“ (Царствованіе Мануила, II, 3) — сужденіе, рѣшительно ничѣмъ не подтверждающееся и противорѣчащее извѣстіямъ Киннама, который знаетъ Косьму въ качествѣ своего современника.

спасеніе, допускалъ, что женщины-діакониссы имѣютъ право принимать дѣятельное участіе въ богослуженіи, напримѣръ читать Евангеліе и пр. За все это Нифонтъ и другіе богамилы подвергнуты осужденію на соборѣ при патріархѣ Михаилѣ. Нифонтъ былъ лишень бороды, простиравшейся у него до земли, и заключень въ такъ называемую патріаршую тюрьму¹⁾. Но судьба этого Нифонта скоро перемѣняется къ лучшему. Лишь только Косьма взомель на патріаршую каеэдру Константинополя, онъ отворилъ двери темницы, гдѣ заключень былъ осужденный соборомъ монахъ. Новый патріархъ объявилъ соборное осужденіе, произнесенное на Нифонта, незаконнымъ и несправедливымъ. Нифонтъ свободно началъ появляться на улицахъ столицы, собиралъ вокругъ себя множество народа на площадяхъ; ничего не хотѣлъ дѣлать, кромѣ распространенія своего ученія. Самъ патріархъ души не чаялъ въ Нифонтѣ: онъ поселилъ его на патріаршемъ подворьѣ, сажалъ его съ собою за столъ, велъ съ нимъ безконечныя бесѣды. Словомъ, по замѣчанію Киннама, „Косьма чуть не боготворилъ разстригу“²⁾. Понятно, что такое поведеніе патріарха производило скандалъ. Осужденный еретикъ оказывается вдругъ самымъ близкимъ человѣкомъ къ патріарху! Многіе доброжелатели Косьмы приходили къ нему съ тѣмъ, чтобы убѣдить его отказаться отъ связей съ Нифонтомъ. Они говорили патріарху: „что это значить, святѣйшій пастырь, что ты ввѣрился волку? Развѣ не знаешь, что за это не хорошо посматриваетъ на тебя паства? Расторгни гибельную связь“. Но Косьма ни на что не обращалъ вниманія. Онъ пренебрегалъ укоризнами, не хотѣлъ покидать Нифонта, что ни вышло бы изъ этого. Вскорѣ скандалъ разросся до грандіозныхъ размѣровъ. Чтобы положить конецъ народному говору, императоръ Мануилъ приказалъ схватить и снова заключить Нифонта въ тюрьму. Патріархъ такъ былъ пораженъ этимъ,

¹⁾ Киннама. Кн. II, гл. 10. Архим. Арсенія. Лѣтопись церковныхъ событій, стр. 423. Петербургъ, 1880. — Патріаршая тюрьма, находившаяся при патріаршемъ подворьѣ, устроена была Михаиломъ Оксійскимъ и ввѣрена охраненію особенно суровой стражи (Никиты. Царствов. Алексѣя, сына Мануилова, гл. 11).

²⁾ Киннама. Тамъ-же. Никиты. Царствов. Мануила, кн. II, гл. 3.

что въ первую минуту безпрекословно повиновался царю. Но когда полицейскіе увели Нифонта, Косьма почувствовалъ себя глубоко потрясеннымъ разлукою съ своимъ другомъ... Онъ устремился вслѣдъ за арестованнымъ и, не помня себя, хотѣлъ отнять его силою у полицейскихъ. Понятно, что побѣда оставалась не на сторонѣ патріарха... Тогда Косьма пошелъ по стопамъ Нифонта и вызвался лучше раздѣлять съ нимъ темничное заключеніе, чѣмъ лишиться сообщества своего друга. Историкъ замѣчаетъ, что эта выходка патріарха „произвела въ церкви волненіе“. Это и понятно. Но на этомъ не кончилась исторія Косьмы. Для прекращенія церковныхъ смутъ императоръ Мануиль собралъ соборъ въ Константинополѣ, на которомъ присутствовалъ и Косьма. Императоръ обратился къ членамъ собора, епископамъ съ вопросомъ: какъ они смотрятъ на Нифонта? Отвѣтъ получился единодушный: всѣ они объявили его нечестивцемъ. Тогда Мануиль обратился съ тѣмъ же вопросомъ къ самому патріарху: „а ты, владыко, какъ думаешь объ этомъ чловѣкѣ?“ Косьма, въ отвѣтъ, произнесъ длинное похвальное слово Нифонту, открыто называлъ его мужемъ неподражаемо добродѣтельнымъ. Выслушавъ эту рѣчь, соборъ вскричалъ: Косьма недостойнъ оставаться патріархомъ. Мануиль согласился съ этимъ, и патріархъ былъ низверженъ ¹⁾). Оставляя залу соборныхъ засѣданій, патріархъ бросилъ порицаніе на собравшихся: онъ называлъ себя Лотомъ, которому пришлось жить среди Содомы... ²⁾). Мы не будемъ распространяться о томъ, какимъ вліяніемъ могъ пользоваться въ церкви такой неразсудительный архипастырь, какъ Косьма—дѣло понятное и безъ комментарія ³⁾).

¹⁾ Киннама. Ibidem. Никиты. Ibidem.

²⁾ Выраженіе заимствуется изъ соборныхъ дѣяній противъ Нифонта: Сирегі. Ad histor. patriarch., cap. 85, p. 135.

³⁾ Описаніе исторіи Косьмы и его отношеній къ Нифонту нами сдѣлано главнымъ образомъ на основаніи Киннама. Но пужно сказать, что Никита Хоніатъ иначе освѣщаетъ разсматриваемую исторію, чѣмъ какъ это дѣлаетъ современникъ Косьмы (Киннамъ). Никита думаетъ, что Мануиль и епископы только воспользовались отношеніями Косьмы къ Нифонту, чтобы погубить патріарха; хотя, по разумѣнію историка, въ этихъ отношеніяхъ не было ничего преступнаго; основаніе же для Мануила питать нерасположеніе къ Косьмѣ историкъ этотъ находитъ въ томъ, что будто бы патріархъ очень любилъ Исаака, брата Мануилова, въ чемъ видѣли полити-

Переходимъ къ исторіи патріарха *Николая Музалона*, преемника Космына (1147—1151). Само по себѣ патріаршество *Николая* ничѣмъ не замѣчательно ¹⁾. Но патріархъ этотъ фактомъ своего восшествія на Византійскую кафедру возбудилъ споры въ церкви, которые знакомятъ насъ съ каноническими представленіями, неизвѣстными или же утратившими силу въ настоящее время. *Николай Музалонъ* возшелъ на патріаршую кафедру въ 1147 году, а за нѣсколько лѣтъ предъ этимъ онъ былъ архіепископомъ Кипрскимъ, но потомъ отказался отъ этой (т. е. Кипрской) кафедры и жилъ долгое время на покой въ одномъ изъ многочисленныхъ монастырей. Отсюда онъ взятъ былъ въ патріархи. Возведеніе его въ этотъ санъ состоялось по волѣ императора *Мануила* и съ согласія епископовъ. Но прошло очень немного времени, какъ среди архіереевъ возникли несогласія изъ-за поднятаго кѣмъ-то вопроса: законно ли патріархъ

ческую опасность для царствующаго государя (*Никиты. Царствов. Мануила*, II, 3). Что сказать по поводу взглядовъ *Никиты* на дѣло патр. Космына? Во-1-хъ, *Никита* вообще неблагоклонно относится къ *Мануилу*, и мы не имѣемъ основаній во всемъ вѣрить этому историку, когда у него рѣчь идетъ о *Мануилѣ*; во-2-хъ, ясно видно, что *Никита* не имѣлъ никакихъ особенныхъ источниковъ, которые давали бы ему возможность поправлять *Киннама*: *Никита* просто на просто варіируетъ извѣстія *Киннама*, освѣщая ихъ сообразно своимъ тенденціямъ; въ 3-хъ, рассказывая о *Космѣ* и его дѣлѣ, историкъ впадаетъ въ явныя преувеличенія, заставляющія изслѣдователя не слишкомъ довѣрять византійскому пессимисту, напр., *Никита* пишетъ: „общество тогдашнихъ архіереевъ не терпѣло добродѣтели и потому враждовало противъ благочестивѣйшаго мужа“ (т. е. *Космы*). Но развѣ можно признать безпристрастною такую огульную характеристику всѣхъ епископовъ временъ *Мануила*? Въ 4-хъ, до насъ сохранился протоколъ соборныхъ дѣяній противъ *Нифонта* (у *Льва Аляція*). Этотъ протоколъ подписанъ болѣе чѣмъ тридцатью тогдашними епископами. Изъ этихъ дѣяній видно, что *Киннамъ* ничѣмъ не погрѣшилъ въ описаніи дѣла *Космы* и *Нифонта*. (Отрывокъ изъ вышеупомянутаго протокола смотри у *Купера: Ad hist. patr.*, сар. 85, р. 135). Конечно, можно возражать противъ значенія этого протокола, считать его проявленіемъ ненависти епископовъ къ патріарху, — положимъ такъ; но не слѣдуетъ упускать изъ вниманія вотъ чего: во всемъ извѣстіямъ отношенія патріарха къ *Нифонту* представляются преступно—близкими.

¹⁾ Если не считать соборнаго опредѣленія, сдѣланнаго при этомъ патріархъ касательно нѣкоторыхъ вопросовъ брачнаго права (*Migne, Gr.*, том. 119) и слѣдующаго патріаршаго распоряженія: „*Николай*, увидѣвъ, что житіе св. *Параскевы*, чтимой въ *Каликратійской* области, написано однимъ мѣстнымъ жителемъ неискусно и недостаточно правдой жизни святой, приказалъ предать это писаніе огню и поручилъ написать новое житіе діакону *Василику*“ (*Правила съ толков. Вальсамона толков. на 63 правилъ Трулльскаго собора*).

занимаетъ катедру, когда онъ раньше самъ отказался отъ архіерейской власти и проживалъ въ монастырѣ? Епископъ ли онъ по достоинству? Съ отказомъ отъ катедры не отрекся ли онъ и отъ епископскаго достоинства? Говоримъ: поднялись споры. Только немногіе сочли долгомъ защищать Музалона ¹⁾, а большинство епископовъ и самъ императоръ возстали на патріарха и говорили, что онъ не епископъ. Николай Музалонъ долженъ былъ оставить патріаршую катедру ²⁾. Съ перваго взгляда представляется непонятнымъ: изъ за чего собственно споръ? Въ чемъ вина патріарха? Для точнаго пониманія эпизода нужно припомнить одно каноническое правило, которое издано было въ IX вѣкѣ, именно на соборѣ при Фотіи, въ 879 году, и которое гласило: „если какой епископъ или кто иной архіерейскаго сана захочетъ низойти въ монашество, таковой впредъ да не присвоитъ себѣ архіерейскаго достоинства. Ибо обѣты монашества заключаютъ въ себѣ долгъ повиновенія и ученичества, а не учительства или начальствованія; ибо они (монахи) общаются не иныхъ пасты, а быть пасомыми. Посему постановляемъ: да никто изъ находящихся въ званіи архіереевъ и пастырей не низводитъ самъ себя на мѣсто пасомыхъ и кающихся. Если кто дерзнетъ сдѣлать такъ, таковой самъ себя (то-есть произвольно) устранилъ отъ архіерейскаго сана и да не возвращается къ прежнему достоинству“ ³⁾. Этимъ-то правиломъ очевидно и воспользовались архіереи и императоръ для низверженія патріарха Николая Музалона. Разсказанный фактъ патріаршаго низложенія, хотя, повидимому, и основанъ на каноническомъ правилѣ, въ существѣ

¹⁾ Сколько извѣстно, на защиту Музалона выступилъ извѣстный богословъ того времени Николай, еписк. Метонскій; онъ произноситъ рѣчь предъ императоромъ: „о пререканіяхъ по поводу постановленія патріарха и объ іерархіи“. Здѣсь пастырь Метонскій раскрывалъ такіа мысли: отреченіе отъ частной катедры не есть отреченіе отъ іерархическаго сана, подобно тому какъ выходъ изъ состава какой-либо частной церкви не есть разрывъ съ единою вселенскою церковію; частная церковь нуждается въ епископѣ, но личность какого-либо епископа не связывается съ нею неразрывно. Архим. Арсенія: статья—„Николай Метонскій“ (Христ. Чтеніе, 1883, т. I, стр. 356).

²⁾ Кириама, кн. II, гл. 18.

³⁾ 2-е правило Софійскаго собора. См. А. Лебедева: „Исторія раздѣленія церквей въ IX—XI вѣк.“ М. 1900. Стр. 288—289.

же дѣла не особенно рекомендуетъ тогдашнихъ іерарховъ. Въ самомъ дѣлѣ: здѣсь что-то не чисто. Или архіереи выбрали Музалона въ патріархи вопреки церковнымъ постановленіямъ, и въ такомъ случаѣ они сами являются нарушителями церковныхъ законовъ, или же, избирая Николая, они не придавали дѣйствительнаго значенія вышеприведенному канону и только воспользовались этимъ канономъ, какъ уловкой для низверженія патріарха. Какъ бы ни происходило дѣло, во всякомъ случаѣ видно, что церковный строй въ Византіи не былъ въ порядкѣ. — Разсказанный нами фактъ — фактъ низверженія патріарха Николая Музалона подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ нѣкогда былъ архіереемъ, а потомъ произвольно отказался отъ своей кathedры и поступилъ въ монастырь — побуждаетъ насъ, пользуясь случаемъ съ Николаемъ Музалонъ, собрать нѣкоторые данныя, относящіяся къ вопросу, возбужденному монашествомъ Музалона, принятымъ имъ на себя уже въ архіерействѣ, и разъясняющія, какъ смотрѣла Греческая церковь послѣдующаго времени на вопросъ, такъ неблагопріятно отразившійся на судьбѣ вышеуказаннаго патріарха. Нужно сказать, что подобный же вопросъ не разъ поднимался въ томъ же XII, а потомъ XIII и XIV вѣкахъ. Въ XII вѣкѣ онъ возбуждался при Константинопольскихъ патріархахъ: Лукѣ Хризвергѣ и Михаилѣ Анхіалѣ. Каждый разъ въ это время вопросъ возбуждался тѣми или другими фактами изъ церковной практики. Вотъ случай, бывшій при патріархѣ Лукѣ и разсказанный Вальсамономъ. Когда нѣкто Николай Музалонъ (странное совпаденіе въ именахъ!), бывшій епископомъ Амиклійскимъ, потомъ былъ постриженъ въ монахи, по принужденію свѣтской власти, и много хлопоталъ объ отмѣнѣ сдѣланнаго съ нимъ по насилію и о разрѣшеніи ему опять пользоваться епископскими правами, то патріархъ Лука, видя его явившимся въ синодъ въ епископскомъ одѣяніи, не призналъ его епископомъ, указывая на то, что Николай Музалонъ могъ бы рассчитывать на помощь себѣ со стороны патріарха, если бы ожидалъ соборнаго разсмотрѣнія его дѣла, а такъ какъ онъ, Николай, не соблюдиши порядка, самъ отложилъ монашескую одежду и сдѣлался самъ

себѣ судьбою, то его хлопоты о возвращеніи ему правъ должны оставаться безъ всякаго результата. Впрочемъ слѣдующій Константинопольскій патріархъ, Михаилъ Анхіалъ, смиловался надъ Николаемъ Амиклійскимъ, соборно призналъ его обладающимъ правами епископскими. Замѣчательно: то самое, что воспрепятствовало Лукѣ признать Николая епископомъ,—появленіе его въ синодъ въ архіерейской одеждѣ,—это самое послужило для патріарха Михаила основаніемъ рѣшить дѣло въ пользу просителя, въ пользу Николая. Патріархъ Михаилъ разсуждалъ: если бы Николай Музалонъ явился въ синодъ въ монашескомъ одѣяніи, то этимъ онъ показалъ бы, что онъ считаетъ свое монашество совершившимся фактомъ, и я—говоритъ о себѣ патріархъ—не возвратилъ бы ему епископскихъ правъ¹⁾. Изъ сейчасть приведеннаго факта, съ которымъ знакомитъ насъ Вальсамонъ, видно: во 1-хъ, принатіе монашества епископомъ считалось равнымъ отреченію его отъ правъ архіерейскихъ; во 2-хъ, епископъ, принявшій монашество, если желалъ обладать архіерейскими правами, долженъ былъ хлопотать о признаніи его въ этомъ достоинствѣ предъ патріархомъ и синодомъ; въ 3-хъ, соборный (синодскій) судъ могъ возвратитъ такому лицу архіерейское достоинство, но могъ—смотря по обстоятельствамъ—и отказать просителю въ исполненіи его просьбы. Удовлетвореніе или неудовлетвореніе просьбы бывшаго епископа зависѣло не столько отъ какихъ либо опредѣленныхъ правилъ, сколько отъ воли, расположенія и взглядовъ патріарха. Всѣ указанія на такіе историко-каноническіе факты, которые представляются очень любопытными. Другой случай, имѣвшій мѣсто въ правленіе Константинопольскою церковію Михаила Анхіала, разсказанъ намъ опять Вальсамономъ. Въ патріаршество Луки Хризостомъ, епископъ Макры, принялъ монашество и по соборному опредѣленію признанъ былъ потерявшимъ права епископскія. Вышеупомянутый греческій канонистъ находилъ, что соборъ при патріархѣ Лукѣ поступилъ правильно: „ени-

---

¹⁾ Правила съ толков. Вальсамона толков. на 3 прав. Анкирскаго собора.

скопы, замѣчаетъ онъ, въ случаѣ постриженія и избранія монашеской жизни, тѣмъ самымъ отрекаются отъ архіерейскаго достоинства“. Но Θεοδουλъ изъ Макры не навсегда лишился высокихъ архіерейскихъ правъ; при патріархѣ Михаилѣ ему возвращено было потерянное имъ достоинство. При этомъ патріархъ обратилъ въ пользу Θεοдула нѣкоторую неопредѣленность выраженій, въ которыхъ говорилось о фактѣ отложенія епископства Θεοдуломъ ¹⁾. Выводы изъ сейчасъ разсказаннаго случая получаются тѣ же, какіе сдѣланы выше изъ другаго повѣствованія Вальсамона.

Изъ XIII вѣка намъ извѣстны два случая, служащіе иллюстраціей къ затронутому нами вопросу. Эти случаи слѣдующіе. Оба они разсказаны историкомъ начала XIV вѣка Пахимеромъ. Наступилъ конецъ жизни Константинопольскаго патріарха Никифора: онъ лежалъ уже на одрѣ смертномъ. Близкій къ патріарху челоуѣкъ началъ уговаривать умирающаго къ принятію монашества, но умирающій — по словамъ историка „не только не соглашался на это, а еще съ неудовольствіемъ принялъ напоминаніе и хотѣлъ умереть архіереемъ“ ²⁾. Очевидно, по церковнымъ воззрѣніямъ XIII вѣка, принять архіерею монашество значило то же, что перестать быть архіереемъ. Нѣсколько позднѣе временъ патріарха Никифора произошелъ случай, очень аналогичный съ тѣмъ, что произошло нѣкогда въ патріаршество Луки Хризверга. Епископъ Сардскій Андроникъ, по нѣкоторымъ мелочнымъ соображеніямъ, „вздумалъ перемѣнить одежду архіерейскую на монашескую и избрать жизнь уединенную и бездѣйственную“ ³⁾. Андроникъ сдѣлался монахомъ, принялъ имя Аѳанасія и отказался отъ архіерейства. Но потомъ тотъ же Андроникъ пожелалъ снять съ себя монашескій чинъ и снова сдѣлаться архіереемъ. Начались хлопоты, но они остались безъ успѣха, Патріархъ Константинопольскій Арсеній, расположенный къ Андронику, обѣщается всячески содѣйствовать осуществленію плановъ его, совѣ-

¹⁾ Правила съ толков.—Вальсамона, толков. на 16 прав. Двукратнаго собора.

²⁾ Пахимера. Исторія о Михаилѣ Палеологѣ, кн. II, гл. 22. (Рус. пер.).

³⁾ П, 18.

туеть ему надѣть архіерейскую одежду и добиться позволенія въ такомъ видѣ явиться въ синодъ. Андроникъ такъ и хотѣлъ поступить, какъ совѣтовалъ Арсеній, но изъ этого ничего не вышло. Когда члены Константинопольскаго синода узнали, что Андроникъ въ архіерейской одеждѣ пришелъ къ дверямъ синодальной залы, то рѣшительно отказались впустить его на засѣданіе, не признавая его архіереемъ. Все усердіе, съ которымъ патріархъ Арсеній старался склонить прочихъ епископовъ въ пользу Андроника, не имѣло ожидаемыхъ послѣдствій. Одинъ изъ синодальныхъ епископовъ показалъ письмо Андроника, въ которомъ онъ собственноручно подписался своимъ монашескимъ именемъ: „Аванасій“. Это послужило доказательствомъ, что архипастырь Сардскій добровольно, а не по принужденію принялъ монашество и не имѣлъ уже основаній домогаться возвращенія ему прежняго сана ¹⁾. Изъ разсмотрѣннаго происшествія съ Андроникомъ Сардскимъ видно, что изслѣдуемый нами вопросъ и въ XIII вѣкѣ оставался въ томъ же видѣ, какъ это было вѣкъ тому назадъ.—Принципально вопросъ этотъ рѣшенъ только въ концѣ XIV вѣка, на Константинопольскомъ соборѣ при патріархѣ Антоніи (1388—1397 г.). На указанномъ соборѣ опредѣлено было: „если кто, будучи облеченъ въ малую схиму (простое монашество), будетъ призванъ къ архіерейскому сану, таковой освобождается отъ принятыхъ имъ на себя обѣтовъ (ἀφεται τῶν συνταγῶν), освобождается —но не чрезъ одно призваніе, а и чрезъ архіерейское совершенство. Если же кто, будучи архіереемъ не изъ монаховъ (ἐκ χορηγῶν ἀρχιερεὺς), сдѣлается потомъ монахомъ, таковой не можетъ быть вторично архіереемъ и освободиться отъ принятыхъ на себѣ обѣтовъ (т. е. послушанія и ученичества). Если бы его призывали къ архіерейской должности, этого недостаточно для разрѣшенія его отъ обѣтовъ: его и призывать не слѣдуетъ, и онъ долженъ довольствоваться тѣмъ низшимъ положеніемъ, въ которое низшелъ“ ²⁾. Это постановленіе довольно ясно и опредѣленно

¹⁾ Пахимера, *ibidem*, кн. II, гл. 18; кн. IV, гл. 10.

²⁾ Γεδεών. *Κανονικαὶ διατάξεις. Τόμος I*, σελ. 23 (Константинополь, 1888).

и, можно думать, послужило къ рѣшенію запутаннаго въ Греческой церкви вопроса о соединеніи архіерейства и монашества въ одномъ и томъ же лицѣ.

Но продолжая прерванную нами рѣчь о Византійскихъ патріархахъ XII вѣка. Между преемниками Николая Музалона заслуживаетъ нѣкотораго вниманія *Лука Хризостъ* (1155 — 1169 г.) ¹⁾. Его правленіе повидимому ознаменовано было довольно широкимъ развитіемъ церковно-закондательной дѣятельности; по крайней мѣрѣ отъ времени патріаршества Луки дошло до насъ нѣсколько соборныхъ опредѣленій, имѣвшихъ цѣлю какъ исправить нѣкоторые недостатки въ положеніи клира, такъ и разрѣшить нѣкоторые вопросы, не лишеныя общаго церковнаго значенія. Отъ правленія Луки дошло до насъ довольно подробное опредѣленіе относительно клириковъ, принимавшихъ на себя мірскія занятія и должности; — такъ клирики брали на себя управленіе домами, служили въ магистратурѣ или управляли чужими помѣстьями, исправляли должности сборщиковъ податей и т. д. Всѣ такія занятія соборъ при Лукѣ осуждаетъ, какъ противорѣчащія правиламъ церковнымъ, а преступникамъ этихъ законовъ угрожаетъ наказаніями ²⁾. Изъ другого соборнаго опредѣленія при томъ же патріархѣ видно, что нѣкоторые клирики принимали на себя званіе адвокатовъ, что соборъ также запрещаетъ ³⁾. Еще въ дру-

¹⁾ Ближайшими преемниками Николая Музалона были патріархи: Теодотъ (1151—1153), но о немъ ничего особеннаго неизвѣстно (Cuperi. Ad hist. patr., cap. 87; Le-Quien, p. 268); Неофитъ: онъ считался патріархомъ нѣсколько мѣсяцевъ, но не былъ посвященъ въ патріархи, хотя и былъ избранъ законнымъ порядкомъ: дѣло въ томъ, что по избраніи его въ патріархи открылось, что нѣкогда онъ былъ чтецомъ, носилъ принадлежащія этому названію церковныя одежды, но потомъ произвольно отказался отъ этого званія и возвратился къ мірскому состоянію; это открытіе имѣло слѣдствіемъ то, что Неофитъ, избранный въ патріархи, не былъ посвященъ въ это достоинство (подробное изслѣдованіе по вопросу о Неофитѣ: Cuperi, pag. 137—8); третьимъ преемникомъ Музалона былъ Константинъ Хіларей (1154—1156 г.), но о немъ нѣтъ подробныхъ свѣдѣній. Извѣстно, что при немъ составлено было соборное опредѣленіе по вопросу „о тѣхъ, кто убиваетъ разбойниковъ“ (Migne, Gr. Tom. 119, p. 768), а также извѣстно, что въ его правленіе происходилъ соборъ, лишившій сана Сотериха, къ которому патріархъ отнесся также строго, какъ и самъ императоръ Мануилъ (Spicilegium Romanum tom. X, p. 78).

²⁾ Migne, Gr. Tom. 119, p. 773—779.

³⁾ Migne. Ibidem, pag. 784—785.

гомъ соборномъ опредѣленіи, состоявшемся при патріархѣ Лукѣ, указывается, что иные клирики были настолько неразборчивы въ выборѣ средствъ для пропитанія, что содержали бани, даже питейныя заведенія и даже публичныя дома. Само собой понятно, что патріархъ все подобное запретилъ. Онъ запретилъ также священникамъ и діаконамъ заниматься медицинской практикой, въ виду того, что клирики этого рода снимали платье, присвоенное имъ званію, и надѣвали мірскую одежду, чтобы ничѣмъ не отличаться отъ прочихъ врачей ¹⁾. При томъ же патріархѣ Лукѣ положены строгія прещенія, сообразныя съ церковными правилами, на тѣхъ клириковъ, которые въ случаѣ смерти епископа извѣстнаго города позволяли себѣ присваивать какъ имущество, принадлежащее церкви, такъ и наслѣдство, остающееся по смерти епископа ²⁾. Во времена патріаршества Луки поднято было нѣсколько частныхъ церковныхъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ могло имѣть общецерковное значеніе. Напримѣръ, въ Византіи было обыкновеніе просвѣщать святымъ крещеніемъ мальчиковъ-магометанъ, взятыхъ въ плѣнъ во время войнъ съ невѣрными. Но въ правленіе патріарха Луки возникъ по этому поводу такой вопросъ: нужно ли ихъ крестить, когда, по словамъ лицъ магометанской религіи, они уже были крещены на родинѣ. На соборѣ при Лукѣ произведено было изслѣдованіе: что такое за крещеніе, какое принимали иногда магометане? Оказалось, что дѣйствительно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ магометане крестили своихъ дѣтей у православныхъ священниковъ—въ томъ суевѣрномъ убѣжденіи, что такимъ способомъ ихъ дѣти будутъ избавлены отъ демонскихъ напастей и не станутъ пахнуть по-собачьи. Произведши это изслѣдованіе, соборъ постановилъ: крещеніе, совершаемое магометанами надъ своими дѣтьми, считать не таинствомъ, а волшебствомъ и нѣкотораго рода врачеваніемъ и опредѣлилъ крестить снова магометанскихъ мальчиковъ, взятыхъ въ плѣнъ ³⁾. Другой случай. Какой-то именитый человѣкъ былъ въ крайнемъ затрудненіи — какъ

¹⁾ Migne. Ibidem, pag. 787.

²⁾ Migne. ibid., p. 784—785.

³⁾ Migne. ibid., pag. 785.

ему поступить: онъ далъ обѣтъ проводить въ постѣ всѣ среды — въ честь Іоанна Крестителя, между тѣмъ на среду падалъ праздникъ Рождества Христова — великій христіанскій праздникъ. О своемъ недоумѣніи этотъ византійскій аристократъ сообщилъ императору Мануилу. Мануиль передалъ разсмотрѣніе вопроса Константинопольскому собору (синоду). Соборъ, хотя одобрилъ обѣтъ аристократа поститься, но освободилъ его отъ поста въ день Рождества Христова, въ виду величія праздника ¹⁾. Въ правленіе патріарха Луки, по инициативѣ этого патріарха, запрещенъ слѣдующій соблазнительный обычай: въ праздникъ св. Нотаріевъ (?) учителя, учившіе дѣтей чистописанію (нотаріи), имѣли обыкновеніе рядиться въ сценическія маски и въ такомъ видѣ появляться въ публичныхъ мѣстахъ. Патріархъ запретилъ дѣлать это на будущее время ²⁾.

Въ отношеніяхъ къ правительству патріархъ Лука иногда проявлялъ приличное его сану дерзновеніе, но иногда унижался до непозволительной лести. Патріархъ является лицомъ, охраняющимъ церковные интересы, когда онъ противится Мануилу по слѣдующему случаю: Мануиль, по поводу военнаго триумфа, рѣшилъ устроить религіозную процессію въ храмъ Софіи, при чемъ онъ желалъ, чтобы въ этой процессіи принялъ участіе и гостившій въ это время въ Византіи султанъ Кличесланъ; но Лука воспротивился волѣ царя ³⁾. Патріархъ въ этомъ случаѣ показываетъ себя съ лучшей стороны. Но едва ли кто похвалитъ этого патріарха, позволившаго закончить „дѣянія“ одного собора, бывшаго при немъ (если эти „дѣянія“ (акты) писаны въ патріаршей, а не царской канцеляріи), слѣдующими льстивыми словами императору Мануилу: „молимся и съ царемъ Давидомъ поемъ: да положитъ Богъ престоль его (Мануила), какъ дни неба, и уготоваетъ сѣмя его (Мануила) въ вѣгъ, и исполнитъ всѣ желанія сердца его, всѣ народы да послужать ему“ и пр. ⁴⁾. Особенно странно читать это по-

¹⁾ Migne. Ibid., p. 781.

²⁾ Migne. Ibid., p. 780.

³⁾ Киннама, кн. V, гл. 3.

⁴⁾ Maii. Scriptorum veterum nova collectio. Tom. IV, p. 93—94.

тому, что самъ Лука не вдругъ и не охотно склонился къ мнѣнію императора, провозглашенному на указанномъ соборѣ.

Лукѣ ХризOVERгу преемствовалъ въ правленіи Константинопольскою церковію *Михаилъ Анхіалъ* (1169—1177). Этотъ патріархъ прежде всего извѣстенъ рѣшительною непріязнью къ латинянамъ-католикамъ. О немъ говорятъ, что онъ такъ нерасположенъ былъ къ уніи съ латинянами, въ которой нѣкоторые Греки тогда видѣли средство спасенія отъ напастей со стороны магометанъ, все болѣе и болѣе увеличивавшихъ свои владѣнія на Востокѣ, — что соглашался лучше видѣть Восточныхъ христіанъ во власти агарянскаго (магометанскаго) султана, чѣмъ идти въ унію съ католиками: Михаилъ будтобы считалъ магометанъ менѣе нечестивыми, чѣмъ латиняны. ¹⁾ Между латинянами хорошо было извѣстно нерасположеніе патріарха Михаила къ католикамъ, и потому среди нихъ возникъ на счетъ этого патріарха анекдотъ слѣдующаго содержанія: проповѣдуя будто бы въ Софійскомъ храмѣ, въ Византіи, Михаилъ Анхіалъ говорилъ Грекамъ; „если кто изъ васъ погубитъ сто латинянь-христосносцевъ и въ то же время запятнаетъ себя убійствомъ десяти Грековъ, то таковой заслужитъ прощеніе отъ Бога.“ ²⁾ Анхіалъ извѣстенъ былъ у своихъ современниковъ съ именемъ „начальника (ипата) философовъ“, но почему ему дано было такое титло, сказать трудно. По крайней мѣрѣ не изъ чего не видно, чтобы онъ отличался глубокимъ образованіемъ. — Подобно патріарху Лукѣ ХризOVERгу, Михаилъ Анхіалъ оставилъ послѣ себя нѣсколько опредѣленій, которыя составлены имъ сообща съ Константинопольскимъ синодомъ. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ опредѣленій. Можно догадываться, что Михаилъ Анхіалъ имѣлъ цѣлю искорененіе нѣкоторыхъ недостатковъ, проникшихъ и утвердившихся въ сословіи клириковъ. Такъ Михаилъ постановилъ, чтобы не только священники и діаконы (о чемъ старался и Лука ХризOVERгъ), но и чтецы не принимали на себя мірскихъ

¹⁾ Le—Quien. Oriens christianus, I, 270—271.

²⁾ Cuperi. Ad hist. patr. Constantinop., cap. 90.

обязанностей—¹⁾ ко вреду для своего достоинства и ревностнаго служенія своему дѣлу. Другимъ опредѣленіемъ онъ же старается уничтожить тотъ безпорядокъ, что нѣкоторые архіереи производили въ священныя должности такихъ лицъ, которыя мало были извѣстны по своему поведенію и которыя по своему происхожденію принадлежали совсѣмъ другой епархіи; безпорядокъ этотъ былъ тѣмъ больше, что такіе ставленники возвращались въ свои прежнія епархіи и домогались здѣсь имѣть мѣста. Изъ редакціи этого опредѣленія видно, что Михаилъ въ данномъ случаѣ подтверждаетъ распоряженіе, сдѣланное на этотъ счетъ при патриархѣ Лукѣ Хризостомѣ. ²⁾ Патриархъ Михаилъ рѣшился уничтожить еще безпорядокъ, касающійся преимущественно священно-иночества. Встрѣчалось, и встрѣчалось нерѣдко, въ практикѣ Византійской церкви слѣдующее явленіе: нѣкоторые изъ бѣлыхъ священниковъ (ἱερέων λευκῶν) дѣлались монахами и однакожь, не смотря на то, потомъ, какъ будто бы они оставались бѣльцами, брали на себя различныя церковно-административныя должности³⁾ и почти ничѣмъ ни отличались отъ обыкновенныхъ бѣлыхъ священниковъ. Патриархъ отмѣнилъ этотъ стародавній обычай, находя, что церковно-административныя должности могутъ принимать на себя только обыкновенные священники, а монахи должны знать только свои монастыри.⁴⁾ Патриарху Михаилу принадлежитъ нѣсколько постановленій по части брачнаго права. ⁵⁾ Наконецъ, Михаилъ Анхіаль извѣстенъ дѣятельностію въ области искорененія народныхъ суевѣрій. Въ Константинополѣ и нѣкоторыхъ другихъ приморскихъ городахъ было обыкновеніе подъ праздникъ „Ивана Купала“ (24 іюня) устроить разнаго рода гаданія, при чемъ ради ворожбы зажигались костры и допускалось много другаго крайне суевѣрнаго. Михаилъ обратилъ вниманіе на этотъ „демонскій обрядъ“ и вступилъ въ борьбу съ нимъ. Онъ распорядился,

¹⁾ Migne. Gr., tom. 119, p. 788.

²⁾ Migne ibid., p. 788—793.

³⁾ Такими должностями были, напр., должности хартофилакса, великаго эконома, скевофилакса, періодевта (благочиннаго) и пр.

⁴⁾ Migne, ibid., p. 793.

⁵⁾ Migne, ibid., p. 793—6.

чтобы вперед ничего такого не происходило. Распоряженіе патріарха имѣло успѣхъ, — вѣроятно временный. Суевѣріе скрылось. Успѣху патріаршаго распоряженія содѣйствовало то, что Михаилъ приказалъ ближайшимъ къ мѣсту суевѣрныхъ гаданій начальникамъ и священникамъ всячески заботиться о прекращеніи нехристіанскаго обычая ¹⁾).

Изъ прочихъ патріарховъ, управлявшихъ Константинопольскою церковію въ XII вѣкѣ, до завоеванія Константинополя крестоносцами, заслуживаютъ вниманія только двое: Θεодосій I и Іоаннъ Каматиръ.

Θεодосія (1178—1183) едва ли можно причислять къ мужамъ, блещущимъ умомъ и образованіемъ. Но за то несомнѣнно — это была высоконравственная личность. О немъ справедливо отзывались, какъ о „мужѣ, выросшемъ среди добродѣтелей и дышавшемъ добромъ, какъ воздухомъ“ ²⁾). Его называли также „великимъ Θεодосіемъ, другомъ вѣрной истины“ ³⁾). Этотъ патріархъ пользовался большимъ уваженіемъ и значеніемъ и въ свое непродолжительное патріаршествованіе сумѣлъ выказать себя съ лучшей стороны, какъ пастырь права твердаго и какъ охранитель церковныхъ интересовъ. Расскажемъ нѣсколько случаевъ изъ жизни Θεодосія въ которыхъ выражались сейчасъ указанныя качества этого патріарха. Θεодосій сдѣлался патріархомъ въ царствованіе Мануила Комнина, этого деспотическаго императора, любившаго и въ дѣлахъ церкви ставить свою волю выше духовной власти. Тѣмъ не менѣе Θεодосій отнюдь не сдѣлался послушнымъ орудіемъ царской своенравной воли. Онъ даетъ отпоръ Мануилу, когда этотъ хочетъ уничтожить въ церковныхъ требникахъ формулу, заключающую проклятіе на бога Магометова. Можно полагать, что Θεодосій противился Мануилу главнымъ образомъ потому, что считалъ вмѣшательство царя въ дѣла церкви не полезнымъ.

¹⁾ Правила съ толков.: Вальсамона толков. на 65 прав. Трулльскаго собора.—О преемникѣ Михаила, патріархѣ Харитонѣ, только упомянемъ, ибо овъ правилъ церковію лишь одиннадцать мѣсяцевъ—отъ марта 1177 года до февраля 1178 года. (Cuperi, cap. 91).

²⁾ Изъ житія Леонтія, патріарха іерусалимскаго XII вѣка. См. Палестинскій сборникъ, т. VIII, вып. 2, стр. XXXIV.

³⁾ Eustathii Thessal. De Thessalonica urbe, a Normannis capta, cap. 39.

Что же касается до самого предложенія Мануилова, то можно думать, что въ принципѣ оно не представлялось Θεодосію лишеннымъ справедливости; объ этомъ можно догадываться отчасти на томъ основаніи, что патріархъ въ концѣ концовъ принялъ предложеніе императора ¹⁾. — Въ дальнѣйшія царствованія Θεодосій заявляетъ себя въ подобномъ же ролѣ. Въ правленіе малолѣтняго сына Мануилова Алексѣя случилось слѣдующее: протосевасть (особый чинъ въ византійской придворной іерархіи) Алексѣй, недовольный тѣмъ, что Θεодосій мѣшаетъ его честолюбивымъ намѣреніямъ и ревностно охраняетъ общественное благо, — имѣя въ своихъ рукахъ большую власть, рѣшилъ низвергнуть Византійскаго святи-теля. Подъ выдуманнымъ предлогомъ протосевасть Алексѣй выслалъ патріарха въ заточеніе въ Пантепонтовъ монастырь. Но Θεодосій, какъ видно, пользовался большимъ уваженіемъ въ византійскомъ обществѣ. На сторонѣ патріарха оказалось очень много вліятельныхъ лицъ. Его сторону держали: царица, вдова Мануила Комнина, многіе царскіе родственники. И протосевасть вынужденъ былъ согласиться на возвращеніе Θεодосія изъ ссылки. Патріархъ возвращается на свою кathedру. При этомъ византійское общество устрояетъ патріарху рѣдкія оваціи. На встрѣчу ему въ торжественной процессіи вышло Византійское духовенство, высшіе государственные сановники, множество народа. Улицы опрыскивались духами, сжигались благовонныя индійскія растенія и душистые ароматы. Церемоніаль былъ до того пышенъ, что патріархъ только вечеромъ успѣлъ вступить въ Софійскій храмъ, хотя началъ свой путь раннимъ утромъ ²⁾. Твердость воли и пастырская ревность, нужно сказать, не вытѣсняли изъ сердца патріарха христіанскаго милосердія. О немъ рассказываютъ, что когда тотъ самый протосевасть Алексѣй, который домогался низверженія Θεодосія, потомъ въ силу превратности судьбы самъ попалъ въ тюрьму и тяжело здѣсь страдалъ, то сердобольный патріархъ, не помня про-шлаго, много облегчилъ страдальца. Онъ навѣщалъ его

¹⁾ Никиты Хоніата. Царствованіе Мануила. Кн. VII, гл. 6.

²⁾ Никиты. Царствов. Алексѣя, сына Мануилова, гл. 8.

въ тюрьмѣ и приказалъ стражѣ мягче обращаться съ узникомъ ¹⁾. Последній случай выраженія Θεодосіемъ пастырской ревности имѣлъ мѣсто въ правленіе Андронка Комнина. Самоувѣренный и взбалмошный Андроникъ захотѣлъ сочетать бракомъ двухъ лицъ, стоявшихъ между собою въ близкомъ родствѣ. Патріарху предложено было разрѣшить этотъ бракъ, но Θεодосій, какъ и слѣдовало ожидать, воспротивился беззаконію. Историкъ Никита говоритъ по этому случаю: „патріарха не поколебало ни величіе Андроника, ни угрозы не устрасили. Онъ былъ непоколебимъ какъ скала, около которой вѣчно вздымаются огромныя волны и бушуетъ море, разбивая волны въ пѣну и пренебрегая ревомъ шумящаго моря“. Θεодосій захотѣлъ лучше разстаться съ патріаршимъ жезломъ, чѣмъ поступиться церковными законами и удалился въ монастырь ²⁾.

Последнимъ Византійскимъ патріархомъ, занимавшимъ столичную кафедру предъ завоеваніемъ Константинополя Латинянами, былъ *Іоаннъ Каматиръ* (1198—1206). Онъ принадлежалъ къ числу достойнѣйшихъ Константинопольскихъ патріарховъ. Іоаннъ отличался какъ умомъ, такъ и нравственными качествами, а равно и пастырскою дѣятельностію. Никита Хониатъ, говоря объ этомъ своемъ современникѣ, всегда и неизмѣнно хвалитъ его. Дальнѣйшіе византійскіе историки, писавшіе послѣ Никиты, даютъ относительно Іоанна Каматира самые лестные отзывы. Они называли его „человѣкомъ, украшеннымъ всякою мудростію и науками, и великимъ знатокомъ церковныхъ догматовъ“ ³⁾. Новѣйшіе церковные историки признаютъ Іоанна „опытнымъ и искуснымъ патріархомъ“ ⁴⁾. Патріархъ извѣстенъ весьма удачною борьбою съ лжеучителями, учившими неправильно относительно пріемлемой нами евхаристіи и считавшими ее „тѣнною“ (это былъ родъ стеркоранистовъ) ⁵⁾. Во главѣ этихъ

¹⁾ Никиты, *ibid.*, гл. 11.

²⁾ Никиты, *ibid.*, гл. 15. См. выше—стр. 148—149.

³⁾ Ephraemii. De imperatoribus et patriarchis, p. 410. Edit. Bonn. Самъ по себѣ Ефремій, писатель XIV вѣка, не особенно авторитетенъ, но онъ на этотъ разъ приводитъ извѣстіе хотя съ чужаго, но свѣдущаго голоса.

⁴⁾ Hergenröther. Patr. Photius. B. III, S. 840.

⁵⁾ См. выше стр. 153—157.

лжеучителей стоялъ какой то монахъ Михаилъ Сикидитъ ¹⁾. Патріархъ въ борьбѣ съ лжеученіемъ воспользовался всѣми зависящими отъ него средствами, между которыми видное мѣсто заняло его проповѣдничество съ церковной кассе-дры. Безъ сомнѣнія только подъ влияніемъ патріарха императоръ Алексѣй Ангелъ ко благу церкви высказалъ себя противъ лжеученія Сикидита ²⁾. Обнаруживая умъ и пастырскую ревность въ дѣлахъ религіозныхъ, Іоаннъ Каматиръ обнаруживалъ тѣ же качества и въ общественныхъ

¹⁾ Личность этого Михаила Сикидита весьма мало извѣстна. О немъ только и знаемъ, что въ началѣ онъ разыгрывалъ изъ себя мага, затѣмъ, быть можетъ въ чувствѣ раскаянія, постригся въ монахи и, наконецъ, началъ развивать въ сочиненіяхъ и распространять свое вышеуказанное лжеученіе (Никиты. Царствование Мануила Комнина, кн. IV, гл. 7. Сл. у Ф. И. Успенскаго: Очерки визант. образованности, стр. 239—240). Но тѣ которые новѣйшіе ученые не хотятъ удовлетворяться этими недостаточными свѣдѣніями о Михаилѣ Сикидитѣ и стараются отождествить этого лжеучителя съ довольно извѣстнымъ византійскимъ историкомъ, — какъ думаютъ XII вѣка, — Михаиломъ Гликою. (Le — Quien. Oriens, I, 275. Fabricius у Migne, tom. 158, gr. ser., p. I—II). Основаніемъ для такого отождествленія Михаила еретика съ Михаиломъ историкомъ служить: 1) то, что въ нѣкоторыхъ рукописяхъ Михаилъ Глика именуется „Сикеліотомъ“, каковое названіе будто бы правильнѣе будетъ читать: „Сикидитъ“; во 2-хъ, Михаиломъ Гликою написано очень большое число богословскаго содержанія писемъ, между которыми, по мнѣнію одного изслѣдователя, есть не мало и такихъ, которые трактуютъ о томъ же предметѣ и въ такомъ же родѣ, какъ это дѣлалъ Михаилъ Сикидитъ (Le — Quien, *ibid.*). Можно ли соглашаться съ такимъ мнѣніемъ о тождествѣ Михаила еретика и Михаила историка? Думаемъ, что нельзя. Прежде всего, дѣло совершенно произвольное — поправлять названіе „Сикеліотъ“ и читать: „Сикидитъ“; такая поправка, а затѣмъ и отождествленіе двухъ лицъ тѣмъ менѣе убѣдны, что еще не доказано съ полною рѣшительностію: когда жилъ Михаилъ Глика — въ XII или же въ XIV вѣкѣ? Во-вторыхъ, что касается писемъ Михаила Глики, то въ изданныхъ письмахъ его нѣтъ и рѣчи о „Евхаристіи, ея тѣлности или нетѣлности“ (Migne, Gr., tom. 158). Остается опредѣлить: нѣтъ ли ученія, принадлежащаго Михаилу Сикидиту, въ письмахъ Глики, находящихся еще въ рукописяхъ. Рукописныя собранія писемъ Глики извѣстны ученымъ и въ числѣ этихъ писемъ дѣйствительно есть одно, въ которомъ рѣчь касается вопроса о Евхаристіи, именно — „изслѣдуется, тѣлно или нетѣлно евхаристическое принатіе нами Христа“ (Migne, *ibid.*, p. XLVIII), но мы не имѣемъ никакихъ основаній думать, что въ этомъ письмѣ авторъ рѣшаетъ вопросъ въ смыслѣ Михаила Сикидита, а не въ противоположномъ духѣ. Вообще, мы находимъ весьма справедливымъ слѣдующее сужденіе Іоанна Ламія, издателя писемъ Глики: „удивляюсь, на какомъ основаніи сказанное Никитою Хоніатомъ о Михаилѣ Сикидитѣ прилагаютъ къ Михаилу Гликѣ: перелистуйте всю лѣтопись Глики, перечитайте всѣ его письма, и вы ничего не найдете здѣсь, кромѣ духа благочестія, знанія Св. Писанія, полнаго разумѣнія св. отцевъ“ (Migne, *ibid.*, p. XX).

²⁾ Никиты Хоніата. Царствование Алексѣя, брата Исаакова, кн. III, гл. 3—4.

отношеніяхъ. Наприм., извѣстенъ слѣдующій фактъ. Одинъ византійскій банкиръ, Каломодій, человекъ чрезвычайно богатый, своимъ богатствомъ возбуждалъ алчность въ нѣкоторыхъ правительственныхъ лицахъ, — дѣло дошло, наконецъ, до того, что царскіе казначеи разъ схватили Каломодія и посадили подъ арестъ — съ намѣреніемъ воспользоваться золотомъ арестованнаго. Но этотъ незаконный поступокъ вызвалъ народное волненіе. Византійскій народъ обратился къ патріарху съ просьбою защитить Каломодія. Іоаннъ принялъ сторону Каломодія и спасъ несчастнаго отъ бѣды. Патріархъ сказалъ народу краснорѣчивое слово и утишилъ волненіе; затѣмъ онъ написалъ сильное письмо императору, и патріарху удалось „возвратить Каломодія, *какъ овца обрѣтенное* и притомъ такъ, что похитившіе его волчата не успѣли ни содрать съ него золотой шкурки, ни даже остричь серебряную шерстку“ ¹⁾. Тотъ же Іоаннъ Каматиръ явилъ себя стойкимъ борцомъ противъ папства. Въ отвѣтъ на приглашеніе папы Івнокентія III вступить въ унію съ латинянами патріархъ отвѣчалъ письмами, въ которыхъ подвергалъ критикѣ ученіе о папскомъ главенствѣ въ церкви ²⁾. Къ сожалѣнію, на долю Іоанна Каматира выпалъ тяжелый жребій — видѣть завоеваніе Константинополя латинянами (въ 1204 г.) и испытать на себѣ слѣдствія этого народнаго несчастія. Никита Хоніатъ, свидѣтель завоеванія Византіи крестоносцами, въ слѣдующихъ выразительныхъ чертахъ описываетъ удаленіе патріарха изъ завоеванной столицы. „Впереди насъ ѣхалъ вселенскій архипастырь, не имѣя ни дорожной суммы, ни денегъ въ карманѣ, безъ жезла и безъ сандалій, въ одномъ хитончикѣ, какъ совершенный евангельскій апостолъ“ ³⁾. Изгнанникъ недолго пережилъ указанное народное бѣдствіе; онъ скончался въ городѣ Дидимотихѣ, во Фракіи, мирною смертію ⁴⁾.

¹⁾ Никиты. Царствованіе Алексѣя Ангела, брата Исаакова, кн. III, гл. 5.

²⁾ Superi. Ad hist. patr., cap. 98.

³⁾ Никиты. О событіяхъ по взятіи Константинополя, гл. 5 (при русскомъ изданіи „Исторіи“ Никиты).

⁴⁾ Ibid., гл. 14. — Объ остальныхъ патріархахъ изучаемой эпохи скажемъ кратко. Между патріархами Θεοδοσίємъ и Іоанномъ Каматиромъ Констан-

Мы изложили—подробно или коротко—все важные сведения о патриархах Византийских изучаемой нами части периода. Между патриархами в течение всего XII века, как мы видели, не было ни одного, который действительно блистал бы познаниями и образованием, хотя иные из них имели светлый ум. Большинство из них лишено было и нравственных доблестей. За исключением патриархов Михаила Анхіала, Θεοδοσία и Ιωάννα Каматира, ни один архипастырь Византийский не заявил себя истинно-пастырскою ревностію, не показал себя истинно-достойным своего высокого мѣста. А один из патриархов, Косьма, заявил себя неосторожностію, соблазнительною для церкви.

Второй класс патриархов изучаемой нами эпохи составляют Константинопольские патриархи, правившие церковію из города Никеи, куда перенесена была столица из Византии, по завоеваніи послѣдней Латинянами. Что извѣстно о патриархах этихъ временъ? Мало свѣдѣній имѣемъ мы о Византийскихъ патриархахъ XII века, еще меньше знаемъ о тѣхъ временахъ, когда патриархи имѣли резиденціей Ни-

тинопольскою церковію правили слѣдующіе архипастыри: Василій Камитиръ (1183—1186). Этотъ патриархъ, по словамъ Евстація Θεσσαλονικійскаго, „обладалъ даромъ все обращать къ своей выгодѣ“ (Eustathii. De Thessalonica urbe a Normannis capta, cap. 39), о немъ говорятъ, что будто онъ далъ императору Андронику письменное обѣщаніе безпрекословно во всемъ исполнять волю царскую (Никиты. Царствование Алексія, сына Мануилова, гл. 15). Отъ такого патриарха, конечно, нельзя ожидать ничего путнаго. О патриархахъ Никитѣ Мунтанѣ (1186—1189), Леонтіи (нѣсколько мѣсяцевъ въ 1190 г.), Досіеѣ (1190—1191) мы имѣли уже случаи говорить, когда уясняли отношенія власти государственной къ церкви при императорѣ Исаакѣ Ангелѣ (стр. 150—1) — и прибавлять къ этому что-либо считаемъ лишнимъ. Можно было бы войти въ нѣкоторыя подробности относительно слѣдующаго патриарха, Георгія Ксифилина (1191—1198 г.), но эти подробности такого рода, что больше хочется изложить ихъ какъ можно короче. При немъ появилось лжеученіе Сикидита, но онъ ничего не сдѣлалъ для его пораженія. (См. нѣкоторые извѣстія, касающіяся отношенія Георгія къ Сикидиту, у Θ. И. Успенскаго: „Очерки византийск. образованности“ (240—1), извѣстія извлеченныя авторомъ изъ одного не вполне изданнаго сочиненія Никиты Хоніата). Въ отношеніи къ свѣтскому правительству Георгій являлся весьма угодливымъ. Императоръ Алексій Ангелъ приказалъ Ксифилину посвятить во діаконы одно лице, остававшееся на свѣтской приворной службѣ, и патриархъ исполняетъ волю царя. Мало того: онъ издаетъ опредѣленіе о томъ, что дозволяется соединять въ одномъ лицѣ и служеніе Богу и царю, и храму и дворцу безъ какого-либо навазанія по канонамъ (Никиты. Царствование Алексія, брата Исаакова, кн. II, гл. 4).

жею и почти въ теченіе 60-ти лѣтъ управляли религіозными дѣлами изъ этой временной столицы. Особенно скудны наши познанія относительно первыхъ четырехъ патріарховъ, жившихъ въ Никее. Главнымъ источникомъ свѣдѣній о жизни и дѣятельности этихъ и послѣдующихъ патріарховъ въ Никее служитъ Византійскій историкъ Георгій Акрополитъ, современникъ большей части этихъ патріарховъ; а второстепеннымъ источникомъ такого же рода свѣдѣній должны быть признаны византійскіе историки XIV вѣка — Никифоръ Григора и Ефремій. Но извѣстія Акрополита о патріархахъ такъ отрывочны, что мы рѣшительно не можемъ дать себѣ яснаго отчета въ томъ, за что иногда историкъ хвалитъ однихъ изъ патріарховъ и порицаетъ другихъ; а другіе двое историковъ явно стоятъ подъ вліяніемъ Акрополита и сообщаютъ нѣчто значительное въ сравненіи съ первымъ только относительно самыхъ послѣднихъ годовъ пребыванія патріарховъ въ Никее. Сколь скудны наши свѣдѣнія о первыхъ четырехъ патріархахъ Никейской имперіи, ясно видно изъ слѣдующихъ извѣстій, какія о нихъ дошли до насъ. Георгій Акрополитъ говоритъ о первомъ патріархѣ въ Никее: „*Михаилъ Авторіанъ* (1206—1212) былъ человекомъ ученый, знакомый не только съ нашей, но и иностранной литературой“¹⁾. И больше ничего не говоритъ Акрополитъ о Михаилѣ. Никакого представленія о патріархѣ невозможно составить себѣ на основаніи подобнаго рода извѣстій. Еще меньше свѣдѣній находимъ у Акрополита о слѣдующемъ патріархѣ *Теодорѣ Ириникѣ* (1212 или 1213—1215). Онъ пишетъ: „по смерти патріарха Михаила патріаршую кафедру занялъ Теодоръ Ириникъ“²⁾. Ефремій къ этому прибавляетъ, что онъ былъ „начальникъ (ипать) философовъ“³⁾. По какой причинѣ дается Теодору такой пышный титулъ — рѣшить невозможно⁴⁾. О третьемъ патріархѣ

¹⁾ Лѣтопись его, гл. 6. Confer: Ephraemii. De imperatoribus et patriarchis, p. 410.

²⁾ Лѣтопись его, гл. 19.

³⁾ Ephraemii. Ibidem.

⁴⁾ Историкъ Никита, говоря о царствованіи Алексѣя, брата Исаака Ангела, упоминаетъ о какомъ-то Теодорѣ Ириникѣ, который состоялъ на государственной службѣ и былъ, по словамъ историка, „человѣкомъ ста-

Максимъ (1215—1216—правилъ не полный годъ) тотъ же Акрополитъ говоритъ: „Максимъ изъ монаховъ, большой угодникъ женщинъ (гинекея—вѣроятно придворнаго), который въ свою очередь сильно ему покровительствовали, и этимъ только покровительствомъ можно объяснить возведеніе его въ столь высокій санъ“ ¹⁾. Очевидно, историкъ не хвалитъ Максима, но однако мы не знаемъ: ни того, какъ Максимъ вошелъ на кафедру, ни того какъ онъ управлялъ. О преемникѣ Максима, *Мануилѣ I* (1217—1222), Акрополитъ отзывался хорошо, но онъ въ то же время не даетъ никакихъ подробностей. „Мануилъ, по словамъ Акрополита, смотрѣлъ философomъ, какъ многіе его называли“ ²⁾. И только! Мы даже не можемъ уяснить себѣ, почему Мануилъ называется философomъ. Не потому ли, что онъ былъ аскетомъ? Ибо въ древности философъ и аскетъ часто считались синонимами. Ефремій къ этому прибавляетъ: Мануилъ „точный сторожъ законовъ и каноновъ“ ³⁾. Полагаемъ что эта замѣтка не составляетъ поэтической вольности Ефремія, а основана на слѣдующемъ фактѣ, вскользь упомянутомъ въ лѣтописи Акрополита. Греческій императоръ Θεодоръ Ласкаръ, женатый вторымъ бракомъ на сестрѣ латинскаго императора въ Византіи—Роберта, потомъ задумалъ было выдать свою дочь отъ перваго брака за этого Роберта. Это обстоятельство привело къ столкновенію императора Θεодора съ патріархомъ Мануиломъ. „Возникла, говоритъ Акрополитъ, ссора между Θεодоромъ и патріархомъ Мануиломъ, который никакъ не соглашался на такой nepoзвoлитeльный бракъ“ ⁴⁾. Отсюда видно, что Ефремій весьма усердно чи-

---

рательнымъ, любезнаго характера, изысканно-краснорѣчивымъ, умѣвшимъ ко всякому снизойти и примѣниться“ (Царствование Алексѣя, брата Исакова, кн. II, гл. 4). Но одно ли и то же лицо Θεодоръ Ириникъ, описанный Никитою, и Θεодоръ патріархъ—утверждать не беремся, хотя и склоняемся больше въ пользу тождества этихъ лицъ.

¹⁾ Лѣтопись его, гл. 19. У Ефремія, извѣстія котораго о патріархахъ отличаются панегирическимъ характеромъ, сейчасъ приведенное замѣчаніе опущено. Къ тому же нужно сказать, что Ефремій написалъ свое лѣтописаніе стихами, или, точнѣе, виршами, а стихотворцы, какъ извѣстно, отличаются поэтической вольностію въ сообщеніи извѣстій.

²⁾ Лѣтопись, гл. 19.

³⁾ Ephraemii, p. 411.

⁴⁾ Лѣтопись, гл. 18.

талъ Акрополита и по возможности крѣпко держался за этотъ историческій авторитетъ.

Гораздо больше имѣемъ свѣдѣній о послѣдующихъ патріархахъ въ Никее. Мануилу I преемствовалъ въ управленіи церковію *Германъ II* (1222—1240). Онъ былъ родомъ изъ Навплии въ Пропонтидѣ (Пелопонесѣ) и, говорятъ, происходилъ изъ низшаго сословія — былъ сынъ рыбака ¹⁾. Такое происхождение не помѣшало Герману получить достаточное образованіе, благодаря которому онъ дѣлается выдающимся патріархомъ. Византійскіе историки очень скупы на извѣстія о Германѣ. Однако же они единодушно отзываются о немъ съ самой лучшей стороны. Акрополитъ говоритъ только: „Германъ свято жилъ и хорошо управлялъ паствою“ ²⁾. И таковой отзывъ вполне подтверждается документами, имѣющими полную цѣнность. Историки Ефремій и Григора говорятъ о Германѣ, какъ человѣкѣ умномъ и не лишенномъ познаній, и эта характеристика также подтверждается документами. Ефремій говоритъ: „великій Германъ былъ великъ и жизнію, и словомъ“ ³⁾. Григора почти буквально повторяетъ слова Ефремія (хотя остается вопросомъ нерѣшеннымъ: не Ефремій ли говоритъ въ данномъ случаѣ со словъ Григоры?): „Германъ былъ человѣкъ умный, украшавшій свою жизнь и словомъ и дѣломъ“ ⁴⁾. Утверждаемъ: это не пустыя слова — они подтверждаются фактами. Прежде всего извѣстно, что Германъ велъ сильную и рѣшительную борьбу съ папскимъ престоломъ. Папа Григорій IX домогался уніи Восточной церкви съ Римомъ и въ этомъ направленіи дѣйствовалъ на Греческаго императора и патріарха; онъ посылалъ своихъ легатовъ въ Никею. Но папскія затѣи не имѣли успѣха благодаря замѣчательному мужеству Германа ⁵⁾. Германъ написалъ внушительное письмо къ папѣ, въ которомъ прекрасно доказывалъ, что схизматики не греки, а латиняне, и что, слѣдовательно, о соеди-

¹⁾ Le—Quien, I, p. 278.

²⁾ Лѣтопись, гл. 42.

³⁾ Ephraemii, p. 411.

⁴⁾ Григоры. Византійская исторія. Кн. III, гл. 1.

⁵⁾ Le—Quien, I, 278. Superi. Ad hist. patr., cap. 103.

ненія грековъ съ латинянами и рѣчи быть не можетъ. Для посрамленія папы патріархъ бралъ примѣры изъ современной ему исторіи — указывалъ на притѣсненіе латинянами православныхъ грековъ на о. Кипрѣ. Корреспондентъ выводитъ отсюда заключеніе, совершенно противоположное уніоннымъ стремленіямъ папы ¹⁾. Папа удостоилъ Германа отвѣтнаго письма, которое не разрѣшало ни одного изъ тѣхъ возраженій противъ папства, какія находились въ письмѣ патріарха, и которое заключало въ себѣ избитыя разсужденія о папской власти, о двухъ мечяхъ римскаго первосвященника — нисколько не убѣдительныя для разумнаго восточнаго іерарха ²⁾. Германъ извѣстенъ своими двумя посланіями къ кипріотамъ, которые несли разныя притѣсненія въ религіозномъ отношеніи отъ латинянъ, завоевавшихъ Кипръ подъ предлогомъ крестоваго похода. Въ первомъ изъ своихъ посланій Германъ даетъ различныя практическія совѣты какъ пастырямъ кипрскимъ, такъ и тамошнимъ христіанамъ касательно ихъ религіозныхъ отношеній къ латинскому духовенству ³⁾; второе письмо къ кипріотамъ исполнено также практическихъ совѣтовъ религіознаго характера, причѣмъ особенное вниманіе патріарха обращено на то, какъ должны относиться кипріоты къ тѣмъ изъ греческихъ священниковъ, которые подчинились латинской іерархіи ⁴⁾. Такъ заботился Германъ объ охранѣ чистоты православія въ эти тяжкія времена. Въ управленіи церковію патріархъ обнаруживалъ стремленіе къ соблюденію требованій, заключающихся въ церковныхъ правилахъ. До насъ дошло нѣсколько опредѣленій, появившихся въ правленіе Германа и по его волѣ ⁵⁾.

1) Sathas. Bibliotheca Graeca medii aevi. Vol. II, p. 39—46. Venet. 1873.

2) Sathas. Ibidem, p. 46—49.

3) Migne, Gr., tom. 140, p. 602—613.

4) Migne. Ibidem, p. 614—622.

5) Содержанія этихъ опредѣленій не приводимъ, такъ какъ они касаются частныхъ вопросовъ: въ нихъ находимъ разборъ одной жалобы епископа, рѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ о ставропигіи и т. д. Migne. Gr. tom. 119, p. 798—808. Напрасно въ изданіи Мина, по примѣру Деунклавія, къ имени патріарха Германа сдѣлано примѣчаніе: „этотъ патріархъ сначала былъ епископомъ Адрианопольскимъ“ (798). Здѣсь очевидно перепутаны два Германа: Германъ II, о которомъ мы говоримъ, съ Германомъ III, который былъ патріархомъ Константинопольскимъ по возвращеніи столицы изъ Никей въ Константинополь и который дѣйствительно сначала былъ епископомъ Адрианопольскимъ.

Этотъ же патріархъ проявлялъ большую ревность къ утвержденію своихъ непосредственныхъ насомыхъ въ истинахъ вѣры и благочестія. Отъ него до нашего времени дошло много проповѣдей и часть ихъ напечатана. Изъ напечатанныхъ его проповѣдей нѣкоторыя сказаны были патріархомъ въ слѣдующіе праздники: въ день Воздвиженія креста—противъ богомиловъ, въ недѣлю крестопоклонную великаго поста (двѣ проповѣди), въ недѣлю православія и пр.¹⁾ О рукописныхъ проповѣдяхъ Германа сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія извѣстный знатокъ христіанскаго Востока покойный преосвященный Порфирій. Этотъ писатель говоритъ: „Германъ II составилъ свой кириакодроміонъ—это годовою кругъ церковныхъ бесѣдъ его; онъ былъ разсмотрѣнъ мною въ рукописи въ библіотекѣ монастыря Аеоно-Иверскаго. Бесѣды въ немъ начинаются съ недѣли всѣхъ святыхъ и продолжаются до пятидесятницы“. Нашъ ученый авторъ приводитъ нѣкоторыя выдержки изъ этихъ проповѣдей и въ заключеніе говоритъ: „проповѣди Германа, какъ замѣтно, отличаются простотою слога“²⁾. Послѣднее замѣчаніе, конечно, клонится къ похвалѣ проповѣдника.

Вторымъ преемникомъ Германа былъ патріархъ *Мануилъ II Харитопулъ* (1243—1255 г.)³⁾. Мануилъ не тотчасъ былъ избранъ по смерти предшествующаго патріарха. Это произошло по слѣдующему случаю: „императоръ Іоаннъ Ватаца не спѣшившій въ подобныхъ дѣлахъ, не могъ найти въ скорости человѣка, достойнаго этого мѣста, или, лучше, такого, который могъ бы ему понравиться, потому что обладающіе верховною властію обыкновенно въ подобныхъ обстоятельствахъ соображаются съ своимъ расположеніемъ къ лицамъ, чтобы не имѣть въ этихъ людяхъ противниковъ

¹⁾ Migne, Gr., tom. 140, p. 622—758.

²⁾ Преосв. Порфирій. Проповѣдники въ Константинополѣ и Адриано-полѣ. Труды К. Д. А. 1880, II, стр. 498—500.—Герману, кромѣ вышеуказанныхъ сочиненій, принадлежитъ еще письмо къ деспоту Мануилу (написано въ 1232 году), но оно не замѣчательно. Miklosich. Acta et diplomata. Tom. III, 62—65.

³⁾ Первымъ преемникомъ Германа былъ *Меоодій II*, но онъ правилъ церковію только три мѣсяца (въ 1240 г.). Акрополитъ дѣлаетъ нелестную характеристику Меоодія: „Меоодій слылъ за человѣка многосвѣдущаго, но на самомъ дѣлѣ онъ зналъ очень немного“ (Лѣтопись, гл. 42).

своимъ желаніямъ. Такимъ образомъ времени прошло не мало, а все еще не было архипастыря“ (вдовство церкви продолжалось болѣе 3-хъ лѣтъ)¹⁾. Если императоръ Іоаннъ ничего такъ не желалъ какъ того, чтобы избранъ былъ въ патріархи человекъ покорливый, то понятно въ лицѣ патріарха Мануила императоръ очевидно нашелъ, чего искалъ. Дѣйствительно, Георгій Акрополитъ описываетъ новаго патріарха, Мануила, въ чертахъ весьма блѣдныхъ. Онъ пишетъ: „кормиломъ патріаршества началъ править Мануиль, мужъ благочестивый, святой жизни, хотя онъ и имѣлъ жену, и настолько незнакомый съ науками, что случалось не понималъ того, что читалъ“²⁾. Въ приведенной характеристикѣ могутъ возбуждать недоумѣніе слова: „хотя онъ и имѣлъ жену“. Это выраженіе нужно понимать такъ, что Мануиль былъ выбранъ въ патріархи изъ женатыхъ, но что онъ оставилъ свою жену по избраніи въ патріархи³⁾. Изъ словъ Акрополита, въ которыхъ онъ высказываетъ сужденіе о Мануилѣ, не слѣдуетъ однакожъ заключать, что патріархъ былъ много ниже своего призванія. Историческіе документы свидѣтельствуютъ, что Мануиль обнаруживалъ и извѣстнаго рода церковную дѣятельность и не былъ лишенъ даже политическаго вліянія. О церковной дѣятельности Мануила свидѣтельствуютъ нѣкоторыя дошедшія до насъ опредѣленія, составившіяся на соборахъ при этомъ патріархѣ. Такъ на одномъ соборѣ при немъ разсмотрѣно было нѣсколько каноническихъ и богослужебныхъ вопросовъ. Патріархъ внесъ на соборъ эти вопросы по желанію митрополита Диррахійскаго Романа, которому они въ свою очередь предложены были еще другимъ епископомъ. Вотъ вопросы, какіе внесены были на соборъ, а равно и тѣ рѣшенія, ка-

¹⁾ Акрополита. Лѣтопись, гл. 42. Историкъ Пахимеръ увѣряетъ, что будто прежде, чѣмъ избранъ былъ Мануиль, соборъ хотѣлъ поставить въ патріархи нѣкоего Никифора, впоследствии дѣйствительно бывшаго патріархомъ столицы, и что будто бы царь воспротивился этому выбору (Царств. Михаила Палеолога, кн. II, гл. 16). Но это — басня, выдуманная Пахимеромъ и не заслуживающая исторической вѣры. (См. ниже, стр. 203. *Примѣч.* 3.

²⁾ Лѣтопись, гл. 51.

³⁾ Указаніе на нѣрдкіе случаи въ этомъ родѣ можно находить въ повелѣ Ісаака Ангела, приведенной выше, стр. 153. (*Примѣч.* 2).

кія послѣдовали здѣсь. Вопросъ первый: случается, что нѣкоторые мужья, по ненависти къ своимъ женамъ или по другимъ причинамъ, оставляютъ этихъ послѣднихъ и уходятъ неизвѣстно куда, пребывая въ безвѣстной отлучкѣ пять и даже болѣе лѣтъ. Должно ли позволять такимъ женамъ вступать въ новый бракъ? Соборъ даетъ отвѣтъ отрицательный, если вышеуказанныя жены не могутъ представить удостовѣренія, что ихъ мужья взяты въ плѣнъ или инымъ подобнымъ же образомъ исчезли не менѣе пяти лѣтъ. Другой вопросъ. Нѣкоторые міряне уже дважды женились, но овдовѣли и, хотя достигли сорокалѣтняго возраста, однакожь желали вступить въ третій бракъ, выставляя предлогомъ то, что у нихъ есть дѣти, для воспитанія которыхъ имъ необходимо имѣть жену. Можно ли позволять таковымъ третій бракъ безпрепятственно? Рѣшеніе собора по этому вопросу послѣдовало такое: достигшіе сорокалѣтняго возраста и домогающіеся вступить въ третій бракъ тѣмъ показываютъ, что они желаютъ многобрачія, непристойнаго христіанину и заслуживаютъ укоризны; если же будутъ стоять на своемъ, подвергаются (обычной) епитиміи. Еще другіе вопросы касаются разнаго рода безпорядковъ, допускаемыхъ священниками—особенно по части совершенія таинствъ. Первый вопросъ въ подобномъ родѣ. Нѣкоторые священники въ великую четыредесатницу, заготовляя дары для преждеосвященныхъ литургій, полагаютъ ихъ въ дарохранильницы (*ἐν ἀρτοφωρίοις*), но случается, что, по демонскому навожденію или мыши похищаютъ изготовленное, или же собака, врываясь въ отворенную ею дверь; или же случается, что священникъ, совершивъ проскомидію, отходитъ къ трапезѣ Господней и совершаетъ здѣсь службу, а въ это время мышь похищаетъ хлѣбъ съ проскомидійнаго стола. Какого наказанія заслуживаетъ за это священникъ? Соборъ даетъ такое рѣшеніе вопроса. Если собаки проберутся не смотря на затворенную дверь храма и похитятъ преждеосвященные дары, то священнику должно быть запрещено служеніе на срокъ, какой будетъ указанъ епископомъ—за явную небрежность. Въ случаѣ же похищенія мышью священнаго хлѣба, надъ которымъ совершена проскомидія, священники, по опредѣ-

ленію собора, должны быть признаны невиновными; ибо такіе случаи, замѣчаетъ соборъ, весьма часто (!) встрѣчаются. Въ указанномъ положеніи священникъ долженъ взять новый хлѣбъ и освятить его по чину. (Третій изъ преждеупомянутыхъ случаевъ соборъ почему—то обходитъ молчаніемъ). Второй вопросъ, касающійся безпорядковъ, допускаемыхъ священниками, формулированъ былъ такъ: нѣкоторые священники въ теченіе великой четыредесатницы тайкомъ преподають брачное благословеніе хотѣющимъ вступить въ бракъ; какому наказанію подлежатъ такіе священники? Резолюція собора по этому весьма важному вопросу замѣчательно снисходительна. Соборъ опредѣляетъ: если какой священникъ дѣлаетъ это по простотѣ (!) ἐξ ἀφελείας, то онъ подлежитъ умѣренной эпитиміи; если же поступающій такимъ образомъ священникъ дѣйствуетъ по злоумышленію, таковой заслуживаетъ большихъ наказаній, налагаемыхъ по волѣ епископа. Еще серьезнѣе и важнѣе слѣдующій безпорядокъ, встрѣчавшійся въ іерейской практики. Нѣкоторые священники, будучи подъ архіерейскимъ отлученіемъ и неся эпитимию, позволяютъ себѣ однако же совершать богослуженіе. Спрашивается: какому наказанію они подлежатъ? Отвѣтъ дается такой: священники отлученные, но дерзающіе совершать богослуженіе, достойны низверженія¹⁾. Такова была законодательная дѣятельность Греческой церкви въ правленіе патріарха Мануила. Эта дѣятельность интересна въ двухъ отношеніяхъ: во 1-хъ, она свидѣтельствуетъ о пастырской ревности патріарха; во 2-хъ, даетъ указаніе на довольно непривлекательное дисциплинарное положеніе Греческаго ду-

¹⁾ Migne, Gr., tom. 119, p. 808 — 812. Законодательная дѣятельность церкви при Мануилѣ, выражавшаяся въ отвѣтахъ на различные практическіе, возбуждаемые отдѣльными лицами, вопросы, не представляетъ явленія необыкновеннаго. Съ подобнаго рода законодательною дѣятельностью около этого времени встрѣчаемся и въ Греціи, и въ Россіи. Въ Греціи — достаточно указать на каноническіе отвѣты Димитрія Хоматина, архіепа Болгарскаго (XIII в.) на вопросы Константина Кавасилы, и на отвѣты Іоанна, епископа Китрскаго (въ Македоніи) — конца XII в. — на вопросы того же Кавасилы. Въ русской церкви къ подобнаго же рода законодательнымъ памятникамъ относится извѣстное „Вопрошеніе Кириково“ (XII в.), т. е. собраніе отвѣтовъ, полученныхъ іеромонахомъ Кирикомъ преимущественно отъ епископа Нифонта (Е. Е. Голубинскаго. Исторія русской церкви, т. I, полов. 1, стр. 372. Изд. 1-е).

ховенства средины XIII вѣка. При томъ же Мануилъ составлены были опредѣленія и по нѣкоторымъ другимъ церковнымъ вопросамъ, но эти опредѣленія не представляютъ важности¹⁾. Что касается политическаго вліянія патріарха Мануила, то оно выразилось, напримѣръ, въ слѣдующемъ: императоръ Іоаннъ Ватаца сталъ подозрѣвать въ политической неблагонадежности Михаила Палеолога (впослѣдствіи императора), нарядилъ судъ надъ обвиняемымъ, но судьи не выразили опредѣленнаго сужденія о виновности Михаила: подсудимый оставался въ подозрѣніи. Чтобы окончательно успокоить свой смущенный духъ, императоръ отправилъ Михаила Палеолога къ патріарху Мануилу, а этотъ послѣдній долженъ былъ связать обвиняемаго клятвами, что „онъ никогда не будетъ замышлять невѣрности и сохранить въ чистотѣ свою преданность къ державному“. Мануилъ исполнилъ желаніе царя, послѣ чего Іоаннъ Ватаца примирился съ Палеологомъ. Очевидно, императоръ высоко ставилъ патріаршій авторитетъ и вліяніе даже въ чисто-политическихъ вопросахъ²⁾.

Изъ числа двухъ остальныхъ патріарховъ, изъ которыхъ одинъ правилъ своимъ патріархатомъ частію изъ Никеи, а другой исключительно изъ Никеи—скажемъ лишь о первомъ, Арсеніи, какъ болѣе замѣчательномъ мужѣ. Онъ дважды восходилъ на патріаршую кафедру: началъ править церковію въ Никеѣ (1255—1260), но потомъ, по вторичномъ принятіи кафедры, продолжалъ патріаршествовать уже въ Византіи (1261—1266). О восшествіи его на патріаршій престолъ въ Никеѣ историкъ рассказываетъ слѣдующее: когда умеръ патріархъ Мануилъ, то многіе указывали императору Θεодору Ватацѣ на архимандрита Никифора Влеммида³⁾,

¹⁾ Разумѣемъ опредѣленія о перемѣщеніи епископовъ съ одной кафедры на другую (Migne, *ibid.*, p. 812—815) и о правѣ патроната или ктиторскомъ (*ibid.*, p. 816—817).

²⁾ Акрополита. Лѣтопись, гл. 50—51. Позднѣйшій историкъ, Пахимерь (Царствованіе Михаила Палеолога, кн. I, гл. 7), иначе рассказываетъ эту исторію и приписываетъ еще большее значеніе Мануилу въ дѣлѣ столкновенія Михаила Палеолога съ Іоанномъ Ватацею; но мы не можемъ рѣшить вопроса: вѣрно ли передаетъ рассказанную исторію Пахимерь по сравненію съ Акрополитомъ?

³⁾ См. о немъ ниже: экскурсъ о двухъ Никифорахъ, стр. 207 и дал.

какъ на самаго достойнаго кандидата въ патріархи, ибо Влеммидъ отличался и ученостію на рѣдкость и строго-нравственнымъ, неподкупнымъ характеромъ. Императоръ съ своей стороны отчасти желалъ, отчасти не желалъ видѣть патріархомъ Влеммида. Онъ желалъ этого, потому что убѣжденъ былъ въ высокихъ достоинствахъ Никифора, но онъ и не желалъ, потому что у царя были свои расчеты. Объ этихъ расчетахъ историкъ говоритъ такъ: „цари вообще хотятъ, чтобы патріархами были люди смиренные, недалекие по-уму, которые легко уступали бы ихъ желаніямъ, какъ законнымъ постановленіямъ. А это всего чаще—разсуждаетъ историкъ отъ лица императора — случается съ людьми необразованными: будучи невѣждами въ словѣ, они неспособны на смѣлое слово и преклоняются предъ императорскими распоряженіями“. Къ счастью для императора, Никифоръ Влеммидъ „былъ болѣе чѣмъ равнодушенъ къ патріаршеству“, а Θεодоръ Ватаца конечно „не слишкомъ принуждалъ его“. И вотъ императоръ Θεодоръ, „сдѣлавши маленькую попытку съ Никифоромъ“, съ спокойною совѣстію „обратился искать патріарха среди другихъ лицъ“. Не вдругъ-то императоръ нашелъ человѣка, который бы вполне отвѣчалъ его желаніямъ. Наконецъ выборъ императора остановился на малоизвѣстномъ монахѣ Арсеніи, не имѣвшемъ никакой церковной степени и человѣкѣ малочуеномъ. Θεодоръ Ватаца приказалъ какъ можно скорѣе посвятить его въ патріархи, что и было исполнено ¹⁾. Въ теченіе недѣли Арсенія послѣдовательно посветили въ діакона, въ пресвитера и епископа ²⁾. Можно было бы думать, что неученый и не по достоинству возвышенный Арсеній станетъ послушнымъ орудіемъ Греческихъ императоровъ. Но этого не случилось. Расчеты на простоту Арсенія сдѣланы были слишкомъ по-

¹⁾ Акрополита, гл. 53. Слич. Григоры: Византійская исторія, кн. III, гл. 1.

²⁾ Такое быстрое возвышеніе въ патріархи всегда возбуждало негодованіе въ лицахъ, желавшихъ, чтобы каждая высшая степень давалась за заслуги. Но панагиристъ Евфремій какъ будто бы и знать не хочетъ о такого рода нерасположеніи къ Арсенію, какъ посвященному по волѣ царя „съ поспѣшностію“. А потому, ни мало не сумнясь, разсматриваемый фактъ передаетъ въ слѣдующихъ словахъ: „прошелъ онъ (Арсеній) всякую степень (!) и поднялся на вершину архипастырства“ (р. 412).

спѣшно. Правленіе Арсенія ознаменовано необычными столкновениями патріаха съ императоромъ и сдѣлалось причиною образованія сначала партіи, а потомъ и раскола „арсени-товъ“. Въ нашу задачу не входятъ раскрывать подробно исторію патріаршества Арсенія ¹⁾ этого „греческаго Никона“, какъ иногда называютъ его. Несомнѣнно, Арсеній проявилъ истинно-высокую архипастырскую ревность, отлучивъ императора Михаила Палеолога отъ церкви по той причинѣ, что онъ занялъ престолъ путемъ тяжкаго преступленія — онъ сначала отстранилъ, а потомъ лишилъ зрѣнія законнаго наслѣдника престола, малолѣтняго сына Θεодорова Іоанна Ватацу. За свою пастырскую ревность Арсеній заплатился тѣмъ, что дважды былъ низведенъ съ кафедръ патріаршей по волѣ разгнѣваннаго Михаила. Ревность Арсенія, разумѣется, заслуживаетъ всякой похвалы: онъ ратовалъ за правду и требованія христіанскаго закона. Но съ другой стороны весьма печально, что Арсеній не счумѣлъ пожертвовать своею личностію для блага церкви. Свое низверженіе съ кафедръ и соединенное съ этимъ поставленіе новыхъ патріарховъ на ту же Константинопольскую кафедру онъ разсматривалъ какъ такія событія, которыя вели будто бы къ гибели церкви. Такіе взгляды самого Арсенія волновали общество; нашлись люди, какъ изъ духовенства, такъ и изъ мірянъ, которые применили къ этимъ взглядамъ Арсенія ²⁾. Возникли смуты, безпорядки. „Греческій Никонъ“ началъ борьбою за правду, а кончилъ образованіемъ раскола „арсенитовъ“, который цѣлые десятки лѣтъ нарушалъ благоденствіе Греческой церкви. Арсеній, сдѣлавъ свое дѣло: изобличивъ царя нечестиваго, отлучивъ его отъ церкви — долженъ былъ мирно удалиться въ уединенную келлію, отнюдь не связывать своего подвига съ *своею* личностію. Но онъ этого не сдѣлалъ. Онъ вообразилъ, что съ низверженіемъ его съ патріаршей кафедры перестала существовать истинная церковь на землѣ. Какое сомнѣніе, какое за-

¹⁾ Это уже раньше насъ сдѣлано въ превосходныхъ статьяхъ И. Е. Троицкаго: „Арсеній и Арсенины“ (Христ. Чтен. 1867 и 1869 годы).

²⁾ Пахимера. Исторія о Михаилѣ Палеологѣ, кн. II, 15; кн. III, 2. 14. 19 и пр. Никифора Григоры. Византійская исторія, кн. III, гл. 3 и пр.

блужденіе! Арсеній умеръ въ ссылкѣ на одномъ островѣ. Но и на смертномъ одрѣ онъ помышлялъ не о благѣ церковномъ, а вспоминалъ о своихъ личныхъ обидахъ и помышлялъ о мести—легко сказать!—и государству, и церкви. До насъ сохранилось „духовное завѣщаніе“ Арсенія, составленное имъ незадолго до смерти¹⁾. Какимъ духомъ нетерпимости проникнуть этотъ удивительный документъ! Не о всепрощеніи, не о благословеніяхъ ведетъ рѣчь умирающій экс-патріархъ: онъ разсѣваетъ лишь проклятiя—рука старца не оскудѣваетъ въ этомъ отношеніи. Разставаясь съ землею, подвижникъ думаетъ не о небѣ, а о землѣ. Въ своемъ „завѣщаніи“ Арсеній довольно подробно разсказываетъ исторію своей жизни, при чемъ разсматриваетъ эту исторію съ своей личной точки зрѣнія. Но истинно поразителенъ конецъ завѣщанія. Вотъ послѣднія слова, какія сходятъ съ устъ человѣка, покидающаго землю для вѣчнаго покоя: „произношу анаѣему и предаю сатанѣ его (императора Михаила Палеолога), такъ какъ онъ и прежде предалъ уже себя сатанѣ своимъ вѣроломствомъ, а теперь своимъ гоненіемъ на церковь. Предаю также сатанѣ и архіереевъ (которыхъ онъ и называть архіереями не хочетъ) за то, что они сочувствовали нечестію; равнымъ образомъ мірскихъ начальниковъ, которые содѣйствовали ему (Михаилу); а также священниковъ и всѣхъ его приспѣшниковъ. Что же касается простаго народа, не умѣющаго отличить правой руки отъ лѣвой, то, какъ ученикъ милосердаго Господа моего, говорю: Господи, не вѣни имъ грѣха сего“ (Дѣян. VII, 60)²⁾. Вотъ слова, представляющія собою, какъ говорится послѣднюю волю Арсенія. Ясно видно, что самъ Арсеній не былъ неповиненъ въ образованіи раскола „арсенитовъ“.

Между первымъ и вторымъ патріаршествомъ Арсенія ка-

¹⁾ По вопросу о подлинности этого завѣщанія см. замѣтки у проф. И. Е. Троицкаго (Христ. Чтен. 1869, т. II, 854—856). Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ Арсенію приписывается сочиненіе „Поэмы на Воскресеніе Господне“, но едва ли малограмотный патріархъ могъ и желалъ писать поэму. Эту поэму съ большимъ правомъ приписываютъ Арсенію, митрополиту Мовнемвасійскому, XVI вѣка (Migne, Gr., tom. 140, p. 936—940).

²⁾ Testamentum Arsenii. Migne. Gr. tom. 140, p. (948—957) 957.

едрѣ патриаршую въ Никее на короткое время занималъ *Никифоръ II* (1260 — 1261; не полный годъ). О личности этого патриарха мало можно сказать опредѣленнаго. Это въ значительной степени зависитъ отъ того, что одновременно жило двое Никифоровъ: 1) Никифоръ, сначала митрополитъ Ефесскій, а впослѣдствіи патриархъ, и 2) Никифоръ Влеммидъ, очень извѣстный церковный писатель и весьма видный подвижникъ того времени. Намъ думается, что византійскіе историки, описывавшіе XIII вѣкъ,—Акрополитъ, Пахимерь и Григора, до нѣкоторой и даже значительной степени, перемѣшали извѣстія, относящіяся къ этимъ двумъ Никифорамъ, и черты, характеризующія одного перенесли, какъ бы невольно, на другого. Посмотримъ въ самомъ дѣлѣ, какъ эти историки характеризуютъ и изображаютъ обоихъ Никифоровъ. Скажемъ кстати, что свѣдѣнія, которыя мы здѣсь изложимъ о Никифорѣ Влеммидѣ, пригодятся намъ впослѣдствіи, именно когда будемъ говорить о духовномъ просвѣщеніи, въ частности о школахъ: Влеммидъ былъ вліятельнымъ лицомъ въ исторіи этого просвѣщенія, являясь руководителемъ основанной имъ школы. Но обратимся къ нашему дѣлу.

1. О патриархѣ Никифорѣ вышеуказанные историки говорятъ, что онъ былъ человекомъ свѣдущимъ въ наукѣ, благочестивымъ. Такъ Пахимерь о немъ пишетъ: Никифоръ „украшался знаніемъ словесныхъ наукъ, славился добродѣтелью и былъ мужъ благоговѣйный“; при другомъ случаѣ, онъ называетъ его „мужемъ благочестивымъ и высоко уважаемымъ“¹⁾. Но подобное же говорятъ историки и о Никифорѣ Влеммидѣ. Акрополитъ пишетъ: „Влеммидъ, мой учитель по философіи и догматикѣ, славился искусствомъ въ словѣ и добродѣтелью, отъ юности принявъ на себя иго уединенной жизни“²⁾. Въ такомъ же родѣ находимъ свидѣтельство объ этомъ лицѣ и у историка Григоры. Вотъ его слова: „это былъ человекъ, украшенный многими добродѣтелями и отлично знакомый съ ученостью—и съ тою, которую пере-

¹⁾ Исторія (рус. пер.), стр. 107. 93.

²⁾ Лѣтопись (рус. пер.), стр. 121.

дали потомкамъ древніе Греки, и съ тою, которою ознаменовали себя предстоятели и ораторы нашихъ церквей“¹⁾.

2. Тому и другому Никифору историки приписываютъ необычайную ревность къ охраненію церковныхъ правилъ, безбоязненность предъ сильными міра сего, необычайную пастырскую ревность. О Никифорѣ патріархѣ Пахимерь пишеть: „онъ былъ по жизни страшный, для правителей (конечно, свѣтскихъ) недоступный, чуждый всякой боязни, къ добродѣтели привыкъ съ дѣтства, для многихъ онъ казался неприятнымъ“. „Онъ имѣлъ довольно ревности защищать церковь и ея законы, когда они были попираемы“²⁾. А о Никифорѣ Влеммидѣ Григора говоритъ, что онъ „рѣзкимъ словомъ, устно и письменно преслѣдовалъ“ преступниковъ церковныхъ правилъ, эти послѣдніе „получали отъ него приличное возмездіе“³⁾.

3. Оба они, за свою безбоязненность и ревнованіе о правилахъ церковныхъ, почти одинаково поплатились. О Никифорѣ, бывшемъ впослѣдствіи патріархомъ, Пахимерь рассказываетъ слѣдующее: „Никифоръ (когда онъ занималъ кафедру митрополита ефесскаго) избранъ былъ соборомъ въ патріархи при императорѣ Іоаннѣ Ватацѣ, раньше патріарха Мануила II;⁴⁾ но царь остановилъ это избраніе, потому что боялся ревности этого человѣка. *Если никто не могъ противостоятъ ему когда онъ былъ еще архидіакономъ* (а что онъ дѣйствительно занималъ эту должность въ Никее, гдѣ тогда имѣли резиденцію византійскіе императоры, это видно изъ одного новаго источника историческаго, о которомъ рѣчь будетъ нѣсколько послѣ), говорилъ императоръ, „*то какъ терпѣть его въ санѣ патріарха*“⁵⁾. А при какихъ обстоятельствахъ и чѣмъ поплатился за свою безбоязненность и ревность Никифоръ Влеммидъ, объ этомъ рассказываетъ Акрополитъ, къ сожалѣнію съ тою краткостію, которая во-

¹⁾ Византійская исторія (рус. перев.), стр. 45.

²⁾ Исторія, стр. 117. 107.

³⁾ Византійск. исторія, стр. 45. Сл. Акрополита, стр. 121.

⁴⁾ Точнѣе было бы сказать: „раньше Мееодія“, но трехтысячное патріаршество Мееодія историки того времени пропускають. Дѣло происходило въ 1240 г.

⁵⁾ Пахимерь, стр. 107.

обще отличала этого лѣтописца. „Церковь лишилась первоиерарха (въ лицѣ Мануила II), и потому стали искать чело-вѣка, достойнаго патріаршаго престола. Многіе указывали на Никифора Влеммида“. (Дѣло происходило въ 1255 г.). Тогдашній императоръ Θεодоръ, сынъ Іоанна Ватацы, былъ очень къ нему расположенъ и любилъ его, потому что считалъ его учителемъ своимъ въ отношеніи къ словесному образованію. Но Никифоръ былъ болѣе, чѣмъ равнодушенъ къ патріаршеству. Да въ свою очередь и императоръ не слишкомъ принуждалъ его; а скорѣе было у него желаніе, чтобы онъ не принималъ предствоятельства, потому что (византійскіе) цари вообще хотятъ, чтобы патріархами были люди смиренныя, недалекіе по уму, которые бы легко уступали ихъ желаніямъ, какъ признаннымъ постановленіямъ. Поэтому Θεодоръ, сдѣлавши маленькую попытку по отношеніи къ Никифору, обратился къ другимъ¹⁾. Здѣсь ясно дается знать, что Θεодоръ Ватаца не очень-то желалъ видѣть Никифора патріархомъ. И на это у него были свои основанія. Онъ былъ недоволенъ отношеніями Никифора къ Іоанну Ватацѣ, своему отцу. Историкъ Григора передаетъ намъ разсказъ о слѣдующемъ событіи. Императоръ Іоаннъ Ватаца, по смерти своей жены Ирины, женился на сестрѣ сицилійскаго короля Аннѣ, въ составѣ свиты которой въ Никею пріѣхала одна очень красивая женщина, по имени Фрикка²⁾. Красота этой женщины свела съ ума императора. Онъ вступилъ съ ней въ преступную связь, и позволилъ своей любовницѣ вести себя какъ бы она была дѣйстви-тельною царицею. Такое отношеніе къ ней императора по-зволяло ей слишкомъ много думать о себѣ. Но нашелся че-ловѣкъ, который не хотѣлъ выносить такого соблазна. Это былъ Никифоръ Влеммидъ, имѣвшій въ это время санъ архимандрита. Онъ устно и письменно изобличалъ нечестіе Фрикки. Крайне натянутыя отношенія обличителя и обличае-мой достигли высшаго напряженія по слѣдующему случаю.

¹⁾ Акрополитъ, стр. 121.

²⁾ Она называлась Фрикка, а не Маркесина, какъ именуютъ ее Акро-политъ и Григора. Первымъ именемъ называетъ ее самъ Влеммидъ. (См. ниже новый источникъ для его жизнеописанія).

Желая дать знать, что она вовсе не страшится своего сурового обличителя, Фрикка съ помпой, въ сопровожденіи многочисленной свиты рѣшилась посѣтить обитель, гдѣ проживалъ Влеммидъ, обитель, созданную трудами этого послѣдняго. Но желаніе царской метрессы не пришло въ исполненіе. Суровый архимандритъ приказалъ привратникамъ запереть двери своей обители, лишь только-что она приблизилась къ монастырю. „Божественный этотъ мужъ, по замѣчанію Григоры—не почелъ справедливымъ дѣломъ, чтобы эта безстыдница прошла своими скверными и преступными ногами по священному помосту“ ¹⁾. Послѣ всего этого, очень понятно, почему сынъ Іоанна Ватацы могъ не долюбивать Никифора Влеммида и не желать его патріаршества.

4. Интересно отмѣтить, что не смотря на множество похвальныхъ качествъ, которое тому и другому Никифору приписывается историками, оказывается, что эти столь достойные лица имѣли однакожъ пороки, и притомъ пороки одинаковаго вида. Странная историческая судьба этихъ лицъ! О порокахъ одного историка говорятъ рѣшительно, а порокахъ другаго гадательно, но все же не молчать. О патріархѣ Никифорѣ Пахимерѣ пишетъ: „Никифоръ, бывший митрополитъ Ефесскій, избранный въ патріархи больше всего по желанію царя (Θεодора Ватацы), прибылъ въ Никею со множествомъ собраннаго въ Ефесѣ золота“ ²⁾. Очевидно, онъ былъ явный корыстолюбецъ. О порокахъ другаго Никифора, говоритъ историкъ Акрополитъ, но говоритъ прикровенно. Онъ замѣчаетъ: „нѣкоторые, въ особенности изъ знати не только не находили въ немъ (Никифорѣ Влеммидѣ) особенныхъ добродѣтелей, но и приписывали ему разные пороки“ ³⁾. Жаль, что лаконическій Акрополитъ не говоритъ прямо о какихъ порокахъ у него рѣчь. Во всякомъ случаѣ предъ нами являлось бы удивительное совпаденіе въ исторической характеристикѣ изучаемыхъ лицъ, если бы можно было доказать, что Акрополитъ говоритъ ни о чемъ другомъ, какъ о корыстолюбіи Влеммида. А дока-

¹⁾ Григора, стр. 44—45. Сл. Акрополитъ, 119.

²⁾ Пахимеръ, стр. 108. 116.

³⁾ Акрополитъ, стр. 121.

зять это въ настоящее время не такъ-то трудно. Новый источникъ для жизнеописанія Влеммида (о которомъ мы уже упоминали выше) не оставляетъ сомнѣнiя, что и Влеммида современники обличали въ томъ же, въ чемъ и Никифора патріарха. Въ этомъ источникѣ приписывается Влеммиду именно корыстолюбiе, да въ добавокъ и злоязычiе, какъ увидимъ ниже.

Разумѣется, лица сходныя по своимъ характеристическимъ чертамъ встрѣчаются въ исторiи: этого мы отрицать не станемъ. Но совпаденiе и повторенiе характеристическихъ чертъ въ двухъ вышеуказанныхъ личностяхъ мы никакъ не согласны признать дѣломъ естественнымъ и возможнымъ. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что историки, въ особенности Пахимерь и Григора, случайно перемѣшали въ своихъ извѣстiяхъ свѣдѣнiя о двухъ Никифорахъ. Къ такому смѣшенiю давало имъ поводъ очень многое: оба историческихъ лица, о которыхъ они писали, были тѣзками, именовались Никифорами, оба они были выдающимися историческими личностями; оба жили въ одно и то же время и были—дѣло возможное — сверстниками: Влеммидъ родился въ 1197 и умеръ въ 1272 году, а патріархъ скончался въ 1261 году и достигъ этого сана въ преклонныхъ лѣтахъ, послѣ 20-лѣтняго управленiя митрополiею; наконецъ оба эти Никифора большую часть своей дѣятельной жизни провели въ одномъ и томъ же городѣ: Ефесѣ — одинъ въ качествѣ митрополита, а другой — архимандрита и наставника юношей. Какъ тутъ не перемѣшать дѣятельности и жизни этихъ лицъ?

Но вотъ вопросъ: какъ далеко простирается это смѣшенiе? Раньше мы думали ¹⁾, что подобное смѣшенiе доходило до полной путаницы исторической истины и утверждали, что всѣ похвальныя черты нужно приписывать исключительно одному Влеммидѣ, а на долю патріарха Никифора оставлять лишь недостатки. Но къ счастью, наука не застываетъ въ одномъ положенiи, а двигается впередъ; а съ нею подвинулись впередъ и наши личныя познанiя. Въ недавнее время

---

¹⁾ См. первое изданiе этого же нашего сочиненiя, стр. 43—44.

отпечатана „автобіографія“ Влеммида, къ которой присоединено обстоятельное изслѣдованіе объ этой личности ¹⁾.

Что же теперь оказывается?

Оказывается прежде всего, что Никифоръ патріархъ не чуждъ былъ образованія и имѣлъ много нравственныхъ качествъ, и что слѣдовательно въ этомъ отношеніи это лице въ самомъ дѣлѣ походило на Влеммида. Этотъ послѣдній въ своей „автобіографіи“, писалъ о митрополитѣ ефесскомъ Никифорѣ: „онъ былъ первымъ въ числѣ священно-діаконъ придворныхъ, мужъ, подвизающійся для Бога, взирающій на Бога, исполненный богописаннаго вѣдѣнія (θεογραφικής γνώσεως), утвержденный въ нравственности, славный непорочною и дѣвствомъ, отличавшійся милосердіемъ, соединеннымъ съ строгостію, кратко сказать, — это іерархъ не лицемерный, не лжеименный“ ²⁾.

Иначе нужно смотрѣть на другую черту патріарха Никифора, будтобы уравнивающую его съ Влеммидомъ — разумѣвъ его неустрашимость и недоступность для правителей, и защиту попираемыхъ законовъ. Это извѣстіе принадлежитъ Пахимеру и лишено справедливости; оно лишь свидѣтельствуетъ о дѣйствительномъ смѣшеніи историками тѣхъ временъ двухъ Никифоровъ. Влеммидъ въ своей автобіографіи ничего не говоритъ о такой важной чертѣ въ характерѣ своего двойника Никифора, къ которому онъ относился однакожъ сочувственно. А главное-то дѣло вотъ въ чемъ: самого факта, на которомъ основываетъ Пахимеръ свое мнѣніе о неустрашимости Никифора, повидимому, не существовало. Влеммидъ въ своей автобіографіи касается исторіи выбора въ патріархи, происходившей въ 1240 году и ни единымъ словомъ не упоминаетъ о томъ, что въ числѣ кандидатовъ на кафедру патріаршую значился и Никифоръ — другой. Напротивъ онъ очень ясно говоритъ, что императоръ Іоаннъ самого Влеммида представлялъ къ патріаршеству (τὸ ἡμέτερον ὄνομα προσηγγάγευ), но произнесъ его имя сквозь зубы (χέχρηκε),

¹⁾ Heisenberg. Nicephori Blemmydae curriculum vitae et carmina. Lipsiae, 1896.

²⁾ Ibidem, p. 38.

а въ концѣ концовъ назначилъ патріархомъ другое лице¹⁾. Кажется, дѣло очень ясное, что историкъ Пахимерь, единственно и передающій намъ свѣдѣнія о томъ, какъ будто бы императоръ Іоаннъ воспротивился выбору Никифора (м. ефесскаго) въ патріархи — впадаетъ въ непростительную ошибку. Онъ приписываетъ случай, бывшій съ Никифоромъ Влеммидомъ, совсѣмъ другому Никифору. Нѣтъ сомнѣнія, показанія „автобіографіи“ Влеммида безмѣрно авторитетнѣе Пахимера. Что Пахимерь перемѣшиваетъ историческіе факты, это видно изъ того, что ни о какой попыткѣ поставить Влеммида патріархомъ онъ не упоминаетъ, хотя, какъ теперь оказывается, такихъ попытокъ было двѣ, а не одна, какъ прежде можно было думать. Очевидно, Пахимерь перепуталъ событія въ жизни двухъ Никифоровъ. Влеммидъ подробно рассказываетъ въ „автобіографіи“ и о вторичной попыткѣ выбрать его въ патріархи, но этотъ вопросъ не входитъ въ нашу задачу. Замѣтимъ одно: рассказъ Влеммида во многомъ дополняетъ и исправляетъ²⁾ замѣтку Акрополита объ этомъ событіи.

Обвиненіе въ порокахъ, возводимое на Влеммида и главнымъ образомъ обвиненіе въ корыстолюбіи, должно быть снято съ этого лица. Изъ его автобіографіи видно, что это обвиненіе возводилъ на него одинъ неблагодарный его ученикъ, принадлежащій однакожъ къ лучшей византійской фамиліи; этотъ клеветникъ разглашалъ, что будто Влеммидъ воспользовался богатствомъ, оставшимся послѣ ефесскаго митрополита Манассіи³⁾. Другой ученикъ его, тоже изъ аристократовъ, желая повредить Влеммиду, рассказывалъ, что онъ порицалъ императора Іоанна⁴⁾. Но это, конечно, не порокъ въ обличителѣ пороковъ. Такимъ образомъ мы должны признать, что корыстолюбіе было свойственно Никифору патріарху, но не находило мѣста въ жизни подвижника Никифора Влеммида.

¹⁾ Ibid., p. 39. Cf. p. XX.

²⁾ Ibid., p. 42 — 44. Cf. p. XXII. (Ср. Акрополита, стр. 121). Кстати замѣтимъ, что рассказъ объ извѣстной царской метрессѣ Фриккѣ можно находить здѣсь же, p. 40. Cf. p. XXI.

³⁾ Ibid., p. 30. Cf. p. XVIII.

⁴⁾ Ibid., p. 31.

Въ заключеніе нашихъ рѣчей соберемъ характеристическія черты патріарха Никифора: онъ принадлежалъ къ лицамъ не лишеннымъ образованія и имѣлъ многія нравственныя достоинства, хотя и не могъ побороть въ себѣ страсти къ золоту. Къ этимъ чертамъ его историческаго образа присоединимъ нѣкоторыя другія, о которыхъ не было еще случая упоминать намъ. Историкъ Пахимеръ, рассказавъ объ извѣстномъ случаѣ: какъ императоръ воспротивился избранію его въ патріархи (случай — воображаемомъ, не бывшемъ на самомъ дѣлѣ), пишетъ: „такой случай нѣсколько умѣрилъ Никифора и сдѣлалъ его послушнымъ“ ¹⁾. Въ этихъ словахъ, какъ намъ кажется, заключается указаніе на подлинную черту Никифора: онъ никогда не былъ равнителемъ церковныхъ правилъ, въ родѣ Влеммида, а потому-то и достигъ патріаршества, ибо въ эти времена старались выбирать патріархами людей съ слабою волею. Тотъ же историкъ еще вотъ что говоритъ объ этомъ Никифорѣ: когда уже приблизился часъ кончины его и когда ему стали предлагать принять монашескій чинъ, то патріархъ „не только не согласился на это, а еще съ неудовольствіемъ принялъ увѣщаніе и хотѣлъ умереть архіереемъ“ ²⁾. Значитъ, если Влеммидъ хвалилъ его „за непорочность и дѣвственность“, то эти качества еще не склоняли нашего Никифора къ подвижничеству.

Вотъ образъ патріарха Никифора ³⁾. Вообще это былъ патріархъ мало чѣмъ выдающійся въ ряду своихъ собратій. представляя собою мужа среднихъ достоинствъ.

Итакъ: изъ девяти патріарховъ, занимавшихъ патріаршескую кафедру столицы за время перенесенія этой послѣдней изъ Константинополя въ Никею, лишь одинъ Германъ II выдается природными дарованіями и достоинствами архипастырскаго правленія. Всѣ остальные не блещутъ ни умомъ.

¹⁾ Стр. 108.

²⁾ Стр. 117. Сл. выше въ нашей этой книгѣ, стр. 178 и дал.

³⁾ Никифору приписывается постановленіе подъ заглавіемъ: „противъ говорящихъ, что можно помазывать св. елеемъ умершихъ“. Въ этомъ небольшомъ документѣ рѣчь идетъ о тѣхъ священникахъ, которые позволяли себѣ елеосвященіе уже умершихъ. Рѣчь патріарха, нужно сказать, нѣсколько грубоватая, но убѣдительная (Migne, Gr., tom. 140, p. 805—806).

ни пастырскою дѣятельностію. Если о нѣкоторыхъ патріархахъ этого времени и встрѣчаемъ лестные отзывы, то однакожь эти отзывы не подтверждены никакими фактами. Да и нечего удивляться тому явленію, что большинство патріарховъ, во время управленія церковію изъ Никеи, не выделялось особенными достоинствами. Георгій Акрополитъ не разъ говоритъ, что императоры этого времени поставляли цѣлію возводить на патріаршую кафедру лицъ не особенно умныхъ и чуждыхъ энергіи, чтобы видѣть въ нихъ послушное орудіе своей воли и даже самоволія.

Переходимъ къ третьему и послѣднему классу патріарховъ Константинопольскихъ изучаемой нами эпохи, — къ обзорѣннѣю патріарховъ, которые занимали Константинопольскую патріаршую кафедру со времени отнятія Греками столицы у Латинянъ и до окончательнаго подпаденія ея подъ власть Турокъ. Въ этотъ промежутокъ времени—почти три вѣка—Византійскую кафедру преемственно занимали двадцать пять патріарховъ¹⁾. Остановимся съ особеннымъ вниманіемъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Первымъ патріархомъ, избраннымъ уже въ Византіи, по возвращеніи туда столицы былъ *Германъ III* (1267). Онъ былъ до этого времени митрополитомъ Адрианопольскимъ. Его избраніе произошло по внушенію императора Михаила Палеолога, который немало размышлялъ, кого выбрать въ патріархи (послѣ вторичнаго низверженія Арсенія церковью Константинопольская оставалась безъ пастыря болѣе года) и остановился наконецъ своимъ вниманіемъ на Германѣ, съ которымъ Михаилъ былъ уже давно знакомъ, и который оказалъ ему немаловажную помощь въ тяжкую годину его жизни. Впрочемъ при избраніи патріарха были соблюдены всѣ обычныя формальности; напримѣръ, Германъ былъ сначала предъизбранъ синодомъ и потомъ уже утвержденъ ца-

---

¹⁾ Если не станемъ включать сюда Арсенія, который значительное время управлялъ церковью изъ Никеи, и о которомъ мы говорили выше.

ремъ ¹⁾). Историкъ Пахимеръ, повѣствователь, отличающійся безпристрастіемъ, рассказываетъ о Германѣ очень много хорошаго. Этотъ патріархъ былъ отлично образованъ и славился ученостію. По словамъ историка, самъ Германъ „не былъ краснорѣчивъ, но за то съ уваженіемъ относился къ людямъ обладавшимъ этимъ даромъ, любилъ слушать краснорѣчивыхъ ораторовъ и былъ особеннымъ другомъ этихъ лицъ, такъ какъ отлично цѣнилъ все хорошее“ ²⁾). Этимъ историкъ, повидимому, хочетъ сказать, что Германъ любилъ окружать себя людьми просвѣщенными. Пахимеръ очень хвалитъ и нравственныя качества этого патріарха. Онъ во многомъ, по наблюденію историка, отличался отъ другихъ патріарховъ, которые, изъ монашеской кельи переходя на патріаршую кафедру, нерѣдко заявляли себя односторонними нравственными воззрѣніями. Но предоставимъ слово исторiku Пахимеру. Германъ „украшался добродѣтелью, но не тою, которая любитъ выставять себя напоказъ и которая состоитъ въ томъ, чтобы различать: въ какой день какую пищу можно употреблять и какую нельзя — грѣшно, — не тою, которая предписываетъ длинныя путешествія съ цѣлію богомолья, не тою, которая предписываетъ имѣть неумытыя ноги, возлежать на землѣ и довольствоваться единственной одеженкой на плечахъ. Эта добродѣтель, которою отличались тогдашніе монахи, нимало не привлекала Германа. Потому что эти люди не умѣли соединять съ своимъ аскетизмомъ христіанскую любовь и милосердіе, поставляя гуманность, сочувствіе и внимательность къ другимъ на второмъ планѣ: эти аскеты въ дѣйствительности были людьми жестокими, любили поносить другихъ, а себя превозносить, считая самихъ себя единственными обладателями добродѣтели“. Германъ, по словамъ историка, нимало не походилъ на этихъ quasi — подвижниковъ. „Его добродѣтель была истинно-человѣческая — говоритъ Пахимеръ, — которая характеризовала его, какъ истиннаго человѣка; онъ

¹⁾ Григоры. Визант. исторія кн. IV, гл. 4. (Рус. пер.). Пахимера. Исторія о Михайлѣ Палеологѣ, кн. IV, гл. 12—13.

²⁾ Пахимера, IV, 12.

больше отличался умѣренностью (и снисхожденіемъ), чѣмъ аскетическимъ безстрастіемъ“. — Отличительною чертою Германа было полнѣйшее безкорыстіе. Тотъ же историкъ свидѣтельствуешь: „золото онъ презиралъ больше всего, такъ что не имѣлъ и кошелька. Если-же оно откуда нибудь притекало къ нему, то онъ приказывалъ класть его подлѣ него самого, подъ руки, чтобы патріархъ всегда могъ распорядиться золотомъ, по усмотрѣнію, на дѣла благотворенія“. Германъ къ тому-же отличался простотою нрава, любилъ открытое обхожденіе со всѣми; въ средѣ его приближенныхъ бесѣды его носили характеръ добродушія и прямодушія ¹⁾. Тотчасъ по вступленіи на патріаршую кафедру, Германъ энергично принялся за дѣла и старался дать имъ теченіе, сообразное съ его расположеніями. Первымъ деломъ онъ обратилъ вниманіе на клириковъ, замѣчательныхъ или по своему образованію или нравственнымъ качествамъ: всѣмъ имъ даются соотвѣтствующія достоинства или награды. Онъ прекрасно сознавалъ, что церковь его времени особенно нуждается въ образованныхъ пастыряхъ, поэтому онъ позаботился объ открытіи школы въ Константинополѣ, которая доставляла-бы образованныхъ пастырей, могущихъ служить къ возвышенію церковнаго авторитета. Германъ ходатайствовалъ предъ императоромъ, чтобы тотъ оказалъ предпріятію патріарха всякое содѣйствіе; въ особенности онъ просилъ, чтобы императоръ снялъ опалу съ ученаго ритора Оловола, прогнѣвавшего царя ²⁾ и дозволилъ Оловолу занять мѣсто учителя въ публичной школѣ, открываемой теперь по мысли патріарха. Михаилъ Палеологъ уступилъ желанію Германа, и вотъ появляется въ Константинополѣ первая школа ³⁾, по возстановленіи Византійской

¹⁾ Пахимера, IV, 12—13.

²⁾ Подробности объ Оловолѣ см. въ статьяхъ проф. И. Е. Троицкаго. Христ. чт. 1869, т. II, 1017—19.

³⁾ Если не считать что-то въ родѣ школы, открытой тотчасъ по завоеваніи Константинополя снова Греками и находившейся подъ руководствомъ историка Георгія Акрополита. Такъ какъ Акрополитъ былъ весьма важнымъ сановникомъ, то ему поручено было только временное заведываніе школой. Объ этой школѣ довольно говорится въ „Автобіографіи Григорія Кипрекаго“—въ произведеніи, о которомъ рѣчь будетъ ниже.

имперіи. Въ этой школѣ учились не только дѣти духовенства, но и всѣ желающіе ¹⁾.

Въ управленіи церковію Германъ повидимому былъ слабъ, и нѣкоторые положительно злоупотребляли его снисхожденіемъ и мягкостію его нрава ²⁾. Тѣмъ не менѣе и въ управленіи церковію Германъ успѣлъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ оставить по себѣ добрую память. Какъ истинный пастырь церкви, онъ считалъ себя обязаннымъ неуставно предстательствовать предъ царемъ за обиженныхъ и страдающихъ; и хотя его предстательства не всегда увѣщивались успѣхомъ, однако это не отнимало энергіи у ревностнаго архипастыря. Германъ что-то сдѣлалъ и для церковнаго благоустройства—вѣроятно озабочился истребленіемъ слѣдовъ пребыванія римско-католиковъ въ Византіи ³⁾. Германъ правилъ паствою лишь нѣсколько мѣсяцевъ; онъ долженъ былъ уступить патриаршую кафедру другому, такъ какъ онъ не во всемъ соотвѣтствовалъ видамъ Михаила Палеолога, — главною-же причиною, по которой Германъ долженъ былъ оставить кафедру, были происки императорскаго духовника Іосифа, который, пользуясь своимъ вліяніемъ на государя, началъ подкапываться подъ Германа, чтобы самому ему, добиться патриаршества ⁴⁾, въ чемъ онъ и успѣлъ. Къ сожалѣнію, изъ послѣдующей исторіи жизни Германа извѣстенъ одинъ фактъ, который создаетъ ему печальную память. Германъ отправляется делегатомъ отъ Восточной церкви на извѣстный Ліонскій западный соборъ, на которомъ провозглашена была унія церкви Греческой съ Латинскою ⁵⁾.

Преемникомъ Германа былъ *Іосифъ 1.* Онъ дважды восходилъ на патриаршій престолъ (1267—1274 г. и 1282—1283 г.) ⁶⁾; но былъ человѣкомъ, не отличавшимся боль-

¹⁾ Пахимера, IV, 13—14.

²⁾ Пахимера, IV, 22.

³⁾ Пахимера, IV, 13.

⁴⁾ Пахимера, IV, 17—18 Григоры. Византійская исторія, кн. IV, гл. 8.

⁵⁾ Пахимера, V, 17. Confer: Superi. Ad histor. patriarch., cap. 108, p. 164—5.

⁶⁾ Вторичное патриаршество Іосифа впрочемъ не слѣдуетъ брать въ расчетъ: оно продолжалось только нѣсколько мѣсяцевъ (отъ конца декабря 1282 до марта 1283 года).

шими достоинствами. Къ патриаршеству онъ пробрался не прямыми путями. Зависть и честолюбіе снѣдали Іосифа и побудили его, какъ мы уже говорили, вредить предшествующему патриарху Герману и способствовать его удаленію съ кафедръ, съ цѣлію занять ее самому. Это было тѣмъ легче сдѣлать Іосифу, что онъ былъ духовникомъ императора и духовникомъ не изъ строгихъ, что такъ важно было для Миханла Палеолога, имѣвшаго далеко не свѣтлую совѣсть ¹⁾. Въ умственномъ отношеніи Іосифъ былъ ничтожествомъ. Историкъ Григора дѣлаетъ такую замѣтку о немъ: „Іосифъ былъ до нельзя простъ и вовсе не былъ причастенъ эллинской мудрости“. ²⁾ Переводя эти слова на нашъ обычный языкъ выйдетъ, что патриархъ былъ круглый невѣжда. Впрочемъ нельзя думать, что Іосифъ былъ врагомъ образованности. Думается, что онъ съ молодю лишь не былъ ученъ и оставался тѣмъ, чѣмъ онъ былъ раньше. Нравы и привычки его едва ли соответствовали тому положенію, какое судьба готовила этому человѣку. Правда, отъ лѣтъ юныхъ, когда онъ былъ клирикомъ при дворѣ, у него остался нѣкоторый внѣшній лоскъ; онъ умѣлъ, когда нужно, держать себя прилично, бойко говорилъ: что называется, не ходилъ въ карманъ за словомъ, зналъ, какъ нужно вести себя съ сильными міра сего, хорошо чуялъ: гдѣ можно найти и гдѣ потерять. ³⁾ Но, кажется, Іосифъ лучше всего чувствовалъ себя тогда, когда попадалъ въ общество такихъ-же невѣждъ, какъ и онъ: любилъ запросто покушать за столомъ мужика, вдалась здѣсь поохотать, побалагурить и поострить. Историкъ Пахимеръ не можетъ понять, какъ съ такими нравами и привычками Іосифъ умѣлъ соединять аскетическія наклонности. Но это не такъ трудно понять, если допустимъ, что и естественно, что аскетизмъ его былъ больше наружный, чѣмъ внутренній ⁴⁾.

¹⁾ Пахимера, IV, 17—18. Григоры, IV, 8.

²⁾ Григоры, IV, 8.

³⁾ Замѣчаніе Григоры, что люди въ родѣ Іосифа „вовсе не отличаются осторожностію и ловкостію въ дѣлахъ“ (ibid.)—замѣчаніе это, кажется, взято, что называется, съ вѣтру: Іосифъ принадлежалъ къ другому типу патриарховъ.

⁴⁾ Впрочемъ не слѣдуетъ преувеличивать аскетизмъ Іосифа. Пахимеръ говоритъ, что патриархъ „душевно расположенъ былъ къ монашеской

Въ виду такихъ качествъ Іосифа ¹⁾, о немъ не стоило бы и говорить въ исторіи Константинопольскихъ патріарховъ. Но мы не исключили его изъ ряда другихъ; болѣе или менѣ замѣчательныхъ патріарховъ, единственно потому, что считаемъ весьма интереснымъ и поучительнымъ разсказать одну страницу изъ исторіи жизни патріарха Іосифа. Разумѣемъ въ высшей степени занимательныя обстоятельства, при которыхъ этотъ патріархъ снялъ съ императора Михаила Палеолога отлученіе, наложенное на него патріархомъ Арсеніемъ. Историкъ развѣртываетъ предъ нами слѣдующую картину. Когда Іосифъ изъявилъ согласіе снять эпитимію съ Михаила, то праздникъ Срѣтенія Господня (1268 г.) былъ назначенъ такимъ днемъ, въ который торжественнымъ образомъ должно было произойти воссоединеніе съ церковію отлученнаго Арсеніемъ грѣшника императора. Наканунѣ этого дня совершена была торжественная всенощная, въ которой принималъ участіе патріархъ и всѣ архіереи, находившіеся въ столицѣ (а такихъ всегда было здѣсь много): церковь была великолѣпно освѣщена, пѣніе было самое искусное, возносились особыя эктеніи за царя, вѣроятно, въ нихъ испрашивалось прощеніе прегрѣшившему царю. Такимъ же образомъ совершена была на другой день и литургія. Наконецъ наступилъ самый актъ привятія царя въ лоно церкви. Отверзлись царскія двери — и взору присутствующихъ открылся цѣлый сонмъ архіереевъ, окружавшихъ св. престолъ. Начинается знаменательный актъ. Императоръ подходитъ къ царскимъ дверямъ, позади его видна великолѣпная свита — всѣ правительственныя лица Византии, сенатъ, блестящая лейбгвардія. Царь снимаетъ съ своей головы діадему (калптру), повергается къ ногамъ патріарха, громогласно исповѣдуетъ свой тяжкій грѣхъ (а грѣхъ этотъ, какъ мы знаемъ, состоялъ въ томъ, что императоръ сначала отстранилъ, а потомъ ослѣпилъ и заключилъ

жизни, проводимой въ постахъ, въ питьѣ воды, но при этомъ историкъ прибавляетъ ограниченное: „когда нужно“.

¹⁾ Пахимера. Царствованіе Михаила, кн. IV, гл. 23. Сходно съ Пахимеромъ характеризуетъ Іосифа и Ефремій. Ephraemii. De imperatoribus et patriarchis, p. 413. Edit. Bonn.

законнаго вѣнценосца Византійскаго отрока Іоанна), пламенно просить прощенія. Патріархъ держитъ въ правой рукѣ грамоту съ формулою прощенія, подробно излагаетъ во всеуслышаніе—въ чемъ именно заключается грѣхъ императора—и громогласно даетъ ему разрѣшеніе и отпущеніе. Но это еще не конецъ дѣла. Затѣмъ Палеологъ подходитъ къ другому, третьему, пятому, десятому архіерею, всѣмъ бросается имъ въ ноги, и у всѣхъ нихъ вымаливаетъ прощеніе. Архіереи по очереди читаютъ вышеуказанную грамоту и даютъ отпущеніе грѣха императору. Многие, по словамъ историка, при этомъ зрѣлищѣ проливали слезы состраданія.¹⁾ Картина трогательная. Нужно впрочемъ полагать, что дѣло происходило такъ, какъ напередъ было условлено между патріархомъ и царемъ. Притомъ какъ ни трогательна картина, мы однакоже не думаемъ считать ее какимъ либо проявленіемъ духовной силы и мощи византійскаго патріарха—въ особенности патріарха Іосифа. Весь этотъ торжественный актъ понадобился—не для удовлетворенія какихъ либо дисциплинарныхъ требованій, предъявленныхъ патріархомъ, а для того, что-бы заставить народъ, массу, наконецъ забыть грѣхи царя, о которыхъ такъ много было непріятнаго для правительства говора народнаго. Пахимеръ замѣчаетъ, что Іосифъ „умѣлъ подойти къ сильнымъ правителямъ“, т. е. умѣлъ входить въ ихъ виды и интересы, не особенно заботясь о какихъ-либо высшихъ интересахъ. Не даромъ же прощеніе Михаила, совершенное Іосифомъ, далеко не всѣхъ успокоило на счетъ царя. Нашлось много лицъ, которыя стали считать патріарха потворщикомъ²⁾. Въ сущности такія лица не обманывались, если догадывались, что разрѣшеніе царскаго грѣха было не больше, какъ парадной церемоніей.—Повидимому фактъ оставленія Іосифомъ патріаршей кathedры рисуетъ намъ личность этого архипастыря съ лучшей стороны: онъ долженъ былъ покинуть кathedру, потому что не хотѣлъ соглашаться на унію (Ліонскую) съ Римомъ, и значить про-

¹⁾ Пахимера, кн. IV, гл. 25.

²⁾ Пахимера, кн. IV, гл. 28.

явилъ пастырскую ревность. Но въ дѣйствительности и на этотъ разъ патріархъ остался вѣренъ своему характеру—плыть по теченію. Іосифъ хотѣлъ какъ-то такъ устроить—и не принять унію, и остаться въ патріархахъ; но когда такая комбинація не удалась, то хотя онъ и оставляетъ кathedру, ¹⁾ но съ такою неохотою, которая свидѣтельствуетъ, что Іосифъ былъ чѣмъ угодно, но не „столякомъ православія“ ²⁾. Вторичное патріаршество Іосифа падаетъ уже на время преемника Миханлова Андроника, но, какъ кажется, Іосифъ снова призванъ былъ на византійскую кathedру какъ будто единственно для того, чтобы съ честію умереть... ³⁾.

Патріархъ *Іоаннъ Веккъ* (1275—1282 г.). — Онъ вступилъ на патріаршую кathedру, когда Іосифъ сошелъ съ этой кathedры, не желая быть прямымъ пособникомъ Михаила Палеолога по введенію уніи въ Греческой церкви. Иныхъ взглядовъ на унію держался „хартофилакстъ великой церкви“ Веккъ, и потому ему, какъ человѣку способному дѣйствовать въ интересахъ времени, и предоставлена была кathedра послѣ Іосифа. Было бы напрасно думать, что Веккъ сразу-же сдѣлался сторонникомъ уніи. Прежде чѣмъ войти въ виды императора, Веккъ переживаетъ нелегкій душевный кризисъ, который однакожь разрѣшился не такъ, какъ было бы желательно въ интересахъ церкви. Веккъ сначала противился волѣ царской, долго не соглашался поддерживать уніонныя стремленія Михаила Палеолога. За это сильно гнѣвался на него императоръ; мало того: бросилъ его въ сырдную тюрьму и притомъ не одного, а со всѣми родственниками его. Но и находясь въ такомъ тяжкомъ положеніи, Веккъ не вдругъ пошатнулся въ православіи. Въ этомъ случаѣ на него имѣло большое вліяніе чтеніе сочиненій тогдашняго греческаго ученаго и аскета Никифора Влеммида ⁴⁾, который несомнѣнно скло-

¹⁾ Все это ясно открывается изъ разсказа Пахимера, кн. V, гл. 17. 22.

²⁾ Какъ его совершенно напрасно именуетъ Ефреміи. Ерпагеиі, р. 412. 414.

³⁾ Григоры, кн. VI, гл. 1.

⁴⁾ О немъ мы уже говорили выше, стр. 207—213.

нился къ уни и въ такомъ духѣ писалъ еще раньше Лионскаго собора. Императоръ устроилъ такъ, что сочиненія такого достойнаго мужа, какъ Влеммидъ, доставлены были Векку въ темницу. Ознакомившись съ этими сочиненіями, Веккъ совершенно перемѣнилъ свои воззрѣнія. „И вотъ тотъ, кто былъ обоюдоострымъ мечемъ противъ латинянъ — говоритъ историкъ Григора — обратившись въ противную сторону, для нея-же подготавливалъ побѣду“ ¹⁾. Іоаннъ Веккъ не сдѣлался впрочемъ полнымъ латиняниномъ. Онъ сталъ сторонникомъ такъ называемаго въ Византіи ученія объ „экономіи“, ученія, которое примѣнялось здѣсь всегда, когда нужно было какому либо неблаговидному общественному дѣлу дать благовидную личину ²⁾. Какъ понималъ это ученіе объ „экономіи“ Веккъ, это онъ выразилъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, гдѣ онъ такъ разсуждаетъ: „нашимъ (свят.) отцамъ было извѣстно слово „экономія“ и идея этимъ словомъ выражаемая, они оставили намъ письменныя увѣщанія, въ которыхъ боголюбезно ратуя за единеніе церквей, и насъ своихъ потомковъ, какъ-бы поощряють къ подобной ревности; поэтому, мы имѣемъ право считаться настоящими учениками этихъ отцовъ, мы по боголюбезной ревности держащіеся этой экономіи. Мое слово подтвердить св. Аѳанасій, который въ своемъ посланіи къ Антиохійцамъ доподлинно преподаетъ, какъ прекрасно и въ высшей степени боголюбезно оставлять безъ вниманія разности въ словахъ, лишь-бы только братья были согласны другъ съ другомъ въ мысляхъ. И что особенно замѣчательно, такъ это то, что св. мужъ говоритъ здѣсь не о другихъ какихъ либо, а о тѣхъ-же самыхъ народахъ и церквахъ, о которыхъ и у насъ рѣчь. Подтверждаетъ мое слово и Василій Великій, удерживавшійся нѣкоторое время предлагать наименованіе „Богъ“ къ Животворящему Духу, имѣя въ виду единеніе братій и нѣкоторую прекрасную „экономію“. Подтверждаетъ мое слово великій Максимъ (испо-

¹⁾ Григоры, кн. V, гл. 2. Пахимера, кн. V, гл. 13—16.

²⁾ Какъ понимали другіе, раньше XIII в., ученіе объ экономіи, см. сочиненіе А. Лебедева: „Исторія раздѣленія церквей въ IX—XI вв.“, стр. 8—9. (Москва. 1900).

вѣдникъ), свидѣтельствующій, что св. отцы часто дѣлали уступки относительно выраженій, но никогда относительно мыслей, такъ какъ тайна нашего спасенія не въ буквахъ, а въ мысляхъ и дѣлахъ. Всѣ эти отцы (а Веккъ еще именуетъ Григорія Богослова, Діонисія Ареопагита) охранители, точные блюстители нашей вѣры, подтвердятъ мое слово, которымъ я утверждаю, что нападающіе на изначальную „экономію“, являются врагами этихъ отцовъ“. Отсюда Веккъ выводитъ между прочимъ то заключеніе, что не слѣдуетъ спорить съ латинянами по вопросу объ исхожденіи Духа Святаго, если истолковывать это ученіе въ смыслѣ исхожденія Св. Духа *черезъ Сына* ¹⁾. Веккъ былъ унитъ; но за исключеніемъ этого грѣха (правда тяжкаго), онъ является человѣкомъ, котораго нужно поставить въ ряду самыхъ лучшихъ патріарховъ изучаемой эпохи. Образованность Векка была широка и глубока — на рѣдкость. Въ этомъ отношеніи изъ современниковъ едва ли кто могъ съ нимъ равняться. По словамъ Пахимера, онъ отличался „ученостью“, „краснорѣчіемъ“ и церковно-административною „опытностью“ ²⁾. Еще выше ставитъ Іоанна Векка Григора, онъ называетъ его „человѣкомъ умнымъ, питомцемъ краснорѣчія и науки, надѣленнымъ дарами природы, какъ никто изъ его современниковъ. Свободною и плавною рѣчью, гибкимъ и въ высшей степени находчивымъ умомъ — всѣмъ этимъ природа щедро надѣлила его, какъ-бы для того, чтобъ его имя съ уваженіемъ произносили цари, правители и всѣ ученые“. Но что особенно важно для насъ: Веккъ былъ прекраснымъ знатокомъ богословія. По выраженію историка: „по части знанія церковныхъ догматовъ, всѣ казались предъ нимъ дѣтьми“ ³⁾. Характеръ Векка былъ въ значительной мѣрѣ благороденъ и не чуждъ гуманности. — Никакое подозрѣніе не могло коснуться его высоко-нравственной личности. „Обвинять въ наклонности къ блудодѣянію — въ чемъ нѣкоторые осмѣли-

¹⁾ Opera Ioannis Vecci: Migne, Gr. tom. 141, p. 868—869. Слич. Христ. Чтеніе, 1889, т. I, 583—584.

²⁾ Пахимера, кн. V, гл. 24.

³⁾ Григоры, кн. V, гл. 2.

вались обвинять патріарха, — говоритъ Пахимерь, скорѣе можно было бы Пелея (отца Ахиллеса, этого любимца боговъ), чѣмъ Іоанна Векка; а возводить обвиненіе въ сребролюбіи, можно было скорѣе на честнѣйшаго изъ людей — Аристида, чѣмъ на этого патріарха“ ¹⁾. До времени патріаршества, Веккъ занималъ должность, какъ мы уже упомянули, хартофилакса т. е. завѣдывалъ канцеляріей синода и патріарха ²⁾. Уже въ этой должности онъ приобрѣлъ громадное вліяніе. Имѣя власть налагать дисциплинарное взысканіе на священниковъ, Веккъ не щадилъ даже придворнаго духовенства. Разъ Веккъ, въ качествѣ хартофилакса, наложилъ епитимію на одно лице, принадлежащее къ придворному духовенству; такое дѣйствіе раздружило императора, который говорилъ: „такъ поступать — значить наносить обиду самому хозяину дворца“ ³⁾. Въ Константинопольскомъ синодѣ не рѣшалось ни одно дѣло безъ участія Векка, какъ хартофилакса, такъ что нѣкоторые, будучи недовольны вліяніемъ хартофилакса на дѣла, говорили: „Іоаннъ Веккъ водить за носъ весь синодъ, который безъ него не знаетъ, что и дѣлать“ ⁴⁾. Вообще еще до своего патріаршества Веккъ пользовался величайшею извѣстностію ⁵⁾. Понятно, насколько должно было возрасти вліяніе Іоанна Векка, когда онъ сталъ архипастыремъ столицы. Дѣйствительно, это значеніе было очень велико, и что особенно важно, такъ это то, что своимъ вліяніемъ Веккъ пользовался, насколько могъ, къ торжеству нравственныхъ принциповъ и христіанской справедливости. Похвальная черта въ характерѣ Векка. Одной изъ цѣлей своего архипастырскаго служенія Веккъ поставляетъ безпрестанное ходатайство предъ императоромъ, какъ за тѣхъ изъ пасомыхъ, кто нуждался въ помощи со стороны царя: за убогихъ и страждущихъ болѣзнями, такъ и за такихъ,

¹⁾ Пахимера, кн. VI, гл. 10.

²⁾ См. подробнѣе о должности хартофилакса: проф. Заозерскаго. Формы устройства восточной православной церкви (Правосл. Обзор. 1890, т. III, стр. 299—304); Барсова. Константинопольскій патріархъ, стр. 270 — 275 (Петерб. 1878).

³⁾ Пахимера, кн. III, гл. 24.

⁴⁾ Ibid. кн. V, гл. 13.

⁵⁾ Ibid. кн. V, гл. 24.

кто хотѣлъ прибѣгать къ правосудію царя въ какомъ-либо судебномъ дѣлѣ. Ходатайства патріарха предъ царемъ Михайломъ были дѣлательны, ревностны, а способы ходатайствъ отличались изобрѣтательностію. Если онъ ходатайствовалъ за убогихъ и больныхъ, то для того, чтобы сильнѣе подействовать на царя, прибѣгалъ къ искусству актера: изображалъ изъ себя дряхлаго старика, нуждающагося въ помощи, или слѣпца, требующаго покровительства. Иначе поступалъ патріархъ, если ему нужно было защитить предъ царемъ лицо, обиженное судомъ. Веккъ, въ такомъ случаѣ, отбиралъ отъ своихъ кліентовъ самыя подробныя свѣдѣнія объ ихъ дѣлѣ и представъ предъ царемъ, разбиралъ предъ нимъ дѣло по правиламъ судопроизводства, являясь какъ-бы дѣйствительнымъ адвокатомъ. Неудивительно послѣ этого, если лица несчастныя и убогія исполнены были самой твердой вѣры въ успѣшность ходатайствъ патріарха. „На этого человѣка, т. е. Векка, по словамъ Пахимера, многіе полагались съ такою-же увѣренностію, какъ-бы онъ самъ былъ царемъ“. Кромѣ пасомыхъ, Іоаннъ являлся предъ царемъ и съ ходатайствомъ по нуждамъ духовенства. Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести одинъ-два примѣра неусыпности патріарха въ предствательствѣ предъ императоромъ. Вотъ первый примѣръ. Былъ знойный лѣтній день. Патріархъ отправляется къ императору; застаётъ его спящимъ; терпѣливо ждетъ его пробужденія. И когда царь принялъ его, ходатайствуетъ за невинно осужденнаго. Царь отказываетъ въ просьбѣ патріарху. Веккъ настаиваетъ на своемъ. Начались продолжительныя препирательства между главою государства и главою церкви. Наконецъ Веккъ объявляетъ, что онъ будетъ дѣйствовать рѣшительно; но и императоръ стоитъ на своемъ; онъ объявляетъ, что не проститъ обвиненнаго, что ни сдѣлалъ-бы патріархъ. Тогда Веккъ восклицаетъ: „чѣмъ архіереи лучше поворовъ и коноховъ, которые слѣпо повинуются вамъ во всемъ, чего ни захотите“, кинулъ жезлъ къ ногамъ царя и ушелъ вонъ. Напрасно императоръ посылаетъ догонять патріарха, Веккъ не пошелъ къ царю. Патріархъ чуть не рѣшился покинуть кааедру. Другой случай. Веккъ напрасно хотѣлъ обратитъ

милосердіе государя на какого-то несчастнаго челоуѣка. Царь отвѣчалъ все отказомъ. При такихъ обстоятельствахъ патріархъ пустился на хитрость. Былъ праздникъ, царь явился къ литургіи. При окончаніи ея началась раздача антидора. Отворились царскія врата. Вышелъ патріархъ съ антидоромъ. Подходитъ царь и протягиваетъ руку, но патріархъ, взявъ предназначенную для царя частицу, удерживаетъ ее въ своей рукѣ. Всѣ присутствующіе видятъ необыкновенное зрѣлище. Съ одной стороны, царская рука протянута, а, съ другой, рука патріарха остается неподвижна. Веккъ проситъ царя за того обиженнаго, за котораго онъ просилъ уже не разъ. Царь упорствуетъ, патріархъ настаиваетъ. Зрители изумлены и не знаютъ, что подумать ¹⁾. Вообще Веккъ не давалъ царю покоя своимъ предстательствомъ. Поэтому выбранъ былъ опредѣленный день въ недѣлю, который исключительно назначался на то, чтобы патріархъ могъ безпрепятственно являться къ императору съ своими просьбами за разныхъ лицъ. Описывая дѣятельность Векка, православный историкъ Пахимерь восклицаетъ: „сколько добра получили люди отъ такой заботливости патріарха“ ²⁾. А замѣтимъ, что дѣло происходитъ при такомъ строптивномъ и черствомъ по сердцу царѣ, какъ Михаилъ Палеологъ. Историкъ Григора очень высоко ставитъ положеніе Векка при сейчашъ названномъ императорѣ; онъ говоритъ, что Веккъ „сдѣлался для царя всѣмъ — и языкомъ, и рукою, и тростью скорописца“ ³⁾. И одна-кожъ, не смотря на это, между царемъ и патріархомъ происходятъ не разъ столкновенія, — виною которыхъ отнюдь не самъ Веккъ, столкновенія, имѣвшія послѣдствіемъ очень крупныя непріятности для архипастыря ⁴⁾. — По внѣшности Веккъ отличался величавою красотой; объ его наружности дошли до насъ, какъ письменныя извѣстія, такъ и живописныя указанія ⁵⁾.

¹⁾ Пахимера, кн. V, гл. 24.

²⁾ Ibidem, гл. 25.

³⁾ Григоры, кн. V, гл. 2 (fin.).

⁴⁾ Пахимера, кн. VI, 10—13; 17.

⁵⁾ Григора говоритъ о пріятной и внушительной наружности патріарха и его высокомъ ростѣ (кн. V, гл. 2). У Бунера (Ad histor: patriarcha. сар.

Іоаннъ Веккъ былъ низвергнутъ съ каедръ вскорѣ по вступленіи на императорскій престолъ Андроника Старшаго, наслѣдника Михаила Палеолога, — Андроника, который былъ ревностнымъ приверженцемъ православія и врагомъ уніи съ Латинянами. По низверженіи Веккъ влчилъ печальную жизнь: онъ сначала былъ заключенъ въ монастырь, потомъ сосланъ и заключенъ въ крѣпость въ тюрьму, гдѣ и умеръ (1298 †¹). О печальной судьбѣ, постигшей его по низложеніи, Веккъ и самъ говорилъ въ своемъ „духовномъ завѣщаніи“²).

110, p. 167) встрѣчаемъ рисунокъ, изображающій Іоанна Векка (рисунокъ этотъ взятъ Куперомъ изъ ехкологія Гоара). На рисунокѣ Веккъ изображенъ въ стоячемъ положеніи: поза его свободна, онъ нѣсколько избоченился влѣво (отъ зрителя). Лице серьезное и выразительное. На головѣ его надѣтъ невысокій клобукъ въ родѣ теперешняго единавѣрческаго, но онъ имѣетъ видъ усѣченнаго конуса. Въ правой рукѣ Векка архіерейскій жезлъ, при чемъ верхъ его образуютъ двѣ, обращенныя одна къ другой, головъ змій. На Веккѣ хитонъ въ родѣ подрясника, но только уже и застегнутъ на множество пуговицъ сверху почти до колѣнъ. На плечахъ мантия съ полосами, довольно короткая, открывающая всю переднюю сторону хитона. Въ лѣвой рукѣ его шляпа, похожая на теперешнія широкополыя мужскія шляпы, съ изображеніемъ креста, покрывающимъ верхъ шляпы, и съ двумя широкими лентами съ задней стороны, вѣроятно для красоты. Объ архіерейской древней шляпѣ, ея формѣ, цвѣтѣ и употребленіи см. у Е. Е. Голубинскаго. *Исторія Русской церкви. Первая половина* (изд. 1), стр. 480—481.

¹) Pachymeris. De Andronico Palaeol. Lib. 1, cap. 4 (p. 19; lib. III, cap. 29 (p. 270). Edit. Bonn.

²) Testamentum Vecchi (Migne, Gr. tom. 141, p. 1029 — 1031). Здѣсь же Веккъ объявляетъ, что онъ до смерти пребылъ вѣренъ уніи и присоединился къ этому движенію совершенно искренно. — Кромѣ духовнаго завѣщанія, Веккъ написалъ значительное число сочиненій (они занимаютъ мѣсто въ 141 томѣ Мины, отъ 15 до 1031 стр.). Подробное разсмотрѣніе ихъ возможно лишь въ отдѣльной монографіи, поэтому въ нашихъ очеркахъ ограничимся лишь краткими замѣчаніями о произведеніяхъ уніита-патріарха. Какъ и естественно, сочиненія Векка посвящены исключительно вопросу объ уніи съ Латинянами и разъясненію главнѣйшаго изъ латинскихъ заблужденій — ученію объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына. У Векка есть сочиненія, въ которыхъ онъ разбираетъ всѣ возможныя возраженія и неправильности касательно этого ученія, — разумѣется, авторъ направляетъ свою рѣчь въ пользу латинскаго догмата (Migne, p. 157—276); есть также у него сочиненія, въ которыхъ сдѣланъ сводъ святоотеческихъ свидѣтельствъ объ исхожденіи Духа Святаго — опять рѣчь клонится въ ту же пользу (p. 613—725). Въ особенности у Векка много такихъ сочиненій, въ которыхъ онъ вступаетъ въ полемику съ различными прежними писателями и современниками. Изъ прежнихъ писателей Веккъ съ особеннымъ вниманіемъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, останавливается на патріархѣ Фотіи. Ему онъ посвящаетъ отдѣльныя сочиненія: (напр., *Refutatio libri Photii de processione spiriti sancti*, p. 725 — 863). Онъ пересказываетъ исторію Фотія совершенно въ папскомъ духѣ (p. 925—941). Кромѣ того по поводу

Преемникомъ знаменитаго Іоанна Векка, если не считать второго патріаршества Іосифа, продолжавшагося неполныхъ три мѣсяца, былъ тоже извѣстный богословъ конца XIII вѣка *Григорій* (въ міру—Георгій) *Кипрскій* (1283—1289 г.). Григорій называется Кипрскимъ потому, что онъ родился на островѣ Кипрѣ. Какъ Іосифъ былъ выбранъ на мѣсто Векка потому, что онъ проявилъ ревность противъ уніи (хотя и не очень сильную), такъ и Григорій былъ избранъ потому, что были основанія полагать, что онъ не другъ уніи. До посвященія въ патріархи Григорій не былъ ни клирикомъ, ни монахомъ. Только предъ посвященіемъ въ патріархи, онъ принялъ монашество и прошелъ всѣ іерархическія степени. Не смотря на то, что Григорій предъ патріаршествомъ не носилъ духовнаго сана, ему поручено было управленіе церковью, прежде чѣмъ онъ сталъ настоящимъ патріархомъ ¹⁾. Значитъ, онъ пользовался большимъ уваженіемъ у императора Андроника Старшаго. Дѣйствительно, онъ выдѣлялся въ ряду своихъ современниковъ образованностію. Его считали „человѣкомъ извѣстнымъ по учености“ ²⁾. И такой отзывъ справедливъ. Григорій за-

ученія Фотія Веккъ говоритъ весьма нерѣдко и при другихъ случаяхъ. Вообще, можетъ быть предметомъ отдѣльной диссертациі тема: объ отношеніи Векка къ Фотію. Изъ прежнихъ писателей Веккъ разбираетъ еще Теофилакта Болгарскаго (XI в.), Николая Метонскаго (XII в., р. 15—156), Андроника Каматира, друнгарія, жившаго при Мануилѣ Комнинѣ и писавшаго противъ латинянъ по поводу прибытія папскихъ пословъ въ Византію съ цѣлію переговоровъ о соединеніи церквей (р. 395—613). Много пришлось бороться Векку противъ различныхъ современныхъ возражающихъ по поводу уніи. Такъ онъ писалъ противъ Θεодора, епископа Суглейскаго (р. 289—337), Константина Мелигиніота (р. 337—395), Григорія (Георгія) Кипрскаго. (Сочиненія Векка противъ Григорія Кипрскаго переведены на русскій языкъ профессоромъ И. Е. Троицкимъ, въ Хр. Чтеніи за 1889 г.. т. I и II-й, въ статьяхъ подъ заглавіемъ: „Къ исторіи споровъ по вопросу объ исхожденіи Св. Духа“. Переведены два слѣдующія сочиненія Векка: „Отвѣты I—II на свитокъ Кипрскаго противъ новоявленныхъ его ересей“, т. I, стр. 581—605. Confer: Migne, р. 863—895, томъ II, стр. 520—545. Confer: Migne, р. 895—926), противъ великаго эконома Ксифилина (р. 281—289). Веккъ писалъ почтительное письмо къ современному ему папѣ Іоанну XXI—письмо благодарственное по случаю состоявшейся уніи (р. 943). Писалъ Веккъ и по случаю низверженія его съ кафедры, въ защиту своей личности и главнымъ образомъ своего ученія (р. 949—969). Здѣсь авторъ нерѣдко совершенно откровенно говоритъ о тѣхъ великихъ смутахъ, какія вызвала унія на Востокъ, р. 949. 951).

¹⁾ Pachymeris. De Andronico, lib. I, cap. 44. Григоры. Визант. Истор. кн. VI, гл. 1.

²⁾ Pachym. ibid. Григоры, ibid.

явилъ себя составленіемъ нѣсколькихъ сочиненій, какъ догматическаго, такъ и ораторскаго характера. Кромѣ того, какъ человѣкъ образованный, онъ считалъ лучшими людьми тѣхъ, которые отличались ученостію; такихъ лицъ онъ считалъ первыми между іереями и архіереями, если находилъ ихъ въ духовенствѣ ¹⁾). Время, въ которое пришлось править Григорію церковію, было очень смутнымъ. Раздѣленіа въ Византійской церкви, возникшіа изъ-за низверженія патріарха Арсенія, а также изъ за уніи не позволяли надѣяться на счастливое патріаршествованіе Григорія. Такъ и случилось. Хотя первое время Григорій правилъ церковію довольно спокойно; но это спокойствіе смѣнилось такимъ волненіемъ, которое низвергло Григорія съ кафедры. Причинъ такого волненія было много. Одна изъ такихъ причинъ заключалась въ прошлой исторіи Григорія Кипрскаго. Въ царствованіе Михаила Палеолога Григорій среди уніоннаго движенія показалъ себя сторонникомъ уніи ²⁾). Правда, можно полагать, что Григорій принадлежалъ къ партіи уніонной неискренно, а изъ страха навлечь на себя гнѣвъ императорскій, тяжесть котораго могъ онъ наблюдать ежедневно на сотняхъ и тысячахъ ревностныхъ противникахъ уніи; а потому онъ легко могъ перейти при Андроникѣ на сторону ревнителей православія ³⁾). Но впоследствии, кому нужно было, припомнили, что Григорій нѣкоторое время стоялъ за унію. Это обстоятельство, конечно, послужило съ теченіемъ времени — во вредъ Григорію. Затѣмъ, приверженцы патріарха Арсенія, не находя въ Григоріи того, чего они ожидали отъ него—признанія значенія ихъ притязаній, — волновались сами, волновали и другихъ ⁴⁾). Но самымъ главнымъ виновникомъ непріятностей и тяжкихъ безпокойствъ для патріарха сдѣлался Веккъ. За приверженность къ уніи, Векка не разъ судили на соборѣ. Самое разбирательство дѣла Векка, въ присутствіи

¹⁾ Григоры, кн. VI, гл. 4.

²⁾ Пахимера. О Михаилѣ Палеол. V, 12. 14. Григоры, V, 2.

³⁾ Проф. И. Е. Троицкаго. Къ исторіи опоровъ объ исхожденіи Св. Духа. Христ. Чтен. 1889, т. II, 283.

⁴⁾ Pachymeris. De Andronico. Lib. I, cap. 21.

этого экс-патріарха, было неблагопріятно для интересовъ Григорія: краснорѣчивый, ловкій, ученый Веккъ своими объясненіями производилъ впечатлѣніе, не всегда выгодное для враговъ уни¹⁾. Но все это еще не большая бѣда. Истинное несчастье для Григорія началось послѣ того, какъ этотъ патріархъ, по окончаніи одного собора противъ Векка, обнародовалъ свое сочиненіе, подъ заглавіемъ: „изложеніе свитка“ (томоса) вѣры противъ Векка“ (это въ существѣ дѣла было соборное опредѣленіе, изложенное однако же патріархомъ, почему оно и можетъ быть рассматриваемо какъ сочиненіе Григорія). Въ этомъ произведеніи Григорій позволилъ себѣ нѣсколько рѣзкихъ отзывовъ о Веккѣ, напр., здѣсь читаемъ: „вы присные Богу (православные) продолжайте отвращаться и гнушаться на ряду съ другими враждебными истинѣ догматами и порожденіи Векка. Отвращайтесь и его самого и его послѣдователей, изрыгавшихъ вмѣстѣ съ нимъ его хулы“²⁾. Веккъ не пропустилъ безъ вниманія такого порицанія своей личности. Противъ „изложенія свитка“ онъ написалъ (въ 1287 или 1288 г.) свое сочиненіе, въ которомъ всячески порицаетъ Григорія. Напримѣръ, Веккъ писалъ: „нужно раскрыть, что глава новоявленной ереси не принадлежитъ къ числу кровныхъ чадъ церкви, а напротивъ есть незаконный и чуждый ея болѣзней плодъ“. „Этихъ немногихъ словъ — продолжаетъ авторъ — достаточно, чтобы понять, о комъ идетъ рѣчь; мы узнаемъ изъ нихъ, что зло пришло къ намъ изъ за моря (изъ Кипра то есть), что это заморскій звѣрь, прожорливый китъ, возставшій отъ Кипра“. „Кипрянинъ этотъ эхидный, ни предъ чѣмъ не остававшийся, человекъ, потому-ли, что привыкъ болтать своимъ языкомъ, или только для того, чтобы вымѣстить свою злобу, изблевалъ много хульнаго, равно какъ не мало повредилъ истину“³⁾. Тотъ-же полемистъ ниже въ томъ-же сочиненіи, протестуя противъ отлученія, которому подвергаетъ въ своемъ свиткѣ Григорій Векка и его сотоварищей, пишетъ:

¹⁾ Григоры, кн. VI, гл. 2.

²⁾ „Изложеніе свитка вѣры“ въ русск. переводѣ проф. И. Е. Троицкаго можно находить въ Христ. Чт. 1889, т. I, 344—366.

³⁾ Иоанна Векка „Отвѣтъ на свитокъ“. Христ. Чт. 1889, т. I, 582.

„въ самомъ дѣлѣ: кто и кого отсѣкаетъ отъ церкви? Кровныхъ ея дѣтей (т. е. Византійцевъ) отсѣкаетъ незаконно-рожденный (т. е. островитянинъ) и навязывающійся ей въ родство. Пастырей отлучаетъ отъ стада Христова волкъ, исключаетъ священниковъ изъ сонма священниковъ чело-вѣкъ, не имѣющій священства“ ¹⁾). Веккъ и на этомъ не останавливается. Воспользовавшись другимъ случаемъ, онъ пишетъ новое сочиненіе противъ Григорія, въ которомъ тоже всячески позоритъ патріарха ²⁾); онъ называетъ богословскія его разсужденія „дурачествами“; находятъ, что единственною цѣлю отлученій, произносимыхъ Григоріемъ, служить вотъ что: „онъ какъ-бы желаетъ возможно большее число людей убѣдить въ томъ, что ему нѣтъ никакого дѣла до благочестія“ ³⁾). Нужно сказать, что полемика Векка, при всѣхъ ея крайностяхъ, имѣла нѣкоторое право на существованіе. Григорій, въ борьбѣ съ унитами, началъ рѣшительно и съ негодованіемъ отвергать даже правильное пониманіе формулы: „Духъ Святой исходитъ отъ Отца чрезъ Сына“, т. е. сталъ отвергать даже то толкованіе этого ученія, которое впоследствии принято было православными защитниками вѣры на соборѣ Флорентійскомъ ⁴⁾). Напрасно Григорій старался оправдаться и писалъ противъ Векка ⁵⁾). Его авторитетъ, и какъ ученаго богослова, и какъ вселенскаго патріарха, началъ колебаться. Веккъ не довольствовался литературною полемикою противъ Григорія; онъ присоединилъ къ ней распространеніе неблагопріятныхъ слуховъ для патріарха. Напримѣръ, утверждалъ, что Григорій родомъ не Грекъ, а чело-вѣкъ латинской расы, что онъ будто-бы и по одеждѣ и по языку остается чужестранцемъ ⁶⁾). Дѣла Григорія пошли плохо. Годы 1287—9 проходятъ для него въ печаляхъ и разочарованіи. Даже друзья его, на которыхъ

¹⁾ Очевидно, Веккъ по разнымъ основаніямъ не хочетъ признавать Григорія епископомъ. Ibidem, стр. 604.

²⁾ Христ. Чт. 1889, т. II. 280.

³⁾ Векка, (второе слово) „въ отвѣтъ на свитокъ“. Христ. Чтен. 1889, т. II, 520. 544.

⁴⁾ Христ. Чтеніе, ibid. I, 340.

⁵⁾ Объ этихъ сочиненіяхъ упомянемъ ниже.

⁶⁾ Pachymeris. De Andronico, lib. I, cap. 33.

онъ возлагалъ самыя лучшія надежды, которыхъ онъ даже призываетъ прийти изъ провинціи въ Константинополь для борьбы со врагами и которымъ поэтому писалъ: „поспѣшите сюда сами для утвержденія непорочной вѣры христіанской“¹⁾, даже и эти друзья отшатнулись отъ Григорія Кипрскаго²⁾. Положеніе патріарха стало невыносимымъ. Вотъ какъ самъ онъ въ послѣдствіи описываетъ трудность своего положенія. „Церковь была полна всякихъ смуть и безпорядковъ, всѣмъ хотѣлось въ ней начальствовать и предписывать законы, а быть подначальными и подчиняться божественнымъ законамъ никто не хотѣлъ, такъ-что къ тогдашнему ея положенію было вполне примѣнимо и оказывалось совершенно справедливымъ извѣстное изреченіе Платона, что „не для всѣхъ полезна свобода, а нѣкоторымъ полезно рабство и жизнь подъ страхомъ“. Среди такой-то путаницы въ дѣлахъ, будучи, говоритъ патріархъ, поставленъ въ самый центръ ея, я попалъ въ сферу власти, какъ бы на какую нибудь напасть и имѣлъ душу, постоянно удрученную всѣмъ этимъ“³⁾? Затруднительное, даже безвыходное положеніе, въ которомъ очутился Григорій, побуждаетъ его обратиться чрезъ письмо за содѣйствіемъ къ самому императору Андронику Старшему. Это письмо одинъ изъ интереснѣйшихъ памятниковъ конца XIII вѣка, рисующій живыми чертами значительное разстройство дѣлъ въ церкви и государствѣ. Описывая положеніе церкви, корреспондентъ говоритъ: „сколько вдругъ постигло насъ напастей, ужасовъ, тревоженій“. Исчисляя различныхъ виновниковъ церковныхъ безпорядковъ, Григорій первое мѣсто отводитъ въ этомъ отношеніи неукротимому полемисту Векку. „Многіе были ошеломлены грамотой, составленной Веккомъ и названной имъ энцикликой, грамотой“⁴⁾, которую онъ прислалъ въ огром-

¹⁾ Письмо это издано Димитракопуломъ. См. проф. Троицкаго: „Арсеvій“ и пр. Христ. Чтен. 1871, т. I, 1086—1088.

²⁾ Григоры. VI, 4.

³⁾ Изъ автобіографіи Григорія, существующей, кромѣ греческаго подлинника, въ переводахъ—латинскомъ, нѣмецкомъ, русскомъ. См. переводъ ея у проф. И. Е. Троицкаго: Хр. Чт. 1870, т. II, стр. 175. Confer: Migne, tom. 142, p. 28—29.

⁴⁾ Это конечно есть ничто другое, какъ отвѣтъ Векка на свитокъ, а съ этимъ произведеніемъ экс-патріарха мы уже знакомы.

...мъ количествѣ для раздачи всѣмъ, если можно. Городъ (Византія) раздѣлился на два лагера“ ¹⁾. Въ виду церковныхъ неурядицъ Григорій просить царя поскорѣе собрать соборъ, — поскорѣе „для того, чтобы зло не успѣло распространиться чрезчуръ, и чтобы спасеніе обманутыхъ не сдѣлалось слишкомъ затруднительнымъ“ ²⁾. Заботливость Григорія о церкви въ существѣ дѣла была заботливостью его о самомъ себѣ. Но на ряду съ этимъ въ томъ-же письмѣ встрѣчается нѣсколько интересныхъ указаній на грабительство, учиняемое надъ народомъ. Видно, что патріархъ не думалъ только о самомъ себѣ, но принималъ къ сердцу благо общества. Патріархъ указываетъ, что если царь находится гдѣ-либо за предѣлами столицы, то завѣдывающіе царскимъ столомъ начинаютъ грабить народъ въ сосѣднихъ мѣстностяхъ, вымогая и захватывая у крестьянъ птицъ, просятъ и другую живность. Всего нахватываютъ множество для того, чтобы перепродать на сторону то, что окажется излишнимъ для кухни. Патріархъ проситъ царя положить предѣлъ безобразію. Еще болѣе онъ возмущенъ грабительствомъ въ отношеніи народа, допускавшемся въ самой столицѣ. Въ примѣръ патріархъ безбоязненно указываетъ случаи изъ практики какого-то очень важнаго лица въ Константинополѣ — деспота Іоанна. Григорій самъ видѣлъ — вотъ что происходило. Какой-то погонщикъ скота пригналъ стадо овецъ въ шестьсотъ головъ къ воротамъ города; но едва стадо приблизилось къ городу, какъ слуги деспота Іоанна захотѣли отнять у скотопромышленника четвертую часть всего скота. Слухъ о происшествіи дошелъ до городского префекта, и тотъ послалъ полицейскихъ для возстановленія порядка. Но вмѣсто порядка вышелъ пущій беспорядокъ. Слуги деспота поколотили полицейскихъ. Стадо на ночь осталось за воротами. Но съ разсвѣтомъ появился тутъ самъ деспотъ и приказалъ отнять у скотопромышленника 200 овецъ. Случай возмутительный! Рассказывая объ этомъ царю, патріархъ прибавляетъ: „по-

¹⁾ Письмо Григорія къ Андронику въ переводѣ проф. И. Е. Троицкаго. Христ. Чтен. 1870, II, 512. О немъ нѣсколько словъ — ниже.

²⁾ Ibid. 514.

всюду слышится ропотъ и негодованіе“¹⁾). Эти сообщенія патріарха о безпорядкахъ, выразившихся въ грабительствѣ народа, потому особенно заслуживаетъ вниманія, что Григорій, не смотря на множество личныхъ непріятностей и церковныхъ смутъ, не забываетъ и объ исполненіи своихъ нравственныхъ обязанностей въ отношеніи къ государству и обществу. Это свидѣтельствуется о высотѣ и благородствѣ характера Константинопольскаго архипастыря. Но на Андроника письмо Григорія Кипрскаго, кажется, не произвело впечатлѣнія. Царь не думалъ оказывать помощи несчастному патріарху, и ему ничего не оставалось дѣлать, какъ выйти въ отставку. „Когда Григорій увидалъ, — говоритъ Григора, — что и самые надежные и любимые имъ люди вооружились противъ него, и что никто ему уже не помогаетъ — ни царь, ни другой кто изъ людей сильныхъ, то, наконецъ, призналъ это судомъ Божиимъ, свыше ему опредѣленнымъ. Онъ удалился на покой въ монастырь“²⁾). Такъ кончилось патріаршество Григорія Кипрскаго, человека во многихъ отношеніяхъ достойнаго. Не легко было править разнузданной Византіей³⁾).

1) Ibidem, стр. 516 — 518.

2) Григоры, VI, 4. Conf. Pachymeris. De Andronico, lib. II, cap. 6.

3) Григорію Кипрскому чрезвычайно посчастливилось въ русской литературѣ въ томъ отношеніи, что почти всѣ его сочиненія появились въ прекрасномъ отечественномъ переводѣ. Этимъ русская наука обязана трудолюбію двухъ нашихъ ученыхъ: проф. И. Е. Троицкаго и византиниста архимандрита (нынѣ епископа) Арсенія. Первымъ изъ названныхъ ученыхъ переведены слѣдующія сочиненія Григорія: 1) Трактатъ объ исхожденіи Святаго Духа (антирретикъ) (Христ. Чт. 1889, т. II, стр. 268—352, Migne, tom. 142, p. 269—300; латинскаго перевода нѣтъ). Сочиненіе это написано противъ уніи и появилось до Григоріева патріаршества — еще въ царствованіе Мухаммада Палеолога (Христ. Чт. ibid. 282). 2) Изложеніе свитка (томоса) върны противъ Векка (ibid. томъ I, 344—366. Migne, ibid. p. 233—246, опять безъ латинскаго перевода). О содержаніи и значеніи этого сочиненія было сказано выше, въ текстѣ. Изданіе Григоріемъ „изложенія свитка“ относится къ 1287 или 1288 году. 3) Посланіе къ императору Андронику Палеологу противъ митроп. Ефесскаго Іоанна Хилы и Марка (ibid. I, 367—369. Migne, p. 267 — 270; опять безъ латинскаго перевода). 4) Исповѣданіе, составленное послѣ того, какъ случилось возстаніе противъ него (Григорія) клириковъ и пр. (ibid. т. I, 370 — 377. Migne, 247—252; тоже безъ латинскаго перевода). 5) Апологія (общая) противъ нападокъ на его свитокъ (ibid. II, 545—570. Migne, p. 251 — 270; безъ латинскаго-же перевода). Сочиненія Григорія, означенныя подъ № 3 — 5, написаны авторомъ подъ конецъ его патріаршества, въ 1268—1289 годахъ. Всѣ вообще вышеупомянутыя сочиненія трактуютъ по вопросу объ исхож-

Послѣ Григорія Кипрскаго патріаршую кафедру въ Константинополѣ занимаетъ *Аѳанасій I*. Онъ дважды восходилъ на эту кафедру и дважды оставлялъ ее, и умеръ не патріархомъ. Мы рассмотримъ первое и второе патріаршество Аѳанасія особо. Въ первый разъ онъ пробылъ на кафедрѣ четыре года (1289 — 1293). Патріаршествованіе Аѳанасія представляетъ много интереснаго: оно можетъ быть разсма-

деніи Святаго Духа. 6) Письмо къ императору Андронику Палеологу (Христ. Чтеніе, 1870, II, 511—518. Въ патрологии Миня этого письма нѣтъ. Переводчикомъ оно взято изъ отдѣльнаго Франкфуртскаго изданія Маттіэ). Съ содержаніемъ этого письма мы уже отчасти познакомили читателя выше. Письмо, очевидно, написано въ разгаръ борьбы Григорія съ Веккомъ, т. е. въ концѣ патріаршества перваго. 7) Автобіографія Григорія Кипрскаго (ibid. 1870, т. II, 164—177. Migne, tom. 142, p. 19—30 съ латинскимъ переводомъ и подробнымъ комментариемъ (p. 31—47) Де-Рубенса. Русскій переводчикъ имѣлъ предъ глазами отдѣльное изданіе Маттіэ). Съ этимъ произведеніемъ Григорія отчасти мы познакомились, но съ нимъ же будемъ имѣть дѣло еще разъ ниже. „Автобіографія“ Григорія, нѣтъ сомнѣнія, составлена имъ уже по оставленіи патріаршаго престола—на покой.—Архимандритомъ (епископомъ) Арсеніемъ въ греческомъ оригиналѣ съ русскимъ переводомъ издана обширная проповѣдь Григорія Кипрскаго, „похвальное слово св. Евیمیю епископу и чудотворцу Мадитскому (XI в.)“ (Чтенія въ Общ. люб. дух. просв. 1889 въ „приложеніи“, стр. 1—70). Слово это до сихъ поръ не было нигдѣ напечатано, и издано достопочтеннымъ византинистомъ на основаніи рукописи Московской Синодальной бібліотеки. Оно весьма интересно, и мы воспользуемся имъ въ одномъ изъ параграфовъ нашихъ очерковъ—ниже. По всѣмъ признакамъ, оно написано Григоріемъ до патріаршества.—Непереведенныхъ сочиненій Григорія остается немного, да и всѣ эти не имѣютъ большой научной цѣнности; безъ перевода остаются слѣдующіе труды разсматриваемаго патріарха: 1) Похвальное слово великомученику Георгію (Migne, ibid. p. 299—345). Нужно полагать, что Григорій написалъ это произведеніе еще будучи міряниномъ—въ похвалу Георгія, никомидійскаго мученика Діоклитіанова говенія, вслѣдствіе того, что онъ носилъ до монашества имя Георгія, данное ему, вѣроятно, въ честь этого святаго. Оно повѣствуетъ о мученическихъ подвигахъ этого великомученика. Малое значеніе повѣствованія опредѣляется уже тѣмъ, что вообще сказаніе о мученикѣ Георгіи не внесено въ собраніе Рюниара. 2) Панегирикъ императору Михаилу Палеологу (Migne, 345—385). Панегирикъ весь состоитъ изъ общихъ фразъ и не имѣетъ исторической цѣнности. По этому произведенію можно составить лишь превратное понятіе о Михаилѣ. Уже встрѣчающееся въ заглавіи выраженіе: „Михаилу новому Константину“ (т. е. Великому) вычурно и непригоже. Написано до патріаршества. 3) Панегирикъ императору Андронику Палеологу (сыну Михаилу). (Migne, 387—417). Такого-же достоинства, какъ и панегирикъ Михаилу. Замѣчательно, однакожъ, что авторъ именуется Андроника (какъ это дѣлаетъ позднѣе и Григоръ, Виз. Ист. VIII, 8.) „жаркимъ любителемъ науки и философамъ“ (p. 412). Можно утверждать, что оно произнесено Григоріемъ (Георгіемъ)—міряниномъ, вскорѣ по вступленіи Андроника на престолъ. 4) Письмо къ другу (Migne, p. 125—128). Написано по низверженіи Григорія съ кафедры и исполнено жалобъ на несправедливость судьбы. У

триваемо какъ реакція по отношенію къ патріаршествованію Векка и Григорія Кипрскаго, лицъ отличавшихся широтою взглядовъ. Но какъ ни интересно время патріарха Аеанасія, наука однакожь лишена возможности сказать о патріархѣ Аеанасіи слово твердое и несомнѣнное. Это главнымъ образомъ зависитъ отъ свойства нашихъ источниковъ ¹⁾.

Лишь только было узнано въ Константинополѣ, что каеодру Григорія займетъ почти никому неизвѣстный монахъ Аеанасій—въ его пользу склонялся императоръ Андроникъ Старшій ²⁾ — какъ въ столицѣ начали распространяться слухи о жестокости характера человѣка, предназначеннаго въ патріархи. Часть этихъ слуховъ записалъ Пахимерь. Напримѣръ, объ Аеанасіи рассказывали, что разъ разсердившись на осла, который зашелъ въ монастырскій огородъ и поѣлъ овощи, будущій патріархъ наказалъ безсловеснаго преступника тѣмъ, что выкололъ ему глаза. Или рассказывали о томъ, что онъ обладалъ такою силою воли, что будто-бы разъ заставилъ даже волка принести пошу съ ово-

Григорія есть и еще нѣсколько сочиненій, но они свѣтскаго содержанія. Правильный отзывъ о своихъ сочиненіяхъ сдѣлалъ самъ Григорій въ своей извѣстной „автобіографіи“. Онъ говоритъ: „что не всѣ мои произведенія отдѣланы съ одинаковой тщательностію, это само собою разумѣется. Что замѣчаемъ мы у ремесленникоу, то же бываетъ и здѣсь: какъ ихъ послѣдующія издѣлія бываютъ лучше предыдущихъ, вслѣдствіе упражненія, такъ и у писателей и риторовъ труды зрѣлыхъ лѣтъ бываютъ совершеннѣе первоначальныхъ. Что касается изложенія, то я не гонялся за изысканными формами, не ударялся и въ другую крайность—не писалъ, какъ повсюду пишутъ; больше всего я хлопоталъ объ ясности, возвышенности и благодарствѣ слога, добрыхъ правилахъ нравственности въ соединеніи съ нѣкоторымъ благозвучіемъ“. (Христ. Чт. 176. Migne, p. 29. См. высокій отзывъ Григорія (—VI, 1—) о литературныхъ достоинствахъ сочиненій Григорія Кипрскаго). О внутреннихъ качествахъ этихъ-же сочиненій, какъ произведеній образованнаго богословскаго ума, свидѣтельствуеъ уже то обстоятельство, что почти всѣ они переведены на русскій языкъ достойными учеными.

¹⁾ Объ Аеанасіи сообщаютъ довольно подробныя извѣстія историки Пахимерь и Григора. Но въ ихъ взглядахъ на этого патріарха есть существенная разница: Пахимерь явно не одобряетъ Аеанасія, а. Григора держится средины. Кто-же изъ нихъ правѣе—рѣшить не легко. Сужденія историковъ мы можемъ провѣрять на основаніи собственныхъ писемъ Аеанасія, до насъ сохранившихся, но такихъ писемъ къ сожалѣнію немного. Всѣ-же эти письма больше подтверждаютъ взгляды Григорія, чѣмъ Пахимера; поэтому намъ кажется болѣе основательнымъ, въ извѣстной мѣрѣ, держаться взглядовъ Григорія на Аеанасія.

²⁾ Pachymeris. De Andronico. Lib. II, cap. 13, p. 139.

щами изъ огорода въ монастырь. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ рассказики явно намекали, что и у самого будущаго патріарха волчья натура ¹⁾). Даже о самомъ посвященіи Аеанасія въ патріархи рассказывали нѣчто такое, что должно было настраивать общество въ отношеніи къ патріарху во враждебномъ тонѣ. Такъ Пахимеръ сообщаетъ, что когда Аеанасія посвящали въ патріархи, и одинъ изъ участниковъ рукоположенія Каракалъ митрополитъ Никомидійскій — заглянулъ въ разверстое на головѣ посвящаемаго Евангеліе, то ему бросились въ глаза страшныя слова, которыя приняты были всѣми, какъ пророчество о характерѣ управленія Аеанасія церковью, слова: „діаволу и аггеламъ его“ ²⁾). Изъ показаній историка Пахимера съ несомнѣнностію вытекаетъ то слѣдствіе, что въ Византіи далеко не радостно принято было извѣстіе о назначеніи монаха Аеанасія въ патріархи. И дальнѣйшіе годы дѣйствительно подтвердили, что патріархъ, при многихъ его добрыхъ намѣреніяхъ, не достигъ никакихъ добрыхъ цѣлей; онъ больше смущалъ, чѣмъ назидалъ общество византійское.

Аеанасій былъ строгимъ монахомъ, съ дѣтства привыкшимъ къ аскетическимъ трудамъ, и проводилъ до патріаршества безмолвную жизнь въ горахъ. „Онъ незнакомъ былъ съ ученостію и жизнію въ обществѣ“. Но за то онъ былъ человѣкомъ достойнымъ, „удивлявшимъ всѣхъ своею монашескою жизнію, — крайнею воздержанностію и всенощными бдѣніями. Спалъ онъ на голой землѣ, ногъ не умывалъ, всегда ходилъ пѣшкомъ, одежду носилъ жесткую, жизнь велъ самую бѣдную. Вообще онъ имѣлъ характеръ, которымъ отличаются люди (монахи), живущіе въ горахъ и пещерахъ“. Даже Григора, при его значительной долѣ уваженія къ Аеанасію, все-же находитъ, что такой человѣкъ не годился въ патріархи столицы. „Блаженнымъ онъ прожилъ-бы цѣлую жизнь, — замѣчаетъ Григора, — еслибы навсегда остался въ уединеніи“ ³⁾).

¹⁾ Ibidem, cap. 14, p. 143.

²⁾ Ibidem, cap. 15, p. 146—7.

³⁾ Григоры, кн. VI, гл. 5. Pachymeris, ibid. lib. II, cap. 13, p. 139—140.

Аеанасій, тотчасъ по вступленіи на каеедру, занялся нѣкоторыми серьезными реформами въ подвѣдомой ему области. Прежде всего онъ обратилъ вниманіе на жизнь и образъ дѣйствій „ученыхъ клириковъ“. Григора говорить: „ученымъ клирикамъ. суждено было потерпѣть и поплатиться за прежніе свои неблагородные поступки. Взошедши на патріаршій престолъ, Аеанасій къ нимъ первымъ обратилъ свое грозное лице, полное ревности и строгости. Люди благоразумные по первымъ признакамъ догадались, чего слѣдуетъ ожидать, и добровольно начали вести строгую жизнь дома. Другіе-же въ скоромъ времени вынуждены были бѣжать изъ столицы“ ¹⁾. Къ сожалѣнію, трудно понять, о какихъ „ученыхъ клирикахъ“ говоритъ историкъ, и въ какомъ отношеніи патріархъ стѣснилъ ихъ. Если не ошибаемся, историкъ разумѣетъ тѣхъ образованныхъ клириковъ, какими окружали себя патріархи Германъ III-й и Іоаннъ Веккъ — клириковъ, расположенныхъ къ уніи, а потому непріятныхъ для Аеанасія, конечно чуждавшагося уніи. Повидимому, Григора сочувствуетъ мѣропріятію патріарха, выразившемуся въ строгости противъ „ученыхъ клириковъ“; но мы не видимъ необходимости слѣдовать взгляду византійскаго историка. Доводить „ученыхъ клириковъ“ до того, что они лицемѣрно начали вести жизнь слишкомъ суровую, не вызываемую настоящими потребностями или-же, что еще хуже—до того, чтобы они бѣжали изъ столицы,—намъ представляется недостойнымъ мудраго архипастыря. Аеанасій, въ данномъ случаѣ, дѣйствовалъ неблагоразумно.

Другую важную мѣрою, къ которой прибѣгаетъ Аеанасій для введенія порядка въ дѣлахъ, касающихся церкви,— было изгнаніе провинціальныхъ архіереевъ, проживавшихъ въ столицѣ. Тотъ-же Григора пишетъ: „Тому-же подверглись (т. е. вынуждены были оставить столицу) и многіе архіереи. Ихъ было—продолжаетъ историкъ—очень много, и все были люди ученые (?), знатоки церковныхъ законовъ. Итакъ тѣхъ архіереевъ, которые находились въ Константинополѣ по какой-либо надобности, Аеанасій отправилъ

¹⁾ Григоры, *ibid.*

въ ихъ митрополи, гдѣ и должны были оставаться до конца жизни. Проживая здѣсь — говорилъ патріархъ, — пусть не ѣговариваютъ они другъ на друга и на меня самого, — они обязанные быть учителями мира. Что-же касается до тѣхъ, которые приходили со стороны подѣ предлогомъ соборовъ, бывающихъ дважды или однажды въ годъ, для совѣщанія о догматахъ благочестія и разрѣшенія практическихъ церковныхъ вопросовъ, то имъ онъ воспретилъ вѣздѣ въ Константинополь. Каждому слѣдуетъ, говорилъ патріархъ, пасти врученную ему паству и руководить своихъ овецъ, находясь при нихъ-же, а не проживать въ столицѣ и только получать оттуда доходы. Конечно, найдется, кто не похвалитъ ни той ни другой стороны, потому что ни та ни другая сторона — заявляетъ историкъ — не осталась въ предѣлахъ умѣренности и законности“ ¹⁾.

Мы не лишены возможности провѣрить это извѣстіе историка объ отношеніи патріарха къ архіереямъ, которые толклись въ столицѣ. Дошедшія до насъ письма Аеанасія, главнымъ образомъ касаются этого рода дѣятельности патріарха ²⁾. Далѣе мы увидимъ: правъ ли былъ Григора полускептически отзываясь о разсматриваемомъ мѣропріятіи патріарха. Если читаемъ и изучаемъ письма Аеанасія, то приходимъ къ тому заключенію, что въ борьбѣ съ архіереями, праздно проживавшими въ столицѣ, патріархомъ руководила исключительно ревность къ благу церковному. Въ нихъ даже не обнаруживается той суровости, которая составляла, повидимому, характеристическую черту Аеанасія. Въ своихъ письмахъ, писанныхъ большею частію къ епископамъ, которыхъ ему хотѣлось удалить изъ столицы, патріархъ раскрываетъ совершенно вѣрные мысли, что достойный своего званія архіерей долженъ жить среди своей паствы, а не проживать въ столицѣ часто безъ всякихъ

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Письма Аеанасія (у Миня) напечатаны частію въ оригиналѣ, а частію въ латинскомъ переводѣ. Хронологія писемъ совершенно не установлена. Это сырой матеріалъ, въ которомъ трудно разобраться. Вообще хронологія всего (двукратнаго) патріаршества Аеанасія остается темной: въ письмахъ нѣтъ датъ, а византійскіе историки, кажется, ищають факты перваго патріаршества Аеанасія съ фактами втораго.

поводовъ, кромѣ нежеланія жить гдѣ-нибудь въ глуши. Аѳанасій не разъ говоритъ въ своихъ письмахъ, что побужденіемъ къ пребыванію, архіереевъ въ столицѣ служитъ: вмѣшательство въ выборы Константинопольскихъ патріарховъ (какъ извѣстно быстро смѣнявшихся): они интриговали противъ управляющаго церковію патріарха, старались объ его низверженіи и съ живостію отдавались вопросу о выборѣ новаго патріарха ¹⁾. По словамъ Аѳанасія, епископы, проживавшіе въ столицѣ, тотчасъ-же по выборѣ новаго патріарха начинали подкапываться подъ него, судить-рядить его жизнь и дѣянія. Они постоянно выдумывали обвиненія на патріарха, безславили и марали его, чтобы только его низвергнуть ²⁾. Оставаясь въ столицѣ, они зарабатывали деньги участіемъ въ судѣ и вообще вмѣшивались во все происходящее ³⁾. О своихъ паствахъ и не помышляли эти мнимые пастыри. Патріархъ говоритъ: „увы, уже не пастыри пасутъ овецъ, а сами пасутся овцами, получая отъ нихъ хлѣбъ“. Въ другомъ мѣстѣ Аѳанасій еще образнѣе выражается, пиша: „вы только и знаете одно — послать такого человѣка, который умѣлъ-бы доить (mulgere) стадо ваше“. Епископами, не желавшими жить среди своей паствы, а желавшими оставаться въ столицѣ, избобрѣталось множество къ тому поводовъ: они утверждали, что имъ будто-бы нужно хлопотать о чемъ-нибудь предъ гражданскимъ начальствомъ, дать подписку, участвовать въ хиротоніи, получить хризовулъ ⁴⁾. Письма Аѳанасія, по своему содержанію, иногда близко совпадаютъ съ извѣстіями Григоры, почему мы склонны думать, что историкъ пользовался этими матеріалами въ своемъ сочиненіи. Но если Григора и зналъ переписку Аѳанасія, то, во всякомъ случаѣ, онъ не исчерпалъ всего содержанія ея. Такъ изъ подлинныхъ писемъ самого Аѳанасія видимъ, что къ одному епископу (Апамейскому), онъ троекратно обращался съ увѣщаніемъ

---

¹⁾ Migne, Gr. tom. 124. Epist. 2, p. 517; epist. 4, p. 520; epist. 6 (къ императору), p. 526.

²⁾ Epist. 4, 520.

³⁾ Epist. 6, p. 526.

⁴⁾ Epist. 4, p. 520.

покинуть столицу и возвратиться къ паствѣ ¹⁾). Назовемъ-ли черезъ чуръ строгимъ такого начальника, который троекратно обращается къ писемъ его лицу съ одной и той же просьбой? Изъ тѣхъ-же писемъ видно, что всѣ личныя старанія патріарха уничтожить зло, состоявшее въ томъ, что епископы слишкомъ долго загибались въ столицѣ, не приводили къ цѣли; какъ, наконецъ, патріархъ вынужденъ былъ письмомъ умолять императора выгнать упорныхъ архіереевъ изъ столицы. „Почему ты не повелишь—писать патріархъ Андронику,—чтобы каждый изъ нихъ оставался при своей паствѣ? И если ты самъ не захочешь этого сдѣлать; изъ уваженія къ нимъ, не станешь заставлять ихъ дѣлать, что они должны, я самъ, противъ ихъ воли, изгоню ихъ изъ города и дамъ отчетъ Богу въ своей смѣлости“ ²⁾). Если въ патрологіи Миня письма Аѳанасія, по разсматриваемому вопросу, расположены въ хронологическомъ порядкѣ, то къ императору патріархъ обращается въ концѣ концовъ,—тогда, когда его увѣщанія оставались безъ дѣйствія. Итакъ мы видимъ, что нѣтъ основаній соглашаться съ Григорой, что „найдутся конечно такіе, кто не похвалитъ патріарха“, изгнавшаго вышеупомянутыхъ епископовъ. Если-бы и нашлись такіе, то ихъ сужденіе поверхностно. Патріархъ дѣлалъ дѣло нужное и полезное для церкви. Не онъ первый началъ это, и не онъ, конечно, и кончилъ. Еще въ цвѣтущія времена церкви, святитель Іоаннъ Златоустъ буквально прогонялъ нѣкоторыхъ епископовъ-смутотворцевъ изъ Константинополя.

Одно повергаетъ насъ въ большое недоумѣніе. Историкъ замѣчаетъ, что Аѳанасій наложилъ тяжелую руку на „ученыхъ клириковъ“ и изгонялъ епископовъ „людей ученыхъ“. Если повѣствователь не фантазируетъ, то выходитъ, что патріархъ изгонялъ не всѣхъ архіереевъ, а по выбору — только такихъ, которые извѣстны были просвѣщеніемъ. Не значитъ-ли это, что патріархъ былъ врагомъ богословской науки? Изъ писемъ патріарха этого не видно, а потому извѣстіе Григоры оставимъ на совѣсти этого историка.

¹⁾ Epist. 4, pag. 519.

²⁾ Epist. 6, p. 526.

Третье архипастырское мѣропріятіе Аѳанасія составляетъ урегулированіе жизни монашеской — главнымъ образомъ въ столицѣ, гдѣ монахи слабо соблюдали правила аскетизма (какъ объ этомъ свидѣлствуютъ писатели XII, XIII и XIV вѣка: Евстацій Θεσσαλονικскій, Никита Хоніатъ, Григоръ). Вотъ извѣстія по этому поводу историка Григоры: „Тѣмъ, которые рѣшились вести монашескую жизнь, Аѳанасій не позволялъ ни того, что доставляетъ удовольствія чреву, ни того, что требуетъ кошелька, ни того, что соединено съ большими хлопотами. Если-же оказывалось, что кто нибудь имѣлъ что нибудь такое, тотъ по неволѣ и со стыдомъ долженъ былъ разстаться съ этимъ. Онъ порицалъ тѣхъ которые, избравъ монашество—этотъ простой и скромный образъ жизни, однакожъ не хотѣли ходить пѣшкомъ; онъ внушалъ имъ, чтобъ они довольствовались собственными ногами, если ихъ путь не заходилъ за черту города, впрочемъ онъ не позволялъ имъ расхаживать, когда вздумается, но предписывалъ въ этомъ отношеніи осторожность и запрещалъ имъ являться на площадяхъ, гдѣ можно насмотрѣться и наслушаться много такого, что не сообразно съ монашескимъ унастроеніемъ. Во всякомъ случаѣ онъ не позволялъ выходить изъ монастыря безъ разрѣшенія настоятеля. Въ особенности онъ находилъ неприличнымъ ѣзду монаховъ на рьяныхъ коняхъ по шумнымъ улицамъ, площадямъ и зрѣлищамъ (?). Патріархъ увѣщевалъ монаховъ брать примѣръ съ него, такъ какъ онъ не ѣздилъ на животныхъ и ходилъ пѣшкомъ. Онъ не оставилъ безъ вниманія и тѣхъ одиночекъ-подвижниковъ, которые или заключали себя въ келлійкахъ или же, выдавая себя за подвижниковъ, ходили по знатымъ домамъ, легко обольщали вѣтренницъ (?), овладѣли ими, дѣйствуя на нихъ вѣшнимъ видомъ и имѣя наружность овецъ, тогда-какъ внутри были хуже хищныхъ волковъ. Встрѣчались между этими одиночками-подвижниками и такіе, которые принимали на себя видъ изступленныхъ, но въ дѣйствительности были людьми тщеславными и корыстными. Всѣхъ такихъ и подобныхъ лицъ Аѳанасій подчинилъ суровой монашеской дисциплинѣ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ помѣстилъ въ общежительные мо-

настыри, предписывая имъ всецѣло соблюдать отреченіе отъ своей воли. А съ тѣми изъ нихъ, на которыхъ было мало надежды, и которые носили въ своемъ сердцѣ неизлѣчимую болѣзнь своеволия, онъ поступилъ такъ: или заключалъ въ строжайшій затворъ, спасая ихъ противъ ихъ воли, или выгонялъ изъ столицы. Такимъ образомъ, не видно стало на площадяхъ и улицахъ мужчинъ и женщинъ, одѣтыхъ въ монашеское платье, но не бывшихъ дѣйствительными монахами, подчиненными строгимъ правиламъ. Передавъ эти свѣдѣнія о борьбѣ Аеанасія съ безпорядками среди монашества, историкъ добавляетъ: „какъ было-бы хорошо, еслибы его правила и порядки сохранились и при его преемникахъ въ томъ-же видѣ, въ какомъ они были во время патріаршества Аеанасія. И конечно, еслибы онъ подольше пробылъ на патріаршей каѳедрѣ, то заведенные порядки монашеской жизни утвердились-бы прочнѣе и остались на болѣе продолжительное время“. Въ заключеніе историкъ съ сожалѣніемъ прибавляетъ, что старанія Аеанасія объ улучшеніи монашескаго сословія не имѣли дѣйствительнаго успѣха, потому что послѣ его патріаршества „въ святыхъ обители вторглись снова всѣ недуги, какіе только можетъ придумать дѣвольская злоба“¹⁾.

Исчислимъ нѣкоторыя и другія стороны дѣятельности патріарха Аеанасія, въ которыхъ выразилось тоже его желаніе возвысить нравственный уровень Византійскаго общества. Патріархъ обличалъ всякаго, сдѣлавшагося ему извѣстнымъ, погрѣшителя законовъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ неумолимъ. Его обличеніе не щадило и лицъ высокопоставленныхъ. Историкъ Григора пишетъ: „негодование на законопреступниковъ въ немъ было такъ велико и открыто, что не только тѣ, которые доводились родней царю, но и сами его сыновья боялись его поразительной смѣлости и обличеній больше, чѣмъ приказаній самого царя“. При чемъ, обличаемые патріархомъ, не осмѣливались противорѣчить ему, показывали сдержанность и опасливость, потому что Андроникъ уважалъ патріарха за

¹⁾ Григоры, кн. VI, гл. 5.

его безукоризненную жизнь ¹⁾). Между письмами патриарха Афанасія есть одно, которому издатели дают такое заглавие: „письмо Афанасія къ императору Андронику о томъ, чтобы онъ наставлялъ дѣтей своихъ и всѣхъ подданныхъ тому, что угодно Богу“. Письмо начинается такъ: „почему ты не учишь дѣтей своихъ тому, что пріятно Богу? почему ты не учишь должному подданныхъ, какъ подобаетъ отцу дѣтей“ (дальше слѣдуютъ, впрочемъ, общія разсужденія) ²⁾). Видно, что строгая ревность патриарха обращалась и на самого царя. Всякій-ли патриархъ сдѣлалъ бы это?

Есть основанія полагать, что Афанасій очень ревностно заботился о водвореніи благочинія въ храмахъ, напр., въ знаменитомъ Софійскомъ. Издателямъ произведеній византійской письменности извѣстны къ сожалѣнію только по заглавію, между прочимъ, два слѣдующія письма патриарха къ императору. Въ одномъ подвергаются порицанію тѣ, кои приходятъ съ императоромъ въ катехуменіи (верхнія отдѣленія древне-христіанскаго храма) ³⁾ и помышляютъ не о молитвѣ, а о сладострастіи“ ⁴⁾. Въ другомъ письмѣ патриархъ ведетъ рѣчь „о достопочтенныхъ храмахъ“, разъясняетъ, что „не должно никому позволять жить въ катехуменіяхъ“ ⁵⁾, и что „божественные храмы не тоже, что и обыкновенные дома“ ⁶⁾.

Всѣ эти и подобныя проявленія архипастырской дѣятельности Афанасія, вѣроятно слишкомъ суровой и рѣзкой въ нѣкоторыхъ случаяхъ, привели къ тому, что общество церковное и гражданское сильно вознегодовало на патриарха. Пахимеръ очень рѣшительно говоритъ о той ненависти, какую возбудилъ патриархъ въ византійскомъ обществѣ своими мѣрами. По словамъ историка, Афанасій для всѣхъ сдѣлался крайне тяжелъ своею цензурою, простирающеюся до послѣднихъ мелочей. Его необычную суровость объяс-

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Migne, tom. 142, p. 512—513.

³⁾ О катехуменіяхъ сл. А. Лебедева. „Исторія раздѣленія церквей въ 9—11 вѣк.“, стр. 132.

⁴⁾ Migne, tom. 142, p. 474. № 27.

⁵⁾ Подобныя-же дѣянія обличалъ еще Трулльскій соборъ.

⁶⁾ Migne. ibid. p. 476. № 49.

няли строго-монашескою его предшествующею жизнію и незнаніемъ обычаевъ свѣта ¹⁾). По замѣчанію Пахимера, явно не безпристрастному, въ Византійской церкви и государствѣ будто-бы отъ мѣропріятій патріарха вышелъ такой-же хаосъ, о какомъ говорилъ философъ Анаксагоръ, какъ первоначальной стадіи бытія міра ²⁾). Патріархъ вынужденъ былъ подать прошеніе Андронику о своей отставкѣ. Даже и Григора не скрываетъ, что такое прошеніе вызвано было общимъ негодованіемъ на патріарха. „Оно, прошеніе, говоритъ историкъ, было вызвано возмущеніемъ всѣхъ архіереевъ, монаховъ и мірянъ, которые не могли долѣе сносить духовной суровости патріарха; они сначала бранили его тайно, сквозь зубы, а потомъ и открыто, почти въ глаза и въ его присутствіи; они готовы были даже растерзать его (sic!), если-бы онъ далѣе сталъ удерживать за собой патріаршество“ ³⁾). Самъ императоръ не счелъ болѣе возможнымъ поддерживать патріарха, и онъ удалился въ одинъ монастырь.

Патріархъ оставилъ кафедру, но не хотѣлъ помириться съ своею участію. Онъ задумалъ дѣло странное, нелѣпое—отомстить за свое униженіе всей Византійской церкви и отомстить самымъ удивительнымъ образомъ. Григора, возмущаясь этимъ нелѣпымъ дѣяніемъ патріарха, въ такихъ чертахъ описываетъ изумительный поступокъ Аѳанасія. „Взявъ листъ бумаги, Аѳанасій собственноручно написалъ на немъ эпитимію отлученія на все царское семейство, на архіереевъ, на клириковъ, на высшее сословіе и простой народъ за то, что не позволили ему удержать патріаршество до конца его жизни. Потомъ, положивъ грамоту въ половинки раковины, бросилъ ее въ какое-то углубленіе въ стѣнѣ Софійскаго храма. Здѣсь она и скрывалась цѣлый годъ. Затѣмъ, она неожиданно была найдена мальчиками, искавшими гнѣздъ во впадинахъ стѣнъ. Грамота была показана сначала клиру Св. Софіи, а наконецъ и царю. Молва о ней прозвонила уши всѣхъ, поднялся всеобщій ропотъ, и если-бы царь не

¹⁾ Pachymeris. De Andronico. Lib. II, cap. 16, p. 148. 151.

²⁾ Ibid. 150.

³⁾ Григоры, кн. VI, гл. 7.

успѣлъ сдержать волненіе, недовольные, пожалуй-бы, растерзали Аѳанасія. Это принесло, замѣчаетъ историкъ, большой срамъ бывшему патріарху и связало языки его защитниковъ¹). Григора далѣе разсуждаетъ, почему такая тайная эпитимія должна быть признана не соотвѣтствующею своей цѣли—и его разсужденія вполнѣ вѣрны. Григора говорить о вышеупомянутой грамотѣ вообще, не раскрывая подробностей. Другой историкъ—Пахимеръ приводитъ большіе отрывки изъ этой хартіи, которые, по своему характеру, представляются болѣе мягкими, чѣмъ какъ представляется по Григорѣ¹). Кромѣ этой грамоты Аѳанасій написалъ письмо къ императору, въ которомъ онъ отказывается отъ каеодры, но при этомъ, какъ съ одной стороны выражаетъ гордливую увѣренность въ своей святости, такъ и подвергаетъ отлученію и анаемѣ своихъ враговъ въ сей и будущей жизни²). Но доскажемъ любопытную исторію съ грамотою отлученія. Императоръ Андроникъ, по открытіи ея среди птичьихъ гнѣздъ, послалъ ее къ экс-патріарху Аѳанасію и спрашивалъ, что это значитъ? Аѳанасій, къ чести его, не настаивалъ на важности своей грамоты, смягчился, просилъ и себѣ прошенія и прощалъ всѣхъ. „Такъ-то разыгралась, сверхъ всякаго чаянія, говоритъ Григора, эта драма“³). Нѣтъ сомнѣнія, ничѣмъ такъ Аѳанасій не повредилъ себѣ въ мнѣніи современниковъ и потомства, какъ этою странною грамотою. Аѳанасій, при всѣхъ его аскетическихъ достоинствахъ, нужно полагать—былъ не чуждъ честолюбія. Какъ скоро Аѳанасій почувствовалъ себя сошедшимъ съ патріаршей каеодры, онъ совершенно растерялся: началъ дѣйствовать какъ человѣкъ, потерявшій всякое самообладаніе и благоразуміе.

По отреченіи Аѳанасія отъ патріаршества, Константинопольскую каеодру занялъ *Іоаннъ Созопольскій* (1294—1304). Онъ родомъ былъ изъ города Созополя. Вначалѣ онъ былъ простымъ священникомъ, не принадлежавшимъ, впрочемъ,

¹) Pachymeris. Lib. II, cap. 23.

²) Migne, tom. 142: Addicatio prioris patriachatus, p. 482. Conf. Pachym. ibid, p. 171—173.

³) Григоры, VI, 7. Pachym. Lib. III, cap. 24, p. 249—253.

ни къ какому приходу (ἰδιῶς), былъ женатъ; но потомъ оставилъ жену и сдѣлался монахомъ въ одномъ Константинопольскомъ царскомъ монастырѣ Архангела Михаила. Будучи монахомъ, онъ проявилъ ревность по благочестію, не принявъ Ліонской уніи, а потому по волѣ Михаила Палеолога, сосланъ былъ въ ссылку. Впослѣдствіи участь его была смягчена и онъ проводилъ жизнь въ уединенной келліи на одномъ изъ Принцевыхъ острововъ. О доблести его и добродѣтеляхъ узналъ императоръ Андроникъ при посредствѣ одного важнаго сановника Тарханіота Главы (Γλαβῆς). Андроникъ вызвалъ его въ Константинополь и сдѣлалъ его здѣсь настоятелемъ одного монастыря. Императору онъ очень понравился; Андроникъ сдѣлалъ его своимъ духовникомъ и говорилъ: если церковь признаетъ Косьму (такъ онъ назывался до патріаршества) по его (Косьмы) кончинѣ святымъ, то онъ даетъ свое согласіе на это, а если церковь не сдѣлаетъ этого, то онъ самъ, императоръ, лично все-таки будетъ считать его за святаго ¹⁾. Византійскіе историки хвалятъ Іоанновы добродѣтели, простоту жизни, кротость, которыми онъ отличался до своего возвышенія въ патріархи. Но что касается образованности, то онъ былъ совершенно чуждъ ей ²⁾. Императоръ весьма сильно желалъ видѣть Косьму патріархомъ и Константинопольскій синодъ исполнилъ царскую волю, избравъ его въ архипастыри столицы. Любопытно узнать, по какому случаю монахъ Косьма, при посвященіи его въ патріархи, переименованъ былъ „Іоанномъ“. Разсказъ объ этомъ обстоятельствѣ находимъ у Пахимера. Одинъ монахъ Григорій, принадлежавшій къ братіи Паятенонтова монастыря, согласно распространенному обычаю того времени погадалъ на какой-то магической книгѣ, и книга эта сказала ему, что теперь будетъ патріархомъ „Іоаннъ“. Началъ съ настойчивостью говорить, что будто ему было откровеніе, что патріархомъ долженъ быть именно „Іоаннъ“. Когда же избранъ былъ не Іоаннъ, а Косьма, онъ утверждалъ, что не-

¹⁾ Pachymeris. De Andronico, lib. II, cap. 27.

²⁾ Pachymeris, ibid. Григоры, VI, 7 (fin.).

возможно, чтобы избранный патриархъ остался съ именемъ Косьмы. И замѣчательно, на слова Григорія обращено было вниманіе и Косьма, въ самый день посвященія его въ патриархи, переименованъ „Іоанномъ“ ¹⁾). Странное суевѣріе!

Къ сожалѣнію, всѣ надежды, какія возлагались императоромъ на новаго патриарха,—не оправдались. Андроникъ воображалъ, что, благодаря достоинствамъ Іоанна Созопольскаго, въ церкви водворится миръ и благоденствіе: „зиму смѣнитъ пріятная весна, морскую бурю — тишина“ ²⁾); но не то послѣдовало. Іоаннъ въ значительной мѣрѣ повторилъ собою Аѳанасія по его дѣятельности и направленію. Въ Іоаннѣ пришлось разочароваться и клиру и царю. Константинопольскіе клирики съ радостію приняли вѣсти объ избраніи Іоанна въ патриархи, потому, что имъ самимъ случилось слышать отъ него, какъ несправедливо поступаетъ Аѳанасій, предоставляя мѣста епископскія и болѣе видныя церковныя должности однимъ монахамъ, съ отстраненіемъ лицъ бѣлаго духовенства. Но что-же послѣдовало? Лишь только Іоанна самъ сдѣлался патриархомъ, какъ началъ говорить и дѣйствовать иначе, чѣмъ какъ можно было ожидать. Монахи опять получили явное и несправедливое преимущество предъ лицами Константинопольскаго клира ³⁾). Даже самые епископы Константинопольскаго церковнаго округа настолько почувствовали на себѣ тяжесть деспотизма патриарха Іоанна, что рѣшились войти къ императору съ представленіемъ, направленнымъ противъ патриарха. Они жаловались царю, что патриархъ не обращаетъ вниманія на соблюденіе церковныхъ правилъ и пренебрегаетъ охраненіемъ дисциплины въ управленіи церковію (нужно сказать, что патриархъ подъ впечатлѣніемъ какой-либо обиды имѣлъ обыкновеніе бросать управленіе церковію и заключаться въ монастырь „Всеблаженной“); заявляли, что всѣ дѣла патриархъ рѣшаетъ самъ и ни во что ставитъ голоса прочихъ архіереевъ; говорили, что рѣшенія, составленныя въ Константинопольскомъ соборѣ, онъ отмѣнялъ своею властію,

¹⁾ Pachymeris, *ibid.* cap. 28, p. 185—186.

²⁾ Pachymeris, *ibid.* cap. 27, p. 184.

³⁾ Pachymeris, cap. 28, p. 186—187.

произвольно и безъ всякаго основанія; выставляли на видъ даже его корыстолюбіе, вслѣдствіе котораго онъ оставлялъ незамѣщенными нѣкоторыя церковныя должности, присвоивъ себѣ доходы съ нихъ; наконецъ, вышеупомянутые епископы какъ прямое злоупотребленіе со стороны патріарха выставляли то, что должность великаго эконома онъ поручилъ своему собственному сыну Ефрему, человѣку сребролюбивому, проводившему жизнь разсѣянную ¹⁾).

Съ самимъ императоромъ у патріарха происходили столкновенія и притомъ довольно крупныя. Иногда эти столкновенія, повидимому, не имѣютъ для себя никакой сколько нибудь твердой почвы и проистекаютъ изъ желанія патріарха не дѣлать того, чего желаетъ царь. Такъ императоръ Андроникъ, объявивъ сына своего Михаила совратителемъ, пожелалъ, чтобы патріархъ и синодъ издали опредѣленіе, направлявшееся противъ возможныхъ враговъ царской власти самаго Андроника и сына его Михаила. Синодъ, руководимый патріархомъ, отказалъ императору въ этой просьбѣ, повидимому не заключающей въ себѣ ничего несообразнаго съ законами ²⁾). Другой случай столкновенія патріарха съ императоромъ возникъ изъ за того, что Іоаннъ никакъ не хотѣлъ допустить брака дочери императора Андроника съ королемъ Сербскимъ. Правда этотъ бракъ представлялся не натуральнымъ. Сербскій король былъ уже почтенныхъ лѣтъ, а дочь Андроника (Симонида) была малолѣтняя; вообще бракъ этотъ имѣлъ политическія цѣли ³⁾). Конечно было бы поступкомъ достойнымъ патріарха, если бы онъ старался разъяснить императору, что не слѣдовало-бы отдавать малолѣтнюю дѣвицу за пожилого человѣка, что не слѣдовало-бы такую священную вещь, какъ бракъ, дѣлать средствомъ къ достиженію мірскихъ и политическихъ расчетовъ. Но патріархъ не объ этомъ печалится. Онъ всячески старался расторгнуть этотъ бракъ, ссылаясь на различнаго рода ка-

¹⁾ Pachymeris, lib. IV, cap. II, 300—301.

²⁾ Pachymeris, lib. III, cap. III, p. 197—8. (См. выше, стр. 162—4.)

³⁾ Симонида была обручена (что по византійскимъ понятіямъ почти равнялось браку) съ королемъ и была увезена имъ въ Сербію. Во всякомъ случаѣ дѣло было сдѣлано и передѣлать его было трудно.

ноническія препятствія, которыя онъ усматривалъ въ исторіи жизни Сербскаго короля. Очевидно патріархомъ руководятъ не чувства гуманности и не представленіе о бракѣ, какъ святинѣ, а желаніе во что-бы то ни стало досадить царю по поводу брака, котораго такъ домогался Андроникъ. Что не одно желаніе охранить церковные каноны побуждало патріарха подвергать порицанію вышеупомянутый бракъ — это видно изъ того, что во время бесѣды царя съ патріархомъ по поводу этого вопроса, Іоаннъ счелъ умѣстнымъ упрекать Андроника въ различнаго рода беспорядкахъ государственныхъ, имъ допускаемыхъ и терпимыхъ. Рассказывая эту исторію, мы не думаемъ обѣлять царя и, съ другой стороны, очернять патріарха. Для насъ достаточно констатировать тотъ фактъ, что патріархъ своимъ образомъ дѣйствованія раздражалъ Андроника ¹⁾).

Всѣ вышеупомянутые факты даютъ видѣть, что Іоаннъ не оправдалъ ожиданій, возлагаемыхъ на него царемъ и духовенствомъ. Патріархъ со всѣми разошелся. Вслѣдствіе чего у императора явилось настойчивое намѣреніе лишить его патріаршей кафедры, чего Андроникъ наконецъ и добился. Іоаннъ оставилъ кафедру сильно разгнѣванный, такъ-что выѣхалъ изъ столицы, не простившись съ царемъ. Остатокъ дней своихъ экс-патріархъ провелъ на родинѣ въ Созополѣ, жалуясь на несправедливость царя и злобу враговъ ²⁾).

Едва успѣлъ Іоаннъ Созопольскій покинуть кафедру патріаршую, какъ ее вторично занялъ *Аѳанасій* (1304—1311), бывший архипастыремъ столицы предъ Іоанномъ. Императоръ Андроникъ Старшій еще въ правленіе церковію Іоанна пришелъ къ мысли о возстановленіи Аѳанасія на патріаршествѣ. Такое намѣреніе императора не можетъ не казаться страннымъ: развѣ первое патріаршество Аѳанасія удовлетворило церковь и общество Византійское? Для объясненія намѣренія императора историкъ рассказываетъ длинную исторію о томъ, какъ Аѳанасій будто-бы предрекъ земле-

¹⁾ Pachymeris, lib. IV, cap. 8—9, p. 291—293.

²⁾ Pachymeris, lib. V, cap. 3, p. 377. 381; cap. 7, p. 384.

трясеніе въ Константинополѣ, какъ это пророчество исполнилось, какъ все это подѣйствовало на Андроника и побудило его рѣшиться призвать Аѳанасія снова на патріаршество ¹⁾. Мы конечно должны были-бы удовлетвориться такимъ объясненіемъ страннаго факта—вторичнаго призванія Аѳанасія къ управленію церковію, еслибы захотѣли удовлетвориться всякимъ объясненіемъ, не претендуя на его серьезность и убѣдительность. Но, кажется, вышеуказаннымъ объясненіемъ удовлетвориться нельзя. Даже во времена Андроника и Аѳанасія не всѣ въ Византіи вѣрили тому, что будто пророчество Аѳанасія о землетрясеніи побудило царя призвать снова Аѳанасія къ кормилу церковному. Григора пишетъ: „почти всѣ архіереи и священники, всѣ клирики, можно сказать всѣ чиновники вспомнили суровость патріарха (когда распространилась молва о желаніи царя поставить Аѳанасія опять патріархомъ), какою онъ нѣкогда отличался. Поэтому не повѣрили рѣчамъ царя о землетрясеніи и пророчествѣ Аѳанасія и ворчали про себя, что это выдумка царя, который, желая снова посадить его на патріаршество и вмѣстѣ оправдать свое расположеніе къ нему, пустилъ о немъ такой ложный слухъ“ ²⁾. Намъ думается, что подобные скептики были ближе къ истинѣ, чѣмъ тогдашніе историки, рассказывающіе о пророчествѣ Аѳанасія и значеніи этого пророчества въ судьбахъ рассматриваемаго архипастыря. Мы не рѣшаемся утверждать, что Андроникъ выдумалъ фактъ пророчества Аѳанасіева, но полагаемъ, что царь воспользовался, хотя дѣйствительнымъ, но не имѣвшимъ значенія фактомъ пророчества, какъ поводомъ къ возстановленію Аѳанасія. Очень возможно, не будь у Андроника желанія возстановить Аѳанасія онъ не обратилъ-бы вниманія на пророчество; если-же теперь онъ обращаетъ вниманіе на него, то это доказываетъ, что царь и раньше склоненъ былъ возратить Аѳанасія и потому воспользовался теперь первымъ представившимся предлогомъ къ осуществленію своего на-

¹⁾ Pachymeris. De Andronico. Lib. IV, cap. 34—35, p. 359 et cet. Григоры, кн. VII, гл. I. Эта исторія со всеми подробностями передана проф. И. Е. Троицкимъ. Христ. чт. 1871, т. II, 227—237.

²⁾ Григоры, кн. VII, гл. I.

мѣренія. Остается однако вопросъ и притомъ не легкій: что заставляло царя призвать къ власти Аѳанасія, который раньше уже довольно показалъ себя неспособнымъ къ плодотворному властвованію? На это могли быть разныя причины: во первыхъ, патріархъ Аѳанасій и императоръ никогда не имѣли личныхъ столкновеній: можно утверждать, что они другъ друга уважали, чего нельзя сказать объ отношеніяхъ императора и только что низвергнутаго Іоанна Созопольскаго; во вторыхъ, императоръ могъ предполагать, что наученный опытомъ перваго патріаршества, Аѳанасій при вторичномъ востшествіи на патріаршую кафедру будетъ благоразумнѣе и мягче; въ третьихъ, почему не предположить, что и самое первое патріаршество Аѳанасія было не такъ жестоко и сурово, какъ оно изображено Пахимеромъ: сохранившіяся до насъ, письма Аѳанасія не даютъ права всегда и за все порицать Аѳанасія, какъ дѣлаетъ тотъ-же Пахимеръ. Такими и подобными причинами можно объяснить себѣ фактъ вторичнаго призванія Аѳанасія на патріаршую кафедру. Но если Андроникъ возлагалъ надежды на Аѳанасія, призывая его снова на патріаршество, то эти надежды не осуществились. Такъ, по крайней мѣрѣ, утверждаютъ историки того времени. Уже съ самаго начала второго патріаршества Аѳанасія ясно обнаружилось, что у него много враговъ и сладить съ ними не представлялось возможности. Григора очень опредѣленно говоритъ, что вступленіе Аѳанасія снова въ управленіе смутило многихъ: многіе „вспомнили его суровость, какою онъ нѣкогда отличался. Это обстоятельство не мало смутило почти всѣхъ (?) архіереевъ и священниковъ, всѣхъ настоятелей монастырей и всѣхъ клириковъ и всѣхъ (?) вообще состоявшихъ на общественныхъ должностяхъ“ ¹⁾. О такомъ отношеніи разныхъ классовъ общества къ Аѳанасію, по словамъ Пахимера, зналъ и самъ царь ²⁾. Одновременно съ возведеніемъ Аѳанасія на кафедру множество духовенства совершенно отложилось отъ власти патріарха: цѣлая половина еписко-

¹⁾ Григоры, VII, гл. 1.

²⁾ Pachymeris, lib. IV, cap. 35, p. 365.

повъ, многіе игумены и нѣкоторые клирики рѣшили не имѣть общенія съ патріархомъ ¹⁾; возникъ почти формальный расколъ. Въ числѣ лицъ, враждебно расположенныхъ къ новому патріарху, былъ и Александрійскій патріархъ, по имени тоже Аѳанасій, уже давно проживавшій въ Константинополѣ. Патріархъ Александрійскій очень уважался въ столицѣ за его разсудительность и ловкость. По своимъ религіозно-умственнымъ симпатіямъ, онъ больше тяготѣлъ къ бывшему патріарху Іоанну Векку, и теперь стоялъ во главѣ лицъ, хранившихъ лучшую память объ этомъ ученомъ, но увлекавшемся и злополучномъ патріархѣ. Какъ приверженецъ Векки, Аѳанасій Александрійскій не сочувствовалъ Аѳанасію Константинопольскому, представлявшему собою во многихъ отношеніяхъ противоположность Векку. По чувству нерасположенія къ нему, Александрійскій архипастырь сочинилъ даже ѣдкую сатиру на него и пустилъ ее въ ходъ. Сатирикъ дождался наконецъ того, что его выслали изъ столицы, но это ни мало не помогло Аѳанасію Константинопольскому ²⁾: остались въ столицѣ приверженцы Аѳанасія Александрійскаго, которые не переставали вредить Аѳанасію Константинопольскому. — Возстали на новаго патріарха Константинопольскаго и тѣ архіереи и клирики, которые приняли посвященіе отъ руки Іоанна Созопольскаго; они боялись, чтобы Аѳанасій, возстановленный на патріаршей кафедрѣ и такимъ образомъ какъ-бы признанный несправедливо низверженнымъ, не объявилъ ихъ лишенными церковныхъ степеней, такъ какъ они посвящены такимъ патріархомъ, который на взглядъ Аѳанасія представлялся узурпаторомъ ³⁾.

Управленіе церковью, какъ оно происходило во второе патріаршество Аѳанасія, не только никого изъ враговъ его не примирило съ нимъ, но еще болѣе раздуло взаимную вражду. Константинопольскіе клирики, по извѣстіямъ Пахимера, стѣснены были патріархомъ въ разныхъ отношеніяхъ до

¹⁾ Pachymeris, lib. V, cap. 7, p. 384.

²⁾ Григоры, кн. VII, гл. 1. Pachymeris, lib. I, cap. 19, p. 55; lib. II, cap. 5, p. 120—121; lib. V, cap. 20, p. 409; lib. VII, cap. 8, p. 579.

³⁾ Pachymeris, lib. V, cap. 2, p. 372.

послѣдней степени. Патріархъ захотѣлъ поставить ихъ на строго-монашескую ногу. Онъ вздумалъ подчинить ихъ тѣмъ-же правиламъ, которыми должны руководиться дѣйствительные монахи. Такъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что клирикамъ прилично соблюдать евангельскія требованія о нестяжательности, патріархъ отнялъ у нихъ церковные доходы, приказавъ имъ выдавать самый скудный годовой окладъ. Въ Софійскомъ храмѣ заведены были какія-то денныя и ночныя службы, такъ-что клирики почти лишены были возможности отдохнуть отъ труда; бѣдность ихъ простиралась такъ далеко, что, возвратившись домой отъ церковныхъ службъ, они, за неимѣніемъ прислуги, сами себѣ должны были готовить скудную пищу. Нѣкоторые изъ клириковъ жаловались, что они дошли до такой бѣдности, что имъ остается одно: ходить по чужимъ домамъ и собирать милостыню, къ униженію своего званія. Значительное число церковныхъ должностей, по приказанію патріарха, занято было монахами. Ропотъ среди Константинопольскихъ клириковъ все увеличивался и увеличивался. Они входили съ своими представленіями относительно тяжести и бѣдственности ихъ положенія и къ патріарху и самому царю, но ихъ жалобы оставались безъ вниманія ¹⁾).

Но не одни Константинопольскіе клирики чувствовали тяжесть суроваго Аѳанасіева режима. Монахи и все вообще византійское общество должны были извѣдать на себѣ строгость патріарха. Между неизданными письмами патріарха Аѳанасія есть одно съ такимъ заглавіемъ: „къ императору—въ которомъ испрашивается, чтобы изданъ былъ эдиктъ, которымъ запрещалось-бы съ субботы на воскресенье и въ воскресенье всѣмъ посѣщать бани и харчевни“ ²⁾). Вѣроятно подъ вліяніемъ этого письма императоръ Андроникъ издалъ въ 1306 году новеллу, въ которой приводится въ исполненіе сейчасъ указанное желаніе патріарха съ присоединеніемъ разнаго рода иныхъ прещеній, какъ кажется, тоже внушенныхъ царю Аѳанасіемъ-же. Приведемъ нѣкоторые опре-

¹⁾ Pachymeris, lib. VII, cap. 35, p. 642—650.

²⁾ Migne, Gr. tom. 142, p. 474.

дѣленія изъ этой новеллы Андроника. Здѣсь говорилось: „праздничные дни и въ особенности воскресные надлежитъ вѣрующимъ проводить не работая, посѣщать въ эти дни храмы Божіи, избѣгать пиршествъ и пьянства; харчевни и бани должны быть закрыты, начиная отъ девятаго часа (вечеромъ въ субботу) до девятаго-же часа (вечеромъ) въ воскресенье; въ теченіе ночей харчевни должны быть закрыты съ заходомъ солнца: ибо виноторговцамъ достаточно дня для упражненія въ ихъ злѣ“. Въ той же новеллѣ всѣ вообще хрістіане призываются помнить страхъ Божій и избѣгать всего того, что возбуждаетъ гнѣвъ Божій. Затѣмъ перечислены болѣе тяжкіе грѣхи, которые оскорбляютъ Бога, и замѣчено, что за эти грѣхи нужно судить по закону безъ всякаго лицепріятія. Новелла не оставляетъ безъ вниманія и монаховъ. О монахахъ здѣсь говорится: „монахи и монахини не должны жить въ городахъ безпорядочно, но сообразно съ законами и канонами. Если же кто изъ нихъ впадетъ въ прегрѣшеніе, и не думаетъ самъ о покаяніи, такихъ противъ воли сажать въ затворъ на хлѣбъ и на воду“ ¹⁾. Нѣкоторые монахи, подъ вліяніемъ строгостей, примѣняемыхъ къ нимъ патріархомъ, чувствуя себя несчастными, побѣжали изъ Константинопольскихъ монастырей и искали себѣ убѣжища у Фреріевъ, латинскихъ монаховъ въ Перѣ ²⁾.

Такимъ образомъ, Аѳанасій во вторичное патріаршество повторилъ свое первое патріаршество ³⁾. Общее неудовольствіе противъ патріарха выразилось въ томъ, что ему стали наносить очень чувствительныя оскорбленія, а такъ какъ императоръ не особенно строго наказывалъ виновниковъ такихъ дѣяній, то патріархъ не счелъ возможнымъ оставаться на каѳедрѣ и удалился на покой ⁴⁾.

¹⁾ Andronici constitutio. Migne, Gr. tom. 161, p. 1065—1066.

²⁾ Pachymeris, VII, cap. 23, p. 616.

³⁾ Между сохранившимися письмами Аѳанасія есть одно, въ которомъ онъ проситъ императора изгнать евреевъ, армянъ и магометанъ изъ тѣхъ городовъ, гдѣ они живутъ совместно съ хрістіанами (въ письмѣ встрѣчается просьба къ императору: *interfice*, но очевидно—это метафора). Написано ли это письмо въ первое или второе патріаршество Аѳанасія—рѣшать не беремся. Migne, Gr. tom. 142, p. 510—511.

⁴⁾ Григоры, кн. VII, гл. 9.

Къ чести патріарха Аѳанасія нужно сказать, что онъ удался отъ дѣлъ съ большимъ спокойствіемъ духа. До насъ сохранилась грамота Аѳанасія, въ которой онъ выражаетъ вторичное отреченіе отъ каѳедры. Какъ не похожа она на духовное завѣщаніе Арсенія, на тѣ рѣчи, съ которыми оставлялъ каѳедру Іоаннъ Созопольскій и др. Она проникнута духомъ примиренія со всѣми и всепрощенія. Онъ молитъ адѣсь, чтобы Богъ ниспослалъ Свою милость архіереямъ, сенату, священникамъ, монахамъ, воинамъ, всѣмъ согражданамъ—бѣднымъ и богатымъ, мужчинамъ и женщинамъ¹⁾. Мы не можемъ отказать Аѳанасію въ величіи души и мужествѣ.

По отреченіи Аѳанасія отъ Константинопольскаго патріаршества, каѳедра почти два года оставалась вакантною. Наконецъ въ патріархи избранъ былъ Кизическій митрополитъ *Нифонтъ* (1313 — 1315 г.), представлявшій собою курьезную личность въ ряду другихъ патріарховъ столицы. Въ немъ было много качествъ совершенно не нужныхъ для патріарха, и ни одного необходимаго для архипастыря. Нифонтъ былъ совершенно необразованъ. Онъ не только не обнаруживалъ знакомства съ наукой свѣтской и духовной, онъ былъ едва грамотенъ; своею рукою онъ не умѣлъ написать буквъ азбуки. Но за то Нифонтъ проявлялъ необыкновенныя хозяйственныя способности. Онъ искусно умѣлъ разводить деревья, ухаживать за виноградниками, производить всякія постройки, и вообще вести этого рода дѣла такъ, чтобы съ каждымъ годомъ „увеличивались его закрома для хлѣба, погреба для вина и кошельки для денегъ“. Онъ любилъ внѣшній блескъ и помпу. Его платье отличалось пышностію, столъ роскошью, онъ холилъ свое тѣло, какъ женщина, заботился о томъ, чтобы не слишкомъ растолстѣть и не испортить цвѣта лица, любилъ разѣзжать на статныхъ, но бѣшеныхъ лошадяхъ. У него была та странность, что онъ охотно занимался женскими рукодѣльями, онъ отдавался этому занятію со страстію, которой

¹⁾ Athanasii. Addicatio secundi patriarchatus. Migne, Gr. tom. 142, p. 491.

онъ не въ силахъ былъ противиться. Такая странность развила въ немъ любовь къ женскому обществу. О Нифонтѣ известно, что онъ бралъ на себя завѣдываніе постройками въ женскихъ монастыряхъ; два побужденія руководили имъ въ этомъ случаѣ — онъ наживался, производя постройки, а главное — находился въ обществѣ женщинъ, по словамъ историка, ради кутежей и пирушекъ съ ними. Судя по тому, что мы о немъ сказали, можно было бы подумать, что имъ былъ дѣло съ очень вѣтреннымъ, но не злымъ человекомъ. Въ дѣйствительности же было не такъ. Нифонтъ былъ человекомъ завистливымъ и ненавистливымъ. Если кто нибудь дѣлался популярнымъ, начиналъ пользоваться уваженіемъ отъ царской семьи, таковой дѣлался жертвой завистливаго патріарха. Онъ начиналъ нашептывать на такого человѣка царю, сплеталъ на него небылицы, вообще поступалъ, по выраженію историка, „какъ ливійская змѣя“ ¹⁾. Нифонтъ не долго патріаршествовалъ. Онъ на соборѣ лишень кathedры, потому что онъ позволялъ себѣ во всевозможныхъ видахъ святотатство и, при своемъ корыстолюбіи, открывалъ такіе источники доходовъ, которые унижали патріаршую кathedру ²⁾. До насъ сохранилось изложеніе соборнаго дѣянія противъ Нифонта (соборъ происходилъ 1315 г., 11 апрѣля); въ этомъ изложеніи собрана такая масса обвиненій въ вышеуказанномъ родѣ, что приходится удивляться, какъ выбрали такого человѣка въ патріархи и какимъ образомъ онъ могъ держаться на патріаршествѣ даже короткое время. На соборѣ открылось, что Нифонтъ представлялъ многія епископскія мѣста вакантными, принося себѣ доходы съ нихъ, или: что онъ сдиралъ золотые и серебряные оклады съ церковныхъ иконъ и бралъ себѣ и пр. ³⁾.

¹⁾ Григоры, кн. VII, гл. 9.

²⁾ Григоры, кн. VII, гл. 11.

³⁾ Соборныя дѣянія противъ Нифонта, очень подробно изложены въ одномъ сочиненіи Никифора Хумна (писателя XIV в.), въ сочиненіи, которое иногда называется такъ: *Querela adversus Niphonem ab episcopis et synodis patriarchatus sui provinciam*. Здѣсь между прочимъ говорится, что, сдирая съ иконъ дорогіе камни, онъ вмѣсто нихъ ставилъ дешовѣнныя; или: такъ какъ патріархъ былъ большой любитель лошадей, то онъ не пренебрегалъ посвящать кого-либо въ священную должность, какъ получить красивую лошадь. Boissonade. *Anecdota Graeca*, vol. V (Paris. 1833), p. 263. 269.

Лишившись патриаршества, Нифонтъ не могъ простить царю Андронику Старшему того, что этотъ не защищалъ его. Онъ всю жизнь злобствовалъ на Андроника. И когда этотъ имѣлъ несчастье лишиться царскаго престола, Нифонтъ выражалъ неистовую радость, утѣшаясь тѣмъ, что есть на свѣтѣ не одни отставные патриархи, а есть и отставные цари. Григора называетъ этого Нифонта: „негоднымъ Нифонтомъ“—имя заслуженное этимъ патриархомъ ¹⁾).

Послѣ патриарха Нифонта Византійская патриаршая кафедра въ теченіе цѣлаго года остается безъ архипастыря. Затѣмъ, въ патриархи избранъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ достойный человѣкъ *Іоаннъ Гликисъ* (1316—1319 г.). Этотъ патриархъ до возведенія въ санъ принадлежалъ къ мірянамъ и занималъ высокое положеніе въ государствѣ. Его мірская служба проходила среди блеска и въ славѣ. Тотчасъ по окончаніи образованія, онъ взятъ былъ во дворецъ и удостоенъ отъ императоровъ (Михаила и Андроника) большихъ почестей. Впослѣдствіи онъ занималъ „сенаторское кресло“ и проходилъ высокую должность логовита дрома (что-то въ родѣ министра почты) ²⁾). Будучи міряниномъ, Гликисъ прославился какъ отличный писатель (онъ написалъ мемуары ³⁾). Онъ былъ избранъ въ патриархи при такихъ семейныхъ обстоятельствахъ, при которыхъ тогда рѣдко избирали на столь почетную духовную должность. Онъ былъ женатъ и имѣлъ сыновей и дочерей. Какъ только Гликисъ избранъ былъ въ патриархи, онъ разстался съ своей женой, которая, по принятому въ такихъ случаяхъ обычаю, приняла иночество ⁴⁾). Умственные и нравственные качества новаго патриарха были очень высоки. Онъ обладалъ рѣдкою и обширною ученостію, какъ по части духовныхъ, такъ и свѣтскихъ наукъ ⁵⁾. Вообще онъ считался человѣкомъ уче-

---

которыя изъ соборныхъ обвиненій противъ Нифонта приведены въ „Лѣтописи церковныхъ событій“ архим. (епископа) Арсенія (стр. 495), но безъ указанія источника, откуда берутся свѣдѣнія.

¹⁾ Григоры, кн. IX, гл. 7.

²⁾ Ibid. кн. VIII, гл. 2.

³⁾ Ibid. кн. VI, гл. 8.

⁴⁾ Ibid. кн. VII, гл. 11.

⁵⁾ Ibid. кн. VI, гл. 8.

нѣйшимъ. Въѣстѣ съ тѣмъ онъ отличался „чистотою жизни и готовностію на все полезное“. Его безкорыстіе было очень велико: когда въ послѣдствіи ему пришлось оставить кафедру, то у него оказалось очень мало денегъ, такъ что деньги его легко и скоро можно было сосчитать — этимъ онъ отличался отъ многихъ своихъ предшественниковъ, которые въ патріаршества скопляли значительные капиталы ¹⁾. При посвященіи Гликиса ему сдѣлана одна весьма существенная уступка. Онъ хотѣлъ, по обычаю, принять монашество, но императоръ Андроникъ удержалъ его отъ этого шага. Гликисъ издавна страдалъ какою-то неизлѣчимою внутреннею болѣзнію, которая по временамъ укладывала его въ постель. А врачи находили, что въ виду его болѣзненности, ему нельзя отказываться отъ мяса; поэтому Гликису позволено было не принимать монашества и не соблюдать монашескихъ правилъ о пищѣ ²⁾).

Сдѣлавшись патріархомъ, Іоаннъ Гликисъ въполнѣ оправдалъ возлагаемыя на него надежды, хотя и не долго правилъ церковію. Какъ человѣкъ ученый, Гликисъ, и будучи патріархомъ, не отказывался дѣлиться своими знаніями съ людьми, желавшими у него учиться. Къ числу его усерднѣйшихъ учениковъ принадлежалъ историкъ Никифоръ Григора. Этотъ историкъ свидѣтельствуетъ: „я имѣлъ удовольствіе быть знакомымъ съ патріархомъ и своимъ знакомствомъ пользовался такъ часто, какъ только могъ; я бывалъ въ свободное у него время и днемъ и ночью, и отъ его разумныхъ рѣчей пріобрѣталъ много пользы“ ³⁾). Патріархъ, значить, оставался другомъ науки.—Его церковно-административная дѣятельность была широка и плодотворна. При немъ Константинопольскій синодъ собирался чаще, чѣмъ при другихъ патріархахъ и число членовъ его было значительно больше, чѣмъ въ другое время, при другихъ патріархахъ ⁴⁾). Гликисъ не довольствовался присут-

¹⁾ Ibid. кн. VIII, гл. 2.

²⁾ Ibid. кн. VII, гл. 11.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Такое заключеніе можно выводить на основаніи изданныхъ Миклошичемъ и Мюллеромъ: „Acta patriarchatus Constantinopolitani“. Это есть главнымъ образомъ собраніе рѣшеній различныхъ дѣлъ, разсматривавшихся

ствіемъ въ синодѣ епископовъ собственнаго Константинопольскаго патріархата, а желалъ, чтобы пріѣхали въ столицу патріархи Александрійскій и Антіохійскій, которыхъ онъ, съ разрѣшенія императора, и вызвалъ къ себѣ — для совмѣстнаго съ ними обсуждения и устройства церковныхъ дѣлъ ¹⁾. Замѣчательно, что въ патріаршество Гликиса не была еще забыта Ліонская унія съ ея послѣдствіями для Востока; такъ, при Гликисѣ встрѣтился такой случай: нѣкоторыхъ священниковъ не хотѣли въ одномъ мѣстѣ признавать законными только потому, что ихъ рукоположеніе совершено при посредствѣ епископа, получившаго этотъ санъ отъ другаго епископа, имѣвшаго отношеніе къ уніи ²⁾.

Вышеуказанная болѣзнь патріарха съ теченіемъ времени усилилась, и онъ долженъ былъ отказаться отъ кathedры. Іоаннъ Гликисъ, принимая патріаршество, по его словамъ, уповалъ, что благодать Божія, даруемая въ архіерействѣ и „недугующая врачующая“ поможетъ ему избавиться отъ его долговременной болѣзни. Но Богу неугодно было явить своего милосердія надъ нимъ, какъ сознается самъ онъ. Болѣзнь его, говоримъ, отъ трудовъ, соединенныхъ съ должностью патріарха, увеличилась. „Какъ пиявка какая—говоритъ патріархъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи—не перестаетъ она высасывать соки изъ моего тѣла и мало-по-малу обѣими, какъ говорятъ, руками переводить мое имущество въ карманъ врачей, какъ будто въ свои кладовыя. Лѣчась, мы,

---

въ синодѣ при патріархахъ XIV вѣка, начиная отъ Гликиса и кончая Матеемъ. Изданіе Миклошича имѣетъ большую научную цѣнность, но не столько для исторіи, сколько—каноническаго права. Историкъ въ разсматриваемомъ собраніи документовъ мало находитъ такихъ, на которыхъ отпечатлѣвается личность извѣстнаго патріарха. Дѣла — болѣею частью мелкія — при данномъ патріархѣ, рѣшаются такъ, какъ они были бы рѣшены и при другихъ патріархахъ. Поэтому, хотя мы и будемъ ниже пользоваться этимъ источникомъ, но не обильно.

¹⁾ Miklosich. Acta patriarchatus Constantin. Tom. I, p. 2. 24.

²⁾ Miklosich. Ibid. p. 37—38. По крайней мѣрѣ въ этомъ смыслѣ мы понимаемъ актъ, здѣсь помѣщенный. Прочіе акты, находящіеся въ изданіи Миклошича и относящіеся ко времени патр. Іоанна Гликиса, касаются очень разнообразныхъ предметовъ: случаевъ изъ брачной практики, насгѣдства, перемѣщенія епископовъ, коштунства священниковъ, воровства, совершеннаго духовными лицами и т. д. Для характеристики же личности патріарха и его дѣятельности эти акты однако не важны.

по пословицѣ, только толкли воду“. Гликисъ нуждался въ покоѣ—и получилъ его ¹⁾).

Іоанна Гликиса на патріаршей кафедрѣ смѣнилъ *Герасимъ*, который правилъ церковію только одинъ годъ (отъ апрѣля 1320 до апрѣля 1321 года) и не былъ ничѣмъ замѣчательнъ ²⁾). По смерти Герасима, Византійская церковь, какъ это не рѣдко случалось, въ продолженіи двухъ лѣтъ и семи мѣсяцевъ остается безъ архипастыря. Преемникомъ Герасима сдѣлался престарѣлый *Исаія* (1323—1333). Исаія обладалъ столь незначительными достоинствами и имѣлъ такъ много недостатковъ, что представляетъ собою весьма нерадостное явленіе въ исторіи Константинопольскихъ патріарховъ. До возведенія на патріаршій престолъ Исаія былъ простымъ монахомъ на Аѳонской горѣ. Образованія у него не было никакого; даже нравственныя качества его представлялись сомнительными, такъ какъ „многіе смѣло и громко обвиняли его во многомъ“. Очевидно, онъ избранъ былъ въ патріархи единственно потому, что надѣялись видѣть въ немъ человѣка, отъ котораго правительство не могло ожидать себѣ сопротивленія ни въ чемъ ³⁾). Но и въ этомъ отношеніи императору Андронику Старшему пришлось вполнѣ-

¹⁾ Григоры, кн. VIII, гл. 2.

²⁾ По словамъ Григоры Герасимъ взятъ былъ на патріаршую кафедру изъ іеромонаховъ Манганскаго монастыря. Это былъ старецъ простой и почти совершенно потерявшій отъ старости чувство слуха. Онъ даже и ногтемъ, по выраженію того-же историка, не касался эллинской учености. За то, по своей необразованности и простотѣ, былъ послушнымъ оружіемъ воли царя. Цари на такое высокое мѣсто, прибавляетъ этотъ историкъ, и выбираютъ такихъ людей, чтобы эти безпрекословно подчинялись ихъ приказаніямъ, какъ рабы, и чтобы не оказывали имъ никакого сопротивленія. (Григоры, кн. VIII, гл. 2 fin.). Повидимому, другого взгляда на этого патріарха держится историкъ Кантакузинъ. Онъ говоритъ: „Герасимъ исполненъ былъ божественной благодати, отличался монашескимъ подвижничествомъ, хотя совершенно неопытенъ былъ въ государственныхъ и общественныхъ дѣлахъ“. (Cantacuzeni. Historiae, lib. I, cap. 14, p. 67. Edit. Bonn.). Но этотъ отзывъ согласенъ въ существѣ дѣла съ отзывомъ Григоры, ибо и этотъ послѣдній не отвергаетъ аскетическихъ достоинствъ и благочестія Герасима и подобно Кантакузину считаетъ неподготовленнымъ къ общественной дѣятельности. Изъ времени патріаршества Герасима извѣстно только то, что онъ въ междоусобной борьбѣ двухъ Андрониковъ: Старшаго и царствующаго, и Младшаго, внука царскаго, помогавшагося престола, держалъ почему-то сторону внука (Григоры, кн. VIII, гл. 6). Объ обстоятельствахъ смерти Герасима можно находить свидѣнія у Григоры (ibid.).

³⁾ Григоры, кн. VIII, гл. 12 (init.).

ствии разочароваться. Подобно патриарху Герасиму, Исаия, въ междоусобной борьбѣ царя Андроника и его внука и наследника Андроника Младшаго, принимаетъ сторону этого послѣдняго, къ великому огорченію императора. Андроникъ Старшій, раздраженный непослушаніемъ и безобразнымъ поведеніемъ своего внука, хотѣлъ запретить въ церквахъ молитвенное возношеніе имени непокорнаго. Патриархъ же не только воспротивился и не позволялъ духовенству слушаться въ этомъ случаѣ царской воли, но даже подвергъ наказаніямъ тѣхъ изъ духовныхъ лицъ, которые считали волю царскую священной. Своѣ распоряженіе, противное намѣреніямъ императора Андроника, патриархъ объявилъ въ церкви съ особенною, необычною торжественностію. Исаия „колокольнымъ звономъ созвавъ великое множество народа, объявилъ отлученіе всякому, кто-бы рѣшился не поминать имени Андроника Младшаго и отказывать ему въ чемъ-бы то ни было, что причисляется царю“, Извѣстіе о такомъ странномъ поступкѣ патриарха глупою потрясло Андроника Старшаго. Онъ говорилъ: „если ужъ учитель мира такъ взбѣсился противъ насъ изъ видовъ корысти, обѣщанной ему моимъ внукомъ и, потерявъ всякій стыдъ и совѣсть, не затруднился сдѣлаться предводителемъ бунтовщиковъ, то кто-же сдержитъ направленное противъ насъ движеніе необузданной черни? Патриархъ сдѣлался нашимъ убійцею“. Часть архіереевъ и прочаго духовенства не послѣдовала примѣру патриарха, не рѣшалась поддерживать сторону императорскаго внука: мало того: эта часть іерарховъ и духовенства собрала соборъ противъ патриарха и провозгласила его и его приверженцевъ отлученными отъ церкви. Самъ императоръ не оставилъ безъ наказанія недостойнаго поведенія Исаи. Онъ приказалъ арестовать патриарха, не налагая впрочемъ на него оковъ, и помѣстить его въ заключеніе въ Манганскомъ монастырѣ ¹⁾).

¹⁾ Григоры, кн. IX, гл. 3. Кантакузинъ (Cantacuzeni. Historiae, I, cap. 44, p. 217—218) въ основныхъ чертахъ сходенъ съ Григоріемъ въ описаніи вышеизложеннаго столкновенія главъ государства и церкви, но только онъ, какъ приверженецъ Андроника Младшаго, старается оправдать упорство патриарха, приказавшаго вопреки царской волѣ, поминать этого Андроника въ церквахъ.

Послѣ этого событія не долго пришлось возсѣдать Андронику Старшему на императорскомъ престолѣ. Внуку низвергъ его и занялъ его мѣсто. Положеніе заточеннаго патріарха тотчасъ-же перемѣнилось на лучшее. Новый императоръ приказалъ патріарху оставить монастырь и торжественно возвратиться на патріаршую кathedру. Какъ понималъ торжественность новый императоръ, привыкшій ко всякимъ безобразіямъ и кутежамъ, это видно изъ слѣдующаго описанія процессіи, съ которою возвратили патріарха на свое патріаршее мѣсто: патріархъ сидѣлъ на одной изъ царскихъ колесницъ съ пурпуровыми украшеніями; его сопровождали не епископы и священники, а лица совсѣмъ другаго сорта: съ веселыми пѣснями шествовали флейтики и флейтицы, танцоры и танцовщицы, причемъ одна изъ флейтицъ, самая красивая, сидѣла на конѣ въ мужской одеждѣ (маскарадъ), ѣхала то впереди воиновъ, то подъѣзжала къ самому патріарху, потѣшая всѣхъ, не исключая патріарха, пошлыми и нескромными шутками¹⁾. Патріархъ былъ слиш-

¹⁾ Григоры, кн. IX, гл. 7.—Лебо не считаетъ заслуживающими серьезнаго вниманія извѣстія Григоры о нравственномъ ничтожествѣ и революціонныхъ замыслахъ Исаіи, онъ говоритъ: „Нужно помнить, что Григора отличается явнымъ пристрастіемъ: всѣ приверженцы Андроника Младшаго въ его глазахъ люди ни на что негодные, злые и безчестные, тогда какъ приверженцы Андроника Старшаго, по его сужденію, лица выше всякой похвалы“. (Lebeau. Histoire du Bas-empire. Tom. 19, p. 358—359). Не споримъ: Григора не безпристрастенъ, но кочевчо не въ такой степени, какъ думаетъ Лебо. Въ особенности Лебо не вѣритъ, что-бы Исаія возвращался на кathedру, сопровождаемый такою странною свитой, о какой говоритъ Григора. Онъ думаетъ, что такой нелѣпой сценѣ не допустилъ-бы новый императоръ, да и Кантакузинъ, другъ новаго царя, воспротивился бы ему, если-бы онъ вздумалъ устроить что-либо подобное. Лебо думаетъ, что истина заключается въ томъ, что въ виду поспѣшности церемоніи устроена была не совсѣмъ такъ, какъ нужно было и что въ ней слишкомъ много дано было мѣста военному элементу (ibid. p. 383—4). Трудно съ точностію сказать, какъ происходило дѣло. Но во всякомъ случаѣ передѣлывать разсказъ Григоры такъ, какъ дѣлаетъ Лебо—нѣтъ оснований. Намъ представляется, что Григора развѣ немножко сгущаетъ краски. Дѣло, вѣроятно, происходило такъ: воцарившись на мѣсто дѣда, Андроникъ пожелалъ возстановить на патріаршествѣ Исаію. Сейчасъ-же и послалъ за патріархомъ. Но такъ какъ Андроникъ Младшій былъ кутяный кутила, то не удивительно, что онъ за патріархомъ и отпраздновалъ своихъ обычныхъ собутыльниковъ, веселыхъ и одѣтыхъ пышно. Патріархъ, съ своей стороны, подъ влияніемъ восторга, что онъ снова глава Византійской церкви, безпрекословно послѣдовалъ царскому приглашенію, поѣхавъ въ столицу, совсѣмъ забывая о той свитѣ, которая, къ его стыду, его сопровождала. Фактъ психологически возможный. Замѣтимъ, что Кантакузинъ.

комъ радъ, что Андроникъ Старшій низверженъ съ престола и мало думалъ о томъ странномъ обществѣ, въ какое онъ теперь попалъ. Историкъ утверждаетъ, что, возвратившись на патриаршество, „Исаія прыгалъ отъ радости и говорилъ рѣчи, обличавшія въ немъ жестокость души и сумасшествіе: „возвеселится праведникъ, когда увидитъ отмщеніе“ (Пс. 57, 11), себя, такимъ образомъ, причислая къ праведникамъ, а низверженіе царя считая Божескимъ отмщеніемъ за него, патриарха ¹⁾. Но этимъ еще не ограничилось торжество патриарха надъ низверженнымъ царемъ. Вѣроятно, по внушенію Исаіи, Андроникъ былъ постриженъ въ монахи — болѣе насильственно, чѣмъ по охотѣ. Исаія принудилъ также Андроника дать подписку, что онъ никогда не будетъ домогаться верховной власти. „Если-же ты не хочешь дать такой подписки, говорилъ патриархъ заставляя старца, то сегодня-же смерть тебѣ“. Тотъ-же патриархъ изобрѣлъ оскорбительную для Андроника формулу, въ какой церковь должна была поминать за богослуженіемъ экс-императора ²⁾. Но и этого всего мало: чтобы сильнѣе досадить павшему вѣнценосцу, Исаія придумалъ различныя наказанія, которымъ и подвергнулъ тѣхъ изъ епископовъ и клириковъ, которые стояли на сторонѣ этого Андроника въ борьбѣ его съ непослушнымъ внукомъ Андроникомъ Младшимъ, сдѣлавшимся теперь императоромъ ³⁾.

О церковной дѣятельности Исаіи сообщаютъ свѣдѣнія, сохранившіеся до насъ акты синодскихъ засѣданій во вре-

---

описывая тоже самое событіе, подозрительно кратко. Онъ говоритъ. „Исаія на конѣ, украшенномъ по царски, прѣхалъ во дворецъ“ (lib. I, cap. 59, p. 305). Повидимому, этотъ историкъ, какъ личный другъ Андроника Младшаго, имѣлъ основанія не пускаться въ подробности...

¹⁾ Григоры, кн. IX, гл. 7.

²⁾ Ibid. гл. 10.

³⁾ Ibid. гл. 7. Кантакузинъ вмѣсто разсказа о тѣхъ эпизодахъ, какими подвергнулъ Исаія вышеуказанныхъ епископовъ и клириковъ, повѣствуетъ о тѣхъ будто-бы униженіяхъ, о томъ пресмыкательствѣ и ползаніи у ногъ патриарха этихъ-же самыхъ духовныхъ лицъ, какими будто-бы эти лица хотѣли умилосердить (и умилосердили) разгнѣваннаго Исаію. Кантакузинъ рисуетъ картину весьма не лестную для чести разсматриваемыхъ лицъ (Cantacuzeni, lib. II, cap. 2, 322). Но едва-ли можно довѣрять въ этомъ случаѣ Кантакузину, который очевидно является апологетомъ Андроника Младшаго и Исаіи и старается чернить сторонниковъ Андроника Старшаго.

мена этого патриарха и нѣкоторые другіе документы. Патриархъ неизвѣстно когда: въ правленіе ли Андроника Старшаго или въ правленіе его преемника—завязываетъ сношенія съ Армянскою церковію и Армянскимъ свѣтскимъ правительствомъ по вопросу о воссоединеніи Армянъ съ церковію ¹⁾. Усилія эти, какъ и раньше, не имѣли успѣха. Этотъ-же патриархъ заботился о томъ, чтобы возвысить матеріально благосостояніе Константинопольской патриаршей церкви. На одномъ засѣданіи синода въ 1324 году, слѣдовательно, въ правленіе Андроника Старшаго, опредѣлено было обложить извѣстнымъ денежнымъ взносомъ (не въ одинаковыхъ размѣрахъ) въ пользу Константинопольской церкви многія митрополіи и архіепископіи ²⁾. Выполнялось ли это опредѣленіе, сказать трудно. Скорѣе, впрочемъ,—нѣтъ, чѣмъ да ³⁾.

Исаія скочался, будучи на патриаршей кафедрѣ, что рѣдко случалось въ тѣ времена, и пользуясь почетомъ со стороны императора Андроника Младшаго.

Послѣдующіе Константинопольскіе патриархи—Іоаннъ Калекасъ, Исидоръ, Каллистъ 1-й и Филофей Коккинъ (1333—1376 гг.) въ нѣкоторомъ смыслѣ составляли собою одну группу, такъ какъ въ дѣятельности каждаго изъ нихъ очень видное мѣсто занимаетъ такое или другое отношеніе ихъ къ возникшимъ и развившимся въ тѣ времена спорамъ, такъ называемыхъ, Варлаамитовъ и Паламитовъ; счастье

¹⁾ Miklosich. Acta patr. Constantin. T. I, p. 158—164.

²⁾ Miklosich. Ibid. p. 126—128. Съ подробностями этого опредѣленія познакомимся ниже.

³⁾ Въ правленіе Исаіи, въ синодѣ разсматривалось нѣсколько другихъ текущихъ дѣлъ, но эта сторона дѣятельности патриарха не представляетъ особеннаго интереса. Вообще акты, изданные Миклошичемъ и Мюллеромъ, могутъ приводить къ не совсѣмъ правильнымъ представленіямъ о дѣятельности патриарховъ, если не принимать въ расчетъ еще показаній историковъ относительно того или другаго патриарха. Такъ по актамъ Миклошича и Мюллера легко поставить личность и дѣятельность Исаіи выше личности и дѣятельности Іоанна Гликиса, такъ какъ въ характерѣ отношеній этихъ патриарховъ къ синодскимъ дѣламъ нѣтъ большой разницы, а между тѣмъ размѣры синодской дѣятельности при Исаіи шире, чѣмъ при Гликисѣ, да и дѣла, рѣшенные при первомъ, важнѣе и могутъ указывать на большую предпримчивость, чѣмъ дѣла, рѣшенные при второмъ патриархѣ. Вообще, упомянутые „акты“ больше полезны для опредѣленія характера всего вѣка, чѣмъ отдѣльныхъ патриарховъ, правившихъ церковь въ это время.

или несчастье, которое выпадало на долю этихъ патриарховъ въ значительной мѣрѣ зависѣло отъ того, куда они склонялись, къ той или другой изъ названныхъ богословскихъ партій.

Іоаннъ Калекасъ (1333—1347 г.). Хотя избраніе этого патриарха произошло въ царствованіе Андроника Младшаго, но своимъ возвышеніемъ на столичную кафедру онъ одолженъ былъ Іоанну Кантакузину (впослѣдствіи императору), который былъ другомъ Андроника и пользовался большимъ вліяніемъ на дѣла церкви и государства. Константинопольскій синодъ, которому принадлежало право назначать кандидатовъ въ патриархи, вовсе не расположенъ былъ возводить въ патриархи Іоанна Калекаса, такъ какъ Іоаннъ былъ священникомъ, имѣвшимъ жену и дѣтей, и притомъ не отличался сколько нибудь серьезнымъ образованіемъ. Но тѣмъ не менѣе Іоаннъ Кантакузинъ, пользуясь своимъ вліяніемъ на дѣла и не пренебрегая даже хитростію и коварствомъ, успѣлъ таки провести на патриаршую кафедру Іоанна Калекаса, который былъ священникомъ при домѣ самого Кантакузина и отъ котораго этотъ послѣдній въ правѣ былъ ожидать послушанія, покорности и повиновенія. Самъ Кантакузинъ, описавшій обстоятельства избранія Іоанна въ патриархи, прямо замѣчаетъ, что безъ его содѣйствія Калекасъ никогда не могъ-бы попасть на патриаршее мѣсто ¹⁾.

Къ неудовольствію Кантакузина, большія старанія его возвести въ патриархи Калекаса не были оцѣнены этимъ послѣднимъ такъ, какъ этого ожидалъ всемогущій царедворецъ. Патриархъ не сдѣлался послушнымъ орудіемъ Кантакузина. Правда, пока царствовалъ Андроникъ Младшій, между патриархомъ и Кантакузиномъ не видно столкновеній; но лишь только Андроникъ сошелъ со сцены, дѣла перемѣнились. Отъ имени малолѣтняго преемника Андроникова Іоанна Палеолога стала править дѣлами въ имперіи его мать Анна, образовавшая вокругъ себя партію, враждебную Кантакузину. Въ числѣ вождей партіи царицы Анны мы

---

¹⁾ Cantacuseri. Historiae, lib. II, cap. 21. Tom. 1, p. 431—435. Главные факты, касающіеся избранія Калекаса, см. выше, стр. 165—6.

видимъ и Калекаса. Онъ заявилъ свои права на участіе въ регенствѣ по случаѣ малолѣтства императора. Это произошло вопреки желаніямъ и планамъ Кантакузина. Этотъ послѣдній не только былъ отстраненъ отъ дѣлъ правленія, но и объявленъ измѣнникомъ государству. Домъ его въ Константинополѣ былъ разрушенъ, имущество его было разграблено: приверженцы его подверглись систематическому преслѣдованію, многіе изъ нихъ были брошены въ тюрьму. Самъ Кантакузинъ находясь въ городѣ Димотихѣ, чрезъ особаго посла попросилъ-было у императрицы Анны объясненія по поводу переворота, но вмѣсто отвѣта онъ получилъ за государственною печатью предписаніе отказаться отъ всѣхъ государственныхъ должностей и вести жизнь частнаго человѣка. Все это произошло по волѣ Іоанна Калекаса, который окончательно объявилъ себя во главѣ регенства ¹⁾. Вотъ какъ мало избранникъ Кантакузина Калекасъ оправдалъ надежды, какія имъ возлагались на патріарха.

Такъ держалъ себя Іоаннъ Калекасъ въ политическомъ отношеніи. Съ небольшою независимостію и самоуправіемъ онъ-же управляетъ и дѣлами церковными. Очень замѣтно, что и въ управленіи дѣлами церкви Калекасъ заботился больше всего о томъ, чтобы не показывать собою приверженца и сторонника Кантакузина. Въ спорахъ Варлаамитовъ и Паламитовъ патріархъ, хотя и не сразу—становится на сторону Варлаамитовъ, по тому побужденію, что противной партіи въ значительной мѣрѣ покровительствовалъ Кантакузинъ. Само собой разумѣется, что патріархъ такъ сталъ поступать только тогда, когда партіи царицы Анны удалось устранить Кантакузина отъ дѣлъ правленія. Въ 1345 году на соборѣ Константинопольскомъ Іоаннъ Калекасъ высказалъ себя въ пользу Варлаама и его ученика Акиндина, осудилъ Паламу митрополита Фессалоникскаго и произнесъ анафему на его приверженцевъ ²⁾.

¹⁾ Флоринскаго. Андроникъ Младшій и Іоаннъ Кантакузинъ: Журн. Минист. Нар. Просв. т. 104 (1879 г.), стр. 220. 224.

²⁾ De Gregorio Palama Graecorum sententiae. Migne, Gr. tom. 150, p. 863—864. Miklosich. Acta patriarchatus Constantinop., t. I, 248—9.

За всё эти поступки патриархъ дорого заплатился. Въ 1347 году Кантакузинъ сдѣлался императоромъ и лишилъ Калекаса патриаршества. Ему вѣнено было въ вину какъ то, что онъ устраивалъ ковы противъ своего благодѣтеля—Кантакузина ¹⁾, такъ и то, что онъ держался стороны Варлаамитовъ, которые большинствомъ епископовъ и духовенства признавались мыслящими неправославно, еретически ²⁾.

Изъ вышеприведенныхъ фактовъ, рисующихъ жизнь Иоанна Калекаса, открывается, что этотъ патриархъ никакъ не можетъ быть причисленъ къ лучшимъ Константинопольскимъ иерархамъ. Но историкъ Григора указываетъ одну такую черту въ архипастырской дѣятельности Калекаса, которая заставляетъ, повидимому, не совсемъ низко цѣнить этого патриарха. Названный историкъ изображаетъ Калекаса, какъ замѣчательнаго знатока церковныхъ и гражданскихъ законовъ, рассказываетъ примѣчательныя вещи объ его громадной памяти, представляетъ его человекомъ учительнымъ, говорившимъ проповѣди такъ свободно, какъ будто онъ читалъ по книгѣ, — человекомъ, у котораго въ проповѣдяхъ мысль и слово находились въ полной гармоніи ³⁾. Но, кажется, самъ-же этотъ историкъ значительно ослабляетъ силу своего свидѣтельства, когда при другомъ случаѣ выражаетъ явное недовѣріе къ ораторскимъ способностямъ патриарха. Такъ тотъ-же Григора, рассказывая о прибытіи въ Константинополь двухъ западныхъ епископовъ для разсужденій съ восточными иерархами о соединеніи церквей, замѣчаетъ, что патриархъ Иоаннъ Калекасъ не рѣшался принять участіе въ диспутѣ съ латинянами, такъ-какъ, по словамъ историка, „онъ не имѣлъ дара слова, развитаго упражненіемъ“ и соглашался играть во время диспута лишь пассивную роль — „молчать и дѣлать важный и глубокомысленный видъ, что будто не стѣдуетъ и спорить съ латинянами“ ⁴⁾. Какое-же изъ двухъ показаній Григоры вѣрнѣе—первое или второе?

¹⁾ Gregorae. Historia Byzantina. Tom. II, lib. XV, cap. 10, p. 784.

²⁾ Cantacuseni. Historiae, tom. III, p. 24. 170.

³⁾ Gregorae. Historia Byzantina, tom. II, p. 813—814.

⁴⁾ Григоры. Византійская Исторія. Томъ 1, кн. X, гл. 8, стр. 497. Рус. пер.

Конечно, вопросъ было-бы не трудно рѣшить, еслибы дошли до насъ сочиненія Іоанна Калекаса, по которымъ мы могли-бы судить о степени его краснорѣчія и знанія „божественныхъ законовъ“ патріархомъ. Но въ этомъ отношеніи мы не обладаемъ богатствомъ матеріаловъ. Хотя издатели византійской литературы и свидѣлствуютъ, что въ рукописяхъ существуетъ большое количество проповѣдей Калекаса на воскресные и разные праздничные дни (№№ 60)¹⁾, но въ печати извѣстно только двѣ проповѣди Калекаса: „на воскресеніе предъ Воздвиженіемъ честнаго креста“²⁾, и „На третье воскресеніе Великаго поста“³⁾. Судить по этимъ двумъ проповѣдямъ объ ораторскомъ талантѣ Калекаса трудно, тѣмъ болѣе, что послѣдняя изъ поименованныхъ проповѣдей нѣкоторыми издателями усвоится другому патріарху⁴⁾. Во всякомъ случаѣ похваламъ Григоры по отношенію къ Калекасу едва-ли можно довѣрять, такъ какъ патріархъ былъ врагомъ Паламитовъ, а врагамъ Паламитовъ Григоря слишкомъ симпатизировалъ.

Патріархъ *Исидоръ* (1347—1349 г.). Этотъ патріархъ былъ избранъ подъ вліяніемъ Кантакузина, бывшаго въ это время императоромъ, и Паламитовъ и показывалъ себя ревностнымъ слугою царя и приверженцевъ Паламы.

Относительно умственныхъ и нравственныхъ качествъ Исидора нельзя составить рѣшительнаго понятія. Враги его ставили ему въ упрекъ, что онъ, прежде посвященія въ епископы, проводилъ жизнь свѣтскую, чуждался монастырскаго уединенія, называютъ его „педагогомъ“ и „дѣтскимъ учителемъ гимнастики“⁴⁾. Изъ этого можно заключать, что онъ былъ болѣе или менѣе образованъ, ибо „педагогомъ“ могъ быть только человѣкъ не чуждый науки. Что касается нравственнаго его образа, то сужденія современниковъ были въ этомъ отношеніи очень различны. Іоаннъ Кантакузинъ очень хвалитъ Исидора, называетъ его „мужемъ добрыхъ

¹⁾ Migne. Graec, ser., tom. 150, p. 249—252.

²⁾ Ibidem, p. 253 et cet., 263 et. cet.

³⁾ Филовею, одному изъ преемниковъ Калекаса. Ibid., p. 263 (annot.).

⁴⁾ De Gregorio Palama. Ex Allatii opere: De perpetua consensione. Migne. Gr. tom. 150, p. 881. Cuperi: Ad historiam patriarch. Constantin. cap. 119, p. 178.

правовъ, кроткимъ, исполненнымъ святости“ (и даже не чуждымъ религіозныхъ знаній) ¹⁾. Совершенно иначе отзывались объ Исидорѣ другіе современники. Историкъ Григора не находитъ у него никакихъ нравственныхъ понятій и не обинуясь сравниваетъ его съ „свиньей, привыкшей барахтаться въ грязи“ ²⁾. Епископы Константинопольскаго патріархата, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которые были недовольны избраніемъ Исидора въ патріархи, изображаютъ нравственный характеръ его въ чертахъ самыхъ непривлекательныхъ. Они называли патріарха „глупѣйшимъ, безумнымъ, легкомысленнымъ, не умѣвшимъ какъ должно обращаться съ другими, совершенно не умѣвшимъ отличить дурное отъ хорошаго“. Кромѣ этой общей характеристики, тѣ-же епископы прямо возводили на Исидора разнаго рода обвиненія, направленные къ очерненію его личности. Они разглашали, что онъ не соблюдаетъ постовъ, что будто когда-то онъ похитилъ драгоценныя украшенія съ иконъ, а сосуды церковныя серебряныя передѣлалъ для домашняго употребленія; укоряли его и за то, что онъ позволялъ себѣ ходить въ баню въ теченіе страстной недѣли ³⁾. Такіе-то противоположные отзывы дѣлаются о нравственномъ характерѣ Исидора. Но историкъ не въ правѣ становиться ни на сторонѣ панегиристовъ, ни на сторонѣ хулителей нравственнаго образа патріарха. Похвалы слышатся отъ лицъ слишкомъ благорасположенныхъ къ патріарху (отъ Кантакузина), а хулы отъ явныхъ враговъ Исидора. Намъ кажется, что нельзя довѣрять ни тѣмъ ни другимъ изъ сейчасъ приведенныхъ отзывовъ, безъ должной критики ихъ. Если Кантакузинъ называетъ Исидора, между прочимъ, человекомъ кроткимъ, то это не подтверждается исторіею дѣятельности Исидора, если же, съ другой стороны, порицатели патріарха приписываютъ ему такія вещи, какъ несоблюденіе постовъ, святотатство, то такія обвиненія слѣдуетъ отрицать, ибо Паламиты, подъ вліяніемъ которыхъ

¹⁾ Cantacuseri. Tom. III, lib. IV, cap. 3, p. 25—26.

²⁾ Gregorae. Hist. Byz. Tom. II, lib. XV, cap. 12, p. 792.

³⁾ De Gregorio Palama. Ex Allatii opere: De perpetua consensione. Migne, Gr. tom. 150, p. 881—882. Superi, cap. 119, p. 178.

происходило избраніе Исидора въ патриархи и которые отличались строго-аскетическимъ идеаломъ, не допустили-бы возвести въ патриархи столь зазорное лице. Выдѣлить истинное отъ неистиннаго, преувеличенное отъ дѣйствительнаго въ указанныхъ характеристикахъ едва-ли возможно. По всей вѣроятности Исидоръ представлялъ собою типъ патриарха не высокихъ достоинствъ, но безъ сомнѣнія ему не слѣдуетъ приписывать такого вольнодумства и такого нарушенія нравственныхъ требованій, какія приписываютъ ему враги. Лучше всего удовлетвориться той характеристикой нравственной личности патриарха Исидора, какая слѣдуетъ изъ наблюденій надъ его дѣятельностью, поскольку она извѣстна въ исторіи.

Какъ избранный въ патриархи подъ вліяніемъ Кантакузина и сторонниковъ Паламы, Исидоръ былъ послушнымъ орудіемъ императора и Паламитовъ; это составляетъ самую характеристическую черту въ его дѣятельности ¹⁾. Первымъ дѣломъ патриархъ торжественно разрѣшилъ Кантакузину отъ анаемы, наложенной на него предшествующимъ патриархомъ въ пылу политической борьбы ²⁾. Затѣмъ онъ короновалъ его императорскою короною въ Константинополѣ ³⁾, не смотря на то, что дѣйствительный императоръ Іоаннъ Палеологъ былъ живъ и здоровъ и не вступалъ въ управленіе царствомъ частію по молодости лѣтъ, частію по причинѣ безконечныхъ политическихъ смутъ. — Столь-же услужливымъ являлся патриархъ и по отношенію къ Паламитамъ. Такъ какъ избраніе его произошло подъ ихъ вліяніемъ, то противоположная партія отшатнулась отъ патриарха. При такихъ обстоятельствахъ, не задумываясь много, Исидоръ по наущенію партіи его избравшей, подвергъ различнымъ наказаніямъ своихъ противниковъ — епископовъ: одни изъ нихъ лишены были достоинства, другіе принадлежащаго имъ имущества. ⁴⁾; нѣкоторыхъ изъ нихъ даже сажали въ тюрьму

¹⁾ Cantacuseni. Tom. III, lib. IV, cap. 3, p. 25—27. Gregorae. Hist. Byzant. Tom. II, lib. XV, cap. 11, p. 786.

²⁾ Cantacuseni. Ibidem.

³⁾ Cantacuseni. Ibid. cap. 4, p. 29.

⁴⁾ Gregorae. Ibid.

и предавали мученіямъ ¹⁾. Такихъ, такъ или иначе наказанныхъ, епископовъ и священниковъ было очень много; мѣста и должности ихъ патріархъ замѣстилъ другими лицами ²⁾, конечно Паламитскаго лагеря. Все это не могло не возбуждать громкихъ жалобъ на патріарха.

Иногда угодливость патріарха Исидора въ отношеніи къ лицамъ, отъ которыхъ зависѣло возвышеніе его на каѳедру, простиралась такъ далеко, что сами его покровители должны были сдерживать его неумѣренную ревность. Такъ, желая сдѣлать угодное Паламитамъ, Исидоръ сочинялъ какія-то церковныя пѣсни, приноровляя ихъ къ понятіямъ Паламитовъ по вопросамъ богословскимъ, вводилъ эти свои пѣсни въ церковную практику взамѣнъ издревле употреблявшихся при богослуженіи. Но составленныя Исидоромъ пѣсни (или каноны) своимъ содержаніемъ возбуждали неудовольствіе даже у его сторонниковъ: въ нихъ раскрывалось ученіе Паламитовъ не безъ крайностей, на что указывали враги ихъ; кончилось тѣмъ, что самъ Кантакюзинъ приказалъ Исидору уничтожить, написанныя имъ, церковныя пѣсни ³⁾. Столь-же далеко простиралась угодливость патріарха и по отношенію къ самому императору Кантакюзину. Исидоръ, подобно нѣкоторымъ изъ Паламитовъ, считалъ себя прозорливцемъ, способнымъ предугадывать будущее. Считая себя такимъ, Исидоръ началъ предсказывать Кантакюзину блестящую побѣду въ борьбѣ съ Генуезцами. Но военнаго успѣха не послѣдовало. Возникъ народный ропотъ. Патріархъ очутился въ очень неловкомъ положеніи, впалъ въ иппохондрію, заболѣлъ и вскорѣ затѣмъ умеръ ⁴⁾.

Преемникомъ Исидора въ патріаршествѣ былъ *Каллистъ* I-й. Онъ дважды восходилъ на патріаршую Константинопольскую каѳедру (1350—1354 г. и 1355—1362 г.). Избраніе Каллиста въ патріархи произошло при тѣхъ-же условіяхъ, какъ и избраніе на ту-же каѳедру Исидора. Паламиты, пользуясь вліяніемъ на императора Іоанна Кантакюзина, всячески ста-

¹⁾ De Gregorio Palama. Migne, tom. 150, p. 882.

²⁾ Gregorae. Hist. Byzant. Tom. II, lib. XV, cap. 12, p. 793.

³⁾ Gregorae. Tom. II, lib. XVI, cap. 5, p. 827—828.

⁴⁾ Gregorae. ibid. lib. XVIII, cap. I, pag. 870—871.

рались о томъ, чтобы патріаршее достоинство предоставлено было лицу, имъ сочувствующему. Они указали императору нѣсколько кандидатовъ въ патріархи, на которыхъ они могли возлагать благопріятныя надежды; изъ числа этихъ кандидатовъ императоръ избралъ Каллиста, Аеонскаго монаха. Это былъ человекъ суровый и строгій, лишенный научнаго образованія. Его главное достоинство состояло въ томъ, что онъ былъ приверженецъ Паламитовъ ¹⁾. Если вѣрить историку Григорѣ, который былъ недругомъ Паламитовъ и который довольно подробно изображаетъ дѣятельность этого патріарха, Каллистъ налагалъ свою тяжелую руку на многихъ лицъ въ Византіи, отличавшихся нерасположеніемъ къ монашеской партіи Паламитовъ и склонявшихся на сторону Варлаамитовъ; онъ сажалъ ихъ въ мрачныя тюрьмы, гдѣ они претерпѣвали голодъ и другія злострданія. Если эти заключенники умирали въ тюрьмѣ, то они лишались пристойнаго ихъ общественному положенію погребенія, и если кто, вопреки распоряженіямъ патріарха, погребалъ ихъ съ честію, такихъ опять таки наказывали заключеніемъ въ тюрьму. Даже лица, которыя относились равнодушно къ партіи Паламитовъ, держались нейтральнаго положенія, и тѣ навлекали на себя гнѣвъ патріарха за свое несочувствіе партіи, которой держался самъ Каллистъ ²⁾. Конечно, не оставались безъ должнаго возмездія и епископы, которые не сочувствовали возведенію Каллиста на патріаршую кафедру и вообще сторонились Паламитовъ. Между недовольными патріархомъ епископами и самимъ Каллистомъ происходятъ споры и борьба, которые возмущаютъ миръ церкви. Нѣкоторые изъ вышеуказанныхъ епископовъ отложились отъ общенія съ патріархомъ, обвиняя его въ ереси мессалианской, какъ они претолковывали приверженность Каллиста, къ Паламитамъ. Конечно патріархъ старался оправдать себя отъ обвиненія въ ереси, но епископы не придавали значенія оправданіямъ патріарха. Въ свою очередь Каллистъ обвинялъ своихъ обвинителей въ различныхъ тая-

¹⁾ Gregorae, *ibid.* p. 871. Разсказъ Кантакузина объ избраніи Каллиста не даетъ никакихъ особенныхъ подробностей. Cantacuzeni. Tom. III, p. 106.

²⁾ Gregorae. Tom. II, lib. XVIII, cap. 1, p. 873—874.

жихъ преступленіяхъ; однихъ онъ обвинялъ въ ограбленіи гробницъ, другихъ въ блудодѣяніи, однихъ въ симоніи, выражавшейся въ томъ, что духовныя мѣста за деньги доставлялись лицамъ недостойнымъ, другихъ въ приверженности къ богомилскому лжеученію, вообще патріархъ не скупился на черныя краски, какими онъ въ глазахъ общества изображалъ своихъ враговъ. Соблазнъ настолько увеличился, что самъ императоръ долженъ былъ убѣждать какъ патріарха, такъ и епископовъ, чтобы они прекратили взаимныя укоризны, волновавшія общественное мнѣніе ¹⁾. Въ это время не мало несчастій выпало на долю Никифора Григоры, который не показывалъ расположенія патріарху и его воззрѣніямъ, объявлялъ распространеніе Паламитскихъ идей несчастіемъ для церкви. Этотъ историкъ за свою неуступчивость торжествующей партіи былъ посаженъ, какъ въ тюрьму, въ одинъ монастырь, гдѣ ему пришлось перенести немало непріятностей отъ монаховъ, не склонныхъ раздѣлять воззрѣнія Григоры ²⁾.

Правленіе Каллиста въ царствованіе Кантакузина ознаменовалось, какъ указано выше, сильнымъ преслѣдованіемъ епископовъ, не державшихся Паламитской стороны. Григора находитъ, что споспѣшники Каллиста, по духу преслѣдованія своихъ враговъ, напоминали императора Юліана и другихъ лицъ ему подобныхъ. По свидѣтельству того-же Григоры на мѣста низверженныхъ епископовъ поставлены были люди невѣжественные и сомнительной нравственности; отъ нихъ требовалось одно, чтобы они объявили себя сторонниками Паламы ³⁾.

Не смотря на близкія и дружественныя отношенія, связывавшія Каллиста съ Кантакузиномъ, патріархъ долженъ былъ оставить каеедру, вслѣдствіе неудовольствія на него этого послѣдняго. Вѣнчавшись самъ императорскою короною въ столицѣ, Кантакузинъ захотѣлъ вѣнчать ею и сына своего Матеія и такимъ образомъ окончательно устранить отъ престола законнаго наслѣдника Византійской короны — Іоанна

¹⁾ Ibidem, p. 876.

²⁾ Ibid. lib. XXII, cap. 2, p. 1044—1045.

³⁾ Gregorae. Ibid. lib. XVIII, cap. 3, p. 883—884.

Палеолога. Но патриархъ не разсудилъ исполнить желаніе Кантакузина. Императоръ чрезъ одного довѣреннаго ему епископа заявилъ патриарху: „если ты упорствуешь, то мы выберемъ другого патриарха“ ¹⁾. И Каллисть былъ низверженъ ²⁾.

Паденіе Кантакузина и восшествіе на Византійскій престолъ Іоанна Палеолога, законнаго преемника царской власти, благопріятно отозвалось на судьбѣ Каллиста. Каллисть снова возвращается къ управленію Константинопольской церковью, но объ его управленіи церковью, во второе патриаршество его мы мало знаемъ ³⁾. Каллисть скончался, будучи патриархомъ, въ 1362 году ⁴⁾.

¹⁾ Cantacuseni. Tom. III, lib. VI, cap. 37, p. 271—272.

²⁾ Въ одномъ изъ нашихъ духовныхъ журналовъ („Прав. Обзоръ“) напечатана о. архимандр. (теперь епископъ) Арсеніемъ статья, подъ заглавіемъ: „Очеркъ жизни и дѣятельности Каллиста, патр. Константинопольскаго“ (1875, т. I, стр. 917 и дал.). Авторъ, принимая исходнымъ началомъ для своихъ сужденій нѣсколько замѣчаній Кантакузина, благопріятныхъ для Каллиста, изображаетъ этого патриарха, какъ личность вполне достойную своего призванія. Но такое изображеніе Каллиста возбуждаетъ недоумѣнія: во 1-хъ, почему авторъ не даетъ никакого значенія свидѣтельствамъ Григоры, почему не подвергаетъ ихъ критикѣ, что мы были-бы вправѣ ожидать отъ автора? во 2-хъ, страннымъ представляется и то, что авторъ вполне соглашается съ отзывомъ Кантакузина о Каллестѣ, а между тѣмъ самого Кантакузина описываетъ какъ человѣка вѣроломнаго, лишь способнаго прилагать беззаконія къ беззаконіямъ; спрашивается: можно-ли вѣрить свидѣтельству Кантакузина, когда онъ, по автору, былъ человѣкомъ во всѣхъ отношеніяхъ не надежнымъ? Очень возможно, что Григоря преувеличилъ недостатки Каллиста, описалъ его въ чертахъ слишкомъ мрачныхъ, но все-же не вѣрить Григорю, какъ дѣлаетъ авторъ, нѣтъ основаній. Если нѣтъ основаній отвергать показаній Григоря о патриархѣ Исидорѣ, то почему мы будемъ отвергать свидѣтельства этого-же историка о Каллестѣ?

³⁾ Онъ сурово и строго поступалъ съ тѣми епископами, которыми онъ былъ недоволенъ по случаю поставленія на его мѣсто Филоея (Gregogae. Hist. Byz., tom. III, lib. XXIX, p. 249). Григоря рассказываетъ еще странный фактъ симоніи Каллиста, по дѣламъ Русской церкви (ibid., lib. 36, p. 520).

⁴⁾ Перечень немногочисленныхъ сочиненій Каллиста (отчасти свидѣтельствующихъ, что этотъ патриархъ не былъ такъ невѣжественъ, какъ представляетъ Григоря, см. выше) сдѣланъ архимандр. Арсеніемъ въ прежде упомянутой статьѣ (стр. 944). Къ сказанному авторомъ можно присовокупить только слѣдующее: при изчисленіи сочиненій Каллиста арх. Арсеній пропустилъ небольшое сочиненіе его въ видѣ внушеній о молитвѣ. — Кажется, — монахамъ (Отпечатано въ 147 греческомъ томѣ Мина. Переведено въ „Христ. Чт.“, 1832 г., т. 47). Въ 1890 г. полъ неопредѣленнымъ заглавіемъ: „Каллисть патриархъ и сподвижникъ его Игнатій“ появилось въ печати сочиненіе этихъ двухъ лицъ: „Наставленіе безмолствующимъ въ

Патріархъ *Филоеѣ Коккинъ*, подобно *Каллисту* то-же два раза восходилъ на Византійскую архипастырскую кафедру (1354 — 1355 и 1362 — 1376). Онъ сначала былъ Аѳонскимъ монахомъ, а затѣмъ проходилъ должность митрополита Ираклійскаго, откуда и взятъ былъ на патріаршую кафедру. Онъ избранъ былъ на мѣсто *Каллиста*, отказавшагося короновать *Кантакузинова сына, Матеія*. *Филоеѣ* возведенъ былъ на высокое мѣсто архипастыря столицы подъ условіемъ, что онъ сдѣлаетъ для *Кантакузина* то, чего не хотѣлъ сдѣлать *Каллистъ*—короновать *Матеія*. Коронація *Матеія* и была первымъ дѣломъ въ патріаршей практикѣ этого іерарха ¹⁾. *Кантакузинъ*, описывая, впрочемъ кратко, въ своей исторіи личность *Филоеѣ*, расточаетъ ему всякія хвалы. Онъ называетъ его мужемъ святой жизни и приписываетъ ему замѣчательное краснорѣчіе и ученость какъ въ свѣтскихъ, такъ и богословскихъ наукахъ. Онъ находитъ, что *Филоеѣ* своею жизнію и ученіемъ свѣтилъ людямъ подобно свѣтильнику на свѣщницѣ; по словамъ *Кантакузина*, *Филоеѣ* успѣшно наставлялъ пасомыхъ въ вѣрѣ и благочестіи. Церковію управлялъ онъ, по тому-же свидѣтельству, прекрасно. *Кантакузинъ* въ доказательство пастырской доблести *Филоеѣ* рассказываетъ одинъ примѣчательный случай изъ жизни архипастыря, впрочемъ изъ того времени, когда онъ былъ митрополитомъ Ираклійскимъ ²⁾. Первое патріаршество *Филоеѣ* продолжалось

сотнѣ главъ“ (Москва. 1890). Но произведеніе это не носитъ слѣда талантности.

¹⁾ Cantacuseni. Tom. III, lib. IV, cap. 38, p. 374—375.

²⁾ Cantacuseni. Tom. III, lib. IV, cap. 16, p. 107; cap. 29, p. 217—218; cap. 32, p. 239; cap. 50, p. 363. Куперъ считаетъ (р. 180) подозрительными тѣ похвалы, какія расточаетъ *Кантакузинъ* *Филоеѣ*, подозрительными, указывая на то, что императоръ прославляетъ всѣхъ патріарховъ, крѣпко державшихся Паламитской стороны, а такимъ и былъ *Филоеѣ*. Но подозрѣнія Купера, выраженные въ такой недоказательной формѣ, не могутъ заслуживать большого вниманія. Слѣдуетъ однако замѣтить, что о нравственномъ характерѣ и пастырской дѣятельности *Филоеѣ* мы не можемъ составить точнаго понятія, такъ какъ мы лишены возможности чѣмъ либо провѣрить показанія *Кантакузина*, историка не безпристрастнаго (извѣстія же Григоры очень бѣдны по содержанію). Что же касается образованности *Филоеѣ*, то сохранившіяся до насъ сочиненія этого патріарха даютъ возможность составлять благоприятное сужденіе въ этомъ отношеніи. Въ недавнее время Арсеніемъ, еписк. Кирилоскимъ, издано на основаніи рукописи въ первый разъ одно изъ сочиненій *Филоеѣ*, подъ заглавіемъ:

короткое время. Въ 1355 году Іоаннъ Кантакузинъ палъ и долженъ былъ уступить престолъ Іоанну Палеологу. Это событіе устратило Филоея. Онъ боялся мщенія со стороны новаго императора, такъ какъ полагалъ, что Іоаннъ Палеологъ не проститъ ему коронаціи Матея. Въ виду этого опасенія, Филоей тотчасъ по возшествіи Іоанна Палеолога на престолъ, покинулъ патріаршую кафедру и скрылся ¹⁾. Но какъ оказалось впоследствии, Палеологъ не имѣлъ въ виду мстить и наказывать Филоея за его излишнюю угодливость Кантакузину. Это ясное всего открылось изъ того, что когда скончался Каллистъ, вторично возведенный въ патріархи по случаю произвольнаго бѣгства Филоея, императоръ призвалъ къ управленію церковію этого послѣдняго, вступивъ съ нимъ въ дружественныя сношенія еще ранѣе этого событія ²⁾. Изъ времени второго патріаршествованія Филоея заслуживаетъ вниманія его дѣятельность въ борьбѣ съ Варлаамитами. Какъ человѣкъ болѣе образованный и ученый, онъ старался дѣйствовать на этихъ отщепенцевъ силою доводовъ и убѣжденія и поэтому въ значительной мѣрѣ умиротворилъ Византійскую церковь ³⁾. Филоей извѣстенъ также тѣмъ, что онъ причтилъ къ лику святыхъ Паламу—митрополита Фессалоникійскаго, главу Паламитовъ и сочинилъ въ честь новоканонизованнаго святаго службу ⁴⁾. Вотъ краткія свѣдѣнія о Филоеѣ, какими располагаетъ церковный историкъ ⁵⁾.

„Три рчи къ епископу Игнатію съ объясненіемъ изрѣченія притчей: премудрость созда себѣ домъ.“ Греческій текстъ и переводъ (стр. 1 — 140). Новгор., 1898. Оно свидѣтельствуетъ о обширной богословской эрудиціи патріарха.

¹⁾ Cantacuseni. Ibid. cap. 40, p. 291.

²⁾ Cantacuseni. Ibid. cap. 50, p. 363.

³⁾ Недѣтвскаго. Варлаамитская ересь. Труды Киев. Д. А. 1871 г. т. I, 352.

⁴⁾ Superi (на основаніи Аллія) Ad histor patriarch., p. 181.

⁵⁾ Сообщимъ свѣдѣнія о литературной дѣятельности Филоея, которыхъ онъ также извѣстенъ. Въ 154 греческомъ томѣ Миня отпечатано нѣсколько сочиненій этого патріарха, хотя замѣчательныхъ между ними нѣтъ. Вотъ эти сочиненія: 1) Слово на Воздвиженіе Животворящаго Креста. 2) О заповѣдяхъ (De mandatis) Христа; здѣсь рѣчь идетъ, впрочемъ, не о заповѣдяхъ блаженства, а вообще о различныхъ наставленіяхъ Христа нравственнаго характера. 3) Ordo sacri ministerii—это уставъ, какъ служить всеносное бдѣніе. 4) Похвала тремъ Святителямъ—длинное слово. Затѣмъ въ 151 томѣ Миня отпечатано сочиненіе Филоея 5) Противъ Никифора Григоры, XII-го

Обозрѣвъ группу патріарховъ отъ Іоанна Калекаса и до Филоея включительно, на основаніи историческихъ извѣстій до насъ дошедшихъ, въ дополненіе къ этому обзору присоединимъ нѣкоторыя свѣдѣнія касательно этой-же группы патріарховъ, находимыя въ собраніи документовъ, извѣстныхъ подъ именемъ „Acta patriarchatus Constantinopolitani“ (изд. Миклошича и Мюллера). Не считаемъ нужнымъ долго останавливаться на этомъ собраніи документовъ, по причинамъ—о которыхъ нами было уже говорено прежде; извлекаемъ изъ этого собранія лишь нѣкоторыя свѣдѣнія, которыя могутъ давать возможность судить о характерѣ дѣятельности вышеуказанныхъ патріарховъ. Такъ какъ свѣдѣнія, какія мы извлекаемъ изъ „Актъ Константинопольскаго патріархата“, въ существѣ дѣла больше характеризуютъ самое время и духъ того времени, чѣмъ личности жившихъ тогда патріарховъ, то мы находимъ болѣе удобнымъ изложить эти свѣдѣнія въ систематическомъ, а не хронологическомъ порядкѣ.

Въ сословіе духовенства Константинопольскаго патріархата вкралось много недостатковъ, которые мѣшали ему благотворно вліять на пасомыхъ; лица духовныя принимали участіе въ дракахъ, смутахъ, бражничали съ мірянами, бродили, гдѣ случилось, занимались торговлею, къ униженію своего достоинства. Поэтому въ 1350 году при патріархѣ Каллистѣ найдено было нужнымъ учредить должность экзарховъ или благочинныхъ (*visitatores*), которые высшею духовною властію избирались изъ священниковъ и которымъ порученъ былъ надзоръ за прочимъ духовенствомъ ¹⁾. Въ чемъ именно заключались обязанности этихъ экзарховъ или благочинныхъ, это не разъ объясняемо было Константи-

---

книгъ (антипретрики); авторъ держится въ сферѣ представленій, около которыхъ вращались споры Паламитовъ и Варлаамитовъ — разсуждаетъ о различіи божественной сущности и энергіи, ихъ единеніи, о божественной силѣ, которою Богъ обладаетъ *φωκός*, о божественной естественной энергіи, что она не создана и т. д. Въ томъ же томѣ Мнѣя напечатано длиннѣйшее 6) Похвальное слово иже во святыхъ отцу нашему Григорію Паламѣ, съ исторіею нѣкоторыхъ его чудесъ (р. 531 — 656). Очевидно, слово произнесено по кончинѣ Паламы. Тому же Филоею приписываются и еще нѣкоторыя сочиненія.

¹⁾ Miklosich et Müller. Acta patr. Constant. Tom. I, p. 306—308.

нопольскимъ синодомъ при посредствѣ патріарха ¹⁾). Поставляемые въ эту должность, лица духовныя давали собственноручныя подписки, что они будутъ исполнять свои обязанности со всѣмъ тщаніемъ подѣ опасеніемъ наказаній. Обращено было вниманіе на составъ духовниковъ для народа. Въ Греціи и до настоящаго времени духовниками считаются не всѣ священники, а только тѣ изъ нихъ, которые своею духовною опытностію и благоповеденіемъ выделяются изъ ряда прочихъ, и которые поэтому духовными властями утверждаются въ званіи духовниковъ. До времени патріарха Каллиста, какъ можно догадываться, духовниками назначались лучшіе изъ лицъ бѣлаго духовенства. Но съ теченіемъ времени бѣльцы-священники, проходившіе должность духовниковъ, перестали оправдывать тѣ надежды, какія на нихъ возлагало духовное начальство. Названный патріархъ Каллистъ передаетъ должность духовника лицамъ монашескаго чина. Имъ вмѣнено было въ обязанность проходить это служеніе съ самоотреченіемъ и благоговѣніемъ, они должны были являться дѣлателями добродѣтели, быть чуждыми корысти и вообще они не должны были руководствоваться какими либо посторонними соображеніями, кромѣ служенія правотѣ. Въ случаѣ, если кто изъ нихъ не оправдаетъ благихъ ожиданій, такому угрожаемо было лишеніемъ церковнаго погребенія ²⁾). Въ документѣ не указано, почему бѣлые священники лишены были правъ очищать совѣсть людскую, т. е. въ какихъ отношеніяхъ они показали себя недостойными такой чести. Возможно думать, что Каллистъ распорядился такъ потому, что самъ онъ вышелъ изъ среды монаховъ, въ своей дѣятельности опирался на это сословіе, и естественно пожелалъ доставить какія-либо преимущества чернецамъ предъ бѣльцами.

Въ виду упадка народной нравственности и распространенія суевѣрій среди общества, духовная власть обращаетъ вниманіе на нравственныя и религіозныя потребности общества. Одинъ изъ патріарховъ обозрѣваемой группы Іоаннъ

¹⁾ Ibid. p. 318—320.

²⁾ Ibid. p. 308—309. 309—312.

Калекасъ пишетъ для Константинопольскаго духовенства инструкцію, которою оно должно было пользоваться въ борьбѣ съ нравственными безпорядками въ народѣ, причемъ указываетъ на борьбу съ волшебствомъ и магіей, какъ на одну изъ необходимѣйшихъ задачъ въ дѣятельности духовенства. Патріархъ указываетъ народу, что за его грѣхи Богъ оставитъ его и предастъ въ руки враговъ. Тотъ-же патріархъ отъ имени Константинопольскаго собора просилъ двухъ видныхъ представителей Константинопольской администраціи какого-то царскаго родственника Георгія Хумна и великаго друнгарія Димитрія Торника содѣйствовать Константинопольскому духовенству при исполненіи его задачъ по части исправленія нравовъ общества ¹⁾. Многіе внушительные примѣры, занесенные на страницы „Актовъ Константинопольскаго патріархата“, ясно показываютъ, что заботы патріарховъ разсматриваемаго времени объ исправленіи нравовъ и укрѣпленіи религіозности представляли собою насущную потребность. Такъ проступки противъ законовъ цѣломудрія встрѣчаемъ въ это время не только между мірянами, но и духовными вождями общества. Лишаемы были должности и сана за нарушеніе цѣломудрія епископы (наприм. митрополитъ Филиппопольскій), іеромонахи и монахи ²⁾. Что-же касается суевѣрной привязанности къ волшебству и магіи, то въ Константинопольскомъ синодѣ по этому поводу иногда разбирались очень сложные и соблазнительные процессы ³⁾. Въ одномъ изъ такихъ процессовъ замѣшаны были монахи и монахини, при чемъ эти лица не стыдились прибѣгать къ магическимъ средствамъ для сокрытія послѣдствій незаконныхъ связей между ними ⁴⁾.

Видна заботливость патріарховъ изучаемой нами группы и о сохраненіи чистоты вѣры между христіанами. Въ особенности причиняло безпокойство архипастырямъ распространеніе въ обществѣ сочиненій еретика Варлаама. Іоаннъ

¹⁾ Miklosich et Müller. Acta. Tom. I, p. 184—187. 188—190.

²⁾ Ibidem, p. 168—169. 323—326. 442—443.

³⁾ См. напр. Synodi decretum de incantationibus, p. 541—550 (при патріар. Филоеѣ).

⁴⁾ Ibid. p. 548.

Калекасъ (въ началѣ своего патриаршествованія, когда онъ стоялъ еще на сторонѣ Паламитовъ) приказалъ разослать по монастырямъ окружное посланіе, которымъ требовалъ, чтобы всѣ монашествующіе, если они имѣютъ какія-либо богословскія сочиненія Варлаама, безъ промедленія представляли ихъ самому патриарху, подъ опасеніемъ отлученія за неисполненіе распоряженія духовной власти. Такого же рода окружное посланіе разослано было и мірянамъ, какъ столицы, такъ и другихъ городовъ ¹⁾).

Между прочими многочисленными документами, находящимися въ „Актахъ Константинопольскаго патриархата“, обращаютъ на себя два, изъ которыхъ въ одномъ выражена чрезвычайно большая заботливость Константинопольскаго синода объ охраненіи недвижимыхъ имуществъ церкви, а въ другомъ столь-же большая заботливость о христіанахъ, дѣлавшихся плѣнниками магометанъ-Турокъ. Содержаніе перваго документа таково: въ правленіе патриарха Филоея по порученію императора (Іоанна Палеолога) въ синодъ явился монахъ Макарій Тарханіотъ и заявилъ слѣдующее: „царь хочетъ устроить военный лагерь въ странахъ за Константинополемъ до Силистріи и хочетъ отдать войнамъ всю землю, какая здѣсь находится. Между тѣмъ здѣсь есть два участка, принадлежащіе великой церкви. Поэтому императоръ проситъ патриарха уступить эти два участка въ казну, причемъ царь обѣщаетъ внести въ церковь стоимость отчуждаемыхъ отъ нея владѣній; если-же царю эти участки не понадобятся, то онъ, при извѣстныхъ условіяхъ, снова возвратитъ ихъ по принадлежности“. Патриархъ отказался войти въ подобную сдѣлку съ царемъ. Филоей сказалъ: „что касается доходовъ съ церковныхъ имуществъ, то я полный господинъ и распорядитель ими, а относительно недвижимыхъ церковныхъ имуществъ я только стражъ, не болѣе“. Синодъ со своей стороны подтверждалъ, что патриархъ правъ, когда отказывается уступить царю вышеуказанные участки; еслибы онъ это сдѣлалъ, то, говорили члены синода, онъ поступилъ бы противъ каноновъ.

¹⁾ Acta... Tom. I, p. 201--202.

Тогда царскій уполномоченный, монахъ Макарій сдѣлалъ другое предложеніе: если не можете уступить царю церковныхъ владѣній, то отдайте ему ихъ въ аренду, подобно тому, какъ берутъ въ аренду церковныя владѣнія другія лица, причемъ царь, говорилъ царскій посланецъ, будетъ взносить десятину провзрастеній, получаемыхъ съ этой земли (τὴν μισθὴν) въ пользу церкви“. Но и на это патріархъ и синодъ не согласились. Они говорили, что протавно церковнымъ правиламъ отдавать церковныя имущества въ пользование кому-либо изъ лицъ власть имѣющихъ и самому царю. Патріархъ и синодъ въ заключеніе сказали: „Если же царь захочетъ взять церковныя владѣнія по собственной волѣ, то пусть возьметъ; онъ даровалъ ихъ церкви, онъ же можетъ и снова взять ихъ и затѣмъ поступить съ ними, какъ ему заблагоразсудится“¹⁾. Такъ ревниво іерархи охраняли интересы церкви, вѣроятно въ томъ предположеніи, что всякіе счеты съ государствомъ были-бы затруднительны и неудобны.—Въ другомъ изъ документовъ находимъ изложеніе опредѣленія Константинопольскаго синода по слѣдующему случаю: нѣсколько христіанъ было взято въ плѣнъ турками, но плѣнникамъ этимъ удалось бѣжать. Они достигли одного мѣстечка—Фаръ (Φάρου) и искали себѣ здѣсь прибѣжища въ храмѣ, который находился въ вѣдѣніи іеромонаха (что въ то время нерѣдко случалось). Но жители указаннаго мѣстечка почему-то захотѣли выдать бѣглецовъ снова Туркамъ. Іеромонахъ-же не только не удержалъ пасомыхъ отъ такого постыднаго намѣренія, но и ревностнѣе другихъ изгонялъ несчастныхъ изъ храма, гдѣ они скрылись. Несчастные, при видѣ опасности, такъ какъ они хорошо знали, что ихъ какъ бѣглецовъ ждетъ наказаніе и даже смерть у Турокъ, всячески упрашивали своихъ собратій отпустить ихъ на свободу. Но ихъ просьбы не были уважены: ихъ предали въ руки враговъ. Синодъ Константинопольскій, разсмотрѣвъ происшествіе, подвергнулъ заслуженному наказанію какъ іеромонаха, такъ и жителей Фара. Мірянъ соборъ подвергнулъ эпитиміѣ,

¹⁾ Ibidem, p. 507—508.

налагаемой обыкновенно на убійцъ, а іеромонаха лишить священства ¹⁾). Вышеизложенное разбирательство происходило въ правленіе патріарха Филоея. Соборное опредѣленіе, нѣтъ сомнѣнія, подсказано чувствомъ челоуѣколюбія и заботливостію о благѣ бѣдствующимъ христіанъ, и заслуживаетъ всякаго одобренія.

Прочіе многочисленные документы, помѣщенные въ разсматриваемыхъ актахъ, касаются разныхъ вопросовъ, на-прим., патроната въ монастыряхъ, споровъ изъ за приданого, споровъ изъ-за земельного владѣнія монастырей, разныхъ проступковъ духовенства и т. д., или-же касаются управленія Русскою церковію въ разныхъ отношеніяхъ; но содержаніе перваго рода документовъ не представляетъ большого интереса, а документы, имѣющіе значеніе въ исторіи Русской церкви, излагать въ нашемъ трудѣ было-бы неумѣстно.

Обращаемся къ ознакомленію съ исторіею остальныхъ патріарховъ, правившихъ Византійскою церковію, послѣ патріарха Филоея до паденія Константинополя въ 1453 году, когда Византія сдѣлалась столицей Турецкой имперіи.

Византійскіе историки Никифоръ Григора и Іоаннъ Кантакузинъ въ своихъ историческихъ трудахъ остановились на шестидесятихъ годахъ XIV-го столѣтія; непосредственныхъ продолжателей Григоры и Кантакузина не существуетъ. Слѣдующіе византійскіе историки писали уже по паденіи Константинополя, взятаго Турками въ срединѣ XV вѣка. Поэтому, описатель судебъ Византійской церкви отъ средины XIV до средины-же XV вѣка чувствуетъ себя чрезвычайно обдѣланнымъ историческими матеріалами. Правда, продолжатели Григоры и Кантакузина, писавшіе послѣ паденія Константинополя, не совсѣмъ оставляютъ безъ вниманія указанное нами столѣтіе, но ихъ извѣстія очень скудны и малоцѣнны, такъ какъ эти историки не были современниками болѣе раннихъ событій, ими упоминаемыхъ.

Намъ остается описать жизнь и дѣятельность еще десяти патріарховъ, правившихъ Византійскою церковію до паде-

¹⁾ Ibidem, p. 592—593.

нія Константинополя. Но мы не имѣемъ возможности характеризовать каждого изъ патріарховъ разсматриваемаго времени, что составляетъ долгъ историка, а можемъ сообщить нѣкоторыя извѣстія о нихъ, въ родѣ тѣхъ, какія сообщаются безпристрастными лѣтописцами. Сдѣлаемъ то, что для насъ возможно.

Преемникомъ патріарха Филоея былъ *Макарій*, но о немъ мы ничего не знаемъ кромѣ того, что онъ избранъ былъ изъ числа монаховъ (извѣстіе это у Купера) и еще того, что онъ дважды восходилъ на патріаршую Византійскую кафедру¹⁾; оба раза онъ правилъ церковію очень короткое время: первый разъ года два (1376—1378 г.), а второй разъ равно годъ (1390—1391 г.).

Больше можемъ сообщить свѣдѣній о преемникѣ Макарія *Нилѣ* (1379—1388 г.). Нилъ пользовался большимъ почетомъ въ Византійской церкви. Имя Нила, по смерти этого патріарха, возносилось съ похвалами въ извѣстномъ церковномъ чинѣ въ недѣлю православія. При этомъ случаѣ возглашалось: „блаженно скончавшемуся Нилу святѣйшему патріарху, ревностно подвизавшемуся за церковь Божию и ея догматы словомъ, дѣломъ и ученіемъ, писаніями и добрыми дѣлами—вѣчная память“. Здѣсь по всей вѣроятности разумѣется борьба его съ латинянами и защита ученія Паламитовъ²⁾.

Патріархъ Нилъ принадлежалъ къ образованнымъ пастырямъ Константинопольской церкви. Онъ извѣстенъ былъ своими проповѣдями, списки съ которыхъ и донынѣ можно находить въ восточныхъ библіотекахъ. Одинъ изъ послѣдующихъ Византійскихъ патріарховъ знаменитый Геннадій Схолярій, человекъ ученый, сдѣлалъ такой отзывъ о про-

¹⁾ Изъ „Acta Miklosich“, видно, что въ первый разъ онъ низверженъ былъ по разнымъ обвиненіямъ, а какъ кончилось второе патріаршество его—низверженіемъ или смертію изъ указаннаго собранія документовъ не видно (Tom. II, 142—147 и дал.). Вообще скудные наши свѣдѣнія о пяти патріархахъ, правившихъ Византійскимъ патріархатомъ послѣ Филоея, нѣсколько восполняются „Актами Константинопольскаго патріархата“ Миклошича, но какъ мы уже не разъ замѣчали, эти акты весьма мало даютъ матеріаловъ для описанія жизни и дѣятельности патріарховъ. Впрочемъ, хоть немногимъ изъ этихъ актовъ, мы все-же воспользуемся ниже.

²⁾ Le-Quien. Oriens, I, p. 304.

повѣдяхъ Нила: „если-бы кто сравнилъ проповѣди Нила съ проповѣдями великаго Іоанна Златоуста и призналъ ихъ сестрами, то не погрѣшилъ-бы противъ истины¹⁾“. Отзывъ, думаемъ однако, едва-ли не преувеличенный²⁾. Присоединимъ еще нѣкоторыя свѣдѣнія о патріаршествѣ Нила, заимствуемыя изъ „Актовъ Константинопольскаго патріархата“. Изъ дѣлъ, разсмотрѣнныхъ во времена этого патріарха въ Константинопольскомъ синодѣ—обращаетъ на себя вниманіе дѣло объ одномъ митрополитѣ, бѣжавшемъ къ туркамъ, которыми въ ту эпоху Византійская имперія окружена была съ разныхъ сторонъ. Синодское опредѣленіе по указанному случаю относится къ 1381 году и заключается въ слѣдующемъ: митрополитъ Перитеорійской епархіи (во Фракіи) Дороеей по императорскому приказанію за что-то былъ посаженъ въ крѣпость, но онъ отсюда бѣжалъ, впрочемъ не къ императору, чтобы искать онъ него милости, и не къ патріарху съ синодомъ за помощію, какъ говорится въ документѣ, но къ туркамъ и, при содѣйствіи этихъ послѣднихъ, продолжалъ архипастырствовать въ городѣ Перитеоріѣ. Въ вознагражденіе за услуги, оказываемыя турками Дороеею, экс-митрополитъ обѣщалъ невѣрнымъ, что онъ будетъ выдавать имъ всѣхъ плѣнныхъ христіанъ, если они будутъ искать убѣжища въ названномъ городѣ. Обѣщаніе это Дороеей, къ стыду своему, неоднократно исполнялъ. Патріархъ Ниль не разъ призывалъ Дороеея явиться въ Константинополь для законнаго суда надъ нимъ, но онъ не думалъ исполнять воли патріарха. Тогда синодъ, принимая во вниманіе, что Дороеей считаетъ турокъ и своими „царями, и патріархами, и заступниками“, лишилъ его архіерейской власти и подвергъ его отлученію на всю жизнь. Впрочемъ, если, раскаявшись въ своихъ преступленіяхъ, онъ возвратится къ церкви, ему позволено было вступить въ монастырь въ качествѣ простаго мірянина и замаливать здѣсь свое паденіе³⁾. Кстати сказать

¹⁾ Преосв. Порфирія. Проповѣдники въ Константинополѣ. Труды Киев. Дух. Акад. 1880, т. II, 503.

²⁾ Изъ напечатанныхъ проповѣдей Нила мы знаемъ лишь его—„Панегирикъ Григорію Паламѣ“, (Migne. Gr. tom. 151, p. 655 et cet) не представляющій ничего особеннаго.

³⁾ Miklosich. Acta... tom. II, p. 37—39.

изъ одного документа, находящагося въ разсматриваемомъ собраніи „Актовъ“, вообще открывается, что турки не относились къ христіанамъ, жившимъ въ ихъ владѣніяхъ, такъ жестоко, какъ можно было-бы предполагать. На западѣ въ то время распространено было мнѣніе, что турки тиранствуютъ надъ христіанами, мѣшаютъ даже имъ получать письма, не позволяютъ имъ совершать богослуженіе. Патріархъ Нилъ, въ письмѣ къ папѣ Урбану VI, разсѣваетъ это неправильное мнѣніе и говоритъ: хотя за грѣхи наши мы (христіане) и вынуждены подчиняться туркамъ, но неправда, будто письма, адресуемыя намъ, прежде насъ попадаютъ въ руки турокъ, мы пользуемся—заявляетъ патріархъ—полною свободою получать письма, отвѣчать на нихъ и посылать свои, совершать хиротоніи, отправлять епископовъ, куда хотимъ, „имѣемъ право безпрепятственно совершать все относящееся до церкви среди самихъ невѣрныхъ“ ¹⁾. Изъ церковныхъ распоряженій, сдѣланныхъ при этомъ патріархѣ, можетъ быть отмѣчено, пожалуй, то, которымъ уничтожено купножитіе монаховъ и монахинь въ какомъ-то монастырѣ св. Аеанасія. Патріархъ запретилъ жить здѣсь монахамъ и монахинямъ вмѣстѣ и подѣлил ихъ владѣнія поровну. Отсюда видно, что тотъ безпорядокъ монашеской жизни, какой устранился упомянутымъ распоряженіемъ патріарха, отличался замѣчательною устойчивостью: издавна принимались мѣры въ борьбѣ съ нимъ, а онъ все-таки продолжалъ существовать. Стоитъ упомянуть, что между причинами, заставлявшими патріарха уничтожить купножитіе монаховъ и монахинь, онъ указываетъ, между прочимъ, и на то, что монахини въ такихъ монастыряхъ ничего не дѣлали, а монахи принимали на себя всѣ труды, такъ-что монахи работали не только за себя, но и за своихъ сожительницъ, вслѣдствіе чего рождались споры и свары ²⁾.

Двое дальнѣйшихъ преемниковъ патріарха Нила *Антоній IV* (1388—1390; 1391—1397 гг. ³⁾ и *Каллистъ Ксанопулъ*

¹⁾ Miklosich, Acta. Tom. II, 87.

²⁾ Ibidem, p. 80—83.

³⁾ Такъ какъ Антоній на нѣкоторое время долженъ былъ уступить престолъ одному изъ своихъ предшественниковъ, патріарху Макарію, то изъ „Acta patr. Constant.“ (II, 146) открывается, на какихъ условіяхъ онъ

(1397 г. отъ мая до іюня) ничѣмъ не замѣчательны. Въ „Актахъ Константинопольскаго патріарха“ помѣщены тѣ исповѣданія вѣры, какія произносили они при восшествіи на патріаршую кафедру; исповѣданія вѣры какъ Антонія, такъ и Каллиста, почему-то до буквальности схожи между собой. Не видно однакожъ, чтобъ это была какая нибудь древняя формула, усвоенная Константинопольской церковію и повторяемая патріархами при ихъ вступленіи въ должность. Содержаніе исповѣданія показываетъ, что оно недавняго происхожденія. Здѣсь заключается порицаніе заблужденій Никифора Василага и Сотириха, осужденныхъ при императорѣ Мануилѣ въ XII вѣкѣ, а также Варлаама и Акиндина; замѣчательно, что въ этомъ исповѣданіи выражено обѣщаніе соблюдать, между прочимъ, новеллу императора Андроника Старшаго, которою запрещались всякія поборы съ лицъ, поступающихъ въ духовныя должности¹⁾.

Мимолетное патріаршествованіе Каллиста смѣнилось довольно продолжительнымъ патріаршествованіемъ *Матѳея* (1397—1410 г.). Изъ исторіи жизни и дѣятельности этого патріарха мы ничего не знаемъ. Но между документами, входящими въ составъ „Актовъ Константинопольскаго патріархата“, существуетъ одно письмо патріарха, повидимому писанное отъ лица синода Константинопольскаго, къ паствѣ города Анхіала. Здѣсь для насъ не безъинтересно читать о томъ, какіе порядки существовали тогда въ патріархіи относительно выборовъ архіерея на вакантную кафедру. Патріархъ пишетъ, что „каноническіе выборы происходили такъ: патріархъ объявляетъ архіереямъ (въ синодѣ), что такая-то церковь сиротствуетъ и что надлежитъ посвятить туда епископа, причемъ самъ (патріархъ) не поименовываетъ никакого лица. Затѣмъ, епископы уходятъ въ обычное мѣсто, гдѣ производилось избраніе, творятъ молитвословіе и назначаютъ трехъ кандидатовъ и вносятъ это представленіе на усмотрѣніе патріарха, который и утверждаетъ изъ

долженъ былъ сложить съ себя патріаршую должность, уступая ее *Макрію*.

¹⁾ Miklosich. Acta... ibid., p. 112—114; conf. p. 293—294.

числа этих кандидатовъ, кого ему будетъ угодно, и потомъ рукополагаетъ". Очевидно, императоръ не принималъ никакого участія въ выборѣ и назначеніи епископовъ. Указанный порядокъ избранія однакоже не исключалъ и самой паствы отъ избранія епископа, если она хотѣла того. Патріархъ Матеей затѣмъ разъясняетъ, какъ происходило дѣло въ томъ случаѣ, если сама паства имѣла въ виду достойнаго кандидата на должность архіерея. Паства въ этомъ случаѣ обращалась съ письменною просьбою на имя Константинопольскаго синода и патріарха, чрезъ которую рекомендовала своего кандидата, какъ человѣка достойнаго занять катедру, и предоставляла синоду сдѣлать надлежащее разслѣдованіе относительно этого лица. При просьбѣ должно было быть приложено засвидѣтельствованіе отъ лица всѣхъ мѣстныхъ клириковъ. Всѣ этого рода грамоты долженъ былъ доставить въ Константинополь въ синодъ самъ кандидатъ лично, чтобы избиратели могли познакомиться съ нимъ и испытать его; буде-же окажется онъ человѣкомъ безукоризненнымъ, тогда синодъ избираетъ и назначаетъ его, и именно его, а не другаго кого ¹⁾. Помимо интереса, какой возбуждаетъ анализированный нами документъ, ознакомля насъ съ одной изъ важныхъ церковныхъ функцій, онъ, документъ, быть можетъ служить выраженіемъ попеченій патріарха Матеея о соблюденіи законныхъ, каноническихъ порядковъ въ управленіи дѣлами церкви.

Къ сожалѣнію, патріархъ Матеей былъ послѣднимъ архипастыремъ Византіи, правившимъ церковію въ духѣ православія²⁾. Всѣ прочіе патріархи Константинопольскіе—до самаго паденія столицы—являются отступниками отъ православія, по направленію къ латинству и папству. Всѣ они, въ этомъ случаѣ, были послушными орудіями тогдашнихъ Византійскихъ императоровъ — Мануила, Іоанна и Константина Палеологовъ (1391—1453 г.), старавшихся сблизиться съ западомъ въ интересахъ защиты своего государства отъ масульманъ—Турокъ.

Такъ патріархъ *Евфимій*, управлявшій Византійской цер-

¹⁾ Acta... Tom. II, p. 345—347.

²⁾ Если не принимать въ разчетъ послѣдняго византійскаго патріарха (Аеанасія), о которомъ мы ничего не знаемъ. См. ниже.

новью послѣ Матеея, г. (1410—1416), ничѣмъ неизвѣстный по своей архипастырской дѣятельности, выставился въ слѣдствіи императоромъ Іоанномъ Палеологомъ—въ качествѣ лица, проникнутаго желаніемъ соединенія церкви Греческой съ Латинской. Этотъ императоръ говорилъ представителямъ Греческой церкви, прибывшимъ на соборъ во Флоренцію: „вотъ мы прибыли въ Италію, но не мнѣ первому пришла эта мысль и не я первый принялся за это дѣло“. Іоаннъ Палеологъ напоминаетъ, что и отецъ его императоръ тоже отправлялъ посольство въ Италію къ папѣ Іоанну, и что въ этомъ посольствѣ находился и патріархъ Евфимій, мужъ,— по словамъ оратора,—украшенный добродѣтью и знаменитый богословъ. „Итакъ, и раньше насъ—говорилъ царь—были такіе знаменитые люди, думавшіе объ этомъ-же дѣлѣ и даже желавшіе исполнить его, но обстоятельства воспрепятствовали его исполненію“ ¹⁾. Если императоръ, говорившій эту рѣчь, сообщаетъ вѣрныя извѣстія объ Евфиміи, а не представляетъ его сторонникомъ уніи въ личныхъ своихъ интересахъ, то мы должны признать патріарха Евфимія первымъ въ ряду другихъ патріарховъ, несомнѣнно и рѣшительно стоявшихъ за унію съ Римомъ, къ ущербу для православія и достоинства Греческой церкви.

Преемникомъ Евфимія былъ извѣстный патріархъ *Іосифъ II* (1416—1439 г.), отступничество котораго отъ православія не подлежитъ никакому сомнѣнію. До восшествія на патріаршую кафедру, онъ былъ митрополитомъ Ефесскимъ. Болѣе извѣстные обстоятельства изъ его жизни тѣсно связываются съ исторіею Флорентійскаго собора. Повидимому, онъ очень охотно отправляется на этотъ соборъ, ставъ во главѣ прочихъ греческихъ епископовъ, сопровождавшихъ императора Іоанна Палеолога, ѣхавшаго къ папѣ для заключенія уніи ²⁾. Іосифъ не мало былъ польщенъ тѣмъ, что папа распорядился, чтобы Византійскаго патріарха повсюду на западѣ встрѣчали съ великою честію ³⁾. На соборѣ Флорентійскомъ

¹⁾ Cuperi. Ad historiam... cap. 127.

²⁾ Ducae. Historia Byzantina. Cap. 31 (Migne, Gr. tom. 157, p. 1005).

³⁾ Frantzae. Chronicon majus, lib. II, cap. 16 (Migne, Gr. tom. 156, p. 795).

патріархъ сдѣлалъ все, чтобы помрачить славу Греческой церкви, этой носительницы православной истины; онъ безъ страха и угрызений совѣсти подписался подъ тѣмъ опредѣленіемъ о заключеніи уніи между папою и Греческою церковію, которое выработано было на этомъ соборѣ ¹⁾. Іосифъ, какъ извѣстно, не возвратился къ своей Константинопольской паствѣ; онъ умеръ вслѣдъ за провозглашеніемъ уніи. Какъ-бы въ знакъ того, что, отпавъ отъ церкви Греческой, онъ уже не могъ болѣе принадлежать ей, трупъ Іосифа былъ погребенъ во Флоренціи въ церкви св. Маріи Novellae (?), бывшей во владѣніи латинскаго ордена „Проповѣдниковъ“ ²⁾. Думаютъ, что патріархъ Іосифъ потому такъ ревностно стоялъ за унію, что рассчитывалъ при помощи папы освободить Греческую церковь отъ порабощенія, въ какомъ она находилась у деспотическихъ Византійскихъ императоровъ ³⁾. Но еслибы и дѣйствительно Іосифъ руководился такою цѣлью, то онъ захотѣлъ бы выбрать изъ двухъ золъ не меньшее, а большее. — Что касается управленія со стороны патріарха Іосифа церковію Константинопольскою, то мы почти ничего не знаемъ объ этомъ. Если справедливо показаніе западнаго пилигрима, Бургундскаго рыцаря Бертранда, посѣтившаго Константинополь въ 1432 году и увѣрявшаго, что въ это время въ Софійской церкви давались драматическія представленія и исполнялись музыкальные концерты ⁴⁾, то должно думать, что разсматриваемый патріархъ отнюдь не принадлежалъ къ іерархамъ ревностнымъ и охраняющимъ интересы церкви.

По смерти Іосифа избраніе патріарха представляло собой дѣло не легкое. Пастыри, оставшіеся вѣрными православію и не принявшіе уніи, не желали братья за управленіе Константинопольскою церковію, безъ сомнѣнія, потому, что провозглашеніе уніи привело въ большой безпорядокъ дѣла Греческой церкви ⁵⁾. Пришлось избрать въ патріархи хотъ

¹⁾ Ducae. Hist. Byzantina. Cap. 31, p. 1012.

²⁾ Le—Quien. Oriens, I, 307.

³⁾ Pichler. Geschichte der Kirchl. Trennung. B. I, 420.

⁴⁾ Pichler, ibid., p. 413.

⁵⁾ Митрополитъ Ираклійскій, считавшійся кандидатомъ на вакантную кафедру, отказался отъ этого почетнаго мѣста, ссылаясь на то, что онъ

кого нибудь и притомъ изъ лицъ сочувствующихъ уніи, т. е. которые не могли быть вѣрными пастырями Константинопольской паствы. Послѣ того, какъ отклонилъ предложеніе сдѣлаться патріархомъ митрополитъ Никейскій Виссаріонъ, унітъ, отличавшійся высокими умственными качествами и блестящимъ образованіемъ, въ патріархи Константинополя поставленъ былъ ничѣмъ неизвѣстный *Митрофанъ* епископъ Кизическій (1440—1443 г.) ¹⁾, ревностнѣйшій унітъ. Его непродолжительное патріаршествованіе легло тяжелымъ бременемъ на церковь Греческую: онъ изгонялъ изъ епархій тѣхъ епископовъ, которые оставались вѣрны православію, а на ихъ мѣсто поставлялъ приверженцевъ уніи. Даже за предѣлами Константинопольскаго патріархата Митрофанъ осмѣливался поступать подобнымъ-же образомъ. За все это прочіе восточные патріархи на особомъ соборѣ подвергли Митрофана и его споспѣшниковъ порицанію и наложили на нихъ анаѣму, а православныхъ христіанъ, подчиненныхъ этому патріарху и поставленнымъ отъ него епископамъ, освободили отъ необходимости подчиняться ихъ волѣ и распоряженіямъ ²⁾. Положеніе патріарха Митрофана, вслѣдствіе ревностной борьбы съ нимъ православныхъ епископовъ, сдѣлалось наконецъ крайне тяжелымъ. Почти никто изъ греческихъ архіереевъ не поддерживалъ съ нимъ общенія, не совершалъ съ нимъ богослуженія. Подъ вліяніемъ разочарованія, патріархъ заключился въ келлію, не отказываясь впрочемъ отъ патріаршества, гдѣ вскорѣ и скончался ³⁾.

По смерти Митрофана проходитъ два или три года, въ теченіе которыхъ кафедрѣ Константинопольская остается праздною. Наконецъ патріархомъ сдѣлался *Григорій Мамма* (1445 или 1446—1450 г.). Григорій, до времени возведенія въ патріаршее достоинство, имѣлъ должность великаго протосинкелла, былъ близокъ къ императору Іоанну Палео-

---

не принимаетъ уніи. Садова: Виссаріонъ Никейскій, стр. 119. (Петербург. 1883).

¹⁾ Frantzae. Chronicon, lib. II, cap. 17, p. 796.

²⁾ Cuperi. Ad historiam, cap. 129 (изъ Алліація).

³⁾ Le-Quien. Oriens, I, p. 308—309.

логу и сопровождалъ этого послѣдняго на соборъ Форраро-Флорентійскій ¹⁾. Повидимому, Мамма былъ человѣкомъ не безъ достоинствъ, хотя онъ и былъ рѣшительнымъ приверженцемъ уніи. Одинъ греческій православный историкъ, писавшій послѣ паденія Константинополя, дѣлаетъ о немъ очень мягкій и даже похвальный отзывъ, именуя его „человѣкомъ святѣйшимъ“; ему приписывается глубокое пониманіе политическихъ обстоятельствъ времени и предвидѣніе грядущихъ бѣдъ для имперіи; его возведеніе на каѳедру признается не добровольнымъ ²⁾. Мамму можно считать человѣкомъ отличившимся образованностью. Отъ него сохранилось нѣсколько сочиненій, свидѣтельствующихъ объ этомъ качествѣ патріарха ³⁾. Патріархъ Григорій впослѣдствіи по собственной волѣ отказался отъ каѳедры: волненія и безпорядки, вызванныя въ Константинопольской церкви борьбою православныхъ съ унітами, а также неузвѣренность въ политической прочности имперіи, заставили Григорія покинуть каѳедру и Константинополь и бѣжать въ Римъ ⁴⁾. Преемникъ императора Іоанна Константинъ XI, послѣдній Византійскій императоръ—не чуждый уніатскихъ наклонностей, обращался было къ Григорію въ Римъ съ просьбой вернуться въ Константинополь и снова занять патріаршую каѳедру, но Григорій не принялъ этого приглашенія ⁵⁾. Онъ умеръ въ 1459 году.

Григорій Мамма былъ послѣднимъ патріархомъ Константинопольской церкви, правившимъ церковію при христіанскихъ императорахъ. Есть впрочемъ мнѣніе, что Григорій былъ не послѣднимъ Константинопольскимъ патріархомъ

¹⁾ Erantzae. Chronicon majus, lib. II, cap. 15, p. 792.

²⁾ Historia politica Constantinopoleos a 1391 ad 1578 ann., p. 10. Edit. Bonn. (по Crusius—y).

³⁾ Всѣ его сочиненія впрочемъ направлены въ защиту уніи. Вотъ заглавія ихъ: 1) Апологія противъ исповѣданія Марка Ефесскаго; 2) Отвѣтъ на окружное посланіе того-же Марка; 3) Къ императору Трапезунтскому о прибавкѣ сдѣланной въ символѣ (Migne, Gr. tom. 160, p. 13 — 249). О времени ихъ написанія vid.: De Gregorio, cognomento Mamma, p. 11—12 (ibid.).

⁴⁾ Historia politica, ibidem.— De Gregorio Mamma, p. 10 (гдѣ впрочемъ также высказывается и предположеніе, что онъ былъ изгнанъ изъ Константинополя).

⁵⁾ Ducae. Historia Byzantina, cap., 36, p. 1057. Le Quien, Oriens, I, p. 310.

предъ паденіемъ столицы, что онъ имѣлъ преемникомъ нѣ-когого Аѳанасія, которымъ будто бы и закончился длинный рядъ столичныхъ архипастырей Византійской державы. Такъ о. архимандритъ (епископъ) Арсеній говоритъ: „въкоторые писатели ставятъ послѣ него (Григорія Маммы) Аѳанасія (патріархомъ), о коемъ больше ничего неизвѣстно; по всей вѣроятности этотъ самъ вскорѣ отказался“ отъ кathedры ¹⁾. Но допускать существованіе на свѣтѣ патріарха Аѳанасія, послѣдняго архипастыря самостоятельнаго Византійскаго государства, можно лишь съ большимъ сомнѣніемъ. Левъ Аллаций въ приложеніи къ его сочиненію „De ecclesiae occidentalis et orientalis perpetua consensione“ помѣщаетъ акты Софійскаго собора, бывшаго по заключеніи собора Флорентійскаго и по смерти Іоанна Палеолога († 1448 г.). На этомъ будто бы соборѣ и былъ поставленъ Константинопольскимъ патріархомъ Аѳанасій. Но акты Софійскаго собора считаются подложными ²⁾. Слѣдуетъ еще обратить вниманіе на то, что ни одинъ изъ греческихъ писателей ближайшихъ къ тому времени не упоминаетъ, чтобъ какой-то Аѳанасій былъ сдѣланъ преемникомъ патріарха Григорія Маммы ³⁾. Во всякомъ случаѣ, если Аѳанасій и былъ патріархомъ Константинопольскимъ, то занималъ кathedру лишь нѣсколько мѣсяцевъ. Въ этомъ удостовѣряетъ насъ не ясное, но авторитетное свидѣтельство одного православнаго греческаго историка. Этотъ историкъ рассказываетъ слѣдующее: когда султанъ Магометъ II-й завоевалъ столицу и сѣлъ на тронѣ Византійскихъ царей, то онъ очень удивился тому, что не является къ нему патріархъ столицы и не привѣтствуетъ его, какъ своего повелителя. Затѣмъ, по разсказу историка, Магометъ при-

¹⁾ Лѣтопись церковныхъ событій, стр. 549. (Петерб. 1880).

²⁾ Доснеей, патр. Іерусалимскій, въ своей „Исторіи Іерусалимскихъ патріарховъ“ (кн. 10, гл. 9) старается доказать подлинность актовъ этого противоположнаго собора; но авторъ при этомъ случаѣ показываетъ большаго полемическаго усердія въ борьбѣ съ папствомъ, чѣмъ убѣждаетъ читателя въ подлинности защищаемыхъ имъ актовъ. — Вопросъ о неподлинности актовъ этого никогда и несуществовавшего собора основательно раскрытъ въ русской литературѣ. См. Папаіоанну: „Акты такъ называемаго Софійскаго собора (1450 г.) и ихъ историческое достоинство“ *Визант. вѣстникъ*, т. II. 1895, стр. 394 и дал.).

³⁾ Le Quien. I, p. 311—312.

зываетъ къ себѣ нѣкоторыхъ византійскихъ духовныхъ лицъ и говоритъ имъ: „гдѣ-же вашъ патріархъ? Почему онъ не идетъ воздать мнѣ подобающую честь“? Ему отвѣтили на это: „уже давно нѣтъ у насъ патріарха (ἀπὸ πολλῶν χρόνων πατριάρχην οὐκ ἔχουμεν); тотъ кто былъ нашимъ патріархомъ—говорили они—еще добровольно при жизни (?) отказался отъ кathedры“¹⁾.

Итакъ, послѣднимъ патріархомъ Византійскимъ христіанскаго періода былъ Григорій Мамма, а можетъ быть Аенасій II-ой²⁾.

Всѣхъ патріарховъ, правившихъ Константинопольскою церковью, начиная съ царствованія Михаила Палеолога, при которомъ Византія, по отнятіи ея у крестоносцевъ, снова сдѣлалась столицей Греческаго царства до завоеванія ея Турками, насчитывается двадцать пять. Изъ вышеизложенныхъ свѣдѣній о нихъ открывается, что между ними не было такихъ великихъ и знаменитыхъ, которые напоминали-бы собою славнѣйшихъ патріарховъ Византіи древнихъ временъ, которые напоминали-бы Григорія Богослова, Златоуста, Іоанна Постника, Тарасія, Мееодія, Фотія. Образованныхъ глубоко и серьезно между патріархами изученнаго нами класса было немного (Григорій Кипрскій, Іоаннъ Гликій, Веккъ), большая же часть ихъ не возвышалась надъ среднимъ уровнемъ богословскаго просвѣщенія. Вліятельныхъ по своей пастырской дѣятельности и по своему нравственному характеру въ числѣ ихъ было тоже немного, и во всякомъ случаѣ ихъ вліятельность проявлялась въ фактахъ далеко не выпуклыхъ. Къ сожалѣнію, въ средѣ ихъ встрѣчались и такія лица, нравственный характеръ которыхъ не соотвѣтствовалъ высотѣ занимаемаго ими мѣста (Нифонтъ, Исаія). Вообще замѣтно, чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ блѣднѣе и безцвѣтнѣе становятся личности Константинопольскихъ патріарховъ.

¹⁾ Patriarchica Constantinopoleos historia a 1454 ad 1578 ann., p. 79 (издана вмѣстѣ съ прежде цитированной Historia politica—по Крузю).

²⁾ Архiep. Сергій въ 2 изданіи *Полнаго Мѣсяцеслова* указываетъ, что Аенасій II въ 1450 году и возшелъ на кathedру и оставилъ ее (Согласно съ *Гедеономъ*, см. его „Списки патріарховъ“, стр. 468). Слич. сейчасъ упомянутую статью *Παναϊωανну*, стр. 413—415.

А пятнадцатый вѣкъ даетъ Константинопольской церкви, къ сожалѣнію, архипастырей отщепенцевъ отъ православія, приверженцевъ папизма и Флорентійской уніи. Невольно рождается вопросъ: что стало-бы съ церковію Константинопольскою, если-бы Турки не разрушили имперію и тѣмъ не положили конца папско-уніоннымъ стремленіямъ Византійскихъ царей и патріарховъ?

Изъ предыдущаго очерка Византійскихъ патріарховъ, управлявшихъ столичною церковію отъ XII до половины XV вѣка, достаточно открывается, что патріархи эти по своимъ умственнымъ, нравственнымъ и церковно-административнымъ способностямъ, въ большинствѣ случаевъ, не стояли на высотѣ своего признанія, а потому мало могли дѣйствовать въ благотворномъ духѣ на общество и имперію. Но мы еще лучше поймемъ, почему эти патріархи и подручные имъ архіереи не могли въ должной мѣрѣ благотворно дѣйствовать на ввѣренныя ихъ попеченію паствы, когда изучимъ тѣ партіи, на которыя дѣлились Византійскіе іерархи отъ XII до половины XIV вѣка. Для наблюдательнаго историка открывается, что въ византійскихъ церковныхъ сферахъ сложились и прочно держались двѣ партіи столь противоположныя одна другой, столь недружественныя одна съ другой, что, являясь чуть не по очереди у кормила церковнаго правленія—въ лицѣ того или другаго патріарха, каждая изъ нихъ задачу своей дѣятельности поставляла въ томъ, чтобы уничтожать слѣды и плоды дѣятельности другой. Едва ли нужно говорить о томъ, какой вредъ могъ отсюда проистекать для дѣлъ церковныхъ. Одну изъ этихъ партій Византійскіе историки называли: „зилотами“, т. е. строгими ревнителями ¹⁾, а другую тѣ же историки называли „политиками“ ²⁾—наименованіе, которое лучше всего можетъ быть передано современнымъ французскимъ парламентскимъ выраженіемъ: „оппортунисты“, или, если хотите, эту партію можно называть партією умѣренныхъ.

¹⁾ *Τῶν Ζηλωτῶν συστήματα*. Gregorae. Hist. Byzant. Lib. IV, cap. 1. №7.

²⁾ *Ἀρετὴ, ἣν πολιτικὴν τινες λέγουσι καὶ τὸν κατ' αὐτὴν βίον πολιτικόν*. Pachymeris. De Michaelē, lib. IV, cap. 12, p. 280 (Edit. Bonn.).

Вотъ общія характеристическія черты той и другой партіи.

Партія зилотовъ или строгихъ заявляла себя поборникомъ свободы и независимости церкви, она хотѣла, чтобы государство отнюдь не посягало на права церкви, во всякомъ случаѣ, чтобы оно ограничивалось наименьшимъ вліяніемъ на дѣла церковныя и не позволяло себѣ вмѣшиваться въ сферу духовной власти. Зилоты не желали дѣлать никакихъ уступокъ царской власти, когда эта власть домогалась ихъ не только въ личныхъ интересахъ, но и въ интересахъ государства. Религіозныя и нравственныя требованія они ставили выше внѣшняго благоденствія государственнаго и общественнаго. Не только высокопоставленныхъ лицъ, но и самихъ императоровъ они желали подчинить строгой церковной дисциплинѣ. Они не боялись ради своихъ идей вступать въ столкновенія съ властями и обществомъ, хотя бы эти столкновенія вели къ смутамъ и безпорядкамъ. — Зилоты не отличались образованностію, потому что ставили не высоко науку, и не прилагали попеченій о томъ, чтобы насаждать просвѣщеніе въ классѣ духовенства. Пастырей нравственно строгихъ они предпочитали ученымъ пастырямъ. Въ своей жизни зилоты отличались не только нравственнымъ ригоризмомъ, но и подвижничествомъ, хотя не рѣдко случалось, что они удовлетворялись благочестіемъ внѣшнимъ и формальнымъ, не заботясь о развитіи и приумноженіи благочестія сердца. Къ монахамъ зилоты относились сочувственно, часто опирались на нихъ въ борьбѣ съ своими врагами, открывали имъ путь для вліянія и дѣятельности.

Не такова была другая партія политиковъ или умѣренныхъ. Политики искали для церкви поддержки въ государствѣ, отсюда они находили, что нѣтъ надобности мѣшать возможному сближенію церкви и государства и что не нужно препятствовать, если государство широко вліяетъ на церковь. Они глубоко уважали государственную власть; во всемъ давали знать, какое значеніе имѣетъ въ жизни общества, въ развитіи его благоденствія прочная свѣтская власть, не стѣсняемая стороннимъ вмѣшательствомъ. Политики, гдѣ нужно было, готовы были ради блага государственнаго

сдѣлать уступки императорской власти, расположены были не строго судить императоровъ за ихъ погрѣшности, незаконные съ точки зрѣнія каноновъ поступки и дѣйствія, но они заходили иногда въ этомъ отношеніи слишкомъ далеко и недостаточно пеклись о чисто церковныхъ интересахъ. — Партія умѣренныхъ насчитывала въ своей средѣ много лицъ образованныхъ, стояла за связи съ просвѣщенными классами общества; заботилась о томъ, чтобы духовныя должности были замѣщаемы людьми умственно развитыми, способными быть учителями народа. Въ нравственномъ отношеніи эта партія была не очень строга. Она стремилась стоять какъ можно ближе къ жизни и обществу, поэтому не пренебрегала благами міра сего; строгій аскетизмъ не былъ для нея привлекателенъ. Она мало обращала вниманія на успѣшное развитіе монашества и не содѣйствовала расширенію его вліянія. Въ противоположность зилотамъ, умѣренные опирались въ своей дѣятельности не на монаховъ, а на бѣлое духовенство и на интеллектуальный классъ общества.

Въ характерѣ дѣятельности той и другой партіи замѣчалась существенная разность: когда на церковной сценѣ дѣйствовали политики, они довольно тихо и сравнительно мирно проводили свои тенденціи въ жизнь; напротивъ, когда у кормила правленія являлись зилоты, то они опирались на такой подвижный элементъ въ Византіи, какъ монахи и отчасти чернь, всегда дѣйствовали шумно, не рѣдко бурно, а иногда даже матежно.

Случалось, что раздоры партій изъ чисто церковныхъ сферъ переходили въ народъ и здѣсь производили великое волненіе умовъ. Дѣло доходило до того, что каждый отдѣльный домъ въ Византіи представлялъ собою какъ-бы военный лагерь, съ которымъ лицомъ къ лицу сошлись двѣ враждебныя силы. По словамъ историка Пахимера, расколъ въ церкви, создаваемый борьбою разномыслящихъ церковныхъ партій, иногда такъ „усиливался, что дѣлилъ дома: иначе жилъ (и мыслилъ) отецъ, иначе сынъ, иначе мать и иначе дочь, иначе сноха и иначе свекровь“¹⁾.

¹⁾ Пахимера, О Михаилѣ Палеологѣ, кн. IV, гл. 28, стр. 269.

Историкъ Никифоръ Григора причину появленія и развитія этихъ противоположныхъ партій въ церкви хочетъ объяснять тѣмъ соображеніемъ, что въ однихъ и тѣхъ же лицахъ, принадлежащихъ къ тогдашней іерархіи, не уживались вмѣстѣ религиозное совершенство, чуждающееся соблазновъ міра, на которое претендовали одни (зилоты), съ церковно-практическою опытностію и благоразуміемъ, какими хотѣли руководиться другіе (политики или умѣренные)¹⁾. Вслѣдствіе чего одна партія неминуемо должна была выдѣлиться отъ другой. Полагаемъ, что нѣтъ оснований оспаривать это наблюденіе Византійскаго историка²⁾. Тотъ же историкъ, оцѣнивая церковно-общественную дѣятельность обѣихъ разсматриваемыхъ партій, замѣчаетъ при одномъ случаѣ: „можно находить много такихъ людей, которые не похвалятъ ни той, ни другой партіи, потому что ни та, ни другая не оставались въ предѣлахъ умѣренности и законности“³⁾. А противъ этого замѣчанія историка и совсѣмъ не возможно ничего возразить, какъ это въ особенности покажетъ дальнѣйшее изученіе существа и свойствъ партій.

Охарактеризуемъ въ болѣе подробныхъ чертахъ каждую изъ двухъ указанныхъ партій, при чемъ будемъ заботиться о томъ, чтобы характеристика наша основывалась на возможно ясныхъ и наиболѣе убѣдительныхъ историческихъ фактахъ.

Сначала скажемъ о *зилотахъ*. Въ умственномъ и научномъ отношеніи представители этой партіи, какъ мы уже сказали, стояли на низкой ступени. Вотъ какія свѣдѣнія сообщаютъ намъ историки о патріархахъ, принадлежащихъ къ числу зилотовъ. Объ одномъ патріархѣ историки пишутъ: „это былъ человѣкъ малоученый, онъ знакомъ былъ только съ элементарными правилами грамматики; учился онъ немного: усвоилъ кое-что изъ начальнаго круга наукъ, чтобы не казаться въ нихъ совершеннымъ невѣждой, не знающимъ

¹⁾ Византійская исторія, кн. III, гл. 3, стр. 64.

²⁾ Начало этихъ партій можно возводить ко временамъ иконоборчества и споровъ Игнатіанскихъ и Фотіанскихъ (см. А. Лебедев.: Исторія раздѣленія церквей, стр. 2 и дал.). Разумѣется, это — гипотеза, и мы не имѣемъ притязанія слишкомъ на ней настаивать.

³⁾ Кн. VI, гл. 5, стр. 175.

того, чѣмъ представлялся *пренебрегающимъ*¹⁾; „по житейской опытности и пониманію жизни гражданской онъ оставалъ даже отъ тѣхъ, которые подъ вечеръ оставляютъ заступъ“²⁾. О другомъ патріархѣ: „онъ не знакомъ былъ съ ученостію и жизнію въ обществѣ“³⁾. О третьемъ патріархѣ: „онъ былъ простъ и вовсе не получилъ греческаго образованія“⁴⁾. О четвертомъ: „онъ былъ человѣкъ простой, почти совсѣмъ потерявшій отъ старости слухъ, онъ даже и ногтемъ никогда не касался греческой учености“⁵⁾. Еще энергичнѣе встрѣчаемъ отзывъ о пятомъ патріархѣ: „онъ былъ слишкомъ семидесяти лѣтъ (когда сдѣлался патріархомъ), до патріаршества не имѣлъ никакой іерархической степени и не умѣлъ правильно читать даже по складамъ“⁶⁾. Но довольно. Невольно рождается вопросъ: зачѣмъ же на такое высокое мѣсто, какъ патріаршее, ставили столь непросвѣщенныхъ лицъ? Во первыхъ, это зависѣло отъ того, что императоры по своимъ личнымъ расчетамъ иногда очень желали видѣть у кормила церковнаго управленія лицъ, которыя по своей необразованности оставались бы лишенными вліятельности (въ чемъ, кстати сказать, императоры болѣею частію обманывались, такъ какъ патріарху, даже и необразованному, открывалась возможность возбуждать различныя движенія столь нежелательныя для свѣтскаго правительства); во вторыхъ, ошибочно или нѣтъ, но у такого рода патріарховъ открывали достоинства нравственныя и добродѣтели, о которыхъ иногда думали, что таковыя болѣе приличествуютъ патріарху, чѣмъ образованность и ученость. Во всякомъ случаѣ, въ разсматриваемомъ нами явленіи можно находить одну изъ характеристическихъ чертъ, опредѣлявшихъ теченіемъ самой жизни византійскаго общества.

Сами не обладая ученостію, патріархи этого рода, какъ

1) Акрополита. Лѣтопись, гл. 53 (объ Арсеніи), гл. 84.

2) Григоры. Византійская Исторія, кн. III, гл. 3, стр. 64.

3) Григоры. Ibidem, кн. VI, гл. 5, стр. 173 (объ Аванасіи).

4) Григоры. Ibidem, кн. VI, гл. 7, стр. 185 (объ Іоаннѣ Созонольскомъ).

5) Ibidem. Кн. VIII, гл. 2, стр. 283 (о Герасимѣ).

6) Григоры, кн. VIII, гл. 12, стр. 355. (объ Исаіи).

и естественно, не любили и вообще ученых людей въ средѣ духовенства. Случалось, что, при вступленіи на Константинопольскую кафедру патріарха зилота, люди ученые въ духовенствѣ, во избѣжаніе бѣды, принимали личину любителей подвижничества, а о своей любви къ наукѣ молчали, или же цѣлыми толпами уѣзжали изъ столицы въ провинцію, ожидая переменъ патріаршества ¹⁾). Зилоты опасались богословской науки, какъ такого скользкаго пути, который удобнѣе всего приводитъ не къ утвержденію въ истинѣ, а къ ереси. Занимавшимся богословіемъ зилоты ставили въ преступленіе то, что они „слабымъ человѣческимъ разумомъ дерзали углубляться въ смыслъ божественныхъ изреченій, превышающихъ всякое разумѣніе и что, руководясь предосудительнымъ любопытствомъ, хотѣли проникнуть въ божественныя тайны, которыя должно чтить благочестивымъ молчаніемъ“ ²⁾). О людяхъ, преданныхъ наукѣ, приспѣшники зилотовъ—патріарховъ старались распространять въ обществѣ самыя неелестныя для первыхъ слухи, разумѣется изъ желанія повредить ихъ репутаціи. Въ то время любили утверждать объ ученомъ человѣкѣ, что онъ будто измѣнилъ вѣрѣ и впалъ въ латинство. „По неблагородству зилотовъ, или же потому, что ихъ поджигалъ демонъ“, слишкомъ энергически выражается Григора, приверженцы зилотической партіи распространяли слухи о людяхъ, занимавшихся наукою и просвѣщенныхъ, что и къ латинянамъ — то они путешествовали, и усвоили—то латинскіе обычаи, и получили — то они церковное посвященіе отъ латинянъ ³⁾). Не чувствуя симпатіи къ наукѣ и просвѣщенію, зилоты не заботились объ открытіи школъ и покровительствѣ образованнымъ клирикамъ. Ничего въ такомъ родѣ они не дѣлали, какъ это видно изъ исторіи ихъ дѣятельности.

Въ другомъ свѣтѣ представляются зилоты, по крайней мѣрѣ патріархи изъ числа ихъ, — въ нравственномъ отношеніи. О патріархахъ зилотической партіи весьма часто

¹⁾ Григоры, кн. VI, гл. 5, стр. 173.

²⁾ Pachymeris. De Andronico, lib. I, cap., 8, p. 27 (Edit. Bonn.).

³⁾ Григоры, кн. V, гл. 1, стр. 157—158.

встрѣчаемъ замѣтки историковъ въ родѣ слѣдующей: „относительно благочестія и богоугодной жизни этотъ человекъ немногимъ чѣмъ уступаетъ людямъ самой высокой святости“ ¹⁾. Они славилась напр. какъ величайшіе безсребренники. Такъ объ одномъ патріархѣ зилотѣ извѣстно, что, оставляя патріаршую кathedру, онъ въ присутствіи всего Византійскаго клира говорилъ: „эту одежду и свитокъ, и три монеты, которые у меня были еще до вступленія на кathedру и которые я приобрѣлъ своимъ трудомъ: получилъ я ихъ за переписку псалтири—я беру и ухожу“ ²⁾. Конечно, это прекрасно. Но сознаемся, намъ больше нравится, когда не сами безсребренники провозглашаютъ о своей нестяжательности, но когда объ этомъ возвѣщаютъ лица постороннія. Истинная добродѣтель не любитъ самохвальства. Представители зилотовъ выше всего ставили аскетическія лишенія: спали они на голой землѣ, въ банѣ не мылись, ходили пѣшкомъ, ночи простаивали на молитвѣ, безъ сна. Вообще, они напоминали собою отшельниковъ, живущихъ въ горахъ и пещерахъ, по замѣчанію историка ³⁾. Какъ лицамъ, которымъ не страшны были какія бы то ни было лишенія, которыхъ ничѣмъ нельзя было утратить и запугать, они являлись—замѣчаніе историка — „мужами весьма сильными словомъ и дѣломъ“ ⁴⁾. Они (по крайней мѣрѣ лучшіе изъ нихъ), совершенно искренно, съ полнымъ убѣжденіемъ, при встрѣчѣ съ самыми серьезными опасностями, могли говорить и говорили: „вотъ мы готовы (ко всему) и не испугаемся, чтобы ни задумали въ отношеніи къ намъ. Мы не будемъ противиться: мечъ ли приготовить намъ или смерть“ ⁵⁾. Эту же черту зилотовъ очень образно описываетъ одинъ Византійскій историкъ въ слѣдующихъ словахъ: „патріархъ (зилотъ) былъ непоколебимъ какъ та скала, около которой вѣчно вздымаются огромныя волны и бушуетъ море, и которая, разбивая волны въ пѣну и пренебрегая ревомъ бур-

¹⁾ Григоры. Ibid., кн. III, гл. 3, стр. 64.

²⁾ Пахимера. О Михаилѣ Палеологѣ, кн. IV, гл. 7, стр. 247. Русск. пер.

³⁾ Григоры. Визант. истор., кн. VI, гл. 5, стр. 173 (рѣчь объ Асзасіи).

⁴⁾ Акрополита. Лѣтопись, гл. 84 (объ Арсеніи).

⁵⁾ Пахимера. Исторія о Михаилѣ Палеологѣ, кн. IV, гл. 7, стр. 247.

наго моря, твердо стоитъ на томъ же основаніи“¹⁾. Представители зилотизма, не имѣя привычки покорливо склонять головы даже предъ вѣщеносцами и проводя свои идеалы въ жизнь безъ уступокъ и снисхожденія, энергично и рѣзко, казались „страшными“, посеяли трепеть въ другихъ и, прибавляетъ историкъ: „для многихъ были неприяты“²⁾. Это, впрочемъ, довольно понятно. Патріархи рассматриваемаго направленія, дѣйствительно, возбуждали страхъ и ужасъ въ тѣхъ, съ кѣмъ они ближайшимъ образомъ встрѣчались по роду своей дѣятельности. Вотъ на примѣръ въ какихъ словахъ Григора описываетъ вступленіе на патріаршество патріарха-зилота. „Взоснѣвши на патріаршій престолъ, онъ обратилъ къ архіереямъ и клирикамъ свое грозное лице, полное божественной ревности и строгости“³⁾. Въ особенности патріархи зилоты любили, чтобы предъ ними трепетали не какіе нибудь клирики и монахи, а и царскіе родственники, а и царскіе сыновья, а пожалуй и цари. Объ одномъ патріархѣ зилотическаго духа историкъ считаетъ нужнымъ замѣтить, что „царскіе сыновья боялись его необыкновенной смѣлости и обличеній больше, чѣмъ приказовъ царя“⁴⁾. Свои нравственныя качества, свою строгую воздержность, свою религіозность зилоты ставили очень высоко, при чемъ считали себя, въ сравненіи съ другими, чистыми праведниками, которымъ тяжело проводить жизнь среди многогрѣшнаго міра, какимъ казались имъ не только міряне, но и духовныя лица, хотя бы они стояли на высшихъ степеняхъ церковныхъ. Извѣстенъ случай, какъ патріархъ изъ числа зилотовъ бросилъ въ лице собора такія слова: „я словно Лотъ въ Содомѣ“⁵⁾. Сообразно своимъ личнымъ свойствамъ патріархи этого рода по большей части искали и находили себѣ опору во многочисленномъ византійскомъ монашествѣ. За обиду, нанесенную любимому

1) Никиты Хоніата. Царств. Алексѣя, сына Мануилова, гл. 15 (о Θεοδосіи).

2) Пахимера. Исторія о Михаилѣ Палеологѣ; кн. II, гл. 22, стр. 117.

3) Кн. VI, гл. 5, стр. 173 (объ Аѳанасіа).

4) Ibidem, —стр. 175.

5) Superi. Ad historiam patriarchatum; cap. 85, p. 135 (слова патр. Космы).

патріарху-зилоту, случалось, монахи вступались, какъ за личное дѣло. По поводу, напр., низверженія угоднаго имъ патріарха они, какъ рой пчелъ, покидали свои монастыри, всюду бродили, волнуя умы и производя агитацію. Въ подобномъ случаѣ они отдѣлялись отъ новаго патріарха, если онъ не соответствовалъ ихъ видамъ, разводили схизму; всячески порицали его, судили-рядили о немъ публично. Вообще въ такихъ обстоятельствахъ монахи, по замѣчанію историка, иногда держали себя „смѣло и дерзко“, „радовались при переменѣхъ хода событій“, наклоняющагося въ пользу ихъ интересовъ¹⁾. Въ вознагражденіе за такое усердіе патріархи-зилоты, случалось, смотрѣли сквозь пальцы на распущенность монаховъ (а такая распущенность въ особенности въ столицѣ—фактъ несомнѣнный); монахи получали возможность жить припѣваючи, или по выраженію Григоры — для нихъ наступала „весна жизни“²⁾. Но разумѣется, такая весна, по волѣ тѣхъ же зилотовъ, иногда смѣнялась для нихъ суровой „зимой“.

Скажемъ объ отношеніи патріарховъ-зилотовъ и ихъ сторонниковъ къ свѣтской правительственной власти. Зилоты неохотно слушались царскихъ приказаній, не отказывая себѣ однакожъ въ правѣ вмѣшиваться въ царское управленіе государствомъ, держали себя въ отношеніи къ главамъ свѣтской власти независимо и горделиво; ничѣмъ не хотѣли поступаться изъ своихъ религіозныхъ принциповъ, понимаемыхъ ими однакожъ въ условномъ смыслѣ. Когда одинъ императоръ приказывалъ патріарху-зилоту не вмѣшиваться въ дѣла государства, а довольствоваться самостоятельнымъ управленіемъ церкви, патріархъ съ гордостью говорилъ: „ты приказываешь мнѣ заниматься только дѣлами церкви, а себѣ предоставляешь по своей личной волѣ править государствомъ. Но это тоже самое, какъ еслибы тѣло говорило душѣ: я не нуждаюсь въ твоёмъ содѣйствіи при отправленіи моихъ функцій, я свое дѣло дѣлаю какъ хочу, а ты дѣлай свое, какъ умѣешь“³⁾. Патріархи-зилоты больше

¹⁾ Пахимера. О Михаилѣ Палеологѣ, кн. IV, гл. 28, стр. 289—290.

²⁾ Кн. VI, гл. 7, стр. 185 (при Іоаннѣ Созопольскомъ).

³⁾ Cantacuzeni. Historiae. Tom. I, lib. 1, p. 219. 249 (о патр. Исидорѣ).

всего помнили о своихъ правахъ по отношенію къ государству,—но не о своихъ обязанностяхъ въ этомъ отношеніи. Проявлять свое значеніе въ дѣлахъ государственныхъ они любили, но подчиняться какому либо стѣсненіямъ, вызываемымъ потребностями государства, они не были расположены. Гдѣ дѣло касалось жертвъ въ пользу государства, они становились въ сторонѣ, а гдѣ возможно было выказать свою власть и авторитетъ, тамъ они не хотѣли упускать своего. Разсматривая отношенія патріарховъ-зилотовъ къ императорской власти, мы должны сказать о слишкомъ строгомъ, суровомъ, иногда даже мстительномъ отношеніи ихъ къ царямъ. Зилоты держались такого правила: въ церковной практикѣ всѣ каноническія постановленія имѣютъ одинаковую важность и безусловную обязательность; не можетъ быть мѣста снисхожденію въ случаѣ нарушенія ихъ—будутъ ли таковыми нарушителями обыкновенные смертные или цари; въ случаѣ нарушенія указанныхъ постановленій этими послѣдними пастырямъ слѣдуетъ быть неумолимо послѣдовательными въ примѣненіи дисциплинарныхъ каноническихъ взысканій¹⁾. Мы не будемъ представлять примѣровъ, иллюстрирующихъ практическое примѣненіе этого правила зилотами. Кому неизвѣстна исторія императора Михаила Палеолога? Важно лишь отмѣтить то, что патріархи-зилоты не просто хотѣли подвергать церковнымъ наказаніямъ преступныхъ царей, но хотѣли доводить ихъ до униженія, сдѣлать изъ церковнаго наказанія публичный скандалъ. Они старались о томъ, чтобы довести императоровъ, нарушавшихъ законы, до смиреннаго „молчанія“, до того, чтобы они, по выраженію историка, „запѣли палинодію“, т. е. стали смиренно умолять о возвращеніи потерянныхъ ими правъ истиннаго христіанина; зилоты старались принизить ихъ такъ, чтобы, забывъ свое достоинство, они стали вальтасаръ въ ногахъ у суроваго патріарха²⁾. И все это было. Нужно-ли это для достиженія религіозныхъ цѣлей?

¹⁾ Слич. И. Е. Троицкаго: Арсеній и Арсениты. „Хр. Чтеніе“, 1872 г., том. III, стр. 633.

²⁾ Пахимера. Исторія о Михаилѣ Палеологѣ, кн. III, гл. 14, стр. 186; гл. 19, стр. 194—5.

Уничижительное, слишком смиренное отношеніе нѣкоторыхъ императоровъ къ зилотамъ патріархамъ иногда казалось смѣшнымъ и нетерпимымъ самому обществу византійскому. Однажды Византійцамъ такъ надоѣлъ патріархъ-зилотъ, продѣлывавшій съ императоромъ многое по своему желанію, что они пустились на кощунственную штуку, лишь бы обезславить патріарха въ глазахъ царя. Здѣсь мы встречаемся съ оригинальнымъ образчикомъ церковно-политической византійской каррикатуры; къ сожалѣнію, эта каррикатура имѣетъ тотъ, крайне непріятный, недостатокъ, что она кощунственно дерзка, по крайней мѣрѣ въ деталяхъ. Византійскимъ проказникамъ нужно было сдѣлать такъ, чтобъ царь разсердился на патріарха и отставилъ бы его отъ должности. Для достиженія цѣли затѣйники устроили вотъ что: они похищаютъ подножіе отъ патріаршаго сѣдалища въ храмѣ Софіи, посредствомъ ножа изображаютъ на немъ ликъ Спасителя, а по бокамъ этого изображенія ножемъ-же начертываютъ съ одной стороны фигуру царя съ уздой во рту, а съ другой фигуру патріарха, который осаживаетъ царя, какъ кучеръ коня. Затѣмъ, непризнанные художники потихоньку положили подножіе на прежнее мѣсто. Конечно, подѣлка огласилась и хотя косвенно, но достигла таки своей цѣли. Патріархъ удалился на покой¹⁾. Патріархъ-зилоты, кромѣ суровости отношеній къ царямъ, отличались, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, — мстительностью, если императоръ своимъ образомъ дѣйствованія возбуждалъ ихъ гнѣвъ. Бѣда тому слабому царю, который попалъ въ опалу у зилотовъ. Мстительность ихъ поражаетъ изобрѣтательностью. Одинъ слабохарактерный императоръ возбудилъ неудовольствіе въ патріархѣ-зилотѣ, и послѣдній распорядился вотъ какъ: во-первыхъ, онъ велѣлъ, вопреки волѣ царя, поминать за богослуженіемъ имя его наслѣдника; во вторыхъ, подвергъ отлученію всякаго, кто не будетъ оказывать царскихъ почестей этому опальному наслѣднику; въ третьихъ, отлучилъ отъ церкви архіереевъ, державшихся стороны царствующаго государя. Эти революціонныя распоряженія архипастыря-зилота новер-

1) Григоры, кн. VII, гл. 9, стр. 252—253.

гли царя въ недоумѣніе и ужась, и онъ съ горечью говорилъ: „если учитель мира такъ взбѣсилъ противъ меня и, потерявши всякій стыдъ и совѣсть, сталъ во главѣ возмутителей, то кто обуздаетъ разнузданную чернь. Патріархъ сдѣлался моимъ убійцей“! Но негодованіе и злоба патріарха удвоились, когда столь революціоннаго патріарха царь велѣлъ посадить подъ стражу¹⁾. Позднѣе тотъ же патріархъ дошелъ до явнаго неистовства, когда этотъ самый императоръ былъ низверженъ съ престола; но извѣстіямъ Григоры, зилотъ прыгаль отъ радости и говорилъ слова, обличавшія жестокость его души или, точнѣе, — сумасшествіе. „Возселятся праведникъ, егда узритъ отмщеніе“ — повторялъ онъ слова псалмопѣвца, приравнивая себя къ праведникамъ. Затѣмъ, онъ наказалъ всѣхъ епископовъ и священниковъ, сочувствовавшихъ впадшему въ несчастіе царю: однимъ запретилъ священнослуженіе на нѣсколько лѣтъ, а другимъ до смерти²⁾. А надъ самимъ царемъ жестоко и кощунственно надсмѣялся. Такъ какъ низверженный императоръ долженъ былъ принять иноческій санъ и сталъ называться Антоніемъ, то патріархъ приказалъ его поминать за богослуженіемъ слѣдующимъ образомъ: „благочестивѣйшаго и христіюбивѣйшаго государя нашего, монаха Антонія“. Мало того: къ этому оскорбленію, по словамъ историка, зилотъ присоединилъ еще нѣсколько и другихъ³⁾. Вполнѣ заслуженно страдалецъ-царь сравнивалъ зилота-мучителя съ „Нильскимъ крокодиломъ, который, по его словамъ, задушивъ животное, живущее вмѣстѣ съ крокодиломъ въ рѣкѣ, потомъ садится на трупъ и обливаетъ его голову слезами“. Тотъ же царь вѣрно характеризовалъ патріарха, когда говорилъ, что „патріархъ поступилъ съ нимъ жестоко па-лача“⁴⁾.

¹⁾ Григоры, кн. IX, гл. 3, стр. 398—399 (объ Андроникѣ и Исаян).

²⁾ Ibidem, гл. 7, стр. 422.

³⁾ Ibidem, гл. 10, стр. 440—441.

⁴⁾ Ibidem, стр. 438. — Еще другой патріархъ зилотическаго духа (Косьма), въ виду угрожающей ему опасности лишиться каеодры, въ гнѣвѣ на царя „пронзесъ закліятіе на утробу царицы, чтобы она не рождала дѣтей мужскаго пола“ (Никиты. О Мануилѣ Комнинѣ, кн. II, гл. 3, стр. 103).

Какъ извѣстно, каждый принципъ, переходя отъ лицъ болѣе разумныхъ къ менѣе смыслящимъ, отъ подобнаго перехода извращается и получаетъ такія свойства, которыя дѣлаютъ его прямо возмутительнымъ. Такъ было съ тѣмъ началомъ, служить которому хотѣли патріархи—зилоты. Сдѣлавшись достоиніемъ многихъ лицъ, зилотическій принципъ, въ приложеніи его къ практикѣ, теряетъ то, что было въ немъ лучшаго, и выпукло выставляетъ свои недостатки и крайности. Обращаемся къ характеристикѣ зилотической партіи, которая или самостоятельно, или во имя стоящаго во главѣ ея вожди, заявляла себя очень многими фактами и поступками большею частію некрасиваго и притязательнаго характера. Конечно, эта партія состояла изъ различныхъ степеней духовенства, хотя, какъ увидимъ потомъ,—не ими только она держалась. Въ какихъ же отношеніяхъ партія зилотовъ стояла къ правительственной власти? Если патріархи-зилоты въ отношеніи къ государственной власти больше помнили о своихъ правахъ, чѣмъ обязанностяхъ, то самая партія зилотовъ пошла въ этомъ отношеніи еще дальше, тѣмъ болѣе, что она перѣдко принимала видъ раскола. Зилотическая партія, подъ предлогомъ полной исключительной преданности дѣламъ религіи и благочестія, показывала холодность и пренебреженіе къ интересамъ государственнымъ. Благо государственное отходило для приверженцевъ этой партіи на послѣдній планъ. Если императоры выставляли на видъ предъ зилотами, что то или то должно сдѣлать для блага государственнаго, въ томъ то или этомъ показать примѣръ самопожертвованія; вообще если развивали предъ зилотами такъ называемую теорію экономіи, т. е. развивали ученіе о необходимости возможныхъ уступокъ со стороны послѣднихъ на пользу государственную ¹⁾, то зилоты оставались глухи къ подобнымъ внушеніямъ и заявляли: „если угрожаетъ царству (обществу) опасность, то объ этомъ не церковь должна заботиться; на церкви лежитъ только обязанность молиться:

¹⁾ Объ этой „теоріи“ было говорено выше, гдѣ рѣчь идетъ о патр. Іоаннѣ Веккѣ, стр. 223.

а не допускать ничего угрожающаго бѣдствіями или устранять опасности — это обязанъ царь“ ¹⁾). Конечно, молитва дѣло великое, но зилоты, говоря о молитвѣ, какъ своей обязанности, очевидно хотѣли тѣмъ дать знать, чтобы ихъ оставили въ покоѣ и не возлагали на нихъ осязательныхъ заботъ и тревогъ по части государственныхъ потребностей. Если зилотамъ толковали о необходимости соблюденія мира и спокойствія въ государствѣ, которые ими нарушались, о необходимости всячески поддерживать этотъ миръ путемъ обузданія своихъ пожеланій, то зилоты, прикрываясь ревностію по благочестію, хотя и соглашались съ тѣмъ, что нужно охранять общественный миръ, но при этомъ давали понимать, что заботы о мирѣ имѣютъ въ ихъ глазахъ далеко не безусловное значеніе. „Нѣтъ спору“, говорили они, что „надобно стараться о мирѣ, но такъ, чтобы не оскорбить Бога, а если настоятъ опасность оскорбить Бога, то надобно бороться“, т. е. выдти изъ состоянія пассивности и забыть о мирѣ. Разумѣется, эти слова, если понимать ихъ буквально, имѣютъ смыслъ библейскій, истинно христіанскій и благословный, но Византійскій историкъ, сообщая приведенныя слова, сопровождаетъ ихъ небольшимъ комментариемъ, который лишаетъ ихъ этого буквального смысла и придаетъ имъ такой, на какой мы указали выше. Историкъ, сообщая эти слова, замѣчаетъ: „всему своему ученію они (т. е. зилоты) давали *видъ* совершеннаго православія. Приводили они доказательства и изъ Писанія, на которое опирались непрестанно, если оно благоприятствовало ихъ ученію (т. е. могло быть перетолковано въ ихъ пользу) и покровительствовало собственно имъ“ ²⁾. А самымъ лучшимъ и убѣдительнѣйшимъ комментариемъ къ разбираемымъ словамъ зилотовъ служатъ ихъ дѣятельность, о которой будемъ говорить сейчасъ и которая доказываетъ, что подъ предлогомъ благочестія они настойчиво обращались къ правительству съ своими часто странными и притязательными требованіями; во имя благочестія старались

¹⁾ Пахимера. Истор. о Михаилѣ Палеологѣ, кн. V, гл. 18, стр. 358.

²⁾ Пахимера. Ibidem, кн. V, гл. 28, стр. 384.

настоять на своемъ или же поставить въ затруднительное положеніе самихъ царственныхъ вѣнцесосцевъ. Если что-либо предпринималось правительствомъ не въ ихъ интересахъ, и вообще если правительственныя предпріятія по какимъ-нибудь соображеніямъ имъ не нравились, они единодушно противились волѣ правительственной. Благодаря ихъ единодушію и настойчивости „опытъ какого бы то ни было предпріятія отклонить имъ было нетрудно“ ¹⁾. Лозунгомъ ихъ въ подобныхъ случаяхъ были слова: „мы стоимъ за церковь“. Лозунгъ—импонирующий, внушительный. Къ сожалѣнію, такъ какъ понятіе о церкви у зилотовъ не отличалось широтою и здравомысліемъ (мы уже знаемъ, что, по замѣчанію ихъ современника, они „придавали своему ученію лишь видъ православія“), то подъ предлогомъ „стоянія за церковь“ они могли служить узкимъ партійнымъ интересамъ.

Посмотримъ, въ чемъ же именно выразились указанныя свойства партіи зилотической. Такъ какъ зилоты своимъ лозунгомъ сдѣлали слова—„стояніе за церковь“, за благочестіе, то они желали давать своимъ дѣйствіямъ строго-религіозный характеръ. Они хотѣли во очію доказать, что покровительство неба обращено на ихъ сторону, а ни куда-нибудь еще. Такъ зилоты, не имѣя общенія съ однимъ Византійскимъ патріархомъ, снявшимъ отлученіе съ императора Михаила Палеолога, для доказательства своей предполагаемой правоты обращаются не къ авторитету Св. Писанія и св. отцевъ и не къ разумнымъ доказательствамъ, а къ „суду Божію“. Они рѣшительно и самоувѣренно требуютъ отъ императора, пожелавшаго, чтобы они, забывъ свою притязательность, вступили въ связи и единеніе съ большинствомъ предстоятелей церкви, не раздѣлявшихъ утробленной ихъ строгости, требуютъ, чтобы имъ была дана возможность путемъ „суда Божія“ доказать, что напрасно ихъ считаютъ неправыми и сварливыми. Для устройства этого „суда Божія“ зилоты выпросили у императора такую церковь, въ которой не происходили службы во все время

1) Пахимера. Ibid., стр. 385.

патріаршествованія зазорнаго въ глазахъ ихъ патріарха; здѣсь они надѣялись совершить одно чудо. Императоръ (это былъ Андроникъ) далъ имъ церковь всѣхъ святыхъ, которая была почему-то закрыта въ вышеуказанное патріаршество. Зилоты начали здѣсь богослуженіе, причемъ имъ принята была предосторожность, чтобы кто нибудь изъ лицъ, не принадлежащихъ къ ихъ партіи, не проникъ сюда и тѣмъ не повредилъ чистотѣ и святости церкви. Для совершенія чуда зилоты пожелали имѣть у себя въ церкви мощи какого-либо святаго. Императоръ назначилъ выдать имъ мощи св. Іоанна Дамаскина. Чудо, которое хотѣли совершить зилоты, должно было состоять въ слѣдующемъ: они надумали положить свитокъ съ исчисленіемъ причинъ, по которымъ они отделились отъ предстоятелей церкви, къ ногамъ угодника; затѣмъ совершать молитву, пока свитокъ чудеснымъ образомъ не передвинется отъ ногъ къ рукамъ угодника и не появится въ нихъ. Какова затѣя! Императоръ сначала было соглашался на этотъ экспериментъ, но потомъ, быть можетъ, въ виду возможнаго обмана или какой нибудь проделки со стороны зилотовъ, отказалъ имъ въ производствѣ эксперимента ¹⁾. На этомъ дѣло однако же не кончилось. Впоследствии зилоты ²⁾ опять возвратились къ мысли доказать свою правоту путемъ сверхъ-естественнымъ, „судомъ Божиимъ“. На этотъ разъ зилотами предложено было императору уготовить треножникъ, могущій служить жаровней. Сюда предположено было бросить два свитка: зилотическій, въ которомъ они имѣли изобразить свои претензіи, и свитокъ со стороны православныхъ съ изясненіемъ основаній, по которымъ представители церкви не раздѣляютъ претензій своихъ конкурентовъ. Назначенъ былъ опредѣленный день для совершенія опыта. На зрѣлище прибыли: императоръ, придворные. Зилоты, подавшіе мысль о сожженіи свитковъ, конечно вполнѣ были убѣждены, что ихъ свитокъ, спасется

¹⁾ Pachymeris. Hist. de Andronico Palaeologo, lib. II, cap. 13, p. 39—40.

²⁾ Григора (см. ниже) къ зилотамъ на этотъ разъ относятъ и арсени-товъ, несомнѣнныхъ зилотовъ, и Іосифитовъ, почитателей дѣятельности патріарха Іосифа, но мы не причисляемъ Іосифитовъ къ разсматриваемой партіи, потому что они въ дѣйствительности не раздѣляли принциповъ зилотизма.

отъ разлагающаго дѣйствія огня. Но вотъ свитки брошены въ жаровню и до тла сгорѣли ¹⁾. Замѣчательно, что этотъ неудачный опытъ зилотовъ нисколько ни въ чемъ не убѣдилъ ихъ: они по прежнему поддерживали свои претензіи.

Съ немалыми и часто странными претензіями обращались зилоты къ свѣтской, правительственной власти и по поводу посвященія патріарховъ для Константинополя. Разскажемъ нѣсколько такихъ случаевъ. Послѣ того какъ устоилась унія Ліонская и вступилъ на престолъ преемникъ того императора, при которомъ произошла эта унія, открылась нужда посвятить новаго патріарха для столицы. Зилоты при этомъ настаивали предъ правительствомъ, чтобы патріархъ посвященъ былъ сообразно тѣмъ требованіямъ, какія возникли среди этой партіи. А эти требованія заключались въ слѣдующемъ: посвящать патріарха долженъ епископъ, не имѣвшій ни малѣйшихъ сношеній съ унітами (такого они нашли въ лицѣ епископа Козильскаго изъ Навпакской митрополіи) ²⁾; церемонія должна быть совершена въ такой церкви, въ которой не служило лице, имѣвшее соприкосновеніе съ дѣломъ уніи (для этой цѣли зилотами рекомендована была полузаброшенная церковь св. Предтечи, въ которой будущій патріархъ и возведенъ былъ пока въ низшія церковныя степени—такъ какъ былъ мірянинъ). Самая хитростіа въ патріархи новоизбраннаго архипастыря столицы, быть можетъ, по нѣкоторой уступчивости зилотовъ, должна была совершиться въ знаменитомъ храмѣ св. Софіи, но зато, по мысли представителей указанной партіи, актъ долженъ былъ произойти при особенныхъ условіяхъ, рассчитанныхъ на то, чтобы унія и униты не имѣли ни малѣйшаго отношенія къ акту посвященія. Такъ они устроили

¹⁾ Григоры. Визант. Ист. Кн. VI, гл. 1. Pachymeris. Ibid., cap. 22, p. 60 - 61. Нужно сказать, что и нѣкоторые патріархи—зилоты (напр. Исидоръ) были преисполнены горделивой мысли, что Богъ непосредственно открываетъ имъ свою волю, и въ этой увѣренности рѣшались, по своему произволу, дѣлать смѣлыя предсказанія царямъ, но и патріарховъ преслѣдовали въ этомъ отношеніи неудачи и тяжелое разочарованіе. Gregoras. Hist. Byzant. Tom. II, 870—871.

²⁾ Который былъ возведенъ въ митрополита Ираклійскаго во Фракіи, такъ какъ обыкновенно этотъ іерархъ рукополагалъ Константинопольскаго патріарха.

слѣдующее: храмъ Софіи былъ вновь освященъ, какъ будто бы онъ былъ оскверненъ чѣмъ; въ хиротоніи имѣли принять участіе лишь архіереи, стоявшіе вдали отъ уніоннаго движенія; никто изъ константинопольскихъ клириковъ не могъ быть допущенъ въ храмъ не только участвовать въ церемоніи, но и созерцать ее; двери должны быть на запорѣ; при этомъ приняты были мѣры, чтобы кто-нибудь не проникъ на хоры — женское отдѣленіе храма — и не сталъ оттуда или же чрезъ окна смотрѣть на совершающееся въ храмѣ по случаю посвященія новаго патріарха. Вотъ, сколь многого хотѣли зилоты, и въ виду силы и численности ихъ партіи имъ сдѣланы были всѣ уступки, на которыя они заявили притязаніе ¹⁾. — И это, говоримъ, не единственный случай, когда при посвященіи новаго патріарха зилоты настойчиво выступали съ разными своими затѣйливыми требованіями предъ императорами. Почти тоже повторилось при рѣшеніи вопроса о возведеніи на Константинопольскую кафедру новаго патріарха послѣ Іоанна Созопольскаго. Зилоты при этомъ случаѣ заявили о своихъ правахъ на избраніе патріарха, основываясь на томъ, что они стояли вдали отъ уніи, этого постыднаго дѣла, допущеннаго въ Византійской церкви XIII вѣка. Мало того: они требовали, чтобы посвящалъ будущаго патріарха архіерей, не причастный уніоннымъ соблазнамъ; какъ на такого они указали на какого-то епископа Мармарицкаго съ запада, никому неизвѣстнаго. По собраннымъ справкамъ объ этой личности оказалось, что епископъ Мармарицкій — человѣкъ сомнительной нравственности, корыстолюбецъ и симонистъ. Какъ бы то ни было, императорская власть чувствовала себя вынужденною уступить зилотамъ, уважить ихъ притязанія. Къ счастью для тогдашняго императора, дѣла устроились такъ, что въ Мармарицкомъ епископѣ не оказалось надобности: возстановленъ былъ на Византійской кафедрѣ одинъ изъ прежнихъ патріарховъ (Аѳанасій), и затѣи зилотовъ разсѣялись ²⁾. Изъ тѣхъ же побужденій, какими

¹⁾ Pachymeris. De Andronico Palaeologo, lib. I, cap. 13—15, p. 39—49.

²⁾ Pachymeris. De Andronico, lib. IV, cap. 34, p. 353—357.

руководились зилоты въ предъявленіи условій посвященія новыхъ патріарховъ, они же добивались разныхъ другихъ, согласныхъ съ ихъ наклонностями, предписаній и распоряженій отъ царя. Такъ, разъ они добились того, чтобы имъ позволено было переосвятить храмъ Софійскій, оскверненный, какъ они думали, богослуженіемъ патріарха, принадлежавшаго униі. Для того, чтобы это переосвященіе представлялось болѣе истовымъ и было болѣе дѣйствительнымъ, они окропили святой водой не только внутренности зданія, но и стѣны его снаружи ¹⁾. При другомъ случаѣ они же, зилоты, достигли того, чтобы лица разныхъ духовныхъ степеней, имъ не сочувствовавшія, подверглись разнымъ церковнымъ наказаніямъ съ согласія и рѣшенія самого императора ²⁾.

Зилоты нерѣдко простирали такъ далеко свою притязательность, что или лично чѣмъ нибудь угрожали царямъ, или предъявляли очень суровыя требованія къ особамъ царской фамиліи, или даже готовили революцію противъ неугоднаго имъ вѣнценосца. Чтобы добиться отъ императора Андроника Старшаго того, что имъ нужно было, зилоты пускали въ ходъ устрашенія противъ этого вѣнценосца. Они, напримѣръ, объявляли ему, что если онъ не получитъ церковнаго благословенія отъ новаго патріарха, непринастнаго латинской униі, то самое его царствованіе не будетъ считаться законнымъ и несомнительнымъ ³⁾. Или: чтобы досадить императору Михаилу, имъ непріятному, и затѣмъ выразить свое торжество надъ нимъ по его смерти, они пускались на разные безцеремонныя выдумки. При жизни взыбаннаго царя, зилоты начали распространять въ обществѣ противъ него памфлеты, или, какъ тогда они назывались, „василографіи или оскорбительныя для царя сочиненія ⁴⁾“. Одинъ адептъ зилотизма распускалъ объ императорѣ Михаилѣ молву, будто онъ самъ видѣлъ, какъ императоръ, объѣзжая провинціи, причащался опрѣсноками, т.-е. совер-

¹⁾ Pachymeris. Ibidem, lib. I, cap. 4, p. 20.

²⁾ Ibid., lib. I, cap. 22, p. 64—65.

³⁾ Pachymeris, ibidem, cap. 13, p. 39.

⁴⁾ Пахимера. Исторія о Михаилѣ Палеологѣ, кн. VI, гл. 26, стр. 454.

шенно по латинскому обряду. Другой адептъ того же зилотизма по чувству ревности и благочестія назвалъ того же Михаила въ глаза: „Юлианомъ отступникомъ ¹⁾“. На этотъ разъ столь дерзновенными адептами зилотизма были монахи, которые, какъ мы замѣчали выше, являлись одною изъ составныхъ частей изучаемой нами партіи. Случалось, что въ борьбѣ за интересы зилотизма монахи доходили до того, что „соскальзывали со средины и впадали изъ ревности въ крайность и дѣлали нѣчто, заслуживавшее наказанія“. Къ императору Михаилу, по свидѣтельству того же историка, они питали „явное нерасположенія“, „они считали дни и часы его жизни“, высчитывая, скоро ли отъ него избавятся ²⁾. А когда императоръ Михаилъ умеръ, то главари зилотизма захотѣли особымъ образомъ выразить свое торжество при видѣ праха умершаго. Вскорѣ по кончинѣ Михаила зилоты представили вдовствующей императрицѣ Θεοδορῆ, женѣ названнаго императора, покаянную грамоту съ требованіемъ подписи отъ этой царственной особы. А грамотою требовалось, чтобы Θεοδορα отеклась отъ всего, того, что сдѣлано было Михаиломъ при его жизни и чему не сочувствовали зилоты, — далѣе, чтобы она никогда не добивалась возможности погребсти покойнаго по христіанскому обряду и чтобы отказалась отъ номинованія его въ молитвахъ. Вдова должна была подписать эту безчувственную по своему содержанію грамоту ³⁾. — Мы сказали выше, что дерзость зилотовъ простиралась до революціонныхъ попытокъ, направленныхъ противъ неугодныхъ имъ императоровъ. Примѣръ такого преступнаго движенія, вышедшаго изъ лагеря зилотовъ, находимъ въ царствованіе императора Андроника Старшаго. Нѣкоторымъ горячимъ головамъ среди зилотовъ (Арсенитовъ) взбрела мысль — выставить самозванца

¹⁾ Pachymeris. De Andronico, lib. I, cap. 3, p. 17. Сличи: Пахимера О Михаилѣ, кн. VI, гл. 24, стр. 451.

²⁾ Пахимера. О Михаилѣ, кн. VI, гл. 24, стр. 453.

³⁾ Грамата эта въ русскомъ переводѣ находится у проф. Троицкаго въ его статьяхъ: Арсеній и Арсениты (Хр. Чт. 1871 г., т. I, 622—9). А въ подлинникѣ отпечатана Димитракопуломъ въ его: *Ἱστορία τοῦ οὐχολοῦτος* сел. 78—80. (Лейпцигъ, 1867).

противъ императора, конечно, въ надеждѣ, что въ случаѣ удачнаго исхода предпріятія всѣ желанія ихъ будутъ исполнены. Они начали пестаться съ какимъ-то Іоанномъ Дримисомъ, на которомъ сосредоточивались ихъ партійныя упованія. Заговоръ не имѣлъ успѣха. Участіе въ этомъ дѣлѣ зилотической партіи не подлежитъ сомнѣнію ¹⁾.

Однимъ изъ очень существенныхъ, общественныхъ элементовъ, на которомъ опирались въ своей борьбѣ съ правительствомъ зилоты,—былъ простой народъ византійскій, чернь, распушенная вольница. Опасность и вмѣстѣ съ тѣмъ силу этихъ нищихъ сознавали очень многія наблюдательныя лица въ тѣ времена. Императоръ Михаилъ Палеологъ однажды говорилъ подданнымъ: „бросьте тайныя сходки. Я знаю, что много людей съ сумками ходятъ въ ваши жилища; пожалуй они будутъ винить царей, смѣшивая старое съ новымъ, будутъ говорить, что настоящіе обстоятельства церкви не хороши, да и другихъ научать говорить тоже самое и тѣмъ окончательно будутъ сбивать всѣхъ съ толку ²⁾“. Бродяги и нищіе, но обладавшіе умѣньемъ мутить народъ и наклонностію агитировать (охотяще всего въ пользу зилотовъ), разсѣвались изъ Константинополя по другимъ городамъ и странамъ. Это были слѣпые вожаки слѣпой черни и мелкихъ торгашей,—„люди, не имѣвшіе здраваго смысла, но всегда испытывающіе радость при извѣстіяхъ о разныхъ въ особенности тревожныхъ новостяхъ“; „рисуюсь своими дырявыми плащами, разсѣвались они повсюду—появлялись въ Фессалоникахъ, достигали Пелопонеса, Ахайи“. Они переходятъ съ одного мѣста на другое единственно для того, чтобы возбуждать умы и подготавливать безпорядки. Они, если ихъ миссіей было укрѣпленіе зилотизма, любили говорить не отъ своего лица, а выдавали себя за предсказателей, дѣйствующихъ по волѣ Высшей и удостоивающихся откровеній ³⁾. —Патріархъ Григорій Кипрскій, не мало перенесшій

¹⁾ См. тѣже статьи проф. Троицкаго: Хр. Чтен. 1871 г., т. II, 686—383.

²⁾ Пахимера. О Михаилѣ Палеологѣ, кн. VI, гл. 11, стр. 234.

³⁾ Григоры, кн. V, гл. 2, стр. 121—2. Этихъ странниковъ и бродягъ, стоявшихъ за патріарха Арсенія (зилота), очень картинными чертами описываетъ проф. Троицкій. „Арсеній и Арсенины“. Хр. Чт. 1867, т. II, стр. 929—930.

неудовольствій отъ партіи зилотовъ и имѣвшій возможность хорошо изучить составъ этой партіи и способы ея дѣйствованія, въ письмѣ къ императору Андронику Старшему прежде всего выставляетъ на видъ то, что зилоты въ борьбѣ съ своими противниками опирались на такую силу, какъ „простонародье“, затѣмъ онъ яркими чертами описываетъ необыкновенную способность зилотовъ къ агитированію. Для обрисовки способности зилотовъ комплектовать ряды оппозиціи, патріархъ Григорій пишетъ императору: „эти люди“, „пользуясь свободой дѣйствій и на площадяхъ и въ темныхъ закоулкахъ, — словомъ — повсюду, разглагольствуютъ со всѣми встрѣчными и поперечными, разцѣнивая и позоря и начальниковъ, и подначальныхъ, вообще всѣхъ, кто не хочетъ быть заодно съ ними. Если же кому случится захворать, то они силою врываются къ нему въ домъ, осаждаютъ больного и заставляютъ его противъ воли принять ихъ за духовниковъ (точно іезуиты); въ случаѣ же смерти они являются и священниками, и пѣвцами, и погребателями, чтобы умершій по крайней мѣрѣ при концѣ жизни, по ихъ словамъ, сдѣлался благочестивымъ и православнымъ (т.-е, сталъ адептомъ зилотической партіи) и не умеръ въ злочестіи¹⁾“.

Скажемъ объ отношеніи патріарховъ зилотовъ къ духовенству. Въ XII, XIII и особенно XIV вѣкѣ патріархи этого типа нерѣдко становились у кормила церковнаго правленія. Зилотическая партія при выборѣ новаго патріарха въ Византіи всегда обнаруживала большую дѣятельность, имѣя въ виду предоставить это высокое мѣсто „по своему усмотрѣнію кому нибудь изъ своихъ²⁾“. Зилоты въ подобномъ случаѣ искали возможности настраивать императоровъ въ пользу своихъ интересовъ и нерѣдко добивались своей пѣли³⁾. Занявъ Константинопольскую кафедру, зилотъ-патріархъ ревностно принимался за введеніе порядковъ въ церкви, соотвѣтствовавшихъ его направленію и настроенности.

¹⁾ Письмо Григорія къ Андронику въ переводѣ см. Хр. Чт. 1870 г., т. II, 513.

²⁾ Григоры, кн. VI, гл. 1, стр. 158.

³⁾ Gregorae. Histor. Byzantina, lib. XVIII, cap. 1, p. 871.

И нерѣдко въ своей ревности объ улучшеніи церковныхъ дѣлъ заходилъ очень далеко. Въ этомъ случаѣ патріархи зилоты были выразителями требованій своей партіи, а требованія этой послѣдней были широки и многообъемлющи: „они (иногда) желали ни больше, ни меньше, какъ полного преобразованія церкви ¹⁾“ въ духѣ своихъ стремленій. Такъ какъ патріархи зилоты сами не отличались образованіемъ, то они, естественно, холодно и пренебрежительно относились къ ученымъ клирикамъ. Этимъ послѣднимъ лицамъ зилоты-патріархи не думали давать простора для дѣятельности. Объ одномъ изъ подобныхъ патріарховъ историкъ замѣчаетъ: „взошедши на патріаршую кафедру, онъ къ нимъ первымъ (ученымъ клирикамъ) обратилъ свое грозное лицо, полное ревности и строгости“ ²⁾. Эти клирики, не ожидая для себя ничего добраго отъ суроваго патріарха, сочли за лучшее, по сказанію историка, „бѣжать изъ столицы“. Съ другой стороны, такъ какъ зилоты патріархи стояли въ близкихъ сношеніяхъ съ монашескимъ сословіемъ и опирались на него въ борьбѣ съ противною партією, то эти патріархи старались дѣлать всевозможное для возвышенія монашества. Они перестали держаться обычая, по которому не одни монахи, а и клирики удостоивались епископскаго сана: отдавали рѣшительное предпочтеніе монахамъ при выборѣ на архіерейскія должности, что на взглядъ историковъ того времени представлялось не позволеною крайностію ³⁾. Иногда патріархи-зилоты простирали свои стремленія о преобразованіи церкви такъ далеко, что священниковъ и епископовъ, которыхъ они находили въ церкви, замѣняли другими, новыми ⁴⁾. Это явленіе повторялось не разъ. Одни епископы низвергались, а другіе поставлялись на ихъ мѣсто, причемъ возвышенію послѣднихъ способствовала ихъ преданность принципамъ зилотизма, хотя бы въ тоже время

¹⁾ Cupiebant illi nihil minus quam totius, ut verbo dixerim, transformationem ecclesiae (τῆς ἐκκλησίας ὡς εἶπεν μεταποίησις). Pachymeris. De Andronico, lib. I, cap. 14, p. 42.

²⁾ Григоры, кн. VI, гл. 5, стр. 173—4.

³⁾ Pachymeris. De Andronico, lib. II, cap. 28, p. 186—7.

⁴⁾ Gregorae. Hist. Byzant., lib. XV, cap. 12, p. 793.

они и были малообразованы ¹⁾. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что патріархи-зилоты избирали новыхъ епископовъ изъ числа лицъ, принадлежавшихъ къ ихъ партіи. Въ этомъ отношеніи представители партіи были очень требовательны; высшія духовныя мѣста должны были быть наградою за ихъ твердость своимъ принципамъ. „Они, по словамъ историка, желали заправлять всѣми церковными дѣлами“ и для этого домогались, чтобы кафедра патріаршая досталась лицу, имъ сочувствующему; „они разсчитывали пользоваться его высокимъ положеніемъ, какъ бы какою неприступною крѣпостію и удобно подѣлить между собою—продолжаетъ историкъ—епископіи и митрополіи, завладѣть всѣми монастырями, распредѣлить между собою всѣ духовныя чины, занять всѣ энархіи и получить въ свое распоряженіе всѣ доходы, расходы и выдачи. Все это, они думали, должно быть предоставлено имъ, какъ награда за ихъ добродѣтели и ревность“ ²⁾. Этого имъ дѣйствительно удавалось достигать какъ при такихъ патріархахъ, которые считали для себя выгоднымъ стоять въ лучшихъ отношеніяхъ съ зилотическою партіею ³⁾, такъ даже и при такихъ, которые хотя и не были въ союзѣ съ зилотами, но не умѣли, по тѣснымъ обстоятельствамъ времени, противодѣйствовать и обуздывать ихъ ⁴⁾; не говоримъ уже о временахъ тѣхъ патріарховъ, которые вышли изъ рядовъ самихъ зилотовъ ⁵⁾.

Одержавъ верхъ надъ своими противниками (представителями другой партіи—политиками), сторонники зилотизма иногда пользовались благоприятнымъ случаемъ, чтобы досадить членамъ побѣжденной партіи, причемъ дѣло доходило до явнаго безобразія. Но предоставимъ слово историкъ, который въ слѣдующихъ словахъ описываетъ торжество зилотовъ надъ противниками, имѣвшее мѣсто въ концѣ XIII вѣка. Разъ зилоты, какъ показавшіе ревность по вѣрѣ, „собрались въ Византію, гдѣ подѣлили между собою митрополіи и другія

¹⁾ Ibid. lib. XVIII, cap. 3, p. 883—4.

²⁾ Григоры, кн. VI, гл. 1, стр. 158.

³⁾ Григоры, кн. VII, гл. 9, стр. 255.

⁴⁾ Ibid. кн. VI, гл. 2, стр. 163.

⁵⁾ Gregorae, lib. XXI, cap. 5, p. 1021.

высшія мѣста или же рѣшили подѣлить, и пользуясь благопріятнымъ случаемъ, безо всякаго снисхожденія присудили къ полному отлученію архіереевъ и всѣхъ клириковъ, соглашавшихся относительно догматовъ съ императоромъ Михайломъ Палеологомъ (т.-е. прямо или не прямо соприкосновенныхъ уніи). Очень многіе изъ нихъ—замѣчаетъ историкъ о зилотахъ—принадлежали къ площадному, необразованному и своенравному классу людей, вчера или третьего дня они не осмѣлились бы даже посмотрѣть въ лицо царю, а теперь они такъ загордились своимъ положеніемъ, что стали точно пьяные. Они собрали, какъ овецъ, въ великій Влахернскій храмъ всѣхъ тѣхъ, кого предназначали къ лишенію священства. Послѣдніе старались возбудить въ нихъ сожалѣніе и виѣшнимъ своимъ видомъ и словами, но, несмотря на это, они не отступались отъ своего рѣшенія: всѣ чувства состраданія и милосердія, какія могли быть въ нихъ, точно унесли волны и схоронили ихъ на днѣ Атлантическаго океана. Но у кого найдется—говоритъ историкъ—такое жестокое и такое каменное сердце, чтобы разсказать о той наглости и томъ необыкновенномъ безчеловѣчїи, какія они обнаружили въ отношеніи къ несчастнымъ епископамъ и другимъ священнымъ лицамъ? Послѣ ругательствъ, главари собранія приказали прислужникамъ снимать съ головъ виновныхъ покрывала и бросать ихъ на землю съ троекратнымъ провозглашеніемъ: ἀνάξιος; у другихъ же снимать другія одежды и заворачивая подола на голову, возглашать тоже: ἀνάξιος, а потомъ толчками, пинками и пощечинами, какъ какихъ нибудь убійцъ, выгоняли изъ храма. И это праведные судїи, люди, посвященные въ тайны Евангелія¹⁾, восклицаетъ историкъ¹⁾.

Такъ поступала иногда партія зилотовъ, если ей удалось захватить побольше епископскихъ кафедръ и быть въ силѣ и во власти; иначе они вели себя, если они не успѣвали

¹⁾ Григоры, кн. VI, гл. 2, стр. 163—165. Главaremъ разсматриваемаго собранія зилотовъ былъ епископъ Сардскій Андроникъ (въ монашествѣ Аванасій). А такъ какъ извѣстно, что онъ былъ вожакомъ Арсенитовъ, то ясно, что виновниками безобразной сцены были именно эти ревнители чести патріарха, отъ имени котораго они получили свое наименованіе. Pacheris. De Andronico, lib. 1, cap. 17, p. 52.

„получить управленія надъ митрополіями, настоятельства надъ монастырями, ежегоднаго содержанія“: они отпадали отъ церковнаго единенія и „начинали жить особнякомъ въ расколѣ“ ¹⁾). Отщепенство являлось какъ бы выраженіемъ мести съ ихъ стороны. Къ сожалѣнію, сами патріархи зилоты, если имъ приходилось недобровольно, или въ пылу гнѣва на дѣйствительную или воображаемую несправедливость—приходилось оставлять архипастырскую каѳедру, то своими дѣйствіями они показывали примѣръ, малопоучительный для своихъ сторонниковъ. Такъ извѣстно, что одинъ патріархъ-зилоть, лишенный патріаршаго сана, на самомъ смертномъ одрѣ не хочетъ забыть нанесенной ему обиды, и даже осмѣливается въ своемъ духовномъ завѣщаніи назвать церковь „пещерой разбойниковъ и поругею“ ²⁾; другой патріархъ зилоть, самъ добровольно оставляя каѳедру по неудовольствію на то, что, какъ ему казалось, его недостаточно цѣнили, наложилъ тайную эпитимію „на архіереевъ, на священнослужителей“ и пр. ³⁾; третій, возвратившись снова на каѳедру, съ которой онъ былъ низверженъ, въ чувствѣ торжества надъ противниками, „принялся мстить и преслѣдовать епископовъ и пресвитеровъ, запрещая однимъ священнослуженіе на нѣсколько лѣтъ, другимъ до самой смерти“ ⁴⁾). Разумѣется, такіе примѣры могли поощрять и прочихъ приверженцевъ зилотической партіи не стѣсняться въ борьбѣ съ противниками.

Дѣятельность патріарховъ зилотовъ, часто направлявшаяся не къ созиданію церкви, а къ ея раззоренію и обозначавшаяся катастрофою для лицъ, имъ неугодныхъ, главнымъ образомъ для священнослужителей, понятно, возбуждала неудовольствія. И случалось острословы, не имѣя другихъ средствъ досадить патріарху зилотическаго духа, сочиняли на нелюбимаго пастыря сатиру и пускали ее въ ходъ, въ публику. Такъ на одного патріарха зилота сочинена была такая сатира (она вращалась въ обществѣ, въ

¹⁾ Григоры, кн. VП, гл. 9, стр. 255—256.

²⁾ Migne, Gr. tom. 140, p. 956.

³⁾ Григоры, кн. VI, гл. 7, стр. 184.

⁴⁾ Григоры, кн. IX, гл. 7, стр. 422.

изустной передачѣ). „Жилъ-былъ саножникъ (подъ этикъ ремесленникомъ, очевидно, разумѣлся императоръ) и держалъ у себя бѣлую кошку. Однажды кошка какъ-то нечаянно въ ведро, въ которомъ саножникъ держалъ ваксу; оттуда она едва выбралась, сбѣлавшись уже черною (изображеніе патріарха-зилота). Мыши же подумали (подъ мышами нужно понимать Византійское духовенство), что она, перемѣнивъ свою одежду на черническую, конечно, не станетъ ѣсть мяса. Поэтому они безстрашно высыпали на полъ и принялись обнюхивать тамъ и сямъ, чѣмъ бы поживиться. Пришла кошка и, увидѣвши такую богатую добычу, не могла конечно изловить всѣхъ мышей, хоть и очень хотѣла; однако схватила двухъ и съѣла (указаніе на необыкновенную жестокость кошки: двухъ заразъ). Прочія всѣ бросились бѣжать, изумляясь, какимъ образомъ она съ тѣхъ поръ, какъ облеклась въ черную одежду, стала еще больше жестока¹. Авторомъ этой сатиры или аполога былъ человѣкъ почтенный, Александрійскій патріархъ, гостившій въ то время въ Константинополѣ¹).

Нѣтъ спора, у зилотовъ было много недостатковъ, но за то имъ принадлежитъ одна заслуга, ради которой можно забывать ихъ недостатки: они въ ничто обратили умѣренныя стремленія свѣтскаго и духовнаго правительства при Михаилѣ Палеологѣ. Это ихъ заслуга. Такой заслуги нельзя находить въ дѣятельности другой партіи—политиковъ, имѣвшей при томъ же не меньше зилотовъ разнаго рода недостатковъ.

Сдѣлаемъ характеристику другой іерархической византійской партіи—политиковъ или умѣренныхъ. Она значительно отличалась отъ прежде рассмотрѣнной нами партіи зилотовъ какъ своими принципами, такъ и дѣятельностью.

Разсматривая политиковъ, прежде всего со стороны умственныхъ качествъ, можно наблюдать, что между ними было немало лицъ, выдающихся по уму, хорошо образованныхъ, иногда блестяще образованныхъ. Вотъ нѣкоторые отзывы въ этомъ родѣ о патріархахъ партіи умѣренныхъ.

¹) Григоры, кн. VП, гл. 1, стр. 207—8.

Объ одномъ изъ патріарховъ изучаемой партіи, Григора пишетъ: „онъ превосходилъ другихъ рѣдкою разсудительностію и обширною ученостію какъ по части духовныхъ, такъ и свѣтскихъ наукъ. Это былъ человѣкъ ученѣйшій, выдававшійся изъ ряда всѣхъ чистымъ Аѳинскимъ произношеніемъ“¹⁾. Еще до патріаршества онъ извѣстенъ былъ сочиненіями, „написанными языкомъ изящнымъ, способными возбуждать къ себѣ удивленіе даже въ людяхъ образованныхъ“²⁾. О другомъ патріархѣ той-же партіи встрѣчаемъ такой отзывъ: „онъ былъ человѣкъ извѣстный ученостію, принадлежалъ къ придворному духовенству. При богатыхъ дарованіяхъ и примѣрномъ трудолюбіи, онъ можно сказать, вывелъ на свѣтъ и оживилъ аттически звучавшую рѣчь, съ незапамятныхъ временъ скрывавшуюся въ глубинахъ забвенія“³⁾. По очень понятному побужденію, этотъ патріархъ давалъ духовныя мѣста преимущественно „лицамъ ученымъ, знатокамъ церковныхъ законовъ“. По сужденію историка того времени, патріархъ поступалъ такъ именно съ той „прекрасной цѣлю, чтобы христіанскій народъ имѣлъ ученыхъ наставниковъ и учителей, и чтобы у него были твердые защитники вѣры, которые могли-бы служить твердыми скалами, еслибы появились враги церкви и угрожали ей бурей“⁴⁾. О третьемъ патріархѣ—еще болѣе лестный отзывъ. По словамъ историковъ, онъ отличался „ученостію“, „краснорѣчіемъ и церковно-административною опытностію“⁵⁾; былъ „человѣкъ умный, надѣленный такими дарами природы, какими никто изъ его современниковъ. Свободною и являною рѣчью, гибкимъ и въ высшей степени находчивымъ умомъ, всѣмъ этимъ природа щедро надѣлила его какъ бы для того, чтобы его имя съ уваженіемъ произносили цари, правители и всѣ ученые. По части знанія церковныхъ догматовъ, всѣ казались предъ нимъ (какъ бы) дѣтьми“⁶⁾. О

¹⁾ Визант. истор. кн. VI, гл. 8, стр. 186; кн. VII, гл. 11, стр. 263. (Рѣчь объ Іоаннѣ Гликисѣ)

²⁾ Ibidem, стр. 187.

³⁾ Ibidem, кн. VI, гл. I, стр. 155. (О Григоріѣ Кипрскомъ).

⁴⁾ Ibidem, кн. VI, гл. 5, стр. 173.

⁵⁾ Пахимера. Исторія о Михаилѣ Палеологѣ, кн. V, гл. 24, стр. 372.

⁶⁾ Григоры, кн. V, гл. 2, стр. 122—123. (Объ Іоаннѣ Веккѣ).

четвертомъ патріархѣ этой-же партіи, отзываясь какъ о человѣкѣ замѣчательно ученѣмъ, историки сообщаютъ, что его искреннимъ желаніемъ было поднять уровень образованности въ средѣ Византійской церкви. Патріархъ разсуждалъ, что для пользы церкви нужно, чтобъ она была богата наставниками для юношества учеными и образованными. Въ виду этого патріархъ съ большимъ стараніемъ отыскивалъ способныхъ учителей для образованія юношества, открывалъ школы, ласкалъ наиболѣе выдающихся по своимъ достоинствамъ учителей, привлекалъ во вновь открытыя школы дѣтей, не разбирая сословій ¹⁾ и пр. Еще другой патріархъ, не смотря на многочисленныя занятія по управленію церковію и патріархатомъ, охотно давалъ уроки краснорѣчія желавшимъ учиться у него, причемъ сановный наставникъ, ради занятій наукой съ учениками, готовъ былъ лишиться даже ночнаго покоя ²⁾. Все это такія черты, которыя рекомендовали патріарховъ политиковъ съ лучшей стороны. Находясь подъ такими вліяніями, сторонники партіи—разумѣемъ епископовъ — считали себя вправѣ смотрѣть съ пренебреженіемъ на патріарховъ зилотической партіи, если ихъ необразованность и невѣжество слишкомъ рѣзко бросались въ глаза. Такъ, по заявленію историка, нѣкоторые архіереи (очевидно приверженцы партіи политиковъ) открыто „презирали“ одного патріарха зилота „за его необразованность и простоту и подвергали его порицаніямъ“ ³⁾. Патріархи политики, какъ люди образованные, находились въ связяхъ и близкихъ отношеніяхъ съ болѣе просвѣщенными людьми своего времени и вообще образованными классами общества ⁴⁾. Въ направленіи мысленія политиковъ, по сравненію съ зилотами, можно отмѣтить слѣдующую черту: зилоты для доказательства правоты тѣхъ или другихъ своихъ

¹⁾ Пахимера. Истор. о Михаилѣ Палеол. кн. IV, гл. 14, стр. 260—261. (О Германѣ III).

²⁾ Григоры, кн. VII, гл. 11, стр. 264. (Іоаннъ Гликисъ).

³⁾ Григоры, *ibidem*, кн. VI, гл. 11, стр. 204. (Рѣчь идетъ объ Іоаннѣ Созопольскомъ).

⁴⁾ Напр. съ Георгіемъ Акрополитомъ (Пахимера, о Михаилѣ, кн. IV, гл. 14, стр. 260); съ Θεодоромъ Метохитомъ (Григоры, кн. VI, гл. 8, стр. 186), съ Никифоромъ Григорой (*ibid.* кн. VII, гл. 11, стр. 264), вообще съ образованнѣйшими людьми (*ibid.* кн. V, гл. 2, стр. 122 и друг.).

воззрѣній дерзали прибѣгать къ „суду Божию“, объявили себя способными сотворить чудо (примѣры приведены были раньше); политики, напротивъ, такой способъ доказательства считали самоиѣніемъ, гордыней, не выражали сочувствія такой притязательности въ обращаніи съ явленіями, не могущими быть въ зависимости отъ воли человѣческой. Одинъ изъ патріарховъ политиковъ объяснялъ, что нѣтъ необходимости домогаться „знаменій“, гдѣ рѣшеніе вопроса возможно путемъ разумнаго разсмотрѣнія¹⁾.

Въ нравственномъ отношеніи политики имѣли свои особенности въ сравненіи съ зилотами. Правда, о патріархахъ разсматриваемой партіи мы встрѣчаемъ извѣстія, схожія съ тѣми, какія сохранились до насъ касательно зилотовъ, но есть въ этихъ извѣстіяхъ и нѣкоторая разница. Какъ и зилотовъ, историки восхваляютъ нѣкоторыхъ патріарховъ-политиковъ за безкорыстіе. Такъ, объ одномъ изъ числа этихъ послѣднихъ, историкъ замѣчаетъ: „съ патріаршаго престола (по удаленіи) онъ уносилъ съ собою немного денегъ, потому что не былъ корыстолюбивъ, его деньги легко было сосчитать“; ²⁾ о другомъ патріархѣ находимъ подобное же свидѣтельство: „золото презиралъ онъ болѣе всего, такъ что не имѣлъ и кошелька“ ³⁾. Значитъ, въ этомъ отношеніи, зилоты не превосходили умѣренныхъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Заслуживаетъ вниманія однакожь то, что зилоты любили сами указывать на свое безсребренничество, а умѣренные находятъ свидѣтелей этого ихъ качества—въ людяхъ постороннихъ. Благочестіе и религіозность патріарховъ изъ партіи умѣренныхъ не бросались въ глаза; эти патріархи чуждались внѣшняго, поражающаго зрителя благочестія, ограничиваясь внутреннимъ сердечнымъ благочестіемъ. Они избѣгали того формальнаго благочестія, которое такъ отличало зилотовъ. Такъ историкъ Пахимеръ, характеризуя нравственные качества патріарха „политика“, говоритъ о немъ: „добродѣтелью онъ отличался не тою, которая выражается въ сознаніи, что

1) Pachymeris, de Andronico, lib. I, cap. 21, p. 60.

2) Григоры, кн. VIII, гл. 2, стр. 279. (Объ Іоаннѣ І'ликиѣ).

3) Пахимера, кн. IV, гл. 13, стр. 257. (О Германѣ III).

она у него лучше, чѣмъ у прочихъ,—не тою, которая любить различать пищу и питье, назначая для каждаго рода пищи, кромѣ положенныхъ временъ, извѣстные дни,—не тою, которая побуждаетъ предпринимать путешествіе пѣшкомъ (съ религиозною цѣлію) и идти при этомъ медленно, оставаться съ немытыми ногами, спать на землѣ, имѣть на плечахъ одну и единственную одежду,—не тою, которая при этомъ поставляетъ на второмъ планѣ милосердіе и любовь, равно какъ человеколюбіе и сочувствіе и вообще вниманіе къ другимъ. Нѣтъ, его добродѣтель была именно человеческая (гуманная), какою характеризовался онъ, какъ истинный человекъ и особенно какъ человекъ облеченный властію, которому нужна больше умѣренность, чѣмъ безстрастіе. Еслибы отъ подобной жизни отнять разсудительность, то чрезъ отнятіе этого одного погибло-бы въ ней все. Такою-то добродѣтелью украшался онъ: нѣкоторые называютъ ее политическою, а согласную съ нею жизнь—жизнію политика, которая занимаетъ средину между жизнію созерцательною и свѣтскою“ ¹⁾. Патріархи-политики въ житейскомъ обиходѣ позволяли себѣ такія вещи, которыхъ ни подъ какимъ видомъ не потерпѣли-бы зилоты. Такъ одинъ патріархъ былъ мясоядцемъ. Врачи нашли, что по состоянію его здоровья ему вредна ностная пища, и патріархъ не только не принялъ себя, противъ обыкновенія, монашескаго чина, но употреблялъ въ столѣ мясо ²⁾. О другомъ патріархѣ изъ политиковъ Пахимеръ замѣчаетъ вообще, что онъ былъ „свободнаго нрава“ ³⁾, не поясняя точно, что это значитъ, но во всякомъ случаѣ указываетъ на черту, никогда не встрѣчающуюся въ зилотахъ.

Здѣсь уместно будетъ сказать о томъ, какой идеалъ монашества и монашеской жизни принадлежалъ патріархамъ разсматриваемаго нами типа. Совершенство монашескаго житія они понимали иначе, чѣмъ зилоты. Такъ объ одномъ патріархѣ изъ числа политиковъ историкъ замѣчалъ: „не рѣдко по преимуществу хвалилъ онъ того, кто расторопно

¹⁾ Ibidem, стр. 256.

²⁾ Іоаннъ Гликисъ (Григоры, кн. VII, гл. 11, стр. 264).

³⁾ Кн. IV, гл. 12, стр. 255.

и съ соблюденіемъ души совершалъ чистую добродѣтель, проводя жизнь болѣе среди людей, чѣмъ въ пустынѣ“ ¹⁾. Еще опредѣленнѣе монашескій идеаль начертываетъ одинъ изъ патріарховъ-политиковъ въ собственномъ сочиненіи ²⁾. Сейчасъ мы увидимъ, что авторъ-патріархъ внутреннія качества и общественныя добродѣтели инока ставитъ въ особенности высоко. Совершенный монахъ, по возрѣнію автора, кромѣ пренебреженія къ земнымъ вещамъ отличается „учительностію, кротостію, сострадательностію, страннолюбіемъ, любовью къ добру“; онъ являетъ себя „кроткимъ, нераздражительнымъ, общительнымъ, все покрывающимъ, ко всему снисходительнымъ“; онъ „не ограничиваетъ высокаго иноческаго любомудрія мантиею“ ³⁾; онъ обязанъ ясно выражать въ дѣятельности тѣ нравственныя качества, которыя должны быть присущи совершенному монаху: „человѣколюбіе и непамятозлюбіе, также уступчивость и милосердіе и подобное этому — разсуждаетъ авторъ — имѣють основаніемъ благое произволеніе и въ немъ состоятъ первоначально; но если не пребудетъ возможности упражнять каждое изъ нихъ въ дѣятельности, то не будетъ яснаго и надлежащаго доказательства существованія ихъ“. Истинно мудрый монахъ, облеченный священною властію, для исправленія нравственности другихъ, не прибѣгаетъ къ строгимъ и суровымъ мѣрамъ. „Есть три вещи—встрѣчаемъ въ разсматриваемомъ сочиненіи такое разсужденіе, — которымъ человѣкъ можетъ отвратить (другаго) человѣка отъ грѣха и сдѣлать лучшимъ, разумію благодѣяніе, умѣренность и наказаніе“; совершенный монахъ, если по своему положенію призванъ духовно врачевать другихъ, „воспользуется первыми двумя и при ихъ пособіи исправитъ согрѣшающихъ, не прибѣгая къ третьей“ (наказанію) ⁴⁾. Совершенный монахъ не замыкается въ себѣ, онъ отдаетъ себя на общественное

¹⁾ Ibidem, стр. 256. (Рѣчь историка о Германѣ III).

²⁾ Похвальное слово св. Евсеію епископу и чудотворцу Мадитскому, написанное Григоріемъ Кипрскимъ (патріархомъ). — Оно отпечатано въ оригиналѣ съ переводомъ о. архиман. (теперь еписк.) Арсеніемъ въ „Чтен. общ. люб. дух. просв.“ 1889. (Приложеніе, стр. 1—70.)

³⁾ Стр. 56. 17. 23.

⁴⁾ Стр. 29. 47.

служеніе. Если онъ знакомъ (наприм.) съ медициной, то онъ, кромѣ духовныхъ врачеваній, помогаетъ ближнимъ и своими медицинскими познаніями. „Болѣзнуешь-ли кто тѣлесно, иного помощника не ищеть, кромѣ него“. Истинный подвижникъ не чуждается даже такого рода помощи ближнимъ, которая, повидимому, совсѣмъ не совмѣстна съ представленіемъ о монахѣ. Но истинный монахъ не особенно заботится о соблюденіи вѣншихъ формъ и декораума тамъ, гдѣ дѣло идетъ о помощи ближнимъ. Въ числѣ добродѣтелей совершеннаго инока, разсматриваемый авторъ, ни мало ни сумнясь поставляетъ и слѣдующее: „сколько дѣвицъ, тщательно воспитавши, какъ-бы нѣкихъ сродницъ, выдаетъ онъ замужъ съ приданнымъ отъ себя“ ¹⁾. Отсюда открывается, что идеалъ монашеской жизни въ средѣ партіи умѣренныхъ отличается значительною широтой: онъ не ограничивался нестяжательностію, бдѣніями и уединенножительствоу.

Въ общественномъ отношеніи патріархи — политики характеризовались ловкостію, умѣньемъ устроить то, за что они брались, были доступны, общительны, умѣли говорить и быть убѣдительными. Такъ объ одномъ патріархѣ читаемъ у историка: „онъ былъ человекъ знакомый съ міромъ (т. е. обществоу), умѣлъ подступитъ къ правителямъ, зналъ какъ — при случаѣ — убѣдить ихъ, какъ смягчить или возбудить ихъ гнѣвъ“ ²⁾. О немъ-же тотъ-же историкъ замѣчаетъ, что патріархъ любилъ „свободное и открытое обращеніе съ встрѣчающимися и прямодушную бесѣду съ приближенными“ ³⁾. О другомъ патріархѣ тотъ-же писатель говоритъ: „онъ заимствовалъ нѣкоторые приемы изъ жизни придворной, привыкъ къ рѣчи довольно свободной. Притомъ: что самъ узнавалъ и что можно было открыть безопасно, онъ любилъ это сообщить другимъ, тогда какъ иные все такое берегутъ про себя. Встрѣтится-ли онъ съ кѣмъ, тотчасъ обнимается, дружески разговариваетъ. Умѣлъ онъ также подступиться къ сильнымъ земли и походатайствовать за

¹⁾ Стр. 31. 30.

²⁾ Пахимера, кн. IV, гл. 28, стр. 291. (О Германѣ III).

³⁾ Ibid. гл. 13, стр. 258.

нуждающихся въ помощи" ¹⁾. О нѣкоторыхъ патріархахъ этого рода замѣчается въ извѣстіяхъ, что они „отличались прекраснымъ совершеніемъ богослуженія“ ²⁾, т. е. заботились о томъ, чтобы ихъ священнослуженіе полагало на души при немъ присутствующихъ наибольшее впечатлѣніе.

Обращаемся къ характеристикѣ отношеній партіи политиковъ къ свѣтской правительственной власти. Ихъ основнымъ правиломъ было то, чтобы желать и искать мира и согласія съ этою властію. Въ этомъ случаѣ они дѣлали очень многое, чего не могли сдѣлать, опираясь на свои принципы, зилоты. Политики держались такъ называемой у Византійцевъ теоріи „экономіи“, т. е. допускали, что церковь въ отношеніи къ государству должна приспособляться къ обстоятельствамъ, а не идти на проломъ, какъ хотѣли этого зилоты. Политики шли на компромиссъ, соглашались на уступки государству, сколько позволяла имъ совѣсть и житейская практичность. Нужно сказать, что защитники теоріи „экономіи“, для оправданія своего образа дѣйствования, любили ссылаться на различные историческіе примѣры. Такъ въ разсматриваемое время (наприм. въ концѣ XIII вѣка) они ссылались на слѣдующіе примѣры: „и апостолъ Павелъ, говорили они, отстригъ себѣ волосы, соблюдалъ обрядъ очищенія по закону іудейскому и обрѣзалъ Тимофея; и третій вселенскій соборъ не отлучилъ отъ церкви Феодора Мопсуестскаго; и Василиій Великій принялъ дары, принесенные въ церковь аріаниномъ Валентомъ“ ³⁾. Руководясь этой теоріей, они шли на встрѣчу государству и поддерживали царей, всячески стараясь согласовать интересы церкви съ интересами государства. И вотъ мы видимъ, что однажды архіереи, принадлежавшіе къ партіи умѣренныхъ, собравшись вмѣстѣ, побуждаютъ патріарха „не оставаться въ бездѣйствіи, а дѣйствовать энергически, сообразно съ настоятельными нуждами государства, такъ-какъ государство требуетъ не малой заботы, и что если не обращать вниманія на его нужды, то оно можетъ дойти до крайней опа-

¹⁾ Ibid. гл. 23, стр. 280. (О Іосифѣ).

²⁾ Ibid. гл. 12, стр. 255.

³⁾ Пахимера, кн. VI, гл. 23, стр. 443.

стности, какъ большой корабль, нагруженный до нелѣза и лишенный веселъ среди моря“ ¹⁾. Какъ видимъ: языкъ--- которымъ никогда не говорили зилоты. О нѣкоторыхъ патріархахъ-политикахъ и ихъ отношеніи къ царямъ историки прямо замѣчали, что „они всегда готовы были служить правителямъ“ ²⁾. Сами цари вполне разсчитывали, что такого рода патріархи будутъ всегда услужливы, такъ что они пребывали въ надеждѣ „пользоваться ихъ помощію“ ³⁾. По словамъ Никиты Хоніата, одинъ патріархъ политикъ, при вступленіи на патріаршество, будто-бы далъ подписку императору, въ которой обязывался во время своего архіерейства исполнять все, что будетъ угодно царю и отвергать то, что ему же не нравится ⁴⁾. Впрочемъ, кажется, историкъ слишкомъ преувеличиваетъ какой-либо дѣйствительный фактъ. Такія отношенія политиковъ къ правительству, разумѣется, встрѣчали не рѣдко укоризненные отзывы среди членовъ церкви и общества. Такъ касательно ихъ теоріи „экономіи“, по которой уступчивость государству считалась дѣломъ справедливымъ, нѣкоторые современники не безъ ироніи говорили: политики „дѣйствовали отъ противнаго, какъ выражаются риторы, т. е. совершали нѣчто худое, чтобы выходило больше хорошаго“ ⁵⁾. А патріарховъ, готовыхъ исполнять волю царскую, враги политиковъ обвиняли въ „ласкательствѣ“ и „пресмыкательствѣ“ ⁶⁾.

Въ особенности много характеристическаго представляютъ фактическія отношенія политиковъ къ тогдашнимъ императорамъ. Если зилоты хотѣли подчинить своему вліянію императоровъ, то политики держались другого взгляда. Они допускали практику болѣе или менѣе послѣдовательную съ точки зрѣнія ихъ принциповъ; находили, что нужно различать царей и обыкновенныхъ поданныхъ — къ первымъ быть менѣе взыскательными, чѣмъ къ послѣднимъ. Самый страхъ

¹⁾ Григоры, кн. III, гл. 2, стр. 68.

²⁾ Пахимера, кн. IV, гл. 21, стр. 277.

³⁾ Ibidem, кн. V, гл. 24, стр. 373.

⁴⁾ Никиты. Царствованіе Алексѣя сына Мануилова, гл. 15, стр. 336.
(О патр. Василии Каматирѣ).

⁵⁾ Пахимера, кн. VI, гл. 23, стр. 443.

⁶⁾ Ibid. кн. IV, гл. 13, стр. 259.

царской власти, могущественной и широкой, могъ дѣйствовать на нихъ болѣе внушительно, чѣмъ на зилотовъ. Политики въ этомъ случаѣ вотъ какъ иногда рассуждали: „если большой домъ въ трудѣхъ переноситъ малое несчастье, то на величайшій домъ (домъ царя) наложить величайшее несчастье (суровое отлученіе отъ церкви), не смягчивъ его надлежащимъ образомъ, значило бы чрезъ униженіе его гордости (?), сдѣлать ему не малый вредъ, что могутъ засвидѣтельствовать „пиршества Өіеста“ и „путешествія Одиссея“¹⁾. Конечно, такой взглядъ политиковъ на необходимость уступокъ царямъ выработался не самъ собою, а подъ вліяніемъ давленія Византійской царской власти. Сами императоры при всякомъ удобномъ случаѣ рассуждали именно такъ, а не иначе. Вотъ, наприм., на одного императора (Михаила) патріархъ зилотъ наложилъ отлученіе отъ церкви. Понятно, что царь желаетъ какъ можно скорѣе освободиться отъ этого постыднаго и тяжкаго бремени — и онъ начинаетъ вести такія рѣчи, обращаясь къ архіереямъ умѣренной партіи: „на мнѣ лежитъ долгъ заниматься великими и трудными дѣлами правленія, требующими свободы; а я между тѣмъ связанъ неумолимою необходимостью нести тяжелые, наложенные на меня, узы. Если въ самомъ дѣлѣ должно быть такъ, то не лучше-ли уже самимъ имъ (архіереямъ) заняться дѣлами общественнаго управленія, когда допущенный мною проступокъ не можетъ быть уже изглаженъ“²⁾. На зилотовъ подобныя рѣчи не производили ни малѣйшаго впечатлѣнія. Но политики опасались, боялись всякихъ крутыхъ мѣръ, всякихъ потрясеній въ государствѣ — и нерѣдко отвѣчали царю согласіемъ на то, на что зилоты неизмѣнно отвѣчали отказомъ. Можно привести не мало примѣровъ въ подобномъ родѣ. Представители партіи политиковъ брали на себя смѣлость освобождать императоровъ отъ клятвы, которую эти послѣдніе сами наложили на себя. Такъ одинъ царскій родственникъ чуть-ли не трижды заклиалъ себя самыми страшными клятвами, что онъ не бу-

¹⁾ Ibidem, кн. III, гл. 14, стр. 186.

²⁾ Пахимера, кн. IV, гл. I, стр. 229, 233.

детъ домогаться не принадлежащаго ему царскаго престола; и однакожь этотъ самый человѣкъ, пользуясь своею ловкостію и хитростію, впослѣдствіи занялъ царскій престолъ, противузаконно устранивъ дѣйствительнаго наслѣдника царской короны. Клятва въ этомъ случаѣ явно нарушена; тѣмъ не менѣе соборъ епископовъ изъ числа политиковъ снялъ съ клятвопреступника его клятву, не желая идти противъ совершившагося факта ¹⁾. Совершенно аналогическій-же случай имѣлъ мѣсто на нѣсколько десятилѣтій раньше. Одинъ тоже царскій родственникъ далъ клятву царствующему императору, что онъ и теперь не желаетъ и впередъ не пожелаетъ отнимать престола у императора и его сына, но съ теченіемъ времени похитилъ престолъ у малолѣтняго царевича. Этотъ узурпаторъ точно также обращается къ собору епископовъ-политиковъ съ просьбою разрѣшить и его самого и его приверженцевъ отъ вышеуказанной клятвы, и соборъ исполнилъ царскую волю. Историкъ Никита Хониатъ съ ироніею говоритъ по этому случаю: „патріархъ и синодъ, какъ будто-бы они получили отъ Бога власть вязать и рѣшить все безъ разбора, немедленно дали разрѣшеніе царю и всѣмъ не сдержавшимъ клятву“ ²⁾. Иногда партія политиковъ поступалась церковными канонами, не желая разгнѣвать царя. Одинъ императоръ XII вѣка пожелалъ выдать замужъ дочь свою за человѣка, который былъ ей родня, и слѣдовательно бракъ не могъ быть заключенъ, какъ противозаконный. Чтобы достигнуть однакоже разрѣшенія византійскаго синода на этотъ бракъ, императоръ пишетъ лаконическую записку къ собору епископовъ, гдѣ въ двухъ-трехъ строкахъ излагаетъ все дѣло, указывая на то, что предполагаемый бракъ принесетъ много разныхъ выгодъ государству. Члены синода раздѣлились во мнѣніяхъ, но партія умѣренныхъ дала разрѣшеніе на бракъ, противъ

¹⁾ Григоры, кн. III, гл. 2, стр. 55. Пахимера, кн. II, гл. 1—2, стр. 85—87. „Всѣ они (архіереи) при вышеуказанномъ случаѣ дѣлились на партіи и каждая изъ нихъ была сильна“ (Пахим. *ibid.*). Взяла-же верхъ та партія, которая была не за одно съ патріархомъ; въ крайнемъ случаѣ та, которая имѣла на своей сторонѣ лишь молчаливое согласіе Константинопольскаго архипастыря.

²⁾ Никиты. Царствованіе Андроника Комнина, кн. I, гл. 1, стр. 352.

воли тогдашняго патріарха. Историкъ называетъ членовъ синода за эту уступчивость „святопродавцами“ ¹⁾. Встрѣчались и другіе примѣры уступчивости партіи политиковъ императорамъ—съ явнымъ пренебреженіемъ для ненарушимости каноновъ. Такъ нѣкто Константинъ Месопотамскій, бывшій на государственной службѣ и очень приближенный къ императору и императрицѣ, изъ простаго каприза пожелалъ, чтобы ему дали санъ діакона. Такое желаніе усложивалось тѣмъ, что „онъ считалъ невыносимымъ для себя ограниченіе, воспреещающее мірянину, прикасаться къ священнѣйшимъ церковнымъ предметамъ“. Но само собой понятно, что такое его желаніе не могло быть удовлетворено, какъ скоро онъ остается на гражданской службѣ: церковныя правила строго воспрещали такого рода совмѣстничество. Тѣмъ не менѣе Константинъ Месопотамскій не останавливается предъ такимъ препятствіемъ. Онъ обращается съ усердною просьбою по своему дѣлу къ царю (Алексѣю Ангелу). Царь отдалъ приказъ патріарху—посвятить Константина, и тотъ во Влахернскомъ храмѣ посвящаетъ претендента во діаконы. Мало того: патріарху приказано было немедленно издать опредѣленіе о томъ, что Константину разрѣшается соединять въ своемъ лицѣ „служеніе и Богу и царю и храму и дворцу“. Но Константинъ, по выраженію историка, „высоко поднявшій свой носъ“, скоро нашелъ, что ему мало степени діакона и пожелалъ получить посвященіе во архіереи и патріархъ тотчасъ сдѣлалъ его архіепископомъ Θεσσαλονικійскимъ (въ сущности номинальнымъ). Такимъ образомъ, говоритъ историкъ, „Константинъ, считая для себя невыносимымъ не имѣть въ лѣвой рукѣ церковныхъ дѣлъ и въ тоже время въ правую руку не забрать дѣлъ придворныхъ, захватилъ въ свои руки двоякаго рода власть“. Такое противозаконіе патріарха (Георгія Ксифилина) и архіереевъ тотъ же историкъ объясняетъ единственно тѣмъ, что они „изо всѣхъ силъ и съ живѣйшею ревностію гонялись за благорасположеніемъ царя“ ²⁾. Съ

¹⁾ Никиты Хон. Царств. Алексѣя, сына Мануилова, гл. 15, стр. 334.

²⁾ Никиты. Царствованіе Алексѣя Ангела, брата Исаакова, кн. II, гл. 4, стр. 195 и дал.

особенною охотою политики брались уладить дѣло къ удовольствію того или другого императора, когда нужно было досадить патріарху зилоту. Тутъ, повидимому, забывались всякія церковныя постановленія. Деспотическая воля царя въ этомъ случаѣ являлась для нихъ какимъ-то непререкаемымъ авторитетомъ. Если царь подкапывался подъ патріарха-зилота и требовалъ помощи отъ политиковъ, то „архіереи—говорить Григора,—разсказывая одинъ случай, уясняющій нашу мысль,—съ удовольствіемъ (какъ-же иначе можно сказать?) принимали волю царя. Обязанные по заповѣди Спасителя быть для другихъ примѣромъ братской любви, они—пропираетъ историкъ—сейчасъ-же собираютъ соборъ противъ патріарха, откапываютъ гдѣ-то обвинителей, стараются усердіемъ перещеголять другъ друга“¹⁾).

Къ сожалѣнію, архіереи изъ числа политиковъ, изъ угодливости, поступались предъ царями не только церковными правилами, но отчасти самыми догматами вѣры. Большая часть партіи политиковъ весьма легко склонилась на Лионскую унію съ Римомъ. Правда, члены этой партіи утѣшали себя въ этомъ случаѣ тѣмъ, что они принимали не самые догматы латинянъ, что было-бы великимъ зломъ, но лишь соглашались съ ними на миръ и единеніе, что они считали „меньшимъ зломъ“²⁾; но все-же они, несомнѣнно, не проявили той ревности къ вѣрѣ, какая такъ отличала зилотовъ.

Партія умѣренныхъ изъ своей уступчивости царямъ извлекала для себя различныя выгоды—большею частію, впрочемъ, нравственнаго значенія. Представители данной партіи дѣлались близкими къ царямъ лицами, получали свободный доступъ во дворецъ и имѣли возможность ходатайствовать предъ императорами за несчастныхъ, угнетенныхъ, обиженныхъ. Въ этомъ отношеніи они много дѣлали полезнаго для общества, существенно различаясь, такимъ образомъ, отъ зилотовъ, которые не считали себя слугами общества. Кромѣ этого весьма важнаго преимущества, они достигали почет-

¹⁾ Кн IV, гл. 4, стр. 89—90.

²⁾ Пахимера, кн. VI, гл. 23. стр. 446.

наго отличія: права, напримѣръ, сидѣть въ государственномъ совѣтѣ на какихъ-то особенныхъ стульяхъ, возлѣ самаго царскаго трона. Какое значеніе имѣло это право—затрудняемся сказать. Несомнѣнно одно, что историкъ Никита Хоніатъ едва-ли основательно посмѣивается по поводу указанного права, какъ вещи ничтожной ¹⁾. Одинъ патріархъ изъ числа умѣренныхъ получилъ за свои услуги престолу почетный титулъ, „отца“ царскаго, давъ въ свою очередь императору наименованіе „новаго Константина“. Титуломъ—царскій „отецъ“ патріархъ могъ называться и подписываться ²⁾.

Таковы были отношенія политиковъ къ свѣтскому правительству.

Теперь посмотримъ въ какихъ отношеніяхъ они стояли къ духовенству, когда, напримѣръ, какой-нибудь политикъ облакался высшей, духовной правительственной властію, дѣлаясь патріархомъ. Къ своимъ собратіямъ—умѣреннымъ патріархъ изъ этой-же партіи относился слишкомъ снисходительно; смотрѣлъ сквозь пальцы на нравственные недостатки и отступленія отъ дисциплины. Такъ при нѣкоемъ патріархѣ изъ политиковъ (Германѣ) встрѣчаемъ въ Адрианополѣ такого архіерея, патріаршаго родственника, „который вовсе не думалъ о жизни духовной, но который занимался нарядами, любилъ лошадей, носилъ оружіе и вѣнчалъ себя въ честь ходить съ войсками въ походъ“. Когда этотъ архіерей въ послѣдствіи лишенъ былъ Адрианопольской кафедры, то онъ усердно просилъ царя, чтобы онъ позволилъ ему—сообразно съ его наклонностями—въ качествѣ полководца „идти сражаться съ врагами и овладѣть всѣми ихъ трофеями“ ³⁾. Разумѣется, такихъ необыкновенныхъ архіереевъ, способныхъ быть полководцами, невозможно было встрѣчать у зилотовъ ⁴⁾. Вышеприведенный фактъ показы-

¹⁾ Царствованіе Андроника Комнина, кн. I, гл. I, стр. 352.

²⁾ Пахимера, кн. IV, гл. 22, стр. 278—279.

³⁾ Пахимера, *ibid.*, стр. 278.

⁴⁾ Въ отличіе отъ политиковъ, архіереи зилотическаго направленія, случалось, не только сами глубоко проникались аскетическими началами, но и дѣлали попытки насаждать сѣмена строгаго аскетизма какъ среди клира, такъ и среди насомыхъ вѣренной имъ церкви. Такъ митрополитъ фила-

васть, что патріархи изъ политиковъ спуска рукава относились къ недостаткамъ духовенства, но это не значитъ того, чтобы они были бездѣтельны. Исторія свидѣтельству-етъ, что они заботились о возстановленіи церковнаго порядка, если по нерадѣнію вкрадывались сюда съ теченіемъ времени упущенія ¹⁾. Они, повидимому, поощряли сохране-ніе и развитіе соборной формы церковнаго управленія. Одною изъ задачъ церковной дѣятельности политиковъ было уничтожать слѣды зилотическаго правленія съ невыгодныхъ его сторонъ. Сюда относятся мѣры къ прекращенію споровъ и раздоровъ, нерѣдко вносимыхъ зилотическою партіею въ сферу церковныхъ дѣлъ. Къ чести политиковъ нужно ска-зать, что если они были во власти, т. е. патріархъ былъ изъ ихъ сторонниковъ, то они не старались о низверженіи епископовъ зилотовъ и не подвергали ихъ поруганіямъ, какъ наоборотъ поступали съ политиками, торжествующіе свою побѣду, зилоты. Вообще патріархи политики не любили въ своей дѣятельности прибѣгать къ суровымъ наказаніямъ лицъ духовныхъ, если они почему-либо заслуживали нака-занія ²⁾. Они больше склонялись къ мѣрамъ кроткимъ и снисходительнымъ. Они выступали на защиту управляемаго ими духовенства даже предъ самимъ царемъ, и умѣли достиг-нуть своихъ цѣлей въ этомъ случаѣ ³⁾. Не страхомъ хотѣли они дѣйствовать на духовенство, но и заботливостію о немъ.

Нужно сказать, что значительная часть жизни политиковъ, если они были не у дѣлъ, были не во власти, тратилась болѣе или менѣе попусту. Въ такомъ случаѣ они подсте-регали зилотовъ, старательно отыскивая въ ихъ дѣйствіяхъ оплошности, или-же тратили время на прямую или чанце косвенную борьбу съ ними. Если оказывалось, что па-тріархъ изъ зилотовъ достигаетъ особенной силы и значенія,

дельфійскій Θεоплптъ (въ концѣ XIII в.) такъ именно поступалъ въ средѣ вѣрнной его управленію церкви. Boissonade. Anecdota Graeca, tom. V. (Никифора Хумна. Надгробное слово Θεоплпту) p. 223—224. Cf. Cantacuzeni. Historiae, tom. I, p. 67.

¹⁾ Пахимера, кн. IV, гл. 13, стр. 259.

²⁾ Pachymeris. De Andronico Palaeol. lib. 1, cap. 7, p. 23—24.

³⁾ Пахимера, кн. V, гл. 24, стр. 374.

это начинает волновать партію политиковъ, „всѣхъ архіереевъ и священниковъ, всѣхъ настоятелей монастырей, всѣхъ клириковъ, и даже чиновниковъ“ ¹⁾ — вообще всѣхъ недовольныхъ патріархомъ-зилотомъ. Если суровость и притязательность патріарха зилотическаго духа доводили противную партію политиковъ до потери терпѣнія, то „они начинали сперва тайно, сквозь зубы бранить его, а потомъ и открыто — говоритъ историкъ — почти въ глаза и въ его присутствіи“; иногда они доходили до такого раздраженія, что „готовы были просто растерзать его, если онъ не хотѣлъ сойти съ патріаршей каѳедры“ ²⁾. Случалось, что борьба между двумя партіями, торжествующей — зилотической и политиками, не стоявшими у кормила власти, велась чисто духовнымъ оружіемъ, но публично: если патріархъ-зилотъ подвергалъ анаѳемѣ умѣренныхъ, то эти послѣдніе отвѣчали ему съ его единомышленниками тѣмъ-же ³⁾. Къ этимъ средствамъ борьбы противъ властвующаго зилотизма, политики присоединяли и другія болѣе второстепеннаго свойства. Такъ, если зилоты свои протесты и требованія выражали слишкомъ настойчиво и становились въ положеніе схизматиковъ или раскольниковъ, то умѣренные старались обратить вниманіе царя на такой нелегальный способъ протестаціи; старались внушить ему, что схизма — вещь опасная не только для церкви, но и государства ⁴⁾. Тѣ-же политики для того, чтобы дискредитировать патріарха-зилота въ глазахъ общества рассказывали о немъ разнаго рода анекдоты, которые должны были ярко выставлять недостатки патріарха — его нелюдимость, суровость ⁵⁾. Въ дѣятельности зилотовъ они старались открывать черты самыя непривлекательныя; они не скупились на позорищныя названія противниковъ, именovali ихъ и Неронами и Діоскорами и

¹⁾ Григоры, кн. VII, гл. I, стр. 206.

²⁾ Ibid. кн. VI, гл. 7, стр. 183.

³⁾ Ibid. кн. IX, гл. 3, стр. 398.

⁴⁾ Pachumeris. De Andronico, lib. I, cap. 12, p. 37.

⁵⁾ Pachumeris. Ibid. lib. II, cap. 14, p. 143. Правда, здѣсь не говорится прямо: кто именно распространялъ анекдоты, невыгодные для репутации зилота, но можно думать, что это дѣлали приверженцы низверженнаго патріарха Григорія Кипрскаго, человека умѣреннаго направленія.

Юліанами-отступниками ¹⁾. Дѣйствія зилотовъ они называли „мерзостью запустѣнія на мѣстѣ святѣ“ и предрекали бѣды государству ²⁾. Само собой понятно, что и партія зилотовъ не оставалась въ долгу у политиковъ по части порицаній главарей этихъ послѣднихъ. Такъ одного патріарха-политика зилоты прозвали ироническимъ именемъ Мармутцы, намекая на его не вполне греческое происхожденіе; того-же патріарха неизвѣстно почему они-же прозвали „Фатріархомъ“ ³⁾. А главное — зилоты успѣшнѣе низвергали патріарховъ враждебной партіи, когда первые помогались того ⁴⁾, и такимъ образомъ ставили политиковъ въ очень неловкое положеніе.

Окончивъ характеристику партій политиковъ, мы можемъ взвѣсить все сказанное нами о достоинствахъ и недостаткахъ этой партіи. А взвѣсивъ, легко можемъ придти къ тому естественному заключенію, что эта партія имѣла возможность приносить церкви не болѣе пользы, чѣмъ и противная партія — зилотовъ.

Столкновеніе двухъ партій зилотовъ и политиковъ встрѣчаются на пространствахъ цѣлыхъ вѣковъ. Въ XII вѣкѣ партія умѣренныхъ, уступчивыхъ — партія политиковъ — чаще противоположной появляется у кормила церковнаго правленія. Въ XIII видимъ почти тоже самое, если не будемъ принимать во вниманіе положеніе Византійскихъ патріарховъ въ Никей, — положеніе не дающее твердыхъ основаній для болѣе точныхъ выводовъ о силѣ и значеніи двухъ разсматриваемыхъ нами партій. Но въ томъ-же XIII вѣкѣ, точнѣе въ концѣ его, довольно ясно можно замѣчать, что партія зилотовъ крѣпнеть и усиливается, лучше формируется и начинаетъ отличаться большей опредѣленностью принциповъ. А въ XIV вѣкѣ зилоты явно торжествуютъ надъ своими противниками. Этотъ послѣдній фактъ рельефно отмѣченъ и профессоромъ И. Е. Троицкимъ въ его обшир-

¹⁾ Gregorae. Hist. Byzantina, lib. XXI, cap. 5, p. 1021—2; lib. XVII, cap. 3, p. 883.

²⁾ Ibidem. Lib. XXV, cap. 38, p. 66.

³⁾ Пахимера, кн. IV, гл. 13, стр. 259; гл. 16, стр. 264.

⁴⁾ Письмо Григорія Кипрскаго. Хр. Чт. 1870, т. II, стр. 513.

ныхъ статьяхъ: „Арсеній и Арсениты“. Понимая арсенитское движеніе и борьбу Арсенитовъ съ противниками, какъ обнаруженіе извѣстнаго рода принциповъ, которыми Арсениты отличались отъ ихъ противниковъ, авторъ справедливо находитъ, что принципы Арсенитовъ, разумѣется не въ чистомъ и первоначальномъ ихъ видѣ, наконецъ въ XIV в. одерживаютъ верхъ надъ принципами противоположной стороны. Приведемъ его собственныя слова. Но для того, чтобы были болѣе понятны эти слова, мы должны сказать, что, различая, какъ дѣлали мы, два направленія въ жизни іерархіи изучаемаго времени, онъ одно изъ нихъ опредѣляетъ какъ такое направленіе, которое руководилось преимущественно монашескими идеалами (у насъ — „зилоты“), а другое какъ такое, которое держалось сферы интересовъ бѣлаго духовенства (у насъ — „политики“) ¹⁾. Авторъ статей „Арсеній и Арсениты“, подводя итогъ движеній арсенитскихъ и противоарсенитскихъ, пишетъ: „окончательное торжество монашества (по нашему — партіи зилотовъ) надъ бѣлымъ духовенствомъ (по нашему — партіею политиковъ) по вопросу о занятіи высшихъ мѣстъ въ іерархіи, и слѣдовательно по управленію церковію, совершилось во времена такъ называемыхъ исихастскихъ споровъ (1340—1359 гг.). Движеніе, вызванное этими спорами, имѣло уже исключительно монашескій характеръ. Оно разрѣшилось полнымъ триумфомъ Аѳонскихъ иноковъ, предводимыхъ Григоріемъ Паламой, надъ Константинопольскимъ патріархомъ Іоанномъ Калекасомъ (1337—1347) г.) и надъ придворнымъ ученымъ Никифоромъ Григорію ²⁾. На побѣду ихъ надъ этимъ патріархомъ можно смотрѣть, какъ на побѣду монашества надъ бѣлымъ духовенствомъ. Это былъ послѣдній патріархъ на Константинопольскомъ престолѣ изъ бѣлаго духовенства, какъ одинъ изъ его предшественниковъ Іоаннъ Гликисъ (1315—1320) былъ послѣднимъ патріархомъ изъ государ-

¹⁾ За подробностями, впрочемъ, отсылаемъ къ самымъ статьямъ проф. Тропикаго (Хр. Чт. 1867—1872, въ особен. 1872, т. III).

²⁾ Для разъясненія воззрѣній Паламы и его противниковъ — варлаамитовъ много сдѣлано Ѳ. Успенскимъ. См. его изслѣдованіе: „Философское и богословское движеніе въ XIV в.“ въ его книгѣ: *Очерки визант. образ-ванности*, стр. 246—364.

ственныхъ сановниковъ. Съ этихъ поръ высшія мѣста въ іерархіи исключительно уже замѣщаются монашествующими, а Константинопольскій патріаршій престолъ надолго дѣлается достояніемъ питомцевъ св. горы Аѳонской“ ¹⁾). Борьба партій замолкла.

Спрашивается: какой получился результатъ той преимущественно глухой борьбы, которая въ теченіе вѣковъ велась между зилотами и политиками? Самое лучшее изъ того, чего помогали зилоты, по нашему мнѣнію, состоитъ въ стремленіи поставить церковь въ такое положеніе, чтобы она могла совершать свое дѣло и исполнять свое назначеніе безъ какого-либо неблагопріятнаго для ея успѣховъ вмѣшательства со стороны Византійской царской власти. А самое важное и серьезное изъ того, чего добивались политики, по нашему мнѣнію, изчерпывается ихъ стремленіемъ поддерживать духовное просвѣщеніе въ интересахъ народнаго религіознаго образованія, или, по крайней мѣрѣ, разумнаго пониманія христіанскихъ истинъ. Въ какой мѣрѣ зилоты достигли своей цѣли, а политики—своей? Что касается цѣли, поставленной себѣ зилотами и сейчасъ нами указанной, то она осталась ими недостигнутой. На этотъ вопросъ даетъ краткій, но основательный отвѣтъ авторъ статей: „Арсеній и арсениты“. Онъ задаетъ себѣ вопросъ: „энергичаѣ-ли стали защищать права церкви монашествующіе представители ея іерархіи? Лучше-ли эти права были ограждены отъ покушеній со стороны свѣтской власти въ ихъ рукахъ?“ и отвѣчаетъ: „Увы! нѣтъ. Среда, въ которую вступали иноки, бравшіе въ свои руки кормило правленія церковію, оказывалась сильнѣе той, изъ которой они выходили. Здѣсь совершилась съ ними странная метаморфоза. Вступая въ нее (среду), они цѣликомъ повторяли исторію своихъ „мірскихъ“ предшественниковъ. Такимъ образомъ, положеніе церкви относительно высшей государственной власти осталось прежнее“ ²⁾). Осуществилось-ли, съ другой стороны, стремленіе политиковъ споспѣшествовать народному рели-

¹⁾ Христ. Чтен. 1872, т. III, стр. 650—651.

²⁾ Ibidem, стр. 651—652.

тіозному развитію, стремленіе, „чтобы народъ имѣлъ ученыхъ наставниковъ и учителей?“ Къ сожалѣнію тоже— нѣтъ. Никифоръ Григора говоритъ: „прежде церковь богата была, между прочимъ, и учителями. Они въ различные времена и въ разныхъ мѣстахъ Константинополя объясняли: кто пѣсни Давида, кто посланія Павла, кто евангельскія заповѣди Спасителя. Всѣ тѣ изъ нихъ, которые были облечены въ санъ священства, частнымъ образомъ и поочередно проповѣдывали божественное слово по домамъ, въ собраніи членовъ семейства и ихъ сосѣдей (по теперешнему это можно назвать внѣбогослужебными церковными собесѣдованіями). Это располагало къ жизни по заповѣдямъ Божиимъ, служило къ познанію истинной вѣры и прямо вело къ добру. Или лучше: это было духовное орошеніе слушателей изъ великаго и божественнаго источника, орошеніе, которое ихъ измѣняло, преобразовывало и располагало къ лучшему. Съ теченіемъ времени все это исчезло, какъ исчезли и всѣ другіе добрыя обычаи, которые точно погрузились на дно морское. Этого рода опустошеніе отсюда простерлось и на другія церкви. И вотъ души всего христіанскаго міра блуждаютъ точно по какой-нибудь непроходимой и безводной пустынѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ угасъ животворный лучъ слова и ученія, все слилось въ безразличную массу; люди впали въ бессмысленное состояніе и не стало человѣка, который могъ-бы самъ рѣшать, что полезно, и какими признаками отличается благочестіе отъ нечестія“ ¹⁾). Вмѣсто религіознаго просвѣщенія наступилъ мракъ невѣжества и неразумія.

Отчего-же такая неудача постигла и зилотовъ и политиковъ? Пространный и убѣдительный отвѣтъ даетъ изложенная нами исторія Константинопольскихъ патріарховъ изучаемыхъ вѣковъ. А краткій отвѣтъ можетъ быть сформулированъ такъ: каждая изъ прежде упомянутыхъ партій, находясь у кормила правленія, слишкомъ усердно истребляла слѣды и плоды дѣятельности другой, оттого и получился тотъ печальный результатъ, о которомъ у насъ идетъ рѣчь.

---

¹⁾ Григоры, кн. VI, гл. 5, стр. 177—178.

Познакомившись съ умственнымъ, нравственнымъ и церковно-общественнымъ положеніемъ Византійскихъ патріарховъ и отчасти подвѣдомственнаго имъ прочаго духовенства, считаемъ не лишнимъ для полноты этого очерка сдѣлать замѣчанія о матеріальномъ состояніи, какъ патріарховъ Константинопольскихъ, такъ и прочихъ лицъ духовнаго сана въ томъ же патріархатѣ. Замѣчанія наши, къ сожалѣнію, должны быть нѣсколько отрывочны, что зависитъ отъ качества и количества матеріаловъ по вопросу, находящихся въ нашемъ распоряженіи.

Можно утверждать, что матеріальное положеніе Константинопольскихъ патріарховъ, начиная съ послѣднихъ годовъ XI вѣка и до завоеванія столицы Греческаго царства Латинянами (въ нач. XIII в.), было вполнѣ удовлетворительно. Правда, собственно епархія патріарха Константинопольскаго была очень невелика. Какъ и прежде, она ограничивалась самымъ Константинополемъ съ его предмѣстьями. Поэтому доходы патріарха, еслибы они получались отъ одного Константинополя, едва-ли были-бы значительны. Но патріархъ пользовался правами такъ называемой ставропигіи, вслѣдствіе чего матеріальное положеніе его достигало значительнаго процвѣтанія. Въ общемъ право ставропигіи состояло въ томъ, что при основаніи какого-либо монастыря, церкви или молитвеннаго дома въ епархіи какого-либо митрополита или епископа, патріархъ, чрезъ водруженіе отъ своего имени креста, отчислялъ извѣстный монастырь, приходскій храмъ или молитвенный домъ къ своему вѣдѣнію, такъ что вслѣдствіе такого отчисленія монастырь, церковь, часовня выходили изъ подъ вѣдѣнія мѣстной епископской или митрополитической власти. Послѣдствіемъ этого отчисленія, между прочимъ, было и то, что сборъ доходовъ, какъ съ самыхъ монастырей и церквей, такъ и сосѣднихъ съ ними селеній, поступалъ въ казну патріарха. Нужно еще замѣтить, что въ то время какъ прочіе Греческіе патріархи пользовались правомъ давать ставропигіи только въ предѣлахъ своихъ патріаршихъ округовъ, Константинопольскій іерархъ могъ раздавать ставропигіи и подчинять своей власти монастыри, церкви и молитвенные дома и внѣ своего

округа по всему Востоку ¹⁾). Есть основаніе полагать, что въ XII вѣкѣ патріархъ Константинопольскій владѣлъ весьма многими ставропигіями, и что онѣ приносили ему значительные доходы. Во времена Θεодора Вальсамона, т. е. въ концѣ XII вѣка, встрѣчалось много митрополитовъ и архіереевъ „негодующихъ на патріаршія ставропигіи и утверждающихъ, что онѣ посылаются въ ихъ предѣлы въ противность правиламъ“. Оппоненты въ своемъ противо-дѣйствіи распространенію ставропигій опирались на то, что лица, которымъ ввѣрено управленіе ставропигіями, обращаются съ мѣстными архіереями надменно, „не удостоиваютъ ихъ и слова“ ²⁾). Но, конечно, не этотъ одинъ мотивъ заправлялъ оппозиціей: архіереямъ было не выгодно чрезъ ставропигіи лишаться своихъ доходовъ. Это видно изъ того, что у нѣкоторыхъ архіереевъ возникали препирательства съ патріархомъ прямо изъ-за доходовъ, соединенныхъ съ ставропигіями ³⁾). Архіереи, „негодующіе на патріаршія ставропигіи“, во времена Вальсамона домогались отъ императоровъ, и патріарховъ Византійскихъ „отмѣны ставропигій“. Но просители, конечно, удовлетворены не были. Вальсамонъ, по этому поводу, пишетъ: „со стороны святѣйшей великой церкви прямо отражено было *нападеніе* митрополитовъ и епископовъ указаніемъ на долговременный церковный, неписанный обычай“ ⁴⁾).

Если матеріальное положеніе патріарха Константинопольскаго въ XII вѣкѣ было обезпеченнымъ, то нельзя того-же сказать о митрополитахъ и епископахъ и прочемъ духовенствѣ этого-же вѣка. Вотъ, на примѣръ, что говорится въ письмѣ Теофилакта Болгарскаго къ патріарху Николаю Грамматику, по поводу тѣхъ притѣсненій, какія приходилось переносить епископамъ и прочему духовенству отъ сборщиковъ податей. Сборщиками податей „все разыскивается и взвѣшивается, такъ что безуміе доходитъ до

¹⁾ Проф. Т. В. Барсова. Константинопольскій патріархъ, стр. 199—202. (Петерб. 1878).

²⁾ Правила съ толкованіями. Вальсамона толков. на 31 прав. Апостольск., стр. 56—57.

³⁾ Барсова, *ibid.*, стр. 202 прим.

⁴⁾ Вальсамона, *ibidem*.

измѣренія плоти и костей“—говорить образно писатель. „Они (сборщики податей) полагають, что епископъ не испытываетъ голода, что у него все рождается изъ земли безъ посѣва и обработки; что рѣки у него влекутъ на днѣ своемъ самородное золото; что собаки рожаютъ ему коней и лошаковъ и что у служителей всегда все ново“. Быть можетъ, не безъ преувеличенія авторъ письма говоритъ: „клериковъ лишаютъ послѣдней одежды и оставляють нагими“. На основаніи писемъ Теофилакта, справедливо можно заключать, что духовенство въ концѣ XI и началѣ XII в. обязано было платить подать съ своихъ земельныхъ участковъ и что оно не было свободно отъ другихъ многочисленныхъ и разнообразныхъ казенныхъ поборовъ. Духовенство вмѣстѣ съ прочимъ населеніемъ было отдано въ жертву многочисленной своекорыстной, жадной толпы сборщиковъ податей и дозорщиковъ. Теофилактъ проситъ патріарха войти съ ходатайствомъ къ императору Алексѣю Комнину о избавленіи духовенства и народа отъ несправедливостей сборщиковъ податей и привязчивости дозорщиковъ ¹⁾. Сколько знаемъ, въ царствованіе Алексѣя Комнина не произошло никакихъ перемѣнъ выгодныхъ для духовенства въ указанномъ отношеніи. Существенныя облегченія для духовенства, имѣвшаго дѣло, съ земельнымъ владѣніемъ, совершились лишь въ царствованіе Мануила Комнина, въ срединѣ XII вѣка. Этотъ императоръ издалъ нѣсколько законовъ, которые давали духовенству различныя привилегіи по части владѣнія земельными участками и которыми весьма рѣшительно ограничена привязчивость всякихъ дозорщиковъ къ духовенству по тому-же поводу ²⁾. О матеріальной необеспеченности духовенства въ концѣ XI и началѣ XII вѣка весьма ясно свидѣтельствуетъ, кромѣ вышеприведеннаго письма Теофилакта, одна новелла императора Алексѣя Комнина. Въ новеллѣ этого императора (выданной въ 1093 или 1108 году) указывается слѣдующій замѣчательный

¹⁾ Васильевскаго. Матеріалы для исторіи Византійскаго государства. Жур. Мин. Нар. Просв., т. 202, стр. 430—431. Здѣсь-же помѣщено и вышецитированное письмо Теофилакта Болгарскаго.

²⁾ Новеллы Мануила были изложены выше. (См. стр. 142—148.)

фактъ: нѣкоторые игумены монастырей и другія монашествующія лица—экононы и даже простые монахи, а также клирики Софійскаго храма, вообще всѣ духовныя лица, получавшія средства къ жизни отъ должностей или какихъ-либо служеній, не охотно принимали архіерейскій санъ и архіерейское служеніе вдали отъ Константинополя. Указанныхъ кандидатовъ въ архіереи устрашала бѣдность, которую имъ пришлось-бы переносить съ возведеніемъ въ архіереи къ недостаточнымъ по матеріальному положенію церквамъ. Чтобы сколько нибудь улучшить положеніе архіереевъ въ бѣдныхъ епархіяхъ, подъ которыми здѣсь разумѣются епархіи, попавшія во власть мосульманъ и крестоносцевъ, императоръ Алексѣй постановилъ слѣдующее опредѣленіе: „пустъ никто изъ нихъ (изъ числа вышеуказанныхъ кандидатовъ въ епископы) не отказывается подъять иго архіерейства; ибо всѣ они съ этихъ поръ будутъ пользоваться (и по поставленіи въ архіереи) принадлежащими имъ игуменствами, экономіями и другими служеніями и должностями (конечно, номинально), и принявъ совершительный чинъ (епископство), должны владѣть получаемыми и отъ прежнихъ должностей доходами, доколѣ не получаютъ облегченія въ ихъ тяжелой долѣ и не достигнутъ благополучія во ввѣренныхъ имъ по избранію церквахъ“¹⁾. Какъ извѣстно, часть Византійской имперіи въ XI и дальнѣйшіе вѣка постоянно оставалась во владѣніи мосульманъ, пока и вся имперія не сдѣлалась достояніемъ Турокъ, поэтому надежды императора на улучшеніе положенія архіереевъ въ мосульманскихъ епархіяхъ были простой мечтой. — Тому-же императору Алексѣю принадлежитъ новелла, изданная въ 1086 году и представляющая собою повтореніе одной новеллы императора Исаака Комнина. Въ этой новеллѣ указаны нормы тѣхъ сборовъ, какіе должны получать епископы съ своихъ пасомыхъ для личнаго ихъ продовольствія; а также заключалось урегулированіе платы, взимаемой архіереями

---

¹⁾ Правила съ толкованіями.—Толков. Вальсамона на 37-е прав Трульскаго собора (стр. 569—570).

съ лицъ посвящаемыхъ во священники ¹⁾. — О матеріальномъ положеніи священниковъ и прочаго клира въ XII вѣкѣ мы мало знаемъ. Съ увѣренностію можно полагать, что оно было не блестяще. Объ этомъ можно думать на томъ основаніи, что клирики этого времени слишкомъ неразборчиво хватались за всякія занятія, могущія улучшить ихъ благосостояніе. Они открывали какія-то „мироваренныя заведенія“ и содержали „бани“: такого рода занятія, которыя одинъ патріархъ XII вѣка относитъ къ числу занятій „безчестныхъ и постыдныхъ“ ²⁾.

Вообще твердыхъ выводовъ относительно степени обезпеченности греческаго духовенства въ Константинопольскомъ патріархатѣ въ концѣ XI и XII вѣковъ — сдѣлать нельзя. Можно только сказать, что до Мануила Комнина оно было очень незавидно, а со времени этого царствованія нѣсколько улучшилось или, по крайней мѣрѣ, должно было улучшиться. Еще скуднѣе наши свѣдѣнія о матеріальномъ положеніи того-же духовенства отъ начала XIII-го вѣка до шестидесятихъ годовъ того-же столѣтія. Разумѣемъ эпоху латинскаго владычества въ Константинополѣ. А ргіогі можемъ утверждать, что въ это время положеніе патріарха Константинопольскаго, проживавшаго въ Никеѣ, по части матеріальной обезпеченности, было незавиднымъ. Вѣроятно, тоже латинское владычество въ Константинополѣ отражалось неблагоприятно и на матеріальномъ положеніи прочихъ архіереевъ Константинопольскаго патріархата. Изъ разсматриваемой эпохи ясное указаніе на матеріальное состояніе архіереевъ встрѣчаемъ — лишь одно. Вотъ оно. Историкъ Пахимеръ, говоря о послѣднемъ Константинопольскомъ патріархѣ, проживавшемъ въ Никеѣ, дѣлаетъ такое замѣчаніе о немъ: „Никифоръ, бывшій митрополитъ Ефесскій, избранный, конечно, соборомъ, однако-же больше по желанію царя, прибылъ въ Никею (на патріаршество) со множествомъ

¹⁾ См. выше: „отношеніе государственной власти къ церкви“, стр. 121—2. Слич. А. Лебедева. „Очерки исторіи Византійско-восточной церкви въ IX, X, XI в.“ стр. 133. (Изд. 2-е).

²⁾ Правила съ толкованіями. Толков. Вальсамона на 23 прав. Каресобора.

собранныго въ Ефесѣ золота ¹⁾. Полагать нужно, что богатство Никифора, человека не высокихъ нравственныхъ качествъ, приобрѣтено имъ незаконными путями, и вообще этотъ примѣръ богатаго архіерея и патріарха—едва-ли не представлялъ собой исключеніе въ изучаемое время. Что какъ Никифоръ, такъ и другіе архіереи этого времени если обогащались, то обогащались незаконными путями, къ такому заключенію отчасти уполномочиваетъ насъ свидѣтельство Григорія Кипрскаго, патріарха послѣдней четверти XIII вѣка. Описывая жизнь св. Евѣимія Мадитскаго, Григорій влагаетъ въ уста этого святителя между прочимъ такія слова: „знаю и вѣрно знаю, но лучше-бы не знать, что послѣ меня (Евѣимій жилъ въ XI в.) стануть продажнымъ образомъ давать хиротонію, будутъ предоставлять честнѣйшій санъ не достойнымъ получить его, а могущимъ предложить больше серебра, не добродѣтель будутъ цѣнить, обращать вниманіе не на образъ жизни, а на золото и численность его, себя будутъ пасти, по выраженію Писанія, а не овецъ“ ²⁾. Думаемъ, едва-ли патріархъ Григорій сталъ-бы цитировать приведенныя слова Евѣимія, если-бы они не оправдывались печальнымъ опытомъ. Нужно при этомъ помнить, что Григорій пережилъ эпоху Никифора и зналъ положеніе дѣлъ въ Ефесѣ. Если наша догадка о незаконныхъ путяхъ, какими Никифоръ сумѣлъ накопить много денегъ во время бытности митрополитомъ во Ефесѣ, не лишена вѣроятности, то самый этотъ фактъ — обогащенія при помощи симоніи — ясно даетъ разумѣть, что обычные способы матеріальнаго приобрѣтенія въ изучаемое время были скудны. На скудость матеріальныхъ средствъ, какими располагали епископы во время пребыванія греческой столицы въ Никеѣ, по нашему мнѣнію, хорошо указываетъ та палкость на деньги, какую обнаружили епископы все того-же времени при одномъ очень знаменательномъ случаѣ. Михаилу Палеологу, не имѣвшему никакихъ правъ на корону, захотѣлось во что-бы то ни стало проложить себѣ торную дорогу

¹⁾ Пахимера. кн. II, гл. 17, стр. 108.

²⁾ Похвальное слово св. Евѣимію еписк. Мадитскому.—Чтен. въ Общ. Люб. Дух. Просв. 1889. Приложение, стр. 54.

къ престолу; для этой цѣли онъ сталъ подольщаться, къ однимъ, старался ублаготворить другихъ. Средство это имѣло очень значительный успѣхъ и въ отношеніи къ сонму епископовъ. Историкъ повѣтствуетъ слѣдующее: „Михаилъ Палеологъ отнесъ содержаніе патріарха и особенно архіереевъ на счетъ казны“¹⁾; причемъ „Палеологъ—продолжаетъ историкъ—самъ бралъ и выдавалъ (архіереямъ) все нужное, вмѣняя себѣ въ честь давать больше надлежащаго, и поступалъ такимъ образомъ съ лукавою цѣлю ослѣпить глаза духовенства и пріобрѣсть его расположеніе. Выдавая имъ подарки, онъ ежеминутно (?) располагалъ ихъ къ себѣ со всею силою. Въ самомъ дѣлѣ, между ними ни было никого, кто не превозносилъ-бы его похвалами“²⁾. Само собой понятно, Палеологъ могъ „ослѣплять глаза духовенства“ и вызывать у него всяческія „похвалы“ только въ томъ случаѣ, если архіереи были бѣдны и значительныя деньги имъ были въ диковинку. Состоятельный человѣкъ, какъ извѣстно, не только не прельстится подачкой, но даже отрицетъ ее.

Положеніе Константинопольскихъ патріарховъ и другихъ епископовъ этого патріархата въ матеріальномъ отношеніи--- въ остальной періодъ существованія Византійской имперіи было не одинаково. Оно было благопріятнѣе до двадцатыхъ годовъ XIV вѣка, а съ этого времени замѣтно и сильно ухудшается. Матеріальный кризисъ духовенства совпадаетъ съ быстро увеличивающеюся скудостію самого государства.

Говоримъ: матеріальное положеніе духовенства было поставлено въ лучшія условія до двадцатыхъ годовъ XIV вѣка, т. е. въ царствованіе Михаила Палеолога и въ большую часть пятидесятилѣтняго правленія Андроника Старшаго. Въ этомъ удостовѣряютъ насъ въ извѣстной степени слѣдующіе факты. Императоръ Михаилъ, разгнѣвавшись на патріарха Іоанна Векка, пожелалъ чѣмъ нибудь досадить

---

¹⁾ Едвали это необходимо было дѣлать (какъ предполагаетъ историкъ), ибо никакіе архіереи въ Византійскомъ государствѣ жалованья не получали, за исключеніемъ можетъ быть какихъ нибудь крохъ, именовавшихся „другою“ и выдававшихся, конечно, несправно.

²⁾ Пахимера. О Михаилѣ, кн. I, гл. 26, стр. 65—66.

ему и не нашель другого средства выполнить это свое намѣреніе. кромѣ изданія новеллы, лишавшей Константинопольскую патріархію права ставропигіи. Очевидно, императоръ отмѣной права ставропигіи имѣлъ въ виду пошатнуть матеріальное благосостояніе патріарха. Какъ мы знаемъ, право ставропигіи не ограничивалось правомъ власти и вліянія, но тѣсно связано было съ вопросомъ о количествѣ доходовъ, шедшихъ въ казну константинопольскаго архипастыря. Что дѣйствительно намѣреніе императора состояло въ томъ, чтобы повредить матеріальному положенію патріарха, это видно изъ мотива, которымъ царь оправдывалъ свое распоряженіе о ставропигіяхъ; а мотивомъ было мнимое желаніе императора охранить „церковныя имущества отъ разграбленія“ со стороны константинопольскаго патріарха ¹⁾. Новелла Михаила скоро однакоже потеряла силу, если она дѣйствительно имѣла когда либо таковую. Другимъ фактомъ, свидѣтельствующимъ о матеріальномъ благосостояніи константинопольскихъ патріарховъ данной эпохи служитъ исторія патріаршествованія Іоанна Гликиса. Григора, описывая это патріаршествованіе, восхваляетъ Іоанна Гликиса за безкорыстіе и замѣчаетъ; „съ патріаршаго престола (когда Гликисъ покинулъ каѳедру) онъ принесть съ собою немного денегъ, потому что не былъ корыстолюбивъ, какъ большая часть другихъ патріарховъ“ ²⁾. Значить, если Іоаннъ Гликисъ, оставляя константинопольскую архипастырскую каѳедру, имѣлъ мало денегъ, то это случайность. Другой патріархъ на его мѣстѣ накопилъ бы много денегъ: подобное явленіе не было бы чѣмъ-нибудь необычнымъ. — Въ рассматриваемое время сами цари приходили на помощь высшимъ іерархамъ, щедро одаряя ихъ деньгами. Такъ, Михаилъ Палеологъ заботился о томъ, чтобы обезпечить матеріальное положеніе отставнаго патріарха Германа III. Пахимерь пишетъ: „царь заботился о назначеніи Герману достаточныхъ средствъ содержанія и обѣщалъ многое“ ³⁾. Тотъ же императоръ, по словамъ этого же историка, „при-

¹⁾ Пахимера, кн. VI, гл. 10, стр. 415—417.

²⁾ Григоры, кн. VIII, гл. 2, стр. 280.

³⁾ Пахимера, кн. IV, гл. 21, стр. 277.

гласилъ Пинаку, архіепископа Ираклійскаго, служить литургію въ дворцовомъ храмѣ и тотъ служилъ ее за большую награду ¹⁾).

Но относительное благосостояніе Византійскаго духовенства быстро начинаетъ клониться къ упадку, начиная съ двадцатыхъ годовъ XIV вѣка. И это происходитъ почти внезапно. Такой упадокъ матеріальнаго благосостоянія духовенства стоитъ въ тѣсной связи съ оскуденіемъ государственной казны. Уже къ концу царствованія Андроника Старшаго финансы имперіи пришли въ большой безпорядокъ. Послѣ они, кажется, ни разу не поправлялись. Описывая царствованіе Іоанна Кантакузина, историкъ Григора остроумно замѣчаетъ относительно государственной казны этого времени: „Кантакузинъ совершенно опустошилъ государственныя сокровищницы, такъ что въ нихъ ничего не осталось, кромѣ воздуха, праха, да еще развѣ, пожалуй, Эпикуровыхъ атомовъ“ ²⁾. Стало весьма сильно бѣднѣть государство, оскудѣвала и церковь. Патріархи Константинопольскіе для улучшенія матеріальнаго положенія столичной церкви начинаютъ прибѣгать къ мѣрамъ совершенно экстреннымъ. Очевидно, патріарху перестали доставлять доходъ и ставропигии, которыхъ у него все же оставалось немало и въ XIV-мъ вѣкѣ ³⁾. Къ какимъ исключительнымъ мѣрамъ стали прибѣгать патріархи для поправленія финансовой части патріархіи, это видно изъ синодскаго опредѣленія, постановленнаго въ правленіе столичною церковію Исаи, послѣдняго Константинопольскаго архипастыря временъ Андроника Старшаго. Передадимъ главныя черты этого опредѣленія. Актъ начинается указаніемъ на то, какъ еще недавно Константинопольская церковь пользовалась матеріальнымъ благополучіемъ и могла легко оказывать помощь другимъ церквамъ — скуднымъ и бѣдствующимъ, но что все это уже миновало. Церковь столичная — слышатся затѣмъ жалобы — теперь не только не можетъ воспособлять другимъ, но что она не въ силахъ оказывать помощи и членамъ собственнаго клира. Въ

¹⁾ Ibidem, гл. 23, стр. 281.

²⁾ Gregorae. Hist. Byzant. lib. XV, cap. 11, p. 790.

³⁾ Барсова. Константинопольскій патріархъ, стр. 205.

виду стѣснительныхъ обстоятельствъ, синодъ находитъ себя вынужденнымъ болѣе достаточныя архіепископіи и митрополіи Константинопольскаго патріархата обложить ежегодною данью въ пользу патріархіи. Вотъ списокъ митрополій съ указаніемъ числа золотыхъ монетъ (иперпировъ ¹⁾), какое должны были онѣ вносить въ патріаршую Константинопольскую казну: Ираклійская, Кизическая, Оессалоникійская обязаны были вносить по 200 гиперпировъ, Адрианопольская, Веррійская по 100, Монеувасійская 800 (почему-то особенно много), Филиппопольская 150, Траянопольская 70, Серрская 150, Филиппійская 100, Митиленская и Дидимотихская по 100, Палеопатрская 40, Лакедемонская 60, Меленикская 36, Эноская 100, Мадитская 36, Митимнійская 50, Вризійская—тоже, Російская 36; затѣмъ слѣдуютъ архіепископіи: Визійская 100, Маронійская 36, Приконисская 72, Гарелійская, Деркосская, Аркадіупольская по 24, Лимноская 50, Лопадійская 24, Кипсельская 16, Ксантійская 36, Мидійская 50, Драмская 24, Ганская 50. Всего—3348 гиперпировъ. Мы привели эти цифры, полагая, что онѣ служатъ свидѣтельствомъ относительной достаточности той или другой митрополіи и архіепископіи. Многія митрополіи и архіепископіи Константинопольскаго патріархата пропущены въ этомъ списокѣ; знакъ, что онѣ и сами были бѣдны и не могли оказывать требуемой помощи. Заканчивая свое опредѣленіе, соборъ заявляетъ, что какъ скоро дѣла патріархіи поправятся и она будетъ въ состояніи жить собственными средствами, не прибѣгая къ посторонней помощи, тогда перечисленные митрополіи и архіепископіи опять будутъ тратить деньги на самихъ себя и будутъ освобождены отъ взносовъ въ пользу Константинопольской церкви ²⁾. Такимъ образомъ, уже въ началѣ XIV-го вѣка Константинопольская патріархія поставлена была обстоятельствами въ нищенское состояніе и принуждена была жить подаяніями, вносимыми—едвали исправно—въ ея казну. На упадокъ матеріальнаго благосостоянія Константинопольскаго патріарха не

¹⁾ Иперпиръ равняется 3 р. 85 к. на золото. См. Греческая и Римская метрологія, стр. 29. Москва, 1873.

²⁾ Miklosich et Müller. Acta patriarch. Constantin. tom. 1, p. 126—128.

имѣла ли вліянія, между прочимъ, и новелла Андроника Старшаго, выданная въ 1294 году, которою запрещалась брать что-либо за хиротонію, несмотря на то, что обычай и свѣтское законодательство давно санкціонировали значительную плату въ пользу патріарха и другихъ архіереевъ за рукоположеніе. Соблюдать эту новеллу ¹⁾ давали обѣщаніе многіе изъ послѣдующихъ патріарховъ при самомъ посвященіи ²⁾; но мы все-таки сомнѣваемся, чтобы требованія, выраженные этой новеллою соблюдались: это шло въ разрѣзъ съ уступавшейся практикой. Общій упадокъ благосостоянія имперіи и сокращеніе ея размѣровъ безъ сомнѣнія имѣли наибольшее вліяніе на обѣднѣніе патріархіи. — Въ еще худшемъ положеніи находились митрополіи и епископіи Византійскаго патріархата въ разсматриваемое время. „Акты Константинопольскаго патріархата“ рисуютъ намъ матеріальное положеніе этихъ митрополій и епископій въ самыхъ плачевныхъ чертахъ. Многія митрополіи изъ богатыхъ превратились въ бѣдныхъ или даже совсѣмъ закрылись; тоже было и со многими епископіями. Говоримъ о такихъ епархіяхъ, которыя оставались или во владѣніи Латинянъ или перешли во власти Турокъ. Бѣдствующимъ митрополитамъ и епископамъ являлся на помощь Константинопольскій синодъ; онъ дѣлалъ слѣдующее: соединялъ двѣ и болѣе епархіи сосѣднихъ въ одну и поручалъ ихъ вѣдѣнію одного лица, одному архіерею ³⁾. Происходило значить тоже, что можно встрѣчать и въ практикѣ Русской церкви, гдѣ для большаго обезпеченія священниковъ соединяются иногда два сосѣднихъ прихода въ одинъ. Случалось въ то время и такъ: назначенный въ Константинополь епископъ, отправившись въ свою епархію, совсѣмъ не находилъ ни въ городѣ, куда онъ назначенъ, ни въ округѣ города—христіанъ. Епископу

¹⁾ Содержаніе этой новеллы передано было раньше (см. стр. 165—6).

²⁾ Примѣры въ подобномъ родѣ были указаны въ очеркѣ исторіи Византійскихъ патріарховъ XIV вѣка.

³⁾ Перечисленіе случаевъ соединенія нѣсколькихъ епархій въ одну съ указанною цѣлью—сдѣлано на основаніи „Актовъ Конст. патріархата“ въ статьѣ профессора С. А. Терновскаго: „Очеркъ изъ исторіи Константинопольской церкви въ XIV вѣкѣ“. Труды Кіев. Дух. Акад. 1872, июль. (См. также отдѣльную брошюру подъ тѣмъ же заглавіемъ, стр. 31—33).

приходилось, нося этотъ высокій санъ, жить безъ пристанища и скитаться, гдѣ попало. Такъ случалось съ епископами, назначенными въ города, которые находились во власти Турокъ. Одному изъ такихъ епископовъ патріархъ Константинопольскій даетъ изъ состраданія въ управленіе свой ставропигіальный монастырь ¹⁾. Чѣмъ ближе подходитъ время къ заключенію XIV-го вѣка, тѣмъ матеріальное положеніе патріарха Константинопольскаго, — не говоря уже о епископахъ, — становится хуже и хуже! Въ одной синодальной грамотѣ, написанной отъ имени патріарха Нила (въ 1381 г.) и подписанной его рукою, говорится: „ни одна (?) изъ митрополій не претерпѣваетъ такой бѣдности, въ какую впала великая церковь“ ²⁾. Нѣсколько позднѣе патріархъ Матѳей, около 1400-го года говорилъ отъ лица синода Константинопольскаго: „мы бѣдны и нищи, и живемъ мы и клиръ нашъ милостынею христіанъ“ ³⁾. Нечего говорить о томъ, какъ бѣдственно было въ то же изучаемое нами время положеніе простыхъ священниковъ. Въ „Актахъ Константинопольскаго патріархата“ рассказывается, напримѣръ, такой фактъ. Одинъ священникъ обвинялся въ святотатствѣ. Будучи призванъ на судъ патріарха, обвиняемый заявилъ, что совершенное имъ преступленіе произошло вслѣдствіе тяжелыхъ житейскихъ обстоятельствъ; онъ говорилъ, что въ теченіе трехъ дней самъ онъ, жена и дѣти оставались безъ пищи, и вотъ онъ взялъ изъ храма драгоценный окладъ (φεγγέιον) съ иконы Богородицы, продалъ его и, на вырученные деньги, купилъ пищи себѣ и приснымъ ⁴⁾. — Не станемъ говорить о положеніи духовенства въ Византійской имперіи въ XV вѣкѣ, частію по недостаточности свѣдѣній объ этомъ времени, частію-же потому, что не было причинъ, которыя могли бы измѣнить къ лучшему, указанное нами, бѣдственное матеріальное положеніе Византійской іерархіи. Оно могло быть только хуже. На Флорентійскомъ соборѣ представители православія—духовнаго чина больше

¹⁾ Miklosich. Acta patriarch. Constantin. I, 329—330.

²⁾ Ibidem, tom. II, p. 35.

³⁾ Ibidem, II, 484.

⁴⁾ Miklosich. Acta, tom. I, p. 475. Актъ относится къ 1365 г.

всего вынуждены были дать свое согласіе на унію полнымъ отсутствіемъ денегъ, въ которыхъ чувствовалась нужда для самаго скромнаго существованія. У одного греческаго архіерея того времени ничего не имѣлось, кромѣ трехъ старыхъ одеждъ. Знаменитый ученый Виссаріонъ, митрополитъ Никейскій, въ теченіе цѣлыхъ двухъ десятиковъ лѣтъ давалъ уроки юношеству на родинѣ, — но могъ всего на всего приобрести лишь сорокъ золотыхъ флориновъ ¹⁾. Дальше этого простираться бѣдность духовенства, кажется, ужъ и не могла.

По обзорѣниі Константинопольскаго патріархата въ различныхъ отношеніяхъ, намъ слѣдуетъ сообщить свѣдѣнія о положеніи церковныхъ дѣлъ въ другихъ восточныхъ патріархатахъ (отъ конца XI до полов. XV вѣка) — Александрійскомъ, Антиохійскомъ и Іерусалимскомъ. Къ сожалѣнію, наши свѣдѣнія по исторіи этихъ патріархатовъ указаннаго времени очень незначительны. Приходится по необходимости ограничиться вмѣсто описанія исторіи трехъ прочихъ Восточныхъ патріархатовъ лишь краткими замѣчаніями о нихъ. Несчастія и бѣды — вотъ единственный удѣлъ этихъ патріархатовъ. Внѣшняя исторія ихъ представляетъ скорбный листъ притѣсненій то отъ магометанъ, то Латинянъ-крестоносцевъ. Новаго, такого, что заслуживало-бы особеннаго вниманія въ этомъ отношеніи, очень мало. Бѣдствія подобнаго рода Восточные патріархаты терпѣли уже давно какъ отъ Арабовъ, такъ и Турокъ ²⁾. Не поставляя себѣ задачей изображать внѣшнее состояніе этихъ патріархатовъ, войдемъ въ нѣкоторое разсмотрѣніе внутренняго ихъ состоянія.

¹⁾ Ducæ. Historia. Byzantina, cap. 31 (Migne, tom. 157, p. 1013). Гиббона. Исторія. Т. VII, стр. 254. (Изъ Спроула).

²⁾ Для ознакомленія со внѣшнимъ положеніемъ патріархатовъ можно рекомендовать слѣдующія сочиненія: Le-Quien: Oriens christianus. Tom. II — III; Матвѣевскаго: очеркъ исторіи Александрійской церкви (Христ. Чт. 1856, т. I, стр. 358—391); Чельцова проф.: Внѣшнее состояніе Греческой церкви отъ 1054 до 1204 года (Христ. Чт. 1857, т. II); Прессанъ. Порфирия: Востокъ христіанскій (списки антиохійскихъ патріарховъ) Киевъ 1874 — 5. Досиенъ: Исторія іерусалимскихъ патріарховъ (на греческомъ языкѣ) и проч.

Начнемъ съ патріархата *Александрійскаго*. Александрійскій патріархатъ не находился во власти Латинянь-крестоносцевъ, какъ это было съ другими патріархатами. Такъ какъ крестоносцы не принесли и не могли приносить пользы для тѣхъ патріархатовъ, которые были ими захвачены (разумѣемъ: Антиохійское и Іерусалимское патріаршества), то неуспѣхи крестоносцевъ въ Египтѣ, кажется, нужно считать благопріятнымъ историческимъ обстоятельствомъ въ жизни Александрійскаго патріархата. Хотя крестоносцы не утверждались въ Египтѣ такъ прочно, какъ это было въ Антиохіи, Іерусалимѣ и Константинополѣ, тѣмъ не менѣе въ продолженіе нѣкотораго времени папы назначали латинскихъ номинальныхъ патріарховъ для Александріи, но это было, конечно, пустою затѣей со стороны церковнаго запада ¹⁾. Крестоносное нашествіе на Востокъ не имѣло вліянія на внутреннее положеніе Александрійскаго патріархата; но это положеніе и безъ этого обстоятельства было очень жалкимъ. Въ Александрійскомъ патріархатѣ было больше Яковитовъ (монофизитовъ), чѣмъ православныхъ. Можно утверждать, что исторія Яковитскихъ патріарховъ и вообще монофизитской іерархіи въ Египтѣ является болѣе жизненною и цвѣтущею, чѣмъ іерархіи православной здѣсь. Не случайность, конечно, что рассказы о монофизитской партіи въ Александріи, въ теченіе изучаемаго нами времени, записаны въ источникахъ гораздо полнѣе и съ большею рачительностію, чѣмъ рассказы о православной церкви ²⁾. Яковиты или монофизиты сдѣлались и остаются главными хозяевами патріархата Александрійскаго. Наприм., извѣстія о яковитскихъ патріархахъ въ Египтѣ очень разнообразны и не лишены интереса, тогда какъ по отношенію къ православнымъ Александрійскимъ патріархамъ историкъ затрудняется восстановить даже порядокъ преемства Александрійскихъ іерарховъ. На сторонѣ яковитской іерархіи видимъ людей образованныхъ, писателей, церковныхъ законовѣдовъ; почти ничего такого не замѣтно въ средѣ православной іерархіи

¹⁾ Wiltsh. Handbuch der kirchlich. Geographie und Statistik. Band II, s. 305.

²⁾ Какъ можно это видѣть и изъ Le-Quien'я tom. II.

въ Египтѣ. Впрочемъ, поставляя себѣ задачею сообщить хоть нѣкоторыя свѣдѣнія лишь о состояніи православной церкви въ Египтѣ, мы оставимъ безъ разсмотрѣнія положеніе здѣсь монофизитской партіи.

Число православныхъ христіанъ съ миллионѣвъ, сколько ихъ было здѣсь въ цвѣтущее положеніе Александрійской церкви, упало въ изучаемое нами время до одной сотни тысячъ. О числѣ православныхъ христіанъ въ XIII вѣкѣ дѣлаются заключенія на основаніи письма Александрійскаго патріарха Николая къ папѣ Гонорію III (въ 1223 г.). Первый, между прочимъ, извѣщалъ папу, что каждый православный христіанинъ съ четырнадцатилѣтняго возраста обязывается платить подать иновѣрному правительству по одному золотому византину (золотая монета) и четырнадцати караббовъ (мелкая монета); затѣмъ корреспондентъ прибавляетъ, что православныхъ христіанъ въ Египтѣ столько, что султанъ имѣетъ отъ нихъ ежегоднаго дохода сто тысячъ византиновъ¹⁾. Такъ какъ православные христіане съ 14-лѣтняго возраста въ это время платили въ казну 100,000 золотыхъ, причемъ съ cadaго христіанина взымалось по одному золотому слишкомъ, то очевидно, что взрослыхъ христіанъ въ Египтѣ въ началѣ XIII-го вѣка было около 90,000 тысячъ, а съ присоединеніемъ дѣтей до четырнадцатилѣтняго возраста все православное народонаселеніе Александрійскаго патріархата едва-ли превышало цифру ста тысячъ. Изъ того-же письма Николая къ Гонорію видно, что при одномъ случаѣ, незадолго до времени этого патріарха Александрійскаго, магометанскимъ правительствомъ разрушено было 115-ть православныхъ церквей²⁾, — возможно, что здѣсь обозначены всѣ церкви христіанъ православныхъ. И значитъ, и православныхъ людей и церквей было немного въ изучаемомъ патріархатѣ уже въ XIII-мъ вѣкѣ. Вѣрнѣе, вполнѣдствіи, численность православнаго населенія еще больше упала въ Египтѣ.

Сообщимъ нѣкоторыя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ патріархахъ Александрійскихъ. О патріархѣ Кириллѣ (XI или XII вѣка)

¹⁾ Письмо это можно находить у Le-Quien'я, tom. II, p. 490—491.

²⁾ Ibidem, p. 491.

сохранилось интересное извѣстіе, что онъ былъ знатокомъ медицины и писалъ въ этомъ родѣ сочиненія, пользуясь Галеномъ, Ямвлихомъ, Манеэономъ ¹⁾. — Изъ XII вѣка заслуживаетъ упоминанія патріархъ Маркъ. О немъ извѣстно, что онъ управлялъ Александрійскою церковію во времена императора Исаака Ангела и Константинопольскаго патріарха Георгія Ксифилина, т. е. въ концѣ XII вѣка. Маркъ извѣстенъ тѣмъ, что, встрѣтивъ въ Александрійской церкви много особенностей, онъ обратился за разрѣшеніемъ своихъ сомнѣній въ Константинополь къ знаменитому тогдашнему канонисту Теодору Вальсамону (изъ этого факта можно заключать, что самъ онъ не былъ природнымъ Александрійцемъ, и, по всей вѣроятности, назначенъ въ патріархи Александрии изъ Константинополя). Теодоръ Вальсамонъ составилъ отвѣты на вопросы Марка (тѣ и другіе дошли до нашего времени). Первымъ вопросомъ, предложеннымъ со стороны Марка, было: „можно-ли употреблять литургіи св. Іакова и св. Марка, которыя находятся въ практикѣ патріархатовъ Александрійскаго и Іерусалимскаго и совершаются здѣсь въ большіе праздники? Должна-ли принимать ихъ св. церковь“? Другіе вопросы Марка касались обычая умащать святымъ мѣломъ тѣла скончавшихся епископовъ и священниковъ, вливанія „теплой“ воды въ евхаристическую чашу, разныхъ отношеній къ еретикамъ, находившимся въ Египтѣ — монофизитамъ (яковитамъ) и моноелитамъ (маронитамъ). Вальсамонъ, разрѣшая недоумѣнія Марка, склоняетъ его держаться обычаевъ и порядковъ, утвердившихся въ Константинопольской церкви ²⁾. Вопросъ о совершеніи литургіи св. Марка еще разъ поднимался по слѣдующему случаю: Александрійскій патріархъ Маркъ прибылъ въ Кон-

¹⁾ Ibidem, tom. II, p. 484.

²⁾ „Каноническіе вопросы Марка и отвѣты на нихъ Вальсамона“. Вopr. 1. 25. 19. 15. 28. 32. Другіе вопросы Марка касались очень разнообразныхъ предметовъ, наприм.: „нужно ли принимать, встрѣчавшіеся на Востоку, произведенія подъ заглавіемъ: Ученія св. Апостоловъ и Видѣнія ап. Павла (2)? Позволительно ли совершить богослуженіе на языкахъ сирскомъ и армянскомъ, или же только на греческомъ (6)? Іерей, если пострижется въ монахи, лишается ли права священства (9)? и проч. Rhally et Potly. Syntagma. Tom. IV, p. 447—496.

стантинополь, и, намѣреваясь служить вмѣстѣ съ столичнымъ патриархомъ и Вальсамономъ въ Софійскомъ храмѣ, хотѣлъ было служить по чину литургіи Іакова. Но разрѣшенія на совершеніе этой литургіи не послѣдовало ни со стороны патриарха Константинопольскаго, ни со стороны Вальсамона, причемъ Маркъ далъ обѣщаніе всегда совершать литургію, какъ это принято было въ Константинополѣ ¹⁾.

Больше имѣемъ свѣдѣній объ Александрійскомъ патриархѣ XIII-го вѣка Аѳанасіи (1270 — 1308), впрочемъ должны сознаться, что эти свѣдѣнія очень небольшой важности. Они свидѣтельствуютъ, что если патриархъ Александрійскій проживалъ не въ своей патриархіи, а въ Константинополѣ (какъ это случилось съ Аѳанасіемъ), то ему въ личныхъ интересахъ приходилось лавировать между партіями и волей-неволей держаться стороны тѣхъ, кто представлялся сильнѣе. Расскажемъ исторію патриарха Аѳанасія. Аѳанасій сначала принадлежалъ къ числу монаховъ горы Синайской, отсюда и былъ взятъ въ патриархи Александрійскіе; посвященіе его, повидимому, совершенно было въ Константинополѣ ²⁾. Не долго пришлось ему оставаться въ Александріи. Вѣроятно, вслѣдствіе какихъ-либо невзгодъ, онъ прибылъ въ Константинополь, вскорѣ послѣ извѣстной Ліонской уніи (1274 г.), и пробылъ здѣсь весьма долго. Прибытіе Аѳанасія совпало съ критическимъ временемъ въ исторіи жизни Константинопольской церкви — происходило водвореніе уніи императоромъ Михаиломъ Палеологомъ въ Константинопольскомъ патриархатѣ. Аѳанасію нужно было или высказать себя за унію, чтобы пріобрѣсти благосклонность императора Михаила, или же стать противъ уніи, и тѣмъ повредить себѣ и своимъ личнымъ интересамъ. Но патриархъ Аѳанасій не сдѣлалъ ни того ни другого. Онъ избираетъ очень удобный для себя путь, на которомъ онъ любилъ держаться и впоследствии въ критическихъ обстоятельствахъ. Онъ дѣлаетъ видъ, какъ будто-бы ничего особеннаго не случилось въ

¹⁾ Правила съ толков.—Вальсамона Толков. на 32 прав. Трул. собора.

²⁾ Pachymeris. De Andronico, lib. VII, cap. 8, p. 579. — Le-Quien, tom. II, p. 493.

церкви Константинопольской. Искусно хранить молчаніе, не высказывая себя ни за унію, ни противъ ея ¹⁾. Михаилъ Палеологъ оцѣнилъ скромность и молчаніе Аѳанасія; для перваго было полезно ужъ и самое молчаніе патріарха Александрійскаго. Онъ вошелъ съ нимъ въ дружбу, бралъ его съ собой, когда отправлялся въ военные походы, наприм., противъ Персовъ. Онъ, при этомъ, удостоивалъ Аѳанасія дружескихъ бесѣдъ, „ища утѣшенія въ разговорахъ“ съ патріархомъ ²⁾. Мало того, Михаилъ Палеологъ далъ Аѳанасію два монастыря, находившіеся въ Константинопольскомъ патріархатѣ, утвердивъ ихъ за Аѳанасіемъ золотыми буллами (монастырь „Лавры Архистратига“ и „великаго Поля“) ³⁾. Разумѣется, монастыри эти должны были доставлять матеріальныя средства патріарху.

По смерти Михаила Палеолога царскій престолъ занялъ сынъ его Андроникъ. Нужно было много ловкости и изворотливости патріарху Аѳанасію, чтобы и при новомъ царѣ проводить жизнь спокойно и благополучно. Дѣло въ томъ, что Андроникъ былъ врагомъ уніи и, повидимому, долженъ былъ относиться съ нерасположеніемъ ко всѣмъ лицамъ, не показавшимъ ревности при защитѣ православія, а такимъ былъ и Аѳанасій. Но патріархъ Александрійскій какъ-то умѣлъ поладить съ новымъ императоромъ и долгое время проживалъ въ Константинополѣ въ полномъ благополучіи. Въ началѣ царствованія Андроника, нѣкоторые лица изъ членовъ іерархіи, особенно сильно ненавидѣвшія Михаила Палеолога за унію, предъявили было нѣсколько требованій къ Аѳанасію; наприм., они потребовали отъ него, чтобы онъ отрекся отъ всего, что имѣло ближайшее отношеніе къ этой уніи. Въ противномъ случаѣ Аѳанасію угрожаемо было исключеніемъ его имени изъ церковныхъ диптиховъ. Аѳанасій однакожъ отказался исполнить требуемое ⁴⁾. Его обыкновеннымъ правиломъ было: не выражать своихъ мнѣній прямо и рѣшительно. Такъ и въ этотъ разъ онъ

¹⁾ Пахимера. О Михаилѣ Палеологѣ, кн. VI, гл. I, стр. 397.

²⁾ Ibidem, кн. VI, гл. 29, стр. 464.

³⁾ Pachymeris. De Andronico, lib. III, cap. 5, p. 203.

⁴⁾ Pachymeris. De Andronico, lib. I, cap. 19, p. 55—56.

отклонилъ вышеуказанное настойчивое предложеніе. Вѣроятно, онъ мотивировалъ отказъ тѣмъ, что какъ онъ раньше не изъявлялъ своего прямого согласія на унію, такъ теперь ему нѣтъ надобности отвергать той самой уніи, какой онъ не принималъ. Уклончивость Аѳанасія и на этотъ разъ сослужила ему хорошую службу. Патріархъ продолжалъ жить въ столицѣ безъ тѣхъ печалей, какія обуревали явныхъ друзей и враговъ уніи. Въ дальнѣйшее время Аѳанасій держался той-же политики; уклонялся отъ всякихъ дѣйствій, изъ которыхъ могли-бы проистекать невыгоды для его положенія. Въ патріаршество Григорія Кипрскаго, Аѳанасій на одномъ соборѣ противъ Іоанна Векка выражаетъ свое несогласіе съ ученіемъ и взглядами этого послѣдняго¹⁾; но когда патріархъ Григорій потребовалъ, чтобы Аѳанасій подписалъ опредѣленіе (томосъ) противъ Векка, то Александрій архипастырь, къ явному неудовольствію Константинопольскаго патріарха, отказался подписать это опредѣленіе, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ не принадлежитъ къ Константинопольскому патріархату²⁾. Разумѣется, это была не больше какъ уловка, благодаря которой Аѳанасій своимъ ловкимъ образомъ дѣятельности достигъ того, что ему нужно. Императоръ Андроникъ почиталъ его очень разсудительнымъ мужемъ. Онъ даетъ ему различныя деликатныя порученія; такъ Аѳанасій является съ разными царскими порученіями то къ патріарху Григорію Кипрскому, то къ патріарху Іоанну Созопольскому³⁾. Не такъ счастливо пошли дѣла Аѳанасія при дальнѣйшемъ Константинопольскомъ патріархѣ по имени тоже Аѳанасіи. Аѳанасій Константинопольскій, между прочимъ, поставилъ себѣ цѣлю изгнать изъ столицы всѣхъ архіереевъ, которые проживали здѣсь подъ видомъ какихъ либо дѣлъ, но въ сущности безъ всякаго дѣла и повода. Не имѣя права изгнать изъ столицы Аѳанасія Александрійскаго, Аѳанасій Константинопольскій одинъ изъ двухъ монастырей, какіе даны были сановному гостю Михаиломъ Па-

¹⁾ Pachymeris, *ibid.* lib. I, cap. 35, p. 97.

²⁾ *Ibid.* lib. II, cap. 5, p. 120—121.

³⁾ *Ibid.* et lib. IV, cap. 31—32, p. 349.

леологомъ, отнялъ у него, другой же монастырь подчинилъ своей власти ¹⁾; а между тѣмъ эти монастыри до сихъ поръ доставляли пришельцу матеріальныя средства. Обезкураженный патріархъ Александрійскій удаляется на островъ Родось. Вскорѣ впрочемъ счастье снова возвращается къ патріарху Александрійскому, но не на долго. Аѳанасій Константинопольскій покидаетъ кѳедрѣ и Аѳанасій Александрійскій, по зову Андроника, опять приходитъ въ столицу. Но по нѣкоторомъ времени Аѳанасій Константинопольскій снова дѣлается патріархомъ столицы и приходитъ въ столкновение съ Аѳанасіемъ Александрійскимъ. Дѣло кончается тѣмъ, что этотъ послѣдній теряетъ и расположеніе императора Андроника и принужденъ былъ возвратиться въ Александрію, на свою дѣйствительную кѳедрѣ, которую онъ столь давно покинулъ. Послѣ нѣкоторыхъ приключеній Аѳанасій прибылъ въ Александрію ²⁾. О послѣдующей судьбѣ его мало извѣстно. — Аѳанасій Александрійскій представляетъ собою оригинальный типъ: долгое время онъ считался патріархомъ Александрійскимъ, но и знать не зналъ дѣлъ церкви Александрійской. Полагать нужно, что такого рода патріархи не рѣдко возсѣдали на архипастырской кѳедрѣ Александріи, ибо проживать въ столицѣ, въ особенности безъ всякаго дѣла, очень любили провинціальныя архіереи того времени.

Въ Египтѣ, гдѣ въ древности такъ процвѣтало монашество, можно было встрѣчать немало монаховъ, проводившихъ подвижническую жизнь и въ описываемыя нами времена. Вотъ нѣсколько свѣдѣній касательно этого предмета. находимыхъ въ „Путешествіи Св. Саввы архіеп. Сербскаго“ (1221—1237 г.). Онъ захотѣлъ посѣтить Египетскихъ монаховъ, жившихъ въ этой странѣ, хотя и зналъ, что они ниже древнихъ: „все-бо старшихъ лучше новыхъ глаголютъ быти“. Посѣтилъ онъ Ливію, Өиваиду, Скитъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ монастыри оказались очень малолюдны: монастырь состоялъ иногда изъ двухъ—трехъ подвижниковъ.

¹⁾ Pachymeris, lib. III, cap. 5, p. 202—203.

²⁾ Pachymeris. De Andronico, lib. V, cap. 20, p. 409; lib. VII, cap. 8, p. 579; cap. 16, p. 593—595. — Le-Quien, tom. II, p. 493—495.

Всѣмъ имъ путешественникъ роздалъ подаванія. Тотъ же св. Савва былъ и на Синаѣ (который въ іерархическомъ отношеніи зависѣлъ то отъ Іерусалимскаго патріарха, то отъ Александрійскаго). О Синайскомъ монастырѣ путешественникъ дѣлаетъ слѣдующее любопытное замѣчаніе: здѣсь, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Моисей изнулъ сапоги отъ ногъ, „и до днесь іереи босы служатъ св. литургію“¹⁾. — Мало знаемъ мы о патріархатѣ Александрійскомъ, еще меньше о патріархатахъ Антиохійскомъ и Іерусалимскомъ.

Антиохійскій патріархатъ. Этотъ патріархатъ уже съ давнихъ поръ находился въ рукахъ магометанъ. Но въ 1097 году Антиохіей овладѣли латиняне-крестоносцы и держались здѣсь до 1247-го года, когда магометане снова подчинили своей власти Антиохію и ея окрѣстности. Временное обладаніе крестоносцевъ Антиохіей повело къ тому, что здѣсь образовался латинскій патріархатъ. Всѣхъ латинскихъ патріарховъ въ Антиохіи, преемственно правившихъ церковію, или точнѣе—латинскими ея обитателями, насчитываютъ 13-ть (послѣдніе изъ нихъ впрочемъ не жили уже въ Антиохіи, а были лишь титулярными²⁾). Антиохійское латинское духовенство, повидимому, не отличалось особеннымъ фанатизмомъ въ отношеніи къ православнымъ. Въ доказательство можно сослаться на слѣдующіе примѣры. Такъ, первый латинскій патріархъ въ Антиохіи былъ избранъ не тотчасъ по завоеваніи этого города крестоносцами, а нѣсколько позже (въ 1100 г.); причиной этого было то, что латиняне, при жизни Греческаго патріарха, не считали приличнымъ избирать латинскаго патріарха, чтобы не было въ патріархѣ двухъ патріарховъ заразъ³⁾. Или еще можно указать вотъ на что. Во одномъ заслуживающемъ уваженія документѣ замѣчено: въ то время когда латинскіе патріархи Антиохіи заправляли здѣсь дѣлами церковными, „православные представляли своихъ патріарховъ отдѣльно, которые жили въ другой части города, нимало небезпокойные латинянами въ

1) Палестинскій сборникъ. Выпускъ V: Путешествіе св. Саввы Сербскаго, стр. 16—17. 57. 60.

2) Pichler. Geschichte der Kirchl. Trennung. Band, I, s. 315.

3) Wiltsh. Handbuch der Geographie, B. II. 114.

вѣроисповѣдномъ отношеніи¹⁾. Что касается исторіи Греческихъ патріарховъ въ Антиохіи, то она почти неизвѣстна. Кромѣ именъ этихъ патріарховъ, мы почти ничего не знаемъ. Часть Антиохійскихъ патріарховъ вмѣсто того, чтобы жить въ Антиохіи, проживала въ Константинополѣ. Съ теченіемъ времени самая Антиохія перестала быть резиденціей патріарховъ: она перенесена была въ болѣе богатый Дамаскъ. Избраніе Антиохійскихъ патріарховъ происходило большею частію уже въ Константинополѣ и, конечно, подъ вліаніемъ не только церковнаго, но и свѣтскаго правительства. Когда въ царствованіе Михаила Палеолога умеръ Антиохійскій патріархъ Евѣимій и епископы въ Константинополѣ рѣшились избрать на его мѣсто нѣкоего іеромонаха Θεодосія Принкипса, то императоръ не сразу согласился на это. Онъ напередъ пожелалъ секретно узнать, какъ относится этотъ Θεодосій къ провозглашенной на Востокъ уніи Ліонской, и только когда увѣрился, что Θεодосій „будетъ слушаться царя“, послѣдній выразилъ свое согласіе на избраніе его въ патріарха Антиохійскаго²⁾.

Изъ Антиохійскихъ патріарховъ сколько нибудь замѣчательныхъ почти нѣтъ. Конечно, нельзя не упомянуть патріарха Антиохійскаго XII вѣка Θεодора Вальсамона, но онъ, кажется, совсѣмъ не жилъ въ Антиохіи, а пребывалъ въ теченіе своего патріаршества въ Византіи³⁾. Изъ позднѣйшихъ патріарховъ можно упомянуть Игнатія, XIV вѣка: онъ жилъ въ Константинополѣ во времена патріарха Іоанна Калекаса, участвовалъ въ соборѣ, собранномъ при этомъ патріархѣ противъ Паламитовъ, за что потомъ подвергся какъ лишенію сана, такъ и заключенію въ тюрьму. По его смерти, тѣло его лишено было погребенія⁴⁾. Нужно

¹⁾ Е. Порфирія. Востокъ христіанскій: Списокъ патріарховъ Антиохійскихъ (Брека), стр. 74.

²⁾ Пахимера, кн. VI, гл. 5, стр. 404—405. Киннамъ о XII-мъ вѣкѣ говоритъ, что „въ Антиохію по древнему (?) обычаю архіерей посылаемъ былъ изъ Византіи“. (Киннамъ, кн. IV, гл. 18, стр. 201).

³⁾ Кромѣ сообщенныхъ уже нами свѣдѣній о Вальсамонѣ при разныхъ случаяхъ, болѣе полныя извѣстія о жизни этого патріарха можно находить въ статьяхъ г. Демидова: „Характеръ и значеніе толкователей Аристина, Зонары и Вальсамона“ (Прав. Обзоръ. 1888, т. II, 633—635).

⁴⁾ Le-Quien. Tom. II, p. 766—767.

думать, что Игнатій былъ одной изъ жертвъ зависимости Антиохійскихъ патріарховъ отъ духовнаго и свѣтскаго правительства въ Византіи.

Іерусалимскій патріархатъ. Главнѣйшимъ событіемъ въ исторіи патріархата Іерусалимскаго было завоеваніе св. города крестоносцами. Іерусалимъ сдѣлался добычею крестоносцевъ въ 1099 году. Вслѣдъ затѣмъ здѣсь открытъ былъ Латинскій патріархатъ. Дѣйствительные патріархи латинской церкви преемственно управляли до 1187 года, когда магометане снова отняли у Латинянъ св. городъ. Послѣ этого, папы стали назначать номинальных латинскихъ патріарховъ въ Іерусалимъ. Всѣхъ латинскихъ патріарховъ дѣйствительныхъ и номинальных насчитываютъ для Іерусалима 37 ¹⁾. Нравственное состояніе христіанъ, подчиненныхъ вѣдѣнію латинскаго патріарха, было самое жалкое ²⁾. Что касается положенія православной церкви въ патріархатѣ, то объ этомъ мы знаемъ очень мало. Патріархи Іерусалимскіе большею частію были избираемы въ Византіи и находились подъ сильнымъ вліяніемъ Константинопольскихъ властей. Разкажемъ исторію двухъ патріарховъ Іерусалимскихъ (XII и XIV в.); изъ этой исторіи съ одной стороны открывается, что Византія имѣла большое значеніе для Іерусалимскаго патріархата, а съ другой, что Іерусалимская патріархія во временаъ находилась въ вѣдѣніи очень достойныхъ и почтенныхъ іерарховъ.—Во второй половинѣ XII вѣка на Іерусалимскую кафедру возведенъ былъ человекъ достопочитенный—нѣкто Леонтій. Но не долго пришлось ему править церковію. Латинскій патріархъ въ Іерусалимѣ началъ дѣлать ему всякія непріятности; дѣло дошло до того, что къ Греческому патріарху подосланъ былъ вооруженный воинъ съ приказаніемъ убить Леонтія, но этотъ злой умыселъ не удался. Особенно прискорбно было Леонтію то, что хотя онъ и былъ патріархомъ Іерусалимскимъ, но Латиняне не позволяли ему совершать богослуженіе при св. гробѣ. Ему не позволено было даже приходить сюда, такъ что онъ

¹⁾ Wiltsh, s. 313—318. Pichler, s. 315.

²⁾ Hefele. Conciliengeschichte, B. V, s. 320 (первое изданіе).

могъ проникать сюда только тайкомъ, вѣшавшись въ толпу прочихъ поклонниковъ. Леонтій рѣшился покинуть свою каведру, тѣмъ болѣе, что императоръ Мануилъ приглашалъ его къ себѣ въ Византію¹⁾. Но не на счастье прибылъ Леонтій въ Византію. Пока живъ былъ Мануилъ, Леонтій жилъ спокойно. Но не такъ пошли дѣла при преемникѣ Мануила Андроникѣ Комнинѣ. Андроникъ, какъ мы не разъ упоминали, домогался совершенія одного незаконнаго брака и въ этомъ смыслѣ требовалъ разрѣшенія отъ архіереевъ. Императоръ домогался такого разрѣшенія и со стороны Леонтія. Но Леонтій не сдавался. Онъ говорилъ: „не преклоню я колѣна предъ Вааломъ, и земного цари не предпочту Безсмертному“. Андроникъ, съ своей стороны, не оставилъ безъ вниманія сопротивленіе патріарха: онъ преслѣдовалъ Леонтія²⁾ и тѣмъ дѣлалъ жизнь несчастнаго изгнанника еще болѣе несчастною. — Другой достойный Іерусалимскій патріархъ — Лазарь жилъ въ XIV вѣкѣ (сдѣлался патріархомъ около 1334 г.). Его жизнь была преисполнена непріятностей и страданій, но онъ вездѣ и всегда показываетъ себя мужественнымъ и твердымъ. Въ царствованіе Андронника Младшаго, Лазарь былъ предъизбранъ въ патріархи соборомъ во св. градѣ и затѣмъ отправился въ Константинополь для посвященія и императорскаго утвержденія въ должности. Но лишь только Лазарь былъ посвященъ, какъ въ Константинополь прибылъ одинъ іерусалимскій монахъ Герасимъ съ разными обвиненіями на Лазаря. Императоръ счелъ долгомъ сдѣлать изслѣдованіе по поводу этихъ обвиненій и для этого отправилъ посольство въ Іерусалимъ. Пока тянулось это дѣло, произошли въ Византіи важныя политическія перемѣны. Андроникъ Младшій умеръ. Именемъ малолѣтняго императора Іоанна Палеолога стало управлять регенство, во главѣ котораго сталъ патріархъ Іоаннъ Калекасъ. Послѣдній, пользуясь своею властію, отстранилъ Лазаря отъ патріаршества и посвятилъ на его мѣсто Герасима, обвинителя Лазарева. Лазарь, все

¹⁾ Изъ житія Леонтія. Часть этого житія отпечатана въ „Палест. Сборникъ“, томъ восьмой, выпускъ II. См. стр. XXVII—XXX.

²⁾ Ibidem, стр. XXXI—XXXIII, XXXVII.

еще находившійся въ Константинополѣ, очутился въ крайне непріятномъ положеніи. И только новая переменѣ въ правительствѣ улучшила положеніе Лазаря. На престолъ Византіи вступилъ Іоаннъ Кантакузинъ; онъ лишилъ патріаршества Іоанна Калекаса и принялъ сторону Лазаря. Чтобы исправить несправедливость, допущенную Калекасомъ, Кантакузинъ отослалъ посольство къ султану, имѣвшему власть надъ Іерусалимомъ, и просилъ его изгнать Герасима изъ Іерусалимской патріархіи и водворить въ ней Лазаря. Султанъ исполнилъ волю Кантакузина. Великія испытанія пришлось перенести Лазарю и въ послѣдующее время. Новый султанъ былъ враждебенъ христіанству; онъ пожелалъ силою обратить Лазаря въ магометанство; патріарху пришлось перенести унижительныя тѣлесныя наказанія и темничное заключеніе. Вышедши твердымъ изъ этого испытанія, Лазарь остатокъ жизни мирно провелъ на своей Іерусалимской кафедрѣ¹⁾.

Мы рассказали исторію патріарховъ Леонтія и Лазаря потому, что только о нихъ изъ числа іерусалимскихъ святителей — и сохранились сколько-нибудь обстоятельныя свѣдѣнія. Къ нашему утѣшенію, вышеприведенныя свѣдѣнія рисуютъ этихъ двухъ патріарховъ въ самомъ лучшемъ видѣ. Леонтій и Лазарь съ великимъ стараніемъ охраняли и свое достоинство, и свою честь, и православную вѣру.

---

¹⁾ Cantacuzeni. Historiae. Tom. III, lib 4, cap. 14—15, p. 91—103. Рассказъ историка подробенъ, но мы изъ него взяли лишь главные черты.

Духовное просвѣщеніе и богословская наука.

Въ Византійскомъ обществѣ свѣтское и духовное образованіе стояли въ самой тѣсной связи: процвѣтало свѣтское образованіе—процвѣтало и духовное. Мы не видимъ при томъ специально-духовныхъ школъ: все образованіе сосредоточивалось главнѣйшимъ образомъ въ свѣтскихъ школахъ. Это обстоятельство заставляеть насъ при обзорѣ духовнаго просвѣщенія и богословской науки XII, XIII, XIV и половины XV вѣка бросить взглядъ на образованіе въ Византійской имперіи вообще, на его успѣхи или неуспѣхи и на причины такого явленія.

Почти весь XII вѣкъ Византійскій императорскій тронъ занимала царственная фамилія Комниныхъ. Эта фамилія принадлежала къ числу тѣхъ династій, которыя ревностно содѣйствовали процвѣтанію науки и литературы. Эпоха Комниныхъ считается особенно счастливою по высотѣ отличающаго ее образованія. Въ самомъ дѣлѣ, императоры изъ дома Комниныхъ и царскіе родственники извѣстны замѣчательною любовью къ просвѣщенію. Императоръ Алексѣй I Комнинъ покровительствуетъ ученымъ, входитъ въ личныя состязанія съ ними. Богословскія знанія его были высоки: его просвѣщенные бесѣды съ еретиками-павликіанами служатъ ко вразумленію и обращенію ихъ къ церкви въ великомъ множествѣ; онъ не оставляетъ безъ вниманія и новыхъ еретиковъ-богомиловъ, богословскія собесѣдованія съ которыми поглощаютъ у Алексѣя не мало времени. Его супруга Ирина отличалась также образованнымъ вкусомъ и стремленіями. Она любила въ особенности философскія и богословскія книги; съ одной изъ такихъ книгъ въ рукахъ она являлась даже въ столовую. Дочь ея, знаменитый исто-

рихъ Анна, такъ вспоминаетъ объ этомъ: „я помню, какъ мать моя, когда подадутъ обѣдъ, приносила въ рукахъ книгу и читала творенія св. отцевъ, преимущественно философа и мученика Максима (повидимому Максима Исповѣдника), ибо она не столько занималась вопросами о природѣ, сколько богословіемъ, желая получить плодъ истинной мудрости. И нерѣдко мнѣ приходилось удивляться этому и въ удивленіи я говорила ей: какъ это ты можешь устремлять свой взоръ на такую высоту? А я не дерзаю и боюсь—говорила о себѣ Анна—даже краемъ уха внимать этому, ибо глубокая созерцательность и высота мыслей этого мужа (Максима)—наивно замѣчала матери Анна—производятъ въ читателей головокруженіе“. На это Ирина съ улыбкой отвѣчала: „я испытала эту похвальную робость и не безъ страха принималась за книгу, хотя теперь не могу отъ нея оторваться“¹⁾. Въ области литературы Ирина высоко цѣнила классическую поэзію и поощряла тогдашняго поэта Тцетца къ занятіямъ надъ Гомеромъ. Какъ высока была образованность дочери Алексѣя, Анны Комниной, объ этомъ достаточно свидѣлствуетъ составленная ею „Исторія Алексѣя Комнина“—трудъ, который всѣми учеными ставится въ ряду лучшихъ произведеній того времени. Мужъ Анны—Никифоръ Врѣяніи написалъ въ свою очередь „Исторію“, въ которой изобразилъ жизнь своего тестя Алексѣя до вступленія его на престолъ. Внукъ Алексѣя Комнина, императоръ Мануилъ принадлежалъ тоже къ числу лицъ образованныхъ и любителей образованности. Онъ зналъ Аристотеля, обладалъ краснорѣчіемъ, былъ замѣчателенъ какъ тонкій богословъ, онъ любилъ споры о предметахъ богословскихъ²⁾; съ его богословскими спорами мы уже знакомы. Императоръ Андроникъ I Комнинъ не мало трудился надъ изученіемъ апост. Павла и самъ писалъ о духовныхъ предметахъ³⁾.

При такой склонности императоровъ изъ рода Комниныхъ

¹⁾ Анны Комниной. Сказ. о дѣлахъ Алексѣя, кн. V, гл. 9, стр. 251—252.

²⁾ Киннама. Царствованіе Мануила, кн. VI, гл. 13 и друг.

³⁾ Объ Андроникѣ было говорено выше. См. стр. 66.

къ наукѣ весьма естественно было, что школы находили въ нихъ своихъ покровителей, а учителя-поощрителей. Школы, основанныя въ IX вѣкѣ извѣстнымъ Вардою, современникомъ Фотія, и реставрированныя императоромъ Константиномъ Порфиророднымъ (въ X вѣкѣ), ко временамъ Алексѣя Комнина значительно упали. Но этотъ императоръ старался поднять упадавшее образованіе. Онъ заботился объ оживленіи и лучшей организаціи школъ¹⁾. При Алексѣѣ встрѣчаемъ школы риторики, грамматики и философіи. Преподаватели пользуются высокимъ почетомъ; важнѣйшія наставническія мѣста замѣщаются по назначенію самого императора²⁾. Совершенно новая школа была открыта Алексѣемъ I при великолѣпно имъ устроенномъ сиротскомъ домѣ. Въ эту школу онъ назначилъ преподавателей по всѣмъ предметамъ образовательнаго курса; здѣсь преподаваніе велось по нѣкоторымъ новымъ методамъ³⁾. Замѣчательно, что въ школахъ того времени меньше всего выступать на видъ элементъ церковный. — На ряду со свѣтскими школами, хотя болѣе скромное мѣсто, занимаютъ и школы церковныя и монастырскія. Многіе монастыри, при своемъ богатствѣ рукописей, могли не мало служить въ XII вѣкѣ интересамъ науки, каковы напримѣръ монастыри Аѳонскіе, Патмосскіе, Лесбосскіе. При Алексѣѣ Комнинѣ возложена была на церкви и монастыри обязанность открывать училища и учить дѣтей. О существованіи церковныхъ школъ упоминаетъ Евстаѳій Θεσσαλονικійскій; такъ онъ говоритъ о школахъ при церкви св. Евфимія (въ Халкидонѣ?). Впрочемъ, главнымъ дѣломъ образованіе сосредоточивалось въ школахъ Константинопольскихъ. Что касается круга предметовъ, преподававшихся въ тогдашнихъ школахъ, то онъ оставался, какимъ былъ и прежде. Это былъ кругъ наукъ, который на

¹⁾ Анны Комниной. Сказаніе о Алексѣѣ, кн. V, гл. 9, стр. 252—253. Зонара почему-то выражаетъ недовольство Алексѣемъ по части насажденія просвѣщенія, находя, что онъ былъ недостаточно заботливъ въ этомъ отношеніи, но Остеръ справедливо защищаетъ Алексѣя отъ этого Зонарина упрека. Oster. Anna Comnena, III, s. 43.

²⁾ Профес. Успенскаго. Никита Акоминатъ изъ Хонъ, стр. 13.

³⁾ Ibidem, стр. 18, 16. Объ этой школѣ было говорено выше, стр. 51 См. еще статью проф. Малышевскаго: Замѣчательный образецъ византійскихъ учреждений („Церк. Вѣд.“, 1895, № 47).

западъ назывался: *trivium* и *quadrivium*. Подъ *trivium* разумѣлись—грамматика, риторика, философія; подъ *quadrivium*: астрономія, геометрія, ариметика и музыка (или словесность). При этомъ нужно замѣтить, что подъ понятие философіи въ тогдашнемъ византійскомъ обществѣ подходили и въ немъ заключались даже богословскія званія, какъ составная часть ¹⁾. Въ царствованіе Комниныхъ встрѣчаемъ въ Византіи даже такое учрежденіе, которое можно назвать Академіей наукъ. Эта Академія или коллегія обыкновенно состояло изъ двѣнадцати ученыхъ; ближайшимъ назначеніемъ ихъ было содѣйствовать успѣхамъ науки въ имперіи и читать высшіе научные курсы. Представители этой коллегіи обыкновенно подавали первый голосъ въ спорныхъ ученыхъ вопросахъ, не исключая вопросовъ богословскихъ. Что эта академія не стояла въ сторонѣ отъ интересовъ богословскихъ, это достаточно открывается изъ того историческаго наблюденія, что во главѣ ея нерѣдко стояли лица духовныя. Напримѣръ, въ изучаемое нами время предсѣдателемъ въ этой Академіи однажды былъ митрополитъ Никомидійскій ²⁾.

Какъ на замѣчательную черту, которая въ нѣкоторой мѣрѣ характеризуетъ XII вѣкъ, можно указать на то, что образованные люди того времени иногда были слишкомъ проникнуты идеями классической древности. Это свидѣтельствуется не только о любви, съ какой изучались классики, но и пристрастіи къ нимъ. Подобные люди часто смотрятъ на вещи глазами язычниковъ, говорятъ ихъ языкомъ. Сказанное нами въ достаточной ясности можно наблюдать на Византійскомъ историкѣ, умершемъ въ началѣ XIII вѣка—Никитѣ Хоніатѣ. Въ его исторіи встрѣчаемъ языческое представленіе о судьбѣ, играющей человѣческими дѣлами, о перемѣнахъ счастья и несчастья, зависящихъ отъ прихоти боговъ или зависти Божества продолжительному благополучію человѣка. Есть у Никиты немало мѣстъ, которыя подъ перомъ христіанскаго писателя представляются не

¹⁾ Проф. Успенскаго. *Ibidem*. стр. 13 15. 19.

²⁾ Лебедевъ. Общество Любителей Духовнаго Просвѣщенія въ Византіи, стр. 12. М. 1889. См. такъ же ниже: *Приложеніе*.

меньшей мѣрѣ странными—таково заклѣтіе рѣки Алфея. Не странно ли еще, что Никита отправляетъ умершихъ въ адъ черезъ Ахеронъ, не забываетъ о перевозѣ душъ черезъ эту рѣку, помнить о Стиксѣ? Отмѣтимъ еще одно удивительное мѣсто въ исторіи Никиты: икона Богоматери, поставленная на богато-украшенную колесницу, напоминаетъ ему Аенну, когда она садится на колесницу рядомъ съ Діомидомъ. Указывая на приведенные случаи, въ которыхъ нельзя не видѣть вліянія на Никиту классическихъ писателей и ихъ мировоззрѣнія, мы не находимъ справедливымъ ограничивать это вліяніе сферою религіозною. Нѣтъ, оно проявлялось и тамъ, гдѣ оно, кромѣ похвалы, ничего другого не можетъ заслуживать: въ своей исторіи Никита повсюду высказываетъ особенную любовь къ памятникамъ искусства. Иногда его страстицы дышатъ сочувствіемъ къ покровителямъ древнихъ статуй; онъ съ особеннымъ удовольствіемъ оставляетъ на описаніи древнихъ зданій ¹⁾. Нужно сказать, что привязанность къ классической древности у нѣкоторыхъ заходила дальше, чѣмъ у Никиты Хоніата и она простиралась такъ далеко, что церковь принуждена была бороться съ этимъ пристрастіемъ, какъ съ нѣкотораго рода возвращеніемъ къ язычеству. Такъ мы встрѣчаемъ въ XII вѣкѣ епископа Николая Метонскаго, который борется съ приверженцами языческихъ идей въ тогдашнемъ византійскомъ обществѣ. Вотъ что говоритъ Николай Метонскій въ предисловіи къ одному своему сочиненію („Опроверженіе философа Прокла“): „неудивительно, если язычники, ища мудрости человеческой, нашу мудрость считаютъ, по слову апостола, буйствомъ и позволяютъ себѣ громкій смѣхъ надъ нами, когда мы предлагаемъ имъ вѣру въ Распятаго. Но вполне удивительно, какъ даже тѣ, которые находятся внутри двора нашего, которые обогатились чрезъ призваніе ко Христу, т.-е. христіане, вкусивши внѣшней мудрости или, быть можетъ, только кончикомъ пальцевъ коснувшись ея, отдають чужому предпочтенію предъ нашимъ. Они (т.-е. нѣкоторые христіане временъ Николая Метонскаго) насмѣхаются надъ

1) Проф. Успенскаго, Никита Акоминать, стр. 44—46.

простотою и безъискусственностію нашего ученія, какъ надѣ-
чѣмъ то скуднымъ, и боготворять разнообразіе и блескъ
язычества, какъ нѣчто дѣйствительно достойное уваженія и
мудрое. Оттого они во многомъ погрѣшаютъ, отступаютъ
отъ правой вѣры, впадаютъ въ богопротивныя заблужденія¹.
По словамъ епископа Метонскаго, многіе изъ его современ-
никовъ въ особенности увлекались сочиненіями языческаго
философа V-го вѣка Прокла — изъ Ликии¹).

Перечислимъ главнѣйшихъ дѣятелей богословской науки,
украшавшихъ собою времена Комниныхъ. Въ началѣ XII
вѣка жилъ замѣчательный богословъ Евѣимій Зигавинъ.
Онъ былъ Константинопольскимъ монахомъ. Анна Комнина
прославляетъ его за его замѣчательную ученость. Какъ
видно, онъ находился въ близкихъ отношеніяхъ къ импе-
ратору Алексѣю Комнину. Такъ извѣстно, что этотъ импе-
раторъ приказалъ ученымъ того времени собрать матеріалы,
которыми можно было бы пользоваться въ борьбѣ съ ере-
тиками; обработку этихъ матеріаловъ онъ поручилъ именно
Евѣимію Зигавину²). Евѣимій извѣстенъ и какъ экзегетъ
и какъ полемистъ. Другимъ славнымъ богословомъ той
эпохи былъ Евстаѣій, митрополитъ Θεσσαλονικійскій. Онъ
родился въ Константинополѣ и воспитался въ здѣшней
школѣ. Былъ сначала діакономъ при Софійскомъ храмѣ и
занималъ должность главнаго преподавателя краснорѣчія
въ одной изъ Константинопольскихъ школъ. Свою истинно-
замѣчательную ученость онъ показалъ въ составленіи ком-
ментарія къ Одиссеѣ и Иліадѣ³). Его богословская дѣя-
тельность развивается съ тѣхъ поръ, когда онъ сдѣлался
архипастыремъ Θεσσαλονικійскимъ. Сохранившіеся до насъ
его богословскіе труды не суть, впрочемъ, плоды крѣпко-
ливой учености, но тѣмъ не менѣе эти произведенія ука-
зываютъ въ авторѣ необыкновенно — проникательный умъ.

¹) "Опроверженіе Прокла", написанное Николаемъ, издано Voemel'омъ (1825. Frankfurt in M.). См. Хр. Чт. 1882 г., т. II, 166, статья архим. (еписк.) Арсенія: "Николай Метонскій".

²) Annae Comnenae. Alexiades, lib. XV, p. 1176 (Migne, Gr. tom. 131). Zigabeni, Panoplia dogmatica: prologus.

³) Kurtz. Handbuch der Kirchengeschichte. B. I. Abtheil. 3, S. 138. Ausg. 2-te. Mitau. 1858. Проф. Успенскаго, стр. 15.

глубокое проникновѣніа духомъ христіанскимъ и серьезное критическое пониманіе нуждъ своего времени ¹⁾. Очень высокое мѣсто не только между богословами эпохи Комниныхъ, когда онъ жилъ, но среди греческихъ богослововъ до самаго паденія Константинополя занималъ Николай, епископъ Метонскій (Метона, городъ въ Пелопоннесѣ). Онъ жилъ въ первой половинѣ и срединѣ XII вѣка. Къ сожалѣнію, до насъ не сохранилось почти никакихъ свѣдѣній изъ его жизни. Онъ находился въ дружественныхъ отношеніяхъ къ императору Мануилу I Комнину и былъ его вдохновителемъ при рѣшеніи богословскихъ вопросовъ. Полемика Николая, направленная противъ языческо-классическихъ увлеченій общества, рекомендуетъ его, какъ одного изъ образованнѣйшихъ богослововъ XII вѣка. Его умѣнье говорить въ сочиненіяхъ языкомъ яснымъ и простымъ, а не изысканнымъ, какимъ говорятъ другіе писатели этой эпохи, излагать богословско-философскіе предметы живо, безъ рутинныхъ пріемовъ, полемизировать съ силою и находчивостью — составляетъ принадлежность этого писателя ²⁾. Еще очень недавно Николая называли „благороднѣйшимъ теологическимъ цвѣткомъ средневѣковой греческой теологии“ ³⁾. Но по мѣрѣ изученія источниковъ, какими пользовался еписк. Метонскій въ своихъ трудахъ, значеніе его стало уменьшаться ⁴⁾. Къ классу замѣчательныхъ богослововъ эпохи Комниныхъ нужно относить столь часто упоминаемаго нами Никиту Хониата. Никита представлялъ собой истинный типъ образованнаго Византіяца. Онъ въ одно и то же время и занимаетъ самыя важныя государственныя должности, и пишетъ свѣтскую исторію, и съ успѣхомъ посвящаетъ себя богословской литературѣ. Его полемика, по отзыву знатоковъ, даетъ судить объ его глубокомъ умѣ и основательномъ образованіи ⁵⁾.

¹⁾ Krumbacher отзывается съ особенною теплотою объ его характерѣ и большимъ уваженіемъ о его умѣ и учености. *Geschichte der Byzantinischen Literatur*. S. 537—539. Auflage 2-te. Münch., 1897.

²⁾ Kurtz, *ibid.* S. 136.

³⁾ Dräseke. Zu Nicolaos von Methone. *Zeitschrift für Kirchengesch.* 1888, S. 431.

⁴⁾ Krumbacher. *Geschichte d. Byzantinischen Literatur*. S. 85—87.

⁵⁾ Kurtz, 137.

Византійская образованность и наука вообще, а съ ними и богословское просвѣщеніе переносятъ тяжкій ударъ съ началомъ XIII вѣка, вслѣдствіе завоеванія и разграбленія Константинополя. Византія была центромъ образованности на Греческомъ Востокѣ; какъ скоро этотъ центръ захваченъ былъ латинянами, ходъ просвѣщенія на цѣлое полуостровѣ задерживается. Этого мало: завоеваніе латинянами Византіи сопровождалось опустошительными пожарами, уничтожившими многія библіотеки и памятники искусства. Завоеваніе Константинополя латинянами считаютъ роковымъ фактомъ въ исторіи Византійскаго просвѣщенія, какъ древніе писатели, напр. Никита Хоніатъ, такъ и новѣйшіе (Бернгарди, Шелль, Финлей).—Насколько оскудѣло просвѣщеніе на Востокѣ во время латинскаго владычества надъ Византіей, объ этомъ даетъ замѣчательныя показанія сохранившаяся до насъ „автобіографія“ Григорія Кипрскаго, патріарха Константинопольскаго. „Автобіографія“ Григорія принадлежитъ къ числу драгоценныхъ документовъ Греческой церковной исторіи XIII вѣка. Здѣсь авторъ рассказываетъ, какъ онъ, побуждаемый жаждой знанія, во время латинскаго владычества надъ Византіей, повсюду ищетъ образованія на Греческомъ Востокѣ, и какъ мало онъ находитъ того, чего искалъ. Здѣсь мы видимъ печальную картину умственного оскудѣнія въ Греціи, оскудѣнія, причиною котораго былъ латинскій погромъ въ Византіи. Передадимъ главнѣйшія черты автобіографіи, любопытныя для насъ по отношенію къ состоянію образованности въ Византійской имперіи. Григорій, въ мірѣ: Георгій, родился на островѣ Кипрѣ отъ богатыхъ родителей, но латинское завоеваніе острова пошатнуло матеріальное благосостояніе его семейства. Григорій сталъ почти бѣднякомъ, но это не заглушило въ немъ прирожденной любви къ науцѣ. Получивъ элементарное образованіе въ домѣ родителей, онъ напрасно искалъ случая (это было въ 1250 г.) продолжить и усовершенствовать свое образованіе въ ближайшихъ городахъ острова: нигдѣ онъ не могъ отыскать ничего такого, что отвѣчало бы его идеалу. Онъ учился было и въ латинской какой-то школѣ, но и эта не удовлетворила его: частію

его затруднялъ недостатокъ знанія латинскаго языка, частію открылось также, что школа постановлена была далеко не блестяще ¹⁾. Это побудило Григорія искать образованія за предѣлами о. Кипра. Какъ по недостаточности средствъ, такъ и вслѣдствіе молодости Григорія, родители не хотѣли пускать его въ отдаленное научное путешествіе. А между тѣмъ ему въ особенности желалось побывать въ Никеѣ, тогдашней столицѣ Византійскаго государства, которая, по слухамъ, была богата учеными, была вторыми Аеинами. Удерживаемый родителями, Григорій однакожь не вовсе отказался отъ своего плана. Не долго думая, онъ однажды убѣждалъ отъ своихъ родителей, сѣлъ на корабль и на третій день прибылъ въ Птолемаиду, въ Палестинѣ. Отсюда Григорій кой-какъ добрался до Ефеса. Здѣсь онъ хотѣлъ послушать уроки у извѣстнаго греческаго архимандрита Никифора Влеммида, человѣка ученѣйшаго, державшаго школу. По прибытіи въ Ефесъ, Григорій сталъ добиваться личнаго свиданія съ Влеммидомъ. Но любителя науки встрѣтила неудача. Влеммидъ оказался человѣкомъ недоступнымъ, гордымъ, суровымъ, презрительно относившимся къ маленькимъ людямъ. Онъ не только отказался лично принять Григорія, но еще приказалъ своимъ ученикамъ ни подъ какимъ видомъ не допускать пришельца и въ ворота того монастыря, гдѣ была школа и проживалъ Влеммидъ. Ученики Влеммида точно исполнили волю своего надменнаго учителя ²⁾. Разочарованный Григорій, пробывъ въ Ефесѣ шесть мѣсяцевъ, пустился въ путь, чтобы достигнуть вождѣленной Никеи. Много времени длился его путь, потому что была суровая зима. Съ радостію вступилъ онъ въ городъ, который обѣщалъ ему такъ много. Но какъ жестоко онъ обманулъ въ своихъ надеждахъ. Ученая слава Никеи, столицы царства, оказались пустой молвой. Учителя никейскихъ школъ умѣли преподавать только піитику и грамматику, да и то

---

¹⁾ Gregorii Cypri particularis historiae sermo, res suas continens. Migne, Gr. tom. 142, p. 20 — 21. Автобіографія Григорія Кипрскаго въ русск переводѣ (проф. И. Е. Троицкаго): Христ. Чт. 1870 г., т. II, стр. 164—166.

²⁾ Gregorii Cypri.—Sermo, ibid. p. 21. 24. Автобіографія, стр. 167—168.

поверхностно. Что же касается риторики и философии, то учителя знали о них только по слухамъ и точно не разумѣли даже, въ чемъ онѣ состоятъ. Такая неожиданность поразила Григорія; онъ чувствовалъ, что всѣ его труды пропали даромъ. Любознательнаго юношу заставляли лишь учить наизусть склоненія, спряженія, да еще выучивать на память отрывки изъ древнихъ греческихъ поэтовъ. Григорій хотѣлъ было возвратиться домой, но онъ не могъ предпринять обратнаго путешествія, такъ какъ у него не было денегъ ¹⁾. Къ счастью для Григорія, Греки въ это время снова завладѣли Константинополемъ и научное дѣло получило лучший видъ. Вотъ какъ плохо было положеніе науки въ Византійской имперіи во время латинскаго господства въ Константинополѣ.

Обратное завоеваніе Константинополя Греками у латинянъ создало совершенно другое положеніе для просвѣщенія. Свѣтъ образованія снова засвѣтился на Востокѣ: возникли школы, явились трудолюбивые ученые и ревностные учителя. Просвѣщеніе, какъ извѣстно, составляло принадлежность Византійской имперіи до самаго ея паденія. Царственная династія Палеологовъ ревностно содѣйствовала преуспѣванію науки. Михаилъ Палеологъ лишь только завладѣлъ Византіей, какъ тотчасъ озаботился улучшеніемъ положенія науки. Онъ открылъ почти одновременно нѣсколько школъ. Прежде всего онъ открылъ грамматическую школу, которая помѣщалась при храмѣ ап. Павла, въ древнемъ сиротскомъ домѣ (вѣроятно, въ томъ самомъ домѣ, который такъ великолѣпно былъ устроенъ Алексѣемъ Комнинымъ — главнымъ образомъ въ школьныхъ цѣляхъ). Пахимерь вотъ что говоритъ объ отношеніи перваго Палеолога къ этой школѣ. „Михаилъ назначилъ годовое содержаніе какъ учителямъ, такъ и ученикамъ; эту школу иногда онъ самъ посѣщалъ и разузнавалъ, хороши ли учителя, каковы успѣхи мальчиковъ; учителей, если они заслуживали того, императоръ поощрялъ; заботливость же его объ ученикахъ простиралась такъ далеко, что онъ самъ назначалъ время ваканцій. Дру-

¹⁾ Gregorii Cypri, ibid. p. 24—25. Автобіографія, стр. 169—170.

гая школа, основанная Михаилом Палеологомъ, называлась „школою словесныхъ наукъ“. Она открыта была безъ промедленія, вслѣдъ затѣмъ, какъ Греки отняли у латинянъ Византію. Наставникомъ въ ней былъ знаменитый мужъ того времени Георгій Акрополитъ ¹⁾. Объ этой школѣ сохранилъ благодарныя воспоминанія Григорій Кипрскій, который самъ учился здѣсь и который сообщаетъ о ней нѣсколько свѣдѣній въ своей автобіографіи. Въ этой школѣ читался и комментировался Аристотель, объяснялись геометрическія и ариметическія системы Эвклида и Никомаха. Григорій говоритъ, что особенно важное значеніе здѣсь придавалось краснорѣчію и литературнымъ опытамъ. Аристотель комментировался съ такимъ успѣхомъ, что ученики чувствовали себя увлеченными этимъ знаменитымъ философомъ древности ²⁾. Когда Георгій Акрополитъ почувствовалъ утомленіе отъ школьныхъ занятій, то его смѣнилъ новый наставникъ Оловолъ, имѣвшій „дипломъ ритора“, человекъ во всѣхъ отношеніяхъ достойный. Школа по прежнему была училищемъ „словесныхъ наукъ“. Но въ ней произведены были и нѣкоторые видоизмѣненія. Тогдашній патріархъ Германъ желалъ, чтобы въ школѣ дано было извѣстное мѣсто и наукамъ церковнаго характера. На это испрошено было разрѣшеніе у императора Михаила и царь охотно согласился съ представленіемъ патріарха ³⁾. Въ училище принимали всѣхъ, безъ различія сословій. — Почти всѣ дальнѣйшіе Палеологи до самаго паденія Константинополя были покровителями науки. Они сами получали заботливое образованіе и нѣкоторые изъ нихъ были писателями. Сынъ Михаила, Андроникъ Старшій былъ любителемъ науки и ученыхъ. По словамъ историка Григоры, къ Андронику въ его чертоги люди науки „стекались подобно потокамъ; они постоянно окружали его, какъ Пифагора его ученики“. Собранія ученыхъ людей около Андроника напоминаютъ историка все то лучшее, что прославило

¹⁾ Пахимера. О Михаилѣ Палеологѣ, кн. IV, гл. 14, стр. 260—261.

²⁾ Gregorii Cypri. Sermo, p. 24, 28. Автобіографія, 171—172.

³⁾ Пахимера о Михаилѣ Палеологѣ, *ibid.* стр. 260—261.

эпоху классической образованности, напоминаютъ ему объ Академіи, т. е. о школѣ философа Платона, объ Лицеѣ, т. е. ученой аудиторіи Аристотеля, и Стоѣ, т. е. философской школѣ стоиковъ. Дворецъ Андроника, по словамъ историка, „справедливѣе всего было бы назвать жилищемъ всевозможнаго образованія“. Онъ же называетъ жилище Андроника „превосходнѣйшею гимназіею умственнаго обученія и полемъ для состязанія людей ученыхъ“ ¹⁾. Пусть эти отзывы историка явно преувеличены, но они безъ сомнѣнія имѣютъ подъ собою фактическую основу. Мы должны при томъ же помнить, что ученые стремленія Андроника похваляетъ не одинъ Григоръ, а и другіе современники ²⁾. На существованіе школъ въ дальнѣйшую эпоху послѣ Михаила Палеолога указываетъ то, что въ историческихъ извѣстіяхъ мы встрѣчаемъ указанія на тѣхъ или другихъ лицъ, съ достоинствомъ проходившихъ должность преподавателя наукъ въ Византіи. Никифоръ Григоръ при вышеупомянутомъ Андроникѣ и нѣсколько послѣ держалъ школу, въ которую охотно стекались не только юноши, но и лица зрѣлаго возраста и образованныя ³⁾. Одновременно съ Григоромъ встрѣчаемъ въ Константинополѣ латинскаго выходца Варлаама, отличавшагося широкими познаніями въ наукахъ свѣтскихъ и духовныхъ и пользовавшагося расположеніемъ при дворѣ ⁴⁾; этотъ Варлаамъ былъ нѣкоторое время наставникомъ богословія въ Византіи. Изъ послѣднихъ Палеологовъ со стороны образованности заслуживаетъ особеннаго вниманія императоръ Мануиль; его признаютъ человекомъ просвѣщеннымъ и въ особенности ученымъ богословомъ. Ему принадлежитъ нѣсколько сочиненій богословскаго характера ⁵⁾. Изъ наставниковъ Византійскихъ школъ самыхъ послѣднихъ временъ самостоятельнаго существованія цар-

¹⁾ Григоръ. Визант. исторія, кн. VIII, гл. 8, стр. 326, 328.

²⁾ Григорій Кипрскій въ Панегрику Андроникъ называетъ его „жаркимъ любителемъ науки и философомъ“ (Migne. Gr. tom. 142, p. 412. Cf. Ruchmeris. De Andronico, p. 245 (гдѣ историкъ приписываетъ императору убѣдительное краснорѣчіе).

³⁾ Предисловіе къ русскому изданію перваго тома Григоръ, стр. X—XI.

⁴⁾ Cantacusen. Historiae, lib. II, cap. 39, tom. I. p. 543.

⁵⁾ Vast. Le cardinal Bessarion, p. 13. Paris, 1878.

ства съ особеннымъ отличіемъ можетъ быть упомянуть Геннадій Схоларій ¹⁾.

Одну изъ выдающихся чертъ въ образованности того времени, о которомъ мы говоримъ, т. е. при Палеологахъ, составляетъ то, что и теперь, какъ и въ эпоху Комниныхъ, встрѣчаемъ лицъ, слишкомъ увлеченныхъ идеями греческой философіи, вообще близкихъ къ язычеству. Это было важнымъ дѣломъ, котораго церковь не должна была оставлять безъ вниманія. Въ чемъ состояло это увлеченіе классическою древностію, къ чему вело оно, какъ смотрѣли и держали себя при этомъ представители церковнаго сознанія—все это можно наблюдать на спорахъ, въ началѣ XV вѣка, ученаго Георгія Гемиста Плитона и его приверженцевъ съ Геннадіемъ, впоследствии патріархомъ, и его сторонниками. Эти споры притомъ показываютъ, что философія древности въ это время серьезно изучалась и что представители церковнаго сознанія съ своей стороны сочувственнѣе относились къ Аристотелю и непріязненно — къ Платону. Передадимъ нѣкоторыя черты этихъ не безъинтересныхъ споровъ. Названный нами Георгій Гемистъ Плитонъ былъ жаркимъ поборникомъ платонизма ²⁾, родился въ Константинополѣ около 1355 года и получилъ свое образованіе частію здѣсь, частію въ другихъ городахъ Византійской имперіи. Большую часть своей жизни онъ проводитъ въ Пелопоннисѣ; нѣкоторое время остается во Флоренціи, гдѣ по просьбѣ Космы Медичи читаетъ лекціи по философіи; остатокъ жизни онъ проводитъ опять въ Пелопоннисѣ. Плитонъ умеръ столѣтнимъ старикомъ ³⁾. Онъ пользовался почетною славой со стороны своихъ не малыхъ по числу почитателей. А во главѣ его друзей стоялъ нѣкто Михаилъ Апостолій. Плитонъ имѣлъ могущественныхъ покровителей и изъ числа лицъ царственныхъ. Θεодоръ Палеологъ, деспотъ Пелопоннискій, подарилъ Плитону

¹⁾ Филарета архіеп. Черниговскаго: Геннадій, патріархъ Константинопольскій: Прав. Обзор. 1860, т. I, стр. 511.

²⁾ Собственно фамилія Георгія „Гемистъ“, но онъ впоследствии принялъ еще и другую фамилію „Плитона“, которая напоминала ему великаго философа древности—Платона.

³⁾ Schultze. G. Gemistos Plethon, s. 24—27; 31—32; 75—77. Iena. 1874.

въ потомственное владѣніе участокъ земли въ Пелопоннискѣ, а императоръ Іоаннъ Палеологъ (1428 г.) утвердилъ этотъ даръ за философомъ ¹⁾. Главнѣйшимъ стремленіемъ Платона и его друзей было—воспламенить охладѣвшую любовь къ Платону; вмѣстѣ съ тѣмъ поклонники Платона враждебно относились къ Аристотелю, на сторонѣ котораго были въ то время представители греческой богословской науки. Отъ Платона осталось нѣсколько сочиненій, написанныхъ въ подобномъ родѣ. Одно изъ нихъ заглавлялось: „О различіи Платоновой и Аристотелевой философій“; другое: „О законахъ“. Познакомимся хоть немного съ воззрѣніями, выраженными Платономъ въ его сочиненіяхъ. Здѣсь онъ высказываетъ всего себя съ своимъ платоническимъ идеаломъ. Онъ съ одушевленіемъ отстаиваетъ платоническое ученіе объ идеяхъ, а объ Аристотелѣ говоритъ съ великимъ порицаемъ. Платонъ считаетъ Аристотеля безбожникомъ, не признающимъ ни абсолютнаго существа Божія, ни все-совершеннѣйшей Его природы, ни безсмертія души ²⁾. Въ особенности сильно вооружается онъ на Аристотеля за его ученіе, отвергающее творческую дѣятельность Божества. Міръ по ученію Аристотеля, говоритъ Платонъ, вѣченъ, онъ не имѣетъ никакой причины своего бытія, слѣдовательно по Аристотелю, Богъ не Причина и не Творецъ его. Что должно думать о томъ человѣкѣ, восклицаетъ Платонъ, который „отнимаетъ этотъ прекраснѣйшій догматъ не только у философій, но и у каждаго разумнаго человѣка“. По Аристотелю Богъ—не Творецъ вещей, а только движитель ихъ. Платонъ ставитъ въ упрекъ Аристотелю не признаніе имъ промысла Божія. О Провидѣніи, говоритъ полемистъ, и рѣчи быть не можетъ у Аристотеля, такъ какъ по его разсужденію міромъ управляетъ случай. Платонъ нападаетъ на нравственное ученіе Аристотеля. Этотъ послѣдній, по мнѣнію полемиста, въ своемъ ученіи о высшемъ благѣ разсуждаетъ о удовольствіи, какъ составной части счастья; но это значитъ допускать эпикурейское ученіе, и въ самомъ дѣлѣ

¹⁾ Miclosich et Müller. Acta et diplomata, tom. III, p. 173—176.

²⁾ Gass. Gennadius und Pletho. S. 30—31. Breslau, 1844.

—прибавляетъ Плитонъ—Эпикуръ основалъ свое ученіе на Аристотелѣ ¹⁾. Какъ глубоко проникнуть былъ Плитонъ ученіемъ Платона, это прекрасно доказываетъ его сочиненіе „о законахъ“, въ которомъ дается мѣсто всѣмъ существеннымъ воззрѣніямъ древняго философа, при чемъ эти воззрѣнія нисколько не очищаются отъ эллинскаго политеизма; такъ напр. здѣсь говорится о Зевсѣ и другихъ низшихъ богахъ въ такомъ родѣ, какъ будто это не миѣы, а дѣйствительная религіозная истина ²⁾. Всячески защищая Платона и съ ожесточеніемъ нападая на Аристотеля, Плитонъ хочетъ самоѣ церковъ древняго времени сдѣлать союзницей своихъ симпатій и антипатій. Онъ находитъ, что церковъ во многихъ изъ своихъ представленій сближалась съ этимъ философомъ; указываетъ на то, что отцы церкви, когда относятся сочувственно къ эллинской мудрости, становились на сторону Платона, а не Аристотеля, какъ напр. дѣлаетъ Кириллъ Александрійскій. А объ Аристотелѣ Плитонъ писалъ, что имъ могли интересоваться только тѣ, кто были заражены аріанствомъ, ибо аріане утверждались на основаніи принциповъ Аристотеля, и вообще о послѣднемъ онъ замѣчалъ, что этотъ философъ, если не прямо безбожникъ, то во всякомъ случаѣ склоняется къ атеизму ³⁾. Защита Платона со стороны Гемиста-Плитона не была однакожъ выраженіемъ простой любви этого философа XV вѣка къ платонизму; нѣтъ, это было положительно язычествующее тяготѣніе къ философіи Платона, сознательное проникновеніе идеями древняго коринея философіи. Въ сочиненіяхъ Плитона христіанскій элементъ повсюду отодвигается на задній планъ при сравненіи съ эллино-платоническимъ элементомъ. Въ своихъ послѣднихъ выводахъ главнѣйшее сочиненіе Плитона (О законахъ) сводилось къ слѣдующему: „чудо отрицалось, отвергалась и отвѣтственность челоѣка за грѣхъ, отрицалась потребность Искупленія и самое Искупленіе—словомъ: все христіанство“ ⁴⁾. Этотъ философъ

1) Schultze. Pletho, s. 85—87. 89.

2) Ibid. s. 147, и т. д.

3) Gass. S. 39—40. 48.

4) Schultze. Pletho. S. 79.

XV вѣка въ своихъ сочиненіяхъ не упускаетъ случая сдѣлать нападки на христіанство, не называя его однакожъ прямо по имени; онъ ведетъ борьбу противъ духовенства и въ особенности противъ монашества ¹⁾). Свое враждебное отношеніе къ христіанству Плитонъ однажды выразилъ совершенно открыто (это было во Флоренціи). Плитонъ сказалъ: пройдетъ еще нѣсколько времени и всѣ обратятся къ единой религіи; у него спросили: къ какой-же—христіанской или магометанской? Онъ отвѣчалъ: ни къ той ни къ другой, но къ третьей, которая ничѣмъ не отличается отъ эллинизма ²⁾). Какимъ духомъ были проникнуты ученики Плитона, объ этомъ краснорѣчиво свидѣлствуетъ слѣдующій фактъ. Говорятъ, что когда Плитонъ умеръ, то почитатель его Виссаріонъ (митрополитъ Никейскій, а потомъ папскій кардиналъ) написалъ утѣшительное письмо къ его дѣтямъ, въ которомъ корреспондентъ говорилъ: „дошло до меня, что общій отецъ и учитель, оставивъ все земное, переселился на небо въ свѣтлую страну, чтобы съ Олимпийскими богами участвовать въ таинственной пляскѣ“ (т. е. вакханаліяхъ) ³⁾).

Противъ Плитона писали многіе. Прежде всего Геннадій Схолярій. Онъ въ противоположность Плитону, стоялъ за философію Аристотеля и порицалъ Платона. Въ этомъ случаѣ онъ высказывалъ взгляды тогдашней церкви. Представители религіозно - философскаго сознанія тогда больше стояли за Аристотеля, чѣмъ за Платона—это потому, что философскія воззрѣнія Аристотеля находились въ менѣе тѣсной связи съ формальными принципами его философіи, чѣмъ какъ это было у Платона. Напр. діалектику Аристотеля можно изучать, не принимая въ тоже время его философскихъ выводовъ; у Платона же формальная сторона

¹⁾ Ibid. 130.

²⁾ Ibid. 77.

³⁾ См. сочиненіе „ритора Мануила (XV в. ?) о Маркѣ Ефесскомъ и Флорентійскомъ соборѣ“. Издано въ греческомъ текстѣ съ русскимъ переводомъ и указаніемъ вариантовъ архимандритомъ Ансѣмъ въ Хр. Чт. 1886 г. т. II. (цитованное мѣсто на стр. 136). Cf. Schultze, 107. Въ сочиненіи „ритора Мануила“ встрѣчаются между прочимъ интересныя политическія замѣчанія противъ Гемиста-Плитона.

философіи стояла въ неразрывной связи съ ея содержаніемъ. Поэтому церковь, охраняя свои вѣрованія, съ бѣльшимъ расположеніемъ держалась за Аристотеля, чѣмъ за Платона. На борьбу Геннадія съ Платономъ церковь смотрѣла съ великимъ уваженіемъ. О Геннадіи говорили, что онъ разоблачилъ новѣйшаго политеиста, т. е. Платона, что онъ сдѣлалъ его сочиненія безвредными ¹⁾. Геннадій находилъ, что самъ Платонъ за свои сочиненія заслуживалъ бы быть сожженнымъ, но такой суровый приговоръ не помѣшалъ Платону достичь глубокой старости и умереть совершенно мирно. За то участь, какою угрожалъ Геннадій Платону, постигла главное сочиненіе этого философа XV вѣка: „О законахъ“. Въ руки Геннадія попало собственноручное названное сочиненіе Платона и оно было предано пламени ²⁾. Геннадія въ борьбѣ съ Платономъ поддерживали между прочимъ Георгій Трапезунтскій, Матѣей Камаріота. Георгій называлъ Платона народившимся антихристомъ, который имѣлъ цѣлю при помощи своей учености и стилистическаго изящества найти себѣ одобреніе и приверженцевъ — и затѣмъ низвергнуть самую церковь ³⁾. — Нельзя не соглашаться съ тѣмъ, что выступленіе Платона съ его миссіей представляетъ хотя печальное, но интересное явленіе послѣднихъ лѣтъ существованія Византійской имперіи ⁴⁾.

Упомянемъ главнѣйшихъ представителей богословской науки за время Палеологовъ, въ XIII, XIV и XV вѣкахъ. Въ XIII вѣкѣ одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ патріархъ Іоаннъ Веккъ. Современная намъ наука вполне соглашается съ тѣмъ отзывомъ о Веккѣ, какой дѣлали объ этомъ ученомъ іерархѣ историки своего времени; его и теперь признаютъ образованнымъ мужемъ, столь богато одареннымъ духовными талантами, какъ никто другой изъ его сподвижниковъ; отдають дань удивленія его краснорѣчію, считаютъ его выдающимся богословомъ, въ сравненіи съ которымъ

¹⁾ Gass. Gennad. und Pletho, 37.

²⁾ Schultze, s. 103. 110. 114.

³⁾ Gass 37.

⁴⁾ Съ нѣкоторыми чертами этого явленія можно ознакомиться въ русской литературѣ по статьѣ А. С. Лебедева: Споръ о Платонѣ и Аристотелѣ въ XV в. (Прав. Обзор. 1875 г. т. II, 580—591).

ученые его современники казались пожалуй школьниками ¹⁾. Въ параллель съ Веккомъ долженъ быть поставленъ патріархъ Григорій Кипрскій. Никто такъ не зналъ и никто такъ не могъ объясняться на чистѣйшемъ классическомъ греческомъ языкѣ, какъ Григорій. Даже въ наше время западные ученые считаютъ справедливымъ называть его за краснорѣчіе „счастливымъ подражателемъ Ливанія“ ²⁾. Впрочемъ, не смотря на замѣчательныя способности, Григорій оставилъ послѣ себя немного сочиненій. По его собственнымъ словамъ, занятію литературнымъ дѣломъ ему помѣшали слѣдующія обстоятельства: собственноручная переписка книгъ, которой онъ отдавалъ много времени до патріаршества, головныя боли, множество дѣлъ во дни патріаршества и наконецъ, по его увѣренію, то, что онъ не пилъ вина, а одну лишь воду ³⁾. Четырнадцатый вѣкъ подарилъ церковно-историческую науку замѣчательнымъ церковнымъ историкомъ. Говоримъ о Никифорѣ Каллистѣ; онъ писалъ такимъ прекраснымъ языкомъ, что его называли церковнымъ Фукидидомъ. Въ этомъ же вѣкѣ процвѣтала такъ называемая Θεσσαλονικійская школа: Нилъ Θεσσαλονικійскій, Николай Θεσσαλονικійскій, Григорій Палама. Имена замѣчательнѣйшихъ писателей XV вѣка извѣстны всѣмъ. Разумѣемъ: Симеона Θεσσαλονικійскаго, Марка Εφεσσкаго, Геннадія Схоларія.

1.—Изученіе Библіи въ обзорѣваемые нами вѣка ограничивалось составленіемъ комментаріевъ на книги Св. Писанія. Но и это дѣло не находило большаго числа трудящихся. Причинами явленія было слѣдующее. Съ одной стороны считали не легкимъ дѣломъ, и даже притязательнымъ толковать Св. Писаніе послѣ того, какъ толкованію было уже посвящено много трудовъ древнихъ отцевъ и учителей церкви; съ другой стороны кругъ церковной эгзегетики въ это время очень расширился вслѣдствіе того, что и самыя творенія св. отцевъ стали считаться богодухновенными въ томъ же

¹⁾ Krause, Die Byzantiner des Mittelalters, S. 296—297. Halle, 1869.

²⁾ Dräseke. Der Kircheneinigungsversuch Kaisers Michael's VIII Paläolog. Zeitschrift für wissenschaftl. Theol. 1891. S. 340.

³⁾ Migne. Gr. tom. 142, p. 29. Xp. Чт. 1870, т. II, 175(въ автобиографіи).

смыслѣ, въ какомъ книги Св. Писанія, и надѣ истолкованіемъ отеческихъ изреченій стали трудиться такъ же, какъ и надѣ изреченіями Св. Писанія, что въ свою очередь не могло не отвлекать ученыхъ богослововъ разсматриваемаго періода отъ сосредоточеннаго изученія собственно библейскихъ книгъ. Во всякомъ случаѣ, въ чемъ-бы ни состояли причины явленія, остается въ наличности тотъ фактъ, что священная эгзегетика недостаточно разрабатывалась въ изучаемое время:

Самымъ виднымъ и замѣчательнымъ ученымъ, трудившимся надѣ истолкованіемъ Библии, былъ Евѣимій Зигавинъ. Главнымъ образомъ онъ занимался истолкованіемъ книгъ Новаго Завѣта; объ этихъ трудахъ и будемъ говорить, поэтому, прежде всего и притомъ съ нѣкоторою подробностію. Евѣимию принадлежитъ: толкованіе на всѣхъ четырехъ Евангелистовъ ¹⁾. Это произведеніе Зигавина не потеряло своей цѣны и для настоящаго времени ²⁾. И совершенно справедливо, ибо толкованія Евѣимія на Евангелистовъ отличаются многими достоинствами. Прежде всего, онъ выясняетъ буквальный смыслъ комментируемыхъ мѣстъ, дѣлаетъ это кратко и сжато, затѣмъ, уясняетъ связь рѣчей и повѣствованій какъ у отдѣльныхъ Евангелистовъ, такъ и у нѣсколькихъ заразъ, сравнивая при случаѣ изложеніе одного съ изложеніемъ другихъ, и если представляется разнорѣчіе у повѣствователей, онъ всегда старается примирить разногласія. Занимаясь изученіемъ буквальнаго смысла Евангелистовъ, Евѣимій не чуждается смысла аллегорическаго и мистическаго. Въ примѣрѣ его аллегоризма, можно указать на его толкованіе одного мѣста изъ Евангелія Іоанна (21, 11), гдѣ повѣствуется объ извлеченіи изъ моря сѣтью 153 рыбъ. Числомъ сто, по Евѣимию, здѣсь обозначались язычники, имѣвшіе войти въ церковь Христову, а число 50 указывало

¹⁾ Zigabeni. Commentarius in quatuor Evangelia. Edit. Matthaei (Lips. 1792). Tom. I — III (voll 4). Это же изданіе перепечатано у Миня въ 129 томѣ. Мы пользуемся изданіемъ Маттея.

²⁾ Въ русскомъ переводѣ существуютъ толкованія *Зигавина* (почему не Зигавина?) на Евангеліе Маттея (Кіевъ, 1886) и на Евангеліе Іоанна (Кіевъ, 1887). Къ переводу толкованія на Евангеліе Іоанна присоединено краткое предисловіе переводчика.

на іудеевъ, которыхъ должна была уловить проповѣдь апостольская, такъ какъ язычниковъ должно было больше обратиться ко Христу, нежели іудеевъ. Число-же три — указывало на св. Троицу, въ которую тѣ и другіе должны увѣровать ¹⁾. Для большой легкости усвоенія толкованій, Зигавинъ каждое Евангеліе дѣлитъ на отдѣлы, давая имъ такое или другое краткое заглавіе. Такихъ отдѣловъ въ Евангеліи отъ Маттея 68, — отъ Марка 48, Луки 83, Іоанна 18. Замѣчательно, что Евѣимій въ своемъ толкованіи не оставляетъ безъ соотвѣствующихъ объясненій Евангельскаго сказанія о женѣ этой въ прелюбодѣянніи (Іоанна, VIII гл.) ²⁾, тогда какъ другіе толкователи оставляли безъ объясненія это сказаніе. Зигавинъ въ своемъ толкованіи Евангелистовъ руководится Златоустомъ и другими экзегетами. Для характеристики разсматриваемаго комментарія Зигавина приведемъ нѣкоторые образцы его толкованій на Евангеліе отъ Маттея. Въ этомъ случаѣ Евѣимій очень хорошо и обстоятельно объясняетъ три послѣднія главы, которыя не такъ тщательно истолкованы Златоустомъ и Кирилломъ Александрійскимъ. Такъ, при объясненіи здѣсь того мѣста въ XXVI-ой главѣ, гдѣ говорится (ст. 6 — 7) о помазаніи Христа мѣромъ отъ нѣкой жены, Евѣимій задаетъ себѣ вопросъ: сколько было женщинъ, помазывавшихъ Христа въ разное время Его жизни и находитъ, что такихъ было три, въ отличіе отъ Златоуста, который насчитываетъ только двухъ ³⁾. При объясненіи той-же главы (ст. 58), онъ входитъ въ разъясненія для устраненія кажущагося противорѣчія между синоптиками и Іоанномъ, изъ которыхъ первые утверждаютъ, что отреченіе ап. Петра происходило въ домѣ Каіафы, а послѣдній говоритъ что это случилось въ домѣ первосвященника Анны (XVIII, 13). Евѣимій легко выходитъ изъ затрудненія, полагая, что первосвященники Анна и Каіафа жили въ одномъ и томъ-же домѣ, раздѣленномъ на два помѣщенія, причемъ дворъ (atrium) былъ

¹⁾ Zigabeni. Tom. III, vol 4, p. 655.

²⁾ Zigabeni. Ibidem, p. 297—299.

³⁾ Zigabeni. Ibid. Tom. I, vol. 2, p. 978. 980.

общимъ для обоихъ жилищъ ¹⁾). Приступая къ объясненію XXVIII-ой главы того-же Евангелиста, въ которой описаны явленія воскресшаго Господа, Зигавинъ находитъ, что эта глава не достаточно истолкована прежними толкователями, такъ какъ не всѣ вопросы рѣшены ими относительно исторіи явленій Спасителя по воскресеніи. Онъ утверждаетъ, что и самъ Златоустъ не такъ тщательно занялся этими вопросами, какъ это можно было-бы ожидать; а что касается другихъ комментаторовъ, то онъ прямо говоритъ, что, не обладая умѣньемъ примирить кажущіяся противорѣчія Евангелистовъ, они изливаютъ бесполезные потоки словъ ²⁾). Затѣмъ, Евѣимій старательно занимается дѣломъ примиренія разныхъ Евангельскихъ сказаній относительно явленій Воскресшаго; и эти разъясненія не лишены научной цѣнности.—Изъ прочихъ Евангельскихъ комментариевъ Зигавина заслуживаетъ особеннаго вниманія его комментарий на Іоанна. Въ этомъ толкованіи Евѣимій нерѣдко вдается въ догматическія объясненія и дѣлаетъ полемическія замѣчанія. Пользуясь тѣмъ или другимъ удобнымъ случаемъ, здѣсь онъ высказываетъ свои сужденія касательно такихъ мѣстъ, которыя кѣмъ-либо превратно перетолковывались. Такъ истолковывая слова Господа: „Отецъ мой болѣе Меня“ (XIV, 28), Зигавинъ старается опровергнуть тѣхъ, кто отсюда выводилъ заключеніе о неравномъ могуществѣ Сына Божія съ Отцемъ (каковы были аріане и подобные имъ). Онъ находитъ, что Іисусъ называлъ Отца большимъ себя, примѣняясь въ этомъ случаѣ къ мнѣнію своихъ учениковъ, которые думали, что Богъ-Отецъ выше Сына и по могуществу, а не потому только, что Онъ—Отецъ—вина происхожденія Сына. При объясненіи словъ Христа: „когда-же придетъ Утѣшитель“ и пр. (XV, 26), Евѣимій замѣтно направляетъ свою рѣчь противъ латинскаго заблужденія; при этомъ толкователь разрѣшаетъ нѣсколько тонкихъ вопросовъ, которые могутъ приходиться на мысль изслѣдователю ученія о лицахъ Св. Троицы. Греческій богословъ говоритъ: „еслиже кто спроситъ, почему же и Духъ Святый не называется Сыномъ,

¹⁾ Ibid. p. 1065.

²⁾ Ibid. p. 1153.

когда и Онъ, Духъ, то-же отъ Отца, то такому нужно сказать: Духъ не рожденъ, какъ Сынъ, а инымъ образомъ происходитъ отъ Отца“. Или кто нибудь спросить, говоритъ Евѳимій: „почему Сынъ и Духъ не называются братьями, имѣя одного и того-же Отца? Потому что не одинаковымъ образомъ происходятъ отъ Отца; одинъ рождается, а другой исходитъ“ ¹⁾. Толкованія Зигавина отличаются строго православнымъ характеромъ. Комментаторъ не можетъ заслуживать укоризнъ. Сомнительнымъ можетъ представляться развѣ только толкованіе его нѣкоторыхъ сторонъ исторіи явленій воскресшаго Господа. При этомъ случаѣ, онъ настолько утончаетъ представленіе о плоти Воскресшаго, что истина явленія Христа апостоламъ готова обратиться въ призракъ. Такъ, объясняя сказаніе Іоанна о явленіи Христа 11-ти апостоламъ (XX, 20), толкователь спрашиваетъ: „какимъ образомъ нетлѣнное тѣло носило отпечатки ранъ и было осязаемымъ—и отвѣчаетъ: сверхъестественнымъ образомъ вслѣдствіе особеннаго божественнаго устройства (οἰκονομικῶς) ²⁾.—Замѣчательно мнѣніе Евѳимія по вопросу: отъ чего происходитъ, что рассказываемое однимъ Евангелистомъ, обходится молчаніемъ со стороны другого; отчего случается, что одно изреченіе Господа одинъ Евангелистъ передаетъ такъ, а другой иначе? Зигавинъ разрѣшая этотъ вопросъ говоритъ: апостолы записывали рѣчи Господа не тотчасъ, какъ Онъ произносилъ ихъ, такъ чтобы могли сохраниться въ памяти всѣ Его слова, но писали много лѣтъ спустя; и вѣроятно, какъ и всѣ люди, могли, конечно, кое что забыть изъ сказаннаго Христомъ (καὶ εἰς ὅς, ἀνθρώπους οὕτως αὐτοὺς ἐπιλαθεῖσθαι τινῶν). Это слѣдуетъ имѣть въ виду при рѣшеніи вопроса,—говоритъ эгзегетъ,—почему у одного Евангелиста что-либо добавлено, а у другого пропущено. Иногда они опускали что-либо ради краткости, большею частію что либо не столь необходимое ³⁾.

Столь же, если не больше, заслуживаетъ вниманія подробный комментарий Евѳимія Зигавина на Соборныя по-

¹⁾ Ibid. Tom. III, vol, 4, p. 509. 531.

²⁾ Ibid. p. 646. Conf. 638.

³⁾ Ibid. Tom. I, vol. 1, p. 464.

сланія и на всѣ посланія Ап. Павла. Этотъ комментарий открытъ въ самое недавнее время и исторія его открытія заслуживаетъ упоминанія. Открытіе сдѣлано не западнымъ ученымъ, а образованнымъ греческимъ богословомъ Никифоромъ Калогерою (нѣкоторое время бывшимъ въ санѣ архіепископа Патрасскаго). Этимъ же просвѣщеннымъ Грекомъ прекрасно и изданы вышеуказанныя толкованія Евѣимія ¹⁾. Объ обстоятельствахъ, при какихъ произошло открытіе такого замѣчательнаго памятника греческой церковной литературы, какъ толкованія Зигавина на Соборныя посланія и на Ап. Павла, рассказываетъ самъ Никифоръ Калогера въ предисловіи къ своему изданію. Принадлежа къ ученому кружку аѣинскихъ богослововъ, Калогера возымѣлъ сильное желаніе открытъ и издать толкованія Зигавина на Ап. Павла и Соборныя посланія. Что Зигавинъ писалъ толкованія на эти части Новаго Завѣта, это было извѣстно и хорошо засвидѣтельствовано. А что касается возможности открытія, въ этомъ отношеніи могло обнадеживать то обстоятельство, что въ сравнительно недавнее время ученый Маттіа нашель и обнаруговалъ толкованія того-же Зигавина на четырехъ Евангелистовъ. Калогера настойчиво пошелъ къ своей благородной цѣли. Онъ началъ изучать печатные каталоги рукописей, хранящихся въ разныхъ западныхъ библіотекахъ, но въ нихъ не оказалось никакихъ указаній въ разсматриваемомъ направленіи. Завязывалъ письменныя сношенія съ разными лицами, имѣвшими знакомство съ тѣми же западными библіотеками, но отвѣты получались все неудовлетворительные: искомымъ сочиненіемъ не оказывалось (корреспонденты Калогеры писали ему все одно и то-же: *οὐδὲν τοῦτῳ εὑρον*). Тогда ученый Грекъ рѣшился лично попытать счастья. Онъ зналъ, что послѣ паденія Константинополя, многіе Греки бѣжали въ Италію, унося съ собою тѣ рукописи, какими кто изъ нихъ дорожилъ. Поэтому онъ и отправился въ Римъ съ цѣлью ознакомиться съ отдѣломъ древне-греческихъ церковныхъ рукописей въ знаменитой Ватиканской библіотекѣ. Лѣтомъ въ 1879-мъ году Кало-

¹⁾ Zigabeni. Commentarius in XIV epistolas st. Pauli et VII catholicas. Edidit Nicephorus Calogeras. Tomi I—II. Athenae. 1887.

гера прибылъ въ Римъ, но къ его прискорбію попасть въ Ватиканскую библіотеку ему не удалось. Она оказалась закрытою до глубокой осени. Между тѣмъ, по обязанностямъ службы онъ не могъ такъ долго оставаться въ Римѣ. Ему пришло на мысль испробовать счастья: посѣтить другія римскія библіотеки въ надеждѣ, не найдется-ли тамъ то, чего онъ страстно искалъ. Для своихъ изслѣдованій онъ, прежде всего, выбралъ одинъ Доминиканскій монастырь въ Римѣ (monasterium fratrum praedicatorum), такъ какъ монастырь этотъ славился своею библіотекою. Какова же была радость ученаго изслѣдователя, когда въ числѣ рукописныхъ толкованій на Новый Завѣтъ, онъ открылъ здѣсь именно то, что ему такъ было нужно. Одна изъ рукописей заключала комментарий Зигавина на Ап. Павла и Соборныя посланія. Сдѣлавъ это открытіе, Калогера весь отдался труду списыванія дорогой ему рукописи. Но какъ ни спѣшилъ онъ, работая въ теченіе почти двухъ мѣсяцевъ ежедневно по пяти часовъ въ библіотекѣ (такъ какъ библіотека оставалась открытою въ теченіе дня на пять часовъ), Калогера далеко не успѣлъ переписать всего комментарія, онъ списалъ толкованія Зигавина на посланіе къ Римлянамъ и до половины толкованія на первое посланіе къ Коринѳянамъ. Срокъ отпуска Калогеры приближался къ концу, и онъ долженъ былъ возвратиться въ отечество. Удалось-ли бы Калогерѣ продолжить свою работу и когда—неизвѣстно, еслибы одно счастливое обстоятельство не помогло этому ученому. Въ это время стали прилагать фотографію къ копированію рукописей. Распорядители библіотеки позволили ему сдѣлать фотографическій снимокъ съ рукописи, заинтересовавшей Грека—и нашъ ученый сдѣлался обладателемъ искомаго имъ богатства. Въ предисловіи къ своему изданію Калогера довольно подробно описываетъ внѣшній видъ открытаго имъ кодекса, число листовъ въ немъ, опредѣляетъ время, когда онъ произошелъ. Вообще онъ полагаетъ, что рукопись занесена въ Италію или за нѣсколько времени до паденія Константинополя, или вскорѣ послѣ этого событія ¹⁾). Въ

¹⁾ Ibidem. Tom. I. Προλόγος σελ. 61—64.

манускриптѣ открытыя толкованія находятся въ такомъ порядкѣ, въ какомъ въ Новомъ Завѣтѣ помѣщаются истолкованныя Евѳиміемъ посланія; но издатель въ печати далъ толкованіямъ другой порядокъ, тотъ, какой указывается въ самомъ заглавіи изданія. Это отчасти опредѣляется неодинаковымъ значеніемъ отысканныхъ толкованій Евѳимія.

Достоинство того и другаго комментарія опредѣляетъ самъ издатель, причемъ онъ дѣлаетъ это настолько серьезно, что съ нимъ нельзя не соглашаться. Прежде всего, онъ говоритъ: вообще Зигавинъ въ толкованіи Ап. Павла показываетъ себя болѣе возвышеннымъ (*ὀρθότροπος*), чѣмъ въ толкованіи на Соборныя посланія. Въ толкованіи Ап. Павла онъ пользуется однимъ методомъ, а въ толкованіи прочихъ апостоловъ другимъ. Комментируя посланія Павла, Зигавинъ всегда старается руководиться собственными соображеніями и доходить до полнаго рѣшенія ¹⁾; напротивъ, при комментированіи Соборныхъ посланій экзегетъ только немного вноситъ отъ себя, а заимствуетъ мысли отъ другихъ толкователей, не углубляясь дальше въ смыслъ изъясняемаго мѣста. Въ толкованіи на Соборныя посланія онъ руководится Златоустомъ, Севиромъ (Севиріаномъ Гавальскимъ?), Θεοδορίτῳ, Кирилломъ Александрійскимъ, Дидимомъ. Хотя это толкованіе и лишено самостоятельности, но самые отрывки, приводимые комментаторомъ, новы и безцѣнны ²⁾. Такимъ образомъ, изъ числа новозавѣтныхъ книгъ не имѣется толкованій Зигавина только на двѣ книги: Дѣянія св. апостоловъ и Апокалипсисъ. Были-ли составлены Евѳиміемъ комментаріи и на эти книги? Что касается „Дѣяній апостоловъ“, то, по мнѣнію Калогеры, есть вся вѣроятность предполагать, что Зигавинъ комментировалъ эту книгу; мало того, ученый Грекъ питалъ надежду, что съ теченіемъ времени, такъ или иначе, указанный комментарий выйдетъ на свѣтъ Божій „изъ глубины забвенія“. Относительно-же ком-

¹⁾ Изъ толкованій Зигавина (а не Зигабена) на русск. языкъ переведены: 1) Толкованіе на Пастырскія Посланія Павла (Тула, 1894) и 2) Толков. на Посланіе его къ Евреямъ (Тула, 1897). При переводѣ перваго толкованія переводчикъ, г. Любимовъ, помѣстилъ очень краткія свѣдѣнія о жизни и трудахъ Зигавина.

²⁾ Ibidem, σελ. 70—71.

ментарія Зигавина на Апокалипсисъ нельзя разсчитывать на открытіе, такъ какъ есть основаніе полагать, что Византійскій богословъ не занимался толкованіемъ Апокалипсиса; а не занимался онъ этимъ дѣломъ потому, что, по видимому, онъ не считалъ эту книгу произведеніемъ Іоанна Богослова ¹⁾. Хотя эту послѣднюю мысль Зигавинъ прямо и не выражаетъ, но при одномъ случаѣ, цитируя эту священную книгу, онъ выражается: „такъ называемый Апокалипсисъ Іоанна Богослова“ (ἡ λεγόμενη Αποκάλυψις) ²⁾. Скажемъ кстати, что прекрасное изданіе комментарія Зигавина, сдѣланное Калогерою, снабженное подробными подстрочными примѣчаніями (не говоря уже объ обширномъ введеніи къ изданію, тщательно составленномъ тѣмъ-же греческимъ ученымъ), можетъ служить образцомъ для русскихъ изданій въ подобномъ-же родѣ ³⁾.

Изъ книгъ Ветхаго Завѣта Зигавинъ толковалъ немногія. По крайней мѣрѣ до насъ сохранился его комментарий лишь на Псалтирь. Сообщимъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ комментарий Евемія. Самому толкованію предшествуетъ довольно обширное введеніе, составленное толкователемъ. Въ этомъ введеніи разсматривается много важныхъ и серьезныхъ вопросовъ. Здѣсь ведутся разсужденія о слѣдующихъ матеріяхъ: о намѣреніи, какое имѣлъ въ виду пророкъ Давидъ, сочиняя псалмы, о содержаніи псалмовъ въ догматическомъ и нравственномъ отношеніи, также указывается на мессіанское пророчественное значеніе псалмовъ. Дается понятіе о свойствахъ, происхожденіи и первоначальномъ упо-

¹⁾ Ibidem, σελ. 72.

²⁾ Толков. Зигавина на 1-е Коринѳ. 13, 52. Том. I, σελ. 361.

³⁾ Не имѣя основаній приводить многихъ примѣровъ для характеристики новооткрытаго Зигавинаго комментарія, приведемъ лишь одинъ примѣръ толкованій этого экзегета XII вѣка. Слова ап. Павла: „посему жена и должна имѣть на головѣ своей знакъ власти надъ нею, для ангеловъ“ (1 Кор. XI, 10) Евемій изъясняетъ такъ: подъ „знакомъ власти“ онъ разумѣетъ покрываніе женой головы своей въ знакъ покорности мужу; по отношенію къ мужу, покровъ жены служитъ выраженіемъ его власти надъ сею послѣднею. Слова — „для ангеловъ“, которые иными толкователями отнесены къ ангеламъ небеснымъ, Евемій, подобно Кириллу Александрійскому, относитъ къ церковнымъ блюстителямъ (ἐφόρους). По Зигавину, этими словами Апостолъ хочетъ сказать: пусть жена, быть можетъ презирающая мужа, постыдится по крайней мѣрѣ, тѣхъ, которымъ несносенъ безпорядокъ (т. е. блюстителямъ церковнымъ). Том. I, σελ. 299.

требленіи псалмовъ. Здѣсь-же встрѣчаемъ очень обстоятельныя свѣдѣнія о семи извѣстныхъ греческихъ переводахъ Ветхаго Завета, какъ-то: о переводѣ Семидесяти, Акилы Синайскаго, Симмаха Самаританскаго, Θεοδοτίου Ефесскаго, о пятомъ переводѣ неизвѣстнаго составителя, о шестомъ—тоже неизвѣстнаго переводчика, и наконецъ о переводѣ Лукиана мученика (открытомъ будто-бы послѣ его мученической смерти въ какой-то башнѣ въ Никомидіи) ¹⁾. Нѣкоторые полагаютъ даже, что Зигавинъ самъ пользовался переводомъ Лукиана при истолкованіи псалмовъ, но это едва-ли вѣроятно.—Зигавиново введеніе къ толкованію псалмовъ написано такъ серьезно, что оно могло-бы приносить большую честь автору, если-бы оно было самостоятельно. Къ сожалѣнію, оно представляетъ собой компиляцію. Одинъ изъ ученыхъ изслѣдователей (Ant. Bongiovannus) раскрылъ, что все, что есть лучшаго въ Зигавиновомъ введеніи къ комментарію на псалмы, все это заимствовано. Такъ прекрасныя свѣдѣнія о переводчикахъ семи греческихъ переводовъ, взяты изъ такъ называемаго Аѳанасіева Синописа; разсужденія Зигавина о томъ, что такое Псалтирь, псаломъ и т. д. заняты толкователемъ изъ сочиненій Евсевія Кесарійскаго и нѣкоторыхъ другихъ ²⁾. Какъ введеніе къ толкованію, такъ и самое толкованіе Зигавиномъ псалмовъ не высоко цѣнятся въ современной намъ наукѣ. Уже то самое обстоятельство, что Зигавинъ всѣ 150 псалмовъ по ихъ происхожденію приписываетъ царю Давиду, мало рекомендуетъ критическую мысль толкователя. Самостоятельность нашего толкователя ³⁾ псалмовъ тоже подвергается полному сомнѣнію. Разъяснено, что Зигавинъ свои толкованія черпалъ изъ многихъ и разнообразныхъ источниковъ—изъ сочиненій Оригена, Аѳанасія Великаго, Василия Великаго, Іоанна Златоуста, Кирилла Александрійскаго, Исихія Іерусалимскаго и пр. Вообще личный трудъ Зигавина при истол-

¹⁾ Euthymii Zigabeni. Commentarius in psalmos Davidis. Proemium, p. 41—74. Migne, Gr. tom. 128.

²⁾ Prolegomena, напечатанныя при Миневомъ изданіи Евѳимія. Том. 128, p. 37—38.

³⁾ Vid. prooemium, p. 54—55.

кованіи псалмовъ былъ не великъ. Ему однако ставятъ въ заслугу то, что онъ черпалъ несомнѣнно изъ наилучшихъ источниковъ ¹⁾).

2. — Разсматриваемый нами періодъ греческой церкви довольно былъ богатъ догматико-полемическими сочиненіями, во всякомъ случаѣ онъ былъ богаче ими, чѣмъ экзегитическими сочиненіями. Большинство догматико-полемическихъ сочиненій тѣхъ временъ вызваны были къ бытію разнаго рода богословскими спорами въ тогдашней церкви. Это придаетъ имъ большое историческое значеніе. Тѣмъ не менѣе въ нихъ нѣтъ уже той силы и живости, какими отличались произведенія подобнаго рода болѣе ранняго времени христіанской церкви. Въ большинствѣ случаевъ въ догматико-полемическихъ сочиненіяхъ, изучаемаго нами періода, чувствуется сухость, вялость и искусственность; приемы развитія мыслей и полемики отличаются подражательностію готовымъ образцамъ. Греческіе богословы XII-го и дальнѣйшихъ вѣковъ отчасти сами вредили своему дѣлу, стѣсняя свободу богословствующей мысли и безъ всякой надобности ограничивая себя, когда усвоили утрированный взглядъ на творенія прежнихъ отцовъ церкви. Безъ сомнѣнія, успѣхъ новыхъ догматико-полемическихъ произведеній въ значительной мѣрѣ обусловливался степенью знакомства богослововъ изучаемой эпохи съ святоотеческою литературою прежнихъ временъ, временъ, когда богословская мысль лилась мощнымъ и широкимъ потокомъ. Это хорошо сознавали они. Но вмѣсто того, чтобы подъ вліяніемъ этого сознанія серьезно заняться изученіемъ этихъ твореній, усвоить ихъ духъ и богатство ихъ мыслей, разсматриваемые богословы вырабатывали особый взглядъ на характеръ отеческихъ твореній, начали комментировать изреченія отеческія, какъ комментируются изреченія Св. Писанія. Это съ одной стороны связывало самихъ комментаторовъ, а съ другой приводило къ натяжкамъ въ пониманіи святоотеческой литературы, ибо комментаторы хотѣли заставлятъ отцевъ говорить то, что

¹⁾ Prolegomena (см. выше), р. 37—38. Толковая Псалтирь Зигавина переведена на русск. языкъ (Кіевъ, 1898). Переводы этого труда существовали и раньше.

имъ самимъ было нужно. Тогда сталъ „господствовать особый взглядъ на характеръ твореній отеческихъ и тѣсно связанные съ нимъ приемы экзегетики. Эти творенія считались богодухновенными въ томъ-же смыслѣ, въ какомъ книги Св. Писанія Ветхаго и Новаго завѣта. Никакихъ неточностей, недомолвокъ и перемолвокъ въ догматической ихъ части не допускалось. Это вело нерѣдко къ большимъ затрудненіямъ, которыя не всегда поддавались средствамъ тогдашней герминевтики, приспособленной собственно къ толкованію Св. Писанія, но цѣликомъ примѣнявшейся и къ твореніямъ отеческимъ; приходилось иногда прибѣгать къ искусственнымъ объясненіямъ, которыя имѣли весьма сомнительную цѣнность съ научной точки зрѣнія“ ¹⁾). Такимъ образомъ, богословы, разсматриваемаго періода церковной исторіи, сами себѣ создавали препятствія, мѣшавшія имъ быть на высотѣ своего призванія. Впрочемъ, это обстоятельство, при всемъ его неблагоприятномъ вліяніи, во всякомъ случаѣ было выгодно тѣмъ, что оно заставляло ихъ работать головою, много читать и изслѣдовать творенія отеческія. Гораздо хуже было то, что нѣкоторые изъ богослововъ нашей эпохи, быть можетъ вслѣдствіе косности мысли, полагали, что нѣтъ надобности снова углубляться въ тѣ вопросы, которые были предметомъ изученія отцевъ церкви въ прежнія времена; мало того, думали, что въ твореніяхъ ихъ заключено все, что нужно для борьбы съ какими-бы то ни было заблужденіями, когда-бы то ни было имѣющими явиться на свѣтъ. Въ силу подобныхъ воззрѣній писатели изучаемой эпохи вмѣсто того, чтобы самимъ имъ бороться съ новыми заблужденіями, довольствовались въ борьбѣ съ ними выписками изъ твореній отцевъ церкви, писавшихъ противъ какихъ либо ересей, похожихъ на вновь явившіяся. Мало того, какъ-бы совсѣмъ забывая, когда жили тѣ или другіе отцы и противъ кого они писали, новѣйшіе догматико-полемисты въ своихъ произведеніяхъ выписывали изъ ихъ твореній и такія мѣста и даже трактаты, которые не имѣли приложенія къ тому времени, когда жили компиляторы.

¹⁾ Проф. И. Е. Троицкаго. Изъ исторіи споровъ объ исхожденіи Св. Духа. Христ. Чт. 1889, т. I, стр. 340—341.

Изъ числа догматико-полемиическихъ сочиненій изучаемаго періода первое мѣсто занимаетъ въ хронологическомъ порядкѣ произведеніе Зигавина: „Догматическая Паноплія (всеоружіе) православной вѣры“ ¹⁾. Сочиненіе это составлено Зигавиномъ по настойчивому порученію императора Алексѣя Комнина. Паноплія не принадлежитъ къ тѣмъ сочиненіямъ, которыя прославляютъ ихъ авторовъ. Написанное по заказу, оно носитъ именно этотъ характеръ. Возможно предполагать, что усердно занимаясь экзегетическими сочиненіями. Зигавинъ не имѣлъ склонности и способности писать произведенія въ догматико-полемиическомъ родѣ. Современность прославляла его за это сочиненіе (Анна Комнина), но оно не можетъ заслуживать большихъ похвалъ. Вся дѣятельность автора при составленіи Паноплии состояла лишь въ механическомъ списываніи и нанизываніи разныхъ чужихъ мыслей, которыя притомъ заимствовались буквально. Правда, Евѣимій былъ очень начитанный человекъ ²⁾, но въ настоящемъ трудѣ начитанность его не дѣлаетъ его ни серьезнымъ мыслителемъ, ни разностороннимъ ученымъ. Въ цѣломъ Паноплія представляетъ собою рядъ выписокъ изъ сочиненій прежнихъ богослововъ и полемистовъ, причемъ авторъ не беретъ на себя труда даже пояснять чужія слова. Впрочемъ, въ сочиненіи можно находить и нѣчто самостоятельное, но оно не представляетъ собою вклада въ догматико-полемиическую литературу, а имѣетъ интересъ лишь для исторической науки. Познакомимся до извѣстной степени съ разсматриваемымъ произведеніемъ Евѣимія.

Въ началѣ своего произведенія Евѣимій указываетъ по какимъ причинамъ, при какихъ обстоятельствахъ возникъ его трудъ. „Императоръ (Алексѣй Комнинъ), говоритъ Зигавинъ, — удѣляя время отъ своихъ государственныхъ занятій, углублялся въ серьезное изученіе Св. Писанія и

¹⁾ Orthodoxae fidei dogmatica Panoplia.

²⁾ Изъ болѣе древнихъ онъ широко пользовался Афанасіемъ Великимъ, Григоріемъ Богословомъ и Нисскимъ, Василиемъ Великимъ, Іоанномъ Дамаскинымъ, затѣмъ часто, но не до такой степени — Діонисіемъ Ареопагитомъ, Златоустомъ, Максимомъ Исповѣдникомъ, Кирилломъ Александрійскимъ, Фотіемъ; наконецъ, гораздо рѣже — Леонтіемъ Кипрскимъ, Анастасіемъ Синаитомъ, Леонтіемъ Византійскимъ.

любилъ также бесѣды о божественныхъ предметахъ съ знаменитыми мужами, великое множество которыхъ наполняло его дворецъ. Императоръ притомъ-же охотно диспутировалъ со врагами православной вѣры“. Авторъ замѣчаетъ, что и „ему иногда приходилось участвовать въ этихъ бесѣдахъ императора. Высоко цѣня свою дѣятельность для церкви, Алексѣй захотѣлъ и для своихъ потомковъ дать руководство въ подобномъ-же дѣлѣ, и какъ-бы научить ихъ военному искусству для будущихъ богословскихъ сраженій; поэтому онъ приказалъ разумнымъ людямъ собрать мудрыя изреченія изъ отцовъ и другихъ защитниковъ вѣры, и потомъ все собранное ими передалъ Евѣимію для окончательной обработки въ одно цѣлое. Такъ возникла Паноплія“. ¹⁾— Паноплія состоитъ, кромѣ пролога, изъ 28-ми титуловъ или отдѣловъ. Частнѣйшая цѣль сочиненія, какъ объясняетъ авторъ, двоякая: съ одной стороны защита православнаго ученія, съ другой, опроверженіе мнѣній, противныхъ этому ученію. Совершенно исчезнувшія ереси онъ хочетъ оставлять безъ вниманія, но не всѣ: онъ намѣренъ подвергать разсмотрѣнію какъ знаменитѣйшія между ними, какъ и тѣ, огонь которыхъ, по выраженію Евѣимія, хотя и потухъ, но отъ которыхъ остались въ церкви тлѣющіе угли: ихъ-то и думаетъ Зигавинъ пронзить своими стрѣлами. ²⁾—Содержаніе сочиненія таково: Евѣимій начинаетъ опроверженіемъ политеизма и эпикурейства, но въ опроверженіе ихъ приводитъ только отрывки изъ твореній Григорія Богослова и Іоанна Дамаскина. ³⁾ Затѣмъ онъ переходитъ къ ученію о Богѣ, Св. Троицѣ, лицѣ Сына Божія—такимъ сторонамъ догматики, около которыхъ вращается все сочиненіе автора (titul. I). Еретики, которые извращали это ученіе и которыхъ опровергаетъ Евѣимій суть слѣдующіе: Симонъ Волхвъ, различные гностики, манихеи, Савеллій, Павелъ Самосатскій, аріане со всѣми ихъ развѣтвленіями, въ особенности евноміане, — аполлинаристы, несторіане,

¹⁾ Panoplia dogmatica. Migne. Gr. tom. 130. Prologus ad panopl., p. 21. 24.

²⁾ Ibidem. p. 24.

³⁾ Ibid. Prologus, p. 25—29.

евтихіане, моноелиты, теонасхиты, иконоборцы, армяне, павликіане, мессалиане, богомилы. Въ началѣ сочиненія опровергаются іудеи, а въ концѣ Сарацины т.-е. магометане. Для того, чтобы составить себѣ понятіе, насколько механично и безжизненно ведетъ свою полемику Евенмій при опроверженіи прежнихъ ересей, для этого посмотримъ, изъ чего состоитъ одиннадцатое отдѣленіе (титулъ), противъ аріанъ. Тотчасъ послѣ заглавія „аріане“, слѣдуетъ выдержка изъ 4-й книги сочиненія Св. Аеанасія „Противъ аріанъ“; затѣмъ выдержка изъ пятой книги того-же Аеанасіева сочиненія; затѣмъ опять изъ той же книги (гдѣ показывается, что аріане разногласили и сами между собой) и т. д. Послѣ этого идутъ выдержки изъ твореній Василия Великаго, Григорія Богослова, направленные противъ аріанъ ¹⁾. Больше значенія имѣютъ тѣ отдѣленія Паноплии, въ которыхъ авторъ имѣетъ дѣло съ современными ему ересями, но и здѣсь не всегда полемистъ сколько нибудь удовлетворителенъ. Такъ, отъ него можно было ожидать свѣжихъ извѣстій, интересныхъ наблюденій и живыхъ споровъ касательно и противъ павликіанъ, которыхъ въ его время было такъ много. Но Евенмій, вмѣсто всего этого, отдѣляется выписками изъ сочиненій патріарха Фотія противъ этихъ еретиковъ ²⁾. Такъ какъ въ прежнее время въ рукахъ западныхъ ученыхъ не было полного изданія Паноплии, напр., въ нѣкоторыхъ католическихъ изданіяхъ тогда были опущены отдѣленія, въ которыхъ рѣчь идетъ у Евенмія объ исхожденіи Духа Святаго, то указанные ученые полагали, что въ этихъ отдѣленіяхъ должно заключаться у Евенмія что нибудь оригинальное и сильное, направленное противъ латинянъ ³⁾. Но теперь, когда Паноплия въ полномъ видѣ доступна всѣмъ, сдѣлалось очевиднымъ, что и тѣ отдѣленія этого сочиненія, гдѣ рѣчь идетъ о латин-

¹⁾ Ibidem, Panoplia, p. 331 et cet.

²⁾ Tit. 24, p. 1190 et cet.

³⁾ Ullmann. Über die dogmatische Entwicklung der griechisch. Kirche im XII Jahrhundert. Studien und Krit. 1833 (p. 671). Статья эта, не смотря на то, что она написана давно, не потеряла своего значенія и теперь: ее называютъ основательно (Дразеке), прекрасною (Гассъ), отличающуюся здравыми взглядами (Калогера, p. 39).

скомъ догматѣ касательно исхожденія Духа Святаго „и отъ Сына“ лишены значенія; они, по обыкновенію, наполнены выдержками изъ готовыхъ сочиненій. Духовная бѣдность автора обнаруживается въ особенности въ томъ случаѣ, когда Зигавину нужно было опровергать Сарацинъ т. е. магометанъ ¹⁾. Если гдѣ, то преимущественно здѣсь автору слѣдовало приложить старанія, чтобы поразить этого врага, который съ каждымъ годомъ дѣлалъ внѣшнія и отчасти внутреннія побѣды надъ христіанами. Нужно было ожидать, что авторъ сравнитъ между собою два міросозерцанія—христіанское и магометанское, укажетъ превосходство Основателя христіанства надъ изобрѣтателемъ магометанства. вмѣсто всего этого читатель встрѣчаетъ не совсѣмъ толково составленное изображеніе жизни Магомета, не чуждое извращеній; вмѣсто разбора магометанства и его системы, авторъ довольствуется извлеченіями изъ сочиненій Іоанна Дамаскина о Сынѣ Божіемъ и Духѣ Святомъ.—Изъ всего, что содержится въ Панопліи Зигавина наиболѣе заслуживаетъ вниманія то отдѣленіе въ немъ, гдѣ трактуется о „богомилахъ“, этихъ еретикахъ, появившихся во времена автора и въ первый разъ имъ описанныхъ. Ученые высоко ставятъ тѣ свѣдѣнія о богомилахъ, какія находятся у Зигавина. Онъ, Зигавинъ, имѣлъ точныя свѣдѣнія о богомилахъ, только что появившихся; онъ имѣлъ записи ученія еретиковъ, сдѣланныя со словъ этихъ послѣднихъ; въ его распоряженіи были и другіе важные источники для ознакомленія съ новымъ еретическимъ движеніемъ. Вообще полемистъ поставленъ былъ въ весьма благопріятныя для своего дѣла условія, въ какихъ рѣдко находились повѣствователи о новыхъ ересяхъ ²⁾. Но если содержаніе Зигавинова „титула“ о богомилахъ заслуживаетъ большаго вниманія, то нельзя сказать, чтобы и эта часть Панопліи была удовлетворительна со стороны изложенія: авторъ мало за-

¹⁾ Tit. XII et XIII. XXVIII.

²⁾ Zigabeni. Narratio de Bogomilis, seu Panopliae dogmaticae titulus XXIII (по Миню XXVIII). Editio Gieseler's Göttingae, 1842. Въ предисловіи, стр. 2—3. Ниже мы будемъ пользоваться этимъ Гизелеровымъ изданіемъ Зигавинова титула: „о богомилахъ“, такъ какъ это изданіе считается наилучшимъ.

ботится о томъ, чтобы имѣющія у него свѣдѣнія изложить въ должномъ систематическомъ порядкѣ. Всеже, думаемъ, будетъ не лишнее дѣло нѣсколько познакомиться съ трактатомъ Зигавина о богомилахъ. Вотъ свѣдѣнія, какія онъ излагаетъ о богомилахъ: богомилы отвергали всѣ книги Моисеевы (гл. 1); ихъ вѣрованіе во Св. Троицу было неправильно: они утверждали, что Сынъ Божій и Духъ Святой не отдѣльныя ипостаси отъ ипостаси Отца; притомъ-же они держались странныхъ мнѣній, что какъ Отецъ родилъ Сына, такъ Сынъ родилъ Духа Святаго, а Духъ родилъ Іуду предателя и одиннадцать апостоловъ (гл. 2 и 5); Сатанаилъ, учили они, есть старшій братъ Іисуса Христа: Онъ занималъ прежде второе мѣсто послѣ Бога Отца въ небесномъ царствіи, но возмечталъ о себѣ, увлекъ за собою другихъ ангеловъ—палъ и самъ, пали и эти послѣдніе (гл. 6); человѣкъ по своему происхожденію, есть частію произведеніе Сатанаила, частію Бога Отца (гл. 7); для избавленія человѣка, страдавшаго подъ властію Сатанаила, Богъ послалъ на землю своего втораго Сына Іисуса, который есть и Слово и Архангелъ Михаилъ; страданія Сына Божія за родъ человѣческой были призрачныя (гл. 8); богомилы отвергли почитаніе святыхъ угодниковъ, святыхъ мощей и иконъ—по разнымъ основаніямъ (гл. 11); они презирали крестъ, какъ орудіе страданій Іисуса (гл. 14—15); крещеніе, совершаемое церковію, не признавали истиннымъ крещеніемъ, почему перекрещивали лицъ, обращающихся въ ихъ секту (гл. 16); причащенія не признавали, а признавали какое-то духовное причащеніе, выражавшееся въ чтеніи молитвы Господней (гл. 17); христіанскіе храмы считали жилищемъ демоновъ и утверждали, что Сатанаилъ сначала обиталъ въ Іудейскомъ Іерусалимскомъ храмѣ, а потомъ сталъ жить въ Константинопольскомъ Софійскомъ храмѣ (гл. 18); они употребляли только одну и единственную молитву: „Отче нашъ“, читали ее по нѣскольку разъ днемъ и ночью (гл. 19); богомилы говорили, что ихъ послѣдователей слѣдуетъ называть богородицами (Θεοτόχοι), такъ какъ и они носятъ въ утробѣ своей Слово Божіе и раждаютъ его, когда научаютъ другихъ (гл. 22). Вторымъ

половина трактата о богомилахъ у Зигавина ознакомляетъ читателя со странными толкованіями на евангеліе Маттея, какія встрѣчались у еретиковъ и которыя направлялись у нихъ противъ достоинства и авторитета св. церкви (съ 30 гл. и до конца). Вотъ примѣръ богомильскаго толкованія Евангельскаго повѣствованія о бѣсноватыхъ, по выходѣ изъ которыхъ бѣсы бросились въ стадо свиней (Мѣ. VIII, 28—32). Двое бѣсноватыхъ, вышедшихъ изъ гробницъ, по толкованію богомиловъ, означаютъ два чина: клириковъ и монаховъ; и тѣ и другіе живутъ въ храмахъ, заключающихъ въ себѣ кости (мощи) умершихъ. Подъ стадомъ свиней богомилы понимали людей, проводящихъ жизнь худую и т. д. (гл. 49).

Такова Паноплія Зигавина. Ученый Гассъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ это произведение: „если представимъ себѣ продолжателя Епифанія (Кипрскаго), но только продолжателя еще болѣе неискуснаго, болѣе внѣшняго и въ меньшей степени самостоятельнаго, то получится почти точный образъ Догматическаго Всеоружія. Сочиненіе это служить доказательствомъ, что когда имѣютъ предъ собой слишкомъ многихъ еретиковъ и хотятъ ихъ изслѣдовать, тогда ни въ какомъ отношеніи не достигаютъ успѣха“¹⁾. Зигавинъ вообще своей Панопліею мало что прибавилъ къ тѣмъ заслугамъ, какія онъ имѣетъ какъ эгзегетъ²⁾.

Зигавину принадлежитъ еще нѣсколько небольшихъ полемическихъ сочиненій, представляющихъ собою какъ-бы пополненіе Панопліи. Вотъ эти сочиненія: „Споръ о вѣрѣ съ сарацинскимъ философомъ“. Здѣсь между прочимъ полемистъ разбираетъ слѣдующія возраженія сарацина: „на какомъ основаніи вы (христіане) допускаете политеизмъ, учите о рожденіи Бога, исповѣдуете Бога Отца, Сына и Св. Духа? Какимъ образомъ Богъ могъ воплотиться? Если Слово воплотилось и родилось отъ Маріи, то почему называете Марію дѣвою и т. д.“³⁾. Другое сочиненіе Зигавина:

¹⁾ Gass.-Zigabenus: Herzog-Hauck. Real. Encykl. B. IV, (1879), s. 408.

²⁾ Трактатъ Зигавина о богомилахъ переведенъ въ Правос. Обзор. за 1872 г.

³⁾ Migne. Gr. tom. 131, p. 20—37.

„Опроверженіе нечестивыхъ Массалианъ“ (т. е. богомиловъ). Здѣсь излагаются и ниспровергаются главные мнѣнія богомиловъ, причемъ полемистъ излагаетъ свои мысли въ формѣ 14-ти анафематизмовъ ¹⁾. Какъ бы продолженіемъ сейчасъ указаннаго сочиненія Евѳимія служить слѣдующее его сочиненіе: „Противъ еретиковъ, которые носятъ названіе фундагіатовъ“ (т. е. опять богомиловъ). Рѣчь у автора о томъ, что узналъ онъ отъ богомильскихъ учителей объ ихъ ученіи, принявъ видъ мнимаго ихъ ученика. Это послѣднее сочиненіе извѣстно въ печати не въ полномъ его видѣ ²⁾.

Догматико-полемическое сочиненіе похожее по формѣ на Паноплію написалъ писатель конца XII-го и начала XIII-го вѣка, нерѣдко упоминаемый нами, Никита Хоніатъ. Хотя между Зигавиномъ и Никитою жилъ еще извѣстный догматико-полемическій писатель — Николай Метонскій, но онъ составляетъ особое явленіе по сравненію съ Зигавиномъ и Никитою, которыхъ главные полемическія сочиненія походятъ одно на другое и удобнѣе всего могутъ быть разсматриваемы одно послѣ другаго.

Разсматриваемое сочиненіе Никиты носитъ заглавіе: „Сокровище православной вѣры“ (Thezaurus orthodoxae fidei) и написано по просьбѣ одного его друга. „Сокровище“ заключаетъ въ себѣ изложеніе православной вѣры и опроверженіе еретиковъ и состоитъ изъ 27-ти книгъ. Оно тѣсно примыкаетъ къ Панопліи Зигавина. Объ этомъ отношеніи перваго сочиненія къ послѣднему самъ Никита говоритъ такъ: „хотя книга, носящая заглавіе Паноплія, и касается всѣхъ еретиковъ, которые жили прежде, начиная съ Савеллія и даже раньше его, однакожъ въ ней опущено много такого, что можно было бы сказать въ ихъ опроверженіе изъ писаній отцевъ, и притомъ въ ней не дѣлается никакого упоминанія о томъ, откуда произошли еретики и какъ они жили“. Никита не безъ критики смотритъ на сочиненіе своего предшественника и хочетъ его пополнить, именно представить ереси въ болѣе полномъ и генетическомъ видѣ

¹⁾ Ibidem, p. 40—48.

²⁾ Ibidem, p. 48—57.

и подробнѣе разобрать ихъ ¹⁾. Впрочемъ, Никита не былъ богословомъ, отличавшимся самостоятельностью познаній; во многихъ отдѣлахъ своего сочиненія онъ пользуется тѣмъ, что находитъ готоваго у Евсемя ²⁾. Но съ другой стороны сочиненіе Никиты показываетъ въ немъ человѣка болѣе мыслящаго, чѣмъ какимъ былъ Зигавинъ; многія стороны въ ученіи вѣры онъ излагаетъ съ похвальнымъ углубленіемъ въ дѣло, съ замѣтною оригинальностью, онъ не всегда позволяетъ за себя думать и говорить другимъ: онъ и думаетъ не безъ самостоятельности и говоритъ собственнымъ языкомъ. Вообще между Никитою и Зигавиномъ, какъ догматико-полемистами, можно находить слѣдующую разницу. Зигавинъ повторяетъ только зады богословской науки и полагаетъ, что такимъ способомъ онъ выражаетъ себя, какъ охранителя преданія; Никита—же далекъ отъ того, чтобъ отказывать разуму человѣческому въ тщательномъ и безпредвзятомъ изученіи христіанства, а лицъ смотрящихъ иначе на дѣло, онъ именуетъ гносимахами (проще—гасителями просвѣщенія). Зигавинъ, считая себя поборникомъ вѣры, задачу своей дѣятельности полагаетъ въ томъ, чтобы только опровергать еретиковъ; Никита—же, хотя и почитаетъ полеміку дѣломъ важнымъ, но въ то же время углубляется въ изложеніе положительнаго ученія и проводитъ догматы сквозь мыслящее сознаніе. Зигавинъ въ своемъ трудѣ сухъ, безжизненъ и мертвъ, напротивъ Никита во многихъ случаяхъ говоритъ какъ живо заинтересованный человѣкъ, говоритъ языкомъ сердца ³⁾. Такое явленіе само по себѣ замѣчательное, тѣмъ поразительнѣе, что Никита въ написанной имъ извѣстной исторіи своего времени, представляется не чуждымъ увлеченія эллинскимъ язычествомъ. Но мы должны

¹⁾ Thesaurus orthodoxae fidei. Migne, tom. 139, p. 1104.

²⁾ Кроме того, Никита пользовался весьма многими писателями: Діонисіемъ Ареопагитомъ, Афанасіемъ, Тертуліаномъ, Евсевіемъ, Епифаніемъ, Иринеємъ, Златоустомъ, Василиємъ Великимъ, Филосторгіемъ, Теодоромъ Мопсуестскимъ, Сократомъ, Созоменомъ, Теодоритомъ, Григоріями, Фотіемъ, Дамаскинымъ, Козмою Индикоплевтомъ и проч. Annot. Morellii. Migne, ibid. p. 1091.

³⁾ Ullmann—въ вышецитированной статьѣ: Studien und Kritiken, 1833, s. 682—683.

помнить что Византийскіе образованные люди нерѣдко заключали въ себѣ соединеніе такихъ крайностей, какихъ нельзя встрѣчать въ наше время. Типъ византийца представлялъ собою во многомъ оригинальное явленіе. — Но переходимъ къ обзору сочиненія Никиты. Въ первой книгѣ ¹⁾ писатель говоритъ объ язычествѣ и іудействѣ. Содержаніе уже этой книги показываетъ, какъ богато произведеніе его по сравненію съ Зигавиною Панопліею. Здѣсь Никита излагаетъ свѣдѣнія о главныхъ идеяхъ и школахъ, какія господствовали въ Греціи и Іудеѣ, вообще касается такихъ сторонъ, которыя Евсевій оставилъ вовсе безъ вниманія. Именно, Никита начинаетъ свое сочиненіе изложеніемъ религіозной исторіи Іудеевъ отъ Адама до Моисея, а затѣмъ, объяснивши вопросъ о происхожденіи идолопоклонства, онъ переходитъ къ разъясненію происхожденія греческихъ мистерій и философскихъ ученій, въ особенности ведетъ рѣчь, хотя и краткую, о философіи Пиеагора, Платона и Эпикура, причемъ выше всѣхъ ставитъ авторитетъ Моисея. Въ заключеніе первой книги авторъ снова возвращается къ іудейству и характеризуетъ различныя іудейскія секты, не исключая самарянъ. Іудейскихъ сектъ Никита насчитываетъ семь: саддукеи, книжники, фарисеи, имеровантиты (сектанты эти получили свое имя отъ того, что для духовнаго очищенія считали необходимымъ ежедневное крещеніе), назареи, ессеи и иродіане (какъ отдѣльную секту авторъ описываетъ самарянъ). Іудейскія секты авторъ считаетъ вліятельною причиною въ образованіи сектъ христіанскихъ ²⁾. Во второй и третьей книгѣ Никита входитъ въ изслѣдованіе православнаго ученія. Такъ во второй книгѣ ³⁾ Никита разсуждаетъ о Св. Троицѣ, ангелахъ и челоѣкѣ. О Св. Троицѣ онъ хотя и говоритъ словами отцевъ церкви, но пользуется ими вообще цѣлесообразно; для устраненія обвиненія въ тритеизмѣ, онъ употребляетъ многіе образы; единство Божества при троичности, по Никитѣ, уясняется образомъ серафима съ двумя крылами: Отецъ — это сера-

¹⁾ Migne, tom. 139, p. 1104—1126

²⁾ Ibidem, p. 1122—1124.

³⁾ Ibid. p. 1126—1200.

фимъ, два крыла—это Сынъ Божій и Духъ Святый ¹⁾. Особенно заслуживаетъ вниманія его спекулятивно-богословское ученіе о человѣкѣ; онъ входитъ здѣсь во многіе философскіе вопросы касательно души человѣческой, говоритъ о духѣ и душѣ, чувствахъ и силахъ души, дѣятельности и безсмертіи ея, пытается рѣшить вопросы о мѣстопребываніи души, происхожденіи души при зарожденіи тѣла человѣческаго и пр. Въ третьей книгѣ ²⁾ Никита говоритъ о вочеловѣченіи Бога—Слова. Въ этомъ отдѣлѣ Никита обнаруживаетъ большую богословскую начитанность, но что еще важнѣе, говоря о двухъ природахъ во Христѣ, онъ достаточно сильно разрѣшаетъ всѣ разнообразныя вопросы, возбуждаемые истинною боговочеловѣченіемъ. Съ четвертой книги ³⁾ авторъ входитъ въ разсмотрѣніе и разборъ древнихъ ересей—числомъ 44—до аріанской ереси. Въ этомъ отдѣлѣ труда Никиты интересно для насъ въ особенности то, что онъ упоминаетъ такихъ еретиковъ, о которыхъ мы мало знаемъ, и которые притомъ представляются продолжающими существовать и во времена автора ⁴⁾. Вотъ эти любопытныя для насъ ереси: гносимахи. Это такіе люди, по Никитѣ, которые противились всякому серьезному, углубленному изученію христіанской вѣры и научному занятію истинами религіи, которые считали дѣломъ бесполезнымъ углубляться и размышлять надъ Св. Писаніемъ, въ особенности потому, что Богъ будто-бы ничего не требуетъ отъ христіанъ, кромѣ добрыхъ дѣлъ; гораздо лучше, говорили они, просто вести благочестивую жизнь, чѣмъ отдаваться любознательности.—Тни-топсихиты. Это были еретики, которые отрицали безсмертіе души и которые утверждали, что душа человѣка не лучше души животныхъ и умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ. (Впрочемъ, подъ именемъ тни-топсихитовъ едвали разумѣются рѣшительные матеріалисты, отрицавшіе безсмертіе души; по всей

¹⁾ Ibid. p. 1161.

²⁾ Ibid. p. 1200--1242.

³⁾ Ibid. p. 1242--1360.

⁴⁾ Kurtz. Handbuch der Kirchengeschichte. B. I. Abtheil 3, S. 97. Mitau, 1858. И въ самомъ дѣлѣ, описывая этихъ еретиковъ, авторъ при изложеніи ихъ ученія всегда употребляетъ формы настоящаго времени: *contendunt, audent, asserunt*.

вѣроятности подъ титопсихитами нужно разумѣть такихъ лицъ, которыя, отправляясь отъ тогдашнихъ понятій о душѣ и духѣ, какъ составныхъ частяхъ природы человѣческой, допускали, что безсмертенъ только духъ—*πνεῦμα* а душа *ψυχή*—смертна). Далѣе—христолиты (отъ гл. λόω). По описанію Никиты, они получили свое имя отъ того, что они какъ-бы раздѣляли Христа, разрушали его человѣческую природу, именно, они держались мнѣнія, что Христосъ, по воскресеніи Его, покинулъ на землѣ свое тѣло и вознесся на небо только Божествомъ. Далѣе—этнофроны, т.-е. такіе люди, которые, при христіанскихъ убѣжденіяхъ, въ то-же время преданы были языческому суевѣрію и совершали языческіе обряды. Никита находитъ у нихъ слѣдующее: они вѣровали въ фатумъ, фортуна, увлекались астрологіей, занимались волхвованіями, полагали различіе во дняхъ и мѣсяцахъ по отношенію къ благополучію. (Нужно сказать, что такого рода люди дѣйствительно встрѣчались во времена Никиты). Наконецъ, парерминевты—ложные толкователи Св. Писанія: они истолковывали Св. Писаніе по своимъ частнымъ цѣлямъ, чтобы найти въ немъ свои еретическія воззрѣнія, извращали смыслъ его и съ упорствомъ стояли за свое толкованіе ¹⁾. Въ пятой книгѣ ²⁾ Никита разсматриваетъ и опровергаетъ аріанскія ереси ³⁾. Въ дальнѣйшихъ книгахъ до конца сочиненія авторъ говоритъ о македоніанахъ, несторіанахъ, еutihіанахъ, моноеслитахъ, иконоборцахъ, армянахъ, павликіанахъ, богомилахъ и касается ересей, возникшихъ и волновавшихъ церковь въ его время ⁴⁾.—Сочиненіе Никиты „Сокровище“ доселѣ еще не издано въ полномъ и оригинальномъ видѣ.

¹⁾ Ibidem, p. 1341—1343; 1356 (cap. 39—43).

²⁾ Ibid. p. 1361—1444.

³⁾ Первые пять книгъ сочиненія Никиты изданы лишь въ латинскомъ переводѣ, но неполна.

⁴⁾ Начиная съ VI-ой книги сочиненіе издано (Migne, tom. 140) въ полнѣйшій съ латинскимъ переводомъ, но зато въ отрывкахъ. Цѣлкомъ изданы лишь не многія книги „Сокровища“, напр., 24, гдѣ заключаются акты собора относительно одного спора половины XII-го вѣка о Христѣ, какъ приносящемъ жертву и пріемающемъ ее; книгу 25-ю составляютъ акты соборные по поводу спора о текстѣ: „Отецъ болѣе Мене“, спора бывшаго во дни Никиты. Нужно сказать, что акты соборные, помѣщаемые въ 24-ой книгѣ Никиты, изъ этого сочиненія заимствованы Маіемъ и отпечатаны въ его изданіяхъ.

Изданіе его въ цѣлости есть дѣло будущаго. Нѣмецкій ученый Гассъ, извѣстный спеціалистъ по церковной византологіи, однакожь не думаетъ, чтобы когда нибудь это изданіе послѣдовало. Онъ говоритъ: „появится-ли когда-либо въ печати оригинальный текстъ Никиты въ полномъ видѣ—это сомнительно: такое предпріятіе не принесетъ тѣхъ плодовъ, какихъ отъ него можно-бы ожидать ¹⁾“. Но такое полупренебрежительное отношеніе къ „Сокровищу“ Никиты несправедливо. Извѣстный Ульманъ говоритъ о Никитѣ: „его ученость не вполне самостоятельна, однакожь онъ возвышается надъ современниками и является человѣкомъ, достойнымъ лучшихъ временъ“, чѣмъ его время ²⁾. Съ своей стороны прибавимъ, что изданіе, въ особенности двухъ послѣднихъ книгъ „Сокровища“, было-бы въ высшей степени полезно для науки, ибо въ 26-ой книгѣ у Никиты рѣчь идетъ о происходившемъ при Мануилѣ Комнинѣ спорѣ „о богѣ магометовомъ“, спорѣ, о которомъ наши свѣдѣнія слишкомъ незначительны; въ 27-ой книгѣ у Никиты излагаются свѣдѣнія по поводу спора, происходившаго при императорѣ Алексѣѣ Ангелѣ (кон. XII-го в.) о „тлѣнности“ и „нетлѣнности“ приѣмлемой нами евхаристіи“, а между тѣмъ наши свѣдѣнія касательно этого любопытнаго спора такъ ничтожны, что даже самое главное лице, вызвавшее споръ (Сикидигъ) остается для насъ почти во мракѣ ³⁾.

Больше, чѣмъ Зигавиномъ и Никитою Хоніатомъ, написано было полемико-догматическихъ сочиненій Николаемъ, епископомъ Метонскимъ. Зигавинъ и Никита съ чрезмѣрною любовію углубляются въ прошедшее, древность. Николай, же хотя и прекрасно знакомъ съ древне-церковною литературою, не увлекается ею до забвенія о нуждахъ и потребностяхъ новѣйшаго, своего, времени. Онъ пишетъ для пользы, назиданія и поученія своихъ современниковъ; говоритъ съ ними языкомъ сильнымъ, живымъ, яснымъ. Это,

¹⁾ Gass.—Nicetas: Herzog-Hauck. Encykl. B. X, 1882, S. 541.

²⁾ Ullmann. S. 679.

³⁾ Оба эти спора изложены были нами въ своемъ мѣстѣ. стр. 137 и дал.; 153 и дал. Извѣстія Никиты касательно послѣдняго спора уже стали, къ счастью, достояніемъ русской науки.

а равно сила его богословской мысли дѣлають значеніе Николая въ исторіи греческой церкви большимъ. И однакожь, нельзя сказать, чтобы Николай какъ слѣдуетъ былъ изученъ въ наукѣ. До сихъ поръ еще не опредѣлено точно мѣсто этого богослова въ ряду лучшихъ представителей церковной мысли послѣднихъ вѣковъ Византійской имперіи. Для разъясненія этого вопроса много сдѣлалъ въ недавнее время нѣмецкій ученый Дрэсеке¹⁾. Одно изъ затрудній при изученіи Николая Метонскаго составляетъ то, что произведенія Николая не собраны въ какомъ-нибудь изданіи, а разбросаны по разнымъ коллекціямъ. Собрать всѣ сочиненія Николая рѣдко кому удастся: нужны особыя усилія, чтобы достигнуть этой цѣли. Надобно имѣть подъ руками по меньшей мѣрѣ шесть различныхъ изданій, въ которыхъ напечатаны сочиненія Николая, изданій, изъ которыхъ инныя очень рѣдки, другія малоизвѣстны. Даже на западѣ спеціалисты византилисты пишутъ о Николаѣ, не зная всѣхъ уже изданныхъ сочиненій епископа Метонскаго²⁾.

Въ своемъ мѣстѣ мы уже имѣли случай сказать, что Николай не имѣетъ біографіи: изъ его жизни мы почти ничего не знаемъ. Его біографію, притомъ очень большую, составляютъ его многочисленныя сочиненія.

Переходимъ къ обзорѣню полемико-догматическихъ трудовъ Николая Метонскаго, къ каковому классу относятся почти всѣ богословскія произведенія Николая. Разумѣется, мы будемъ имѣть въ виду лишь тѣ сочиненія этого автора, которыя перестали быть достояніемъ архивовъ и напечатаны. Всѣ сочиненія Николая, какъ мы сказали, отвѣчаютъ живымъ потребностямъ современности. Они имѣютъ въ виду враговъ вѣры наличныхъ и противъ нихъ обращаютъ свои рѣчи. Это весьма важная черта въ сочиненіяхъ рассматри-

¹⁾ Dräseke. Zu Nicolaos von Methone. Двѣ статьи въ журн. *Zeitschrift für Kirchengeschichte*, 1888 (Band. IX). Еще: Dräseke *Nicolaus von Methone. Byzant. Zeitschrift*, B. I, 1892, s. 438—479. И еще: Dräseke. *Nik. von Meth. als Bestreiter des Proklos. Theol. Studien und Kritiken*, 1895, S. 589—616.

²⁾ Напр. Gass, написавшій артикулъ о Николаѣ въ энциклопедіи *Герарга—Гаука* (Band. X, 1882 г.), не зналъ о существованіи многихъ изданныхъ сочиненій Николая, отпечатанныхъ еще въ 60-хъ годахъ. Даже Дрэсеке не все могъ доставать.

ваемого писателя. Но нужно сознаться, не всегда точно и ясно можно судить, противъ кого именно направляется то или другое сочиненіе, по какому случаю оно написано, хотя несомнѣнно, что оно написано ради насущной потребности. Поэтому, мы прежде всего и скажемъ о такихъ догматико-полемиическихъ произведеніяхъ Николая, которыя хотя и направляются противъ враговъ и совопросниковъ, но такого рода враговъ и совопросниковъ, которые не могутъ быть точно указаны въ исторіи: кто они были и къ какимъ цѣлямъ стремились.

Самое большое и самое капитальное сочиненіе Николая носить заглавіе: „Опроверженіе богословскаго наставленія Прокла, платоническаго философа, чтобы читающіе не увлеклись кажущеюся основательностію его (наставленія) и не соблазнялись въ разсужденіи истинной вѣры¹⁾“. Въ сочиненіи находимъ, какъ опроверженіе философскихъ положеній Прокла, языческаго философа V-го вѣка, такъ и раскрытіе положительныхъ истинъ вѣры христіанской. Изъ сочиненія, притомъ, открывается, что оно написано противъ современныхъ христіанъ, увлеченныхъ языческимъ мудрецомъ, но кто эти были современники, много-ли ихъ было, въ чемъ заключалось ихъ увлеченіе, какъ они заявляли о своемъ увлеченіи, устно или письменно—все вопросы, на которые дать опредѣленный отвѣтъ трудно. Лучшую характеристику этого сочиненія Николая даетъ Ульманнъ. Онъ говоритъ: „у Николая нѣтъ недостатка въ остроумныхъ и для его времени выразительныхъ мысляхъ. Церковныя воззрѣнія для него единственное мѣрило и лучшее выраженіе истины. Однакожъ его философія представляетъ собою нѣчто болѣе живое, чѣмъ философія его современниковъ, и въ особенности ему нужно ставить въ заслугу то, что основанія догматовъ онъ ищетъ въ самомъ Писаніи. Главными вождями при изученіи догматовъ Николай выбираетъ Григорія Богослова и Діонисія Ареопагита. Въ раскрытіи ученія о Божествѣ онъ беретъ ихъ въ образцы. Однако же по сравненію съ Ареопагитомъ, онъ отличается ясностію, простотою

¹⁾ Refutatio institutionis theologiae Procli Platonici. Edidit Voemel. Francofurt. ad M. 1825.

и опредѣленностію. Вообще у него изложеніе находится въ соотвѣтствіи съ подлежащими его разсмотрѣнію предметами, только, не смотря на его старанія, онъ не чуждъ повтореній¹⁾“. Какъ еще недостаточно изучено замѣчательнѣйшее произведеніе XII-го вѣка: „Опроверженіе богословскаго наставленія Прокла“, это видно изъ тѣхъ разногласій, какія до послѣдняго времени слышались относительно даты происхожденія указаннаго произведенія. Первый (впрочемъ и единственный) издатель Николаева произведенія — Фемель приводит мнѣніе одного ученаго XVII вѣка, который думалъ, что оно написано послѣ Флорентійскаго собора, т.-е. въ XV-мъ вѣкѣ. Правда, онъ съ этимъ мнѣніемъ не соглашется, но зато и самъ не устанавливаетъ точной даты. Другой ученый Николай (Nicolai) предполагалъ, что оно написано въ девяностыхъ годахъ XII-го вѣка. Новѣйшій изслѣдователь Николаевыхъ произведеній Дрэске полагаетъ, что оно написано въ 30-хъ гг. того-же XII-го вѣка. Хотя въ самомъ сочиненіи Николая нельзя находить опредѣленнаго указанія на время появленія „опроверженія“, но тѣмъ не менѣе дата Дрэске заслуживаетъ предпочтенія²⁾.

1) Ullmann. S. 706. Въ недавнее время поднимался вопросъ о зависимости Николаева „Опроверженія“ отъ подобнаго же сочиненія Прокліа Газскаго (VI в.) но остался не разъясненнымъ. Krumbacher. Gesch. d. Byzant. Litteratur, S. 87. Münch. 1897.

2) Dräseke. Zu Nicolaos. S. 586—588. Излагать содержаніе этого сочиненія Николая, какъ и прочихъ, не станемъ, потому что содержаніе главнѣйшихъ изъ нихъ изложено ученымъ о. архим. (епископомъ) Арсеніемъ на страницахъ Христ. Чтенія въ статьяхъ: „Николай Метонскій и его сочиненія“. Содержаніе Николаева сочиненія „Опроверженіе“ указаннымъ авторомъ обстоятельно изложено въ сейчашъ названномъ журналѣ, за 1882 г. т. II, стр. 165—175, 495—510. — Въ числѣ авторитетовъ, на которые опирается въ разсматриваемомъ сочиненіи еписк. Метонскій, между прочимъ встрѣчаемъ „мудрѣйшаго мученика Евстратія“ (р. 123). Кто такой этотъ Евстратій? Дрэске думаетъ, (S. 586—7), что здѣсь разумѣется младшій современникъ Николая, Евстратій, митрополитъ Никейскій. Но разумѣть этого Евстратія едва-ли можно. Хотя Анна Комнина (Alexiadis, lib. XVI. Migne, tom. 131, p. 1101) называетъ его „свѣдущимъ (σοφός) какъ въ божественной, такъ и мірской науки и способнымъ въ діалектикѣ болѣе тѣхъ, кто учились въ Стоѣ и Академіи“, однакоже по многимъ основаніямъ нужно отрицать, что будто Николай разумѣетъ именно этого Евстратія. Въ самомъ дѣлѣ: 1) Николай цитируетъ Евстратія тогда, когда ведетъ рѣчь о языческомъ политеизмѣ, а между тѣмъ въ извѣстныхъ намъ сочиненіяхъ Евстратія нѣтъ такихъ мѣстъ, гдѣ бы шла рѣчь о томъ же предметѣ; 2) епископъ Метонскій именуетъ Евстратія „мученикомъ“, но Евстратій Никейскій хотя и былъ лишенъ за свои убѣжденія митрополитскаго звѣ-

актеру и цѣли съ „Опроверженіемъ“ сходно другое Николая подъ заглавіемъ „Богословскіе вопросы“¹⁾. Но къ сожалѣнію, часть этого сочиненія предбуквальное заимствование изъ одного сочиненія аго писателя VII-го вѣка—пресвитера Θεοδωρα. су догматико-полемиическихъ сочиненій Николая, но которыхъ трудно опредѣлять, противъ кого и направляются, можно отнести небольшое проэго подъ заглавіемъ: „Великому доместику, воу касательно Св. Духа: въ какомъ смыслѣ гоито Духъ Св. существенно (οὐσιωδῶς) вселился въ апостолахъ, и если Онъ точно такимъ-же обиталъ и во Христѣ, то почему и апостолы не а Христами? А если не такъ (обиталъ въ апоакъ во Христѣ), то въ чемъ различіе“? ²⁾ Ясно, обращена къ недоумѣвающему; но вслѣдствіе чего

не менѣе можетъ быть названъ мученикомъ только съ велискою, какъ и дѣлаетъ Дрэзекъ; 3) изъ сочиненія Никиты Хоніата го же XII вѣка): Thesaurus видно, что Евстратій Никейскій я авторитетомъ въ церкви: въ указанномъ сочиненіи Никиты ктатъ (lib. 23), подъ заглавіемъ: de erroribus Eustratii Nicaeni Гораздо справедливѣе мнѣніе о. арх. (еписк.) Арсенія (Хр. . 171), который въ Евстратіи, цитируемомъ у Николая, усамученика Евстратія († 320). Мнѣніе это можетъ быть подправкою въ Метафрастовомъ martyrium sancti Eustratii. Здѣсьтъ раскрывается, какъ св. Евстратій опровергаетъ судью-полками на Платона, Аристотеля, Гермеса (Migne. Gr., tom. 116, ще о немъ, Евстратіи, въ этомъ сказаніи замѣчается что всѣ, какъ онъ посрамилъ судю съ его богами“ (р. 501). Такимърывается, что русскій ученый, преосв. Арсеній, несомнѣнно смотреть на вопросъ о личности Евстратія, чѣмъ Дрэзекъ, рающійся отождествить Евстратія „мученика“ съ Евстратіемъ—Вышеуказаннаго мнѣнія Дрэзекъ держится и проф. УспенВизант. образов., 197.

Methonensis Aneecdōti pars I et II. Edid. Voemel. Francof. 1825—внѣю архим. (еписк.) Арсенія, „Вопросы и отвѣты“ по содерляютъ часть „Опроверженія“ (стр. 164). Содержаніе этого соь авторъ впрочемъ не излагаетъ. Оно удовлетворительно излоинп'а, S. 705.

еса ecclesiastica, continens Graecorum theologorum opera. Edidit pulus (Leipz., 1866). Сочиненіе Николая „Великому доместику“, У преос. Арсенія (Христ. Чт. 1883 г., т. I, стр. 14—21) въ лномъ сочиненіи часть этого Николаева трактата переведена тальное передано съ значительными пропусками. Кстати нужно е. Арсеній почти всегда сопровождаетъ свои извлеченія изъ тезными примѣчаніями, которыхъ нѣтъ въ изданіи Димитра-

возникло недоумѣніе? есть ли оно результатъ совопросничества или скепсиса—рѣшить трудно. Въ такомъ-же родѣ встречаемъ у Николая и еще нѣсколько сочиненій. Вотъ заглавія ихъ: 1) „Вопрошающему: есть-ли предѣлъ (ὅρος) жизни и смерти, и если есть, то какъ-же Богъ не есть виновникъ зла“? Изъ самого Николаева трактата видно, что этому богослову кѣмъ-то представлено было письменное разсужденіе, въ которомъ неизвѣстный современникъ, разсматривая понятіе о свободѣ воли человѣческой, усматриваетъ въ этомъ какъ-бы ограниченіе Божества и т. д. Не остается сомнѣнія, что современникъ имѣлъ злой умыселъ поставить въ затрудненіе богослова XII-го вѣка; такой умыселъ могъ родиться преимущественно въ умѣ скептическомъ. Но кто этотъ скептикъ? Одинъ-ли онъ былъ или такихъ было не мало—остается неяснымъ. 2) „Слово второе, доказывающее ту-же мысль (т.-е. изслѣдующую тотъ-же вопросъ) на основаніи свидѣтельствъ Св. Писанія и обличающее приверженца безпредѣльности (ἀοριστίας) въ томъ, что онъ не хорошо пользуется нѣкоторыми изъ нихъ“. Сторонникъ „безпредѣльности“ утверждалъ, что судьба людей и скотовъ одинакова. 3). „Слово третье, обличающее нелѣпость предположенія о безпредѣльности чрезъ сведеніе его къ невозможности“ (т.-е. дающаго невозможные выводы¹⁾).

Другія догматико-полемическія сочиненія Николая направлены противъ опредѣленныхъ лжеученій, о которыхъ или ясно говорятъ самыя сочиненія или-же они даютъ право догадываться объ этомъ.

Здѣсь мы прежде упомянемъ о такомъ сочиненіи Николая, которое раньше другихъ было издано и довольно долго оставалось единственнымъ, напечатаннымъ его сочиненіемъ. Оно заглавливается такъ: „О тѣлѣ и крови Христовой, противъ тѣхъ: которые сомнѣваются: освященный (евхаристическій)

²⁾ Bibliotheca ecclesiastica, p. 219—265. Всѣ эти сочиненія въ извлеченіи и краткомъ пересказѣ переданы преосв. Арсеніемъ (Хр. Чт. 1883, I, 347—355). Сейчасъ указаннаго сочиненія Николая Метонскаго не совсѣмъ самостоятельны: писатель находился подъ вліяніемъ одного произведенія патріарха К—польскаго Гермава, VIII вѣка (Krumbacher, S. 86).

ли тѣло и кровь Господни* ¹⁾? Сочиненіе происхожденію можетъ быть относимо къ 10 вѣку и направляется по всей вѣроятности, какъ извѣстно совершенно отверженіе даровъ и даже самую нужду имъ, побудившимъ Николая выступить богомиловъ, можно считать слѣдующее: патриархъ Константинопольскій Михаилъ осужденнаго яраго богомила Нифонта, но слѣдопольскій патриархъ Косьма не только въ Нифонта, но и сдѣлался его искренно собою понятно, что исторія патриарха Косьмы должна была заставить богомиловъ голову, къ ущербу для православныхъ. Говоря о Николѣе и написавъ сочиненіе о крови Христовыхъ* ³⁾.

Историческая литературная дѣятельность Николая особенно сильнаго развитія по поводу весьма важнаго богословскаго спора при императорѣ о вопросу: „принесъ-ли Христосъ жертву только Богу Отцу и Святому Духу или-же и Самому Себѣ“? Епископъ Метонскій изложилъ по этому вопросу, защищая мнѣніе византійскихъ соборахъ того времени. Сочиненіе сохранилось до насъ четыре. Больше важно такое заглавіе: „Возраженіе на сочиненіе избраннаго въ Антиохійскаго патриарха, принося и приносимый и приемлемый“ ⁴⁾. Извѣстно, читаются въ одной молитвѣ Ва-

35, р. 509—517. Единственное сочиненіе Николая, описанное Арсеніемъ анализа этого сочиненія нѣтъ. Впрочемъ видно изъ самого заглавія. Отмѣтимъ одно: высказывается мысль, что хлѣбъ и вино потому не имѣютъ тѣло и кровь, чтобы немощь человеческая не имѣла сверхъестественною дѣятельностью. 36, 27-го титула Панопліи.

34. 35, р. 321—359. Сочиненіе это (за исключеніемъ не имѣющихъ важности) переведено преосв. Арсеніемъ Николаемъ Меевскимъ. (Христ. Чт. 1883 г., I,

силія Великаго на литургіи. Сотирихъ-же былъ однимъ изъ наиболѣе образованныхъ и рѣшительныхъ защитникомъ мнѣнія, что жертва Христова была принесена Богу Отцу, но не Сыну. Вѣроятно вслѣдъ за „Возраженіемъ“ Николай выдалъ другое сочиненіе, посвященное тому-же спорному вопросу и озаглавляющееся: „Дополненіе (τὰ λεῖποντα) о божественной литургіи и о томъ, почему Христосъ называется: приносяшій и приносимый, и приемлемый и раздаваемый“ (въ Евхаристіи). ¹⁾ Сочиненіе это назначено было для императора Мануила, столь заинтересованнаго вышеказаннымъ богословскимъ споромъ. Тому же императору и по тому-же поводу Николай посвящаетъ еще сочиненіе: „Противъ лжеученія говорящихъ, что спасительная жертва за насъ приносится не Тріипостасному Божеству, но одному Отцу“ (и пр.—заглавіе длинное) ²⁾. Сочиненіе это, впрочемъ, представляетъ немного новаго по сравненію съ трудомъ того-же Николая, подъ заглавіемъ: „Возраженіе на сочиненіе Сотириха“... Авторъ въ своемъ новомъ произведеніи повторяетъ часть разсужденій, нерѣдко буквально заключавшихся въ сейчасъ упомянутомъ его сочиненіи ³⁾.—Къ этой-же серіи произведеній, вызванныхъ указаннымъ споромъ, какъ намъ кажется, слѣдуетъ относить и еще четвертое сочиненіе Николая, подъ заглавіемъ: „Къ соблазняющимся апостольскимъ реченіемъ: „когда-же все покоритъ Ему; тогда и Самъ Сынъ покорится Покоршему все Ему, да будетъ Богъ все во всемъ“ (I Кор. XV, 28) ⁴⁾. Кажется, едвали можно сомнѣваться, что это сочиненіе написано противъ тѣхъ, кто держался воззрѣнія, что Сынъ

¹⁾ Nicolai Methonae episcopi. Orationes duae. Edidit Demetracopulus. (Leipz, 1865) p. 46—72. У преосв. Арсенія (Христ. Чт. 1883 г., I, 343—347) приводится нѣсколько выдержекъ изъ сочиненія „Дополненіе“.

²⁾ Orationes duae, p. 1—46. У еписк. Арсенія объ этомъ сочиненіи только упоминается (ibid. I, 347); причина сейчасъ разъяснится.

³⁾ Слич: Orationes duae, p. 13 et cet. съ Bibliotheca ecclesiastica, p. 324 et cet. Здѣсь мы встрѣчаемъ однѣ и тѣ же мысли, выраженные почти одинаковыми словами, но только въ новомъ сочиненіи авторъ пишетъ короче и болѣе сжато. Начало разсматриваемаго сочиненія (p. 1—13), по-видимому, составлено вновь.

⁴⁾ Bibliotheca ecclesiastica, p. 293—320. У еписк. Арсенія (Хр. Чт. 1883, 21—26) изъ этого сочиненія переведено нѣсколько небольшихъ отрывковъ.

носилъ жертвы за челоѣчество Самому Себѣ. , это есть звено, принадлежащее къ исторіи иносащемъ и Приносимомъ“ ¹⁾).

передавая нѣкоторыя свѣдѣнія о сочиненіяхъ онскаго, справедливо говорилъ: „рука изыска-еще и еще умножать число сочиненій Нико-одимая научная работа еще только предстоитъ“, ²⁾).

тійская историческая литература изучаемаго не скудна. Анна Комина, Киннамъ, Никита ополить, Пахимерьъ, Григора, Кантакузинъ удились надъ изученіемъ исторіи, ³⁾ по край-его времени, и оставили послѣ себя истори-нія не одинаковаго достоинства, но несомнѣн-своему значенію въ наукѣ. Не столь счаст-эти же времена собственно церковная исторія. и занимались очень немного. По крайней мѣрѣ авился лишь одинъ цѣнный трудъ въ этомъ ря на то, что рассматриваемый нами періодъ сколько вѣковъ. Говоримъ о „Церковной Ис-ора Каллиста Ксанеопула, писателя XIV вѣка. отъ Никифоръ Каллистъ, къ сожалѣнію, мы Не только не сохранилось точныхъ свѣдѣній го жизни (за исключеніемъ того немногаго, что „Исторія“ этого автора), но даже не опре-общественное положеніе занималъ Никифоръ. ные обыкновенно называютъ его монахомъ, но ѣ твердыхъ основаній. Вѣроятноѣ предпола-сифоръ былъ клирикомъ при знаменитомъ Со-иѣ въ Константинополѣ. Самъ онъ даетъ знать,

сли склоняется и преосв. Арсеній. Ibid., 21.

578. Въ русской литературѣ, кромѣ преосвящ. Арсенія, олаѣ Метонскомъ, объ этомъ же лицѣ можно находить нія у проф. Васильевскаго („Николая Мееонскаго—житіе“ Палестин. Сборникъ, по общему счету, вып. 17, стр. вѣдѣнія нельзя ни признать очень устарѣлыми и недо-

этихъ историкахъ можно находить свѣдѣнія въ 1-мъ й книги, стр. 3—76 (М., 1892); а также въ журн. *При-св. отцовъ*, т. 45, стр. 65 и дал. (1890 г.).

что онъ съ юныхъ лѣтъ пребывалъ при вышеуказанномъ храмѣ ¹⁾); изъ этого можно заключать, что онъ былъ клирикомъ, но въ чемъ именно заключались его обязанности, остался ли онъ на всю жизнь въ этомъ положеніи — ничего неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ Никифоръ Каллистъ принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ лицъ своего времени. Если это и былъ клирикъ, то клирикъ замѣчательныхъ способностей и рѣдкихъ познаній. Кромѣ обширнаго труда „Церковная Исторія“ онъ написалъ большое число разнообразныхъ сочиненій. Онъ писалъ рѣчи церковнаго характера и проповѣди, толкованія на книги Св. Писанія, жизнеописанія нѣкоторыхъ святыхъ, составлялъ церковныя пѣсни (тропари), схоліи или толкованія на творенія отеческія (напр., Григорія Богослова), обладалъ поэтическимъ даромъ (сочинялъ ямбы), составлялъ руководства по риторикѣ. Большая часть сочиненій Никифора остается неизданною, а нѣкоторыя изъ нихъ извѣстны только по заглавіямъ ²⁾). Видно, что Никифоръ принадлежалъ къ числу просвѣщеннѣйшихъ богослововъ своего времени. Болѣе точнымъ образомъ касательно Никифора еще знаемъ лишь то, когда жилъ этотъ историкъ. Онъ жилъ во времена правленія Византійскою имперіею Андроника II-го, именуемаго Старшимъ, Палеолога (1282—1328). Этому императору онъ и посвящаетъ свой трудъ ³⁾). Изъ „посвященія“, приложеннаго къ самой „Церковной Исторіи“, видно, что когда законченъ былъ этотъ трудъ, Андроникъ уже достигъ престоарѣлаго возраста ⁴⁾). Значитъ Церковная Исторія написана въ концѣ царствованія Андроника. Но самъ авторъ историческаго труда въ это время былъ еще человѣкомъ цвѣтущаго возраста: ему не исполнилось и тридцати шести

¹⁾ Nicephori Callisti. Ecclesiastica Historia, lib. I, cap. 1, p. 609. Migne, Patrol. Gr. tom. 145. Вся Церковная Исторія Никифора напечатана у того-же Миня въ 145—147 томахъ. Наши цитаты будемъ дѣлать по этому изданію.

²⁾ Notitia ex Fabricio. Migne, tom. 145, p. 548—558. Кромѣ „Церковной Исторіи“ нѣкоторыя сочиненія Каллиста отпечатаны въ 147 томѣ Миня.

³⁾ Allocutio encomiastica ad imperatorem (Andronicum). Migne, tom. 145, p. 561—601.

⁴⁾ Ibidem, 588—589.

ь долго жить, послѣ этого Никифоръ — точнѣе. На этотъ счетъ можно дѣлать одинъ въ „Церковной Исторіи“, Каллистъ составилъ константинопольскихъ патріарховъ“ до своего этомъ каталогѣ скажемъ нѣсколько словъ какъ въ нѣкоторыхъ спискахъ этого каталога мѣстѣ поставляется имя патріарха Кал-1354 г., первое его патріаршество ³⁾, то по Никифоръ дожилъ до царствованія Іоанна до пятидесятихъ годовъ XIV вѣка. Многоточиненій Каллиста также можетъ отчасти свѣдѣть, что жизнь его была продолжительна и многомнogie годы послѣ того, какъ онъ написалъ „Церковную Исторію“. Къ этимъ біографическимъ можно прибавить еще очень немного. Исторіи“ авторъ, по его собственнымъ словамъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ, главную помощь для бібліотека Софійскаго храма въ Константиновившаяся богатствомъ рукописей ⁴⁾.

историческій трудъ Никифора. Въ началѣ вніи авторъ говоритъ о пользѣ и значеніи е, церковной въ особенности, о побужденіяхъ и начертываетъ конспектъ его. ⁵⁾. Нельзя эти разсужденія Никифора для нашего времени сазаться очень обыкновенными. Тѣмъ не менѣе рика заслуживаютъ вниманія: они по крайзываютъ, что онъ писалъ исторію, руководимыми мотивами, чего далеко нельзя утверждатьно многихъ церковныхъ историковъ болѣе ни.

Вмѣ Никифоръ Каллистъ дѣлаетъ краткіе совно-историческихъ трудахъ его предшест-

Historia, lib. I, cap. 1 (finis).
ать, что каталогъ Никифора, напечатанный у Миня (т. я лишь до втораго патріаршества Аеанасія (до начала звѣстенъ я такой экземпляръ этого каталога, который . Каллиста (Migne, t. 145, p. 551—552).
oria, lib. I, cap. I, p. 609.
oria, lib. I, cap. I, p. 604—605.

венниковъ—Евсевія, Сократа, Созомена, Эти отзывы обнаруживаютъ въ Никифорѣ цѣнителя церковно-исторической литературы, я думаю, что не всѣ церковно-историческіе предшественниковъ служатъ къ общей исторіе изъ этихъ послѣднихъ не во всеобщаго церковнаго ученія, и потому во многихъ могутъ быть признаваемы достовѣрными и правильность ихъ церковнаго ученія, ній, какія у нихъ были, подвергается сомнѣнію, что здѣсь, вѣроятно, идетъ рѣчь объ Евсеіи, Нѣкоторые изъ историковъ, продолжая падая отъ истинной вѣры, хотя потомъ и правый путь, однакожъ изъ нерасположенности они отдѣлялись, многіе въ своихъ стиляхъ, обошли молчаніемъ, и вслѣдствіе у своихъ читателей твердой вѣры въ и смотря на то, что отличались красноречіемъ, и не смотря на то, что они, ради любви ко Христу, причисляются къ исповѣданію, Никифоръ здѣсь говоритъ о Ѳеодоритѣ, принадлежавшемъ нѣкоторое время, но потомъ утвердившемся въ правотѣ преслѣдованіе за истину, и написавъ которой, вслѣдствіе своихъ симпатій и а стилъ очень многое. Въ частности о казавшихъ церковныхъ историковъ Никифоръ Каллистъ отзывы: „Евсеній Памфилъ рассказываетъ то, что происходило въ церкви отъ Константина Великаго включительно, и не дается чувствовать объ его ереси, т. е. нужно сказать, что нѣкоторые считаютъ на томъ основаніи, что онъ присутствовалъ вселенскомъ соборѣ, призналъ единосущность божества на тѣхъ, кто признавали Сына Божья, Ѳеодоритъ, который оспаривалъ соборъ, богоненавистный Филосторій (а) чистый по имени, но не по внутреннимъ

здѣсь намекается, что Сократъ, будто-бы, принадлежалъ къ сектѣ Новаціанъ называвшихъ себя—чистыми)—всѣ они началомъ для своей исторіи приняли конецъ церковной исторіи Евсевія и продолжали повѣствованіе до времени Θεодосія Младшаго. Они выбрали для своего разсказа, ужъ не знаю почему, одни и тѣ-же предметы и времена. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ они отступаютъ одинъ отъ другаго и каждый разсказываетъ споры епископовъ такъ, какъ они ему представлялись; у cadaго изъ нихъ много новаго; о чемъ не разсказывали другіе изъ числа ихъ. Вслѣдъ за этими историками занимались составленіемъ историческихъ трудовъ Θεодоръ Чтецъ изъ Византіи и Евагрій ¹⁾, которые, оставивъ безъ вниманія времена прежнія, разсказывали событія своего времени и вѣроятно страшились трудности описывать цѣлую исторію“. Въ заключеніе рѣчи о своихъ предшественникахъ, Никифоръ дѣлаетъ еще такое замѣчаніе: „всѣ они разсказываютъ много такого, что несообразно съ цѣлями историческими и напротивъ проходятъ молчаніемъ много важнаго: случалось это или отъ того, что историки были пристрастны или боялись разсказывать о всемъ, такъ какъ пришлось-бы разсказывать и недостойное о комъ-либо; вслѣдствіе чего, они не могли писать съ той свободой, съ какой можно писать о дѣлахъ протекшихъ въ настоящее время (XIV в.). Такой-то свободой я и воспользуюсь въ своемъ трудѣ“ ²⁾, заявляетъ о себѣ историкъ. Изъ этихъ отзывовъ и замѣчаній Каллиста о церковно-исторической литературѣ прежняго времени видно, что онъ принимался за свое дѣло очень серьезно и былъ достаточно подготовленъ къ нему.

Послѣ характеристики церковной исторіографіи Каллистъ описываетъ задачу и объемъ его предназначаемаго труда. „Всѣ церковные историки, взятые вмѣстѣ, изображали исторію церкви за первые шесть вѣковъ (не полныхъ), но до сихъ поръ никому еще не пришло на мысль описать цер-

---

¹⁾ О церковныхъ историкахъ,—упоминаемыхъ Никифоромъ,—Евсевіи, Сократъ, Созоментъ, Θεодоритъ и др. можно читать въ моемъ сочиненіи: „Церковная Исторіографія отъ IV-го до XX вѣка“. М. 1898.

²⁾ Сар. I, р. 605--608.

ковныя событія послѣдующихъ вѣковъ чтобы и предыдущія событія связать съ изъ разсказа о тѣхъ и другихъ одно цѣло понимаю отчего это случилось: отъ косн отъ того, что задача казалась слишкомъ велика въ самомъ дѣлѣ, историческіе факты изъ многихъ и различныхъ сочиненій, такъ читать ихъ и удерживать въ памяти. И вотъ себѣ историкъ, употребилъ много времени чтобы познакомиться со всѣми этими материалами ихъ обработать исторію какою однимъ сочиненіемъ. И первѣе всего: что я скажу прежде меня, то и я перескажу, но излишнее и бесполезное у нихъ выпущу: и полезному дамъ соответствующее мѣсто сочиненій не достаетъ — пополю, приму выпущенное другимъ занесу на страницы приму на себя задачу различныя религіозныя оцѣнять сообразно той нормѣ, которая церкви: неподлинному и ложному противопоставлю и здравое ученіе. Къ этому разсказу историковъ — заявляетъ авторъ — я присоединяю еще нѣкоторые не описанные и нашего вѣка. Я надѣюсь что моя исторія для читателя, изъ нея, какъ изъ обильнаго источника можетъ почерпнуть нужное. Въ настоящее время трудно добывать столь многія церковно-историческія сочиненія, если хотимъ ознакомиться съ церковною исторіею. Различіе стиля и количество историческихъ фактовъ неудобнымъ ихъ чтенію. Иное дѣло — одно сочиненіе однимъ стилемъ и въ одномъ тонѣ, будетъ мое сочиненіе; его будетъ легко читать оно будетъ представлять собою связанный цѣло. Я думаю, что моя исторія настолько восходитъ другія, насколько цѣло важнѣе полное сочиненіе преимуществуетъ предъ

---

¹⁾ Сар. I, р. 609.

Хотя Никифоръ ясно высказывалъ намѣреніе написать церковную исторію до своего времени, но такой полной исторіи этого автора не существуетъ. До насъ дошло описаніе Никифоромъ церковныхъ событій, простирающееся до смерти Византійскаго императора Фоки (начало VII-го вѣка) въ XVIII книгахъ. Было-ли написано Никифоромъ еще что-либо въ видѣ продолженія указаннаго труда — неизвѣстно. Одно обстоятельство могло-бы склонять къ мысли, что Никифоръ продолжилъ свой трудъ, но это обстоятельство, какъ увидимъ, сомнительнаго значенія и не можетъ проливать настоящаго свѣта на вопросъ. Нужно сказать, что для болѣе ясной пониманія содержащагося въ XVIII книгахъ его исторіи, Никифоръ приложилъ конспектъ этого содержания. Но кромѣ этого конспекта сохранился еще другой конспектъ, заключающій перечень содержанія дальнѣйшихъ книгъ той-же исторіи, именно: XIX — XXIII книги, — до смерти императора Льва Мудраго (начало X-го вѣка). Возникаетъ вопросъ: не написалъ-ли Никифоръ продолженія своего сочиненія (по крайней мѣрѣ до X-го вѣка), — продолженія, которое потомъ затерялось? На этотъ вопросъ, впрочемъ, едва-ли можно дать другой отвѣтъ, кромѣ отрицательнаго. Издатели церковной исторіи Никифора сомнѣваются въ томъ, чтобы указанный добавочный конспектъ произошелъ отъ самого историка XIV вѣка ¹⁾. Никифоръ Баллисъ самъ даетъ руководящую нить, при пособіи которой легко опредѣляемъ, что именно написано этимъ авторомъ: во первыхъ, онъ оставилъ ясный конспектъ, изъ котораго открывается, что онъ дѣйствительно написалъ XVIII книгъ; во вторыхъ, какъ-бы во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, историкъ снабдилъ свои XVIII книгъ акростихомъ. Если мы прочтемъ первые буквы этихъ XVIII-ти книгъ его исторіи, то получимъ и имя автора и указаніе на число книгъ, написанныхъ этимъ авторомъ: Νικηφόρου Καλλιόστου=18 буквамъ, обозначающимъ объемъ сочиненія

¹⁾ Издатели предъ вторымъ конспектомъ дѣлаютъ замѣтку: „конспектъ пяти послѣднихъ книгъ (XIX—XXIII), кажется, принадлежитъ другому автору“. Migne, *ibid.*, I, p. 617.

въ книгахъ ¹⁾). Въ виду этого, второй конспектъ нужно признать какою-то неразгаданною случайностію. Тѣмъ не менѣе остается открытымъ вопросъ, почему Никифоръ, написавшій извѣстныя намъ XVIII книгъ въ цвѣтущемъ возрастѣ и дожившій до преклонныхъ лѣтъ, не довелъ до конца или по крайней мѣрѣ не продолжилъ своего труда?

Скажемъ о качествахъ и достоинствахъ Церковной Исторіи Никифора Каллиста. Значеніе исторіи Никифора опредѣляется не тѣмъ, что онъ былъ продолжателемъ своихъ предшественниковъ: какъ продолжатель ихъ описаній онъ сдѣлалъ весьма немногое, — но иными сторонами и главнымъ образомъ универсальностію своего историческаго плана. Именно, изъ трудовъ предшественниковъ, описавшихъ лишь отдѣльные краткіе періоды церковно-исторической жизни, онъ захотѣлъ составить одно цѣлое, непрерывное историческое повѣствованіе, связанное единствомъ плана, стиля, тона; вслѣдствіе этого трудъ Никифора долженъ былъ подчинить себѣ труды предшествовавшихъ историковъ въ качествѣ простыхъ матеріаловъ. Онъ предпринимаетъ начертать полную исторію, сочиненіе монументальное, о какомъ еще до сихъ поръ никто не думалъ. Не смотря на то, что исторія Каллиста весьма далека отъ законченности, въ ней впервые высказывается идея о необходимости общей исторіи такого рода, которая обхватывала-бы собою все предыдущее теченіе католической церкви. Стремленіе это, какъ само по себѣ понятно, должно было породить для историка такія задачи, какихъ не знали историки временъ прежнихъ. Надлежало рассказы этихъ давнихъ историковъ, описывавшихъ болѣе или менѣе краткіе періоды, а потому естественно дававшихъ слишкомъ много мѣста частностямъ, — надлежало рассказы ихъ въ иномъ случаѣ сократить, иное, что мало относилось къ дѣлу, и вовсе выкинуть; и вообще частное и разрозненное подчинить единству цѣлаго сообразно той общей точкѣ зрѣнія, какую нужно было провести въ трудѣ. Въ этой-то собственно ломкѣ стараго зданія съ цѣлью воздвигнуть но-

цное и гармоническое, и состоитъ интересъ исторіи ¹⁾).

исторіи Никифоромъ отличается, по общему и достоинствами. Не смотря на растянутость по мѣстамъ, оно признается изящнымъ и литературнаго вкуса. Въ свое время Ники- „церковнымъ Фукидидомъ“. Такъ какъ Кал- иль свою исторію на основаніи готовыхъ нечно она носитъ компилятивный характеръ. о-бы знать, въ какой мѣрѣ и какъ перера- фформъ имѣвшійся въ его распоряженіи ма- такой трудъ еще никто не принимался въ отчасти это можно объяснить сложностію руда: исторія Никифора занимаетъ въ изданіи ухъ томовъ, — а отчасти опасеніемъ мало- ты... Впрочемъ попытки сличенія нѣкоторыхъ сочиненія съ соотвѣствующими источниками въ наукѣ, и нужно сказать, что эти по- видѣтельство о большой тщательности Ни- исполненіи имъ своего дѣла. Мы разумѣемъ ытку нѣмецкаго ученаго Иеппа ²⁾. Что ка- ности историческихъ воззрѣній и сужденій го греческаго автора, его умѣнья отличать истиннаго и быть достовѣрнымъ повѣство- то иногда въ этомъ отношеніи ставили очень обзывали именемъ „Плинія теологовъ“ ³⁾.

ochen der kirchl. Geschichtschreibung, S. 33—34 (Tübing. впрочемъ не придаетъ особеннаго значенія универсаль- горического плана Каллиста и находить, что Бауръ аетъ указанную заслугу церковнаго историка XIV вѣка 1. d. Byzant. Litterat., s. 291. Münch., 1897). енный взялъ на себя трудъ сравнить тринадцатую книгу иниками и даетъ возможность приходить къ выводу, что ка носить сложный, а потому не легкій трудъ. Напр., й книги Каллистъ беретъ матеріалы изъ слѣдующихъ ла изъ „Жизни“ Златоуста, написанной патріархомъ ірійскимъ, затѣмъ изъ Созомена, потомъ опять изъ ь Палладія, жизнеописателя Златоуста, и Георгія, по- зомена, наконецъ изъ „Жизни“ св. Олимпіады, напи- Сергія. — Jeer. Quellenuntersuchungen zu den Kirchenhi- i. (Приведенное мѣсто: s. 104) Leipzig, 1884. bricio. Migne, tom. 145, p. 549.

Но подобный приговоръ чересчуръ жестокъ. То правда, что Бароній, при разныхъ случаяхъ, указываетъ много ошибокъ у Никифора, зависящихъ отъ его легковѣрія. Тѣмъ не менѣе ставитъ очень низко способность нашего автора къ изученію исторіи — нѣтъ основаній. И въ настоящее время на защиту достовѣрности и историческихъ способностей Никифора выступаютъ даже такіе ученые, которые вообще не склонны хвалить разсматриваемаго историка ¹⁾. Случается даже, что иной цѣнитель Никифора готовъ бываетъ преувеличивать достоинства того же писателя ²⁾. Въ числѣ характеристическихъ чертъ разбираемой исторіи не послѣднее мѣсто занимаетъ то, что Каллистъ въ своемъ трудѣ носитъ слѣды того отчужденія, какое утвердилось между восточною и западною церковью въ то время, когда писалъ авторъ. Такъ Каллистъ есть по преимуществу историкъ церкви греческой и ея судьбы, вслѣдствіе этого онъ оставляетъ почти сомѣль въ сторонѣ исторію церкви римской. Упомянувъ о самыхъ незначительныхъ представителяхъ ереси монофизитской на Востока, онъ проходитъ полнымъ молчаніемъ извѣстные споры Пелагіанскіе на Западѣ. Это отчасти зависѣло отъ того, что языкъ латинскій и литература этого языка совершенно не изучались на Востока: латинскій языкъ и западная ересь представлялись грекамъ почти синонимами ³⁾. Для историка восточной церкви исторія Никифора важна въ двоякомъ отношеніи: съ одной стороны Каллистъ слѣдитъ не за одними внѣшними отношеніями церкви, но и обращаетъ особенное вниманіе на догму, на догматическіе споры, на исторію іерархій; съ другой стороны онъ довольно сохранилъ цѣнныхъ свѣдѣній изъ V-го и VI-го вѣка, въ особенности изъ эпохи царствованій Юстина и Юстиніана у него много такихъ свѣдѣній, какихъ не встрѣчается у другихъ историковъ ⁴⁾.

¹⁾ Gaes. Nicephorus Callist: Herzog-Hauck. Encykl. B. X, s. 538.

²⁾ Stäudlin. Geschichte per Kirchengeschichte, s. 124. Hannov. 1827.

³⁾ Vast. Le cardinal Beasaron, p. 18. Paris, 1878.

⁴⁾ Къ исторіи Каллиста почему-то очень подозрительно и пренебрежительно относятся Крумбахеръ (S. 211). Онъ говоритъ: «есть вѣщо (малочисл.) указывающее, что Каллистъ лишь переработалъ чужой трудъ, со-

въ настоящее время ученый міръ и любители духовнаго просвѣщенія имѣютъ удовольствіе читать и изусторію Никифора Каллиста, то этимъ они обязаны той случайности. Дѣло въ томъ, что „исторія“ Никифора сохранилась въ одномъ и единственномъ рукописномъ экземпляръ, который находился въ первое время въ венгерской библіотекѣ, но и этотъ экземпляръ чуть не палъ жертвой варварства: турецкія войска, опустошивъ Венгрію при Матѳеѣ Корвинѣ, въ числѣ добычи взяли и рукописный кодексъ исторіи Никифора и отнесли его для продажи въ Константинополь; къ счастью, его купилъ какой-то христіанинъ. Въ настоящее время кодексъ хранится въ императорской Вѣнской библіотекѣ¹⁾.

Въ „Церковной Исторіи“ Никифоръ составилъ сочиненіе, руководствующее при изученіи исторіи—два каталога: одинъ императоровъ и Византійскихъ-же патріарховъ до своего времени. Каталогъ императоровъ начинается Константиномъ Великимъ и оканчивается Андреемъ III или Младшимъ и изложенъ въ ямбическихъ стихахъ. Каталогъ Константинопольскихъ патріарховъ начинается апостоломъ Андреемъ, котораго Византійцы считали первымъ епископомъ, и оканчивается, какъ упомянуто выше, вторымъ патріаршествомъ Аѳанасія²⁾. Написанъ имъ на греческомъ языкѣ. Этотъ каталогъ не есть простой перечень именъ и хронологическихъ датъ; въ немъ сообщаются краткія свѣдѣнія о патріархахъ и дѣлаются попытки характеризовать ихъ. Къ сожалѣнію, характеристики патріарховъ, данныя историкомъ на основаніи личныхъ наблюденій и слуха, по нашему мнѣнію, не отличаются особой точностію. Такъ, напр., патр. Аѳанасія, ко-

¹⁾ Кѣмъ-то въ началѣ X-го вѣка и выдалъ его въ свѣтъ, безъ имени автора, подъ своимъ именемъ (!). Но въ чемъ заключается его (маршес) остается не разъясненнымъ.
²⁾ Titia ex Fabricio. Migne, tom. 145, p. 519.
³⁾ Ibid., p. 551. Самый каталогъ императоровъ, впрочемъ, намъ не известенъ.

Второй патріархъ заканчивается, но крайней мѣрѣ, тотъ каталогъ, отпечатанъ у Миня (tom. 147, p. 450—468).

торого онъ могъ лично знать, Никифоръ характеризуетъ какъ человѣка, котораго народъ за деспотизмъ лишилъ каеэды — характеристика едва-ли справедливая; другаго патріарха, съ именемъ Іоанна Созопольскаго, о которомъ нашъ историкъ могъ имѣть точныя свѣдѣнія, онъ чрезмѣрно похваляетъ, признавая его „миролюбивѣйшимъ и кротчайшимъ“ и именуя его „Божіимъ члѣвомъ“, а между тѣмъ по извѣстіямъ другихъ историковъ, обстоятельно изобразившихъ его, Іоаннъ былъ совсѣмъ не таковъ. Во всякомъ случаѣ каталогъ патріарховъ, составленный Никифоромъ, пользуется нѣкоторымъ значеніемъ въ церковно-исторической наукѣ.

4.—Считаемъ нужнымъ обозрѣть еще одинъ видъ церковной литературы и послѣдній.

Нѣкоторые талантливые богословы изучаемой нами эпохи съ особенною чуткостію отзывались на потребности времени; ясно видѣли нравственные недуги современныхъ христіанъ и хотѣли врачевать эти недуги; раскрывали идеалы христіанской жизни и указывали пути, которыми слѣдуетъ идти къ достиженію такихъ идеаловъ. Словомъ, мы хотимъ сказать о богословахъ практикахъ по преимуществу. Сочиненія ихъ относятся къ той области знанія, которая называется христіанской аскетикой.

Видное мѣсто между богословами-практиками занимаетъ Евстаѣій митрополитъ Ѳессалоникскій, XII вѣка ¹⁾.

Жизнь Евстаѣія падаетъ на слѣдующія царствованія: Мануила Комнина, Андроника Комнина, и Исаака Ангела. Онъ сначала былъ простымъ монахомъ, затѣмъ исполнялъ должность діакона въ Софійскомъ храмѣ въ Константинополѣ и проходилъ должность учителя краснорѣчія. Въ 1174 году онъ сдѣланъ былъ митрополитомъ Ѳессалоник-

¹⁾ Объ Евстаѣіи нѣтъ нужды говорить подробно, такъ какъ и его личность и его сочиненія обстоятельно разсмотрѣны въ нашей литературѣ, въ слѣдующихъ статьяхъ: Архим. Арсенія (Евстаѣій, митр. Солунскій. „Духовн. Вѣстн.“, 1866, т. 15. Намъ, впрочемъ, извѣстна только вторая половина статей почтеннаго изслѣдователя.) и г. Говорова (Евстаѣій, митр. Солунскій, писатель XII в. „Прав. Собесѣд.“, 1883, ч. I—III). Въ иностранной литературѣ личность и труды Евстаѣія лучше всего, кажется, изображены Неандеромъ (Neander. Wissenschaftliche Adhandlungen, S. 6—21. Berlin, 1851).

скимъ. Евстаѳіа называютъ: „интересною и достойною уваженія личностію“, и думаютъ, что въ Византійской имперіи, когда жилъ онъ, едвали можно указать другаго кого, кто равнялся бы съ Евстаѳіемъ по умственнымъ и нравственнымъ качествамъ ¹⁾. Современники высоко ставили Евстаѳіа. Такъ Михаилъ Акоминатъ, митрополитъ Аѳинскій XII-го вѣка, человѣкъ очень образованный, въ такихъ словахъ описывалъ смерть Евстаѳіа: „Увы, совершилось печальное для всего міра событіе. Пересталъ существовать одинъ свѣтильникъ житія, одинъ пламенникъ слова, одинъ великій свѣтъ міра, одинъ солнечный лучъ, озарявшій наше священство“ ²⁾. Евстаѳій умеръ въ 1194 году или нѣсколько позже.

Ознакомимся съ нѣкоторыми наиболѣе интересными его сочиненіями. Прежде всего отъ него сохранилось до насъ небольшое, но любопытное сочиненіе подъ заглавіемъ: „О лицемѣріи“ (De simulatione). Лицемѣріе, на ряду съ нѣкоторыми другими національными пороками, было однимъ изъ тяжкихъ золъ, отличавшихъ современниковъ Фессалоникскаго архипастыря. Больше всего и сильнѣе всего это зло утвердилось въ средѣ монашества. На борьбу съ этимъ-то важнымъ недостаткомъ и выступилъ Евстаѳій въ вышеупомянутомъ сочиненіи. Свое сочиненіе онъ начинаетъ замѣчаніемъ о томъ, что и въ древности было лицемѣріе — ὑπόκρισις, т. е. драма, но это лицемѣріе или лицедейство служило на пользу человѣка. „Черезъ это искусство, говоритъ авторъ, можно было изучать различные перевороты судьбы, великое разнообразіе характеровъ и событій въ жизни. Такимъ способомъ древніе начертывали живой и дѣйствительной образъ и добродѣтели, и порока, чтобъ можно было стремиться къ первой и избѣгать второго. Тогда лицедей-актеръ былъ учителемъ всѣхъ добродѣтелей, выводя на сцену образы пороковъ не для того, чтобы вводить ихъ въ жизнь, а для того, чтобы научиться

¹⁾ Herzog-Hauck. Encykl. B. V, Art. Eustathius (Gass'a). Изд. 2-е.

²⁾ Еписк. Порфирій. Проповѣдники въ Греціи (приведенныя слова взяты этимъ авторомъ изъ рукописи). Труд. Кіев. Дух. Акад. 1880, т. I, стр. 639.

ихъ. иасѣгать. Роль была лицемѣремъ, но за то актеръ былъ учителемъ истины. Затѣмъ, сказавъ нѣсколько словъ о сатирѣ и комедіи, которымъ Евстацій не придавалъ большого значенія, онъ переходитъ къ описанію лицемѣрія въ собственномъ смыслѣ, какъ оно выражалось въ жизни его времени и восклицаетъ: „по моему, лучше быть пьянымъ, чѣмъ лицемѣрно, надримѣръ, поститься; я не знаю, есть ли кто либо, кто ненавидѣлъ бы такъ лицемѣріе, какъ ненавижу его я“ ¹⁾. Евстацій раскрываетъ, какъ лицемѣріе проникаетъ въ жизнь семейную и общественную, приводя изъ исторіи примѣры, свидѣтельствующіе, сколько зла надѣлало лицемѣріе, обманъ и прельщеніе; затѣмъ въ рѣзкихъ чертахъ описываетъ лицемѣріе, которое онъ встрѣчалъ въ особенности среди тогдашняго монашества. Евстацій говоритъ о монахахъ своего времени слѣдующее: „они умѣютъ поддѣлывать все, даже самую походку, передвигаясь подобно старому чедовѣку, у котораго зудитъ тѣло, точно отъ муравьевъ, и стараюсь показать, что они потеряли силы и чуть чуть не умираютъ отъ крайняго воздержанія. Однакожъ, руки ихъ, упитанныя и толстыя, плохо служатъ имъ въ этой роли, потому что всего менѣе способны вызвать представленіе о мужѣ добродѣтели. Если лице аскета представляется упитаннымъ, какъ и руки, не въ согласіи съ добродѣтельной маскою, то у него всегда въ распоряженіи охра, пользоваться которою онъ умѣетъ очень искусно. Даже глаза, благородное зеркало души, свѣтильникъ тѣлу, украшеніе лица, даже и глаза лицемѣръ дѣлаютъ негодною вещь, постоянно жмуря, закрывая и закатывая ихъ подъ лобъ, какъ солнце подъ облака“ ²⁾. „Равнымъ образомъ аскетъ не позволяетъ и языку своему отпирать естественную его обязанность, наблюдая больше всего такъ называемое пифагоровское молчаніе. Если ему угодно говорить, то онъ просопитъ что то на подобіе ночной совы, такъ что трудно его кому либо и понять. А если онъ и скажетъ что-либо членораздѣльное, то такъ тихо,

¹⁾ De simulatione, cap. 1—3, 9—10. Migne Gr. tom. 136, p. 373—376, p. 380.

²⁾ Ibid., cap. 27, p. 396.

какъ будто бы онъ боится умереть отъ усилій. Да и какъ же иначе выказать свое подвижничество, какъ не полной потерей способности говорить, восклицаетъ иронически Евстаѣій. Невѣжественный человѣкъ чрезъ подобныя продѣлки, по словамъ автора, хочетъ скрыть свое невѣжество, ибо эти люди совершенно необразованны; они молчатъ или мало говорятъ, потому что они не хотятъ обнаружить своей пустоты. Мудрые монахи, люди науки, мужи добродѣтели, имѣющіе наклонность къ благу образованія, замѣчаетъ Евстаѣій, наоборотъ, упражняютъ свой языкъ, облагораживаютъ свою рѣчь и своими полными глубокими мыслями проповѣдями веселятъ грады Божіи¹⁾. Продолжая характеризовать монашеское лицемѣріе своего времени, авторъ пишетъ: „въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти лицедѣи добродѣтели неистовствуютъ даже противъ собственнаго тѣла. Они слегка надрѣзываютъ въ томъ или другомъ мѣстѣ свое тѣло ножамъ, другіе же до мяса и крови обрѣзываютъ ногти; дѣлающіе это, морочатъ тѣхъ, кто ихъ видитъ — дѣтей или крестьянъ; притомъ они распространяютъ молву, что будто эти раны нанесены имъ во время ночной молитвы злыми демонами. Подобнаго рода обманы они допускаютъ съ цѣлію прослыть за святыхъ, а вмѣстѣ и затѣмъ, чтобы подъ видомъ лекарственныхъ средствъ, для внутренняго и внѣшняго употребленія, получить отъ благотворителей вино и масло“. Извлеченіе выгоды изъ всего — вотъ на что обращено все ихъ вниманіе. „Я уже оставляю въ сторонѣ подвижниковъ (замѣчаетъ Евстаѣій), которые днемъ носятъ на голомъ тѣлѣ желѣзные вериги, а ночью, чтобы поудобнѣе было покоиться, сбрасываютъ съ себя эту тяжесть, или которые намазываютъ себѣ животъ вокругъ прилегающаго желѣза кровію, чтобы подумали, будто желѣзо разъѣло тѣло у аскета такъ, что онъ началъ истекать кровію. Вотъ каковы эти мужи крови, по выраженію Псалмопѣвца“²⁾.

Монахи и обличенія, направленные противъ нихъ, занимаютъ первенствующее мѣсто и въ нѣкоторыхъ другихъ со-

¹⁾ Ibid., cap. 28, p. 397.

²⁾ Ibid., cap. 35, p. 404.

чиненіяхъ Евстаѳіа. Такъ до насъ сохранилось его довольно большое сочиненіе подъ заглавіемъ: „Обозрѣніе жизни монашеской съ точки зрѣнія требующихся въ ней улучшеній“. (De emendanda vita monachica). Вотъ главные мысли этого сочиненія. Въ началѣ сочиненія авторъ показываетъ истинную задачу жизни монашеской, какъ эта задача открывается изъ обряда посвященія въ монахи, и затѣмъ переходитъ къ описанію различныхъ недостатковъ, вкрапившихся въ жизнь монашескую. Онъ порицаетъ въ нихъ гордость. „Нѣкоторые изъ нихъ, говоритъ Евстаѳій, тяготеютъ принимать благословеніе отъ архіерея, считая себя, по неразумію, выше его“¹⁾. Особенно онъ нападаетъ на то, что монахи, на словахъ являясь подвижниками, въ дѣйствительности однакожъ были совсѣмъ мірскими людьми. Евстаѳій пишетъ: „вотъ великій схимникъ, умершій для земли, какъ самъ исповѣдывалъ при посвященіи, и это онъ доказываетъ нежеланіемъ жить естественно и дѣлать передвиженіе по требованію надобности; онъ сажаетъ себя на животныхъ подъяремныхъ и несется на вереницѣ безсловесныхъ. Конечно, не все же тебѣ топтать землю, нужно прокатиться и по дорогѣ“, говоритъ саркастически Евстаѳій о схимникѣ. „Длинный путь заставляетъ его сѣсть на коня, и приличная важность, свойственная святому человѣку, который долженъ-же имѣть величественный видъ, чтобы не походить на мужика. Нужно-же позаботиться, чтобы монаху великаго образа не представиться въ неприличномъ или въ пошломъ видѣ для невѣждъ, или инымъ образомъ не сдѣлаться предметомъ людскихъ толковъ. И этотъ рабъ Божій не прочь посмѣяться, если случится что веселящее; и пріятно онъ поглядываетъ и привлекаетъ вниманіе сладостію рѣчей своихъ, и безъ застѣнчивости смотритъ съ яснымъ лицомъ, подражая, должно быть, красному добротою Господу нашему“²⁾. Съ такимъ же сарказмомъ Евстаѳій описываетъ упитанность монаховъ и ихъ хозяйственныя способности. Евстаѳій пишетъ: „когда кто нибудь тощій, словно высушен-

¹⁾ De emendanda vita monachica, cap. 8. (Migne, Gr. tom. 135, p. 733).

²⁾ Ibid. cap. 27—29, p. 749—752.

ный солнцемъ, по вступленіи въ монашество, жирѣетъ и толстѣетъ, и расширяется, превосходя въ этомъ отношеніи даже откормленныхъ въ особыхъ мѣстахъ животныхъ, и не ограничиваясь собственною плотію, утучняется и въ денежномъ отношеніи, то назовемъ-ли мы такого монахомъ, а не скорѣе-ли откормленнымъ быкомъ или упитаннымъ тельцомъ.¹⁾ Нѣкоторые монахи тѣмъ только и прославились, по замѣчанію правоописателя, что умѣли наживаться. Съ особенною ѣдкостію онъ обличаетъ ловкихъ распорядителей монастырскимъ имуществомъ, которые и сами воруютъ, и убогаторворяютъ своихъ духовныхъ отцевъ и воровствомъ стяжаютъ благословенія и похвалы. Приведемъ одну тираду, которая вполнѣ разъясняетъ сейчасъ указанныя мысли Евстаѳіа. „Кто приходитъ къ вамъ, живописуетъ авторъ, тотъ вмѣсто того, чтобы научиться скромности, разумности, благоприличію и всякой доброй наукѣ, уходитъ не получивъ отъ подвижниковъ какой-либо другой пользы, кромѣ одного мірскаго знанія, притомъ не какого-либо благороднаго знанія, а совершенно пошлаго. Напримѣръ, (выберемъ изъ многихъ примѣровъ немногіе): какимъ способомъ и какъ долго можно сохранять жито, и въ какое время можно продать его дороже? Гдѣ можно сдѣлать двойной его запасъ по надлежащей или что то же по дешевой цѣнѣ, чтобы совершить выгодный оборотъ и получить барышъ и отъ этой покупки? Какіе возможны подобнаго рода обороты относительно вина? Винныя выжимки слѣдуетъ сберегать, потому что онѣ пригодятся на милостыню просящимъ ея, и особенно слѣдуетъ хранить отруби, потому что и онѣ хороши такимъ людямъ для прокормленія во время голода. Такой-то братъ, хозяйничающій въ такомъ-то помѣстьѣ монастырскомъ, возбуждаетъ подозрѣніе, — продолжаетъ Евстаѳій, — нужно обойти его ловкимъ образомъ, чтобы не одинъ кормился оттуда. И вотъ усиленнымъ образомъ усчитывается управитель; и если онъ ничего не имѣетъ, то осуждается какъ простякъ, добрякъ и глупецъ; а если будетъ открыто, что нѣчто имѣетъ и если какъ нибудь тѣмъ не подѣлился,

¹⁾ Ibid. cap. 61—62, p. 781.

когда у него потребуютъ, то его топчутъ и рвутъ самымъ жесточайшимъ образомъ, и то, что выжмутъ изъ него, то не причисляется къ монастырскому имуществу, но дается великому отцу (игумену) и слѣдующимъ за нимъ избранныкамъ, что называется лучшимъ старцамъ“ ¹⁾). Многие современные Евстаеію монахи очень хлопотали о чудесности въ своихъ обителяхъ, часто говорили о собственныхъ своихъ видѣніяхъ; будучи сами сыты, толковали о духовномъ насыщеніи и утѣшеніи добродѣтелю. Евстаеій сообщаетъ любопытныя извѣстія о томъ, какъ монахи старались привлекать въ свои обители людей побогаче, и какъ поступали съ ними потомъ, когда почти всѣ деньги ихъ переходили изъ ихъ рукъ въ собственность монастырской братіи. Монахи, при видѣ своей будущей жертвы, распространялись о неусыпномъ своемъ бдѣніи, о томъ, какъ насыщеніе служить помѣхою дѣятельности. Разсуждая такъ, они привлекали въ монашество какого-либо состоятельнаго человѣка; и когда этотъ новоначальный монахъ выставлялъ предъ ними свои немощи и трудности подвига, тогда ведутъ другую рѣчь о святости безъ труда, о спасеніи безъ подвига, объ улаженной дорогѣ въ рай и т. д. Затѣмъ монахи, подъ разными предлогами, очищаютъ пазуху пришельца, расхищаютъ его достояніе и имѣнія, предоставляя бѣдному голодать и нуждаться, прежде чѣмъ онъ утвердился въ подвигѣ. Если-же онъ какъ-нибудь выскажетъ ропотъ, монахи тотчасъ набрасываются на него и кричатъ: „и что ты за человѣкъ? какая въ тебѣ сила? какая отъ тебя польза?“ и грозятъ несчастному лишеніемъ всего, что онъ еще пока имѣетъ, начнутъ ссылаться на церковныя правила и достойный уваженія церковный уставъ, по которому каждый изъ братіи обязанъ быть постыжательнымъ, хоть сами они обременены стяжаніями“ ²⁾). „Вотъ уловки, посредствомъ которыхъ наши мудрые практики уловляютъ человѣка богатаго, способнаго поддаться на удочку, восклицаетъ Евстаеій. Они залучаютъ даже и бѣднаго, продолжаетъ свою рѣчь обличитель, часто и его тоже не совсѣмъ по доброй

¹⁾ Ibid., cap. 117, p. 824—825.

²⁾ Ibid., cap. 120—121, p. 828.

волѣ; а если у него есть одно жилище, хотя-бы только похожее на шалашъ, но расположенное на удобномъ мѣстѣ, то еще и съ какими хлопотами: и чего они не выдѣлываютъ потомъ надъ нимъ и чрезъ него! Надъ нимъ—потому что этотъ человѣкъ не найдетъ у нихъ себѣ отдыха во всю жизнь; пренебрегаемый, унижаемый, презираемый онъ выносить все то, что испытываютъ бездомные люди отъ господъ, которые, вслѣдствіе излишества, доходятъ до полного къ нимъ презрѣнія. Чрезъ него—потому что монахи, усѣвшись подлѣ, строятъ затѣмъ засаду, то противъ сосѣдняго съ бѣдною хижиною виноградника, то противъ поля; они поджидаютъ удобнаго случая захватить чужое жилище или лугъ, либо задавивъ сосѣдей, либо обманувъ ихъ. Такимъ образомъ, они расширяются на подобіе пламени, пожирающаго все близъ лежащее, не потому, чтобъ они имѣли какую въ томъ нужду, но чтобъ легче было скрывать свои грѣхи при неимѣніи вокругъ сосѣдей“! ¹⁾ Стяжательность монаховъ по словамъ Евстаѣя, простиралась такъ далеко, что обратилось въ насмѣшку самое имя монаха ²⁾.

Нелюбовь монаховъ къ образованію и наукѣ, какая замѣчалась у нихъ въ это-же время, служить также однимъ изъ главныхъ предметовъ обличеній со стороны Евстаѣя въ разсматриваемомъ сочиненіи. „Народъ этотъ—пишетъ Фессалоникскій архипастырь—не любитъ образованія. Когда появится и поселится въ ихъ обители человѣкъ, вкусившій мудрости, и они узнаютъ объ этомъ, тотчасъ ожесточаются. Вооружаясь гнѣвомъ, насмѣшкой и клеветами (потому что не могутъ-же совсѣмъ пожрать его, по примѣру Лестригоновъ Гомера), они выгоняютъ его изъ обители, говоря, что такой человѣкъ имъ бесполезенъ (потому что, вѣдь, монастырь по ихъ понятію, не нуждается въ грамотныхъ людяхъ), и отворяютъ ворота для дикости, доставляя невѣждамъ возможность пріобрѣтать ихнюю святость. Наши монахи, замѣчаетъ Евстаѣій, отдають предпочтеніе безграмотности, ссылаясь на выраженіе Псалмопѣвца: яко не

¹⁾ Ibid., cap. 123, p. 829.

²⁾ Ibid., cap. 43, p. 764.

познахъ книжная, вниду въ домъ Господень (Пс. LXX, 16) и самымъ несчастнымъ образомъ извращаютъ смыслъ словъ Давидовыхъ“. Обличенія Евстаѳіа пріобрѣтаютъ особенную силу, когда онъ говоритъ: „ничего ты, монахъ, не слышишь въ богословіи и попираешь всякую книгу, гдѣ-бы ты ни встрѣтился съ нею, если даже въ ней ничего не говорится о томъ, каковъ долженъ быть монахъ. И я думаю, для того ты гонишь и удаляешь отъ себя книги, чтобъ какъ нибудь онѣ не изобличили твоихъ дѣлъ. Ты и продаешь книги, барышничая этимъ дѣломъ. Ты подражаешь жидамъ, и хотъ самого Христа не можешь продать, но Его слова готовъ продать за самую ничтожную цѣну, за бездѣлицу. Ахъ ты невѣжда! восклицаетъ Евстаѳій. Зачѣмъ монастырскую библіотеку хочешь сдѣлать пустою, подобно своей душѣ? И не имѣя самъ никакихъ познаній, ты раззоряешь библіотеки. Оставь библіотекъ хранить въ себѣ драгоценности“ ¹⁾. „Нашъ монахъ, продолжаетъ свои укоризны Евстаѳій, не отвѣтитъ даже на вопросъ, что такое монахъ? Онъ не знаетъ его ни по собственному опыту, ни изъ книгъ, которыя нестерпимы для него, когда онъ даже видитъ только ихъ раскрытыми, какъ будто-бы предъ его взоромъ разверстая бездна“ ²⁾. Изъ собственныхъ наблюдений Евстаѳій приводитъ примѣръ нерадѣнія монаховъ о книгахъ и ихъ невѣжества. Услыхалъ онъ о замѣчательной рѣдкости, о древней рукописи творений св. Григорія Богослова, которая хранилась въ одномъ монастырѣ и славилась повсюду. Пошелъ и Евстаѳій сюда, спросилъ монаховъ о книгѣ, но они ему сказали, что книга хранится въ какомъ-то другомъ мѣстѣ. Не удовлетворившись этимъ, Евстаѳій обратился къ игумену монастыря—человѣку добродѣтельной жизни и грамотному и распранивалъ его: гдѣ книга? Игуменъ поднялъ кверху правую руку и началъ указательнымъ пальцемъ выводить круги по воздуху и не говорилъ ни слова. Когда-же Евстаѳій попросилъ божье яснаго отвѣта, то услышалъ, что „книга продана, да и къ

¹⁾ Ibid., cap. 127—128, p. 833. 835.

²⁾ Ibid., cap. 129, p. 837.

чему она?“ добавилъ спрашиваемый. Евстаѳій былъ выведенъ изъ себя этимъ отвѣтомъ, и съ упрекомъ сказалъ игумену: „послѣ этого, что-же нужно-то вамъ, достопочтенные монахи, если для васъ бесполезны такія книги?“¹⁾. Евстаѳій заявляетъ, что обличенія его возбуждали въ монахахъ гнѣвъ и ярость. „Если-бы захотѣлъ кто узнать, что за вещь монашеская месть съ ея ужасами, пусть онъ посмотритъ на монаха, когда епископъ позволить сдѣлать ему выговоръ за что нибудь. Въ одно мгновеніе онъ насупливается грозой гнѣва, реветъ, свирѣпствуетъ, бушуетъ, фыркаетъ, расширяетъ ноздри, сдвигаетъ брови, изрыгаетъ пламень, изображаетъ своей фізіономіею тучу, принимающую разные оттѣнки, причемъ всѣ эти видоизмѣненія сопровождаются громомъ бѣшенныхъ словъ. А что это за слова—еслибы кто послушалъ—когда монахъ возвращается въ свою келью! Горе и собрату его, если онъ, къ несчастію, подвернется ему въ эту минуту: расвиѣпившій, ни съ того ни съ сего набрасывается на него и обливаетъ его цѣлыми потоками словъ, чтобъ хоть на немъ сорвать гнѣвъ свой“²⁾. „Таковъ ихъ образъ жизни. Остается нѣчто еще болѣе грубое, покрытое болѣе густымъ слоемъ грязи—замѣчаетъ при одномъ случаѣ Евстаѳій,—но это могъ-бы избрать, говорить правоописатель, какой нибудь обличительный писатель предметомъ своего сочиненія; мы-же далеки отъ того на большое разстояніе, потому что мы держали и доселѣ рѣчь не для огорченія, а для исправленія, если еще возможно въ чемъ исправленіе для нынѣшнихъ людей. Таково, чтобы выразить все одной чертой, поведение этихъ монастырей—грубое, нелѣпое, нестройное, расходящееся со всѣми условіями приличія“³⁾.

Переходимъ къ разсмотрѣнію еще другаго сочиненія Евстаѳіева, гдѣ онъ высказываетъ мысли родственныя съ тѣми, какія сейчасъ приведены. Разумѣемъ его посланіе къ одному знаменитому столпнику того времени (*Ad stylitam*

¹⁾ Ibid., cap. 144, p. 849.

²⁾ Ibid., cap. 183, p. 888.

³⁾ Ibid., cap. 124, p. 829.

quemdam Thessalonicensem ¹⁾). Въ этомъ сочиненіи Евстаѣій показываетъ: въ чемъ должна заключаться задача христіанской жизни столпника и въ какомъ родѣ выражаться его христіанско-общественное служеніе. Онъ внушаетъ столпнику, что человѣку, взошедшему на столпъ, нужно быть высокимъ и по добродѣтели. Евстаѣій говоритъ: „хорошо носить желѣзо, какъ нѣкую броню, но особенно нужно облекаться въ то всеоружіе, о которомъ говоритъ апостолъ Павелъ и безъ котораго самыя вериги служатъ только во вредъ и тяжестію своею только влекутъ къ землѣ человѣка, думающаго стоять и носиться выше земли. Многихъ это желѣзо укрѣпило противъ мысленнаго врага, а многихъ ослабило, послужило имъ въ тягость и спутало. Сами по себѣ вериги не служатъ во спасеніе и не вредятъ; но по состоянію души, бываютъ то спасительны, то вредоносны. Все зависитъ отъ неліцемернаго настроенія души, стремящейся къ Богу. Берегись осуждать другихъ, высоко думать или говорить; пусть это желѣзо будетъ не только на тѣлѣ твоёмъ, но и въ глубинахъ души твоей“ ²⁾). Затѣмъ касательно общественнаго служенія столпника на пользу всѣхъ христіанъ, Евстаѣій разсуждаетъ: „подвижнику нужно служить на благо всего міра; сюда, т. е. къ столпу, приходятъ люди изъ разныхъ мѣстъ, различныхъ народностей, ученые и невѣжды, знатные и не знатные, здравомысленные и часто впадающіе во грѣхъ. Столпникъ долженъ быть, по примѣру апостольскому, „всѣмъ вся“, да всѣхъ пріобрѣщаетъ для Бога. Онъ не долженъ ласкательствовать, чтобы не пренебречь истиною, онъ не долженъ къ другимъ обращаться съ хвалою, чтобы не быть угодливымъ; но и не долженъ съ высоты столпа изливать рѣчей насмѣшливыхъ. Это манера не хорошая. Онъ можетъ принимать приносимые дары, но не для того, чтобы собирать сокровища и не для того, чтобы устроить себѣ прекрасное жилище, но для того, чтобы сдѣлаться центромъ благотворенія для бѣдныхъ“ ³⁾). — Есть и еще одно примѣчательное, по своему содержанію, на-

¹⁾ Migne, Gr. tom. 136, p. 217—263.

²⁾ Ibidem, cap. 33—34, p. 232.

³⁾ Ibidem, cap. 66, p. 253.

ставительное письмо (Иѳополца) Евстаѳіа къ клирику ¹⁾, который былъ близкимъ человѣкомъ къ Константинопольскому патріарху Михаилу Анхіалу и который, пользуясь своимъ положеніемъ, жилъ роскошно и держалъ себя гордо. Евстаѳій обличаетъ его, впрочемъ тогда, когда фортуна отвратилась отъ этого клирика. Письмо тѣмъ не менѣе остается интереснымъ, потому что даетъ понятіе о нравахъ того времени. Обличаемый клирикъ, когда живъ былъ тотъ патріархъ, расположеніемъ котораго онъ пользовался, довелъ роскошь въ своемъ жилищѣ до того, что разноцвѣтное одѣяло, похожее на разноцвѣтный лугъ, поражало своею красотою; оно подбито было даже не милетскою шерстью, которая такъ цѣнилась, а какимъ-то особымъ пушкомъ, который съ великимъ трудомъ собирался при цвѣтеніи одного растенія. Въ бавю онъ ходилъ набравши кучу пузырьковъ съ какими-то благовонными мастами. Онъ былъ предметомъ почета мірянъ и священниковъ, на пиршествахъ ему отводились первыя мѣста, при встрѣчѣ съ нимъ изъ почтенія сворачивали съ дороги и т. д.

Заслуживаютъ полнаго вниманія и проповѣди Евстаѳіа. Въ нихъ между прочимъ онъ съ усердіемъ развиваетъ мысль, что въ міру такъ же можно спастися, какъ и въ монастырѣ, и даже отчасти даетъ понять, что въ міру скорѣе спасешься, чѣмъ въ монастырской келліи. При оцѣнкѣ этихъ мыслей Евстаѳіа нужно помнить, что въ его время было общее убѣжденіе относительно монастырской келліи, какъ вѣрнѣйшаго пути ко спасенію души. Раскрытію указанной мысли посвящено похвальное слово св. Филоею (Laudatio sancti Philothei ²⁾). Проповѣдникъ говоритъ: „многимъ кажется превосходнѣйшею жизнь уединенная, когда человѣкъ не имѣетъ ничего и блюдетъ самого себя, а потому ищутъ мѣстъ уединенныхъ и пустынныхъ, иные укрываются въ пещеры и вѣдра земли и дѣлаютъ многое другое, чтобы избѣжать тревоженій жизни, не подвергать себя опасностямъ общественной, мірской жизни. А св. Филоей раз-

¹⁾ Migne, Gr. tom. 136, p. 1280—1286.

²⁾ Migne, Gr. tom. 136, p. 152—157.

смотрѣвши это и многое другое, тщательно взвѣсивши для себя выгоды и невыгоды жизни уединенной и мірской, разсудилъ вести добродѣтельную жизнь общественную. Онъ женился, имѣлъ дѣтей, былъ священникомъ, занимался хозяйствомъ и Богъ прославилъ его еще въ сей жизни“ ¹⁾. — Въ другой проповѣди тотъ-же Евстаѣій съ полною энергіею обличаетъ предразсудокъ, будто въ обыкновенномъ гражданскомъ быту нельзя быть благочестивымъ, преуспѣвать въ добродѣтели и угождать Богу. Вотъ слова оратора: „никто изъ живущихъ въ мірѣ, заботящихся о женѣ и занятияхъ дѣлами и хлопотами, пусть не говоритъ, что не можетъ, какъ монахи, отрeksiеся отъ міра и мірской жизни, трудиться для Бога. Губить человѣка такое безразсудное мнѣніе. Преклоняй колѣна, когда нужно и когда можешь, но особенно старайся быть добродѣтельнымъ и приобрѣтай всецѣло смиреніе. Смиреніе можетъ быть замѣною (монашескихъ) колѣнопреклоненій, которыя для мірянина не всегда удобны. Не можешь ты поститься? Ышь умѣренно безъ отягощенія, чтобы не разлѣниваться“ ²⁾. „Если вы—обращается онъ къ мірянамъ въ той-же проповѣди—вмѣсто аскетическаго подвига поднесете бѣдному для подкрѣпленія его силъ отрадный стаканъ воды, и въ особенности если прибавите въ этотъ стаканъ нѣсколько вина для утѣшенія сердца его, вы не имѣете нужды домогаться вершины добродѣтели—молитвы до поту. Этотъ сладкій стаканъ милостыни, это милосердіе замѣнитъ вамъ подвигъ молитвы до пота“. Здѣсь-жъ Евстаѣій въ гармоніи съ общимъ содержаниемъ проповѣди развиваетъ мысль, что не можетъ быть непріятна Богу „форма стоячаго положенія человѣка, какъ нѣчто болѣе цѣлесообразное и болѣе удобное къ дѣятельной жизни, чѣмъ колѣнопреклоненія“ ³⁾. Послѣдняя мысль не чужда нѣкоторой парадоксальности.

Въ одной изъ своихъ проповѣдей тотъ-же Евстаѣій ⁴⁾ раскрываетъ прекрасныя мысли о любви, какъ принад-

¹⁾ Oratio in psalmum XLVIII. Migne Gr. tom. 135.

²⁾ Ibidem, cap. 13—18, p. 529 et cet.

³⁾ Ibidem, cap. 14, p. 532; cap. 17, p. 533.

⁴⁾ In sanctam quadragesimam: oratio I. Migne, tom. 135, p. 561—584.

лежности нравственного совершенства. Если нѣтъ любви, такъ училъ онъ, то все будемъ молиться, поститься, преклонять колѣна, источать слезы; нѣтъ ничего добраго у не имѣющихъ любви.

Рядомъ съ Евстаѣемъ можетъ быть поставленъ другой знаменитый богословъ практическаго направленія. Это — Николай Кавасила, митрополитъ тоже Θεσσαλονικскій, занимавшій эту кафедру въ самой срединѣ XIV вѣка. Изъ жизни его немного извѣстно интереснаго; въ виду этого переходимъ къ характеристикѣ одного изъ его сочиненій, обращающаго на себя особенное наше вниманіе. Николаю принадлежитъ достойное всякаго вниманія сочиненіе, подъ заглавіемъ: „Жизнь во Христѣ“¹⁾. Оно не стоитъ въ связи съ тогдашней богословской литературой, оно значительно выше многого такого, что вышло изъ подъ пера даже лучшихъ тогдашнихъ богослововъ. Сочиненіе отличается поразительною свѣжестью и рѣдкою глубиною мыслей, и настолько самостоятельно, что въ немъ нѣтъ ни малѣйшей компилятивности, какая отличала литературу того времени. Все содержаніе произведенія почерпнуто изъ глубинъ души благочестиваго автора, проникающей въ духъ Св. Писанія и задачу христіанина. Здѣсь разрѣшается вопросъ, который всегда долженъ быть первымъ вопросомъ для христіанскаго богослова; въ чемъ состоитъ жизнь сообразная съ Евангеліемъ? Какъ ни необходимо христіанамъ возможно чаще задавать себѣ этотъ вопросъ, какъ ни необходимо чаще и точнѣе давать разрѣшеніе на него, однакожъ богословіе изучаемой эпохи почти вовсе не занималось подобнымъ вопросомъ. Николай Кавасила беретъ за этотъ вопросъ, и уже одно это придаетъ разсматриваемому сочиненію особенное значеніе. Духъ, характеръ, направленіе, какъ разсматриваетъ Николай этотъ вопросъ, дѣлаютъ это сочиненіе въ высшей степени поучительнымъ. Въ сжатомъ очеркѣ довольно трудно познакомить съ этимъ сочиненіемъ. Чтобы

¹⁾ Nicolai Cabasilae. De vita in Christo (libri septem). Edidit Gass. 1849. Greifswald. Это сочиненіе Кавасилы переведено на русскій языкъ, подъ заглавіемъ: „Семь словъ о жизни во Христѣ“, о. прот. Боголюбскимъ. (М. 1874).

вполнѣ оцѣнить его, нужно сполна его прочитать. Мы на-мѣтимъ только немногія черты произведенія Кавасилы. Оно раздѣлено на семь словъ или правильнѣе обширныхъ главъ, въ которыхъ разсматриваются вопросы: какими средствами человѣкъ можетъ достигать жизни истинно-христіанской и что человѣкъ со своей стороны долженъ наблюдать, дабы эти средства вели дѣйствительно къ цѣли.

Прежде чѣмъ ознакомиться съ содержаніемъ произведенія Кавасилы въ частности, считаемъ не лишнимъ разобратъ взглядъ нѣмецкихъ ученыхъ на Кавасилу. Эти ученые считаютъ Николая мистикомъ ¹⁾; но, по нашему сужденію, такое мнѣніе лишено справедливости. Николай не былъ мистикомъ, потому что не походилъ на западныхъ мистиковъ, къ которымъ приравниваютъ его вышеуказанные ученые. Вообще мистицизма въ западномъ смыслѣ этого слова на Востокѣ совсѣмъ не было. Западная мистика была предшественницей протестантизма; ничего подобнаго нѣтъ у восточныхъ писателей, хоть повидимому и похожихъ на западныхъ мистиковъ. Западные мистики скептически относились къ церкви, а сейчасъ указанные писатели всегда оставались въ подчиненіи авторитету церковному. Въ частности Николай Кавасила никакъ не можетъ быть признанъ мистикомъ; всякій восточный богословъ будетъ писать и говорить совершенно такъ же, какъ Николай, если онъ будетъ вдумчиво и углубленно относиться къ тѣмъ вопросамъ, какіе занимали умъ Кавасилы. Изложеніе содержанія сочиненія Николая „Жизнь во Христѣ“ сейчасъ же покажетъ, какъ неосновательно считать этого писателя мистикомъ.

Содержаніе первыхъ пяти „словъ“ разсматриваемаго сочиненія таково: христіанинъ долженъ жить жизнью Христа, онъ долженъ быть соединенъ со Христомъ. Это соединеніе такого рода, что оно выше и тѣснѣе всякаго другаго единенія, о какомъ только мы знаемъ. Оно выше того единенія, какое можно находить въ бракѣ между мужемъ и женою, между головой и остальными членами въ человѣческомъ

¹⁾ Gass. Die Mystik des Nicolaus Cabasilas. S. 62. Greifswald, 1849. Kurtz. Handbuch der Kirchengesch. B. 1, Abtheil. 3, s. 114. Mitau, 1858.

организмъ; оно выше и тѣснѣе того единства, какое существуютъ въ нашемъ духѣ съ самимъ собою ¹⁾). Истинное единеніе христіанина со Христомъ, по Николаю, ни съ чѣмъ не сравнимое, вотъ какое: „Люди содѣлываются сынами Божиими и богами и природа наша чествуется честію божественною, и персть возвышается до той славы, что содѣлывается подобочестною и даже подобною божественной природѣ. Съ чѣмъ можно, вопрошаетъ Николай, сравнить это“ ²⁾? Вотъ точка зрѣнія Николая на вопросъ. Теперь, какія средства ведутъ къ такому благодатному единенію христіанина съ Христомъ? Николай отвѣчаетъ: таинства. Онъ говоритъ: „посредствомъ таинствъ, какъ-бы посредствомъ оконцевъ въ мрачный этотъ міръ проникаетъ солнце правды и умерщвляетъ жизнь сообразную съ этимъ міромъ и составляетъ жизнь премірную“ ³⁾. „Способъ, какимъ мы привлекаемъ истинную жизнь Христа, есть тотъ, чтобы усовершеняться таинствами, омываться, помазываться, наслаждаться св. трапезой. Къ совершающимъ это приходитъ Христосъ, и водворяется въ нихъ, и соединяется съ ними, и исторгаетъ въ насъ грѣхъ, и влагаетъ свою жизнь и силу, и содѣлываетъ общниками Своей побѣды“ ⁴⁾. „Принадлежащее главѣ (Христу) дѣлается нашимъ. Посредствомъ воды (крещенія) мы превращаемся въ безгрѣшныхъ, посредствомъ мѣра участвуемъ въ Его благодѣяніяхъ, посредствомъ трапезы (евхаристіи) живемъ одною съ нимъ жизнію, и въ будущемъ мы боги чрезъ Бога и наслѣдники одного и того же съ Нимъ, царствующие въ одномъ съ Нимъ царствѣ, если только добровольно не ослѣпимъ себя въ сей жизни и не раздеремъ царскаго хитона. Ибо съ нашей стороны только то требуется для полученія блаженной жизни, чтобы сохранять дары и соблюдать благодѣянія и не сбрасывать вѣнца, который сплелъ для насъ Богъ со многими потомъ и трудомъ. Такова жизнь во Христѣ, которую поддерживаютъ таинства“ ⁵⁾. Николай говоритъ не о всѣхъ таинствахъ въ

¹⁾ De Vita. Sermo I, § 16—18. Рус. пер. стр. 4—5.

²⁾ Ibid. Sermo I, § 48. Рус. пер. стр. 10.

³⁾ Sermo I, § 40. Рус. пер. стр. 9.

⁴⁾ Ibid., § 92—3. Рус. пер. стр. 19.

⁵⁾ Ibid., § 109—110. Рус. пер. стр. 22.

ихъ отношеніи къ жизни во Христѣ, но только о трехъ главнѣйшихъ: крещеніи, мѣропомазаніи и причащеніи. Остановиваться на каждомъ изъ этихъ таинствъ, какъ они разсматриваются Кавасилой, было бы слишкомъ долго. Укажемъ лишь, какъ Николай описываетъ то единеніе, какого достигаетъ христіанинъ въ таинствѣ причащенія. Николай пишетъ: „когда Христосъ приводитъ къ трапезѣ и даетъ вкушать Свое тѣло, Онъ всецѣло измѣняетъ получившаго таинство и преобразуетъ въ собственное свойство, и персть, принявъ царскій видъ, бываетъ уже не перстію, но тѣломъ Царя, блаженнѣе чего нельзя и измыслить. Оно — послѣднее таинство, потому что нельзя простираться далѣе, нельзя и приложить большаго“ ¹⁾. „Ибо душа и тѣло тотчасъ въ причащеніи становятся духовными, потому что душа смѣшивается съ Душею (Богомъ), тѣло съ Тѣломъ и кровь съ Кровію. И что-же отъ этого? Лучшее одерживаетъ верхъ надъ слабѣйшимъ и божественное овладѣваетъ человѣческимъ, и какъ говоритъ Павелъ о воскресеніи: пожерто бываетъ мертвенное животомъ (2 Кор. 5, 4). О величіе таинствъ! Какъ возможно умъ Христовъ смѣшивать съ нашимъ умомъ, волю Его съ нашею волею, тѣло соединить съ тѣломъ и кровь съ кровію нашею! Каковъ-же умъ нашъ, когда владѣетъ нами умъ божественный, каково желаніе наше, когда присутствуетъ хотѣніе божественное, какова персть, когда препобѣждаетъ ее оный огонь“? ²⁾. „Ясно, что когда изливается въ насъ Христосъ и соединяетъ съ нами Себя Самого, Онъ перемѣняетъ и въ Себя преобразуетъ насъ, какъ малую каплю воды, влитую въ безпредѣльное море мѣра“ ³⁾. Николай Кавасила прекрасно раскрываетъ мысль, что пища евхаристическая въ своемъ дѣйствіи на нашъ духовный и чувственный организмъ представляетъ собою нѣчто несравнимое, отмѣнное, отъ обыкновенной пищи въ ея дѣйствіи на существо человѣческое. „Можно жить посредствомъ пищи—пишетъ Николай—но пища, не будучи сама живою, не можетъ сама собой ввести насъ въ жизнь. Поскольку же она

¹⁾ Sermo IV, § 3—4. Рус. пер. стр. 73—74.

²⁾ Sermo IV, § 12—13. Рус. пер. стр. 76.

³⁾ Ibidem, § 42. Рус. пер. стр. 83—84.

помогаетъ жизни, присущей тѣлу, то и представляется, что она есть причина жизни для приѣмлющихъ ее. А хлѣбъ жизни—евхаристія—самъ живъ и ради его истинно-живы тѣ, коимъ преподается онъ. Тамъ пища превращается въ питающагося, и рыба, и хлѣбъ, и все иное вкушаемое, въ кровь человѣческую, здѣсь-же все наоборотъ. Ибо хлѣбъ жизни самъ движетъ питаемаго, и измѣняетъ и прелагаетъ въ Себя самого“ ¹⁾.—Въ послѣднихъ двухъ „словахъ“ своего произведенія—шестомъ и седьмомъ—Николай разсуждаетъ о томъ, чѣмъ и какъ съ своей стороны долженъ человѣкъ выражать свое стремленіе къ единенію со Христомъ? Что нужно наблюдать съ нашей стороны, чтобы это единеніе было дѣйствительнымъ, истиннымъ, непрерывающимся? Разъясняя этотъ вопросъ, Кавасила разсуждаетъ о томъ, какъ направлять свои помыслы и какъ располагать свою жизнь. Замѣчательно: Николай раскрываетъ мысль, что такое единеніе также достижимо въ міру, среди житейскихъ занятій, какъ и въ отшельничествѣ и монашествѣ. Онъ не усматриваетъ никакого рѣшительнаго превосходства жизни отшельнической предъ жизнію мірскою. Вотъ собственныя слова Николая. „Для того чтобы жить во Христѣ, для этого нужны не какія либо сверхъестественныя усилія, ни сверхъестественный трудъ, не нужно тратить денегъ, ни терпѣть безславія и стыда и вообще переносить что-либо худое, но и искусствами можно пользоваться безъ вреда, и къ занятію какому либо нѣтъ препятствія — и полководецъ можетъ начальствовать войсками, и земледѣлецъ воздѣлывать землю, и правитель управлять дѣлами и вообще ни въ чемъ не станетъ терпѣть оскуденія ради спасенія. Ибо нѣтъ нужды ни удалаться въ пустыню, ни питаться необычною пищею, ни перемѣнять одежду, ни разстраивать здоровья, ни на иной какой либо рѣшаться смѣлый поступокъ, но можно, сидя дома и не теряя ничего изъ своего имущества, постоянно заниматься помыслами благочестія. Что воспрещаетъ намъ, помимо этого, совершать и нужные труды“? ²⁾ Напротивъ, объ отшельни-

¹⁾ Ibidem, § 53—54. Рус. пер. стр. 86.

²⁾ Sermo VI, § 63—64. Рус. пер. стр. 136.

ческой жизни, если она не сопровождается должною бодрственностію, Кавасииза замѣчаетъ, что она не можетъ сдѣлать человѣка истинно спасаемымъ. „Свидѣтели этого, — пишетъ Николай, — тѣ, кои отказавшись отъ трудовъ ради блага и добродѣтели, сдѣлались потомъ дерзновенными во всемъ зломъ. Они, удалившись въ горы, избѣгая шума и общественной жизни, какъ язвы, чтобы внимать одному Богу, когда ослабѣвали нѣсколько въ упованіи на Него и во всецѣлой вѣрѣ въ Него, тотчасъ же дерзали на все самое худшее и предавались всякой нечистотѣ“ ¹⁾. Замѣчательны здѣсь разсужденія Николая о томъ, по какимъ признакамъ можно опредѣлять: стоитъ ли человѣкъ на пути совершенства христіанскаго? Такими признаками онъ не считаетъ знаменій и чудесъ. Вотъ его мысли: „Зачѣмъ искать свидѣтельствъ и знаменій, когда нужно изслѣдовать только самыя дѣла. Ибо и знаменіе не есть выраженіе добродѣтели. Не всемъ ревнующимъ даютъ знаменія, и не всѣ, у кого они есть, бываютъ дѣлателями добродѣтели. Ибо многіе, имѣющіе силу предъ Богомъ, не обнаруживаютъ ничего подобнаго, а между тѣмъ и нѣкоторымъ изъ насъ это возможно. Для (пріобрѣтенія) добродѣтели установлены и таинства, и всякая бдительность, а для полученія силы оной (дѣлать знаменія) никто не измыслилъ ничего извѣстнаго, какъ нужно бы трудиться (т. е. взяться за дѣло). И что я говорю? Когда не было этихъ знаменій, не имѣли къ нимъ никакого желанія и не искали ихъ, а когда явились они, то не было дозволено даже радоваться имъ (Лук. 10, 20). Поэтому, — замѣчаетъ Николай, — оставивъ иное, будемъ смотрѣть на самое желаніе души, въ которомъ состоитъ добро человѣка и зло, истинное здоровье и болѣзнь, и вообще жизнь или смерть; его (желаніе души) имѣть добрымъ, устремленнымъ къ одному Богу и составляетъ блаженную жизнь“ ²⁾.

Выше мы указали, какими достоинствами отличается разсматриваемое сочиненіе Николая: но мы не считаемъ себя

¹⁾ Ibid. § 80. Рус. пер. стр. 140.

²⁾ Sermo VII, § 4—6. Рус. пер. стр. 161—162.

вправѣ пройти молчаніемъ и нѣкоторые недостатки того же сочиненія. Къ недостаткамъ этого произведенія можно отнести слѣдующее: въ 1-хъ, Николай въ своихъ представленіяхъ настолько сближаетъ Христа и христіанина, что послѣдній какъ бы погружается и исчезаетъ въ первомъ. Напримѣръ, онъ говоритъ: „Спаситель съ живущими въ Немъ всегда и во всемъ соприсутствуетъ, такъ что всякую нужду восполняетъ, и есть для нихъ все. Ибо Онъ и рождаетъ, и возвращаетъ и питаетъ; и свѣтъ для нихъ, и дыханіе; и Самимъ Собою образуешь для нихъ око, Самимъ Собою освѣщаетъ ихъ“ и пр. ¹⁾; во 2-хъ, разсматриваемый писатель такъ много обращаетъ вниманія на духовную сторону человѣка, что доходитъ если не до отрицанія значенія чувственной стороны человѣка, то до пренебреженія ею. Николай говоритъ: „человѣкъ на самомъ дѣлѣ состоитъ изъ воли и разума и кромѣ этого ничто иное не существенно для него“ ²⁾. Впрочемъ, всѣ указанные недостатки ничуть не затемняютъ высокихъ качествъ сочиненія: „Жизнь во Христѣ“.

---

¹⁾ Sermo I, § 24. Рус. пер. стр. 6.

²⁾ Sermo VII, § 28. Рус. пер. стр. 165.

Паденіе Константинополя.

(Въ 1453 г.).

Паденіе Константинополя отъ руки Турокъ заканчиваетъ собою эпоху самостоятельнаго существованія Византійской церкви. Фактъ этотъ—паденіе Константинополя—съ перваго взгляда представляется имѣющимъ громадное значеніе. Но едва ли такъ на самомъ дѣлѣ. Византія, какъ государство, медленно умирала и смерть ея была неизбежна. Могло быть вопросомъ лишь одно: когда это совершится—десяtkомъ лѣтъ раньше или позже. Достаточно припомнить, что въ то время, когда случилась указанная катастрофа, вся византійская имперія заключала въ себѣ одинъ Константинополь и его предмѣстья. Можно ли даже назвать это имперією? Матеріальныхъ средствъ для пропитанія народонаселенія почти никакихъ не было. Еще въ XIV вѣкѣ византійскій историкъ Григора острилъ, что въ государственномъ казначействѣ ничего нельзя было обрѣсти, кромѣ Эпикуровыхъ атомовъ. Столица нѣкогда обширнаго государства теперь невѣдомо чѣмъ промышляла и невѣдомо какимъ образомъ поддерживала свое существованіе. Если нынѣшнюю Турецкую имперію съ ея плохимъ финансовымъ положеніемъ, голоднымъ и разутымъ войскомъ, неурядицами въ администраціи, единогласно называютъ: „большимъ человѣкомъ“, то мы, право, затрудняемся: какъ назвать Византію середины XV вѣка? Теперешняя Турція по сравненію съ тогдашней Византією — могущественное государство. И если Византія наконецъ пала, то это значило только, что старый, давно заброшенный домъ, остававшійся безъ призора и ремонта, рухнулъ, какъ и слѣдовало того ожидать.

Византія пала такъ и при такихъ обстоятельствахъ, что мы удивляемся не тому, что это случилось, а тому, **какимъ**

образомъ она такъ долго простояла.—Разскажемъ исторію этого событія. Намъ кажется, не найдешь такого серьезнаго человѣка, который, читая исторію паденія Византіи, не чувствовалъ бы, неожиданно для себя, трагикомическаго впечатлѣнія, при чемъ комическій элементъ несомнѣнно преобладаетъ надъ трагическимъ. Исторія паденія Константинополя представляетъ собою чуть не водевиль.

Послѣднимъ Византійскимъ императоромъ былъ Константинъ XI, Палеологъ (1448—1453 г.). Константинъ нѣкогда поднималъ ничтожную Византію на невѣроятную высоту, Константинъ же и видѣлъ, какъ наконецъ фортуна оставила этотъ городъ, посвященный первымъ ея императоромъ именно фортунѣ. Константина XI считаютъ героемъ, потому что онъ не пережилъ гибели столицы и погибъ, защищая ее даже и тогда, когда защита всѣмъ уже представлялась дѣломъ невозможнымъ; но это такого рода геройство, на которое способенъ и не храбрый человѣкъ, но лишь сколько нибудь уважающій себя. Какой исходъ могъ выбрать Константинъ XI, какъ скоро онъ зналъ, что гибель столицы неминуема? Бѣжать? Но бѣжать значило очутиться въ рядѣ бѣдныхъ, но благородныхъ людей, живущихъ подаченіемъ. Отдаться въ плѣнъ въ надеждѣ на милость побѣдителя? Но отъ турецкаго великодушія легче всего было ожидать одной милости — кола или веревки. Умереть за отечество—единственно что и могъ сдѣлать послѣдній изъ Византійскихъ вѣнценосцевъ. Этотъ исходъ подсказывали ему и здравый смыслъ и отчаяніе.

Но мы забѣжали впередъ. Разскажемъ, какъ было дѣло—по порядку. Когда Константину XI, по смерти его брата Іоанна Палеолога, достался византійскій престолъ, въ это время его не было въ столицѣ: онъ находился въ отдаленной Морей. Два знатныхъ депутата возложили въ Спартѣ императорскую корону на голову Константина. Вскорѣ затѣмъ онъ отплылъ изъ Морей, насладился радостными привѣтствіями своихъ подданныхъ, отпраздновалъ свое вступленіе на престолъ различными увеселеніями и своими щедрыми, но вошедшими въ обычай, подарками довелъ до истощенія и безъ того уже крайне бѣдную государственную

казну ¹⁾). Константинъ былъ бездѣтнымъ вдовцомъ и первой его заботой былъ выборъ супруги. Послѣдній изъ Византійскихъ императоровъ, разумѣется, не ожидалъ того государственнаго несчастія, которое пришлось пережить ему—и счелъ за нужное позаботиться о продолженіи своего царственнаго рода. Ему предложили—было въ супруги дочь венеціанскаго дожа, но византійская аристократія отвергла это предложеніе. Для византійской гордости казалось непозволительнымъ, унижительнымъ дѣломъ—породниться наслѣдственному Византійскому монарху съ какимъ то дожемъ, какъ лицомъ, получившимъ власть по народному голосованію. Впослѣдствіи византійцамъ пришлось очень горько раскаяться въ этомъ поступкѣ: глава могущественной республики могъ быть очень не безполезенъ Византіи въ ея борьбѣ съ Турками ²⁾; но византійская знать, очевидно, не была даль-позорка, не видѣла приближающейся бѣды. Послѣ того какъ не состоялось бракосочетанія Константина съ дочерью дожа, рѣшено было снарядить посольство и отправить его въ чужія страны искать достойную невѣсту. вѣнчанному монарху. Разсказъ о всѣхъ дѣйствіяхъ этого посольства можно было бы счесть или злой насмѣшкой или непозволительною выдумкой, если бы строгая исторія не подтверждала до послѣднихъ мелочей достовѣрности фактовъ. Во главѣ посольства стоялъ византійскій сановникъ Франца или Францисъ, историкъ послѣднихъ дней Византіи, въ качествѣ уполномоченнаго отъ жениха; на пышную обстановку посольства были издержаны послѣднія крохи отъ тѣхъ богатствъ и роскоши, которыми нѣкогда славилась столица востока. Многочисленная свита Францы состояла изъ знати и гвардейцевъ, изъ лекарей и монаховъ, его сопровождали хоры инструментальной и вокальной музыки. Обстановка по своей пестротѣ совершенно театральная. Эта дорого стоявшая поѣздка длилась болѣе двухъ лѣтъ. Посольство ѣхало съ музыкой—и тѣмъ возбуждало восторгъ и изумленіе де-

¹⁾ Georgii Phrantzae. Chronicon majus (Migne. gr. tom. 156), lib. III, cap. 1, p. 808—809.

²⁾ Гиббона. Исторія упадка римской имперіи. Т. VII, 307.

ревенщины, особенно въ Иверіи или Грузіи ¹⁾. Но подобнаго рода дешевый эффектъ, повидимому, входилъ въ программу византійской миссіи. Сначала казалось, что недолго придется слоняться посламя по Востоку. Они въ скорости же отыскали то, чего такъ ревностно искали. Около этого времени (въ 1451 г.) умеръ турецкій султанъ Амуратъ; между вдовами этого послѣдняго была дочь сербскаго короля Марія. Онъ была христіанка, обладала личными достоинствами и даже красотой, хотя и увядшею. Достойная невеста императора Константина давно уже переступила предѣлы не только молодости, но и дѣтскаго возраста. Вдовствующая султанша имѣла что-то около 50-ти лѣтъ. Года почтенныя, но послы разсудили: хотя Маріи и около 50-ти лѣтъ, но она могла (!) еще дать имперіи наследника престола. Это сватовство такъ необычайно, что едва ли подобное встрѣтишь гдѣ-либо, кромѣ оперетки. Женихъ—Византійскій христіанскій императоръ, жаждущій имѣть потомство, и рядомъ съ нимъ—пятидесятилѣтняя невеста, вдова турецкаго султана. Неизвѣстно: состоялся ли бы, въ дѣйствительности, этотъ удивительный бракъ, если бы не встрѣтилось неожиданнаго препятствія: вдовствующая султанша объявила, что она идетъ въ монастырь и тамъ хочетъ скончать дни свои ²⁾. Тогда посольству ничего не оставалось дѣлать, какъ продолжать поиски невесты для своего монарха. Выборъ пословъ окончательно падаетъ на дочь Грузинскаго царя. Одной изъ выгодныхъ сторонъ этого новаго сватовства было то, что Грузинскій царь, кромѣ руки своей дочери, предлагалъ еще приданое въ 56000 золотыхъ монетъ; а это для обѣдѣвшаго Византійскаго императора казалось очень заманчивымъ. Константинъ далъ свое согласіе на бракъ ³⁾, и, конечно, бракъ состоялся бы, ежели бы не наступило тяжелаго времени, когда о радостныхъ событіяхъ въ родѣ браковъ и мысли не могло быть.

Византіи предлежало выдержать долговременную борьбу съ Турками, имѣвшими положить конецъ христіанскому

¹⁾ Phrantzae. Chronicon, lid. III, cap. 1, 809—810.

²⁾ Ibid. p. 815. 818.

³⁾ Ibid. cap. 2, p. 818. 820.

Византійскому правленію на Золотомъ Рогѣ и Босфорѣ. Быть можетъ, Византійская имперія еще нѣсколько времени проскриптіла бы, продолжила бы нѣсколько лѣтъ паралическаго существованія, если бы миролюбиваго и кроткаго султана Амурата смѣнили въ турецкихъ владѣніяхъ султанъ такого же характера. Но наслѣдникомъ Амурата былъ Магометъ II, 22-хъ лѣтній молодой человѣкъ, полный энергіи и огня, человѣкъ жестокий и вѣроломный, умѣвшій мягко стлать, отчего однакожь приходилось жестко спать ¹⁾. Свое правленіе Магометъ открылъ тѣмъ, что устроилъ великолѣпнѣйшія похороны своему отцу, — да кстати и своему малолѣтнему брату — младенцу, котораго Магометъ велѣлъ убить, вѣроятно опасаясь въ будущемъ найти въ лицѣ его соперника себѣ. Это уже показывало, что новый султанъ былъ такимъ человѣкомъ, который, для исполненія своихъ замысловъ, едва ли надъ чѣмъ задумается. Не даромъ одинъ Византійскій историкъ (Дука) говорилъ о немъ: „для него убить человѣка собственноручно было все равно что раздавить блоху“ ²⁾. Но на самыхъ первыхъ порахъ онъ счумѣлъ очаровать своею любезностію и предупредительностію всѣхъ, кто наиболѣе былъ заинтересованъ восшествіемъ новаго повелителя на турецкій престолъ. Послы изъ Константинополя, Трапезунта, Молдавіи и Валахіи и другихъ христіанскихъ государствъ пришли привѣтствовать Магомета съ восшествіемъ на престолъ и были вполне довольны приѣмомъ и обращеніемъ Амуратова преемника. Всѣмъ этимъ посламъ Магометъ говорилъ о дружбѣ, о мирѣ, о сохраненіи договоровъ — но это были лишь одни слова, которымъ не соответствовали дѣйствительныя влеченія сердца хитраго султана ³⁾. Разочарованіе для христіанскихъ народовъ, стоявшихъ въ близкихъ отношеніяхъ къ султану, на-

¹⁾ Phrantzae. Lib. III, cap. 1, p. 813—814.

²⁾ Ducac. Historia Byzantina, cap. 35, p. 1053. (Migne. Gr. tom. 157).

³⁾ Ducac. Hist. Byzant. Cap. 35, p. 1036. Laonici Chalcocandylae. De rebus Turcicis, lib. VII, p. 376. Edit. Bonnensis. Объ историкахъ Францѣ, Дукѣ и Халкокондилѣ можно находить обстоятельныя свѣдѣнія, въ особенности въ отношеніи къ вопросу о паденіи Константинополя, въ статьѣ г. Погодина: „Обзоръ источниковъ по исторіи взятія Византіи Турками“ (Жун. Мин. нар. просвѣщ. 1889 г., ч. 264).

ступило очень быстро. Горечь этого разочарованія прежде другихъ пришлось отвѣдать Византійцамъ.

Вскорѣ не оставалось никакого сомнѣнія, что Магометъ рѣшилъ сдѣлать нападеніе на Константинополь и стереть съ лица земли остатки существованія христіанской державы по сосѣдству. Но эта очевидная опасность ни мало не пробудила энергіи Грековъ. Эти послѣдніе какъ будто знати не хотѣли о грозившей имъ опасности. Мѣры предосторожности, о которыхъ народъ долженъ былъ бы ежеминутно заботиться, откладывались до другого времени; и Греки закрывали глаза предъ висящей надъ ихъ головой грозой. Это тѣмъ удивительнѣе, что они не могли рассчитывать на дружественную помощь со стороны Европы. Между тѣми государствами, отъ которыхъ можно бы было ожидать помощи, одни были слишкомъ слабы, другія слишкомъ далеки отъ театра борьбы, одни считали опасность воображаемою, а другія неотразимою ¹⁾. Византіи приходилось довольствоваться тѣми силами, какія находились внутри ея, но Византія и безъ того была не богата народонаселеніемъ, а близкая опасность еще на много уменьшила численность защитниковъ столицы и миниатюрнаго царства. Многіе изъ простонародія и нѣсколько византійскихъ аристократовъ имѣли низость покинуть свое отечество въ минуту опасности ²⁾; а корыстолюбіе частныхъ богачей отказало императору въ тѣхъ скрытыхъ сокровищахъ, которыя теперь могли бы идти въ дѣло, и которыя впослѣдствіи достались побѣдителю ³⁾. Бѣдный и оставшійся въ одиночествѣ, монархъ все же готовился къ борьбѣ съ своимъ грознымъ врагомъ. Интересно будетъ узнать, сколько нашлось лицъ, оказавшихся готовыми защищать столицу отъ натиска непріятелей. Въ послѣднюю эпоху своего существованія Константинополь все еще имѣлъ болѣе чѣмъ 100-тысячное населеніе. Къ сожалѣнію, на эту цифру указываютъ не списки сражавшихся, а списки взятыхъ въ плѣнъ. По приказанію императора

¹⁾ Гиббона. Т. VII, 318. 324.

²⁾ Ibid. 325.

³⁾ Leonardi Chiensis. Epist. de Constantinopolitana urbe a Mahumete II capta (Migne, Gr. ser. tom. 159, p. 934. 942).

были собраны на улицѣ и въ домахъ свѣдѣнія о числѣ гражданъ и даже монаховъ, способныхъ и готовыхъ взяться за оружіе для защиты своего отечества. Составленіе этихъ списковъ было поручено извѣстному уже намъ Францѣ, который, послѣ тщательнаго записыванія именъ, со скорбію и изумленіемъ донесъ своему государю, что число защитниковъ отечества ограничивается четырьмя тысячами, девятью стами семидесятью тремя Греками ¹⁾. Цифра точная, то того точная, что было отчего придти въ отчаяніе каждому патріоту того времени. Но для историка настоящаго, нашего времени, такой фактъ невольно представляется чѣмъ-то комическимъ. Какъ! Неужели пресловутая Византійская имперія дожила до того, что всѣмъ военнымъ силамъ Оттоманской имперія могла противопоставить лишь 4,973 защитниковъ отчизны. Какъ! Неужели обширнѣйшій въ свѣтѣ городъ, имѣвшій въ окружности около шестнадцати миль, должна была защищать буквально кучка всякаго сброда, вооруженная кой чѣмъ — заржавленнымъ оружіемъ, отысканнымъ гдѣ-то въ арсеналахъ? Можно представить себѣ положеніе послѣдняго Византійскаго императора, сражавшагося за отечество во главѣ разношерстной толпы, едва-едва владѣвшей оружіемъ? Такой фактъ кажется какой-то сказкой, а не былью. — Существовали особыя причины, по которымъ жители Византіи не хотѣли брать на себя опаснаго дѣла — борьбы со врагомъ, но это такія причины, которыя показываютъ, что народъ византійскій отупѣлъ, испортился, настолько нравственно измелъчалъ, что ожидать отъ него и теперь и въ будущемъ рѣшительно было нечего. Большинство жителей было увѣрено, что защищать столицу нѣтъ необходимости. Одни, при видѣ наступленія врага, пришли въ отчаяніе и махнули рукой: „будь-что будетъ“, рѣшили они. Эти освоились съ мыслию, что городъ долженъ пасть, что такова воля Провидѣнія. Ихъ воображенію вездѣ чудились ясные знаки божескаго гнѣва, грядущаго на имперію. Метеоры, кометы, всякаго рода вздорныя предсказанія или точнѣе „болтовня старыхъ кумушекъ“ приводили

¹⁾ Phrantzae, lib. III, cap. 3, p. 838.

ихъ въ полное отчаяніе. Между людьми этого сорта распространилась молва, что въ архивахъ Константинополя найдено пророчество императора X-го вѣка, Льва Мудраго, въ которомъ будто бы съ очевидностью предвозвѣщено, что столица должна пасть—и пасть именно въ настоящее время ¹⁾. Другая часть народа тоже не хотѣла и пальцемъ пошевелить для защиты государства. Среди суевѣрнаго народонаселенія былъ пущенъ слухъ, что будто упала съ неба грамота, въ которой сказано, что не нужно противодѣйствовать врагу, а ожидать времени, когда Самъ Богъ поразитъ нечестивыхъ Оттомановъ; какіе-то пустомели разглашали, что будто въ таинственной грамотѣ сказано, что когда Турки проникнутъ въ Константинополь и дойдутъ до колонны Юстиніана, помѣщающейся на площади Софійскаго храма, то сойдетъ ангелъ съ небеси съ мечемъ въ рукѣ, и Турки немедленно обратятся въ бѣгство; мало того: Греки легко изгонятъ ихъ изъ всей Греціи и прогонятъ до границъ Персіи ²⁾. Какъ ни нелѣпы были эти и подобные толки, византійская чернь охотно вѣрила этимъ вздорамъ и безмечено предоставляла врагу просторъ и свободу дѣйствій.

Этого одного было бы, повидимому, достаточно, чтобы гибель города сдѣлалась не отразимой. Но Греки вдобавокъ еще перессорились между собою и тѣмъ еще болѣе увеличили безысходность своего положенія. Какъ извѣстно, утѣпающій хватается за соломенку. Такъ было и съ послѣднимъ Византійскимъ императоромъ. Понимая лучше другихъ опасность положенія дѣлъ, Константинъ XI, за неименіемъ другихъ надежныхъ средствъ пособить бѣдѣ, задумываетъ искать защитника Греціи въ лицѣ папы и для этого заводитъ сношенія съ папою Николаемъ V, соглашаясь на церковную унію съ Римомъ. Уже, кажется, довольно произведено было опытовъ уніи Греціи съ Римомъ—и всѣ они были неудачны. Пробовать устроить это, не шедшее на ладъ, дѣло казалось совершенно напрасно, но Константинъ, съ отчаянія, снова затѣваетъ унію съ Римомъ, въ надеждѣ

¹⁾ Chalcocondylae. Der ebus. turc. Lib. VIII, p. 405—6. Leonardi Chiensis. Epist., p. 926. Le Beau. Hist. du Bas-empire, tome 21, p. 242.

²⁾ Ducas. Historia, cap. 39, p. 1104.

на матеріальную помощь отъ папы и римско-католическаго Запада. Но изъ всего этого ничего не вышло, или, лучше сказать, получился тотъ-же результатъ, какъ и прежде: въ уніи Греки находили поводъ къ взаимнымъ раздорамъ, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ всегда являлось среди нихъ двѣ партіи—партія враговъ уніи и партія поборниковъ за унію. Сношенія Константина съ Римомъ начались незадолго до паденія Константинополя и, имѣли послѣдствіемъ то, что въ столицу восточнаго христіанства папа прислалъ извѣстнаго русскаго эксмитрополита, кардинала Исидора, со свитою; на него возложено было порученіе устроить самымъ дѣломъ унію между двумя церквами. И дѣйствительно въ Константинополѣ 12 декабря 1452 года провозглашено было единеніе Восточной церкви съ Западной¹⁾. Этотъ фактъ принадлежитъ къ самымъ печальнымъ въ исторіи жизни послѣдняго Византійскаго императора. Что ни говорили бы въ защиту его, все же послѣдній православный Византійскій государь былъ измѣнникомъ православія. Ренегатство это было тѣмъ позорнѣе, чѣмъ менѣе оно было искренно. Вотъ слова, которыми императоръ и единомышленныя съ нимъ лица успокоивали не желавшую уніи толпу; они говорили: „потерпите немного, подождите, чтобы Богъ избавилъ столицу отъ великаго дракона (Турокъ), который хочетъ пожрать насъ, тогда вы увидите: искренно-ли наше примиреніе съ азиитами“²⁾. Но хотя унія съ латинянами была дѣломъ не искреннимъ и немогущимъ имѣть серьезныхъ послѣдствій, тѣмъ не менѣе эта затѣя перессорила народъ, духовенство и монаховъ. Тѣ изъ Грековъ, которые были недовольны затѣей, начали, волноваться, браниться, посыпались съ ихъ стороны жестокіе упреки. При другихъ обстоятельствахъ все это могло бы разразиться чѣмъ нибудь очень серьезнымъ—бунтомъ, расколомъ, но ничего такого въ настоящее время не произошло. Лѣтописцами отмѣченъ лишь одинъ фактъ, но этотъ фактъ очень характеристиченъ для такого страннаго народа, какимъ были византійцы эпохи

¹⁾ Ducae. Ibid. cap. 36 (initium).

²⁾ Ducae. Ibid. p. 1061.

паденія Константинополя. Унія, это позорное дѣло послѣд-
няго преемника Константина Великаго, имѣла своимъ по-
слѣдствіемъ въ рядахъ приверженцевъ православія—нѣчто
совсѣмъ неожиданное. Что же именно случилось? Въ день
провозглашенія уніи жители обоого пола и всѣхъ сословій,
недовольные этимъ дѣломъ устремились толпами изъ Софій-
скаго храма къ кельѣ одного монаха, по имени Геннадія
Схоларія (впослѣдствіи патріарха), чтобы спросить его,
какъ нужно смотрѣть на унію. Отвѣтъ Геннадія былъ данъ
не устно; спрашиваемый начертилъ свой отвѣтъ на доще-
чкѣ, выставленной на дверяхъ его келліи. Геннадій былъ
противъ уніи. Отвѣтъ очень понравился ревнителямъ пра-
вославія. Они сочли нужнымъ выразить свою радость ка-
кимъ нибудь празднествомъ. И вотъ Греки изъ монастыря
Геннадія разсѣялись по византійскимъ трактирамъ; здѣсь
они пили за гибель папскихъ приверженцевъ изъ ихъ
среды, опорожняли свои стаканы въ честь Богоматери Дѣвы
и заплетающимися языками просили Ее защитить городъ
отъ Магомета, городъ, который Она ранѣе того спасла отъ
Хозроя. Въ двойномъ опьяненіи отъ религіознаго изступле-
нія и отъ вина они отважно восклицали: „не нуждаемся мы
ни въ какой помощи отъ латинянъ“. Такъ праздновали
православные Греки свою вѣрность вѣрѣ отцевъ ¹⁾. И это
было за пять мѣсяцевъ до паденія Константинополя! Оту-
пѣвшій народъ гордился тѣмъ, что онъ православенъ: какъ
будто православіе могло идти къ лицу такихъ жалкихъ
пустосвятовъ? Религіозная вакханалія—въ то время, когда
городу угрожала величайшая опасность: не лестно же за-
рекомендовали себя Греки среди опасности! Жалкій народъ
пусть бы этимъ и ограничилъ свою преданность вѣрѣ от-
цевъ, но нѣтъ. Разгорается фанатизмъ: братъ готовъ воз-
стать на брата, лишь только становилось извѣстнымъ, что
этотъ выражалъ свое сочувствіе уніи. Религіозныя стра-
сти Грековъ еще разъ вспыхнули, обнаруживая себя въ
мелкихъ придиркахъ, шпіонствѣ, взаимномъ отчужденіи.—
Можно ли было при такихъ обстоятельствахъ помышлять

¹⁾ Ducas. Cap. 36, p. 1056—1060.

объ единодушномъ отпорѣ вѣшнему врагу? Царство, раздѣлившееся на ся, не можетъ устоять. Новыя поводы къ раздорамъ между Греками или собственно между правительствомъ и народомъ послужило еще слѣдующее: денежные средства государства были истощены уже давно, императоръ былъ безъ гроша; не смотря на то, что теперь, когда началась осада города, деньги были нужныѣ, чѣмъ когда либо. Въ силу такой крайности императоръ прибѣгаетъ къ средству, которое едва ли кто назоветъ противозаконнымъ. Онъ приказалъ взять нѣкоторые священные сосуды изъ церквей и сталъ выбивать изъ нихъ монету. Но это возбудило ропотъ и недовольство въ народѣ и духовенствѣ. Напрасно императоръ общалъ, по минованіи опасности, возвратитъ въ храмы четверо, по сравненію съ тѣмъ, что было взято оттуда. Ропотъ и негодованіе не прекращались. Нашлись дерзкіе люди, которые въ лице порицали государя ¹⁾. Можно ли было ожидать, чтобы такой народъ, лишенный чувства патріотизма, выдержалъ борьбу съ могущественнымъ врагомъ? Вотъ каково было внутреннее состояніе Византіи въ послѣдніе дни ея существованія. Могъ ли такой деморализованный народъ продолжать самостоятельную жизнь? Все показываетъ, что Константинополь палъ, въ дѣйствительности, не отъ руки мусульманъ—Турокъ, а оттого, что въ немъ почти все было мертво, безжизненно. Явились вѣроны, потому что Византія представляла собою трупъ.

Византія пала потому же, почему и человѣкъ въ возрастѣ 70—80 лѣтъ умираетъ, истощившись умственно и физически. Византія не могла быть птицею фениксомъ, потому что она не приготовила жертвенника, на которомъ она имѣла бы возможность согрѣвать охлаждающую кровь.

Византія пала, Константинъ XI умеръ, положивши жизнь свою за отечество. Турки овладѣли Константинополемъ. Вслѣдъ за тѣмъ произошло то, что обыкновенно происходило въ средніе вѣка въ подобныхъ случаяхъ: часть жи-

---

¹⁾ Phrantzae, lib. III, cap. 4, p. 851. Leonardi Chiensis. Epist. p. 931. Le-Beau, tome 21, p. 262.

телей Византіи разбѣжалась, часть захвачена въ плѣнъ и продана въ рабство, имущества были расхищены, насиліе всякаго рода встрѣчались на каждомъ шагѣ. Но описывать это не представляетъ интереса. Все это не ново подъ луной. Упомянемъ развѣ только о судьбѣ постигшей храмъ св. Софіи—„это земное небо“—по выраженію историка Францы,—„эту новую небесную твердь, эту колесницу херувимовъ, этотъ престолъ славы Божіей“. Софійскій храмъ лишился всѣхъ благочестивыхъ привошеній, которые при-
тенали сюда въ теченіе столѣтій вѣковъ; его золотыя и серебряныя украшенія, сосуды и церковныя облаченія были взяты для житейскаго употребленія; послѣ того какъ съ иконъ было снято все, что могло имѣть цѣну въ глазахъ хищниковъ, полотно или дерево ихъ или разрывалось на куски, или разламывалось, или сожигалось, или бросалось подъ ноги, или шло въ конюшняхъ и кухняхъ на самое низкое употребленіе. Наравнѣ съ св. Софіей, по важности потерь, должна быть поставлена утрата византійскихъ библиотекъ; совершенно исчезло, какъ рассказываютъ, сто двадцать тысячъ манускриптовъ; десять томовъ можно было купить за одинъ золотой и за такую же низкую цѣну полныя собранія сочиненій Аристотеля и Гомера ¹⁾. Безпорядокъ и грабежъ начались въ Константинополѣ съ перваго часа достопамятнаго 29 мая 1453 года (день паденія Византіи) и продолжались до восьмого часа того же дня, когда самъ султанъ Магометъ II торжественно отправился въ Софійскій храмъ. По его приказанію, этотъ храмъ, важнѣйшая изъ святынь Восточной церкви, былъ превращенъ въ мечеть. Кресты были разбиты, или сняты, а стѣны, которыя были прежде покрыты живописью и мозаикой, вымыты, замазаны и оставлены безъ украшеній ²⁾.

Катастрофа, постигшая Византію оплакана была совре-

---

¹⁾ При всѣхъ своихъ недостаткахъ Греки XV вѣка, по выраженію одного ученаго имѣютъ „ту заслугу, что они были библиотекарями древности“, сохранявшими книжное достояніе прежнихъ вѣковъ отъ гибели. Vasi. Le Cardinal Bessarion, p. 16.

²⁾ Phrantzæ. lib. III, cap. 8. Ducæ, cap. 39—40. Гиббона, VII, 349—352.

менной Европой. Одни поплакали, потому что любили слезы, другіе поплакали, потому что умѣли плакать элегантно, въ изящныхъ ораторскихъ рѣчахъ (Эней Сильвій). Но едва ли кто плакалъ искренно и отъ души. Что большая часть лицъ, проливавшихъ слезы по случаю паденія Византіи, плакали или лицемѣрно или для парада, это можно видѣть изъ того, что нѣкоторые изъ плакальщико́въ могли бы оказать помощь Византіи и посущественнѣе слезъ, но не оказали. Современникъ событія, герцогъ Бургундскій Филиппъ, такъ расчувствовался при извѣстіи о гибели Византіи, что собравъ рыцарей и бароновъ, далъ выѣсть съ ними торжественную клятву въ томъ, что онъ возьметъ на себя подвигъ священной войны съ Турками. Герцогъ и его рыцари поклялись въ этомъ случаѣ Самимъ Богомъ, Богородицей Дѣвой, дамами и (*horribile dictu!*) фазаномъ. Но и клятва на самомъ фазанѣ скоро была забыта ¹⁾... Нѣкоторые изъ европейскихъ современниковъ даже порадовались событію паденія Византіи: благочестивые католики въ катастрофѣ, постигшей Византію, увидали перстъ Божій, наказующій Грековъ за непризнаніе латинскаго *filioque*. Также и папа Николай V порадовался этому событію, ибо онъ за нѣсколько лѣтъ предсказалъ паденіе Византіи и былъ очень доволенъ, что пророчество его сбылось ²⁾.

Значить, о похоронахъ поговорили, какъ о новости, а потомъ вскорѣ и забыли.

Паденіе Константинополя было такъ давно, что пора бы наступить другому событію—освобожденію этого великаго города изъ рукъ недостойныхъ его обладателей—Турокъ.

---

¹⁾ Гяббона. VII, 363—366.

²⁾ Le Beau, tome 21, p. 278. Гяббона, VII, 324.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Общество любителей духовнаго просвѣщенія въ Византіи давняго времени. ¹⁾

Полагаю, что изъ числа членовъ Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія не мнѣ одному представляется интереснымъ вопросъ: не было ли когда либо въ прежнія времена какого либо учрежденія, которое по своимъ задачамъ и цѣлямъ, было бы болѣе или менѣе похоже на наше Общество?

Не имѣя ни желанія, ни интереса допрашивать исторію христіанскихъ народовъ всѣхъ странъ, чтобы допытаться: не было ли тамъ чего либо подобнаго, обратимъ наше вниманіе лишь на прошедшую исторію христіанской мысли и просвѣщенія на Востокъ, точнѣе: въ древней христіанской Византіи, съ которою наша церковная жизнь, какъ всѣмъ извѣстно, связана очень тѣсными историческими связями. Само собой понятно, намѣченный нами вопросъ только потому мы и задаемъ себѣ, что напередъ увѣрены: онъ не останется для насъ безъ опредѣленнаго и положительнаго отвѣта. Да, христіанская Византія давняго времени, озарившая наше отечество свѣтомъ христіанства, могла давать и готовый образецъ такого общества, которое извѣстно у насъ въ наше время съ именемъ Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія.

Конечно, было бы напрасно искать въ исторіи древней Византіи полный прототипъ нашего Общества, какое либо

---

¹⁾ Рѣчь, прочитанная въ торжественномъ годичномъ засѣданіи Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія, 1889 года, октября 15 дня.

учрежденіе съ такимъ же уставомъ, правилами, съ подобнымъ же составомъ членовъ, съ такимъ же объемомъ и характеромъ дѣятельности, какъ наше Общество. Извѣстно, что исторія не повторяется. Но все же тамъ можно найти нѣчто, какъ намъ кажется, очень похожее на то, что есть у насъ.

Во все время существованія Византійской имперіи тамъ было много образованныхъ лицъ, которыя хотѣли дѣлиться съ другими—тѣмъ, чѣмъ были богаты они—своими христіанскими знаніями, хотѣли доискиваться опредѣленнаго рѣшенія болѣе серьезныхъ современныхъ богословскихъ вопросовъ, хотѣли служить распространенію духовнаго просвѣщенія въ обществѣ,—и для достиженія этихъ стремленій устраивали болѣе или менѣе публичныя собранія, въ которыхъ читалось то, что теперь называется рефераты, поученія, трактаты, рѣчи; въ связи съ этими рефератами, рѣчами, или же независимо ютъ того, здѣсь происходили словесныя состязанія, жаркіе диспуты. Эти собранія во многомъ отличались отъ нашего Общества: они были гораздо и несравненно торжественнѣе, чѣмъ собранія нашего Общества, но не имѣли регулярности, строгой оформленности, опредѣленнаго состава членовъ, субординаціи—и вообще энергія дѣятельности указанныхъ собраній зависѣла отъ многихъ случайностей, то возбуждавшихъ, то парализовавшихъ эту энергію, такъ что собранія могли или очень часто открываться или даже совсѣмъ закрываться на болѣе или менѣе продолжительное время. Но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, въ древней Византіи люди образованные показывали, какъ мы сказали, значительную ревность къ насажденію и утвержденію духовнаго просвѣщенія въ публикѣ; тамъ созывались собранія, имѣющія нѣкоторое сходство съ собраніями нашего Общества по своимъ задачамъ и дѣламъ—однимъ словомъ существовало то, что мы можемъ, не насилуя исторіи, назвать обществомъ любителей духовнаго просвѣщенія.

Спрашивается: что же это было за общество любителей духовнаго просвѣщенія въ Византіи былого времени?

Нижеслѣдующія разъясненія, которыя мы рѣшаемся пред-

ложить благосклонному вниманію достопочтейнаго собранія и составлять собою отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Византійское общество любителей просвѣщенія по своему происхожденію, представляетъ явленіе глубокой древности. Оно создавалось по мысли перваго христіанскаго и перваго же Византійскаго императора Константина Великаго; этотъ христіанскій императоръ былъ основателемъ его. Біографъ Константина знаменитый Евсевій говорилъ: „въ часы досуга Константинъ сочинялъ рѣчи, приносившія имъ къ потребностямъ народа, такъ какъ онъ считалъ своею обязанностию управлять поданными посредствомъ наставленій и во все свое царство вводить разумность. Для этого онъ созывалъ собранія, созывалъ соими святыхъ и благочестивыхъ мужей (т. е. лицъ христіанскаго исповѣданія) въ царскіе чортоги. Рѣчи, говоренныя Константиномъ, представляли ему множество случаевъ къ богословствованію. И многочисленныя толпы слушателей, по замѣчанію того же Евсевія, съѣзжали на эти собранія слушать философствующаго государя“¹⁾. Такъ возникло общество любителей просвѣщенія въ Византіи. И нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что первый христіанскій императоръ пришелъ къ такой поразительной мысли, какъ основаніе въ своемъ дворцѣ общества любителей духовнаго просвѣщенія. Константинъ совѣщающій въ себѣ всѣ качества просвѣщеннѣйшаго христіанина и проникательнаго руководителя христіанскаго народа. Характеристика Константина Евсевіемъ и собственное самосвидѣтельство этого государя даютъ намъ понимать, почему онъ ознаменовалъ себя указаннымъ учрежденіемъ. Любимымъ его чтеніемъ была Библія; ей онъ посвящалъ въ особенности ночи²⁾, какъ такое время, когда мысль не развлекалась ни чѣмъ внѣшнимъ. А развѣ углубленное чтеніе Св. Писанія давало мало пищи для его любознательнаго ума, мало поводовъ къ возникновенію вопросовъ, напрашивавшихся на рѣшеніе и размысленіе? При изученіи Св. Писанія занимали Константина въ особенности вопросы о ветхозавѣтныхъ пророчес-

¹⁾ Евсевія. Жизнь Константина, кн. IV, гл. 29. Eusebii. De laudibus Constantini oratio, cap. 2.

²⁾ Евсевія. Жизнь Константина, 1, 32; IV, 29.

твахъ и ихъ исполненіи ¹⁾). А развѣ это не такіе вопросы, которые занимали, занимаютъ и въ будущемъ не перестанутъ занимать умы самыхъ просвѣщенныхъ богослововъ? Вся языческая древность съ ея темными и свѣтлыми сторонами глубоко интересовала Константина; онъ зналъ не только грубыя заблужденія язычниковъ, открытыя и для поверхностнаго наблюдателя, не изучалъ лучшихъ философовъ и писателей языческаго міра—Платона и Виргилія, и изучалъ въ цѣляхъ научно-богословскихъ, именно для того, чтобы уяснить, въ какихъ отношеніяхъ философскія идеи Платона, не смотря на ихъ возвышенность, далеко уступаютъ ученію христіанскому и какимъ образомъ языческій міръ приготовлялся къ принятію Искупителя ²⁾). Все такіе вопросы, о которыхъ необходимо размышлять много для того, чтобы уяснить ихъ, и которые могутъ давать безконечное множество темъ для собесѣдованій. Говорить ли о томъ, что общество образованнѣйшихъ епископовъ, въ родѣ Евсевія Кесарійскаго составляло для Константина истинную потребность. Онъ и самъ любилъ читать богословскія сочиненія лучшихъ писателей своего времени и поощрялъ ихъ къ продолженію этого рода труда ³⁾). Итакъ Константинъ сдѣлался основателемъ общества любителей просвѣщенія не случайно, а потому что онъ чувствовалъ внутреннее призваніе положить починъ похвальному дѣлу. Онъ могъ быть (и былъ) не только дѣятельнѣйшимъ представителемъ ново-созданнаго общества, но и лучшимъ его украшеніемъ.

Всѣ лучшіе, просвѣщеннѣйшіе и любознательнѣйшіе изъ числа Константиновыхъ преемниковъ на тронѣ Византійскомъ, во все время существованія христіанской Византіи, т. е. до половины XV-го в., слѣдовали примѣру перваго христіанскаго императора, покровительствовали и содѣйствовали процвѣтанію общества любителей просвѣщенія. Императоры: Юстиніанъ Великій (527—565 г.), Левъ Мудрый (886—912), Константинъ Порфирогенитъ (912—959), Романъ III (1028—34), Константинъ Мономахъ (1042—1056),

¹⁾ Constantini oratio ad sanctorum coetum, cap. 16.

²⁾ Ibidem, cap. 9. 19—20.

³⁾ Евсевія. Жизнь Константина, III, 60; IV, 34—35.

Алексѣй I Комнинъ (1081—1118), Мануилъ Комнинъ съ сыномъ Алексѣемъ (1143—1183), Андроникъ Комнинъ (1183—85), Андроникъ II Палеологъ (1281—1332)—все они въ той или другой мѣрѣ содѣйствовали оживленію и развитію дѣятельности Византійскаго общества любителей просвѣщенія. Одни изъ нихъ прославились заботами о наукѣ и просвѣщеніи, желая въ этомъ отношеніи подражать Антонинамъ, Марку Аврелію и Августу, окружали себя философами и риториками, любили съ ними бесѣдовать, нѣкоторые изъ такихъ императоровъ на науку обращали больше вниманія, чѣмъ на дѣла управленія; ученые, принадлежавшіе къ этому кружку, изслѣдовали въ особенности трудные вопросы о сверхъестественныхъ предметахъ ¹⁾; дворецъ такихъ императоровъ открытъ былъ для образованнѣйшихъ людей, между которыми можно было встрѣчать и молодыхъ начинающихъ ученыхъ и почтенныхъ старцевъ, украшенныхъ сѣдиной ²⁾. Другіе изъ вышеперечисленныхъ императоровъ считали, какъ выражаются византійскіе историки, „небесную философію“ (т. е. богословскую науку и просвѣщеніе) дѣломъ важнымъ и цѣнили весьма высоко, „воздавали похвалы краснорѣчивымъ ораторамъ и, приближая ученыхъ къ своему трону, часто поощряли ихъ дарами и удостоивали немаловажныхъ почестей“ ³⁾.—Съ особеннымъ отличіемъ могутъ быть упомянуты здѣсь имена двухъ Византійскихъ императоровъ Мануила Комнина и Андроника II Палеолога. Ихъ дѣятельность, въ особенности послѣдняя изъ нихъ, направленная ко благо общества любителей просвѣщенія, вѣроятно не по случайнымъ причинамъ, изображена византійскими историками въ чертахъ очень яркихъ. О Мануилѣ одинъ византійскій историкъ говоритъ: „св. Писаніе задавало ему многіе трудные для пониманія вопросы, и онъ, доискиваясь ихъ рѣшенія, собиралъ къ

---

¹⁾ Mich. Psellus: Sathas, Bibliotheca Graeca, vol. IV, 30—31, 39; V, 123. Zonar. IV, 186. Edit Bonn. (Скабалановича. Византійская наука и школы въ XI в. Христ. Чт. 1884, т. 1, 347. 355).

²⁾ Psellus, IV, 119; V, 106—107, 131—132. (Скабалановича. Ibidem, стр. 356).

³⁾ Никиты Хоніата. Исторія: царствованіе Андроника, кн. II, гл. 5.

себѣ и спрашивалъ всѣхъ, кто отличался ученостію¹⁾. Въ царскій дворецъ при Мануилѣ, по его изволенію, съ указанною цѣлію приходили „сонмъ архіереевъ и всѣ отличавшіеся ученостію²⁾“. Описывая эти собранія, историкъ членовъ этихъ собраній именуетъ людьми „любящими заниматься божественными догматами“³⁾, т. е. прямо называетъ ихъ любителями духовнаго пресвѣщенія, — терминомъ, — которымъ обозначаются и члены нашего общества. Другой византійскій историкъ даетъ очень обстоятельныя свѣдѣнія о любительскихъ собраніяхъ при Андроникѣ Палеологѣ, и не находитъ достаточно словъ, чтобы восквалить покровителемъ этихъ собраній — Андроникомъ. Пусть эти похвалы преувеличены⁴⁾, не бѣда. Онѣ во всякомъ случаѣ свидѣлствуютъ, что члены этихъ собраній — а историкъ самъ былъ дѣятельнымъ членомъ ихъ — исполнены были горячихъ симпатій и благодарности къ тому, кто имѣлъ возможность поощрять и поощрялъ тогдашнихъ любителей пресвѣщенія. По словамъ историка, къ Андронику въ его чертоги люди науки „стекались подобно потокамъ; они постоянно окружали его, какъ Пифагора его ученики“⁵⁾. Собранія ученыхъ людей около Андроника напоминаютъ историкъ все то лучшее, что прославило эпоху классической образованности, — напоминаютъ ему объ Академіи, т. е. философской школѣ философа Платона, объ Лицѣѣ, т. е. ученой аудиторіи Аристотеля, и Стоѣ, т. е. философской школѣ Стоиковъ. Дворецъ Андроника, по словамъ историка, „справедливѣе всего было бы назвать жилищемъ всевозможнаго образованія“. Онъ же называетъ царскіе чертоги Андроника, столь доступные для ученыхъ, желавшихъ состязаться въ знаніи и раскрытіи научныхъ истинъ — называетъ „превосходнѣйшею гимназіею умственнаго обученія и полемъ для состязанія людей уче-

1) Никиты Хониата. Исторія, кн. VII, гл. 5.

2) Ibidem, гл. 6.

3) Ibidem, гл. 5.

4) Однако не здѣсь ли приобрѣлъ вкусъ къ изящному церковный историкъ Никифоръ Каллистъ, жившій при Андроникѣ и написавшій свою исторію такимъ прекраснымъ греческимъ языкомъ, что его прозвали церковнымъ Фукидидомъ?

5) Никифора Григоры. Византійская исторія, кн. VIII, гл. 8.

нихъ ¹⁾. И какъ бы недоумѣвая, какимъ бы именемъ обозначить кругъ ученыхъ, собиравшихся и дѣйствова во дворцѣ царя, историкъ называетъ его наконецъ поліею мудрости, акрополемъ учености. Членовъ Андроникова кружка и этотъ историкъ именуеъ „лами просвѣщенія“ ²⁾,—а это-то наименованіе при насъ; правда, онъ не прибавлялъ эпитета: *духовна* свѣщенія; но это само собой разумѣется: въ Византійскомъ свѣщеніи и наука имѣла строго-религіозный характеръ.

Мѣстомъ засѣданія византійскаго общества лю духовнаго просвѣщенія болѣею частію былъ царскіи дворецъ. Такъ было при основателѣ этого общества, такъ было и впослѣдствіи. Кстати скажемъ нѣсколько о византійскомъ дворцѣ Константина Великаго, въ которомъ происходили при немъ засѣданія описываемаго общества. Какъ скоро мы узнаемъ: чѣмъ былъ дворецъ, построены Константиномъ, то придется согласиться, что лучшаго для открытія и первоначальной дѣятельности общества просвѣщенія и придумать было невозможно. Дворецъ Константина былъ такъ устроенъ и обставленъ какъ будто бы и предназначался сдѣлаться нѣмъ для лицъ, ищущихъ христіанскаго просвѣщенія. Дворецъ былъ совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ были дворцы ихъ государей Римскихъ. Здѣсь не слышно стало пѣнъ „болтовни“, здѣсь слышатся теперь „гимны славословія“ священники сообщаютъ тонъ придворной жизни. Даворная прислуга и, лейбъ-гвардія отличаются пріимчивостію христіанскаго благочинія и проникнуты благочестивымъ строеніемъ. Разумѣется, самъ хозяинъ чертоговъ озабоченъ о томъ, чтобы слуги царскіе и тѣлохранители были изъ числа лицъ, достойныхъ быть вблизи благочестиваго вѣнценосца. Это были люди лучшихъ нравственныхъ качествъ. Украшенія дворца и тѣ сдѣланы вѣстниками, что и живеть христіолюбивый государь. Одна изъ лучшихъ украшеній дворца украшена была драгоценной мозаикой въ христіанскомъ стилѣ.

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Ibidem. Кн. VIII, гл. 8. Кн. X, гл. 2.

скомъ вкусѣ. Здѣсь „въ вызолоченномъ углубленіи потолка, въ самой срединѣ его сдѣлано было изъ драгоценныхъ камней и золота великолѣпное изображеніе знаменія страданій Христа“. Каждый поднимавшійся по ступенямъ крыльца, ведшаго во дворецъ, сейчасъ же могъ замѣтить, что онъ всходитъ въ жилище царя-христіанина. Надъ дверьми царскихъ палатъ утверждена была картина, сдѣланная изъ воску и росписанная цвѣтными красками. Картина изображала слѣдующее: ликъ императора, надъ головой его крестъ, а подъ ногами его драконъ, низвергающійся въ бездну. Она, картина, указывала на побѣду Константина надъ врагами христіанства, дѣйствовавшими подъ вліяніемъ тайнаго врага рода человѣческаго. Картина съ умысломъ поставлена была на внѣшней сторонѣ дворца—„на показъ всѣмъ“, чтобы всѣ знали, что владыка Римской имперіи ревностный христіанинъ ¹⁾. — Дворцы христіанскихъ преемниковъ Константина по убранству и обстановкѣ мало чѣмъ отличались отъ описаннаго дворца Константинова—и потому могли быть и были наиболѣе желанными мѣстами для засѣданій византійскаго общества любителей просвѣщенія. Кромѣ столичныхъ царскихъ чертоговъ мѣстами для засѣданія этого же общества служили: лѣтняя царская резиденція за городомъ ²⁾, патриаршія палаты ³⁾, болѣе удобныя помѣщенія у частныхъ просвѣщенныхъ лицъ столицы ⁴⁾, школьное зданіе, если школа находилась въ вліяніи знаменитаго ученаго богослова ⁵⁾. Во дворцахъ для засѣданія общества любителей просвѣщенія назначалась опредѣленная зала: такъ было во дворцѣ Константина Великаго. Здѣсь одинъ изъ чертоговъ сдѣлался, по выраженію Евсевія, „обычною аудиторіею“ этого императора ⁶⁾.—Что касается слушателей, собирав-

¹⁾ Лебедева. Константинъ Вел. въ частной жизни. Душеп. чтен. 1886, т. I, 174—175.

²⁾ Никит. Ховіат. кн. VII, гл. 6.

³⁾ Никифор. Григоры. кн. X, гл. 8.

⁴⁾ Киннама. Обзоръ царствованія Іоанна и Мануила Комнинныхъ, кн. VI, гл. 2.

⁵⁾ Изъ описанія Гергенретеромъ (Photius, В. 1, 332. 334—5) школы Фотія (до его патриаршества) видно, что она по своей дѣятельности часто была не столько училищемъ, сколько мѣстомъ засѣданія любознательныхъ друзей будущаго патриарха.

⁶⁾ Жизнь К—на, кн. IV, гл. 55.

зшихся на разсматриваемыя собранія, то составъ ихъ былъ очень разнообразенъ. Сюда принадлежали епископы ¹⁾, царскіе родственники, члены синклита, придворныя особы, ученые разнаго рода ²⁾, наконецъ народъ столичный, всегда любопытный и очень интересовавшійся словесными состязаніями. Собраніе слушателей было иногда чрезвычайно велико ³⁾.

Дѣятельныхъ членовъ византійскаго общества любителей просвѣщенія, т. е. такихъ членовъ, которые принимали на себя задачу занимать и поучать любознательную публику—подобныхъ лицъ во всѣ вѣка находилось въ Византіи много. Начать съ самого Византійскаго императора. Византійскіе императоры были большими охотниками готовить рѣчи и разсужденія и читать ихъ публично. Эти государи произносили публично, сочиненныя ими рѣчи, которыя на тогдашнемъ языкѣ назывались *σιλέυτια* (отъ латинскаго слова *silentium*), т. е. такія ораторскія произведенія, которыя требовали отъ слушателей сосредоточеннаго молчанія. Царственные ораторы могли брать очень разнообразныя темы для своихъ рѣчей, включая и темы религіозно-нравственнаго и строго-богословскаго характера ⁴⁾. Императорамъ соревновали въ этомъ отношеніи патріархъ и епископы, приближенные ко двору; по своему личному побужденію или же вызываемые къ тому какою-либо необходимостію, они принимали на себя дѣло публичныхъ ораторовъ ⁵⁾. Многочисленные византійскіе ученые также считали для себя болѣею честію дѣятельно участвовать въ дворцовыхъ собраніяхъ общества любителей просвѣщенія ⁶⁾. Образованнѣйшіе изъ числа провинціальныхъ епископовъ, и лица славившіяся ученостію, но не жившія въ столицѣ, если тѣмъ и другимъ приходилось посѣтить Византію, пользовались этимъ удоб-

¹⁾ Constantini. Oratio ad coetum sanctorum, cap. 1 et 2. Никиты Хоніат., кн. VII, гл. 6.

²⁾ Никиты Хон., *ibid.*

³⁾ Никоф. Григоры, кн. X, гл. I. Евсевія. Жизнь Константина, IV, 29.

⁴⁾ Никит. Хоніата, кн. VII, гл. 5. Du-Sange. Glossarium mediae Latinitatis. Tom. VI, p. 515—517.

⁵⁾ Наприм. Евсевій Кесарійскій, патріархи Фотій, Іоаннъ Веккъ и т. д.

⁶⁾ Въ примѣръ можно указать на извѣстнаго историка Никифора Григору (о немъ придется еще упомянуть послѣ).

ными случаемъ, что бы показать здѣсь свои знанія и таланты. Эти „гости“ временно становились членами византийскаго общества, любителей просвѣщенія и старались блеснуть своимъ краснорѣчіемъ¹⁾. — Всѣ перечисленные лица, хотя и являлись въ качествѣ дѣйствующихъ членовъ разсчитываемаго общества, но они были ораторами случайными. Къ ораторству въ обществѣ любителей побуждалъ ихъ не какой-либо долгъ, но лишь внутреннее влеченіе, часто очень сильное. Но рядомъ съ ними мы встрѣчаемъ среди образованнаго класса византийцевъ и такихъ лицъ, которыхъ были публичными ораторами по обязанности. Бытіе такихъ лицъ служило гарантіей, что общество любителей просвѣщенія, при всякомъ нужномъ случаѣ, не останется безъ ораторскаго праздника и уцѣлится отъ обязательныхъ ораторовъ не мало новаго для себя и занимательнаго и поучительнаго. Въ Византии существовала должность придворныхъ риторевъ. Какъ во все ученье тѣхъ временъ, они были, какъ сейчасъ увидимъ, знатоками христіанскаго богословія. Обычай имѣть риторевъ при Византийскихъ императорахъ былъ обычай древній и очень правившійся публикѣ. Если мѣсто какого-либо оратора почему либо оставалось вакантнымъ, образованные люди въ Византии брали на себя смѣлость напомнить императору о необходимости восполнить этотъ чувствительный пробѣлъ — назначить новаго ритора. До насъ сохранилась одна такая рѣчь, въ которой краснорѣчивый проситель побуждаетъ императора замѣтить почему-то сдѣлавшуюся вакантною должность придворнаго ритора, восхваляя при этомъ самый обычай имѣть придворныхъ риторевъ²⁾. Рѣчи

¹⁾ Евфимій Торникій, еписк. Неопатрскій (XII в.), обращаясь съ рѣчью къ императору Мануилу Комнину, говорилъ: „благо, что ты приотставилъ дальніе труды свои и хоть на короткое время прервалъ походы противъ варваровъ, да и мы *гости* твои посмотримъ на тебя хоть немного и поговоримъ тебѣ“. Еписк. Порфирія. Проповѣдники въ Греціи. Труды Киевск. Дух. Академіи, 1880, т. I, стр. 645—6.

²⁾ Прежде упомянутый Евфимій Торникій говорилъ похвальное слово императору Алексію II Комнину, въ которомъ между прочимъ побуждалъ его къ тому, чтобы назначить былъ новый придворный риторъ, когда появилась вакансія по этой должности. Вотъ начало этой рѣчи: „о, хорошій, *изобрелъ* существующій обычай говорить въ царскихъ палатахъ составителями рѣчи по правиламъ старѣйшей и общенародной риторики“. Порфирія еписк. „Проповѣдники въ Греціи“. Труды К. Д. А., 1880, т. I, 645—646.

древних придворных раторов и въ настоящее, б
вательно, время могутъ производить пріятное в
Извѣстный знатокъ греческой литературы, прео
фирій (Успенскій), ознакомившись съ некоторы
такихъ раторовъ, существующими въ рукописях
имъ данъ удивленія и говорятъ: „эти рѣчи виті
медоточивы; читая ихъ невольно припоминаеш
стихъ Гомера: „изъ устъ его рѣчи сладчайшія меда
Византійское общество любителей просвѣщенія
дать отъ этихъ раторовъ не только витіественн
но и исполненныхъ богословской эрудиціи. Поч
раторы были свѣдущими, какъ тогда выражались
бесной философіи¹⁾. Они были обычными конс
императоровъ по сложнымъ и труднымъ вопросамъ
скимъ, на нихъ возлагалось порученіе вести д
диспуты съ поборниками неправильныхъ богосло
зрѣній²⁾. Какъ высоко цѣнились Византійскими
рами богословскія познанія придворныхъ раторовъ
изъ того знаменательнаго факта, что на эту дол
рѣдко назначались лица, облеченные саномъ архі
Въ теченіе одного XII вѣка встрѣчаемъ троихъ
ныхъ раторовъ, имѣвшихъ этотъ санъ: епископа
Неопатрскаго и даже митрополитовъ: Михаила
кійскаго³⁾ и Палеопатрскаго, неизвѣстнаго по им
числу такихъ же раторовъ, на которыхъ лежала о
являться съ ораторскимъ словомъ въ Византійск
ствѣ любителей просвѣщенія, можно, кажется,
членовъ особой византійской коллегіи ученыхъ, б
назначеніемъ которыхъ было содѣйствовать успѣ
въ имперіи и преподавать различныя науки. Эту
состоявшую обыкновенно изъ двѣнадцати ученыхъ
называть Византійскою Академіею⁴⁾. Представи

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Какъ это можно видѣть въ дѣятельности придворнаго рит
Феодіана. Hergenröther. Photius patriarch., B. III, p. 791.

³⁾ Евпатима, кн. IV, гл. 16.

⁴⁾ Порфирія еписк. „Проповѣдники въ Греціи“ (см. выше).

⁵⁾ Кедринъ, Зонара и другіе историки указываютъ существо
коллегіи въ VIII в., въ эпоху иконоборческую. О продолженіи

Академіи обыкновенно подавали первый голосъ въ спорныхъ ученыхъ вопросахъ, не исключая вопросовъ богословскихъ ¹⁾. Что эта Академія не стояла въ сторонѣ отъ богословскихъ интересовъ, это достаточно открывается изъ того историческаго наблюденія, что во главѣ ея нерѣдко стояли лица духовныя. Напримѣръ однажды (вѣроятно, такъ было и не разъ) предсѣдателемъ въ Византійской Академіи былъ митрополитъ Никомидійскій, которому поручены были богословскіе диспуты съ лицами, заблуждающимися въ пониманіи догматовъ христіанства ²⁾. Нельзя сказать съ несомнѣнностію, что члены разсматриваемой Академіи являлись въ качествѣ должностныхъ ораторовъ въ византійскомъ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія; но тѣмъ не менѣе, если принять во вниманіе, что они были нерѣдко членами тѣхъ ученыхъ кружковъ, которые группировались вокругъ императоровъ ³⁾, то указанное предположеніе получаетъ большую вѣроятность.

Итакъ вотъ какъ много было лицъ, которыя могли содѣйствовать непрерывному процвѣтанію Византійскаго общества любителей просвѣщенія.

Ораторы эти, въ особенности талантливыѣшіе и краснорѣчивыѣшіе между ними, встрѣчали различнаго рода поощренія со стороны благодарныхъ слушателей, присутствовавшихъ на засѣданіяхъ этого общества. Одни изъ этихъ ораторовъ, преимущественно тѣ, для которыхъ нельзя было придумать какой либо осязательной награды, — каковыми были вѣнценосные витіи, довольствовались шумными знаками восторга со стороны слушателей, разумѣемъ—аплодисменты, въ которыхъ выражала свое удовольствіе и восторгъ признательная аудиторія. Объ этой дани талантамъ оратора нерѣдко читаемъ въ историческихъ источникахъ ⁴⁾. Другіе

ванія этой коллегіи въ XII вѣкѣ упоминаетъ: Anselmus Havelberg. Dialog. secund.: D'Achery. Specileg. Tom. I, 171.

¹⁾ Neander. Allgemeine Geschichte der Religion. B. II. Abtheil. 2, S. 616. Gotha, 1856. Schlosser. Geschichte der Bilderstürmen. Kaiser, S. 163.

²⁾ Hergenröther. III. 804.

³⁾ Скабалановича. Визант. наука и школы въ XI в. Христ. Чтен., 1884, I, 356.

⁴⁾ Евсевія. Жизнь К—ва, IV, 29. Никиты Хониата, кн. VII, гл. 6. Никифора Григоры, кн. X, гл. 2.

ораторы были поощряемы въ своемъ искусствѣ болѣе осязательнымъ образомъ. Императоры осыпали ихъ дарами и удостоивали лестныхъ почестей ¹⁾. Случалось, что иные изъ ораторовъ приобрѣтали такую славу, что для нихъ открывалась не мечтательная возможность украситься высокимъ саномъ Византійскаго патріарха ²⁾.

Попробуемъ теперь начертать образъ нѣкоторыхъ болѣе выдающихся витій византійскаго общества любителей просвѣщенія.

Мысль невольно обращается къ основателю этого Византійскаго общества, Константину Великому, — тѣмъ болѣе, что извѣстія о дѣятельности его, какъ талантливаго представителя этого самаго общества, не скудны. Обратившись къ христіанству, по долгому и глубокому размышленіи о суетности язычества, Константинъ всецѣло проникся идеалами христіанской религіи и чувствовалъ истинную потребность разъяснять эти идеалы для другихъ. Евсевій говоритъ о немъ, что онъ „душею своею преуспѣвалъ въ мудрости слова“ ³⁾, и это побуждало Константина не скрывать своей мудрости, а употреблять ее на пользу окружающихъ его. Вотъ происхожденіе его рѣчей, которыми онъ очень часто услаждалъ слухъ своего общества любителей духовнаго просвѣщенія. Болѣе точную и полную характеристику религіознаго витійства Константина находимъ въ слѣдующихъ его словахъ, съ которыми онъ обращается къ своимъ слушателямъ: „внимайте благосклонно вы, искренніе читатели Бога (т. е. христіане), внимайте не столько слову моему, сколько истинѣ словъ и взирайте не на меня, лице говорящее, а на благочестивое мое расположеніе. Можетъ быть я рѣшаюсь на дѣло трудное; но причиной этой рѣшимости служить любовь моя къ Богу—она полкрѣпляетъ робкаго. Поэтому я прошу помощи у васъ, особенно—свѣдущихъ въ божественныхъ таинствахъ—обращеніе къ епископамъ и

---

¹⁾ Никит. Хоніата: царствованіе Андроника, кн. II, гл. 5.

²⁾ Такое предложеніе дѣлаетъ императоръ Іоаннъ Кантакюзинъ Никифору Григорѣ, извѣстному витію того времени, имѣвшему самое близкое отношеніе къ изучаемому нами обществу.

³⁾ Жизнь Константина, книг. IV, гл. 55.

прочимъ духовнымъ лицамъ, — чтобы, слѣдя за мною, ист-
 правляли погрѣшность, если она случится въ моихъ словахъ.
 Не ждите отъ меня возвышенности ученія, а принимайте
 мои слова лишь, какъ выраженіе моей вѣры. Высшее вну-
 шеніе Отца и Сына да помогаетъ мнѣ высказать то, что
 оно положило мнѣ на языкъ и сердце. Ибо кто къ ратор-
 ской или иной рѣчи приступаетъ безъ Бога и надѣется со-
 вершить дѣло съ успѣхомъ, тотъ окажется недостаточнымъ
 и самъ по себѣ и въ своемъ дѣлѣ“. Съ такою замѣнатель-
 ною скромностію принималъ на себя Константинъ дѣло ре-
 лигіознаго учительства публики. Онъ не думалъ о ратори-
 ческомъ блескѣ, а лишь о вѣрномъ раскрытіи истины; онъ
 чувствовалъ робость, принимаясь за это дѣло, и просилъ,
 чтобы люди, болѣе его посвященные въ тайны религіи, смѣло
 поправляли его ошибки. Впрочемъ онъ исполненъ былъ
 уюванія, что у него есть Помощникъ, Который окажетъ
 ему нужное содѣйствіе къ успѣшному совершенію приня-
 таго имъ на себя дѣла; такимъ помощникомъ Константинъ
 признавалъ всемогущаго Бога. Къ этому-то всеосильному
 Помощнику Константинъ и обращается съ молитвою въ
 своихъ рѣчахъ. Такъ, однажды, прервавъ изложеніе своей
 рѣчи, царственный витія произноситъ слѣдующія молитвен-
 ные слова: „Ты, Христе, Спаситель всѣхъ, споспѣшествуй
 моей ревности по благочестію, Самъ прійди и указуй мнѣ
 образъ благоговѣйнаго вѣщанія, укрась мое разсужденіе о
 Твоей силѣ“ ¹⁾. Сообразно указаннымъ его представленіямъ
 о томъ, каковъ долженъ быть богословствующій ораторъ,
 Константинъ, по свидѣтельству Евсевія, когда держалъ пу-
 бличную рѣчь, походилъ больше на благоговѣйнаго служи-
 теля церкви, чѣмъ на обыкновеннаго витію. Если онъ въ
 своихъ рѣчахъ касался одного изъ величайшихъ догматовъ
 христіанства, то глубокое чувство благоговѣнія, переполняя
 сердце оратора, наглядно выражалось и внѣшнимъ обра-
 зомъ: считая неприличнымъ о такомъ священномъ предметѣ
 вести рѣчь сидя, Константинъ поднимался съ катедры и
 весь какъ бы преобразался: лице представлялось поник-

¹⁾ Oration ad coetum sanctorum, cap. 2. 11.

шимъ, слова выговариваются медленно, тонъ говора ниже, произношеніе тупое. Богословскія лекціи этого царя производили могучее впечатлѣніе: рѣдко вызвали въ слушателяхъ чувства восхищенія: дворцовая аудиторія оглашалась одобрительными и адресу витія. Но Константинъ пользовался и этимъ по себѣ ничтожнымъ, случаемъ для того, чтобы подать нравственный урокъ своимъ слушателямъ: минуту прерывалъ свою рѣчь, чтобы умѣрить шумъ торги слушателей и внушить имъ, что „похвалить надлежитъ одного Верховнаго Царя в Бога“¹⁾.

Какъ видимъ, Константинъ Великій представлялъ превосходный типъ витія, всецѣло отдающагося своему жившаго въ такіе часы высшими священнѣйшими, которые уже не оставляли жѣста ни для чего земнаго, житейскаго. Религіозная идея какъ бы вала его и уносила за предѣлы этого міра.

Совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ является предъ нами Комнинъ, очень любившій брать на себя разъясненіе словесныхъ вопросовъ и предлагавшій свои рѣшенія: вопросовъ въ видѣ публичныхъ рѣчей, для общаго данія. По словамъ одного его современника, онъ былъ объяснительнымъ (т. е. вообще христіанскаго) словомъ, который назывались силенціями и читалъ ихъ всѣхъ“²⁾. Рѣчи Мануила отличались многими достоинствами — силою доказательствъ, находчивостію и изворотливостью блестящимъ изложеніемъ. Всѣ эти качества Мануила опредѣлялись рѣдкими способностями эратора, о которыхъ съ удивленіемъ говорятъ современники и историки. По отзыву этихъ лицъ, онъ „роды богато надѣленъ былъ пріятнымъ даромъ владѣть краснорѣчіемъ“. А „проницательностію и пониманіемъ, по сужденію тѣхъ же писателей, онъ давалъ всѣхъ людей, жившихъ въ его время; если

¹⁾ Ефесія. Жизнь К—на, IV, 29.

²⁾ Никит. Хоніата, кн. VII, гл. 5.

нимался объяснять что-нибудь, то онъ раскрывалъ дѣло съ чрезвычайнымъ искусствомъ и ясностію—слова все тѣхъ же свидѣтелей—изъ какой бы части философіи ни былъ взятъ вопросъ—изъ богословскихъ ли наукъ или изъ чего другаго, потому что онъ изучалъ и божественное и свѣтское ученіе¹⁾. Если таковъ былъ Мануилъ по своимъ умственнымъ талантамъ и образованію, то неудивительно, что имѣя склонность составлять рѣчи, онъ составлялъ ихъ очень хорошо. Но дѣятельность Мануила въ качествѣ человѣка, обладавшаго даромъ витійства, заключала къ сожалѣнію много такихъ свойствъ, которыхъ никакъ нельзя похвалить. Иногда Мануилъ поднималъ тотъ или другой серьезный богословскій вопросъ вовсе не для того, чтобы добиться правильнаго его рѣшенія, а единственно для того, чтобы щегольнуть своей ловкой діалектикой. Благодаря своему краснорѣчію, онъ съ необыкновенною, но лишь кажущуюся убѣдительностію, могъ произносить превосходныя рѣчи и въ пользу и противъ извѣстнаго рѣшенія вопроса. Ораторскій турниръ доставлялъ необыкновенное удовольствіе этому императору. При Мануилѣ засѣданія общества любителей просвѣщенія перѣдко утрачивали свои серьезный и важный характеръ. Одинъ изъ современниковъ Мануила говоритъ о немъ: „случалось, что этотъ царь при разсужденіяхъ по вопросамъ вѣры принималъ другую сторону, противоположную той, какой держались присутствующіе въ собраніи, видоизмѣнялъ вопросъ и разсматривалъ спорный предметъ съ какой нибудь другой точки зрѣнія; дѣло получало другое направленіе, неожиданный оборотъ, неотразимая сила убѣдительности доводовъ Мануила скоро склоняла на его сторону и мысли слушателей. Эти послѣдніе одинъ за другимъ не только соглашались съ нимъ, но и всѣ наконецъ одобряли его сторону. Обсужденіе повидимому заканчивалось: цѣль собранія казалось достигнутой“. Но императоръ подъ предлогомъ обстоятельнѣйшаго уясненія дѣла, еще разъ возвращался къ рѣшенію того же вопроса, оставлялъ неожиданно свою и вмѣстѣ общую точку зрѣнія и снова

¹⁾ Киннама, кн. VI, гл. 2.

принималъ другую сторону, снова взвѣшивалъ пре-
ныя доказательства, приносилъ нѣчто новое.
Вопросъ казался вполнѣ изчерпаннымъ и въ концѣ
опять съ принудительной силою логики торжеств-
бѣду“ ¹⁾). Очевидно,—остроумному и сильному сво-
тикой императору нѣрѣдко больше всего нравились
словесныхъ состязаній, и мало его интересовал
состязаній, дѣйствительный ихъ результатъ. Ка-
назвать такой образъ дѣйствія, какъ не злоупотр-
своими талантами! Самоувѣренность Мануила, кот-
талъ себя непобѣдимымъ діалектикомъ, доходила
что разъ онъ объявилъ о своемъ намѣреніи по о-
гословскому вопросу переспорить всю византійск-
лигенцію. Онъ говорилъ: „вооружитесь и пос-
сразиться со мною, со мной однимъ, выступающимъ
всѣхъ васъ, но только сразитесь не силою рукъ,
венностью слова“ ²⁾). Къ чему все это приводи-
понять. Вся Византія поднималась на ноги, везд-
лись споры и шумъ; любители науки и просвѣще-
ко и дѣлали, что собирали собранія—то у царя,
ріарха, то у кого либо изъ частныхъ лицъ. С-
люди обращались къ магическимъ книгамъ и въ ни-
отвѣта на вопросъ: да чѣмъ все это кончится? ³⁾
ператору это-то и нужно было. Онъ желалъ быть
общественныхъ толковъ, желалъ апплодисментс
истины ему, если не всегда, то очень часто, и
дѣла.

Вотъ другой типъ дѣятельнаго члена византійс-
ства любителей просвѣщенія. Мануилъ былъ иск-
туозъ слова, игравшій своими талантами и діалект-
походилъ на актера, мѣняющаго комедійныя личи-
умолчать о томъ, что въ Византіи нашлось не м-
людей, которые отъ души восхищались витійстве-
оружіемъ Мануила; ⁴⁾ но далеко не всѣ такъ ж

¹⁾ Eustathii metrop. Thessalonic. Laudatio funebris Manuelis
13. Migne. Gr. tom. 135, p. 980—981.

²⁾ Киннама, кн. VI, гл. 2.

³⁾ Киннама, *ibid.* Никит. Ховіат., кн. VII, гл. 5.

⁴⁾ Никит. Ховіат., кн. VII, гл. 6.

сались къ софисту — императору. Другіе выражали твердую увѣренность, что этому императору не избѣжать небесной кары; они говорили: „если не теперь, то послѣ смерти, тамъ непремѣнно онъ будетъ преданъ анаемѣ“¹⁾.

Охарактеризуемъ еще Андроника II Палеолога, одного изъ самыхъ дѣятельныхъ представителей византійскаго общества любителей просвѣщенія. Современникъ Андроника, историкъ Григора, близко знавшій жизнь этого государя, даетъ достаточно свѣдѣній, чтобы мы могли составить себѣ понятіе объ Андроникѣ въ изучаемомъ нами отношеніи. Андроникъ замѣчательнъ былъ какъ своимъ умомъ, такъ и даромъ слова. „Въ краснорѣчіи — говоритъ Григора, онъ далеко превосходилъ другихъ“. Его познанія были обширны во всѣхъ наукахъ, но исключая богословія. Какъ вѣтъ, онъ казался неистощимымъ. „Его краснорѣчіе не таково, говоритъ историкъ, чтобы истощиться въ своемъ теченіи, или чтобы приносить плоды, отличающіеся недозрѣлостію мысли. Нѣтъ, оно было такъ обильно, что изъ его краснорѣчія всякій во всякое время и сколько угодно могъ черпать полными чашами“. Въ своихъ безчисленныхъ рѣчахъ „онъ свободно отвѣчалъ на всѣ возможные вопросы, прекрасно рассуждалъ о предметахъ, неизвѣстныхъ другимъ, достойнѣйшимъ образомъ говорилъ о вещахъ, требующихъ вниманія и сосредоточенности“. Своими рѣчами, по замѣчанію того же историка, Андроникъ сдѣлалъ изъ своего дворца и Академію, и Лицей, и Стою, такъ что можно было называть его жилище „жилищемъ всевозможнаго образованія“. Слушатели его рѣчей относились къ оратору съ величайшимъ уваженіемъ. „Съ напряженнымъ слухомъ и сдержаннымъ дыханіемъ ловили они его слова, какъ бы это были отвѣты челоуѣка свыше вдохновеннаго“. При слушаніи его рѣчей, „они соблюдали мертвую тишину, такъ какъ природа, говоритъ историкъ, къ сожалѣнію не надѣлила всѣхъ частей тѣла слухомъ, какъ мисологія надѣляетъ свои существа глазами“. Посѣтители его аудиторіи приходили въ восторгъ, когда слушали его, и чувствовали въ своихъ ушахъ какъ

¹⁾ Киннама, VI, 2.

бы пріятные отголоски, когда уходили отъ него: с удовольствіемъ оставалось въ нихъ надолго, точи меда на языкѣ; когда его отвѣдаешь“. Витія дѣла новъ его ученаго кружка „страстными поклонника Калліопы“. Слушатели изъ рѣчей Андроника извлекали очень разнообразную пользу. По заявленію и „ни кого не было, кто былъ слушателемъ Андроника, тоже время не вынесъ отсюда величайшей пользы него, Андроника, „одни пріобрѣтали нравственнее ніе и умноженіе знанія (разумѣется, и богословскія гіе усовершенствовались въ краснорѣчіи и въ и разсуждать“. „Кто надѣленъ былъ способностями роды, тотъ, по свидѣтельству историка ¹⁾, приносилъ расные плоды, подѣ влияніемъ Андроника“. И дѣйствительно историкъ Григоръ, несомнѣнный слушатель Андроника, церковный историкъ Никифоръ Каллистъ, весьма и тоже бывшій слушатель Андроника ²⁾, служатъ доказательствомъ той научной пользы, какую общество любителей просвѣщенія разсматриваемаго въ въ особенности въ богословскомъ отношеніи, такъ этой именно стороны пользуются извѣстностью сей званіе два византійца.

Андроникъ, какъ видимъ изъ приведеннаго описанія личности и дѣятельности, представлялъ собой своего типа оратора разсматриваемаго общества. Его слушательностью, съ какой слушаютъ питомцы школъ липмѣйшаго наставника интересной науки. Кажется, Андрей самъ забывалъ о томъ, что онъ не профессоръ въ а царь: такъ не обыкновенно ревностно занимался онъ просвѣтителемъ дѣломъ въ качествѣ любителя науки. Онъ ставилъ себѣ задачи скромныя—быть и полезнымъ для своихъ слушателей въ нравственномъ отношеніи и въ тѣхъ знаніяхъ, которыя составляли неотъемлемую принадлежность образованнаго византійца XIV вѣка

¹⁾ Никифоръ Григоръ, кн. VIII, гл. 8.

²⁾ Свою церковную исторію Каллистъ посвятилъ имени Андрея, о всей вѣроятности—не случайно.

Въ византійскомъ обществѣ любителей просвѣщенія читались рефераты, трактаты, поученія и разсужденія самаго разнообразнаго характера. Здѣсь можно было слышать рѣчи о исторіи, какъ наукѣ ¹⁾, — исторіи, которая тогда была, по ея основнымъ идеямъ и методу обработки, родной сестрою церковной исторіи; объ астрономіи, къ которой древніе питали почти благовѣйныя чувства ²⁾. Здѣсь читались обстоятельные рефераты, въ которыхъ со тщательностію и полнымъ знаніемъ дѣла, описывались важнѣйшіе памятники христіанской архитектуры, тотчасъ по ихъ возникновеніи. Такъ Павелъ Силенціарій, современникъ Юстиніана, когда построенъ былъ знаменитый Софійскій храмъ, описалъ его въ двухъ рефератахъ, изложенныхъ стихами, изъ которыхъ въ одномъ, прочитанномъ во дворцѣ, Павелъ въ подробности изобразилъ самый храмъ съ его красотою, а въ другомъ, произнесенномъ въ патриаршихъ палатахъ, описалъ все величіе и изящество Софійскаго амвона, представлявшаго собой тогда особое небольшое зданіе, находившееся въ зданіи храма. Труды Павла Силенціарія сохранили полную цѣну и до нашего времени; безъ Павла мы почти ничего не знали бы о внутреннемъ убранствѣ великолѣпнѣйшаго изъ храмовъ ³⁾. Тоже самое сдѣлалъ Евсевій Кесарійскій, описавшій въ рѣчи, произнесенной въ Константинопольскомъ дворцѣ, въ присутствіи Константина, построенный въ это царствованіе, по приказанію самого царя, храмъ Іерусалимскій на мѣстѣ открытія гроба Господня. Къ сожалѣнію, этотъ рефератъ Евсевія не дошелъ до насъ. Здѣсь, въ изучаемомъ нами обществѣ, далѣе, произносились панегирики въ честь императоровъ по случаю какихъ либо юбилеевъ ихъ царствованія ⁴⁾, или по случаю ихъ кончины ⁵⁾, а равно ученые ораторы платили рѣчью императору, въ случаѣ, если онъ являлъ имъ какіе либо знаки своихъ милостей ⁶⁾; или

¹⁾ Такую рѣчь произноситъ Андроникъ. См. Григоры, кн. I, гл. 1.

²⁾ Рѣчь Андроника. Григоры, кн. VIII, гл. 13.

³⁾ Pauli Silentarii: Descriptio basilicae sanctae Sophiae, et: Descriptio ambonis ejusdem basilicae (Migne, Gr. tom. 86).

⁴⁾ Жизнь Константина, IV, 33. 46.

⁵⁾ См. у Григоры, X, гл. 1.

⁶⁾ Ibidem. VII, 8.

же читались рѣчи въ память какихъ либо почивши оказавшихъ услуги отечеству ¹⁾. Здѣсь можно было рѣчи или трактаты религіозно-практическаго характера прим. здѣсь обличались нравственные недостатки общества ²⁾; разъяснялся вопросъ: полезно ли си Латинянами по поводу ихъ разногласій съ православными ставился и рѣшался вопросъ объ исправленіи ю календаря въ связи съ вопросомъ о пасхальномъ Здѣсь же наконецъ читались разсужденія богословскаго держанія и религіозныя поученія. Съ теченіемъ кажется, не стало богословскаго вопроса, который ходилъ бы чрезъ это горнило испытанія, прежде чѣмъ былъ рѣшенъ положительно. Какія-же поученія читались на этихъ собраніяхъ, объ этомъ можетъ дать представленіе перечень поученій, сказанныхъ въ чертогахъ императоромъ Львомъ мудрымъ ³⁾. Отъ хранилось до насъ не менѣе двадцати рѣчей на самыхъ разнообразныхъ случаяхъ: по нѣскольку рѣчей въ честь Бога на Преображеніе Господня, въ честь апостола Петра, на одной рѣчи: на вознесеніе Господне, на воздвиженіе въ честь св. Духа, апостола Павла, пророка Исаіи, на праздникъ Ваіи, на Великую субботу и т. д. Замѣчу у Льва есть похвальное слово св. Іоанну Златоусту, которое занимаетъ въ одномъ греческомъ изданіи 60 большихъ страницъ, и которое, слѣдовательно, было для его прочтенія не одинъ часъ; а рѣчь Льва въ честь св. Климента Анекирскаго изложена кратко ⁴⁾. Слѣдуетъ упомянуть кстати, что обыкновенно ставлять и читать богословскаго содержанія рѣчи на жественныхъ собраніяхъ, въ присутствіи государя и вельможъ нѣкогда начало—было при

¹⁾ Евсевія. Жизнь К—на, IV, 55.

²⁾ Ibidem, гл. 29.

³⁾ Никифора Григоры, кн. X, 8.

⁴⁾ Ibidem, VIII, 13.

⁵⁾ Ipse (Левъ) non solum piissime doctissimeque scripsit, sed loco et in circumfusa multitudinis corona magno cum plausu Leonis: Migne, Gr. tom. 107, pag. XVII.

⁶⁾ Migne, ibidem, pp. 228. 665 et cet.

и у насъ на Руси. Знаменитое поученіе: „о заповѣдѣхъ и благодѣлахъ“ русскаго митрополита Иларіона XI-го вѣка, современника Ярославова, по сужденію специалистовъ, есть ничто иное, какъ торжественная рѣчь, произнесенная въ публичномъ собраніи, на которомъ засѣдали Ярославъ и боярский синклитъ¹⁾. Къ сожалѣнію, это былъ первый и послѣдній примѣръ засѣданія Русскаго общества любителей духовнаго просвѣщенія, при такой же обстановкѣ, какъ это было въ Византіи.

Для большей ясности представленія о характерѣ и свойствахъ этихъ самыхъ рѣчей, познакомимся хотя вкратцѣ съ содержаніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, при чемъ — гдѣ позволатъ то источники, укажемъ и тѣ ближайшія обстоятельства, которыми сопровождалось произнесеніе ихъ. По обыкновенію — начнемъ съ Константина Великаго. Отъ него сохранилась до насъ большая рѣчь извѣстная подъ именемъ: „рѣчь къ обществу святыхъ“, т. е. христіанъ²⁾. Приведемъ нѣкоторыя черты изъ этой рѣчи для ея характеристики. Здѣсь Константинъ между прочимъ подвергаетъ критикѣ языческую ученость и литературу, которыми, къ униженію христіанъ, превозносились язычники, но эта критика Константина чужда была пристрастія и односторонности. Рассуждая о языческой философіи, Константинъ признавалъ значеніе Платона и говорилъ, что „Платонъ былъ наилучшимъ между философами“, но христіанскій критикъ видѣлъ и недостатки этой философской системы, онъ съ проищательностію обличаетъ всѣ главнѣйшія заблужденія, показывавшія, что философія Платона совершенно меркнетъ при сравненіи съ христіанской истиной. Столь же правильныхъ взглядовъ держится ораторъ и по отношенію къ языческимъ поэтамъ. Онъ не раздѣляетъ восторговъ тѣхъ язычниковъ, которые слишкомъ высоко ставили своихъ поэтовъ. По его сужденію, поэты древности не могутъ считаться учителями религіозной истины, которыми считали ихъ язычники, потому что въ ихъ твореніяхъ онъ находилъ много очевидной

¹⁾ Проф. Е. Е. Голубинскаго. Исторія Русской церкви. Т. I, 1-я половина, стр. 690—693 (изд. 1-е).

²⁾ Евсевія. Жизнь К—ва, IV, 32.

лжи, не свойственной тому, кто возвѣщаетъ дѣйствительную истину о божественной природѣ ¹⁾). Изъ поэтовъ Константинъ отдавалъ рѣшительное предпочтеніе Этому римскаго поэта онъ называлъ „мудрѣйшимъ“ и пользовался его произведеніями для доказательства христіанскаго ученія о приготовленіи всего рода чело-вѣкъ къ принятію Испытателя ²⁾). Съ неменьшимъ усердіемъ занимается въ своей рѣчи разрѣшеніемъ вопросовъ, имѣющихъ еще болѣе близкое отношеніе къ христіанскому богословію. Вотъ, наприм., какіе занимали его богословствующій умъ и на какіе сильныя отвѣты: возможно ли было для Бога чело-вѣческую волю лучше и болѣе кроткою, допускали мнимые философы его времени; въ чело-вѣческое рожденіе Сына Божія, когда Богъ только одинъ всякаго измѣненія? Или еще: есть ли хоть нѣкоторая тѣлесность въ томъ мнѣніи, которое высказывалось нечестивцами, что Христосъ былъ осужденъ, и что Виновицы жизни на законномъ основаніи были жизни? ³⁾ Конечно, нужно было имѣть очень богословскій умъ, чтобы обращать вниманіе на такіе какъ сейчасъ приведенные. Въ разсматриваемой рѣчи Константинъ показываетъ стремленіе изучать св. Писаніе — серьезнымъ образомъ. Здѣсь его занимало исполненіе ветхозавѣтныхъ пророчествъ. Египетскія этихъ вопросовъ приобрѣтаютъ особый интересъ въ отношеніи, что онъ пользуется, какъ средствомъ для объясненія ветхозавѣтныхъ пророчествъ, личнымъ опытомъ и наблюденіями. Такъ читая пророчество Іереміи, что и Вавилонъ опустѣютъ и съ отечественными святыми останутся необитаемы (Іер. 46, 19), царь называетъ это пророчество сбылось во всей точности. „И я не по слуху, замѣчаетъ вѣнценосный ораторъ, желаю, какъ самовидецъ: я самъ былъ свидѣтелемъ видѣть жалкой участи тѣхъ городовъ“ ⁴⁾).

¹⁾ Сл. 9. 10.

²⁾ Сл. 19—20.

³⁾ Сл. 12.

⁴⁾ Сл. 16.

Современникъ Константина и другъ его, Евсевій Кесарійскій въ своихъ собственныхъ сочиненіяхъ сохранилъ для насъ свѣдѣнія о тѣхъ публичныхъ рѣчахъ, которыя говорилъ онъ самъ во дворцѣ, въ присутствіи перваго христіанскаго императора. Болѣе любопытною представляется рѣчь его о гробѣ Спасителя. Къ сожалѣнію, эта рѣчь Евсевія утрачена, и мы имѣемъ о ней лишь краткія извѣстія. Но во всякомъ случаѣ мы знаемъ, что она посвящена была исторіи открытія въ Іерусалимѣ пещеры гроба Господня, во дни Константина, и заключала описаніе великолѣпной базилики, построенной здѣсь по приказанію того же императора. Евсевій въ своей рѣчи объяснялъ: какова была та спасительная пещера, которая открыта въ Іерусалимѣ, каковъ былъ тотъ храмъ, который только что построенъ на этомъ мѣстѣ, какъ велика была щедрость царя по этому случаю, выразившаяся во многочисленныхъ его приношеніяхъ—золотомъ, серебромъ и драгоценными камнями ¹⁾. Заслуживаетъ упоминанія одно обстоятельство, отмѣченное самимъ Евсевіемъ и касающееся произнесенія разсматриваемой рѣчи. На предложеніе Евсевія выслушать рѣчь, Константинъ отвѣчалъ согласіемъ и созвалъ многочисленное собраніе. Предвидя возможность утомленія при не кратковременномъ слушаніи рѣчи, Евсевій предложилъ царю сѣсть на находившійся тутъ же тронъ и слушать сидя, но царь отказался отъ этого предложенія. Затѣмъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ Константинъ прерывалъ оратора и съ своей стороны дѣлалъ замѣчанія, направленныя къ подтвержденію христіанской истины, если это могъ сдѣлать царь на основаніи собственнаго опыта. Рѣчь оказалась очень длинною. Прошло уже много времени, и Евсевій хотѣлъ было прекратить рѣчь, не окончивъ ея. Но Константинъ не позволилъ этого сдѣлать; когда же просили его хоть присѣсть, онъ снова отказался, выразивъ мысль, что подобнаго характера рѣчи приличнѣе выслушивать стоя ²⁾.

Познакомимся съ содержаніемъ рѣчей и другихъ витій, лицъ не столь извѣстныхъ въ исторіи, какъ Константинъ и

¹⁾ Жизнь Константина, IV, 46.

²⁾ Евсевія. Жизнь К—на, IV, 33.

Евсевій. Остановимся своимъ вниманіемъ прежде императорѣ Мануилѣ Комнинѣ. Много рѣчей насено имъ или написано и прочитано. Какъ мы з Мануила не всегда можно было ожидать рѣчей, цѣлю уясненіе чистой истины. Къ числу вопро- торыхъ онъ однакожъ ораторствовалъ съ наиболь- ностию и искренностию, относится вопросъ о бо- товомъ. Сущность дѣла въ слѣдующемъ: въ требникахъ XII вѣка, въ чинѣ оглашенія, отъ пер- изъ магометанства въ православіе между прочимъ- лось произнесеніе анаѳемы на бога Магометова. пожелалъ исключить это требованіе изъ чина какъ несообразное съ представленіемъ о Богѣ е, по какой-то причинѣ встрѣтилъ сильное сопроти- стороны епископовъ. Императоръ однакожъ рѣшил на своемъ. Онъ началъ говорить рѣчи, или же зна- значая ихъ для публичнаго чтенія. Въ своихъ р- до- казывалъ, что всякая вообще хула противъ Бо- соблазномъ для магометанъ, если они хотятъ въ христіанство. Мануилъ объявлялъ, что его нас въ вопросѣ проистекаетъ изъ сознанія его долга- занности, какъ царя. „Я былъ бы неблагодаренъ разсуденъ, разсуждалъ онъ, если бы не воздалъ- дыкъ и Царю всяческихъ Богу хотя самую малу всѣмъ тѣмъ благодѣяніямъ, которыя я отъ Него получи употребилъ бы съ своей стороны всякаго старан- чтобы Его, истиннаго Бога, не подвергали анаѳемъ привлечь на сторону своего мнѣнія образованныйш- Византіи, онъ приказывалъ нѣкоторые изъ сво- читать публично въ царскихъ чертогахъ. И дѣй- это средство повело къ предполагаемой цѣли. Пу- переходить на сторону Мануила. Чтеніе его рѣче- шумные аплодисменты. Одинъ византійскій ист- одной изъ такихъ рѣчей Мануила говоритъ: „хот- деніе царя и не было богато поучительными сло- святаго, но приправленное краснорѣчивыми дово- вѣческой мудрости имѣло такую силу убѣдитель- едва могли оторвать свой слухъ отъ него не то

обращающіе вниманіе лишь на изящность и пріятность изложенія, но даже и тѣ, которые умѣли вникать въ самый смыслъ написаннаго“ ¹⁾). Споръ кончился торжествомъ для Мануилова краснорѣчія.

Изъ числа менѣе извѣстныхъ ораторовъ стоитъ знакомства ученый XIV вѣка, Никифоръ Григора. Содержаніе его рѣчей было разнообразно и можетъ вполне подлежать нашей оцѣнкѣ, такъ какъ этотъ ученый постарался почти цѣлкомъ записать свои рѣчи въ составленной имъ исторіи, сохранившейся до насъ. Дадимъ анализъ двухъ рѣчей Григоря. Одна изъ нихъ разъясняетъ вопросъ: полезно ли спорить съ Латинянами по поводу ихъ разногласій съ православными? Случай къ произнесенію этой рѣчи данъ былъ слѣдующими обстоятельствами. Въ 1333 году папа прислалъ въ Константинополь двухъ западныхъ епископовъ для переговоровъ о соединеніи церквей Западной съ Восточною. Необходимо было вступить въ состязаніе съ прибывшими епископами. Византійскій патріархъ захотѣлъ поручить это дѣло Никифору Григорѣ, отличавшемуся бойкостью рѣчи, находчивостію въ аргументахъ и богатствомъ богословскихъ знаній. Но Григора всякіе споры съ Латинянами считалъ бесполезными, и въ этомъ смыслѣ сказалъ рѣчь въ патріаршихъ палатахъ, при многочисленномъ собраніи. Въ своей рѣчи Григора раскрывалъ такіа мысли: „я не вижу для какой пользы и для какой цѣли стали бы мы вступать въ состязаніе съ Латинянами, когда вѣдь это дѣло рѣшенное, что мы никогда не согласимся съ мнѣніями Латинянъ, ни они съ нашими, хотя бы въ нашу пользу заговорили бы всѣ камни и всѣ деревья“. Самый способъ диспутированія, принятый у Латинянъ, казался Григорѣ несоотвѣтствующимъ цѣли. Они любили диспутировать силлогизмами. Но Григора подвергаетъ строгой критикѣ этотъ способъ состязаній. „Мы знаемъ, говоритъ онъ, что Латиняне въ состязаніяхъ прибѣгаютъ къ силлогизмамъ. Но мы съ своей стороны находимъ, что силлогизмъ не имѣетъ мѣста ни какъ научное доказательство, ни какъ логическій выводъ, тамъ гдѣ идетъ

¹⁾ Никит. Хоніат., VII, гл. 6.

вопросъ о Богѣ и божественной Троицѣ. Безполезна здѣсь и діалектика съ ея лишь вѣроятными и сомнительными посылками. Всякому извѣстно, что діалектика есть вещь обоюдоострая, она можетъ служить столько же для изобличенія лжи, сколько и для извращенія истины“. Григора не ожидалъ никакой пользы отъ состязаній съ Латинянами еще и потому, что какъ ни кончился бы диспутъ съ Латинянами, эти послѣдніе не приминутъ провозгласить, что верхъ взяли именно они. Онъ говоритъ: „на собраніяхъ съ присущемъ имъ надменностію Латиняне брызжутъ цѣлымъ потокомъ словъ, а потомъ, вышедши оттуда, всюду безстыдно распускаютъ молву, что будто они одержали побѣду“. Григора видитъ въ этомъ мелочность латинянъ. Рѣчь оратора, по его словамъ, произвела наилучшее впечатлѣніе на патріарха и всѣхъ прочихъ слушателей ¹⁾. Другая рѣчь Григоры посвящена интересному вопросу о необходимости исправленія Юліанскаго календаря. Предметъ рѣчи былъ очень щекотливъ, потому, что дѣло шло между прочимъ и о желательныхъ существенныхъ перемѣнахъ въ общепринятомъ пасхальномъ кругѣ. Григора поэтому опасался, что ему не только не позволятъ произнести своей рѣчи, но что еще пожалуй „съ насмѣшками и безчестіемъ“ его вытолкнутъ изъ собранія, гдѣ онъ собирался изложить свои мысли; да къ тому же референтъ напередъ зналъ, что лишь немногіе изъ присутствующихъ оцѣнятъ достоинство его доклада въ виду того, что лишь немногіе знакомы были съ астрономіей, съ которой рефератъ соприкасался своимъ содержаніемъ. Но, къ счастью, Григору взялъ подъ свое высокое покровительство императоръ Андроникъ, онъ предоставилъ этому ученому свободу слова—и рѣчь произнесена во дворцѣ, въ присутствіи императора и множества слушателей. Въ ней Григора показываетъ свою разнообразную и основательную ученость: сообщаетъ необходимыя свѣдѣнія по части астрономіи, говоритъ о неодинаковомъ лѣтоисчисленіи у разныхъ народовъ, обстоятельно передаетъ сущность древнихъ споровъ о времени празднованія пасхи и т. д. А главное, Гри-

¹⁾ Исторія, кн. X, гл. 8.

гора доказывалъ необходимость исправленія календаря. Императоръ Андроникъ съ удовольствіемъ выслушалъ сообщеніе Григоры и согласился съ его соображеніями. Но приступить къ исправленію календаря однако отказался. Онъ боялся, что это дѣло произведетъ волненіе между простыми людьми и несогласія въ церкви. „Не легко, говорилъ еще Андроникъ, согласить всѣхъ православныхъ, живущихъ на материкѣ и островахъ, и склонить на такое исправленіе, а праздновать пасху по своему только намъ (Византійцамъ) тоже было бы не хорошо“. „Такимъ образомъ императоръ находилъ болѣе удобнымъ оставить дѣло такъ, какъ оно было прежде; а мнѣ кажется—настаиваетъ Григоръ—лучше было бы сдѣлать наоборотъ“ ¹⁾. Нельзя не добавить, что взгляды Григоры раздѣляли потомъ въ Византіи нѣкоторые астрономы и хронологи. Къ чести Григоры нужно сказать, что по заявленію самихъ западныхъ ученыхъ папа Григорій XIII въ XVI вѣкѣ произвелъ исправленіе Юліанскаго календаря почти въ томъ самомъ родѣ, какъ проектировалъ греческій ученый XIV вѣка ²⁾.

Въ заключеніе нашей бесѣды скажемъ нѣсколько словъ о значеніи византійскаго общества любителей духовнаго просвѣщенія для своего времени. Одинъ византійскій историкъ говоритъ о единоплеменномъ ему народѣ: „теперь тайны богословія кажутся понятными даже для самихъ ремесленниковъ, и всѣ ждутъ преній такъ же нетерпѣливо, какъ скотъ—молодой травы и луговъ“, замѣчаетъ не очень разборчивый въ выраженіяхъ историкъ. Случалось, что народъ прямо требовалъ отъ патріарха, чтобы самъ онъ или кто либо изъ лицъ ученыхъ непременно принималъ на себя задачу публично состязаться съ какими либо иномыслящими въ вѣрѣ ³⁾. Это свидѣтельствовало, что народъ византійскій съ большимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на публичное разъясненіе въ особенности богословскихъ вопросовъ. И значить существованіе общества любителей просвѣщенія, въ которомъ не всегда происходило спокойное чтеніе рефе-

¹⁾ Никиф. Григора, X, 13.

²⁾ Vita Nicephori Gregorae. Migne, Gr. tom. 148, p. 22.

³⁾ Никиф. Григора, X, 8.

ратовъ, но и велись споры и состязанія, — отвѣ-
ностямъ и склонностямъ публики.

Еще больше имѣло значеніе это общество к:
ученыхъ, которые принимали дѣятельное участ-
такъ и для раскрытія самыхъ вопросовъ, котор-
лись здѣсь. Попасть въ дѣйствительные члены Е-
общества любителей, т. е. быть причислену къ и-
имѣвшихъ право произносить рѣчи и читать и
его собраніяхъ — многіе ученые того врем-
великою для себя честію тѣмъ больше, что не-
всякому удавалось добиться этого ¹⁾. И не дар-
лись этой чести. Если хоть на половину есть
томъ, что говорить Никифоръ Григора о кру-
лей просвѣщенія, группировавшемся около имп-
дроника (а Григора называетъ его Академіей,
Стойей, митрополіей мудрости, акрополемъ учен-
добный кружокъ могъ быть въ высшей степе-
для успѣховъ науки, и въ особенности богосл-
котораго тогда считалось необходимою принадле-
даго просвѣщеннаго человѣка, начиная отъ са-
до послѣдняго изъ тѣхъ лицъ, кто причислялъ
зованному классу. Во всякомъ случаѣ Григора
правъ, когда утверждалъ, что „общество уче-
вится еще ученѣе“ ²⁾ отъ участія въ тѣхъ пуб-
свѣщенныхъ собраніяхъ, о которыхъ у насъ
понятно: въ этихъ собраніяхъ принимали учас-
нѣйшіе люди Византіи, здѣсь подымались и р-
болѣе интересныя вопросы, здѣсь можно бы-
много умнаго и поучительнаго, здѣсь происхо-
успѣшно вести которые могъ только тотъ изъ
щества, кто обладалъ не только діалектикой, и
тельными знаніями. Не малое значеніе имѣли
для участниковъ въ нихъ и потому еще, что
дила мѣсто свобода слова, не та свобода сл-
безъ разбора почти все порицаетъ и чернить

¹⁾ Ibidem, кн. VIII, гл. 7.

²⁾ Ibidem, кн. X, гл. 1.

торая помогаетъ любителю истины необязательно выражать и охранять истину. Только благодаря свободѣ слова, допускавшейся на этихъ собраніяхъ, Никифоръ Григора, какъ онъ самъ объ этомъ свидѣлствуетъ, могъ прочитать здѣсь свой рефератъ о необходимости исправленія Юліанскаго календаря. Свободу слова, составлявшую принадлежность разсматриваемыхъ собраній, защищали, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, и такіе Византійскіе императоры, которые свое личное мнѣніе даже по догматическимъ вопросамъ ставили всегда выше мнѣнія лицъ наиболее компетентныхъ. Такъ Мануиль говорилъ своимъ противникамъ по одному богословскому вопросу: „кто отнималъ у васъ свободу слова? Изгонялось ли когда либо ваше слово отъ нашего престола“? Онъ находилъ, что нѣтъ никакого удовольствія одерживать „побѣду надъ побѣжденнымъ“ ¹⁾. При такихъ условіяхъ истина могла выясняться въ полной мѣрѣ. Правда, по временамъ случалось, что спорившіе по тому или другому вопросу дѣлились на партіи, споры затягивались на цѣлыя годы, являлась даже необходимость для несомнительнаго рѣшенія вопроса созывать соборы ²⁾. Но эти партіи никогда въ своей дѣятельности не заходили за предѣлы приличій и легальности, а годы, употребленные на рѣшеніе тѣхъ или другихъ вопросовъ, лишь служили къ тому, чтобы такъ сказать исчерпать вопросы; если же споры иногда требовали собранія цѣлыхъ соборовъ, то это свидѣлствуетъ единственно о томъ, что тогда люди не хотѣли въ серьезныхъ вопросахъ довольствоваться частными мнѣніями, а желали имѣть успокоительное исполнѣ авторитетное рѣшеніе ихъ.

Была еще одна черта, которою опредѣлялось значеніе Византійскаго общества любителей духовнаго просвѣщенія для самихъ этихъ любителей. Одинъ изъ членовъ этого Византійскаго общества, объясняя причины, которыя заставляли его домогаться принятія въ члены такого общества, говорить: „одиночное изученіе наукъ, какое получается при по-

¹⁾ Киннама, кн. VI, гл. 2.

²⁾ Никит. Хоніата, VII, 5. Киннама, VI, 2. Maii. Nova collectio scriptorum veter. Tom. VI, p. 2. 4. (Synodus Constantinop.).

средствъ книгъ—будетъ ли оно не великомоему мнѣнію, походить на тѣлесный органъ еще души и только снабженный внѣшними чуткою, какой не хватаетъ одиночному изусту и считаетъ взаимное болѣе или менѣе успѣшеніе однихъ ученыхъ съ другими, сообщителей науки съ другими, научную взаимность такого сообщества, такой научной признательности дѣломъ весьма опаснымъ. „Мговоритъ онъ, какъ нѣкоторые изъ числанукой, вслѣдствіе жизни одиночной, необвершено отрѣшенной отъ того, что дѣлаетпрятупили свои душевные силы, заглушилидарованія и сдѣлались ни къ чему не способъ Григора, VIII, 8). Если бы цитируемжилъ въ наше время, онъ сказалъ бы пртакъ: любители науки и просвѣщенія длясебѣ научной энергіи и свѣжести нуждаюдружественномъ обмѣнѣ мыслей съ другимлицами и провѣркѣ своихъ научныхъ мнѣсвоихъ собратій.

Какъ извѣстно и наше Общество Любителей Просвѣщенія, не поставляя себѣ какихъ-либо задачъ, во всякомъ случаѣ имѣетъ вѣвать взаимному сближенію любителей духонія; содѣйствовать обмѣну мыслей междутельно оно стремится къ тому же, къ чемуобщество, которое было предметомъ нашейвательно, по крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи Любителей Духовнаго Просвѣщенія въ Москвѣ является наслѣдникомъ преданій такого жеобщества.

